

Лариса Шевченко

Любовь моя

Воспоминания

Книга шестая

Уважаемый читатель!

Чтобы лучше понять творчество Шевченко Л.Я., я рекомендую Вам прямо сейчас скачать первую книгу автора, «Надежда», по прямым ссылкам:

В формате fb2:

В формате epub:

В формате txt:

В формате doc:

Первая книга содержит историю ее детства, которая проливает свет на многие аспекты ее жизни, поэтому читать эту и последующие книги Ларисы Яковлевны будет интереснее, начав с самой первой.

Приятного чтения!

Во избежание возможных недоразумений хочу предупредить читателей: не стремитесь, пожалуйста, к ложным идентификациям, не ищите себя среди героев книги. Это художественное произведение.

От автора

В юности у меня было непрекращающееся состояние вдохновения. Возьму в любой момент ручку и бумагу — и не остановить восторженных или грустных строк. Теперь на творчество меня способна спровоцировать только музыка родной природы.

Боже мой! Как мила и умиротворяюще спокойна природа средней полосы России! Она не способствует и не потворствует агрессии, раздорам, войнам. Как тепло и радостно она ложится на сердце русскому человеку! Ее ширь вызывает к доброте, благодушию и мечтательности. Может, поэтому «душа моего народа всегда улыбается», хотя за улыбками часто стоит беспокойство и боль за свою страну. Невозможно из нас вытравить чувство любви к Родине. Оно с детства глубоко прорастает в наши души.

И мои запросы и эмоции таковы, что я могла состояться только в России. Родина — первопричина всего, что есть во мне. Она — моя любовь, моя вера, моя религия.

Любовь моя

1

— Лена, я читала твои книги, но мы слишком мало говорили о твоём увлечении, — прошептала Инна на ухо подруге.

Та вздрогнула и ответила сиплым спросонья голосом:

— Я же начала писать в тот год, когда ты вернулась от меня в родной город, так сказать, на место своей постоянной дислокации, а по телефону диспута не устроишь. Мне важно твоё прочтение, твоё понимание моего творчества, но сейчас далеко за полночь и я физически не способна к полемике, устала. Я уже никакая. Давай серьёзно побеседуем дня через два. Завтра нашему курсу предстоит торжественный форум с преподавателями в стенах родного университета, а потом ещё застолье допоздна на базе отдыха. Нам надо быть в хорошей «спортивной» форме, чтобы выдержать такой марафон. Я у Киры задержусь в гостях на целую неделю. Но ты же знаешь, что моё время в основном будет посвящено тебе. К тому же своим разговором мы Аню с Жанной можем разбудить.

— Ну что тебе стоит! Я совсем чуть-чуть тебя побеспокою. Понимаешь, наши девчонки в литературе дилетанты. Я с тобой как с профи хотела бы поговорить. Удели мне пять минут, ответь на несколько вопросов. Черти меня изнутри раздирают. Вот скажи мне, пожалуйста: когда ты про себя стала понимать, что ты писатель?

— В четырнадцать лет.

— Ты по причине обостренного чувства ответственности за учебу, работу и за детей поздно начала писать и, по сути дела, отложила любимое дело почти на сорок лет, упустив для созидания юность и молодость — периоды особой восприимчивости и творческого подъема? Ты слишком долго стояла на низком старте, прежде чем решилась одолеть стайерскую дистанцию. Помнишь Заболоцкого, «нет на свете печальней измены, чем измена себе самому». Разве все эти годы нереализованный талант не тяготел над тобой, не давил на мозги? Что-то мне подсказывает, что я не ошибаюсь.

Зная характер Инны, Лена прекрасно понимала, что пятью минутами она не обойдется, но отказать не смогла. «Все равно ведь не оставит в покое», — подумала она, поворачиваясь лицом к подруге.

— Прямо-таки талант, никак не меньше? А что такое талант?

— Сия тайна велика есть, — тихонько рассмеялась Инна.

— Я только начинаю поднимать голову и заявлять о себе. Я где-то еще на полпути... Тебе не хватает критического подхода конкретно к моим книгам. Ты пристрастна, потому что видишь мои способности через увеличительное стекло нашей дружбы, — сказала Лена со свойственной ей мягкой интонацией. — Конечно, мысли требовали выхода. Ведь глубинное желание получать удовольствие от хорошо сложенных строчек зародилось во мне еще в раннем детстве. Помню, в дошкольном детдоме, воспитательница объяснила, что звуки нашей речи — это колебания воздуха, волны. Я тогда сразу догадалась, что и музыка — это волны, непосредственно связанные с нашим организмом и Природой. И что стихи, и даже проза, тоже таинственный способ организации звуков и знаков, возникающий под влиянием неожиданных движений души человека. В зависимости от порядка слов предложение может зазвучать и засиять, а может и погаснуть. Этому пониманию я всецело обязана стихам Некрасова и музыке текстов русских народных сказок. А в школе я узнала о частоте колебаний, и что музыка — по Пифагору — это различное соотношение частот...

Но ты права, жизнь, к сожалению, так сложилась, что я не могла позволить себе начать писать раньше. Чувство ответственности тормозило развитие во мне творческого литературного процесса. Я хорошо помню, лет так с четырех, яркое восторженное состояние, возникающее в душе при появлении в голове стихотворных строчек. Тогда я еще не знала, что это называется вдохновением. А то, что оно на самом деле существует, я поняла лет в шесть. Как-то стала перерисовывать из газеты портрет

Ленина. И он очень похожий получился с первого раза. Я обрадовалась — буду художником! На другой день опять попробовала рисовать, но как ни старалась — ничего хорошего не вышло.

— И как же ты все-таки решилась взяться за исполнение мечты? Собиралась с духом всю жизнь, а ушла в писатели одним днем? «Летать, так летать!»

— Одной счастливой минутой. Спасибо случаю. Новый начальник оставил меня без подработок, на одну ставку «посадил», чем сам того не желая, поспособствовал осуществлению моей мечты. У меня появилось свободное время.

— Ты, «мягко говоря, но грубо выражаясь», никому не подражаешь? Мне кажется, твои книги не похожи на перепевы, пусть даже классиков. И в процессе взаимного опыления с современными писателями не участвуешь? — с подчеркнuto серьезным видом задала Инна следующие вопросы.

— Прекрасные встречи с великими произведениями прошлого, с биографиями незабвенных творцов — это как рукопожатия через века! Берешь в руки старинную книгу и будто чувствуешь некую сопричастность. — Лена будто впала в мечтательный анабиоз. Даже глаза прикрыла. —...Но важно то, что мы в себе сохранили от великих людей, задающих нам высокую планку.

А через несколько секунд Лена сказала с улыбкой:

— С «пионерской» прямоотой отвечу, даже скажу крамольную вещь: в стихатах — было дело, подражала. Разве не помнишь? В школе мне нравилось сочинять «под кого-то» и при этом чувствовать себя умной, хотя на самом деле уже понимала примитивность своих виршей. Но в прозе — никогда не пыталась. В ней я всегда выражаю себя и слушаю только свой собственный голос. Сначала гонялась за выразительностью текста, а не за полнотой смысла, потом предпочтения поменялись. Наугад шла за своим сердцем. Жаль, что почти ничего в памяти не сохранилось от тех восторженных лет. Да и все, что записывалось на бумаге, утрачено, бесследно исчезло в деревне за годы моей учебы в университете. — Лена вздохнула. — Из детства вспомнилось. Читала я «Дон Жуана» Байрона. И неожиданно меня обидно поразило его сходство со стихами Пушкина в «Каменном госте». Меня как трехметровой морской волной окатило: «Он подражал Байрону?!» В первый момент была потрясена неожиданным «открытием». Кровь отлила от лица. В недоумении застыла. Я была придавлена тяжестью невероятно неприятной мысли. «Такое невозможно, это какая-то ошибка!» — молотком бухало в моем мозгу. Масса совершенно новых мыслей больно распирала мою голову, а в онемевшей груди метался сумасшедший ураган не находивших выхода горьких чувств. Мне хотелось, чтобы этой книги не существовало: «Я ее не видела, не читала. Ее нет и не было!» И я заплакала. Долго приходила в себя, лежа на своем любимом черном дерматиновом диване.

Когда нервная вспышка погасла, я смогла здраво рассуждать. Мне было десять лет, и я уже понимала, что это перевод с английского похож на стихи нашего великого поэта, и что переводчик мог подражать Александру Сергеевичу, тем более что у Пушкина была своя, отличная от Байроновской, версия поэмы. Мелькнула мысль: «А вдруг он сам перевел «Дон Жуана», ведь Байрон жил раньше». И закрутилось, завертелось в голове...

Я искала оправдания своему ревнивому испугу. И, конечно же, нашла. Дуреха. Но все равно некоторое время переживала: «Как я могла даже подумать такое?! Я, глупая, позволила себе покуситься на святое?» Собственно, я не думала нападать. Сознание подкинуло мне эту загадку, а разум ее разгадал. Каких только глупых и умных задач мы не решали в детстве!

— Ты испытываешь в той или иной степени влияние на свое творчество каких-нибудь конкретных писателей? Из-за них ты не теряешь собственную природную стилистическую независимость?

— Влияние неизбежно. Человек живет не в вакууме. Ты, когда разговариваешь, разве не замечаешь в своей речи каких-либо строк из литературных произведений? Ты непроизвольно являешь новые, неожиданные мысли, синтезируемые мозгом, сформированные общим состоянием твоего культурного уровня, фактически тем,

что соизволила впитать твоя память, твоя личность. А она много чего хорошего получила. Ведь художественных книг в детстве ты прочитала на порядок больше, чем смогла позволить себе я. Меня нельзя было назвать не по возрасту начитанной. Работа по хозяйству занимала почти все мое свободное время. И из школьных уроков литературы я мало что вынесла, — усмехнулась Лена, вспомнив своего недобросовестного учителя.

— И это не аукнулось в твоём сочинительстве самым жесточайшим образом? Только у писателей, ознакомленных с шедеврами мировой литературы, возникают произведения с идеальным соотношением результатов наследия и новаторства. Разве тебе не требовалось восполнить пробелы? Так сказать, «привить классическую розу к дичку». Начать с древних фолиантов и расти, расти до уровня небес... Наверное, любое стоящее произведение прошлого расширяет границы интеллекта. Есть тут над чем призадуматься? И это при том, что ты у нас стихийно одаренная самоучка! — скорчив хитренькую рожицу, прошептала Инна. — Допустим, о любви написано много прекрасного. Это же вечная тема! Но любые истории о ней всегда будут интересными и особенными. Например, написать бы о том, что иногда сердце человека разрывается на части, а ему хорошо! Он на небе от счастья... И тем обогатить литературу. Можно ничего не читать о любви и создать что-то совсем уж гениальное. Но, наверное, лучше бы всё о ней знать, чтобы заново не изобрести велосипед?

Лену не тронула шпилька подруги. Она спокойно ответила:

— Ты права. Ощущаю недостаток знаний. Мне бы впитать весь серебряный век, познать истоки словесности. Но мой шеф в НИИ говорил: «Ваши книги для школьников не отягощены классическим наследием и не перегружены избитыми литературными ассоциациями. Но от этого они не стали хуже. Напротив, в них видна индивидуальность автора, потому что вы писали, полагаясь только на свое чутье и на свой жизненный опыт. Они ниоткуда не слизаны и не перелицованы».

— И с тех пор всё твоё творчество подчинено...

— Я думаю, что качество моих произведений для детей мало зависело от количества прочитанного мною в детстве. Помню, первые книги как-то быстро «встали на ноги». Они шли не от ума, а от концентрации чувств. А вот для взрослых...

Инна не дала Лене окончить свою мысль.

— Та, первая — эмоционально насыщенная, сокровенная книга-исповедь, которой ты сдала экзамен на художественную зрелость, — полностью твоё детство, твоя судьба? Приоткрой карты. В ней простые и выятные трагедии детей. Она написана сердцем. Мелодрама — трудный жанр. Там всегда всё на грани.

— Это не мелодрама. У меня не было необходимости укрупнять характеры героев, делать их выпуклыми. Да, трагедии детей, но и просветы есть. Не надо бояться правды, закрываться от нее, рассматривать сквозь светофильтры, — сухо заметила Лена.

Инна мгновенно переключилась:

— Хорошо, что это исповедь, а не проповедь. Я читала и видела в главном персонаже только тебя — маленькую девочку с глазами взрослой несчастливой женщины. В этой книге через свой образ ты позволила себе провести мысль о том, что принесла детям война. Ты соединила в себе...

— Главный герой там мальчишка, — напомнила Лена, осторожно прервав бурные эмоции подруги.

— Печальный, но не депрессивный дебют. Вещь замечательная по своей искренности, правдивости и силе убеждения. Это не просто зарисовки жизненных ситуаций в подчеркнута реалистической манере, это открытый вызов войне. Ты даже тонкие нити вымысла в нее не вплетала?

— Иначе я боялась бы сфальшивить.

— Твоя первая книга — манифест, твоё творческое кредо. Это мощное, этапное произведение! Тебе удалось выйти из непревзойденной зоны его влияния, и за ним

покатился «марафон» новых книг. Полные обложки... Материал требовал выхода. Ты не могла остановиться. Они не вторят, а углубляют и расширяют тему. В них дети идут по жизни с широко открытыми глазами и распахнутыми к добру сердцами. А от зла они прячутся «во внутреннюю эмиграцию» своих мечтаний, скрываются за скорлупой безразличия. Вся композиция твоих книг построена на воззвании к любви в Мире и в семьях. Ошеломительное, непередаваемое впечатление! Как прищлись по душе! Они мне бесконечно дороги. Твое визуальное Слово ждет человечество! Познавая себя, ты открываешь других? Правильно говорят, что если дано, с неба все равно упадет... И не надо ломиться в закрытую дверь, биться головой о стену, рыдать в подушку.

Лена усмехнулась и спокойно ответила:

— Ты чересчур восторженная. Самопознание важно. Помнишь дневники Толстого? В них откровенная беспощадная оценка своих поступков и, главное, своих чувств. Без глубочайшего погружения в себя не было бы его литературных шедевров.

— «Великие исключения всегда остаются великими исключениями?» — засомневалась Инна. — А что сама создала шедевр, так и не поняла? Неосознание масштаба своей личности — это неправильно. Понимаю, ты человек мучающийся, мятущийся, рвущий себя. «Украшен разум скромностью обычно, и добротой украшено величье». Это о тебе. Ты не хочешь быть в центре «мироздания»? Браво! Снимаю шляпу.

— Шутишь? Я принадлежу только самой себе.

— Счастливая зависимость. Вся твоя психика направлена на творчество. Ты прекрасно пишешь, потому что у тебя достаточно широты, доброты и таланта, чтобы понять и принять людей на тебя не похожих. Тебе интересна внутренняя жизнь каждого человека.

— Ты права. Я выражаю чувства, а не события. Но это не просто поток настроений, а целенаправленное исследование.

— У тебя простые слова, но сложные мысли. Совершенство в простоте.

— Это качество желательно иметь каждому писателю, особенно детскому. Я его только-только начинаю в себе развивать.

— Но как же: «Талант зависит от личности самого автора»? А я бы хотела создать произведение радости и счастья! Написать нечто такое, что затмило бы всё ранее об этом написанное. Но не дано. Чего-то во мне для этого не хватает. Да и личная жизнь приносит одни разочарования. Какое уж там счастье? Правда, существуют разные виды счастья, и по качеству они отличаются...

Мне кажется, чтобы видеть дальше и глубже, надо убрать в себе все лишнее, наносное: шаблоны, стереотипы; освободить себя от архаичных форм и слов. Мне по душе высокопарная фраза Родена: «Выжечь искру и сгореть в пламени своих творений». И ты горишь. Предназначение писателя — извлечь заключенную в слова истину и красоту. У тебя это получается. Остается разрешить вопрос: «Как далеко можно заходить в поисках правды, чтобы не подавить читателей своей откровенностью?» «Не надо полностью обнажаться там, где достаточно снять шляпу?» (Инна всерьез мечтала о писательстве?)

— Глядя на тебя, я думаю: «Кто есть для писателей хороший читатель? В кого мы его превращаем? В соавтора своих впечатлений? Он тоже сочиняет в голове свой сюжет, а не только идет за волей автора?» Степень читательской свободы намного выше, потому что не только писатель, но и он сам под впечатлением прочитанного вызывает себя на откровенность. И в этом проявляется уже его собственный художественный вкус, интуиция и выбор, и он, часто не замечая того за собой, находит свой голос. И тогда ему требуется понимающий его собеседник — умный, интересный. И читатель целенаправленно ищет такого.

Инна не поняла: шутит Лена или всерьез говорит, но согласилась:

— И я себя так позиционирую. В твоих книгах для детей запах, вкус и цвет жизни — согласны и едины.

— Согласованы. Мне важно и приятно менять восприятие читателя по множеству причин не готового к этому.

— Наверное, у некоторых читателей бывает пассивное восприятие чужих эмоций? — Своим вопросом Инна наталкивала Лену на ей интересную проблему.

— Да, уровень погруженности в произведение у всех разный, — ответила та, но не пожелала отвлекаться от выбранного направления разговора.

Но Инна остановила ее и упрямо повела свою линию.

— Не всем дано считывать замыслы, которые авторы закладывают в сюжеты. Каждый читатель снимает с полки ту книгу, до которой «дотягивается», — пошутила она. — Лично у меня при чтении включаются все чувства восприятия.

— Запахи ощущаешь? Это так редко бывает! Запахи оказывают сильнейшее влияние на пробуждение чувств и мыслей, если автору удастся перевести их на вербальный язык, облечь в слова. Но несовершенство языка в основном позволяет их описывать только методом сравнения с общепринятыми эталонами.

— Эпитетов не хватает? Смеёшься? Во мне при чтении хорошей книги возникают не открытые эмоции, а что-то типа внутреннего напряжения, когда работают самые низкие потаенные басы души, когда перестаешь ориентироваться в пространстве настоящего. Я вся там... Я — сама персонаж, образ! Я переживаю за героя и одновременно за что-то своё. Я участвую в нем духовно, душевно и телесно и получаю немислимое наслаждение. Именно в таком состоянии я нахожу собственный путь, свое мнение, в котором и радость, и печаль. И тогда сопереживаю уже не только главным персонажам, но и второстепенным, и даже себе самой. И все это идет в одну общую копилку моих чувств.

— Все судьбы в один котел. И они уже едины и не мимолетны. Ты сама для себя раздвигаешь пространство произведения и становишься рядом с его героями.

— И тогда для меня важны не только слова, но и пунктуация. Иногда я реально ощущаю энергию, идущую от твоих книг. Это что-то мистическое, выходящее за пределы нашего знания... Мне кажется, именно такое следование за мыслью автора, и есть главное его понимание. Предвосхищая твоё возражение, объясню...

— Я тебя хорошо понимаю. Ты до сих пор так читаешь? Счастливая! Я рада за тебя. Вот у кого надо учиться быть настоящим читателем! Писатель не существует без читателя, но путь к нему так непрост.

Конкуренцию книгам сейчас успешно создают телевидение и интернет, и сам ритм жизни отодвигает чтение на второй план. С другой стороны, современные технологии позволяют выразить себя абсолютно любому желающему. Для этого достаточно регулярно публиковать в интернет свои мысли или снимать видео. Подобных желающих находится очень много. В таком многообразии читателю трудно ориентироваться. Ему очень сложно понять, на чтение именно какой книги стоит потратить свое порой бесценное свободное время, — пожаловалась Лена, похоже, собираясь закончить беседу.

Но Аня, оказывается, не спала и попыталась вклиниться в разговор подруг со своим непониманием:

— Материальное тело — тут всё ясно. Душа — это психика, она, по Гегелю, есть «солнечная пылинка». В ней и свет, и тьма, и истина. А как ты думаешь, что есть нерукотворный дух пронизывающий все сознательные существа?

Но Инна, к немалому Аниному огорчению, напористо продолжила свой монолог:

— Из меня, например, тоже часто выскакивают интересные фразы, но я боюсь, что написанное мной не окажется настоящим открытием и не останется в веках... или хотя бы в памяти близких. Критики не захотят из моих «шедевров» выщипывать беспримерные перлы и отправлять их «в народ». Они не станут наполнять ими духовную сокровищницу нашей литературы. Ну, если только отдадут на откуп СМИ. А каждому человеку хочется чем-то проявить себя на земле, чтобы не исчезнуть бесследно.

— Тебе легче, — заметила Лена, отлично понимая иронию подруги и ее неуверенность в себе.

— В противном случае честные критики быстро вскружили бы мне голову. Только ведь люди всегда субъективны, поэтому и в этом деле не избежать несправедливости. Но критики формируют общественное мнение. Они — рупор! А иногда и цепи на галереях романов. Их одобрение фиксирует произведения, которые остаются в истории! Мне кажется, что мужчины — критики произведений для детей — должны включать не только голову, но и чувства, иначе они сердцем не попадут в пространство чувств ребенка и женщины. Я не совсем доверяю конкурсным комиссиям, состоящим из одних мужчин. На мой взгляд, это некий перекосяк. Женщины там более уместны. Они обладают и рациональностью, и иррациональностью, и чуткостью ума. Ты замечала, что мужчины и женщины читают одно и то же произведение по-разному? И выводы у них часто не совпадают. И к тому же мужчины лоббируют произведения мужчин. Я больше всего ценю свободное мнение специалистов, на которых никто не давит.

А вообще-то мои слова часто опережают мои мысли, — строго осудила себя Инна и тут же рассмеялась, вспомнив что-то веселое.

«То об одном, то о другом говорит. То творчество ее волнует, то премии. Ну и перепады. Борется со своим темпераментом или считает, что он добавляет ей шарма?» — подумала Жанна, выйдя из дремы и окунувшись в рассуждения Инны.

— Ты многое подмечаешь, у тебя свой особенный взгляд на вещи. Я ценю твои замечания. Они очень хорошо ложатся на органику и фактуру некоторых моих не очень удачных героев, дополняя, исправляя мои огрехи, — серьезно сказала Лена. Ей не хотелось касаться вопроса критики.

— У меня зрение, а у тебя видение, — весело отреагировала Инна. Она с удовольствием сделала подруге комплимент.

— Твои фразы стоит записывать, они бывают очень даже интересные.

— Что ни слово, то «брильянт», концентрация невиданной силы радостей, страданий и осмыслений! Сама себе завидую. Мой мозг на самом деле иногда неплохо срабатывает! Он способен на прекрасные неожиданные решения, — с легкой усмешкой сказала Инна, тем не менее, просияв от Лениной и собственной похвалы.

— А писатель-наставник у тебя был? Тот, который прямо или косвенно влиял на твоё творчество? — продолжила «пытать» Лену теперь уже Аня.

— Хотелось бы сказать, что были учителя — подарки Бога. С детства я вынашивала мечту реально войти в круг прямого общения со знаменитыми писателями. Да и позже. Но не встретился «поэтический провокатор», способный раскрутить меня, ничего не умеющую, но сильно чувствующую, который научил бы вытаскивать меня «из себя же самой»; такой, чтобы подсказал, подправил, поддержал в моменты горькой безнадежности, чем облегчил бы мне задачу вхождения в литературу. Да еще если бы он сделал это в годы моей юности.

— Мне кажется, таланты появляются непредсказуемо, независимо от места рождения и условий жизни. Они результат случайного генного сочетания, — сказала Аня.

— Пушкиных рожают не только гены, но и окружение. Лена, тебя бы с детства отправить в «высококультурную питательную» среду, а не в наш колхозный хлеб. Ты бы, наверное, еще поэтичнее повествовала о родном крае, о хороших людях. Мне кажется, настоящее искусство может быть создано только в окружении прекрасного, а вон оно окажется и проявится или внутри человека — это кому как повезет. Хотелось бы и того и другого. Ты еще в детстве понимала, что рождена нести людям доброту и красоту? — спросила Инна подругу.

— Похоже, что так. А несую грусть, — усмехнулась Лена.

— Но не тоску.

— Меня жизнь «приговорила» к написанию таких книг.

— Певец Николай Носков тоже поет только грустные, надрывающие сердце песни. И что из того?

Не представляю себе Лермонтова, пишущего что-то типа «Денискиных рассказов», — заметила Аня.

— В твоей жизни грустного материала было много больше, чем радостного. Чаще позволяй себе быть счастливой, тогда и появятся веселые произведения, — уверенно сказала Инна. — Акцентируй свое внимание на красоту. Ты же талантливая.

— В следующий раз, — с улыбкой ответила Лена.

— В следующей жизни? — усмехнулась Инна.

— Писателю дается чувство слова. Он пишет на языке подсознания, — сказала Инна.

— Герои диктуют язык произведения, — не согласилась Аня.

— Писатель может услышать мелодию своей эпохи, предвидеть будущее и еще много-много чего хорошего, — после некоторой паузы, глядя в потолок, мечтательно произнесла Инна. — И все же он всегда продукт своего времени.

— Хорошие данные важны в любой профессии, — заметила Лена.

— Нет, писателю требуется особое покровительство небес! Кто-то свыше должен быть к нему расположен. Писатель обязан так кодировать свои мысли, чтобы его понимали другие, но не все, а только те, которые совпадают с ним ритмом сердца, — заявила Инна. — Твое творчество чем-то схоже с Ритиным?

— Где она и где я? У нее удивительная способность писать, не обнаруживая в произведении свое присутствие. Это говорит об ее уме и профессионализме. А я в книгах о подростках говорю от своего имени, от первого лица. Наверное, это была только первая ступень в моем творчестве. Но мне казалось, что так произведение будет выглядеть достовернее.

— Толстой тоже себя преподносил.

— Но не напрямую же, — отвергла мнение Инны Аня.

— Его романы сплошь автобиографические, они — самопиар в лучшем виде. Богатая собственная жизнь — золотиносная жила для писателя, — сказала Инна.

— Но у Толстого был огромный люфт между его собственной жизнью и провозглашаемыми идеями. А Чехов себя не выставлял, а если и говорил о себе, то как-то иносказательно. И тогда значительность его героя возрастала. Он только выводы из своей жизни вносил в произведения. Они чувствуются и в подоплеках, и в подтексте, — опять вступила в разговор со своим мнением Аня. — То, как писатель трактует своего героя, о многом в нем самом говорит. Чехов-врач и в своих рассказах беспощадный диагност. Но он умел «закрывать», и мы не видим прямой связи с его биографией.

— В героях Чехова все равно многое от его психотипа. А как иначе? — заметила Жанна.

— А еще он все письма сохранял для потомков и биографов. Вот они-то его четко характеризуют.

— Не комкал, не выбрасывал как ты, Лена. — Инна рассмеялась. — Читая переписку, представляешь писателя совершенно другим человеком. Там он в чистом виде. В письмах об авторе можно такое накопать!

— Не в ущерб вышесказанному добавлю: чтобы глубоко заглянуть в Чехова, надо быть прекрасным психологом. Недаром о нем говорил Станиславский, его горячий поклонник: «Чехов неуловим для многих. Он неисчерпаем», — поделилась своей эрудицией Жанна.

— Не помню, кто так хорошо высказался о наших великих писателях: «Достоевский —

Дон Кихот русской литературы, Чехов — ее Гамлет», — не уступила ей в познаниях Аня.

— Многие писатели были врачами. Они ставили диагнозы эпохе, обществу и отдельным людям. И среди инженеров случались талантливые провидцы, — напомнила Жанна.

Лена, поняв, что остановить беседу ей не удастся, вернулась к началу их с Инной разговора.

— Рита, по ее собственному признанию, напрямую не навязывает свое мнение, а транслирует его через своих героев, но не концентрированно, в пределах разумного, так как считает, что перебор во всем вреден. И наши с нею техники и стилистики не имеют ничего общего. Но то, что мы обе бывшие детдомовцы, дает о себе знать в наших книгах.

— Понятное дело: У вас боль проистекает из подобных источников и обостренное чувство лишенности заставляет фокусироваться на определенном типе героев, но каждая из вас по-своему доносит до читателей память тех трудных лет и судьбы друзей. У каждой свой свободный полет души. Всегда найдутся писатели, делящиеся радостью бытия и достижениями. А некоторые, и ты в их числе, пишут о боли, потому что свои и чужие детдомовские психологические травмы держат вас в тисках всю жизнь. Потому-то не все детские книжки — сладкие витамины. Мне вспомнилась шутка сценариста-юмориста Иннина: «Если бы Лев Толстой жил в коммунальной квартире, он стал бы Салтыковым-Щедринным». Бытие определяет сознание. Вот поэтому марксизм за сто лет изменил мир сильнее, чем христианство за две тысячи, — усмехнулась Инна.

— Вы с Ритой повествуете о том, что тревожит сердца женщин всего мира. И это далеко не мелкотемье! Орлы не ловят мух. О себе — не волнуйтесь — мужчины сами возвестят. И все же почему ты сначала взялась писать о детях? — спросила Аня.

— Потому что самые крупные события в стране прошли до моего рождения: революция, гражданская и Великая Отечественная войны. День Победы я в младенчестве застала. И моя молодость пришлось на довольно спокойные годы. Нашему поколению достался не самый трудный период в жизни страны. Вот поэтому я сочла наиболее важным для себя — пытаться влиять на воспитание подрастающего поколения.

— Ты, как главный герой романа «Над пропастью во ржи» хочешь спасти детей, которые еще не испорчены этим миром, потому что в детстве тебе некому было помочь?

— Да.

— В книгах для подростков ты прекрасно и много описывала природу. Теперь, когда ты творишь для взрослых, она для тебя не актуальна? — спросила Инна.

— Сейчас я в большей мере направляю свой взгляд на человека, на его психологические проблемы.

— Язык автора, наверное, определяется природой его таланта и тем, к чему он призван свыше? — задала вопрос Жанна.

— Насчет «свыше» — не знаю. Но иногда краски сами ложатся не так, как ожидаю, более интересно. Я подхватываю эту новую манеру и использую дальше. Я будто работаю не одна, а по чьей-то подсказке. Но такое случается только в периоды вдохновения. В творчестве есть много чего мистического.

Своих читателей я беру правдой, у меня всё от первой до последней строчки — из жизни. Мне важен замысел, но без эмоционального оформления он притухает или совсем гаснет, вот я и вкладываю в него свою душу.

— А я читаю душой, сердцем, кожей, позвоночником! Во время чтения я плачу, смеюсь и чувствую, что душа моя еще жива! — радостно высказалась Инна.

— Я пишу по причине глубокой подлинной внутренней потребности и так, как сердце того просит. Но вот откуда она?..

— Говорят, делай то, что нравится, и будешь счастлив, — сказала Жанна.

— А Рита помимо таланта владеет серьезными знаниями в области теории литературы. Она много работает со словом.

— Ну как же! За каждым словом — целый лингвистический мир, — понимающе кивнула Инна.

— Рита, пожалуй, несравнимо превосходит меня в построении фразы. Но не в донесении смысла. Она не любит писать истинно реалистично, в ее рассказах много фантазмагории. Я бы сказала так: ее проза реальна, но не совсем реалистична. И это при том, что сама она не витает в облаках, твердо стоит на ногах. Ее повествование управляется не фантазмагорией, а ролью героев. Рита говорит, что роман по природе своей — выдумка, и что сочиненные ею люди, всегда интересней тех, которых она видит вокруг себя. Она исходит из своих умозрительных представлений, на самом деле не побывав ни в одной из описанных ситуаций. Наверное, это тоже ее плюс, тем более, что этим методом, она, как бы попала в струю современных литературных течений.

— А твоё изображение действительности гораздо реальнее самой действительности, — пошутила Инна. — Помнится, твоё мышление даже в рисунках не могло посягать на абстрактное искусство, когда мы в шестидесятых по собственной инициативе расписывали строительными масляными красками стены и крыши домиков в спортивном студенческом лагере. Свой домик ты погрузила в пучину морскую, населила акулами, дельфинами и прочей живностью, а я изоцрялась в изображении немислимых абракадабр, предшественников граффити.

— Лена, вы приятельствуете с Ритой, хотя говорите на разных языках? Вы обе видите внутренний абсурд каждой ситуации, но Рита уходит в проблему «кто?», а тебе важнее «как?» и «почему»? В поддавки не играешь. Когда тебя что-то мучает, ты просто здорово переносишь это на бумагу. В твоих книгах конкретное писательское «свидетельство жизни». Ты — камертон реальности. Правда жизни, концепция боли и переживаний, чтобы найти отзвук в сердцах читателей — это хорошо, потому что события они твоими глазами будут видеть. Я с детства замечала, что в книжках часто всё не так, как в жизни на самом деле, многое приукрашено, особенно, когда описывалась сельская жизнь. И это мне не нравилось. Даже у Гайдара. Он погружал нас в будто бы счастливое советское сталинское детство. А ведь правда дает человеку свободу. Наверное, многое у него было скрыто между строк? — спросила Аня.

Она, оказывается, не заснула, а лишь слегка побарахталась на мелководье дремоты.

— Не придумывай того, чего не было, — возмутилась Жанна.

— Тебе принадлежит монополия на правду? Гайдара тоже притесняли, пытались отлучить от литературы, его книги из библиотек изымали. Забыла? — удивилась Аня. — И все же я не люблю читать про совсем уж темную, злую, неприглядную жизнь. Я устаю от нее. Читаю, чувствую, что не хочу больше... наступает переполнение... Нравится узнавать про добрую, в крайнем случае, про грустную.

— Чтобы эмоции не зашкаливали, чтобы помнила кто ты и где ты? Чтобы не «сдвинуться по фазе»? А то вдруг как шарахнет по мозгам собственное открытие себя! — шуткой продолжила Жанна Анину мысль. — Советую: если чувствуешь, что содержание невыносимо травмирует — отложи книгу.

— Так ведь притягивает.

— А у Лены минорность одних рассказов перекрывается мажорностью других! — как спичка вспыхнула Инна. Ее раздражало вторжение подруг в их с Леной душевный разговор.

— Рисовать характеры героев черно-белыми красками, без полутонов не стоит. Излишняя откровенность и резкость убивают. Злоупотребив ими, можно такого натворить! Говорить правду — святая обязанность каждого художника. Но важно, как ее подаешь. Правду приходится дозировать. Особенно для детей. Литература не только сопереживанию должна учить, но и пробуждать в душе желание радоваться. Такая вот, казалось бы, противоречивая задача для моей грустной темы. Сначала в ребенке надо

зародить любопытство к героям книги, затем сочувствие. Только после этого может возникнуть симпатия. И последовательность событий в детских книгах должна соблюдаться. Я рискую надоесть вам своими разъяснениями.

Хотела Лена того или нет, но тон ее слов прозвучал, как нежелание вовлекать в беседу новые лица. Может, она намеревалась поскорее ее завершить или просто боялась окончательно растормозить совсем уж было уснувших подруг?

— Я отпадаю! Ты же у нас поэт сострадания! Тебе важно, что и как ты доносишь людям. Тебя с Ритой роднит некоторая внутренняя похожесть, но мозги у вас по-разному структурированы. Ваши биополя, наверное, различаются размерами, поляризацией и степенью концентрации. Ты мне близка, а мистическая сторона Ритино творчества для меня остается загадкой. Когда я ее читаю, многое как-то расплывается, уходит куда-то... — недоумевая, пожала плечами Инна.

— Настоящей прозу делает не только рациональное, но и иррациональное, — заметила Лена. — Второе я использую редко и точно, но полностью щель между ними не законопачиваю.

— А еще прозу выстраивает реальная сила воздействия слова, — добавила Жанна серьезно.

— И новизна, — подсказала Аня.

— Авангардом читателей пускай пичкают другие, — сказала Лена с улыбкой. И тут же уточнила:

— В основе любого авангарда тоже должно лежать классическое искусство.

— Авангард обычно начинается со скандала. Он, предлагая что-то новое, конструирует свою «вселенную». Потом, как и в любом искусстве, наступает кризис — это закон любого развития, — который открывает дорогу новым направлениям, иным взглядам. И они не всегда лучше ушедших «со сцены», вспомни современные инсталляции. А из всего уже созданного время выбирает шедевры. Они-то и остаются в культуре и передаются из поколения в поколение, — благодушно промурлыкала Инна. Ей нравилось, как разворачивалась их с Леной беседа.

— Знаешь, у меня все больше зарисовки, эссе. Люблю наблюдать, подмечать, изучать лица, характеры, ситуации. Это моя зона комфорта.

— Ты же физик. Для тебя собирание фактов и их оценка — привычное дело. И в этом особенность твоей прозы, — оценила Инна слова подруги.

— У меня иногда случаются маленькие печальные комедии-моменты. Ты же знаешь, мы — русские — в своей наивной доброте иногда доходим до глупости. Есть над чем посмеяться. Еще пишу об инфантилизме, о девальвации чувств и обесценивании семейных отношений. Беспокоит меня их деградация. Не позволяет совесть пройти мимо этой темы. Сейчас в мире дефицит доброты. Потрясает не только жестокость, но и бездушие, безразличие.

— Их причина — материальная и душевная сытость или отсутствие глубины души как результата плохого воспитания? — спросила Инна.

— У нас материальной сытости для основной массы народа пока вроде бы не из чего произрастать, — заметила Лена. — Я нащупываю доступные средства выражения своего отношения ко всему этому перестроечному безобразию. Проблем много, но они разрешимы. Материальное — не главное, меня духовное беспокоит. По сути дела каждое мое произведение, о чем бы я ни писала, — глава одного целого...

Инна прервала подругу:

— А я думала, что девяностые годы для современных писателей — любимая мишень. Свежий материал, не из затхлых полусгнивших залежей прошлого! Объяснить, почему путч не достиг своей цели и мог ли в принципе? Рассказать, как силовики, начиная с «верхов», «пирог» российский кромсали, деля этим общество на богатых и бедных. И чтобы не поэтизировали это жестокое время. Чем не тема?

— Важная, — согласилась Лена. — Но она для мужчин. А у меня размышления о природе человека, о трансформации его чувств, об исключении различных форм неравенства между полами. В эпицентре моих произведений всегда женщина, мужчина и ребенок. Семья. А в книгах для взрослых — женщины даже в большей степени. Они у меня на первых ролях, основные персонажи, а мужчины как бы «вписаны» между ними.

— Отводишь главное место? Какое же это семейное полотно, если родители в нем представлены не в равных долях? — возмутилась Жанна.

— Все как в жизни. Но если они соответствуют друг другу, я их не обижаю, — улыбнулась Лена.

— Вожделенный объект исследования! Кто решает мировые проблемы, а кто распутывает клубки человеческих судеб. Не есть ли это скатывание в малые дела? Может, и нам уделишь своего высочайшего внимания? — в своей обычной ироничной манере спросила Инна.

— Почему бы и нет. Я ищу своих героев, как выражаются художники, на натуре. Простые люди составляют фактуру окружающей нас жизни, ее питательную среду, и я пытаюсь выявить наличие близости между ними или причины разрушения, непонимания, отчуждения и одиночества. Как говорится, всё то, что творится за моими окнами, мистически и творчески перемалываясь и преобразовываясь в голове, «переселяется» в произведения. И тут уж я отвечаю за устремления своих персонажей, презреваю природу их зла, ненависти, никчемности, исследую причины бунта и агрессии или наоборот ищу в них что-то позитивное.

— Отстаиваешь немудреную «человечность» в среднестатистических российских семьях, в которых кипят шекспировские страсти? Ха! Редкое попадание в новую тему. И в этом есть поэтическое мужество? — пожала плечами Инна.

— Обыкновенный, «маленький» человек, как принято говорить в литературе, иной раз являет такой мощный характер! Изучая людей, я больше понимаю себя. Я как бы и на себя смотрю со стороны, сравниваю, оцениваю, делаю выводы. Да, у меня реализм, обыкновенность и обостренный интерес к личности человека. Сейчас в литературе больше фантазируют, придумывают, а люди живут, работают, страдают. Они создают жизнь на земле, посвящают себя науке, искусству, детям и стоят, чтобы о них писали. Кто-то должен противопоставить культу силы, денег и подлости силу духа простого современного гражданина.

— «Маленький» человек, «малый жанр». Волшебное ощущение — дирижировать жизнью своих героев! Мне кажется, вы с Ритой впервые в литературе так жестко и резко обозначили проблемы семьи, неверности, неуважения к женщине, к ее домашнему труду. Вы заявили: «Посмотрите, с этим надо что-то делать!» Вроде бы об одном говорите, но как по-разному и многопланово. Я читала, что известный критик и философ Павел Басинский тоже размышляет на эту тему.

— Эти проблемы периодически всплывали в разные времена и в разных странах. Вспомни «Нору» Ибсена. Она о трагедии женщины в семье. Просто в период перестройки многие проблемы у нас несколько обострились, а некоторые вышли на первый план, — ответила Лена Инне и заговорила о другом:

— Для меня очень важно беседовать с читателями после прочтения ими моих книг, особенно детских. Чувствую, если всколыхнули, задели. Читая, люди меняются. Они сами об этом мне рассказывают, примеры приводят. И я вместе с ними выхожу на другой уровень художественного осмысления жизни. Во всяком случае, мне приятно так думать. Но я не знаю, надолго ли им хватает этого заряда?..

А в моих коротких заметках отдельные мысли, повседневные наблюдения, философствования на разные темы. Они тоже составляют часть моего мира.

— Ну как же, «проза, поэзия и философия находятся на трех соседних вершинах!» — привычно, чуть насмешливо хмыкнула Инна.

— Ты знаешь, мне требуются вдумчивые отзывчивые читатели. Они добавляют мне

оптимизма.

Инна снова прервала Лену. Ей куда больше нравилось говорить самой, чем кого-то слушать. А в данном случае приоритет был на стороне Лены.

— Читатели типа меня? Которые способны открывать в твоих произведениях всё новые и новые оттенки чувств и истинную глубину? Только вот массового читателя философствованием не завоеешь.

— Я пробовала себя в разных жанрах. Не все мне подвластно. Персонажи мои менее романтические, чем у Риты. Наверное, такие они мне ближе и понятнее. Я не рву рубашку на груди, мягко, спокойно говорю о многом, не без «глобальных» обобщений, конечно. Душу выкладываю осторожно.

— Знаю, изображаешь деликатно, выразительно, не скатываясь в пошлость. Детское пишешь, чтобы заново пережить давно ушедшее детство или излечиться от него? Взрослое, — чтобы изгнать из себя тоску последних лет или поддержать интерес к своей личности? Без цели? Руководствуешься своими представлениями об удовольствии? Чтобы быть чем-то увлеченной или просто во что-то вовлеченной? Твои книги — место свободного обмена мнениями, где можно «найти» правду чуть-чуть разминувшись во времени? Какие пути в голове проходят впечатления, чтобы через десятилетия стать образами, чтобы всё написанное дышало детством, счастьем? И всего-то двумя-тремя штрихами... — забросала Инна подругу откровенными, чуть ироничными вопросами.

— Писать для меня на самом деле прихоть, удовольствие, потребность и жизненная необходимость. Я потворствую своему желанию, позволяю сбыться моей мечте. И это совсем не похоже на работу. Книги для подростков не написаны старанием разума, они как бы случились... Они не результат труда, а данность. Наверное, потому, что родина детского писателя — его детство. Я писала словно в состоянии экстаза, на одном дыхании. У меня было нескончаемое вдохновение. Как когда-то, в далеком школьном детстве. А написанное под влиянием вдохновения, почти не требуется редактировать. Слова в это время являются самые верные и яркие. Мысли неудержимо рвались из меня с какой-то настоятельной требовательностью. У меня, пока я их писала, было изумительное ощущение полета!

— И тебе казалось, что этот полет будет продолжаться вечно! И вдохновенье больше не покинет тебя.

— Я словно бы разговаривала сама с собой, с тем ребенком, который еще был жив внутри меня. Ты же знаешь, я очень рано повзрослела, намного опередив свой возраст. Может, поэтому мне так хотелось хотя бы в книгах еще немного побыть ребенком? — шутливо добавила Лена. — И еще был неожиданный, но очень важный итог написания мной детских книг: я будто отпустила все свои беды: детдомовские и школьного возраста. Они ушли далеко-далеко от меня и перестали преследовать.

— В школе ты училась с какой-то недетской сознательностью. А теперь чувствуешь себя Творцом?

— Ну... не так пафосно. Но без крыльев не полетишь.

— Понимаю, это не механическая работа. Чтобы написать, ты должна была... что-то услышать, чтобы тебе с неба... свалилось. Ты как бы перевоплощалась в своих маленьких героев? Стремилась идентифицировать себя с каждым? — спросила Аня.

— Это по большей части происходило подсознательно. Мои друзья детства, эти маленькие «военные осколочки», на всю жизнь остались в моем сердце со всеми своими «зазубринами и занозами» в характерах. Я с ними — единое целое. У нас общая боль, общие слезы. Я, когда о них писала, плакала.

— Чайковский тоже плакал, сочиняя музыку, и это чувствовалось в его произведениях, — отметила сравнением Жанна.

— Сироты военных лет — беда, а брошенные современные дети при живых родителях — позор для общества. Они говорят о его нездоровье, — вздохнула Лена. — О них я еще напишу.

— Один мой товарищ считает, что всё в жизни желательно делать с удовольствием. Надо ставить перед собой вопрос: «Если это у тебя отнять, тебе станет лучше или хуже? И только потом делать вывод: продолжать этим заниматься или нет. Надо прислушиваться к себе. Словами можно убедить, переубедить, а чувства не обманут». И ты тоже прислушиваешься?

— Я бы слово «всё» убрала из этого воззвания. «Надо» в нашей жизни обычно выступает на первый план. Но что касается творчества, то тут твой товарищ прав, — ответила Лена Жанне. — Детские книги я писала памятью своего сердца.

— Знаешь, что еще для меня важно в твоих книгах, помимо всего того хорошего, что мы уже обсудили? Сейчас мало пишут о взрослении подростков. А у тебя есть прелестные, нежные трогательные рассказы о первой любви, такой искренней, честной, чистой, доброй, без ревности, обманов и злости. Ты повествуешь про любовь безответную, но такую восторженную, первоначально радостную! В ней потрясение счастьем, понимание безграничности этого удивительного чувства.

Девочка ничего для себя не требовала, не ждала. Она просто наслаждалась своей любовью к юноше. По моему убеждению, такую любовь проносят через всю жизнь как что-то самое светлое и прекрасное! Через свои маленькие истории ты высвечиваешь большие детские и подростковые проблемы. Тебе интересны моменты взросления.

— Настоящая любовь как прекрасная музыка. Это когда и душа, и все тело поет мелодию любви, — сказала Аня.

— В юности поет только душа. У влюбленных девочек физическое и духовное так далеко разнесены, что не имеют точек соприкосновения. А отсюда непонимание опасности, — подтвердила Жанна слова Инны.

— Лена, эти твои произведения — явление в литературе. В них «открытый цвет грусти и особая мелодия любви». Твои рассказы надо доносить до каждого подростка. Нет, все-таки детские писатели и поэты — особая каста! — восторженно сказала Инна.

— В этой связи мне Экзюпери вспомнился. Самым маленьким детям он прекрасно рассказал о любви и дружбе! — восхищенно отметила Жанна.

А Инна свою мысль закончила:

— Раннее влечение к половой жизни лишает подростков удивительных ощущений духовного развития и взросления своей личности. Я читала твои книги своим внучатым племянницам и внушала: «Не надо торопиться влюблять в себя мальчишек. Они еще глупые как слепые котята. Не ставьте их в условия выбора. Они пока не в состоянии его делать. Да и сами не спешите расставаться с детством». А над старшей внучкой подшучивала: «Воспринимай жениха не как подарок, а как хомут. И смотри, чтобы он тебе холку не натер».

— Правильно делала, что разъясняла. Девочки в своих красивых мечтах часто слишком далеко уходят от реальной жизни, — согласилась с ней Аня.

— Лена, твои книги для семейного чтения детям заняты, понятны и полезны, а взрослым приятны, — сказала Инна.

— Они же грустные, — напомнила Лена.

— И что с того? После них все равно чудное послевкусие. Они воздействуют на читателя всеми возможными писательскими способами. Этакое гигантское полотно...

— Панно, — попыталась смутить или усмирить подругу Лена.

Инна на какое-то время замолчала, погрузившись в собственные, и судя по лицу, приятные мысли.

Потом добавила к сказанному:

— У тебя есть доступ к родникам детских душ. Достоинством твоих книг является мощная эмоциональность, полифония и высочайшая нравственность. В них все срослось: музыка слов, искренность, свежесть чувств и личностный, интимный подход к событиям. Предел мечтаний! Первая твоя книга для подростков — твой звездный час, последняя — вершина творчества. Я верю, что ты достигнешь такого же пика и в произведениях для взрослых, потому что уже в первых книгах для детей было заложено все самое прекрасное и важное, что может широко и основательно проявиться позже. Жаль, если оставишь этот проект недоовощенным.

— Твои излишние комплименты мне ни к чему. Хочешь ими сбить меня с толку? — тихо спросила Лена. — «Беги от славы, беги от лесты. Они — не слагаемые успеха». Многие хорошие люди, пройдя огонь и воды, медные трубы не преодолевают. Казалось бы, вот оно — счастье! А оно — мимо... Не достается выигранный билет — успех.

— Мечтаешь отлучить его от себя? Не выйдет, — рассмеялась Инна.

— Современные дети другие, они живут фантазиями и воспринимают мир уже кем-то переработанный. На их рисунках в основном иноземные черепашки ниндзя, которые все время ссорятся и воюют, да еще Барби. Это плохо, — удрученно заметила Аня. — А еще дети теперь не верят в сказки, как верили мы.

— Мой пятилетний внучатый племянник Димочка писал письмо Деду Морозу, а сам мне на ухо «по секрету» шептал, что Деда на самом деле не существует, что его взрослые придумали для детей.

А черепашки — дурное поветрие. Ничего, Ленины книги со временем, когда малыши подрастут, вернут их в реальность, научат понимать добро, — сказала Инна.

Лена улыбнулась, и из ее глаз на миг будто исчезла усталость.

— Тебе интересно писать о стариках, которые имеют право рассуждать о пережитом, потому что уважение к минувшему отличает культурного человека от дикаря? Потому что старики — аккумуляторы всего лучшего в поколении? Оно и понятно, мудрость возраста не затеняется личными пристрастиями. Они уже выше их. Это результат твоего трепетного отношения к представителям старшего поколения? — Этими вопросами Аня-педагог выразила свое серьезное отношение к Лениным книгам.

— Я люблю людей, — коротко ответила Лена.

— Рита говорила, что в советское время легче было писать. Творческие люди знали, что ждет от них государство. Были рамки: это можно, это нельзя. Жизнь была проще, стабильнее, народ был более расслабленный. Люди чувствовали дыхание времени, больше радовались. Раньше писателей вели и подталкивали, а теперь они живут в постоянном напряжении, в состоянии преодоления, собственно как и вся страна. Было духовное и душевное здоровье народа, а сейчас каждому второму требуется психиатр. Государство отыскивало таланты, несло за них ответственность: учило, выращивало, направляло обращаться к вечным и социальным темам, обеспечивало редактуру, трудоустраивало, давало жилье, — «поведала» подругам Аня.

— Сначала казалось, что весь мир принадлежит им. Потом узнавали, что и это недостижимо, и это недосыгаемо... — усмехнулась Инна.

— Теперь обо всем говорят открыто, нет повода для аллюзий. А хороший юмор должен строиться на намеках и тонких ситуациях. Поэтому и опускаются многие нынешние юмористы ниже пояса. Происходит общее снижение уровня произведений, — добавила Жанна в разговор подруг еще один отрицательный момент.

— Есть социальный юмор, но я люблю безадресный, независимый от географии, общечеловеческий, но тонкий и умный. А если ощущение черных крыльев над миром, осознание зла, которое проникает во все щели, и невозможность от него избавиться? Не до юмора, — загрустила Аня. — И достойная сатира почему-то отсутствует.

— Она, как правило, развивается и расцветает пышным цветом только в тоталитарном обществе. А у нас демократия.

— Не только, — упрямо не согласилась с Инной Аня. — Недостатков у нас сейчас, пока мы «перестраиваемся», много больше. Есть что покритиковать. Нам нужны таланты с врожденным чувством юмора и вкусом к самоиронии. Эти качества должны быть потребностью души, этакой горчичкой, шикарнейшей приправой к серьезным «блюдам» в характерах юмористов. А сейчас иногда такую примитивную муру со сцены несут! И что самое обидное, считают себя талантами.

*

— Ты учитываешь потребности и желания читателей? — задала Лене наводящий вопрос Инна.

— В основном, свои. Я пытаюсь вести их за собой. — Во взгляде Лены, обращенном только к Инне, и в ее тоне содержалась мягкая ирония.

— Говоришь читателям: дышите и живите в одном ритме со мной и с моими героями? Заставляешь задуматься о том, что раньше им никогда не приходило в голову? Учишь?

— Ты всё слишком упрощаешь.

— Не хочешь написать роман о современных удачливых предпринимателях? А прообразом взять кого-то рядом живущего, с реальными фактами из его жизни, с конкретной манерой действовать и говорить, узнаваемого.

— Может и стоит. Успешность — важная составляющая современной жизни не только для мужчин, но и для женщин. Но я не готова об этом писать.

— У меня есть много достойных кандидатур из ближайшего окружения. Глаза разбегаются. Ну да ладно, — разочаровано протянула Инна. — Тебе прекрасно удаются книги для подростков, вот и пиши о них. Будь оригинальна, пролагай новые тропы. Окунайся туда, где «смиряются души твоей «моей» тревоги»! И как говорит один мой друг-художник: «Ищи жизнь даже в спящем куске мрамора». Когда я читала твои описания природы, мне казалось, что ты получила благословение на творчество от любимой малой родины — нашей деревни. Ты росла как деревце, питаешься благотворными соками ее земли. Я чувствую в твоих рассказах запах и вкус той нашей жизни, слышу музыку леса, поля, речки. Она — кратчайший путь донесения чувств и мыслей до сердца. И пока я жива, моя душа всегда будет рваться в места моего детства. Эта же музыка ослабляет и смягчает остроту восприятия боли твоих героев. Но тебе необходимо вербальное дополнять визуальным.

— Уже учла. Четвертое переиздание выпустила с рисунками.

— А что расскажешь о своих книгах для взрослых?

— Пишу я их также как детские. Когда накатывает вдохновение, я не могу остановиться, пока течет мысль. Лихорадочно записываю, боюсь что-то потерять, упустить. А тут другие мысли наваливаются, в сторону уводят, разветвляют сюжет... Поэтому случаются хромые и корявые строки с нелепым порядком слов. Вот и приходится впрягаться, терпеливо выправлять, шлифовать, углублять или «пропальвать» текст. Кропотливое редактирование — сложная и затратная по времени работа.

— Я наперед знаю, что ты скажешь. Мол, еще не факт, что с первого раза получается доводить текст до ума.

— Трудно расставаться с произведением в том смысле, что улучшать и дорабатывать его хочется до бесконечности, а времени нет. Неимоверное количество материала и радует, и раздражает одновременно. В нем можно утонуть. И о том хочется поведать, и о другом. Чему оказать предпочтение, что вычеркнуть? И название должно быть достойно замысла.

— Хочешь сказать, что не очень владеешь вопросом или стараешься писать лучше других?

— Лучше себя, — ответила Лена. — Эх! Мне бы хорошего редактора, чтобы он не только жестоко покромсал все мои уже вышедшие в свет тексты, но еще и поучил этому искусству. Пообщаться бы с современными гениями критики. Был у меня прекрасный

педагог — Николай Калтыгин, под орех разделал один мой рассказик в полстранички и тем основательно «вправил мне мозги». Я ему безмерно благодарна. Жаль, что он больше не находит для меня времени. Я понимаю, собственные счастливые семейные заботы и творческие труды положительно захватили его в плен. И этому тоже можно радостно завидовать. Но способности писателю и критику даются для того, чтобы ими пользоваться, делиться. Возродить бы институт редакторов! Я скромно пытаюсь без них обойтись, но у меня это плохо получается, — «навела» на себя критику Лена.

— Мне понятен вариант, когда впечатлительность и соображение составляют единое целое, — заметила Инна.

— Мне тоже. Но ведь увлекаешься. — Лена улыбнулась, давая этим понять, что одобряет подругу. Потом о другом заговорила:

— У меня нет супергероев. Я пытаюсь постичь непростые и подчас по-настоящему драматические судьбы обыкновенных людей. Мне важна атмосфера в семьях. Юмор я признаю только добрый, элегантный, чуть ироничный, не унижающий человека.

— По типу того, как шутит твой сынок? Как-то сижу я у тебя в гостях и смотрю наш с тобой любимый канал «Культура», а твой Андрюшка проходит мимо меня в свою комнату и, как бы между прочим, говорит, мол, с вами еще не здороваются дикторы телевидения? А другой раз ты зовешь его к столу, и я слышу: «Мамочка, мне некогда, пообедай с президентом, он сейчас выступать по телевизору будет». Или еще: «Мама, ты следишь за временем? А то без тебя дикторы могут не начать твою любимую передачу». Прелесть!

— Есть в нем эта милая особенность, — подтвердила Лена. — Читая мои опусы, люди окунаются в чужую подлинную жизнь, но пребывая в ней, понимают, что все это относится и к ним, и глубоко постигают написанное. Мое дело — извлекать их чувства на поверхность, заставляя задуматься над причинами своих проблем, но не судить. Я не претендую на роль провидца, но все равно над всеми этими незамысловатыми сюжетами — социальная подоплека. Мне кажется, что мир моих героев не станет чуждым и для следующих поколений. Тема семьи и детей всегда будет волновать людей.

— В этом смысле твои книги — шаг в будущее, в вечность, — полушутливо обрадовалась Инна.

— Значит, ничего эдакого, скандального или слишком фривольного не доносишь, такого, которое не вписывается даже в очень смелые критерии и понятия? Только про жизнь, не пронизанную любовью, про мужчин и секс глазами женщин? Никого не берешь на испуг? Не работаешь в поле таких понятий как гениальность, но не застрахована от того, чтобы не попытаться осмыслить талант как отклонение от нормы. Поэтому ты не выступаешь от третьего лица, как бы рассматривая происходящее со стороны? — спросила Жанна. — Понимаю, это артистам приходится прятаться за псевдонимами, чтобы завистливые поклонники не узнали их адреса и не изгадили подъезды всякой дрянью и пошлыми надписями.

— Мыслящему человеку неинтересно залезать под чужие одеяла и познавать альковные тайны... Лена тебе уступает это право. Может, когда пригодится, — фыркнула Инна.

Жанна не отреагировала на неприятную реплику и с «задорной кровожадностью» продолжила задавать вопросы Лене.

— То есть у тебя в рассказах обыкновенная сгущенная обывательская обыденность? Она может вдохновлять? Но где быт, там примитив. Или он у тебя срачивается с чем-то более острым и злободневным? Допустим, с революционными гендерными мотивами?

— Ого! Я жду обвинений в пошлости. Похоже, диспут обещает быть «веселым», — удивилась Лена. — Все зависит от того, как этот быт преподнести. В нем свои тонкости и глубины.

— В чем ты усматриваешь пошлость? — спросила Аня у Жанны.

Инна не дала ей высказаться, сама объяснила:

— Пошлое — это не только скабрёзное, но еще когда не говорят о главном. Будто его нет. Это неумение оперировать высокими идеями и чувствами, желание восторгаться собой без особых на то оснований. Подчас что-то общепринятое, банальное...

— Писатель должен быть масштабен и в запахах обыденности? То есть, за сегодняшним бытом, за мелочами жизни он обязан «услышать будущего зов», разглядеть вечное и выразить его всей силой своего мощного искреннего таланта. Да еще соблюсти баланс между простым и сложным, нравственным и пошлым. Он должен всматриваться в лицо Вселенной! А чтобы увидеть и изобразить это вечное, ему надо много чего иметь в себе: верную как у хирурга руку и точно направленную мысль технаря, — сказала Жанна. — И охват событий соответственно обязан быть...

Инна опять остановила Жанну и обратилась к Лене:

— Думаешь, это уровень Аллы, пишущей для избранных? Ты тоже не только изучаешь проблемы отдельных семей, но еще ищешь причины и общие закономерности. Но ты ни на что не претендуешь и далека от мысли о своей талантливости. Меня это напрягает. Ты, часом не прибудняешься? Не желаешь срывать аплодисменты? Они же характеризуют успех, а не полное согласие с автором! Не всем дано тяготение к глубине постижения того, чем ты занимаешься. Восхитительная скромность! Понимаю, в душе должно оставаться чувство постоянной неудовлетворенности, заставляющей стремиться к совершенствованию. На волне первого успеха нельзя долго плыть, тем более торопиться почивать на лаврах. Если только совсем чуть-чуть, чтобы упрочить свое материальное положение, или хотя бы почувствовать, что достигла определенной духовной и профессиональной зрелости. А может, стоит потеснить в себе излишнюю скромность? Ты боишься не соответствовать своему самолюбию?

— Какой яростный сарказм! Ты это о себе или Аллу пытаешься бойкотировать? — поддела подругу Лена. — Когда я стала писать, то почувствовала, что, наконец, достигла желаемого баланса в душе. Совмещать работу, писательство и семейные заботы трудно, но для меня необходимо. Я без всякого смущения признаю свою некомпетентность во многих вопросах. Всего знать невозможно, тем более что я только учусь. По сути дела я еще на середине пути. И если услышу от читателя: «О чем ваша книга?», это будет означать, что я не сумела донести главное.

— Критики объяснят, — рассмеялась Жана.

Инна на миг потяжелела глазами, потом спросила заинтересованно:

— Я читала, что реалистическое искусство бесконфликтно. Это верно?

— Конфликты есть всюду и будут всегда. Сама я пока что во многом не дотягиваю до желаемой вершины. Хотелось бы перейти на более высокий уровень, — довела до конца свою мысль Лена, ответив сразу на оба вопроса подруги.

— Каждый художник стремится постичь и воплотить в свои произведения космическую гармонию, которая разлита в воздухе, но неуловима как... хвост собаки. Если заниматься, то только вечностью! Если достигать, то только великих побед! Горизонт уже не волнует. Всевышний завещал поэтам завораживающий манящий Мир и прекрасную Любовь! Когда они творят, то управляют пространством, временем и людьми! Писать о любви — беспроектная тема.

— Острословие — не остроумие. Но это сравнение достойно тебя. Какой же русский без метафор и эпитетов!

— Ни йоты снобизма. — Инна постаралась не заметить укола подруги. — Даже у великих из того, что они оставили после себя, что-то шедевр, а что-то не совсем. И это нисколько не умаляет их таланта. Их тоже иногда заносит, — нашла она оправдание сразу всем и себе в том числе. — Ты пишешь для потомков? Сделай небольшое авторское предупреждение.

— Я на многое не претендую. Как получится.

— Ты без закидонов. И «да пребудут они в веках!» Это я о твоих книгах. Благословляю всё, что ты написала и еще напишешь.

— Спасибо на добром слове.

— Ах, сейчас прольются слезы благодарности!

— Я не отрекаюсь ни от одной написанной мной книги, даже если они неважно отредактированы. Я не предаю свои мысли и чувства.

— Обычно для «перемены обстановки» в душе я ухожу в новую любовь, а ты из своей трудной жизни сбегаешь в литературу?

— Это тоже любовь, — ответила Лена устало.

— Исчерпывающий ответ! Ты к какой школе, к какому литературному направлению себя причисляешь? Одного придержишься или по совокупности? — на ту же тему вернула вопрос Инна. Ей хотелось продолжить разговор.

— Оно имеет место быть? — вопросом на вопрос ответила Лена. — Я сама по себе. Мне пока не удается выстроить строгую систему литературных взаимоотношений и предпочтений. Не хочу злоупотреблять твоим вниманием и преподносить еще несформированные понятия.

Лена явно пыталась закончить разговор.

— Все-таки раньше писательские задачи были масштабнее, — сказала Аня.

— При свечах была другая степень концентрации мыслей, чем при электричестве и при наличии компьютера? — насмешливо спросила Жанна.

— И произведения были более теплые. Теперь же какую книгу ни откроешь — всюду одни и те же типы: милиция, бандюки, завистники, «заказывающие» своих конкурентов и т. п. Героями стали мужчины сексуальные и бессмысленно жестокие. Сюжеты, может, не очень соответствуют действительности, зато звучат эффектно и страшно. Кругом апокалиптические краски. Перефразирую Фаину Раневскую — она говорила о театре. К сожалению, «трепет из произведений ушел». Одни помои выплескивают писатели. А ведь они зачастую равнодушные, целеустремленные, может даже мегаспособные. И творчество из них прямо-таки прет. Да видно не туда. И у Ритиных героев зачастую несостоявшиеся жизни, потерянные мечты. Время такое?

В кино, конечно, проще, там чувства можно глазами и жестами изобразить. Да только не монтируются великие герои прошлого с современными случайными артистами. Не веришь им. Их чувства по касательной скользят. А сериалы — творческое падение для хороших артистов. Иной раз смотришь, как режиссеры выстраивают отношения и удивляешься: «Ведь муж только дверь открывает, а жена уже знает, в каком тот настроении. А они чего-то там выдумывают, накручивают... И секс у супругов происходит иначе, совсем на другом уровне, чем у любовников. Это понимать надо. Одни и те же шаблонные блоки из сюжета в сюжет тасуют как колоду замусоленных карт. И кинокомедии теперь не смешные, примитивные, а я хочу светлые, радостные, искрометные. Надо стимулировать интерес к лучшим отечественным фильмам. У нас сейчас никудышные писатели, сценаристы или режиссеры?

— Как ты, Аня, права! Недавно мне долго не спалось, и я включила телевизор. Смотрела фильм и злилась: одни устаревшие штампы, да еще и не к месту! Деревенский житель не станет закапывать погибшую в поле дикую птицу. Нет в нем такой сентиментальности. Из земли вышло, в землю уйдет. А вот больной или раненой поможет.

Главная героиня в фильме спала на ходу. Бедный курсант стоял под дождем, от холода зуб на зуб не попадал, а она с зонтиком вышла к нему, как городская, а потом долго искала для него полотенце и сухую одежду. Еле клешнями шевелила. Сельская жизнь учит крутиться-вертеться, быстро находить выход из ситуаций. Я не видела таких сонных чучел в деревнях.

Почему девушка стеснялась в своем доме пить чай, будто сама была в гостях? Но выйти к парню в ночной рубашке и лечь с ним в постель не побоялась. А имя Мира откуда

в этой глуши? А то, что будучи беременной в пустом автобусе сидела на заднем сидении, где ее нещадно трясло, — это чья глупость? А вы бы видели, как она двумя пальчиками брала грязные ботинки молодого человека! Автор, похоже, никогда не жил в деревне и не удосужился ее досконально изучить, — искренне возмутилась Жанна.

— Я недавно ночью смотрела спектакль-балет «Сон в летнюю ночь» и недоумевала: «Это новое слово и высочайшая вкусовая и нравственная планка в искусстве? Зрители полтора часа могут смотреть эту примитивную ахиною, фантазию воспаленного мозга режиссера? Я понимаю, он на максимум использовал условность и метафору. Только трудно вычленить суть комедии великого Шекспира, если артисты всего лишь валяются в соломе и исполняют танцы, принадлежащие выдуманной эпохе. На третьем акте я выключила телевизор и не стала выяснять, кому принадлежит этот шедевр. Я слишком консервативна? Не доросла до понимания современного искусства? — на всякий случай отступила Аня, надеясь услышать мнение подруг. Но они молчали. «Значит, не видели», — решила Аня и продолжила:

— Где любовь, где жадность в постижении профессии? Торопятся, не желают образовываться? А в нас преподаватели огромный багаж знаний закладывали. И мы заглатывали его бесплатно. За что безмерно им благодарны.

— Им и Родине, — поддакнула Ане Жанна и спросила у Лены:

— Где ты «подкарауливаешь» свои сюжеты? Долго нащупываешь, потом, когда набредаешь, по уши окунаешься в него, обдумываешь, многократно перекраиваешь или все-таки пользуешься привычной добротной основой своих предшественников? Набила руку на собственных схемах? Жонглируешь ими? Идеи бродят в голове, ты мучаешься, вынашивая их, посвящая годы изучению структуры пространства героев, или они являются тебе как выплески подсознания «в пароксизме счастья-горя»?

— Схема сама выстраивается. Я пишу, как пишется, доверяя своему сердцу. Нет у меня времени для долгих раздумий, — бесцветным голосом ответила Лена, не желая «принародно» вдаваться в подробности своего писательского труда. — Но инкубационный период, конечно же, произведение обязательно проходит в голове. Иногда это вся предыдущая жизнь или ее отдельные, заслуживающие внимания периоды.

— Эх, были бы данные, я, чтоб ты знала, написала бы что-либо прекрасное, возвышенное, такое что... закачаешься! Ведь возвышенное — это как явление божества, как удар молнии или шаг в другое измерение! Ни идеологии тебе, ни политики. Подняла бы паруса фантазии и вперед! Не покушаясь ни на чей писательский авторитет, я хотела бы одарить читателей чем-то несказанно, неосяземо ускользящим, утонченным, поразительно радостным, отрадным, светлым, но отвечающим всем требованиям литературного произведения. Чтобы оно прозвучало, нашло бы отклик в сердцах и помогало жить. Я застолбила бы за собой это «великое открытие», а потом с вежливым высокомерием отдала бы его людям — нате, пользуйтесь! Благородные помыслы?! Это была бы бомба! Или придумала бы образ космически одинокого человека, чтобы обо мне говорили: художник большого имени, огромного таланта. Не без оговорок, разумеется. Полное удовлетворение в творчестве невозможно.

А может, изобрела бы что-то фантастическое, еще не существующее, чтобы составить конкуренцию великим писателям. Допустим, придумала бы новый способ самовыражения. Искусство должно не повторять реальность, а создавать новую. Помнишь, Тарковский создал отстраненную реальность — образ зоны.

— Это сверхзадача для гениев, — тихо заметила Аня.

— И при всей нелюбви к себе, я бы даже похвалила себя, хотя посчитала бы это изобретение счастливым стечением обстоятельств. Меня всегда влекла жажда новых впечатлений, я мечтала пережить некий метафизический опыт.

— Ты думала: «Какую сказку с детства для себя выберу, ту и проживу», — насмешливо тронула Инну за живое Жанна. — Тут хотя бы понять, что такое быть человеком, что есть доля человеческая? Зачем ему такая степень уязвимости?

— Мне казалось, что в моей внешности уже заложено что-то особенное,

экстравагантное, гипнотический шарм что ли, придающий загадочность и добавляющий индивидуальности. Я тогда считала, что нужно доверять всему бессознательному, иррациональному в себе. И своей манерой экстравагантно одеваться я только подчеркивала эти качества. Может, зря разуверилась? И в результате неправильного выбора произошло внутреннее обрушение моей сути, апокалипсис души.

— Все мы изгнаны из рая. А из себя, из своего собственного эго мы уходим, когда делаем что-то плохое, недостойное нас, — заметила Жанна.

— И что выводит нас к истине? — спросила Аня.

— Любовь. Мы идем, идем и вдруг понимаем, что шли не туда. Но это вопрос целой жизни. Большинство только на пороге... начинают об этом догадываться.

— Это и есть жизнь. Она не в рецепте, а в пути. В поиске, в выборе. А если человек обнаруживает, что находился в состоянии иллюзии, что на самом деле не любил?

— Мы сами превращаем любовь в прах. У нее масса переливов, оттенков. Мы грешим избыточным употреблением слов «Любовь», «Бог». А их надо слышать через тишину и недосказанность. Мы затираем их, они мельчают. В голове надо прорабатывать свой и чужой опыт, продумывать увиденное, услышанное, прочувствованное, Проговаривать всё это с близким человеком. А мы разучились мирно беседовать друг с другом. Ругаемся, ссоримся или уткнемся в телевизор, всё видим, слышим, но не вникаем. «Она взглянула на него». Как? Почему так? «Он ответил». Почему так? Какие ниточки их связывают, какие уже оборваны? Тонкость чувств и любовь ушли или во что-то преобразовались?

— Поступать так, как надо всегда очень трудно, даже когда понимаешь, что все опирается только в тебя. Иногда эта ясность возникает сразу, но удержать это понимание в себе тоже не всегда удается, — созналась Инна. — Да и близкие люди часто оказываются неблизкими. И самих себя мы не всегда принимаем, но уговариваем...

Внутренне и внешне встряхнувшись, Инна продолжила рассуждать:

— В своих книгах я бы не следовала за молвой успеха знаменитостей, а дальше всех пошла бы в своем откровении, в поисках собственного стиля и яркой манеры выражать свои мысли, нафантазировала бы себе что-то бессобытийное в привычном смысле и в то же время удивительно насыщенное, мощное. В своих фантазиях я бы на меньшее не согласилась. Это до известной степени...

Жанна вторглась в «излияния» Инны, еле слышно насмешливо пробурчав:

— И чтобы к тебе со всего света стекались писатели, а ты оказывала бы на них влияние, воздействуя силой своего таланта... И все охотились бы за твоими новинками.

— Ведь главное — это то, что есть во мне. — Голос Инны зазвучал тише, но в нем чувствовалось напряжение тщательно скрываемого крика. Ане и Лене не хотелось над ней шутить и тем более иронизировать. — Я бы приняла свой талант — этот дар небес, этот сигнал свыше, — как знамение... Это скрасило бы мою жизнь. Но хотеть и иметь возможность реализовать мечты... — сказала она уже совсем другим тоном. — И всему этому должно предшествовать... Что, занесло меня? Ладно, знаю. Шучу я.

«Какая невероятная концентрация взглядов! Какая тонкость оттенков, побуждений и мотивов! А говорила, что мужчины присвоили себе способность к системности мышления. Но для тебя, Инна, она естественна. Ты невероятно умная женщина», — насмешливо подумала Жанна.

— Лена, сделаешь отсылку к классике? Может, скажешь, что придется повременить, вжиться в роль, чтобы не комкать хороший замысел и не пугать читателей своей категоричностью? А она у меня запретельная... Нет, я не в претензии к своей судьбе. Я шучу для обогащения своего «репертуара», — теперь уже с насмешливой ухмылкой добавила Инна. — Хоть скрипку Страдивари в руки дай, но если нет данных, не извлечь из нее ничего путного. Да еще если при пустой голове и холодном сердце... Я всю жизнь старалась, карабкалась, но так и не достигла неба. Не ту дорогу выбрала

или не то хобби? Мне лет с четырнадцати нравилось замечать, как связываются друг с другом слова в предложениях, как они интересно и разнообразно звучат. А если в них еще и глубокий смысл, и яркие чувства... Нет, все-таки писательство — не мое.

— Выпал случай удостовериться? — «мякнула» Жанна.

— Я — убежденный технарь, — жестко ответила Инна.

— К чему такая высокая степень самоуничтожения? Какие пораженческие настроения! — недовольно заметила Лена. — Наш возраст справедливо называют порой мудрых размышлений. А ты в своей жизни всегда до всего была жадной: много знаешь, глубоко чувствуешь. Пиши, а почему бы и нет! Пока человек жив, он многое может изменить в своей жизни. Пропусти через себя мой совет и решишь. Способности и вкус к языку у тебя есть, это точно. В детстве на ровном месте, буквально из ничего ты мгновенно могла сочинить великолепную оправдательную историю своей шалости.

— Помнить это не работа, а свидетельство того, что ты еще жив, — философски заметила Инна. — Хвалишь? Неожиданно, но приятно. Какое великодушие! Щедро на добрые слова поддержки. Льстишь? Не отпирайся, лесть не бывает слишком грубой. Не скупись! Когда ты находишься в моем жизненном пространстве, я становлюсь умнее! О мощное обаяние волшебного-обворожительного таланта!

Лицо Инны расплылось в чуть насмешливой, но довольной улыбке.

— После стольких лет иронического настроения в тебе еще пробиваются росточки юмора? Это говорит о твоём душевном здоровье, — улыбкой на улыбку ответила Лена.

— Наверное, я смогла бы писать. Обрисовать виртуальное поле моей деятельности и вкусовые пристрастия? Я бы вкалывала как зверь — ни больше, ни меньше — и выдала бы коктейль, круто замешанный на критике, грусти и философствовании. Какой диапазон возможностей! Со временем он приобрел бы некий особый лоск. Мои книги представляли бы единый, мощный драматургический цикл и составили бы приличный культурный багаж... Но не тянет, не хочу подавать себя как писателя, — рассмеялась Инна, заметив внимательные взгляды Ани и Жанны. — Пушкин из меня не вышел бы, а на меньшее я не согласна. И к тому же, чтобы удачно саморазвиваться, надо главную точку отсчета и внятную позицию выбрать смолоду.

— Бог тебе много дал, а ты плюешь на Него. Боишься отрезвления или, что звезда во лбу вообще не зажжется? Страх неудачи парализует? — спросила Жанна.

— Умения пока нет. Ну и что? Берись, у тебя могут получиться вполне симпатичные оригинальные персонажи. Я просто вижу их перед собой. Чуть-чуть прилежания — и дело в шляпе. Я с удовольствием выступлю в качестве скромного редактора. Кое-чему я уже научилась. Разумеется, я не претендую на роль цензора, но если доверишь, не откажусь. Набросай для пробы несколько абзацев. Еще не всё потеряно. Я тоже поздно потянулась к перу. Долго не позволяла себе даже мечтать, но с годами желание только крепло и терзало, — сказала Лена.

— И ты разродилась! Да ладно, шучу. Я страшно польщена, меня распирает от счастья, но не могу я принять твою сторону. У меня нос не дорос до писательства, не потяну. И девчонки засмеют. Скажут: «Надо же было еще и такому с ней случиться — в писатели подалась! За все хватается, но ни в чем не специалист. Фигаро». Мне кажется, нет ничего более разрушительного для личности, чем упорствовать в натужных попытках утвердиться в той области, в которой никогда не сможешь достигнуть максимума. И мечтать об этом можно только до той поры, пока эти фантазии не слишком тобой завладели.

На лице Инны появилась подходящее случаю выражение лица. Лена мгновенно отреагировала:

— Не зарекайся, прорицательница. На этом поприще ты еще не пробовалась. А вдруг из глубины души брильянт блеснет? Вопрос-то, наверное, возник не на пустом месте?

И она хитренько улыбнулась.

— Ну, если только для того, чтобы шокировать друзей, или снять с души налипшие

за долгие годы жизни ракушки. Помнишь, как очищают большие морские корабли?.. Не вноси сумятицу в мою жизнь. Не добавляй масла в затухающий огонь. Мне этого уже не надо. Теперь самое ценное в моей жизни — счастливые реальные воспоминания и воображаемые.

«Оно и к лучшему», — брезгливо подумала Жанна. И у Ани замелькали неожиданные мысли: «С тобой, Инна, мозги вывихнешь. Ты шутишь или всерьез говоришь? А что? Может, и правда пришло твое время взяться за перо? Давай, жги-зажигай! В добрый час! Или растеряла свой талант, упустила возможность выразить себя оригинально? Это твой очередной просчет? А вдруг оказалась бы талантливее Риты с Леной? Не прочувствовала, не поверила в себя, не рискнула? Зациклилась на поисках личного счастья? Попала под дорожный каток несчастливой любви?»

— Напрасно. У тебя есть данные к писательству, — заметила Лена.

— Ах, как сладко звучат для меня эти слова! Ты хочешь снять мою ногу с края могилы безвестности!

— Я серьезно говорю. Ты иногда так соловьем заливаешься, век бы слушала. Ну прямо как блестящий рассказчик времен нашей молодости... Как же его звали? Программа поиска моего мозга-компьютера не срабатывает, не выдает его фамилию.

— Это тот, который «паразитировал» на биографиях знаменитостей? — шутливо уточнила Инна.

— Он заложил основу технологии многих современных телепередач. Они же все о знаменитостях. Вспомнила! Ираклий Андроников!

— Наверное, в жизни каждого человека имеются нереализованные моменты, заложенные замыслом Всевышнего, и есть всякого рода причудливые случайности, которыми мы нарушаем свое предназначение, выбирая другой путь, чтобы все равно рано или поздно вернуться на намеченную Им стезю. Собственно, случайности — это то, что мы не можем логически объяснить. В каком соотношении они находятся с судьбой? — ни к кому конкретно не обращаясь, задала вопрос Жанна.

«Сравнила Инну с Андрониковым! Из уст Лены это очень высокая похвала», — подумала Аня.

— И последовало высочайшее дозволение! — улыбнулась Инна. — Я трезво к себе отношусь. Писательская организация должна быть мне благодарна за то, что я не стала писателем и нашла свой путь. А некоторым так и не удалось его отыскать. Предназначение было, а возможностей реализоваться они так и не нашли. Когда дорог много, трудно выбрать истинную. И это трагедия, потому что эти люди, не выполняя возложенную на них миссию, нарушают гармонию мира.

— Ты это о ком? «Намекает на себя? Нет. Ее интонация в этом случае неизменно ироничная, а сейчас она просто грустная», — подумала Лена.

— Допустим, о моих и Лилиных мужьях. Не жили, а прохлаждались. Стремились благополучно в сторонке отсидеться или за чужой счет проехаться. Им нечем хвалиться. Разве что трехдневной щетиной, которая является современным признаком мужественности, когда нет других показателей. Мне вспомнилась шутка: «Женщина крепка силой духа и любовью к жизни, а мужчина — силой воли ее отменять или менять», — усмехнулась Инна.

— И не всегда в лучшую сторону, — пессимистично добавила Аня. — Женщина призвана быть хранительницей...

— Даже умные мужчины, в силу своей прямолинейности и недостаточности знаний психологии, часто не видят на своем пути подводных камней, потому-то Господь и создал женщин им в помощь. И если они не принимают совместных решений, то получается то, что получается... — грустно изрекла Жанна.

Лена задумалась над словами Инны. «Ради чего жили их мужья? Что было для них главным в жизни? Один посвятил жизнь маме, двое других — водке. Пытались делать карьеру. Но все шестеро утверждались через женщин или прятались от жизни

за их спинами. Любая инициатива в их семьях обычно исходила от жен. Были бесструктурными, жили бессистемно, бестолково и безрадостно?

Для всеми обожаемого Антона с его колоссальной эрудицией и исключительной одаренностью приоритетной была наука и карьера, а для мужей Аллы и Ирины Садовой — семья на первом месте. Для нее они выкладывались, во имя нее совершали самое лучшее в своей жизни. Кто из них более счастливый? Чье счастье больше, глубже и богаче?»

Мысли Лены ушли далеко от литературы и всяческих перипетий с нею связанных. Чего Инна и добивалась. Ей не нравилось, что в ее беседе с Леной встроились незваные гости.

...«Ирина Садовая. У нее не было своих детей, но они с мужем воспитали троих приемных. Ирина высокая, очень высокая, но даже будучи в гордом статусе бабушки пятерых внуков — стройная и красивая. Как она говорила о своем муже? «Он у меня мужчина — золото самой высокой пробы. Я не знаю, что и где у меня в доме включается. Всё он делает. А если что сам не сможет — организует... У меня была жуткая экзема. Моя мама даже смотреть на раны не могла, так он сам делал мне перевязки. Вылечил своей любовью и заботой... И дети у нас прекрасные, домовитые, все в отца», — с удовольствием вспомнила Лена.

Спустя некоторое время она смежила веки и подумала: «Наконец-то долгожданная благословенная передышка! Надолго ли?»

*

Аня с Жанной продолжили выяснять роли представителей обоих полов в семейной ячейке, что не способствовало их засыпанию. И Лена опять подумала об Инне: «Отказываясь от писательства, она напомнила мне о плохом состоянии своего здоровья. Но я сделала вид, что не поняла намека, и не стала журить ее за малодушие. Чтобы отвлечь Инну от грустных мыслей, я немного отдохну с закрытыми глазами и заведу разговор, наводящий ее на уже ранее затронутую тему. Похоже, она ей интересна».

— Так вот, ты спрашивала о Рите. Она пишет широко и объемно. У нее трудолюбие, помноженное на талант и тщеславие, в хорошем смысле этого слова. Понимаешь, мне кажется, что ее герои жестче, колоритнее и четче задают определенный тон произведению.

— Потому что она подсаливает действие крупной солью драмы? — спросила Инна.

— Нет. Внешние монологи ее героев просты и бесхитростны, зато внутренние сложны и подчас поэтичны. Но главное в ее книгах — непосредственность и предельная искренность чувств.

— Это я понимаю. Истинность чувств передается читателю при условии искренности автора, — неожиданно быстро согласилась Инна, любительница спорить и противоречить.

— Для детей она пишет короткие, внятные, без истерик, умные рассказы. В них трогательное и нежное отношение к личному пространству героев и живое дыхание детства. Читаешь, и хочется продлить очарование этих грустно-сердечных, задушевно-интимных минут. Чувствуешь, что ее герои живут рядом, они будто рассыпаны вокруг нас. Уникальный талант! Волшебница детской прозы. Да и в самой Рите столько всего от ребенка! Не глупого, нет! — прекрасного!

— Ты права. И сюжеты проще простого, и события преподносит незамысловато.

— Волшебство ее текстов состоит в том, что при всей их безыскусности, они трогают душу. Знаешь, иногда будничные картины бед впечатляют читателей больше, чем драматическое преподнесение горьких событий. Поэтика и чувства в нужных словах, а не в сюжете, — объяснила Лена. — Как-то Рита делилась со мной: «Недавно прочитала сборник сказок для детей и долго находилась под влиянием собственной растерянности. Для кого они написаны? Если для маленьких детей, то почему они такие длинные и заумные? Ребенку такую информацию не переварить. Если они для младших школьников, то стоит задуматься над разнообразием форм и сюжетов, чтобы они

не повторяли уже известные сказки. Для старшеклассников? А нужны ли они им? Совершенно размыты возрастные границы! У меня создалось впечатление, что некоторые вещи писались для себя: вот, мол, как я умно и замысловато умею выражать свои мысли!»

А я ответила ей, чуть смущаясь, что, может, во мне была некоторая инфантильность, но я до десятого класса любила слушать сказки. Содержание не волновало, завораживала и буквально гипнотизировала гармоничная мелодика текстов. У меня было удивительное ощущение звучания каждого слога. Я не могла добровольно оторваться от радиоприемника. До сих пор помню те ощущения. Какие удивительно четкие слуховые и зрительные картины детства через столько лет!

— Взрослые тоже любят сказки. Вспомни волшебный язык «Трех толстяков», — напомнила Аня.

— Я сейчас себя совсем маленькой вспомнила. В полтора года мне не удавалось вслух облечь в слова свои мысли, но они у меня были. Я сердилась на непонимание родителей. Потом научилась разговаривать, но подробно и ярко не могла выражать свои сложные чувства, не получалось у меня донести их даже до бабушки. Ребенок говорит просто, но он много глубже, чем подчас считают взрослые, — вздохнула Инна.

— Мы с тобой до сих пор слишком чувствительны и слишком эмоциональны, но проявляются эти чувства у нас по-разному, — улыбнулась Лена, — ты порохowymi вспышками в разговорах, я — в книгах.

Инна, одобряя слова подруги, энергично закивала.

— Рита знает, что для современных детей является предметом обсуждения, что им подходит, что их притягивает или отталкивает. На меня особым образом действуют в ее описаниях подробности, — продолжила Лена оценивать творчество сокурсницы и коллеги по писательскому цеху.

— Мне кажется, дети хорошо различают детали. Они им «соразмерны». Мужчины чаще всего мелочей не замечают, но совсем по другой причине. Просто женщины ближе к детям, — высказала свое мнение Инна.

— Я говорю о деталях, которые являются строительным материалом произведения, — уточнила Лена. — У Риты короткие рассказы, насыщенные мощными смыслами. В них есть момент притчи, а притчевости присущ символизм, который, ты же знаешь, часто имеет сакральный смысл.

— Наслышана. Если хорошо поискать, во всех наших действиях можно отыскать символику. Рита апеллирует к деталям, потому что «капризный дьявол» заключен именно в них. Каждый писатель запоминает то, что ему интересно: один — кто, в чем одет, другой отмечает в памяти поведение человека в кризисных ситуациях. Кто-то реагирует на интонацию, кто-то на слово. И помнят они это так, будто это происходило не десять лет назад, а буквально вчера. Поэтому даже тексты на одну тему у них получаются разные.

— Рита использует стиль-минимализм потому, что пропускает через себя беды очень многих детей. Но о каждом она может с уверенностью сказать: «с его горем я чувствую солидарность». Поле ее битвы — раненые сердца. Без искренней подачи материала, без душевной наполненности строк профессионализм не срабатывает. В каждом ее произведении — поэтическое объяснение в любви к маленькому человечку. Ее рассказы читаются как белые стихи, потому что это ритмическая проза. Ею она поднимает восприятие событий на высшую ступень чувствительности и осмысления. Рита применяет особый строй фразы, когда поэтические строки как бы плавно перетекают в прозу. Можно сказать, что в ее рассказах лапидарность и приближенная к ним музыкальность, больше свойственная стихам. Это я в ней особенно ценю. И хеппи энд она в основном соблюдает. Я полагаю, что именно книги для детей являются ее визитной карточкой, потому что они — абсолютно честная литература. И в ней ее прочная писательская позиция.

«Будто о своем творчестве рассказывает. Но не поддерживает интереса к себе, о Рите говорит», — подумала Инна. И улыбнулась внезапно проскочившей в ней мысли о том, что насекомые обладают высокой степенью символизации «языка». Потом «рассыпала» серию вопросов к Лене.

— Штампы и всяческие клише у Риты совершенно отсутствуют, потому что они мертвечина? Ты борешься с ними, решительно отказываешься?

— Их не избежать. Ты заметила, наша речь во многом из них состоит. Талант не боится штампов, он их гениально использует, — ответила Лена.

— Я солидарна с тобой. С возрастом приходит мудрость, а значит, глубина и простота. Рита не разбавляет терпкое вино жизни своих персонажей водой пустой болтовни. Но все равно мне кажется, что она слишком много о себе понимает.

Лена «не услышала» последнюю фразу подруги.

— И во взрослых книгах Рита без излишнего пафоса на эссенции мощных моментов настаивает характеры героев. А тонкости, как я тебе уже объясняла, выявляет и преподносит через тщательно прописанные узнаваемые подробности быта того времени, о котором пишет. Читателю важно представлять чувственные и художественные ощущения прошлого. Детали, к тому же, насыщают качественный объем произведения. Рита пишет под строгим прицелом того, что и как тогда происходило, ведь для нового поколения прошлое их стариков и родителей — терра инкогнито. Ещё она вспоминает интересные случаи из раннего детства представителей старшего поколения, потому что контекст ее «взрослой» прозы, как и у меня, предполагает присутствие детской души. И тогда в книге оказывается гораздо больше тепла и света, помогающих понять автора, создать внутри читателя жизненное пространство героев, и со скальпельной точностью особенно глубоко проникнуть в суть произведения. И всё это возможно потому, что в Рите нет зла, только сочувствие к людям.

— Глубоко? Ой, страшно! — не удержалась от насмешки Инна.

— Оставь ремарки на потом, — спокойно, как учитель зарвавшегося школьнику, сделала замечание Лена. — Ее герои — собирательные образы, наделенные качествами многих реально существующих прототипов. И как шутят в таких случаях писатели: все совпадения считать неслучайными. Ведь задача писателя состоит не только в том, чтобы интересно пересказать чью-то историю, он должен показать жизнь целого поколения или хотя бы определенного слоя, отобразить эпоху, в которой эти люди жили. Герои в конечном итоге нужны автору, чтобы раскрыть основную идею, которую он заложил в своем произведении. Собственно, именно для этого он и старается глубже познать души человеческие. Рита с этим прекрасно справляется.

— Чем глубже копаешь, тем чаще возникает потребность разобраться. Писателя тянет на философию, он начинает писать занудно. А события должны захватывать, увлекать, — засомневалась Инна.

— Я не люблю высокопарные фразы. Как Рите удастся совместить высокие чувства и простоту изложения? — спросила Аня.

— Уметь надо! Потому и покрыла себя славой, — возникла со своим мнением Жанна.

— Ее цель — пробудить и воспитать в человеке человеческое. Настоящий писатель, прежде всего, сам должен быть прекрасным человеком, честным перед самим собой, — тихо обронила Аня.

— Далеко не постулат, — хмыкнула Инна. — Если только детский.

— В книгах для детей подход у меня несколько иной, — продолжила «лекцию» Лена. — На первое место выступают переживания каждого ребенка. Для меня нет ничего дороже детской индивидуальности. Это с годами мы отходим от себя. И мы уже не мы, другие. Думаю, я не открыла для тебя Америку.

— Лена, послушай: творчество не мешает отдаваться любви? Демоны слетаются в голову, писатель концентрируется, начинает создавать... Он раб своего таланта.

Творчество побеждает, оно — проявление нечеловеческого, божественного счастья!
Для него ничего больше не существует!

— Двадцать четыре часа в сутки?

— Кому писатель служит? — задала еще один вопрос Инна.

— Прежде всего, себе. Я сначала стихи больше любила писать. Несколько строк — и перед тобой судьба героя. Стихи — особая субстанция, особая нервная ткань, они — высшая, свободная форма существования языка. Я так глубоко проникалась чужими полюбившимися стихами, что будто присваивала их. Они прорастали в меня. Но в стихах негде развернуться, а мне для выражения своих чувств широкий простор требовался. И жизнь всё расставила по своим местам, — сказала Лена и, вдруг, вспомнив насмешки своего школьного учителя, сделала минутную передышку.

2

— У Риты сложилась прекрасная писательская судьба, — энергично растирая виски, сказала Инна.

— Ее книги, как и подобает детской литературе, очень гуманные, наполненные искренней любовью к людям. Каждое слово в них осмысленное, пережитое, прочувствованное, — одобрила сокурсницу Лена. — Они «протягивают руку помощи и подставляют плечо» тем, кому трудно.

— Вы с Ритой гуманисты, но не прокоммунистические и не антикоммунистические. Вы сами по себе. И что это заслуга сегодняшней обстановки в стране — не обсуждается, — рассмеялась Инна.

— Ты о книгах для взрослых? — уточнила Лена.

— Если произведение изнутри не освещено радостной энергией или хотя бы теплой грустью, оно тускло и мертво. Оно — просто красивые рифмованные или нерифмованные слова. Необходимо, чтобы за всем этим набором слов, стояла сердечность, а еще гражданственный посыл, знание боли и радости своего поколения, всего общества. И чтобы у автора была высокая эрудиция, мощная органика и способность к импровизации, — опять вступила в беседу подруг Аня.

— Молодец, знаешь, в школе проходили. — Инна начала раздражаться. — А вот как Рите удастся восстановить в памяти прошлые детские ощущения? У нее иногда случаются роскошные тексты.

Лена внимательно выслушала подругу и спокойно ответила:

— Я уже объясняла тебе: это определяется прекрасной памятью, искренней добротой и чистотой помыслов автора. Не у всех получается. Многие додумывают, переделывают, подстраивают свои воспоминания под воображаемые. А у Риты, по ее собственному некокетливому признанию, мощная болезненная память о детстве и удивительная внимательность и приметливость к мелочам жизни. Она, как и я, когда писала о детстве, будто возвращалась в него, ныряла вглубь себя, превращалась в ребенка. А остального вокруг не замечала, хотя и не игнорировала. Оно было где-то рядом, вне ее сознания... Понимаешь, это такое состояние, когда полностью теряешь в себе ощущение себя взрослой. Поразительное чувство!

— Рай вам обеспечен, — рассмеялась Инна. — В Евангелии написано «Если не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное».

— В Царствие Божие, — поправила Лена и неопределенно пожала плечами.

— Ритины «волшебные» слова в нынешнее, подчеркнуто деловое время, едва ли способны вызвать у современных детей чувства, подобные тем, что испытывали мы, — усомнилась Аня. — Разве что у детдомовских.

— В детдомах истинно проявляется и предьявляется человек... — тихо пробормотала

Жанна, думая о чем-то своем. — И потом, всю жизнь... Мне жутко хотелось воровать вместе с другими, но я не могла украсть даже тогда, когда меня никто не видел. Помню, нашла в пустой аудитории мужское пальто. В кармане были деньги. Но я не смогла взять. Представила, как студент без них голодает. Не наказала его за безалаберность... Иначе всю жизнь мучилась бы гадким поступком, что страшно омрачало бы мне жизнь.

— Именно такие книги как наши необходимы, чтобы пробудить в современных детях чувствительность. Недавно читала внучку свои рассказы. И вдруг он воскликнул: «Ну, ба, ты даешь!» На современном «молодежном» языке это прозвучало как высшая награда, — с улыбкой поделилась радостью Лена.

Инна вернулась к пройденной теме:

— Я сначала не поверила тому, как творит Рита, но подумав, решила, что она не выдумывает. Смотри, когда мы говорим, то не задумываемся, какими словами станем выражать свои мысли. Они сами выскакивают из нас. Еще несколько секунд назад мы не знали, что произнесём. Фразы молниеносно формируются у нас в голове. Не правда ли? Просто писателю в большей степени дано чувствовать слово, владеть им. У него лучше развита фантазия.

Я даже за собой замечала, что у меня иногда непроизвольно такие словечки откуда-то из подсознания вылетают, каких я давно не слышала в своем окружении, и сама не вспоминала и не использовала. Поразительно. Словно какой-то механизм образования речи под влиянием эмоций открывает в глубинах моей памяти разные кладовые и сам извлекает оттуда нужные слова. Я подчас, совершенно не вдумываясь в произносимое, такую фразу «заутюжу», что хоть стой, хоть падай! Она будто из параллельного мира мне в голову влетела. И о создании художественной ткани произведения Рита, наверное, не думает, а пишет исходя из запасов собственной памяти и тонких проявлений души.

— Безусловно, — подтвердила Лена. — Мне прошлое лето вспомнилось. Я всегда хожу в магазин через парк, потому что просто так гулять мне некогда. И вот иду я: восхитительный солнечный денек, легкий ветерок!.. Природа мгновенно отторгает грусти-печали, беды-обиды. Я отрекаюсь от забот и тревог. Хочется парить! Душа нежится и поет! В голову приходят ласковые веселые фразы, юмористические сюжеты. Хорошо-то как! И мне мечтается, чтобы это счастливое состояние не прекращалось...

— Наверное, плохо, если на изображение юных чувств накладывается возраст, усталость писателя, его иронический взгляд на жизнь?

— С этим у Риты все в порядке. В ее рассказах не нынешние спонтанные эмоции, а выношенные, выстраданные и осмысленные еще в детстве. Они узнаваемы, но в них есть индивидуальное, только ей присущее звучание. Ритины книги — крик боли ее души, а герои — обиженные войной дети, их одиночество и заброшенность. Отсюда характерная для ее произведений особая пронзительность и высокая драматическая нота. Пастораль не для нее. Благородство мыслей и яркость эмоций — вот что еще присуще ее персонажам.

«Будто не о Ритиных, а о своих книгах говорит», — опять промелькнуло в голове Инны. И она во многом согласилась с подругой.

— А твои герои, в основном, свои чувства глубоко запрятывают, не высказывают, только в мыслях позволяют себе расслабляться. Типа того? Я бы сказала, что ты насыщаешь рассказы эмоциями и переживаниями, чтобы читатель понял в себе то, что раньше только чувствовал, но не осознавал или не мог выразить словами. Допустим, дети себя героями не ощущали, но ты в них геройство разглядела, и в читателях пробудила это понимание. Твои персонажи — светлые лики на темном фоне. По мне так они как... точно иконы. Гелия Коржева называют художником беды, а я Риту и тебя буду считать писателями детской обиды, — полушутливо закончила выразить свое мнение Инна.

— Ну, не совсем так. Но поверь, Рита, безусловно, не из потока графоманов. У нее прекрасная интуитивная способность подбирать точные фразы и ставить их на определенные, нужные места. Не у всякого получается так удачно трансформировать свои чувства в слова.

*

— Я слышала, что люди искусства часто мысленно путешествуют за пределы разума. Они искусственно вводят себя в состояние измененного сознания или воодушевленной паники и черпают вдохновение в параллельном мире. А это не безопасно, можно не вернуться назад. А еще я читала, что искусство — не добавка к жизни, а ее суть. Оно существует для объединения в одном лице человеческого и божественного. Проводились исследования. У людей искусства мозговая деятельность оказалась намного выше, чем у профессоров-технарей. Удивила? В науке все четко, хотя мир состоит из вещей перетекающих, а в искусстве все намного сложнее, потому что неопределеннее. Чувственный опыт не менее полезен, чем умственный. И люди искусства вносят в жизнь своей страны ничуть не меньший вклад, чем ученые, — завершила подруг Жанна.

— Во мне говорит ревность технаря. Помните анекдот из нашей юности? «Он стал поэтом, для физика у него не хватило воображения». Я сомневаюсь насчет умственного превосходства людей искусства. Эмоциональность у них выше — это верно, — уверенно отреагировала Инна на рассуждения Жанны.

— А кто-то писателей назвал репортерами воображения. Я считаю, что ученым необходимо общение с искусством для развития более глубокого образного, метафорического мышления, помогающего открывать и создавать новое. Ты же не станешь отрицать, что музыка вызывает мощнейшие всплески эмоций и побуждает человека выражать свои способности в определенной области научных знаний? — придирчиво спросила Жанна.

— А я думаю, что люди рождаются с особым техническим мышлением. Мне кажется, музыка может помочь ученому расслабиться, «отпустить» мозг на свободу, чтобы вытащить в нужный момент из подсознания что-то важное, новое — и только. Открытия по заказу не делаются. Это результат интуиции и великого труда, — строго, как учительница школьнице, ответила Аня.

— Без озарения, одним протираем штанов ничего не высидишь. Но оно посещает только идущего в гору, — поддержала мнение обеих Инна. — Я думаю, природа таланта у физиков и лириков одинаковая. Возможно, у них общие корни, но ветви все-таки разные. Я не настаиваю на своих словах. Это вопрос к специалистам.

— Ты имеешь в виду, что у них работают разные полушария мозга? Но исследования показывают...

— Можно проводить правильные опыты, но выводы из них делать абсурдные. Как-то слушала по телевидению лекцию одного американского ученого и за голову хваталась от его умозаключений, — вспомнила Жанна.

— Иногда бывает, но я бы не была столь категорична. Я читала, что лирик творит, когда под влиянием вдохновения наружу выходят неконтролируемые переживания, скрытые в подсознании. И Рита писала: «Роман вел меня за собой. У меня сначала был один главный герой, а к концу книги на первый план вышел другой. И в содержании к концу работы я выплывала совсем на другие берега. Я словно бы подчинялась чужой воле. Напишу фразу, а она будто не моя, точно кто-то мне ее подкинул. Мистика какая-то», — по памяти процитировала Инна отрывок из письма подруги. — Получается, у каждого творца свои взаимоотношения с вдохновением? Мне тоже иногда кажется, что в произведениях заранее зафиксирован определенный код, и он ведет автора. Это как... в колоколе заложен тон его звона. И в пьесах Шекспира закодировано послание, которое люди вот уж четыре века пытаются расшифровать, — высказала свое предположение Инна.

— И в Библии тоже, — напомнила Жанна. — Ты Библию и Шекспира поставила бы на одну доску?

— Постичь тайну писательства, как и тайну открытий невозможно, — ушла та от ответа.

— Пока невозможно, — заметила Лена.

— А если в подсознании пусто? — попыталась прекратить серьезный разговор подруг Аня. Она лежала с закрытыми глазами и внимательно слушала беседу. Но ее уставший

мозг уже не погружался в глубину их высказываний.

— Поэтому ты и не пишешь, — мгновенно отреагировала Инна. И этим она снова явно выразила свое недовольство Аниным вторжением в их с Леной разговор.

«Трудно найти больших антагонистов, чем Инна и Аня», — подумала Лена.

— Отлипни, язва. Отзынь. (Ого, как она быстро обучается!) Приступ злого остроумия накатил? Может, позволишь и мне черпать из того же колодца? Или хотя бы поцарапать по его дну? Каждый образованный человек способен написать один роман о своей жизни, и он может оказаться достаточно интересным. И в одном фильме талантливо себя сыграть.

Инна энергично возразила Ане:

— Не каждый. Если есть что за душой. Знала я мужичка. Всю жизнь одну беспомощную повестушку мусолил. В голову ему лезла всякая дребедень, он ловил смутные тени далекого прошлого, воображал себя великим любовником. Жена терпела. Лучше на бумаге, чем в реальности.

— А мне один наш местный поэт рассказывал, мол, поймаю какое-то яркое душевное состояние и запоминаю, а вспоминая, чувствую его как в первый раз и снова завожусь. Это, пусть даже секундное ощущение, я не забываю никогда, потому что оно — точное попадание в сердце. — Это Жанна, очнулась от легкой полудремы, и, не желая своего вовлечения в серьезный диспут, увела подруг от возможной перепалки.

— Наверное, он настоящий поэт, — сказала Аня. — А я могу рифмовать только сюминутные чувства.

— Ты совсем как ребенок, — насмешливо фыркнула Инна и тем заткнула ей рот.

*

— Лена, ты утверждаешь, что Рита не посрамила память предков, написала книжки на все времена? Так отчего же она не прорвалась на «мировую арену»? — не могла ни уколоть хотя бы заочно свою давнюю подругу Инна.

— Это и есть самое трудное, — заметила Лена. И сказала она это с такой интонацией, что Инне больше не захотелось говорить на эту тему.

— Послушай, в книгах для детей ты используешь контраст жизни в детдоме с прекрасной природой, а во взрослых что противопоставляешь? На чем строишь и чем наполняешь противоборствующие сюжетные линии, что составляет их мощный контрапункт?

— Разные семьи.

— Всего-то? Ну да, тебе как физику недостаточно рассмотреть одну семью. Тебе требуется преподнести читателю серию исследований, прежде, чем сделать существенное заключение.

— Эта мозаичность мне близка.

— Ха. Неожиданный взлет смысла на основе элементарной житейской канвы? Надо же! А я думала, ты современную примитивную жизнь своих персонажей с доблестью и славой великих героев прошлого сравниваешь. Недостатка в них у нас нет. И труды окупятся с лихвой. Ты хотя бы в начало девятнадцатого века окунулась.

— Ты права. На примерах великих героев даже понятие любви проще раскрыть. Оно будет выглядеть более возвышенно и выпукло. Но если уж быть совсем точной и даже занудливой, подумай, откуда писатель берет детали и подробности личной жизни своих «далеких» персонажей? Из собственных фантазий, из своего жизненного опыта и его переосмысления. И если они талантливы, то становятся фактами их биографий. Да и сама история часто оперирует не только фактами, но и представлениями отдельных людей об этих событиях. Так зачем же далеко забредать?

— История пишется мужчинами о мужчинах.

— А как же исторические документы? — возникла Аня.

— Документы почти «не меняют показаний», но, хотя и говорят, что против фактов не попрешь, прочтение их бывает разное. И, оценивая прошлое, мы — даже в схожих проблемах — не можем полагаться на современные взгляды. Подходы в былые времена существовали иные, — ответила ей Инна.

— Мне нравится, что в художественной литературе интерпретация фактов часто бывает интереснее самих фактов. А полярные мнения — стимул для полезной дискуссии. Но нырять в далекое прошлое — не мой и не Ритин метод, — твердо и определенно сказала Лена.

— Наверное, любопытно проникать в запретные зоны души персонажей: что-то обострять, усиливать, утрировать; позволять себе высокую степень свободы, мол, и так могу, и этак. А на что-то не реагировать и упрямо вкладывать в уста героев свои мысли, предоставляя читателю угадывать шифры второго, третьего плана. Всё в твоих руках! Это греет, — с удовольствием представила ситуацию и себя в ней Инна.

— Смысловый центр писательского творчества — человек и его ненадуманые проблемы. Естественно, что и прошлый, и современный жизненный опыт преломляются в наших произведениях. Мы с Ритой, хоть и по-разному, но пишем о людях ничем особенным не выделяющихся. Представь себе, писать о них много труднее, нежели о великих. Одно дело, если завязкой романа служит жуткий страх, мощная страсть, дикая ненависть, и совсем другое — если грусть, терпение, обиды. То есть сюжет не напряженный, но содержащий неожиданные повороты. Но нам хочется выяснять, чем живут массы, что побуждает их к тем или иным поступкам. Это не только интересно, но и важно.

— Вариации на тему пусто потраченной или достойной, но примитивной жизни? Фи-и-и. И ничего особенного, протестного?

— Не в плане политики.

— И все же «въехать» в премию на биографиях великих людей легче. А если еще подвизаешься где-то там, в партийных или общественных кругах... Ты, конечно, по понятным мне причинам, туда никогда не рвалась. Тебя всегда только наука и дети волновали. А теперь уже поздно на практике вникать в универсальные, всеобъемлющие категории бытия высших слоев общества? На описании русского гостеприимства широты характера не высветишь. Тут более мощные толчки и стимулы требуются, — усмехнулась Инна. — И в современном мире есть люди, которые связывают времена или их «разрывают», разрушают. Вот о ком надо писать, вот кого надо раскручивать. Их нужно уметь вычислять и «оприходовать».

— Я не Пимен нынешней эпохи. У меня нет таланта глубоко вникать в историю, меня мало интересуют взаимоотношения политиков. Я с треском провалю этот экзамен, — сказала Лена.

— В твоих книгах политика как фон, как присыпка на хлебе для вкуса.

— Я кое-что понимаю в жизни отдельных людей, вот и преподношу, так сказать... Говоря стихом редактора одного Липецкого журнала Игоря Безбородова, я по-своему «ратоборствую с судьбой» своих героев.

— А если только заведомо ради премии постараться? Может, недоучла? — Инна «расшалилась». Она разогналась, и самой остановиться у нее уже не получалось.

Лена прикрыла глаза, показывая тем, что беседа окончена.

— Я слышала по радио, что подлинному писателю не пристало касаться социальных проблем. Это дело прессы, — дав подруге немного отдохнуть, вернулась Инна к своим вопросам.

— Не думаю, что ты правильно поняла эту фразу. Вырванные из контекста слова часто

меняют заложенный в них смысл, — рассеянно ответила Лена.

— А Рита не пыталась писать о большом современном политическом деятеле с мощным самоощущением нации, с огромным багажом исполненных во имя народа дел? Или тоже нос воротит? Как в народе говорят? «Хочешь прославиться — пиши о крупных начальниках. Золотоносная жила! Их-то не забудут. И твое имя в связи с ними всплывет». Настоятельно рекомендую.

— Рита хотела. Помню, рассказывала, как увидела одного чиновника по телевизору: лицо приятное, глаза добрые, и загорелась о нем написать. «Разыскала его квартиру и говорю его жене, что имею мечту описать детство и юность вашего мужа, проследить весь его жизненный путь: становление, развитие, созревание личности. Хочу понять, как он дорос до высокого чина, чтобы примером стал для современных молодых, энергичных и предприимчивых». А она мне с презрительной усмешкой заявила: «Спала его мама с членом правительства, когда он молодым в их обкоме партии работал, — вот и вся предыстория и причина его удачной карьеры». Больше Рита не пыталась изучать биографии высокопоставленных лиц. Простой люд ей ближе.

— А если бы тебя попросили написать о крупном чиновнике? Взялась бы?

— Я не журналист и не могу работать по заказу. Пробовала. Казенно получается, без души. Стиль повествования выходит бесстрастный, будто намеренно сухой, словно лишнее боюсь сказать. Мне надо полюбить тему, чтобы вдохновляла. Я не могу писать с холодным носом.

— А о детях с особенностями развития? — осторожно спросила Аня.

— Не соглашусь. Риск — это экспромт без всяких обязательств, а я так не могу работать. Когда я за что-то берусь, то сначала думаю: во имя чего я это собираюсь делать? Не навредить бы. Смогу ли? У этих детей особое, отдельное видение, собственный, всегда неожиданный парадоксальный мир. Конечно, интересно видеть, когда «зиме вопреки, вырастают у бабочек крылья». Эти дети безусловные, обаятельные, согревающие сердца, но и очень ранящие сочувствующие души.

— Эти дети нужны обществу, чтобы мы оставались людьми, — сказала Жанна.

— Они нерациональные, но по-своему умные. Когда я общаюсь с ними, у меня будто бы меняется картина мира, и жизненные приоритеты я начинаю расставлять иначе. Но с ними... слишком больно. Я не выдерживаю... После них, я и к здоровым детям отношусь уже по-другому, — совсем уж тихо закончила размышлять вслух Лена.

— Приоритеты штука серьезная. Например, представляешь, что сказка про золотую рыбку не о жадной старухе, а о преданной любви старика, — и мир поворачивается к тебе другой стороной.

Но ты же у нас на особом положении! Может, надо, чтобы размер гонорара не предусматривал отказа, тогда получится совместить приятное с полезным? Не сошлись в цене? — с непроницаемым лицом сказала Инна, чтобы отвлечь подругу от давящих мыслей о детях с особенностями развития. Но, заметив, что та еще больше помрачнела, отступила.

— Неудачная шутка. И думать забудь о вознаграждении. Встречи и беседы я тоже всегда провожу бесплатно, даже если их «набегают» по десятку в месяц, — строго напомнила Лена Инне. — И свои книги я передаю спецшколам и детдомам безвозмездно, дарю.

— Понимаю, по большому счету это твоя благотворительная деятельность. Ладно. Вот тебе следующий вопрос:

— Ты не волнуешься на встречах с читателями? Они же могут задать вопрос на любую тему.

— Я же педагог. Я и перед студентами никогда не волновалась. У меня с детства была такая шутка: «Преподаватель всегда знает чуть больше ученика». А на встречах у меня диапазон возможных ответов намного шире.

— Ты заранее не заготавливаешь вопросы, которые задашь читателям...

и их продуманные ответы тебе? Я опять неудачно пошутила или не вовремя «выкинула номер»? И ты не рухнула от удивления? Не заводись. Когда я смотрю по телевизору встречи с артистами, у меня иногда складывается впечатление, что это хорошо срежиссированные собрания.

— Я люблю экспромты и естественную непринужденную обстановку, — бесцветно ответила Лена подруге, давая ей понять, что обижена.

— По настроению твоя проза близка к Ритиной?

— Тебе со стороны видней. — Голос Лены всё еще звучал сухо и отрывисто.

«Что ее задело? Испугалась трудностей в налаживании межличностных связей с больными детьми? Вспомнила свои посещения домов для инвалидов? Неужели обиделась на шутку?» — не поверила Инна, но больше не приставала.

*

— Радостные эмоции не сочинишь, их надо пережить, вспомнить или открыть в себе заново и суметь передать словами. Пенек с пустыми глазами ничего не создаст. В детдоме трудно проявиться веселому лирику. Дети там почти все зажатые, затурканые. А грустное им легче дается. Достаточно иметь оголенные нервы и обостренное чувство справедливости — и вот тебе пронзительная исповедальная нота, — сказала Жанна Ане.

— Писателем нужно родиться, — не согласилась та. — Собственно, как и хорошему математику. С той лишь разницей, что математик лучше творит в молодости, а писателю нужен жизненный опыт. Чтобы что-то отдавать, надо это сначала накопить. Но прежде он должен... услышать небо. Каждую книгу надо «прожить», тогда она будет чего-то стоить. Но ты права, где как не в детдоме произрастает грустному лирику. Именно из отчаяния подчас в душах рождается и прорастает самое сокровенное.

— А если не лирику, то бесшабашному блатняге. Голодный волк не может поднять глаза к звездам, но он воет на луну. И абсурд жизни с таких ребят, как правило, уже не осыпается. Для одних это повод к отчаянию, для других — борьба со смертью или сговор с нею.

— Это больно и противно Ритиному нутру, — возразила Жанне Лена.

— Один мой неискушенный друг утверждал, что дети воспринимают свою трудную жизнь без трагедий. Мол, я тоже не всегда был сыт и черные сатиновые трусы до колен и шаровары с начесом тоже были символами моего детства, но от этого я не был менее счастлив, — поведала Жанна свои сомнения.

— Речь идет не о пирожных и шмотках, а о моральной стороне жизни. Я понимала свою детдомовскую обездоленность, униженность, неполноценность и очень страдала, — нервно возразила Аня.

— Может, мальчишек меньше трогают моральные заморочки? — предположила Инна.

— Видно, друг Жанны, не был детдомовским, при мамочке рос, — резко отреагировала Аня.

— Мне «Республика «ШКИД» вспомнилась. Там было много детей из благополучных семей, Революция их лишила родителей, детства и закрутила-завертела... Там такое творилась! — сказала Инна.

— У нас в городском детдоме в среде девочек не было издевательств, дедовщины. Случалась только веселая буза. Про ребят ничего не могу сказать. Мы почти не общались, в разных корпусах жили, — сказала Лена. — Аня, а теперь как?

— В детдома поступает много асоциальных и дефективных подростков. Все зависит от руководителя. Он набирает воспитателей, он определяет атмосферу в детском коллективе. В детдомах очень трудно работать, особенно, если группы большие. Детям требуется индивидуальный подход.

Жанна не стала спорить, о творчестве заговорила.

— Мне кажется, детская поэзия — та, что для самых маленьких — должна рождаться в головах счастливых людей.

Но Инна опять за Риту принялась:

— Ритины персонажи живут по-настоящему трудно, мучаются, страдают, меняются. Ведь развитие человека — это долгий путь, а не отдельные моменты. У ее героев есть память, они небезразличные. И это понятно. В России искусство и литература всегда носили характер совести. Это утверждал и мой любимый режиссер Шахназаров. Иногда мне кажется, что литература и есть наша национальная идея, наша религия, потому что у нее масса внутренних эстетических, моральных и воспитательных задач.

У Риты получилось слить житейскую мудрость с писательским талантом, а вот удалось ли ей избавиться от тех смыслов, которые навешивала на нее предыдущая эпоха? Сумела ли она своим замутненным коммунистическими воззрениями взглядом охватить новое время? Советский реализм, впитанный с молоком матери-родины, не смущает ли до сих пор ее тонкую душу? Ущемлять, ограничивать... Не идет ли она на поводу у прошлых страхов, когда книги могли изъять из свободного обращения или того хуже... Ведь ее роман с советской властью был успешным. Она благоволила ей. Рита укрепляла социалистические социальные смыслы или главное у нее всегда таилось не в строках, а между ними? А теперь как? Она не впадает в отчаяние? Времечко за окном, вон какое... «развеселое». Я еще в раннем детстве поняла, что человек больше всего по-настоящему боится другого человека... Хотя теперь многое уже налаживается.

Но Лена спросила подругу жестко:

— Ты о чем? Стремилась ли власти перекрыть ей кислород? Ты о творческой смелости или о тени от оков сталинизма?

— Так я тебе прямо и скажу! — попыталась отшутиться Инна. Ей не понравился слишком серьезный настрой подруги.

Но Лена продолжила наступать:

— Цепи прошлого давно сброшены. Рита еще в детстве отбоялась и оттринула весь свой страх. Она не прячется за кого-либо, не идет против течения, но твердо стоит на своих позициях. И говорит, что думает, потому что сильная, самодостаточная личность, сформировавшийся писатель. Ей уже ничто не повредит. Разве у Риты что-то не задалось, не сложилось? У тебя устаревшие взгляды. До сих пор на генетическом уровне гнетет ощущение темной ночи и черного воронка? Не тесна ли тебе смирительная рубашка совковых предрассудков? Избавляйся от нее. Забыла, что одиннадцатая заповедь гласит: «Не бойся»?

Инна, не понимаю я тебя. Для Риты говорить о кощунстве советской власти во всех аспектах нашей прошлой жизни — фарисейство. Детдомовским детям она всё дала. Родина на самом деле была нам матерью. Случались кое-где отклонения и проблемы, но они возникали, если детдомом руководил недостойный человек. Рита считает, что и нынешнюю власть, если она работает на пользу России, надо поддерживать. Она, некоторым образом, относит себя к левой ветви патриотической интеллигенции.

— Я где-то читала, что воля важнее таланта, — ушла от критического настроения подруги Инна.

— При наличии таланта, — уточнила Лена.

Она сделала паузу и вернулась к литературным характеристикам:

— Так вот, в продолжение нашей с тобой темы... Ты всё ещё считаешь, что приверженность к классическим традициям тормозит развитие нового в литературе? Ее каноны сковывают воображение? Держаться традиций, значит оставаться в прошлом? Нужен ли их диалог?

— Да. А это значит, что Рита придерживается наивного реализма и только в этом случае она «обречена» на оглушительный успех. Или у нее в голове мешанина направлений?

— Может, и классику проверим на соответствие новой эпохе?

— Столкнем с современными творениями, сломаем стереотипы ее неприступной цитадели, — смеясь, продолжила Инна. — И произойдет чудная метаморфоза! Какое потрясение! Хотя нет. Если человек читает классику и она ему не нравится, значит, дело в нем самом.

Инне показалось, что Лена при этих ее словах саркастически усмехнулась, хотя она спокойно и приветливо продолжила свое разъяснение:

— Любое произведение состоит из текста и его восприятия. Восприятие событий от эпохи к эпохе меняется. Кандинский как говорил? «Всякое искусство — дитя своего времени». Сервантес семнадцатого века не равен Сервантесу двадцать первого. Мы смотрим в зеркало произведения, а видим и ощущаем себя в нем, потому что литература делится не столько знаниями, сколько чувствами. Она посредством художественного языка объясняет их нам.

— Зрелым читателям самоценно не само событие, а человек в нем, ему важна «история его души». Изображая сложность и многогранность своего персонажа, автор может убийной силы отрицательного героя, злодея, представить талантливым, обаятельным, просто обворожительным. Отрицательные герои — яркие, «мясистые», но токсичные. «Какой мерзавец!» — со злым восхищением говорят читатели. А положительные персонажи более плоские, меньше цепляют, зато больше радуют.

А некоторым нравятся исторические отсылки на тот или иной год, достоверность и проблематика того времени. Есть же естественная потребность знать наше прошлое, чтобы правильно оценивать настоящее и предвидеть будущее. И мы приближаем его в своих воспоминаниях, — продолжила Ленины рассуждения Аня.

— У животных нет прошлого, нет истории, — хмыкнула Инна. Ее опять покорило Анино вмешательство в их с Леной разговор и ей захотелось сбить ее с толку.

— Помню, нас учили в школе, что нужна временная дистанция, чтобы понять и осознать настоящее, что всё правильно видится на расстоянии.

— В этом и состоит трудность авторов, пишущих о современниках. Но они берут на себя ответственность не исказить действительность, — серьезно отреагировала Инна на Анину фразу.

— Все мы воспринимаем действительность в той или иной степени искаженную нами самими. И все же она есть реальность, — заметила Аня.

— Я меньше всего хотела бы не верить писателям. Они опираются на факты. Документы прошлого фрагментарны и писатели их соединяют, составляя общую картину. Еще Пушкин писал, что история принадлежит поэтам, — сказала Жанна.

— История — последовательность прогнозируемых и непрогнозируемых событий. Она принадлежит историкам, — насмешливо заметила Инна и добавила уже совершенно серьезно:

— И в конечном итоге всем людям. «Кто же нас по Имени назовет, если мы сами себя знать не будем?»

— Все авторы опираются на факты, хоть и в разной степени. По ходу нашей беседы мне пришел на память пример: Толстому в упрек ставили что-то порядка семидесяти исторических ошибок и неточностей в его романе «Война и мир». Но от этого его произведение не стало менее великим, — сказала Аня. — Гениям многое прощается. Не было у Толстого консультантов, которые могли бы защитить его от исторических погрешностей. Он единолично работал.

— Ученые составляют общую панораму событий, а писателей интересуют люди в предлагаемых обстоятельствах. Историкам — факты, писателям — образы, эмоции. Есть историческая наука, а есть литература. У них разные задачи и методы, — заметила Лена.

— Настоящая история — это история личностей, — «солидно» заметила Аня. — Кстати,

в школе нас учили, что христианская идея является сердцевиной творчества наших классиков девятнадцатого века, которыми нас пичкали — и не напрасно! — с пеленок.

— Подразумевай — нравственная идея. В то время они приравнивались, — сказала Жанна.

— А теперь ножницы образовались. Даже наше подростковое прочтение классики и современное — как два полюса. Но причина здесь другая, нет давления советской идеологии. Да и время сейчас такое: многое в морально-этическом плане обесценено или потеряло свой первоначальный истинный смысл. — Инна будто попыталась кого-то оправдать. Но тут же спросила:

— В Рите нет ничего от ретрограда?

— Ты о религии или ещё о чем? Церковь как произведение искусства она одобряет, — ответила ей Лена. — Говоря казенным языком некоторых критиков, ее творчество входит в непримиримое противоречие только с безнравственной культурой. Но связывать идею развития и укрепления национального самосознания в России исключительно с одним только православием считает глубочайшим заблуждением.

И опять Инне в словах подруги почудилась ироническая интонация. Ей даже показалось, что она прозвучала неожиданно зло. «Устала. Пытается деликатно отвязаться от меня. Значит, я взяла неверную ноту», — подумала она и не решилась продолжать разговор в том же ключе. Но обидчивое удивление на лице все-таки изобразила.

— Вы с Ритой похожи в своей парадоксальной несхожести... (?) Интересный был бы тандем, — минуто-другую спустя, опять же в своей манере, только осторожно, закинула удочку Инна. — Но мне кажется, у вас нет больших семантических различий в языке.

— Этот твой вопрос типа такого: «На столе стоит бутылка, пепельница и книга. Что между ними общего?» — насмешливо сказала Жанна, чтобы позлить Инну.

— «Парадокс близнецов» вспомнила? — спросила ее Аня.

— В природе нет парадоксов. Это ошибка гениального Эйнштейна. Он раздвинул горизонты науки, показал, что есть абсолютно другая физика — релятивистская. А маленькие ошибки и недочеты — это нормально. Наука развивается и постепенно их исправляет. Парадоксы в головах людей. А наши с Ритой книги интонационно не схожи, — ответила Лена теперь уже конкретно Инне.

— О, эти неповторимые интонации! Именно они говорят о намерениях героев.

— И смысловая канва у нас разнится, и проникновение в сущность героев у каждой свое. К тому же Рита раньше и энергичнее заявила о себе, и продолжает набирать обороты. У нее подробные бытоописания, а у меня одни вопросы. И как всегда их больше, чем ответов. Я в основном налегаю на чувственную сторону, а Рита на эффектную канву и яркую художественную ткань произведения. У нее хорошо получается. Я не пишу иллюстративные вещи, иду от самого материала, а он уж показывает, куда вести и что транслировать читателю. Стоит начать, а дальше произведение как бы само себя осуществляет. Если накрывает вдохновение — рука еле успевает записывать. Пишу, пока не почувствую торможения мыслей. Моменты творения неуловимы и не предсказуемы по своей сути. Нахлынет и всё.

— Я иду... А Пикассо говорил: «Я не иду, я нахожу!»

— С Леонардо да Винчи не хочешь меня сравнить?

— Странная прихоть. Понятно. Как всегда иронизируешь, издеваешься над собой? Тебе надо чаще себе говорить: «Можно я не буду слишком скромной?» — Инна рассмеялась.

— Да Винчи тут ни причем. Не на него я нацелилась. Я воображаю, что твоя душа переключается с душой Лермонтова, что ты с ним на одной волне.

— Спасибо. Мне до него, как до звезды. Не подлежит сомнению, что место рядом с ним до сих пор вакантно.

— Интересно слушать о себе откровенные суждения?

— Откровенные — полезно, дорогой мой приверженец и поборник правды. А от льстивых у меня надежный панцирь из недоверия и сомнений, — сказала Лена. Она понимала, что Инна не нахваливает ее дружески, а просто, любя, совсем немного приближает к той самой... детской мечте. — Общее у нас с Ритой — неослабевающая, жадная потребность писать. (У графоманов тоже.) Любить надо то, чем занимаешься, а не вымучивать создаваемое, да еще и ставить себе в заслугу, что дело идет с трудом, со скрипом. Без любви к делу я не мыслю творческого процесса. Только при этом условии можно в себе и в других что-то открыть и преподнести читателям.

— Один художник сказал другому, мол, хорошо написал, но твой цветок не пахнет счастьем, я не чувствую его аромата. А о литературном произведении или о какой-то его части можно так сказать?

— Безусловно. «Красиво, правильно написал, но не талантливо».

— Лена, ты же не знаешь, о чем на самом деле думает тот или иной твой герой и, тем не менее, пишешь «подумал он». Ты его характер как пазл собираешь? От одного человека отщипнешь, от другого. По психотипам людей раскладываешь, представляешь, как они могут мыслить, вести себя. Да?

— Что-то вроде этого — улыбнулась Лена.

— В простом видишь сложное, в известном ищешь неизвестное. Умеешь разглядеть волшебство и отстраненность в бытовых вещах. Четко понимаешь, что тебе помогает, что мешает, — продолжила вслух размышлять Инна. — Ты могла бы писать о том, на что есть спрос? Это давало бы тебе средства к существованию и обеспечивало, а может, даже гарантировало успех. Допустим, о всяких там отвлеченных материях.

— А ты сама, что об этом думаешь? Нет мне туда ходу, — ответила Лена серьезно. — Передо мной не стоит насущной задачи выживания любым способом. Не могу похвалиться, что деньги у меня водятся, но жить и писать так, чтобы искать «пристанища на любом корабле», мне еще не приходилось, и, думаю, уже не придется. Я пишу только о том, что душа требует.

— Ты настоящий ученый и писатель, а значит, больших денег по определению у тебя быть не может. Не живешь «в сиротском свете стосвечовых люстр».

— И «сырый свет убогого алмаза» не туманит твоего взора, — с удовольствием подыграла Инне Аня. — Все мы не большие знатоки роскоши и не законодатели изящного вкуса.

Инна, недовольная новым вмешательством в их с Леной разговор, только глазами раздраженно сверкнула, мол, тоже изголодалась по общению? Только не звала я тебя! Она ревниво принимала к сердцу любые вторжения в их с Леной «личную жизнь», и тем более чьи-то удачные «выступления».

Лена, понимая это, слегка нахмурилась.

3

Немного успокоившись, Инна продолжила:

— Писатель обязан обладать изрядным запасом слов и определенной эрудицией. Как у тебя с этим? Ты же технарь. Мы все немного сухари.

— О тебе этого не скажешь, — с улыбкой заметила Лена. — Я только на откате девяностых начала всерьез писать, наращивать умение и раздвигать над собой потолок. От силы лет пять, да и тех по совокупности, пожалуй, не наберется. Правда, в детстве стихами и прозой отзывалась на любое событие, но в основном в форме «устного народного творчества». Да и позже иногда пыталась, но моя занятость... А Рита уже успела поработать в самых разных жанрах. Даже внештатным корреспондентом какой-то газеты побывала, потому что с самого начала была заточена

на профессионализм. Все искала себя, но никогда не выпячивала. Долгим был ее путь к известности. Много лет по шипам шагала, пока пришло признание. Размышляла, переосмысливала уже написанное, новое начинала. И теперь продолжает оттачивать свое мастерство. Настоящий писатель не перестает расти. Но ей повезло, потому что она удачно дебютировала еще в СССР, в счастливые шестидесятые, в эпоху еще несломленных иллюзий, которые прошли под знаком оттепели. Она успела вскочить на подножку последнего вагона быстро удаляющегося поезда, и вошла в литературу через широко распахнутые ворота. А я, как говорил о себе Жванецкий, в написании больше руководствуюсь интуицией, чем компетентностью.

— Рита уже писала, когда ленинская цитата на титульном листе книги еще являлась охранной грамотой произведения, когда верили, что слово правды может перевернуть мир. Но и главенствовали убогие советские клише типа того, что все писатели обязаны что-то сказать против религии, и было директивное навязывание мнений, подталкивание... на скользкий путь лести, — насмешливо перебирала знакомые хлесткие фразы критиков Инна. — Она писала санкционированное, разрешенное.

— Не преувеличивай цензорские страсти в советский период. К тому же у Риты претензии в основном к себе, а не к критикам.

— Существенный штрих: она применяла лозунги ограниченного значения, для внутреннего пользования. Или нет? Но Рита писала и после того, как произошло разочарование в «оттепели». И началась ее трудная, но полноценная жизнь. Как же, каждый день как на костер! Прежде, чем о чем-то написать, надо крепко подумать. Я ошибаюсь? И теперь пишет, когда совсем исчезла цензура. Пафос в изображении советского периода у нее уже пошел на убыль или она застряла в прошлом? Писатели перестали бороться, и от этого их произведения стали хуже.

— Зачем ты так? Избегай соблазна упрощения. Талантливый художник-мультипликатор Норштейн как-то заметил, что цензура денег гораздо более омерзительная, чем политическая. А он мудрейший человек. Я его уважаю.

— Не помню, кто недавно сказал, что без свободы творчества нет ответственности. Только какая же это свобода, если зависимость от денег? — удивилась Инна. — Задам абсолютно дилетантский вопрос: «А теперь Рита пишет под знаком перестройки без праздничной приподнятости? Она вышла за рамки советского официоза, но напоминает нам о недавнем прошлом, буквально втягивает в него, чтобы мы одновременно смеялись и плакали над ним, чтобы лучше понимали себя в новом пространстве?»

— Рита никогда не тяготела к высоким фразам. Она не бунтарь, но и не из тех, которые говорят как официанты: «Чего изволите?» В ее творчестве были периоды растерянности, отторжения, непонимания, неприятного изумления и даже отвращения. Но она писала в стол. Внутренняя работа в ней не прекращалась, душа металась и скорбела. Ничто не укрывалось от ее пронизательного взгляда. Бывало, что она одна не разделяла общего мнения и сохраняла свои суждения в неприкосновенности, дабы не замараться. И это при ее вроде бы трогательной одухотворенности ребенка. Не потерялась она в постсоветское время, нашла свою нишу. Никакая политическая система не способствует рождению талантливых людей, нет такого закона в природе. Они сами по себе являлись во все времена, и теперь рождаются, только их надо суметь разглядеть.

— Рита вписалась в советские каноны, не бросала камней в сторону советской власти, но о партии не писала. Что-то внутри нее сопротивлялось, и она не могла позволить себе этого. Не ее конек, — подтвердила Инна. — Кто их, тех сталинских и брежневских лауреатов теперь помнит? Тогда давали премии за общий вклад в дело партии.

— Обывательский вопрос. Опять крайности. Не кори тех писателей. Многие исчезали с писательского горизонта. Быть самим собой во все времена по разным причинам нелегко. А тогда надо было суметь встроиться или замолчать. И все же в советское время выходило много прекрасных книг. Мы и наши дети на них выросли. Вспомни Василия Белова, Даниила Гранина, Леонида Быкова, Аксенова, представителей «деревенской» прозы. Их породила оттепель. Страна радостно вздрагивала от огромного количества талантов возникавших во всех областях нашей жизни! — восторженно провозгласила Аня.

— Для нас они были великие, а для современной молодежи? — с сомнением покачала головой Жанна.

— Так ведь классики... — растеряно ответила Аня.

— Увлечение политикой в свое время утащило Маяковского в бездну, — издали начала подступать Инна к новой теме.

— Ты не смотри на то, «что?» он писал, а вникни — «как?» И тогда поймешь, что он поэт с большой буквы, — пробурчала Аня. — И наша Рита, как мне представляется, следовала и следует своему таланту, своей неповторимой индивидуальности мыслей и чувств.

— Кто бы сомневался! А теперь имя не давит на Риту, она не стремится в круги власти?

Лена не обратила внимания на Иннину реплику.

— Каждый творческий человек ищет собственную художественную стезю. В свое оправдание могу сказать, что будь на месте Риты, я бы даже не пыталась ухватить направление течения времени, чтобы осмыслить ход истории. Я оставляла бы это сведущим. Думаешь, это мое уязвимое место? Нет. У меня другая творческая ориентация.

— Хочу заметить, что в переломные моменты жизни страны произведения часто ценятся за смелость высказываний без учета качества текста. Наверное, это не совсем правильно?

— Время отсеет лишнее, неталантливое, — ответила Лена подруге.

— Мастерство — это техника, а за ним начинается творчество?

— У кого как.

— Теперь перед Ритой раскрылись прекрасные перспективы. (Без денег?) И проза её представлена, и стихи. Ей грех жаловаться, — сказала Жанна. — Я кое-что из ее последних сборников читала. Подруги присылали.

— Это по-настоящему волнующе. В награду она получает обвал любви и обожания! И критики относятся к ней благожелательно, — тихо и восторженно сказала Аня. Она гордилась подругой.

— Многие критики — снобы. Может, Рита не попадала в их поле зрения, — из чувства противоречия возразила Инна.

— Тогда откуда заветные, престижные награды, бесценное признание коллег?

— Ха! На нее обрушилось бремя славы! Хорошо пишет, но без тайны, прозрачно, — принялась упорствовать Инна, не зная к чему бы придраться.

— Так не детективы же и не фантастика, — удивилась Лена. — Это в них увлекает атмосфера сгущения страха, накал страстей и ужасов.

— Напрасно вы с Ритой не в тренде. Тебе бы с ней сценарии к милицейским сериалам писать или мистические триллеры, тогда на всю страну быстро прославились бы. А то некоторые только после ухода из жизни получают настоящую известность. Тогда их творения сразу приобретают особую ценность, и сам автор становится героем-мучеником. Боготворить его начинают, особенно, если он рано покинул этот мир и уже не конкурент живым. А других вовсе забывают, будто и не было их на планете Земля. Они «уходят в перегой».

В словах Инны прозвучала неприкрытая ирония. Но Лена не поддалась на провокацию, и, чтобы подруга не «увлеклась» только что заявленной ею темой, о себе заговорила:

— Я не уверена, что в полной мере владею словом, и рискую выглядеть дилетантом. Соответствуют ли мои книги тому, чтобы называться литературой, а не макулатурой?

Она неопределенно пожала плечами, давая тем самым понять, что не считает свои писательские опыты чем-то выдающимся и не ищет громкой славы.

«Так о себе может сказать только Лена», — подумала Инна.

— Совершеннейшая чушь. Не наговаривай на себя. Придет же такое в голову! Дилетантство, свежий взгляд и движение на ощупь иногда приводят людей к открытиям.

— Вот именно, что иногда.

— Что из того, что ты начала писать много позже Риты? У тебя чувство слова — врожденное, а не приобретенное. Ты Божьей милостью писатель. Ты слишком к себе строга. Зачем приписываешь себе несуществующие недостатки, объясняя их неискушенностью в литературных изысках? Боишься затеряться среди графоманов? Зря. Нет, я понимаю, в любой профессии можно существовать достойно только до тех пор, пока не утрачена способность к обучению. Я продвигу твой грандиозный успех.

— Да уж... Какой аванс доверия! — чуть насмешливо протянула Лена. — С отчаянным максимализмом пытаешься защитить меня от самой себя? У меня хватает ума бить себя по рукам и... по глупым мыслям. Всем нам это иногда требуется. И не будем забывать то, о чем напоминала нам с тобой в детстве моя бабушка: «Загад не бывает богат».

— Еще бы, ты же все время находишься в состоянии оценки. Вот сиди и жди с моря погоды, — недовольно буркнула Инна.

— Во время творческих исканий, чтобы выскочить из собственной оболочки, писатель должен оставаться один на один с самим собой, а у меня дома — ты же в курсе — даже нет места, где бы я могла уединиться и, не отвлекаясь, сосредоточиться. Мне часто не удается до конца записать внезапно пришедшую мысль, не то что засесте за размышления. Много откладываю на потом. Пишу урывками, между делами, на бегу. В мою работу над книгой постоянно вторгаются бытовые проблемы. Я не имею возможности посидеть за письменным столом и полчаса кряду. Если только ночью.

Когда родился внук, я взяла себе за правило готовиться к лекциям в институтском читальном зале. Там удается достичь нужной концентрации внимания и максимальной работоспособности. Тишина и особое дыхание зала меня успокаивают и настраивают на деловой лад. Там же ищу темы для рассказов, развиваю их форму, структуру, содержание. Но тогда меня грызет червь сомнения: я недостаточно помогаю детям, мало общаюсь с внуком. А что делать? Если не заниматься любимым делом, это может привести к губительным последствиям, допустим, к депрессии или даже к искажению личности. Свобода и радость приходят к человеку, нашедшему себя. И все-таки я часто бросаю всё и мчусь домой.

— Серьезно? Поразительно! Обрадовала... Зачем, спрашивается, откровенно демонстрируешь преподавательское бытовое убожество? Надо держать хвост пистолетом, мол, «всё хорошо, прекрасная маркиза!» Что примиряет тебя с более чем скромной действительностью? То, что в стесненных обстоятельствах ты не одна? Что глаза округлила? Ждала от меня понимания? И это с твоим-то беспощадным даром наблюдательности? Взятки надо было брать и отдельную квартиру себе строить.

— Инна, тормози. Я, конечно, понимаю твои шутки, но, пожалуйста, не апробируй их сегодня ни на мне, ни на наших подругах.

«Не люблю злые, наглые шутки, особенно, переходящие в пошлость или скабрзность. Они говорят о неуважении к тому, на кого направлены. Надо уметь сразу извиниться, если ненароком сглупила, «с потолка» брякнула. А Инна...» — Аню брезгливо передернуло.

— Не поверю в отсутствие тщеславия. Не чужда? Ведь хочешь же в писательстве, как и в науке, покорить Москву? Давно и прочно? Мучаешься, страдаешь? Мечтаешь, чтобы по твоим произведениям фильмы снимали? Хотя бы по детским. Желаеть, чтобы тебя в будущее взяли?

— Сейчас мало хороших сценаристов. Да и сценарий — это только повод, чтобы режиссер мог выстроить свою картину, так как он ее видит. Режиссерам неинтересно

следовать сюжету. Они придумывают то, чем можно завлечь и удивить зрителя. Это музыканты обязаны исполнять ноты, написанные композитором.

— Пока не стоит тебе заморачиваться и время на это понапрасну тратить? — спросила Аня. И добавила:

— Только в музыке творческие люди могут быть стопроцентно самими собой. И то не всегда. Случалось, что и ее «прикрывали». Джаз, даже танго. Но при Советах писатели, обслуживающие власть, стремилась восхвалять порядочность. А мы их поругивали. Нам этого было мало. Мы восхищались теми, кто писал «неудобную» для руководства правду.

— С некоторых пор считается... — открыла было рот Инна.

Но Лена не дала подруге договорить и отреагировала однозначно:

— Спокойной ночи, малыши.

4

Минута тишины — и Инна избрала новый объект для своего неугомонного красноречия.

— У тебя все подчинено вдохновению, потому и книги такие, а вот от Аллы за версту университетским академизмом несет. Вы разительно отличаетесь. В ее произведениях значительность, многоуровневая разветвленность смыслов того, о чем она говорит, и в большей степени, о чем умалчивает. У нее острый, цепкий ум. Алла не сомневается в том, что изрядно поднаторела в вопросах изящной словесности, и в ней она видит свое откровенно счастливое всеисие. Ее тексты насыщены афоризмами и крылатыми фразами, полны мудрого остроумия. Отличная «выделка» текста! Это бегство в сторону интеллектуальности? У нее злое, но не злобное слово, без кипения и глухого раздражения, без всепожирающей вакханалии ненависти. Но все... как бы теоретическое.

Понимаю, талантливый писатель может написать художественное произведение, взяв за основу любую научную статью. Именно поэтому тексты Аллы концентрированы, самодостаточны. И чувствует она себя в них как рыба в воде, проявляя при этом свое прекрасное образно-поэтическое мышление. Мне случалось обнаружить завораживающие и ослепительные фразы и даже целые абзацы, но ее блистательная риторика и переизбыток внутренних монологов героев затрудняют понимание смысла прочитанного. Раздражает бесстрастная точность деталей, математическая лаконичность формулировок. Будто в них заложена некая схема. И это при том, что замысел и фабула на удивление просты. Они не ее сильная сторона. Они только повод пофилософствовать? Но где тонкий нерв чувств? Почему у нее отстраненный, малоэмоциональный взгляд на события? Порой текст будто выскоблен и отмыт. Ей бы политические памфлеты писать. Она уходит от рефлексии персонажей по отношению к их поступкам и чувствам. Сама все оценивает. Понимаю: точность и достоверность — ее козыри. Но в этом мне видится какая-то ее зажатость.

— Такова ее особенность и манера письма, — объяснила Лена.

— Ей не хватает чего-то живого... и получается тягомотина.

— О фильмах Тарковского то же самое говорили, а теперь в первый ряд ставят, — возразила Аня.

— С моей точки зрения у Аллы социальная концепция превалирует над художественной. Ей бы расширить диапазон чувств, больше внимания уделить страстности... и вообще человеческим качествам. Это важно для понимания ее героев. Она не боится разгромных статей? Интересно, когда она видит природу, ее эгоцентризм на стороне цивилизации или Бога? Сейчас в литературе катастрофически много соотношения с высшими силами.

— Не думаю, что она должна выбирать и принимать чью-то сторону. Но ты сама у Аллы

спроси, — предложила Жанна.

— К ней не подступишься. Строит из себя глубокомысленную особу. Надеется стать предтечей нового направления в искусстве? Тоже мне самопровозглашенный гений! Излишнее мудрствование лишает удовольствия от чтения. Не ложатся на среднюю аудиторию ее произведения, они не формат.

— Умные фразы — те, что вносят в понимание что-то новое, те, которые развивают — это же отлично! — не согласилась Аня.

— Я бы посоветовала Алле простегать сюжет легким искрящимся юмором и приправить более едкой иронией. Их можно позаимствовать, допустим, в томах анекдотов. Беспроигрышный вариант. В крайнем случае, пусть запасется безответственной иронией. Мы, женщины, очень чувствительны к таким вещам.

Я как-то вышла из автобуса и две бабульки со мной. Им лет по восемьдесят. Маленькие, сухонькие, волосики на их головках редкие, серебристые. И тут одна другой говорит: «Гляньте, у вас рукав в чем-то испачкан». А вторая ей отвечает, весело подмигнув: «Видно в автобусе к какому-то мужичку прижалась». Обе рассмеялись заливисто и звонко, совсем как молодухи. Густые морщинки по их личикам побежали солнечными лучиками. И пошли они в разные стороны довольные друг дружкой. И я развеселилась, — с удовольствием вспомнила Инна милых старушек.

— Школьники юмор прекрасно понимают. Помню, один раз я очень серьезно побеседовала с шестиклассниками «про жизнь». Они вышли задумчивые, строгие. А в другой раз у меня настроение было легкое, радостное, и я поведала детям о маленьких приключениях из своего раннего детства, о веселых моментах из студенческой жизни. А потом даже серьезную тему раскрывала с юмором. И мы вместе смеялись над незадачливостью, нерасторопностью и откровенной глупостью моих «героев». Вышли дети из школы радостные, возбужденные, говорили, что «здоровски» побеседовали, что, оказывается, физику тоже можно интересно и весело преподавать». И в своих отзывах про встречу ребяташки о моих шутках вспоминали. Каждый жест, каждое слово подметили и запомнили! Я этот опыт учла в своих следующих встречах, — поделилась Лена. — А как-то на очередном мероприятии услышала удивленный шепот девочки: «Я думала, что придет ветхая старушка. А она еще очень даже ничего! И понимает нас, не «козлится».

— Мы «уехали» от писательства, — заметила Инна. — Продолжим. В твоих книгах, Лена, прозрачная ясность высказываний и такой густой замес печали! Читаешь и воспринимаешь события как личную боль. Проходя через души, она становятся частью читательского опыта. А всё потому, что сердца людей входят в резонанс с биением твоего сердца, точнее с его нервными вибрациями. Они трепещут наравне с ним. Происходит проникновение, понимание... И заметь: без всякого давления на мозги как у Аллы. Опровергни меня. Ты же с детства ненавидела всякую фальшь и притворство. Вызволяй свою подругу из железных лап дилетанта. Моя критика не всегда созидательна. Ничего не упускай. Безжалостно заставь меня заплатить по всем счетам. Вскрой свои еще нетронутые, не востребованные писательские резервы или милостиво согласись со мной. Мне крайне желательно выслушать твое мнение. Для тебя, наверное, критика — рядовой момент, а для меня — особый, исторический! — весело «закруглила» свою речь Инна.

Лицо ее сияло от тайного удовольствия: вот, мол, как я вас обеих!

— Твои слова не обычный примитивный бубнеж... И в этом ты вся! Ты дремлющий вулкан, всегда готовый к извержению. Цены себе не знаешь, — улыбнулась Лена.

— Я-то знаю, да ценить некому.

— Мне сдаться на милость победителя? Как моя бабушка говорила? «Где совесть, там милость». А ты не побрезговала возможностью отточить на Алле и без того острый свой язычок. Разыгрываешь меня? С тебя станется, — невольно усмехнулась Лена и добавила уже вполне серьезно:

— Что я слышу? И это верх деликатности? Взвешенный взгляд? Тебе в Аллиной прозе не хватает «аппетитных», пикантных подробностей? Ты всегда их обожала, не правда ли?

Не спеши с приговором. Не выставляй Аллу монстром. Разреши предварить твою последующую критику мнением профессионалов. Знаю, ты на уже сказанном не остановишься.

— Да, я имею смелость высказываться.

— Инна, не вяжись к Алле, она ничего из себя не строит. Она и есть такая, потому что, прежде всего, ученый. Соловья не заставишь каркать. Между прочим, культура включает в себя и науку. Открытия — это высшие достижения человеческого интеллекта. Аллины книги — сплав функциональной науки и личных эмоций. Она пишет «простите, не для среднего ума».

Инна в голосе Лены услышала нотки сарказма и отмахнулась:

— Нашла, на что обижаться.

— А теперь, после этого уточнения, я попытаюсь охарактеризовать творчество Аллы, расписать его достоинства. Ее прозу я осваивала в бурных спорах с коллегами. Кто, кроме меня, возьмется за «благородную и дерзкую» задачу ввести тебя в творческий мир Аллы? — не обращая внимания на реплику подруги, продолжила разъяснение Лена. — Понимаешь, существует широкое разнообразие художественных почерков. У всякого писателя свой склад ума, стиль, оценочные мнения, восприимчивость. У Аллы умные, добротные сделанные книги. В ее профессионально написанных произведениях отражена эпоха и просматривается незаурядная личность самого автора. Она много лет на научных статьях оттачивала свое мастерство, прежде, чем выйти на писательскую стезю. Она с творческой жадностью выстраивает изумительные логические комбинации. Я обожаю интеллектуальную прозу Аллы, ее психологические отступления, их особенную экспрессию. Они — мощный энергетический посыл читателю. Алла умело пользуется иронией, удачно сочетает нравственно-философские раздумья о причинах поступков своих персонажей с их жизненным выбором, четко и точно выносит приговоры согласно характерам и воззрениям героев.

— «И, не стесняясь, пишет маски, когда лица на ком-то нет». Не я, Зиновий Гердт так о ком-то сказал, — заметила Аня.

— Так ведь и правда редко кому в нашей среде удастся прожить собственную жизнь. В основном все маски носят, — усмехнулась Инна.

— Алла не отлучена от читателей своей заумностью? — вклинулась в разговор с вопросом Жанна.

— Напротив. Она предоставляет им возможность задуматься, допустим, над тем, в чем состоит истинный долг человека и нужно ли ради его выполнения изменять себе; на чьей он стороне, и какую роль в судьбе человека играет ее величество Случай? В книгах Аллы четко разграничены зоны войны, мира и семьи. Ее произведения социально достоверны и художественно убедительны. В них таится секрет того, что с нами происходит. А ты ожидала увидеть за стройностью и изяществом мыслей особый романтический стиль? Мне приятна Аллина манера изложения и ее подчеркнута условный язык. Мне кажется, философское осмысление жизни ее персонажами всегда будет интересовать серьезных вдумчивых читателей и помогать им осознавать себя в нашем сложном мире.

— Много веков, — дополнила Инна не без усмешки и подумала: «Ленка привыкла писать рецензии. Она ценит себя ниже Аллы?». Потом спросила:

— У Аллы все идет от головы? А как же тот факт, что мозг писателя работает по заказу эмоций?

— Их у нее тоже достаточно.

— А мне представляется, что она отказалась от пафоса и излишнего драматизма в пользу иронии.

— Ей видней.

— Алла смело ворвалась в литературу, она вне конкуренции! Она в зените славы!

От читателей нет отбоя. Ее книги отрывают с «руками и ногами»? Она — явление эпохи и лидер читательских симпатий. Беспрецедентный результат! Профессиональное признание! Ее произведения по твоему глубокому убеждению войдут в анналы и грозят стать заметным событием мирового масштаба, хотя интеллектуально перегружены...

— Такого уровня и направления эмоции у нее уж точно отсутствуют, — остановила Лена подругу. — Инна, каждый человек индивидуален и обязан отстаивать свои взгляды собственными методами. Не выступай, доверься моему опыту. Для Аллы важно совпасть с главной болью своего времени, прочувствовать его драматургию. Пишет она на злобу дня, но с дальним прицелом, с философским осмыслением событий. А все равно по сути дела про всех нас, только очень по-своему. Что и ценно.

Второй момент. Последнее время Алла устранилась от физических исследований. Это связано с тем, что она почувствовала нечто необъяснимое, какое-то новое внутреннее дыхание, требующее колоссальной сосредоточенности. Она отодвинула в сторону свою блистательную карьеру и занялась гуманитарным творчеством. Только лекции за собой оставила. Алла посвятила себя литературе и уже заняла определенное место в писательской иерархии.

— Ты серьезно? Не закралась ошибка? Это вызов? Бомба? Здорово. И это в то время, когда разбегание физиков и лириков достигло критической величины? Физика Аллу уже не соблазняет? Страна потеряла научного работника, но приобрела писателя! Анюта, конспектируй тезисы, будешь своих подопечных просвещать, мол, несравненная Алла Константиновна лучший физик среди писателей и лучший писатель среди физиков! О ней только в превосходной степени! Когда я читаю произведения таких писателей, как Алла, я без сомнения могу сказать, что литература есть и будет!

— Ну хватит тебе, — с укоризной заметила Лена. — Решение Аллы не укладывается в схему твоих понятий?

— А оно того стоило? Философия — пожалуй, излишняя роскошь для нашего послеперестроечного времени. Наука понесла тяжелую утрату! Продолжу, с вашего позволения, «разбор полетов». Отлично сознавая меру своего таланта, бросить физику и заняться писательством? Крыша у нее поехала. Тревожная тенденция. Оказывается не только Рита в плену своих чувств. Нет, я, конечно, говорю только от своего имени, но...

— А может, это еще один из ее способов раскрыть смысл своего пребывания на земле, — предположила Жанна.

— Устала от затяжного «романа» с наукой? На лирику потянуло. Не смогла отказать себе в удовольствии отвоевать еще один аспект жизненного пространства? Она полна сюрпризов. Насколько я знаю, несерьезное поведение никогда не вписывалось в ее характер. Лично для меня этот ее шаг стал культурным потрясением. Он вверг меня в глубокую задумчивость. Предать науку! Вот это поступок! Я раздавлена, я смущена!

— Тебя смутишь, — усмехнулась Лена. — Так бывает: какая-то внутренняя сила разворачивает человека и направляет по иному пути.

— Я корила себя за непонимание. Но тяжелое чувство сожаления недолго меня мучило, — окончила Инна свою мысль шутливым отступным шагом.

— Мне трудно поверить, что ты выступаешь в роли оскорбленного технаря. Ты ставишь Алле в вину это прекрасное занятие? Тогда и меня обличай, подвергай уничтожающей критике. Предъяви этот свой талант во всей красе. Пойми, Алла не отступает от своих принципов, она продолжает себя искать, — отрезала Лена.

В ее лице Инна не увидела и намека на усмешку.

— Из своего мнения и из всего вышесказанного тобой, я заключаю, что Аллины произведения «многоэтажные», претенциозные, и они по вкусу только духовным истязателям, которых душит раж самосовершенствования. Только они чувствуют в ее творчестве зашкаливающую взрывную энергию сжатой пружины и только у них она обречена на успех. Возьми хотя бы ее застывшие научные, трудно расшифровываемые обороты речи, перегруженность энциклопедическими знаниями, фактами, цифрами.

А перенасыщение терминологией и ее отсылки к узким секторам знаний? У нее, знаешь ли, в писательстве избыточная профессиональная эрудиция. Слишком много интеллектуального, а надо бы побольше человеческого.

— Человечного? — переспросила Аня.

— Нет, я понимаю, писатель пишет своей личностью. Я знаю, что существует массовая литература, беллетристика и познавательная. И здесь особенно видна дистанция с великими... А есть элитарная, которая по сути дела не имеет широкого круга читателей. Алле это надо? Стоит ли густо застраивать пространство произведения мыслями и идеями автора таким образом, что не остается места для тайны и интриги, так необходимых читателю? И для собственных мыслей, — добавила Инна, будто услышав чье-то возражение. — Дорога писателей к широкой детской и взрослой аудитории проходит через бурлящую фантазию. Она не столько придумывается, сколько рождается внутренней сутью авторов. Отсюда фантазмагорические сказки, обязательно содержащие сюрреалистические линии, многослойная мистика с материализацией метафор, обращенных к нашему бессознательному. Поиски этих составляющих расширяют границы видения и чувствования авторов и их читателей, особенно детей. Я разделяю их по принадлежности к...

— Это не Аллино поле деятельности, не ее пласт. Ты еще озорной юмор с неё затребуй. Философские рассуждения содержательной части ее произведений не портят. По мне так они и есть ее озарение, ее вершина. Алла не беллетрист и не популяризатор, но ее книги находят живой отклик в умах и сердцах серьезных читателей. Страсть к стилистическим красотам, сгубившая не одного писателя, лучше? — спросила Лена.

— Ты права, она в этом не замечена.

— Ты чувствуешь в Алле публициста, но тебя иногда не устраивают ее взгляды? Только ведь позиция автора не всегда обязана совпадать с позицией ее героев. Ты же сама об этом говорила.

— Алла заработала себе имя? Какой из шедевров принес ей известность? Какова его фабула, в чем суть? Ее книги завоевали мир, они пользуются бешеным спросом и ее жизнь снова обрела смысл? Каких авторов она потеснила в очереди на премию? С талантом не поспоришь. Она в одной упряжке с тобой? — рассыпала Инна ехидные вопросы, будто горохом кидалась. Но добавила вполне серьезно:

— Ты пишешь в расчете на чуткого читателя, а она на слишком умного. У талантливых людей всегда присутствует щепотка шизофрении.

— Это последнее слово в критике? Где-то я подобное уже слышала, — усмехнулась Лена.
— Ошибочный диагноз. Безумие вытесняет из человека его проблемы, а писатель в своем творчестве на них опирается.

— Как и в науке? Этот феномен еще предстоит изучить академикам РАН, — пошутила Аня.

И в тот момент ее лицо в мягком ореоле доброй чуть наивной улыбки показалось Лене по-детски милым и привлекательным. «И это несмотря на ее более чем пенсионный возраст?» — удивилась она.

*

— Почему во всякие времена у совершенно разных людей рождались похожие, талантливые мысли, образы, фразы и даже физические законы? Я, конечно, понимаю, что идеи могут быть одинаковые, но воплощение их разное. Существуют неожиданные комбинации и связи между предметами, людьми и событиями... — Это Жанна напомнила о себе. Но не была услышана.

«Она хочет новую тему начать или закрыть предыдущую?» — не поняла Аня.

— В каждом гении есть капля безумия, — снова провозгласила Инна.

— Ты и Лёну к шизикам причисляешь? Симптомы налицо? С ее чувствительностью она входит в «группу особого риска»? И под чьей юрисдикцией находится этот скользкий

вопрос? — ехидненько поинтересовалась Жанна.

— Да ты у нас веселый циник, — удивилась Инна.

— Может, нам исключить из своего лексикона этот медицинский термин? — остановила спорщиц Аня.

— Вообще-то говоря, безумцы обладают огромным диапазоном страстей, у них наблюдаются поразительные проявления ума, но только в узком диапазоне знаний. Они интересны... нормальным людям. Гении меняют мир. Уж поверь моему жизненному опыту. Да шучу я. Помнишь наши любимые строки о любви? «С ума схожу. Иль восхожу к высокой степени безумства», — пропела Инна и добавила с милой улыбкой:

— Аня, не заморачивайся. Лена не в счет, она — особая статья. Разница между нею и безумцами мне очевидна. Я приберегла для нее самое точное определение. Она родилась писателем, а Алла раньше не помышляла об этом, — гордо заявила Инна, словно сама имела отношение к успехам подруги.

— Алла вольно или невольно взрастила в себе писателя, и что лучше, еще не известно, — заметила Лена.

— Вот тебе тема для следующей диссертации, — весело подсказала Инна.

— Почту за честь ее разработать, — как шарик пинг-понга на ракетку, шутя, приняла предложение Лена и тем самым «отбила» желание Инны поспорить. — Первая книга Аллы выдержала четыре издания. Но спрос так и не перекрыла. Она мгновенно исчезала с прилавков книжных магазинов. На долю Аллы в независимости от ее желания выпало искупаться в лучах газетной и телевизионной славы. Я думаю, эта ее книга пополнит сокровищницу мировой литературы.

— Читала. С первых страниц пробирает сердце и берedit мозги. Невозможно оторваться. Возносит над повседневной жизнью. Будто в другое измерение попадаешь, — выразила свое впечатление Аня, явно примкнув к мнению Лены.

— И ты до сих пор оттуда не можешь вернуться? — не со зла, скорее по привычке поддела ее Инна.

— Путешествие по ее книге — как обновление восприятия жизни, — продолжила свою мысль Аня. — Есть в ней композиционная, ситуационная и смысловая смелость, богатство эмоциональных интонаций и даже искренность поэтического языка. Своеобразно вычерчивает геометрию человеческих взаимоотношений. (Чувствуется немалый опыт изучения чужих и написания своих рецензий.) Я с интересом знакомилась с богатой палитрой характеров ее героев. Алла состоялась как писатель. У нее, между прочим, насыщенный график встреч с читателями. Я на одной присутствовала: в малом зале для элитной публики. Слушатели, захваченные ее выступлением, ловили каждую фразу. Она не испытывает недостатка во внимании со стороны библиотек, школ и вузов. А любовь читателей нельзя симулировать.

— Черeda удач! Кавалькада поклонников! Их немой восторг не имеет предела!

— Конечно, для ее книг надо созреть, вот Алла и воспитывает своих читателей, особенно школьников, готовит задел на будущее, приобщая их к умным книгам. Ее страстные речи буквально гипнотизируют слушателей. Она никогда не теряет высоты заданного накала беседы. И в интернете свою колонку ведет, потому что считает его дополнительной степенью общения. Этот форум — живое дело, затрагивающее широкий круг заинтересованных почитателей, — не моргнув глазом продолжила Аня. Тон ее рассказа был не надменный, но уверенный.

— Ну, это дело второе. А какая одна из самых важных сторон ее творчества? Новаторства и гиперреализма не разглядела? — небрежно спросила Инна, бесстрастно взирая на Аню. Но подумала о ней раздраженно: «Ох уж этот мне бескомпромиссный учительский пафос! С необыкновенно смелой прямолинейностью судит обо всем. Нахвталась вершков, а до корней так и не добралась. Училка, критик-самоучка».

— Второе? Как сказать... — протянула Аня.

— Алла успешно обкатала первый том, можно сказать, имела восторженный интерес к себе и бешеный успех. А другие ее книги критики обошли гробовым молчанием? На них были прохладные, кислые отзывы или вообще случились тихие провалы? Что-то я не слышала, чтобы падкие на сенсации газетенки (?) раздували пожар ее тщеславия. И еще одна проблема частенько возникает. Читатель в следующей книге ищет что-то понравившееся в предыдущей, как бы ее продолжение, а Алла им предлагает совсем другое, новое. Им приходится перенастраиваться.

— Так это и хорошо. На мой взгляд, следующие ее книги тоже стилистически выдержанны и интересны образованному читателю. Ты права: они сложны для понимания простого обывателя. Мне кажется — я, конечно, могу ошибаться, — если произведение не сразу стало всем понятно, то это не означает, что оно не талантливое. Может, его время не пришло. И потом, важна не только позитивная реакция читателей, негативная тоже много чего полезного в себе заключает. Андре Моруа писал: «Не бойтесь быть непонятыми». Мое предположение, правда, не относится к книгам для детей, — уточнила Аня. — Сложное произведение постепенно затягивает читателя. Достоевского я тоже долго училась читать.

— Зачем? — насмешливо спросила Инна.

— Чтобы понять. И теперь я вижу, что он слишком резонирует с современностью. Иуды и Раскольниковы не перевелись. Тема преступления и наказания особенно злободневна в нынешние времена. И Чайковского я не скоро полюбила. Лишь когда почувствовала, что его музыка озарена светом небес, когда доросла до понимания.

— Пушкин тоже не скоро дошел до нашего национального сознания, — сказала Жанна, чтобы хоть чем-то поучаствовать в разговоре.

Оказывается, она не спала и с закрытыми глазами внимательно слушала беседу подруг.

— Алла очень осторожная и не любит заранее говорить о своих книгах, пока не убедится в их одобрении в соответствующих кругах. Она не спешит распахивать душу журналистам, которые работают на «массы». И на этот раз она не станет грешить против своих правил, — сказала Аня и покраснела, сконфуженная серьезным тоном своей речи.

— Породу ничем не испортишь. Фрукт всегда будет аристократом, а овощ — простолюдином, — беззлобно проехала Жанна на счет именитой сокурсницы. — И ты не устояла перед ее авторитетом.

— Мы по телефону иногда спорим с Аллой, но наши диспуты касаются исключительно особенностей и тонкостей литературного языка, — сказала Лена, желая своим замечанием закончить затянувшееся обсуждение. Но Аня «не просекла» намерения Лены и продолжила озвучивать свое мнение:

— В моем понимании, язык — орудие чести и гуманности. Его надо применять так, словно находишься под присягой верности своей стране, своей культуре и уважения к людям...

Инна не замедлила воспользоваться ее заминкой.

— У Аллы есть очень длинные рассказы. Они... как жвачка, — сделав выразительную паузу, заметила она. — Чуть-чуть перефразирую Уинстона Черчилля: «Оратор должен исчерпать тему, но не терпение слушателей».

— Длинные они, потому что обстоятельные. Каждый рассказ подробно муссирует одну тему. Как ее разорвешь на куски? Когда текст «провисает», Алла укрепляет и оживляет его включением вкраплений, отвлечений от основной мысли. Но этого недостаточно, поэтому композиционно рассказы она составляет из суммы отдельных микрорассуждений, иногда даже из маленьких новеллок, разграниченных паузами. Она как бы делит произведение на множество фрагментов, несущих определенную символично заостренную мысль, что не дает читателю утомляться. Дробление связано еще и с тем, что произведение «населено» большим количеством героев, которые появляются и очень быстро уходят со страниц книги, оставляя назначенный им след. Это интересный художественный прием, — терпеливо объяснила Лена. — Последняя ее книга — лучшая на сегодняшний день.

— Расчленяет длинные рассказы? Сознательный прием? Экая невидаль. Я к нему прохладно отношусь. Возьми себе на вооружение, если хочешь. Ты тоже для перебивки настроения читателя пишешь прелестные зарисовки. Еще у Аллы слишком много размышлений молчком, «про себя». Эти ее сплошные «она подумала»... — повторилась Инна, упорствуя в своем мнении. — Я воспринимаю их как недочеты и шероховатости. Притом она играет с логикой, а ты знаешь, к чему это может привести.

— В бессюжетном произведении, в котором мало событий, глубину характера человека трудно высветить без внутренних монологов. Ты неверно истолковываешь... — начала было доказывать Лена.

— Длинные рассказы? Я, например, люблю ее пространные рассуждения. Вся прелесть в том, что в них интересно докапываться до сути. Они вызывают желание узнавать, осмысливать, чувствовать, как автор ведет тебя к намеченной цели. Алла в разных техниках работает, — опять вторглась в беседу подруг Аня. — Читаешь такие книги и уважаешь себя. Я где-то слышала — наверное, по телевизору, — что поэт может достичь своей цели, а философ — никогда. Но я думаю, это смотря какие цели он себе ставит.

— «То, что птица умеет летать, видно уже по тому, как она ходит». Аллу либо не понимают, либо восхищаются ею. Читая, воображаешь себя умной? Тебя на туфте не проведешь, — съязвила Инна.

Но Аня восприняла ее слова как комплимент и опущенные уголки ее губ, чуть дрогнув, на миг качнулись вверх.

— Алла активно вовлекает читателей в процесс познания того, что казалось бы за гранью понимания.

— Глубоко не вникай в себя. Вдруг обнаружишь там посредственность, — добавила издевки Инна.

Аня, растеряно помолчав, неожиданно нашлась:

— Вздрючиваешь всех? Чуть что не по тебе — вмиг шашки наголо. А мне наплевать на твои наезды. Прячешься за маску шутихи?

Но Инна продолжила напористо цепляться:

— Я неудачно к тебе апеллировала? Мне выбрать другую кандидатуру? Но ты меня устраиваешь. Тебе же было бы лучше, если бы писатели всё разжевали и в рот положили. Сама-то ты не скоро «въезжаешь».

Проглотив обиду, Аня неожиданно азартно возразила:

— А тебе так не надо? Можно подумать, тебе всё быстро удастся обмозговать самой. А почему тогда встречаешь книги Аллы в штыки? Откуда у тебя высокомерный подход к простым читателям? Я подозреваю, что из вредности всем и даже себе противоречишь.

— Противоречия, знаешь ли, иногда объясняют друг друга, а не противоречат, — усмехнулась Инна.

— Я в свое оправдание так скажу: книги Аллы имеют разные степени доступности. Каждый читатель в них находит свой уровень.

— А ты останавливаешься на первом?

— Знаю, но не проболтаюсь, — старой шуткой отмахнулась от обидчицы Аня.

«Мало, кто способен признаться, что не понимает книг Аллы. А грубить-то, зачем без особого повода? — удивилась Лена и сжала плечо подруги. — Устали девчонки. По малейшему поводу взрываются».

— Ты считаешь, что для простого народа в любом произведении обязательно должно присутствовать чуть-чуть пошлости и безвкусицы? — достаточно крепко щипнула Жана Инну, припомнив Ленин укол на эту же тему.

— У Аллы?! Не приписывай! — Инна буквально задохнулась от возмущения.

«Совсем юмора не понимает», — разозлилась она, прекрасно сознавая, что в их с Аней разговоре юмором и не пахнет.

Не удостоив Жану дальнейшим объяснением, Инна отвернулась.

Аня вдруг заявила:

— Читаю книги Аллы и чувствую, что писал их счастливый человек, чего не скажешь о Ритиных.

— Ритины — оптимистичные. И это по нынешней жизни уже хорошо, — заметила Жанна.

«Спорщикам интересно мнение друг друга об Аллиных книгах, поэтому они поддерживают беседу. Похоже, разговор затянется надолго. Сначала по Ритиной прозе круги нарезали, теперь по Аллиной стали проезжаться, потом за меня возьмутся. Если только сообразят, как подступиться», — поняла Лена и посмеялась над собой с привычной для Инны иронией: «Путь художника — всегда голгофа. Ленка, готовься терпеть».

*

— Премии у Аллы есть, избалована наградами? — Это Жанна спросила. Поменяла предмет разговора.

— По всем признакам она вот-вот должна получить. Разве что...

Инна не дала Лене договорить:

— Ой, помолчи, а то напророчишь... Раньше в литературе автор сам не оценивал своего героя, отдавал на суд читателя. Но Алла...

— Писатель это делает в случае, если персонаж не обнаруживает в себе чего-то или намеренно не хочет этого подмечать, как бы замалчивает. «Я думаю» применяется авторами, чтобы глубже высветить понимание действующим лицом себя и поведения других героев. Обычный метод. Как говорится: альфа и омега писательства. Подобных приемов много. Нельзя одним ключом открыть все сердца. И потом, Инна, — если уж ты взялась сравнивать, — у каждой из нас свои преданные читатели и почитатели. Вкусы у всех разные.

— Но все вы влияете на массовое сознание, манипулируете подсознанием людей, совершаете «проникновения со взломом» в души своих читателей. Писатели — особая категория людей, — сказала Инна.

— Каждому писателю хочется, чтобы читатели пропитывались его мыслями и чаяниями. А манипуляцией в большей степени занимаются артисты и прикормленные журналисты. Ты же не хуже меня знаешь, что есть кратковременные события, и эти интересы момента отражают СМИ. А глубинными, долговременными проблемами, касающимися всего народа, занимаются политики и писатели, — заметила Жанна. — Писатель, делая на чём-то акцент, положительно влияет на читателя, как, допустим, хорошая музыка. Но она тоже разная. По аналогии получается что-то типа того: у Аллы классическая литература, а у Лены и Риты — популярная. Они как бы полярные.

— Мои с Аллой миры пересекаются, но мы расходимся в подходе к материалу. Для меня главное — человек и сочувствие к нему. И принимая во внимание тот факт, что...

— И в основе — принцип недопустимости насилия? — снова прервала Лёну Инна.

— У Аллы более высокие цели. Она во главу угла ставит мысль как философское понятие. Это совсем иная, во многом непознанная планета. Там другие меры глубины познания мира человека, иные пути и способы постижения действительности. Трудно найти соответствие ее таланту. Она не опускается до мелочей. Вот тебе пример. Поэт сказал: «Движение — это мука материи». А философ? «Движение — это форма существования материи». И у того, и у другого присутствует озарение ума, но у первого

оно из области чувств, у второго — логическое, научное. Иногда они смыкаются, синтезируются. Может, поэтому Алла, как никто другой, чувствует ту грань, на которую поставлена та или иная человеческая судьба. Она развивает не фабулу, а мысли. Поняла? Прониклась? Не погрешу против истины, если сообщу, что редко кому удается стать выразителем чаяний всего народа. Я тебе больше скажу: Алла, наверное, не станет голосом нового поколения, но внесет существенный вклад в развитие философии и теории литературы. Тебя устраивает мое объяснение и мой вывод?

Мы с Аллой и пишем по-разному. Я — пока чувства не остыли, а она ждет, пока эмоции улягутся. Но обе мы любим или ненавидим то, о чем сообщаем читателям.

— Какого калибра Человек! Мне сложно жить рядом с титаном мысли, создающим нетленные, ни на что не похожие вещи, те, что не с конвейера, в репертуаре которого доминируют философские шедевры! Как бы мне ненароком своей болтовней не оскорбить ее ауры. Не около каждого человека могут произрастать и буйно распускаться прекрасные цветы. По нашим деревенским меркам, я как анклав феодализма среди умов-небоскребов капитализма, — шутливо-патетически отозвалась Инна. — Алла счастливая. На ней лежит божья благодать? С детства отец внушал ей, что она самая красивая и бешено талантливая. Она чувствовала себя защищенной. Наверное, всю жизнь держалась памятью своего детства. Это о ней с уважением говорили: «Девочка из Ленинграда!» Счастливое детство — это подарок судьбы. Детство, проведенное у Христа за пазухой, определяет основной вектор и выстраивает дальнейшую жизнь. А мы были много лишены. Нам приходилось перебарывать комплексы, возвращенные детством. Я — бравадой, а ты, Ленка, — упорным трудом доказывала свое первенство или превосходство. Я не считаю, что наше детство благотворно сказалось на нашей жизни. И хотя, безусловно, кое-какие уроки мы из него извлекли, я бы никому не пожелала его повторения. Правда, кое у кого судьбы были на порядок хуже наших... и тогда они оказывались ставкой ценой в жизнь. Разве те дети того заслуживали?

Аллина судьба продолжится и после смерти. А мое «будущее» под сомнением. Ты, Ленка, с Аллой одной группы крови, мудра при всей своей наивности и детскости, но и твое будущее, которое... за гранью, тоже под большим вопросом. Ты не допускаешь, что...

— Звучит умопомрачительно устрашающе. Это твой новый, нерасхожий репертуар немислимой глубины, необъятности и трудности восприятия? — усмехнулась Лена. — Если, как ты считаешь, Алле рукой подать до бессмертия, то растолкуй, где и когда будет происходить самое важное для нас с тобой?

— Вот так! И никакой тебе двусмысленности, неясности, и никаких затравленных, отчаянных выражений глаз, без которых не обходится ни одно обсуждение этой темы? Одна лишь мягкая ненавязчивая манера держаться среди друзей?! — как-то странно рассмеялась Жанна.

Инна с Леной переглянулись и не стали продолжать свой разговор.

— ...Вижу, Лена, не расточаешь пустую хвалу «собрату» по перу. Я прикинула, и сочла твое нетривиальное объяснение творчества Аллы лучше моего собственного. Оно мне импонирует. Но и свое мнение я не забракую, оно сойдет за милую душу в кругу не очень... интеллектуальных слушателей, под тем предлогом, что философия не всем по зубам... по мозгам, — весело завершила Инна одну свою мысль и преподнесла следующую:

— Лена, просвети меня, по чьему совету Алла занялась философской стороной вечных проблем человечества, а не мироздания? Она случайно наткнулась на идею, на свидетельства современников, копаясь в архивах своей безграничной памяти? Всевышний надоумил? Может, в этом просматривается твое личное присутствие или твое опосредованное влияние? Сознаться: с твоей подачи, при твоем содействии? Почему бы и нет? Алле оставалось только подобраться к теме, пророчи в нее. Но одолевали сомнения: чтобы иметь право о ней говорить, надо получить какие-то скрепы. А тут ты... Я не в упрек тебе. Напротив. Ты подтверждаешь бездонную глубину ее мыслей и веришь в нее, а это уже много.

— То была свободная воля сильного, знающего себе цену человека... Так перед этим была еще не тема, а только подводка к ней, прелюдия? Не затевай, пожалуйста, нового спора, я его не переживу. Ну что ты привязалась к Алле?! Зря стараешься. Мы с ней не соперницы, не конкуренты.

Лена начала выходить из себя. «От скуки вяло перекидываемся ничего не значащими фразами. Инна, как же я сегодня от тебя устала! Бывает сердечная недостаточность, эмоциональная, а случается и умственная. Вот так иногда терпишь, терпишь... Я позволяю себе злиться?» — одернула она себя.

Но Инна не оставила своих рассуждений.

— Ты считаешь, Аллины шедевры надо сохранить для отечественной и даже мировой культуры? Она попала в топ или шорт-лист? Ты знаешь, призы «Большой книги» автоматом переводятся на двадцать-тридцать языков! Вот это триумф!

— Этому должно предшествовать хорошее информационное сопровождение. Может, ей важнее получать призы читательских симпатий.

«Ну, если дальше не пускают... Любовь и признание — это орден и медаль?» — пренебрежительно фыркнула внутри себя Инна.

— А ты, у меня нет сомнений, попадешь в высшую лигу. Твои книги еще совершат полный оборот вокруг земного шара с остановками на всех континентах, во многих странах. И за столетия они ни на йоту не потеряют своей притягательной силы. Париж и Лондон тебя еще не ангажировали? (Вот болтушка!)

— Кругосветное путешествие? А может, и в параллельный мир?

— «Если не мечтаешь, что твои книги прочитают миллионы, не садись писать», — заявила Инна.

— Фантазерка! Попаду, если только ты станешь председателем комиссии по... — Лена умышленно не договорила. В ее улыбке промелькнула легкая вежливая насмешка. — Или хотя бы окажешься в числе тех ста специалистов самого высокого класса... Пошутила и хватит. Не будем касаться этого вопроса.

— Меня нелегко сокрушить. Алла — культурное событие в истории нашей страны? — сделала попытку отвоевать утерянную позицию Инна, но, зная, что перед ней достойный противник, поняла ее бесполезность и замолчала.

— А в моей теме академизм не очень уместен, — ушла от вопроса Лена, — хотя я этого не могу однозначно утверждать, нет внутренней уверенности. У меня много скепсиса по поводу собственных способностей, знаний и возможностей. Смогу ли понять тему иначе, развить интересней, насытить чем-то, чего нет у других авторов, чтобы не обмануть ожиданий читателей? И это при том, что мои литературные предпочтения сложились еще в детстве.

— У тебя есть творческая жилка, но ты человек вдохновенной... неуверенности и неудовлетворенности. Ты самоедка. «И мнится мне...» Не прибедняйся. Знаешь ведь, что достойна похвалы, что особенная. В тебе есть больше, чем требуется этому миру... Ты грешным делом не кокетничаешь? — Инна скорчила удивленную рожицу. — Шучу, шучу. Не пыли.

— Жванецкого все равно не перешутишь. Такова твоя «трактовка моего образа»? Диагноз окончательный и пересмотру не подлежит? — усмехнулась Лена.

— Нет, — с кротким достоинством ответила Инна.

Аня обратилась к Лене:

— Вот у тебя каждая следующая книга лучше предыдущей, а у моего знакомого наоборот. Его последние рассказы, как конвульсии предсмертной агонии. Он исписался? Был взлет творчества и сошел на нет? Но ты же знаешь, если писатель один раз

понравился читателям, — особенно если он устанавливал связь между видимым и невидимым, но осязаемым, между людьми и их чувствами, жизнью и смертью, — то он оказывается в вечном долгу перед ними. Они ждут от него еще более интересных произведений.

— Самое страшное для писателя — потеря вдохновения. С возрастом, когда душа неуклонно остывает и угасает, уже может не возникать яркого вдохновения. Исчерпывается ресурс памяти и воображения. Так бывает, — посочувствовала Лена неизвестному ей автору. — Только иногда одной книгой или одной песней имя автора остается в веках.

— «Когда дряхлеющие силы нам начинают изменять...» Тютчев был гений... Всевышний, спаси нас от клеветы, от озлоблений, — задумчиво себе под нос непонятно к чему пробормотала Инна. — Тебя писателем сделало детдомовское детство, ты в нем как сквозь асфальт проросла. Кто-то из великих грустно пошутил, что залог творческой гениальности — несчастливое детство.

— Если есть чему прорасти, — добавила она хмуро.

— Каким бы ни было детство — оно все равно детство. В детдоме я обрела жажду жизни, стремление бороться и достигать, — не согласилась Жанна.

— А Риту пробудила к творчеству ее неудавшаяся семейная жизнь? Она создает романы из своего разбитого сердца, чтобы оно не уставало от боли? — спросила Аня. — Я слышала, как она говорила на одной из наших субботних встреч: «Хороший человек радовался бы, что я быстро восстановилась после болезни и смогла вернуться к творчеству, а муж бесился».

— Насчет творчества не знаю, но думаю, что Стаса статус мужа знаменитости не устроил, вот они и разбежались, — вклинила в разговор свое замечание Жанна.

— Это только одна из причин. Кто-то из друзей дал ему почитать одну Ритину книгу. Так его не интересовало, сколько души и боли она вложила в свои строки, какова была высота накала ее горьких чувств, ни слова, которыми она их выражала. Не волновала и психологическая глубина произведения бывшей жены. Беспокоило одно: не написала ли Рита о нем что-то очень уж плохое. Не назвала ли она имени, по которому знакомые могли бы узнать, каким на самом деле гадким был он в своей семье, — сказала Инна. (И все-то она знает!) — А Рита в этой книге выложила всю свою ненависть к пошлости. Она говорила бывшему мужу: «В награду за все беды Бог послал мне творчество».

— Талант не у всех и не сразу открывается. Иногда что-то должно послужить толчком к его выявлению. И потом, мало родиться писателем, надо умудриться им стать, — задумчиво сказала Аня. — А что Аллу подвигло на литературное творчество? Что стало его побудительной причиной?

— Думаю, что сначала всё-таки утрата любимого человека, а уж потом желание выразить себя как-то иначе. Я, например, после первой болезни в произведениях стала откровеннее и жестче. Хотя казалось бы должно быть наоборот. Во мне как бы открылось иное, глубинное понимание событий, может даже осознание другого предназначения. И я стала писать о взрослых, — сказала Лена.

— Ты вскоре после детской серии запустила взрослый цикл или был долгий перерыв? — спросила Жанна.

— Написала книги начерно быстро, но длительная отсрочка в их издании случилась из-за другой болезни. Организм после химии никак не приходил в норму, память не восстанавливалась.

— Ты пишешь, чтобы разбудить в людях светлые чувства, хочешь словом преобразить человека, чтобы он задумался о главном: для чего живет? Это важное, прочное дело жизни. — Аня как бы по-своему продолжила предыдущую Ленину мысль.

— Какие лакуны еще собираешься нам открыть, что разоблачить? — ухмыльнулась Инна на Анино замечание.

— Выступая от имени своей боли, вы с Ритой конвертируете в свои произведения серьезный эскорт собственных бед и печалей. Не от хорошей жизни вы сделали писателями, — вздохнула Аня.

— Грустными писателями, — уточнила Инна. — Вы в своих книгах то плачете на груди этого препаршивого и препаскудного мира, то смеетесь ему в глаза.

— Экстравагантно выражаешься, — одобрительно улыбнулась Лена.

Аня вдруг подумала: «Улыбка у Лены красивая, открытая, честная, а у Жанны какая-то хитренькая, будто исподтишка. Надеюсь, я ошибаюсь».

— Ваша жизнь не способствовала воспеванию искрящихся восторгов и трогательных радостей. В основе таланта многих писателей лежит какая-то трагедия. А вот в поэзии, как правило, всё начинается с восторгов любви. Поэту нужен постоянный приток свежей крови — состояние влюбленности, — чтобы его эрогенные зоны... мозги... не остывали, — фыркнула Инна, как раздосадованный чем-то котенок.

— Без сомнения, личные драмы влияют на обострение восприятия, но жизненные ситуации — только повод, а причина писательства лежит много глубже, — сказала Лена очень серьезно.

— Всех вас роднит понимание того, что настоящие писатели — люди с оголенными нервами, но проблемы вы затрагиваете разные, и раскрываете их согласно своим взглядам, предпочтениям и таланту. Формирует писателя Родина. Она — важнейшая пространственная, историческая и нравственная скрепа духа. Но для писателя в первую голову важен его язык, а потом уже место рождения и проживания. В нашем языке такое богатство оттенков и смыслов, что не любить его невозможно! — неожиданно восторженно закончила Аня.

«Шпарит, как по написанному... в учебнике. Вызубрила. Я на политинформации? А если писатель в эмиграции и пишет на чужом языке?», — подумала Инна, но диспут не стала устраивать, только спросила намеренно простовато улыбнувшись:

— А тебя какой толчок или случай привел к тому, кто ты есть сейчас? В чем фишка? Не пыталась изменить род занятий или глубоко вросла, укоренилась?

— Ты об учительстве? Конечно, учась в университете, я не видела себя в этой роли. Я уже рассказывала о начальнике цеха. У нас же неофициально принято руководителями извлекать доход из своей должности и получать некоторые другие привилегии... Я давно заметила, что те, которые оказываются профессионально непригодными, наиболее рьяно рвутся командовать.

— Такова наша ментальность. Мы сами делегируем власть какому-то человеку, а потом пресмыкаемся перед ним, — теперь уже как рассерженная кошка фыркнула Инна.

— Нет, это наши чиновники ставят нас на колени. А если мы пытаемся возражать, они изгоняют нас.

— А скажешь правду, то потом долго будешь сидеть на скамейке запасных в ожидании следующего шага в карьере. И можешь не дожидаться.

— Я с первой попытки начальника приставать поняла, с кем имею дело. Вот и сказала: «Нормальный мужчина получает удовольствие с женщиной по любви, по согласию. А вы от насилия? Значит, вы маньяк. Думать надо, прежде чем что-то делать. До чего же вы, мужчины, бываете глупые!» И ушла с завода. Нельзя работать там, где тебя притесняют и унижают. Одна дверь закрылась, другая откроется. Я перераспределилась в школу. И должна признаться: как ни странно, быстро почувствовала себя на месте.

Все равно бы тот тип житья не дал. Опустил бы на дно, и никто бы не вступился. Только опозорилась бы. В таких делах никто, кроме себя и судьбы, не мог мне помочь. Но я на судьбу никогда не полагалась. Сногсшибательная история? Обыкновенная. Наверное, мне это нужно было пройти, чтобы кое-что понять и в жизни, и в себе, из какого я теста. Громко сказано? Трудно решение далось, до сих пор в сердце болью отзывается это травмирующее воспоминание, но другого выхода я не видела. Да, струсила. Я в себе это не люблю. Это не то, чем можно гордиться. Всю жизнь борюсь

с проклятым недостатком. Конечно, мне рисовалась совсем другая судьба, не та, которую я прожила. Это ты у нас всегда в первых рядах, — с плохо скрываемым раздражением ответила Аня Инне, медленно встала и, ни на кого не глядя, пошла в кухню. Ее поташнивало при одном только воспоминании о давно пережитом.

Наступила неловкая пауза.

«Как неожиданно неприятно Инна закольцевала писательскую тему», — удивилась Лена, но вслух без Ани комментировать ситуацию не стала.

5

Долго молчать Инна не могла, потому-то задумчиво, словно только для себя, продолжила размышлять вслух.

— Мне кажется, у Риты действие в книгах происходит, словно на вращающемся круге. Возникают истории о тех или других героях, сюжетные линии которых то растягиваются, то закручиваются, то сталкиваются как льдины во время ледохода и ломаются. Потом перетекающие образы снова являются в новом качестве, но как бы усиливаются. Местами этот процесс слишком длительный. И вдруг переход от одной сцены к другой напоминает бег кинокадров, и тогда мне представляется, что композиционно ее романы рыхлые, нервные.

Но что самое главное: ее действующие лица чаще всего оказываются сильнее и интересней обстоятельств. Не слишком ли оптимистично? И тут же рядом смерть — естественная пропасть у нас под ногами. Хотя, не стоит в нее торопиться. А для меня любимые книги — сладкая попытка вернуться в счастливые мгновения, — мечтательно окончила свой путаный монолог Инна.

Ответом ей было сонное молчание. Оно затягивалось, не суля, впрочем, ни трагической развязки, ни печальных последствий.

Инна сидела на матрасе, подобрала под себя ноги, и ритмично раскачивалась, как китайский болванчик, словно монотонностью движений пыталась привести свой организм или мысли в упорядоченное состояние. Иногда она на короткое время задумчиво замирала, затем снова уподоблялась маятнику. Жанна обратила внимание на Инну, когда та находилась в статическом состоянии. Она вдруг подумала завистливо: «Каждая ее поза как монумент, изваяние, как произведение искусства. Затмевает творения Родена. Еще бы, с ее-то безукоризненными формами, журнальными нарядами и шикарным нижним бельем!»

Жанна замурлыкала по-кошачьи и, умильно улыбнувшись, попросила:

— Инна, накинь на плечи хотя бы простынку. Мне холодно на тебя смотреть.

Но та, как и подобает скульптуре, не услышала просьбы.

*

— Ох, и сконструирую я сейчас тебе, Лена, вопрос — всем вопросам вопрос! Не кажутся ли тебе сумбурными некоторые Ритины романы последнего периода? Будто что-то нарушает их целостность. Это когда она рассматривает критические случаи из жизни своих героев, те, что на грани фолы, когда пишет о судьбах людей, обладающих дикими страстями, буквально сумасшествием, будь то к деньгам или к сексу. Какой-то натуралистический абсурд, галлюциногенный реализм. Иногда ее глубинная исповедальность обнажает героев так, словно кожу с них сдирает. А то вдруг возникает некоторая непонятная, казалась бы, не к месту, условность, отстраненность. Раздвоенность какая-то. Выставляет себя напоказ, хотя душа ее по-прежнему жаждет укрытия. Не так ли? Я хочу прояснить некоторые моменты. Нет, я понимаю: идти надо от себя, но... как можно дальше.

Иннины слова выдавали не только ее осведомленность в затронутой теме, но и жесткость

мнений.

— Хорошая книга — это исповедь писателя, а если и его героев, то, опять-таки, пропущенная через сердце автора, — высказала свое мнение Жанна как что-то новое и особенное. — Русская проза, даже мужская, всегда исповедальная и эмоциональная. Для нас важна не сама правда, а ее ощущение.

— У тебя подержанная, устаревшая модель представлений, — усмехнулась Инна.

— Книга считается хорошей, если она дает ответы на запросы общества и вопросы читателей, — простенькоотреагировала Аня.

— Так вот что касается степени искренности и погружения в тайну человеческой души... Тут писатель всегда должен сам себе ставить вопросы: «Этичны ли его откровения? Имеет ли он право глубоко влезать в чужую жизнь? Держится ли он в берегах?» — озадачила подруг своими вопросами Инна.

— Так ведь автор не конкретного человека описывает. Суммирует, обобщает, — заметила Аня.

— И все же существуют табу.

— Если ты о Рите, то у нее безошибочное моральное чутье, так сказать, нравственный слух, тонкое понимание меры и собственная естественная выразительность, являющаяся знаком ее индивидуальности. Я всю ее перечитала, — завершила Аня.

— Ты же у нас читатель-динозавр! Всё способна проглотить, — засмеялась Инна.

— Троглодит, — уточнила Жанна.

— Смею тебя заверить: задают себе писатели формат, берега, за которые не стоит выходить. Хочешь изучить писательскую кухню? Похвально. Займись этим с Леной. Писатели и с нас, и с себя кожу сдирают, особенно когда пиковые моменты описывают. И мы льем очистительные слезы, — добавила Аня прочувствованно.

— В этом и заключается Ритино дарование? — подала голос Жанна, на этот раз как-то особенно робко напомнив о себе из-за спины Ани. Видно, неглубокая осведомленность в литературном творчестве подруг сильно ее принижала.

— У Риты незабываемые, обезоруживающе честные образы. Поле ее деятельности — человек. Она интересуется людьми с пограничными состояниями психики, с температурой много выше, чем тридцать шесть и шесть, но без патологий и крайностей, — внесла ясность Аня. — Норма ей скучна. Некоторые легкие искажения в личностях позволяют глубже проникать в человеческую психику, лучше понимать ее взаимоотношения с обществом. Именно поэтому Ритины персонажи иногда несколько переходят за грань, преступают общественные, моральные и этические нормы. Достоевскому это в упрек не ставится.

— Сравнила! Но раз тема имеет место быть, ее надо поднимать и разрабатывать. Она неисчерпаемая и никогда не надоедает, — великодушно согласилась Жанна.

— Ты тоже как Аня понимаешь Риту? — источая холодное безразличие, слегка удивилась Инна. — Раньше искусство тонко, но остро выступало против серости, боролось за светлое, высокое, чтобы новое и прекрасное пробивалось сквозь грязь и порок, оно воспитывало, а современная литература стремится удивить, потрясти негативом, в крайнем случае развлечь.

— Но только не Рита, — морщась как при зубной боли возразила Аня.

— Против чего она выступает? — спросила Жанна, не понимая сути спора подруг.

— Почему обязательно надо выступать против чего-то? — простодушно удивилась Аня.

— А если за доброту, за уважение человеческого достоинства?

— И это в обществе, где существует дефицит совести и раскаяния? Ха! Она хочет, чтобы злые стали добрыми, глупые — умными, наглые — воспитанными? Конечно,

в шестидесятые, в оттепель, опьяненную несбыточными мечтами, и даже перед перестройкой совести в нашем обществе было больше. Воздух был насыщен душевным кислородом. Большинство людей нашего поколения вспоминают советское время, как самый счастливый период своей жизни. Мой личный поклон тем прекрасным годам! Но теперь, когда романтический период закончился... Прошу прощения, но марксистко-ленинский идеализм ушел в прошлое, изжил себя. И что осталось? Души исполненный полет? Маниловщина? Память невероятного воодушевления прошлых лет? Хочешь телепортироваться назад? — воспротивилась Аниному мнению Инна. — Хотя, зачем Маркса ругать? Он правильно преподносил теорию капитализма.

— В трудные нестабильные времена людям тем более важны уважение и доброта. Культура — эмоциональный опыт человечества, он существует для сохранения чистоты внутреннего мира человека. А книги — единое культурное поле для всей страны. Позитивные произведения помогали людям выжить в войну... Или, допустим, подросток не знает, как вписаться в новый коллектив, как пережить свою боль и обиду. Он мечется, потому что ждет сопереживания, сам его не имея к другим... А читая, он вникает в чужие проблемы и тем самым развивает свои чувства и умение управлять ими. Он воспитывается. Я верю в силу слова. Меня книги подняли с колен, — гневно зачастила Аня. — Вот почему, например, не злой, не подлый человек поступает плохо? Что выводит его на такое проявление себя? Он конформист и тем вреден? Алеша Карамазов был добрый, но тоже мог бы стать террористом, потому что трагический идеалист.

— Не думаю. Хотя в юные годы мы часто не понимаем, почему волнует то или иное событие, как его оценить, вот и склоняешься то к одному, то к другому течению, ищешь себя. Это теперь каждый из нас — дока, — сказала Жанна. — И все равно у всех свое прочтение одного и того же произведения, потому что мы резонируем на разное и по-разному.

— Рита открыта к различным толкованиям своих книг, она не одержима гордыней и готова к диалогу.

Собственно, любой человек рано или поздно обнаруживает существование зла в мире. Важно, каким он выйдет из этого испытания, — задумчиво проговорила Аня, думая уже о чем-то другом. Наверное, она вспомнила своих подопечных детдомовских ребятишек. — Вот скажите мне, пожалуйста, почему сейчас российское общество не интересно само себе, почему оно по-настоящему не вникает в проблемы семьи? Надо оздоравливать обстановку в стране и в семьях. Больше с экрана телевизора говорить о любви и дружбе, объединять людей на почве музыки, спорта, культуры, а плохое и жестокое как бы отрезать.

— Некогда, других забот хватает, — ответила Инна.

— Соблазн простых объяснений слишком силен, — серьезно заметила Лена.

— А чему самому главному учишь ты? — спросила Инна.

— Быть людьми, отвечать за свои поступки. Открывать тайну человека, максимально глубоко постигая его сложную душу. И поставить это понимание как главную задачу жизни; еще помочь каждому сформулировать эту цель для себя. А то ведь всяк проживает жизнь, как хочет, а не как может.

— Слова, произносимые тобой, не исчерпывают сути человека, тут еще Слово Христово требуется. Христос — мера всего сущего на земле. Без веры в бессмертную душу человека жизнь невозможна, она бессмысленна, — сказала Жанна. — С ним ты была бы совсем другим писателем.

— Кончай агитировать. Христос у тебя всюду, как к бочке затычка. Даже религиозный Бунин зло упрекал Достоевского, за то, что тот совал Христа во все свои бульварные романы. А ты надеешься на перерождение убеждений Лены? — удивилась Инна.

— Меня не просто обидеть, — забурчала Жанна и спрятала голову под подушку.

— Меня особенно беспокоят так называемые отцы, которые не понимают, что время, с пользой проведенное с детьми — не возобновляемая, не восполняемая валюта. Сколько раз я слышала проповеди спохватившихся отцов своим великовозрастным сыновьям

в милиции или в судах, когда работала общественным заседателем! «А о чем вы, папаши, думали пятнадцать лет назад, когда уперто часами по вечерам сидели с пивом у телевизоров, а по выходным пропадали с друзьями в гаражах? Чем соблазняла, куда вовлекала и уводила ваших детей улица, пока мать занималась домашними делами?» — раздраженно думала я. Нет ничего важнее воспитания подрастающего поколения, — пылко провозгласила Аня, почувствовав поддержку Лены.

Последовало молчание. Женщины понимали справедливость Аниного тезиса, но не хотели ночью окунаться в столь трудную и многоплановую тему.

А Лена подумала с уважением: «Аня, не рожала своих детей, но имеет их неизмеримо больше, чем любая из нас».

*

— У Риты в последнем романе есть много моментов, не двигающих сюжет, — высокомерно заявила Инна.

— Но объясняющих суть событий. В литературе сюжет — атрибут далеко не обязательный. Как же без завлекательной «морковки»? А вот так! Хорошо Рита пишет. Каждая ее книга — проба новой манеры письма. Каждая ее фраза тщательно продумана и выверена. Рита видит то, что не замечают другие, находящиеся рядом. Вот, допустим, пишет она об ужасном человеке и тем самым напоминает нам, что и мы далеко не идеальны, что и в нас есть доля чего-то плохого, от которого мы должны избавляться. Это же и тебе приговор, и мне, и другим, считающим себя хорошими, — горячо защитила Риту Аня.

— Рита обомлела бы, узнав, как ты горой за нее стоишь, — рассмеялась Инна.

— А я думала, что антиподы автору нужны, чтобы повыше приподнять своего главного героя. Так нас в школе учили, — сказала Жанна.

— Не только для этого. Но меня сюжеты книг мало волнуют. Как обворожительны Ритины короткие строки! Они как вдох и выдох! Они возникают не из событий и явлений, а из атмосферы, из ощущений и наполняют текст более пронзительным смыслом, позволяя читателю добраться до глубин души героя, а значит и собственной, — отвлекаясь от воспитательного аспекта Ритиной прозы, восхитилась Аня.

— А мне нравится, как Рита интригует читателя, намеренно не расставляя имена беседующих персонажей, чтобы дать возможность ему самому догадаться, кто из действующих лиц высказывает ту или иную мысль и какой позиции он придерживается, — дополнила Инна Анины восторги своим положительным мнением.

— О грустных событиях Рита пишет ради пользы, чтобы кое-кому из читателей прочистить мозги? — спросила Жанна тоном человека, не очень заинтересованного в ответе.

Но Аня ответила в силу того, что привыкла не игнорировать любые вопросы своих подопечных.

— Может быть. Не отрывать же людей от реальной жизни, тем более, что она очень верно воссоздает обстановку событий, у нее точное ощущение стихии описываемого времени. Она не упускает и пикантные, тонкие, изящные подробности. Допустим, что считалось тогда просто красивым, а что — кокетством. Что было тогда модно? Без них узоры судеб героев не выглядели бы такими выпуклыми и наглядными. Эти «мелочи» отсылают читателя в другую эпоху и делают ее зримее. Может, еще именно поэтому ее произведения не просто тревожат и волнуют, они царапают душу.

— Проза бывает военная, деревенская. А у Риты она бытовая, в которой радость и грусть перемешаны как в жизни?

— Нет бытовой, есть нравственная проза: тонкое, деликатное и глубокое внимание к душе человека. Не помню, кто сказал: «Пишу не о быте, а об отсутствии бытия», — объяснила Жанне Инна.

— Как это понять? — нетерпеливо спросила Аня, пытаясь сосредоточиться и вспомнить,

что Инна уже говорила об этом. Но склероз не позволил ей удержать в памяти недавние слова из их спора.

— Бытие — это когда в быту присутствуют мысли о главном. Ну, что-то вроде того, — сказала Инна.

— Чехов выступал против пошлости. Он вынимал, и выворачивал нутро своих героев, чтобы преподнести и объяснить нам их суть, призывал к высокому и прекрасному в человеке. Но по мне он самый жестокий писатель. Он не оставлял надежды. Услышать бы его истинный голос, а не то, что о нем говорят критики, — значительно произнесла Жанна. — В своем творчестве, как я это сейчас понимаю, он умел взглянуть на обычные устоявшиеся вещи совершенно другими глазами, как бы под другим углом зрения. Находил особенное и важное в скучном, незаметном, там, где другие его не видели и не предполагали. Или, наоборот, в чем-то необычном, казалось бы, совсем оторванном от жизни подмечал тривиальное, бытовое. Но я не вижу большой беды в том, если художник немного выходит за привычные границы. Даже бывает где-то... за пределами своего мощного воображения. И удивление жизнью очень важно для творческого человека.

— Вот поэтому я всегда жду открытий! — с энтузиазмом воскликнула Инна.

«Умничает», — ревниво подумала Жанна. Она не читала Ритиных книг и ее раздражала невозможность полноценного участия в диспуте. Потому-то и заговорила о Чехове.

— Ой, уморила. У тебя всегда были завышенные, я бы сказала, неограниченные амбиции. Ты от всех ожидаешь жажды покорения вершин? С таким же успехом ты и от меня можешь потребовать восхождения на Гималаи, — ответила на Иннины эмоции Аня.

Сказала и сама себе удивилась. Поразилась тому, что об этом не думала, а слова как бы сами вышли из ее подсознания, которое, как известно, у всякого человека всегда знает и может больше, чем он сам предполагает.

«И это наша трогательно-нелепая Аня?» — улыбнулась Лена, согретая внезапным приливом симпатии.

— Никак не меньше, — с подчеркнуто ехидной вежливостью, незамедлительно согласилась Инна.

— А ты в знак особого ко мне расположения и для подтверждения своих возможностей позволь себе тиснуть в престижный столичный журнал пару забойных повестушек с авантурным сюжетом. Вот и получим конкретное свидетельство твоих разнообразных, выдающихся способностей. Правку текста я тебе обеспечу. Положись на меня, есть знакомство. Сойдемся? А что, пару месяцев затворничества — и дело сделано. И прозвучат они деликатно, достойно или пикантно и импозантно, как неоднократно апробированный вариант или как... озарение инстинкта. Каждый уважающий себя человек всегда старается добавить хотя бы крупницу, малый штришок к уже имеющемуся знанию в области своей привычной деятельности или пытается предвосхитить появление в себе чего-то неожиданного. А то и вовсе забирается в ранее неизведанное, отыскивая в самом себе что-то новое, особенное.

Красиво прорисованные (в прямом смысле) брови Инны неконтролируемо поползли вверх.

— Сказать, что ты меня удивила, значит, ничего не сказать, — произнесла она медленно и не очень твердым голосом. — За что мне такая честь?

Довольная произведенным эффектом, Аня еще больше вдохновилась:

— Да, и не забудь держать второй план. Он делает произведение особенно густо наполненным, насыщенным и правдивым. Допустим, хорошо, когда в комедии проглядывает затаенная проникновенная грусть или неплохо бы усилить линию дискредитации героя тем, что он неожиданно для самого себя оказывается не в ладах с собственной совестью. Ты готова соответствовать высшим образцам? Осилишь? Может, мои слова тебя не забирают, не трогают? С твоей точки зрения я не имею права голоса?

— добавила она с неподражаемо легкой небрежностью, обычно свойственной Инне.

Лена в словах Ани ощутила явно наметившееся между сокурсницами соперничество.

«Сдаёт Инна? Аня ее переиграла? Какая невероятная заряженность! Это живая импровизация? Не может быть! Позднее раскрепощение, становление и развитие личности? Я с этим впервые столкнулась. Я привыкла, что Аня простая как болванка, как заготовка для детали. У нее крылья прорезались? Как-то не верится. Это слишком невероятно, чтобы быть правдой. Как мы в студенческие годы говорили? «Это не может быть, потому что не может быть никогда!» Мне, в основном, припоминается Анина гениальная способность создавать нелепые ситуации. Сочту этот ее выпад случайным забавным экспромтом. И все же... у нее не самый простой характер, и это хорошо.

Обычно у Инны наступательная тактика, а у Ани — оборонительная. И вдруг они поменялись местами! Инне, наверное, пришлось напрячь все свое умение, чтобы скрыть от Ани нанесенную ее самолюбью жестокою травму». — Лена украдкой взглянула на подругу. В глазах Инны горела тихая ярость. Лена осторожно тронула ее за плечо.

— Запросто, без проблем! Я без колебаний могла бы принять твое роскошное предложение, но предпочитаю позволять себе менее обременительные радости. Поэтому с некоторой грустью, но откажусь от этого удовольствия, — справившись с раздражением, с не меньшей отвагой ответила Инна и подумала обескуражено: «Вот примахалась! Что это на Аньку нашло? Не поддалась на провокацию, да еще с лихвой вернула мне мою иронию. Боже правый, такое потрясение кого хочешь отрезвит. Никогда еще на мою долю не выпадала «честь» «отстреливаться» от этой тихони. Ой, достанется тебе, Анюта, втройне заплатишь за то, что хоть на минуту, но дала мне почувствовать мою слабость. Обещаю. Долго тебе придется рассчитываться за свое некорректное замечание в мой адрес. За любую колкость я привыкла «платить» вдвое, втрое. Припомню, не прошу, подловлю. Ох и посмакую я твое смущение и твою растерянность! И сочтешь ты за лучшее со мной больше не связываться... А, собственно, почему только я могу позволять себе отвязно резвиться? «Непорядок в танковых войсках...» Да, видно придется быть осторожней. Надо морально подготовиться отражать неожиданные атаки».

Вдохновленная удачным выпадом, Аня добавила очень тихо:

— А вдруг решишься?.. Не боишься оглушительного провала?

«Это уже перебор достойный Инны, — невольно поморщилась Лена. — И куда еще помчится «птица-тройка» неумной фантазии наших девчонок? К чему приведет? Рассорятся вдрызг?»

— Аня, да ты у нас продвинутая! В ударе? Открыла сегодня для себя новые истины? — Это Жанна «проснулась» и искренне восхитилась раскованностью подруги. Но тут же подумала: «А Лена в свидетели назревающего конфликта идти не торопится. Нейтралитет соблюдает? Это ее «восточная» отрешенность или обыкновенная усталость?».

— Жанна, если собираешься со мной разговаривать, лучше помолчи, — грубовато «отшила» ее Инна.

— Послушали бы нас сейчас «ребята нашего призыва», сокурсники! — весело пожелала Аня.

— Какие же мужчины выдержат такое! — поддержала ее настрой Жанна.

Все женщины негромко, но дружно рассмеялись.

*

«О литературе наши споры в некоторой степени вялотекущие, не эмоциональные, с ощущением профнепригодности. Не дается нам эта тема. Может, о таких «специалистах» шутят: «Знают мало, да хорошо»? Представляю себе наши дебаты на темы физики, математики или технологии. Вот где есть разгуляться! Ой ёй-ёй!.. Как интересно мы полемизировали в студенческие годы! Надеялись весь мир познать. Не бесцветные люди были в нашем окружении... Вбросить эту тему? Тогда до утра

не уgomонимся», — устало подумала Жанна.

«Вот так разошлась Анюта! И ведь трезвая. Чудо в перьях. Раньше я считала, что она не выносит ни малейшего намека на насмешку, а она оказывается тоже с гонорком. Молодчина. Но как же у нее с Инной всё непросто, словно какая-то застарелая болячка постоянно дает о себе знать. Чего не поделили? А может, всё очень просто: Аня для Инны слабое звено?» — предположила Лена и тут же сообразила: «Сейчас как из рваного мешка и мне советы от нее посыплются». Этого она, конечно, вслух не сказала, только подумала. И не ошиблась.

— Жизнь — не цепочка «неслучайных случайностей». В ней, как известно, есть определенные закономерности. И каждый раз писатели неизбежно задаются главными вопросами...

— И какими же? — насмешливо приподняла брови Инна.

— А то сама не знаешь. Писатели решают, как предельно точно обозначить болевые точки в жизни человеческого общества для того, чтобы осмыслить всё новое, нарождающееся, затем адаптировать и приспособить его к своему времени. Они поворачивают жизнь перед нами то одной гранью, то другой. Это дано им по причине их сверхчувствительности и поразительной интуиции.

— У политиков они не отнимают хлеб их насущный? «И чтоб ты понимала в колбасных обрезках»! Не все писатели обладают даром предвидения, только гениальные.

— Объясняешь для несведущих? — огрызнулась Аня. — Только не всегда сразу распознаешь методы писателей, особенно если в их произведениях много чего намешано или если они используют сюрреалистические сверхмодные подходы.

— Нарой информацию у критиков.

— На них теперь нельзя полагаться. Деньги, деньги...

— Критиков читают те, кому не хватает самостоятельности мышления. Теперь считается дурным тоном обращаться к рецензиям, самим надо соображать. Это на заре нашей туманной юности мы в основном опирались на фразы великих, самых цитируемых классиков. Тогда они в ходу были. Еще на великие мысли Ленина, — встрепенулась Жанна. Она рада была поучаствовать в разговоре. — Вспомните наши многостраничные сочинения на уроках литературы. «Если мысли, то самые умные, если дела, то только масштабные!» Было пренебрежение к мелочам.

Женщины понимающе переглянулись. Лена уловила их перегляд и подумала «Хоть тут они быстро и единодушно сошлись во мнении».

— При желании подбором фраз великих можно было утвердить любую истину, а теперь свой ум приходится развивать и заострять. — Инна гордо вздернула свой милый носик, не испорченный ни болезнями, ни возрастом. Лена залюбовалась подругой.

— Мы не станем «выискивать блох» в Ритиных произведениях. Тексты у нее живые, жизненные. Главное, она не «громыхает жостью». Тарковский, кажется, говорил, что реализм — отец поэзии. Поверим ему.

— Натурализм, — тихо поправила подругу Лена. — Он нужен, чтобы молодежь понимала, что жизнь — это не компьютерная игра. В ней настоящая боль и на самом деле бывают загубленные судьбы. В этом — активная Ритина позиция и ее вклад в борьбу за человека. Правда, перед одной Ритиной книгой моя растерянность была настолько велика, что я не сразу выразила готовность ее рецензировать. Потом поняла: в искусстве есть условные решения и конкретные. И то и другое может быть правдивым. Мы получаем два варианта одного события. И тот и другой переваривается и осмысливается нами, по сути дела, неосознанно.

Рита шутила, что написала и сама испугалась своей откровенности, но отогнала свои страхи. Она собирала материал на добротный рассказ о реально существующей женщине, а он как-то сам собой из-за огромного количества информации перерос

во что-то большее. Она пыталась вырваться из пут переизбытка фактов — где осторожно отсекала лишнее, где беспощадно терзала и резала текст, — только все равно увязла, перестала бороться и поплыла по течению мыслей. Канва произведения изменилась, замысел усложнился, оброс подробностями, появилось много ответвлений. И остановиться она уже не смогла. Рита очень волновалась, но презентация прошла на «ура». Ей даже посоветовали на обложку книги вынести слово «трагедия».

— Ты тоже планировала написать две книги о детстве, а получилось семь. По-научному, по аналогии с дилогией и трилогией, они называются септилогией, — блеснула эрудицией Инна. — И когда успела?

— Все детские книги я по сути дела написала за год, потом по мере возможностей издавала. А все взрослые — за два.

— У звонарей есть понятие «набить» колокол. Чем больше в него звонят, тем лучше он звучит. И с твоим талантом то же самое происходит, — сказала Инна.

— Я заинтригована. О чем конкретно твои взрослые книги? — спросила Жанна. — Люблю невероятно потрясающие вещи. Чтобы во весь голос звучали. Что-то типа криминальных, эксцентричных комедий. Все мое существо восстает, когда скучно-нудную чушь предлагают.

— Шепот бывает экспрессивнее крика. Так и в произведениях... Тебе лишь бы взбодриться? — еле слышно пробурчала Аня. И продолжила достаточно громко:

— Ты это о чьих книгах? Вряд ли Ритины представляет то, что ты ожидаешь. (Виртуозно перескочила на Ритино творчество!) Она с глубоким болезненным интересом относится к проблемам простого человека. Ей важны его поиски смыслов, смятение, попытки понять самого себя, выяснение, где и когда привычное дает сбой и что после этого бывает. Как ведет себя человек в моменты наивысшего отчаяния? Ведь перед каждым рано или поздно встают вопросы нравственного выбора, и что в таких случаях считать вескими аргументами приходится решать самостоятельно. Один во имя чего-то очень для него важного терпит несправедливость, влачит мрачные бесконечные будни, другой гордо несет неутраченную боль в сердце, но ищет пути дальнейшего развития своей личности. Но Рита часто интерпретирует события в подчеркнуто трагическом ключе. Ее рассказы, как правило, — истории разрушения взаимоотношений. В этом ее особенность. Она пишет с любовью и нежностью к людям; не выпячивает, не демонстрирует свои чувства, но они ощущаются в каждой ее строке. Понимаешь, у Риты не рассказы, а сказки, — объяснила Аня.

— Наверное, люди перед Ритой раскрываются, в основном, в трудные для себя моменты жизни, — заметила Жанна. — Не каждый способен словами выразить переживания. Но если дано, предназначено быть писателем — так пиши, отработывай свой талант, раз судьба с ним повенчала. Талант накладывает обязательства. А Господь управит... Любой творческий человек, а писатель в особенности, должен дорожить каждым днем, каждым часом своей жизни, чтобы оправдать свое явление на земле. Дело писателя сводить персонажи, плести тонкую вязь их взаимоотношений. Читаем: люди спорят. На самом деле они, может, и не ссорятся. Так автор рисует портреты своих героев, залезая в глубины их характеров. (Забыла перед кем распинается?)

— Возьмем, например, многоточия. Они — дыхание автора, его понимание пауз, как инструмента воздействия на читателя. Мол, остановись, задумайся. Он, писатель, один над всеми своими героями и над нами, читателями! — смешно приосанившись, возвестила Аня. — Рита писала мне, что она придумала интонационные многоточия, но редактор не согласился с ее изобретением и убрал их из текста. Я считаю, напрасно она его послушала.

— В глубину человеческой души надо идти со светом Христа, — заметила Жанна.

— Чьи слова повторяешь? Судишь о людях на уровне Мира и Космоса? А Солженицын и Шаламов, изображавшие кошмар безвинно угробленных людей, тоже со свечой Христа в душе должны были писать, а не с протестом? — холодно отреагировала Инна.

— Конечно, — не отступила Жанна. — С сочувствием, но не с ненавистью.

А неутомимая Аня, не вникая в их спор, своё заторопилась выложить:

— Читая Ритины книги, молодые люди начинают лучше понимать психологию женщин, а те, в свою очередь, осознают, что нельзя от мужчины ждать чувств полностью похожих на чувства женщин, потому что они другие. А вот требовать от всех порядочности все равно надо.

Логика у мужчин на самом деле иная. Рассказывал мне мой бывший подопечный о своем друге: «Он с такой ненавистью говорил о своей девушке! Потому, что любил».

«Я бы не смогла говорить о любимом плохо, если бы даже он в чем-то был передо мной виноват», — возмутилась я.

«Вы — женщина», — ответил молодой человек.

Для меня такое объяснение было внове. А я уже, слава богу, пожила на свете.

Будь Рита счастливой, разве она стала бы писателем? — неожиданным вопросом закончила свою речь Аня.

«И впрямь школьное сочинение. Вот дает Аннушка! Учительство, собственно, как и любая профессия, накладывает на человека свой отпечаток», — внутри себя добродушно усмехнулась Лена. Но неловкую улыбку сдержать не смогла, грустно подумав: «Не склонная к иронии и юмору, Аня со своей излишней серьезностью и простенькими высказываниями в некоторых ситуациях смотрится немного комично. Вот смотрю на нее и понимаю, что ее «пугливое» детство никуда не делось, в ней осталось навсегда».

«Ах, как глубоко, как умно! Слушать тебя — сто пудов удовольствия. Изрекает банальности с таким видом, будто теорию Эйнштейна объясняет школярам. Творческий диалог двух «гениев»: Анны и Жанны. Им, «великим», виднее. И что самое интересное, не понимают своего... недомыслия», — самодовольно подумала Инна и, не сдержавшись, насмешливо фыркнула:

— Застрекотала! Речь, окрашена мощной гаммой чувств! Море эмоций! Себя играешь в предлагаемых обстоятельствах? Ты видишь нас своими пятиклассниками? Чем еще одаришь? Не разочаровывай нас, отрывайся по полной программе. И Жанна поможет.

Какое удовольствие находиться рядом с... такой глыбой, если она не отталкивает, позволяет быть на равных... И тогда чужая биография становится частью твоей жизни, твоей памяти, переворачивает сознание. Но, как справедливо говорил великий Оруэлл: «Все равны, но некоторые равнее других». Вот уже и графика тела, и пластика у тебя другая: не хочется прогибаться, и уважаешь себя чуть больше, чем обычно, и свою планку выше держишь, решения принимаешь увереннее. Ты потрясена дебютом. Потом это становится обязательной составляющей твоего характера, твоего поведения. И это дозволено, и это оправдано. Ты сама себе раскрываешься с неожиданной стороны. У тебя уже не просто жизнь, а литургия... И место твоего обитания, будто намоленное... Ты не чувствуешь пресыщения, потому что развиваешься. Так?.. Да у тебя буйство нереализованной фантазии!

— А может, у тебя? Не заносись. Перестань кривляться. Надоела, как горькая редька. С души воротит от твоих издевок, — строптиво возвысила голос Аня и подумала раздраженно: «Инкины замечания не восходят до сатиры, ну если только брызжут злой иронией».

Но вслух Аня не рискнула так резко высказаться. Испугалась последствий? Пощадила? Не захотела раздувать ссору? Наверно это уже не важно.

— Устала бедняжка. Прости великодушно, — с привычной ехидной участливостью вздохнула Инна.

«Ох, дождешься ты у меня!» — будто о каком-то своем непослушном воспитаннике подумала Аня.

— Тонкий ход — нервно буркнула Жанна, поджав губы. Но литературную тему

продолжила, обратив внимание подруг на себя:

— Оруэлл интересный писатель, но своеобразный, я бы сказала, абсурдный. Помните его лозунги? «Мир — это война», «Свобода — это рабство», «Незнание — сила».

— Свобода — это возможность сказать, что дважды два — четыре. Это значит, говорить то, что есть на самом деле, — сказала Инна.

— Автор утверждал, что достичь вечного мира невозможно, он завоевывается посредством войны.

— Не вижу в его утверждении противоречий.

— Американцы бомбят какую-нибудь страну, а говорят, что строят мир, что они борются за мир во всем мире, — возмутилась Жанна. — Вот откуда истоки этого абсурда.

Аня внесла свою лепту в обсуждение:

— Оруэлл, как и Рита, выступал против тупоголовых чиновников. Он заставлял людей думать о том, что для них важно. Умный писатель. Я читала, что из ста восьмидесяти его предсказаний социального характера, сто семьдесят сбылись.

— А я больше люблю сюжеты, в которых действие уместается в короткий срок, а охват событий — века, чтобы в нем присутствовала временная аберрация и сгущение событий в ретроспективе.

— Лена, слышишь, Жанна не твой читатель, — отметила Инна.

— Еще мне нравятся романы, в которых захватывающая фабула: мощные сдвиги эпохальных пластов, меняющих ход истории, а главные действующие лица в них — страны и континенты; когда есть вертикаль и горизонталь взаимоотношений.

— Сочетание эпического и камерного, громогласного и напряженно-тихого? — подсказала Инна.

— Чтобы всем этим управляла грозная, однонаправленная воля всех слоев общества и главному было подчинено всё второстепенное; где чувствовалась бы трагическая поэзия истории, преподнесенная интересно и свежо; чтобы и в сюжете, и в средствах выражения сочеталось несочетаемое: горячий снег, оптимистическая трагедия, преклонение и жестокость. В книге должно быть интригующее начало и обязательный яркий финал! У этих авторов своя реальность, свой мир. И кино люблю зрелищное.

— Там мгновение растягивается в вечность, а вечность стягивается в мгновение, а человек в точку. И к нему можно применить принцип неопределенности Гейзенберга: я — тело, но я и волна; я здесь, но меня нет, — пряча довольную улыбку, сказала Инна.

— Такие книги переполняют меня ликованием. И я вчитываюсь в их строки с дрожью узнавания и восхищения. Сюжет должен меня тронуть, захватить и не отпускать. Таков мой критерий, — восторженно закончила свой монолог Жанна.

— И чтобы у главного героя — ума палата, и чтобы он своей мощью... заслонил автора, — невинным голосом сказала Инна. — Упаси тебя Бог увлечься фантастикой и забыть о достоинствах великих классиков! Преувеличение исторической значимости событий через много лет может сыграть роль фатальной улики. Вспомни американцев. Они многое чего себе приписывают: и открытие законов природных явлений, и несуществующие победы в войнах. И «нам не дано предугадать», чем это со временем может для нас обернуться. Но уж точно всем будет не до юмора.

— Мне один американец сознался, что всё лучшее, что имеют, они воруют у других, — вспомнила Жанна.

— Все намного проще. У них печатный станок, вот они и держат весь мир за яйца, как говаривал один из моих мужей. Сталин в свое время не пожелал садиться на долларовую иглу. А ты западных фильмов насмотрелась. Я думала, тебя увлекает вообще всё, что представляет собой исключение из общих правил. А мне интересно читать о жизни сильных, коварных, азартных женщин. Я люблю объяснять их поведение,

быть им как бы адвокатом. Еще мне нравится рваный, нервный ритм и художественный беспорядок в произведениях. Я чувствую в них себя искателем.

— Кому-то важен гармонизирующий герой, а кому-то говнюк? А если серьезно? — спросила Аня. — Мне почему-то Сэлинджер вспомнился, его рыбка-бананка. Главный герой объелся бананами счастья и застрелился от переизбытка любви. Какая-то в этом неосознаваемая мною шизофреническая странность. Нельзя самим прекращать поток собственной жизни. Бог дал, он же и возьмет ее назад.

Может, автор для сохранения души умел достигать... особого состояния просветления, чувствовал энергетическую связь с космосом? Или его книги — протест, бунт против несправедливого взрослого мира? Кто-то из критиков написал о его главном произведении: «В нем взгляд ребенка из-под стола на то, что делается в стране». А я бы добавила: «И в душе подростка в период его взросления». Книга полезная. Все мы в той или иной степени сталкиваемся с подобными болезненными проблемами, экстраполируем беды его героя на себя, идентифицируем себя с ним. Автор талантлив. Он несет в себе боль всего своего поколения. Ему, ветерану войны, было очень трудно жить, имея чувствительную психику. Не зря он искал религиозное спасение своей души. В этом смысле я его очень понимаю.

— А я презираю его главного героя. Он мелочный, у него много претензий к миру. Он хочет, чтобы все его любили ни за что, как родители, — заявила Инна.

— Герой Сэлинджера — тонко чувствующий рефлексирующий невротик, каких много среди нас. Он противоречивый, но добрый. Автор выступает против жестокости и предупреждает подростков, что с ними может происходить то же самое, что и с его персонажем. Именно поэтому не наблюдается спад его популярности, хотя, казалось бы, для современной молодежи должно быть актуально совсем иное.

— Принимаю твой пас. Тут ты, как педагог, права. Но, согласись, даже «битлов» начинают забывать. На смену им приходят, может и менее талантливые, но другие. И этого не избежать.

— Надо напоминать. Потому что неподалеку от добрых людей всегда будут «ошиваться» те, которые могут ни за что оскорбить, ударить. Хотелось бы, чтобы таких было поменьше... Как ты думаешь, один человек может изменить мир? — спросила Аня.

— В худшую сторону — да, в лучшую — нет. Но если ум на планете Земля возобладает над жадностью и желанием власти... — Инна усмехнулась. — Писатели должны чутко слышать даже тихий, потаенный пульс своей эпохи и силой своего эмоционального таланта «закрывать пропасть под нашим иллюзорным чувством связи с миром».

— Критики и вознесут, и с грязью смешаю. Были бы деньги. Мне вспомнилась шутка времен СССР: «И муху, и министра можно прихлопнуть газетой». Редакторы — проводники воли цензоров или теперь наоборот? — зачем-то ушла от темы Инна и раздраженно махнула рукой.

— С критиков надо брать клятву Гиппократата: «Не убий», — рассмеялась Аня.

— «На тех, кто впал без умысла в ошибку, не гnevаются сильно», — процитировала Жанна Софокла.

— Ты о себе? — спросила Инна.

— О тебе, — ответила Жанна. — Критика не должна переходить меру справедливости. Большая доза «лекарства» может убить и талант, и самого человека.

— Не существует справедливости в книжном понимании. И вообще, несправедливость — понятие субъективное. Нельзя копить в себе плохое.

— Один писатель жаловался мне: «Денег нет, жена пилит, а тут еще шквал ненависти в интернете. Остается только повеситься. Как приучить себя не слушать чужие мнения?»

Инна не отреагировала. Конструктивного разговора не получилось.

Из Инниного молчания Жанна так и не поняла, согласна та с ней, или как всегда дразнит, пытаясь любую поддержку чьего-то мнения истолковать как заигрывание. «Инна хочет возвыситься в своих или моих глазах? Внушает мне комплекс неполноценности, зная, что меня это очень огорчает? А я обману ее ожидания, да еще и поквитаясь», — решила она и спросила голосом наивной овечки:

— Откуда у тебя столь «глубокое» знание возможностей СМИ? Самой доставалось от них, попили твоей кровушки или чужие слова повторяешь?

Но Инна снова уклонилась от ответа и, как ни в чем не бывало, продолжила свою мысль:

— После активного анонсирования некоторые писаки мелькнут еще несколько раз в телепередачах, черкнут о себе пару статей в газетах, между делом успеют провести несколько встреч с читателями — и вот тебе гарантия уважения народных масс.

— Да мы завистливы! — радостно удивилась Жанна.

— Инна, предложи писателям иной способ рекламирования своих произведений, — попросила Аня.

— Я думаю...

— Не слишком ли много ты сегодня думаешь? — с наигранным чувством мрачного удовлетворения остановила Инну Жанна. И неожиданно любезно, без явной иронии в голосе добавила:

— Не перетрудись, пожалуйста.

Ане не потребовалось много времени, чтобы оценить уровень язвительности этого скромного замечания. Она умоляюще взглянула на Лену. В ее глазах читалось: «И эта туда же? Меня ужасно удручает ее неприветливое высокомерие. Огради».

Но Жанна опередила Лену.

— Надоело пикироваться, — сказала она и пренебрежительно вздернула плечами, словно надеялась стряхнуть с себя впечатление, произведенное своей же издевкой. (Неплохой способ уйти от ссоры.)

Но надо слишком плохо знать Инну, чтобы не ожидать ответного удара, когда противник смирился или отступил.

— Тебя волнует историческая фантастика? Генералиссимус ты наш неосуществленный, с ярко выраженной индивидуальностью! Тебе же надо непременно знать, что всё в книге закончится превосходно. Ты всегда ждешь хорошую любовную историю, чтобы были могучие телом мужчины и лихие намёки на флирты с ними. Ну, в общем, что-то развлекательное, но... не очень умное.

Так этого добра везде навалом — читай не хочу. А вот книги Риты не о событиях, а о людях, не о катастрофах вовне, а о сложных, так необходимых нам всем взаимоотношениях между мужчинами и женщинами. Они о драмах и трагедиях внутри человека, о том, что пораженное горем или бедой сознание не способно смотреть в лицо реальности. И вот тут-то один отворачивается от своей трагедии, начиная играть несвойственную ему роль, другой попадает в поток чужой жизни, теряет все свои прекрасные порывы и тупо, как вол на пашне, тянет ярмо духовной и материальной нищеты или ищет призрачное счастье на стороне. А третий, окунаясь в безрадостную человеческую юдоль, борется из последних сил. Еще они про тепло и нежность в семье, про близость. Ей не скажешь, мол, пиши обреченнее, злее, больнее. И так всего этого там сверх головы... Русскому человеку надо, чтобы все было по совести, по справедливости, по жалости. Про свои чувства у нас все понимают.

— Прекрасная речь! Но зачем все это «отливать» в строки? Чтобы «от мук не знать свободы»? Счастье, счастье... Есть вещи более важные и глубокие, более достоверные, чем счастье, — в пику Инне сказала Жанна просто так, чтобы позлить ее.

«Ловко заставляет других считать себя такой, какой она не является и даже сама себе не представляется, — молча отреагировала Инна на замечание Жанны, очень ей близкое и понятное. — Хотя... я бы не удивилась, узнав, что это ее собственная мысль. Глупой она никогда не была. Но в ее словах постоянно сквозит недосказанность, которая меня раздражает».

— Жанна, Ритины книги о том, как сберечь и защитить семью, как, будучи зависимым человеком, сохранить свое достоинство. В них главные действующие лица — любовь, стыд и совесть. Тема трагедий, потерь и утрат сложная для выражения словами. Рита достигает эффекта многозначности и многоплановости с помощью иронично-лиричного сопоставления судеб. Такие книги может писать только человек с чистой, грустной и доброй душой. Они не заслуживают забвения и принадлежат не только настоящему, но и будущему, — на всякий случай пафосно прибавила Аня весу своему прочувствованному монологу.

«Вот это песня!» — подумала Лена об Ане как о совершенно постороннем человеке.

— И чтобы всё было смертельно правдиво? Это что-то тревожно-позитивное, с женским характером и с женским лицом? — страстно предположила Жанна. — А не провести ли нам параллель с Толстым? (Иронизирует?)

— С которым? Их несколько, — вполне серьезно попросила уточнить Аня.

— Когда говорят «Толстой», то всегда имеют в виду Льва Николаевича. — Инна раздраженно дернула плечом, мол, как можно не знать таких простых вещей!

— А что, в центре его произведений почти всегда семья, верность, покаяние. Клубки человеческих проблем. А в них одни узлы. Не распутать. Их легче завязывать, чем развязывать. Часто рубить приходится, — заметила Аня.

— Сравнили с Толстым. Не на любые темы стоит шутить, — тихим голосом осадила подруг Лена.

— Можно, но тоньше, — возразила ей Инна.

«Вот и вызвали Лену на разговор. А то ведь клещами из нее слова не вытянешь», — молча обрадовалась Аня.

— Мне кажется, Ритины произведения для взрослых в основном вытягивает любовная линия, — попыталась возобновить беседу Аня.

— Это естественно, — согласилась Инна.

— При Сталине писатели в основном массами занимались, а не отдельными личностями. А теперь мы в книгах наблюдаем, как из простого человека рождается герой? — спросила Жанна. — Так это тоже уже было.

— Ритины герои — нормальные, прекрасные люди. Не шарахайся в крайности, — упрекнула ее Аня. — Если глубоко вникнуть, то на нынешнем этапе в нашей стране проблемы не столько технологические, сколько ч е л о в е ч е с к и е.

На том разговор и пресекся. И Лена провалилась в топкий как трясина сон.

*

Сквозь дрему Лена услышала тихое бормотание Ани и Жанны.

— ...Готова поспорить, что она с детства заряжена писательством.

— Что нового на этой ниве можно изобрести? Уже есть десять заповедей для поддержания мира, гармонии и справедливости в человеческом сообществе. Только мало о них знать, надо иметь силы их выполнять. Нагорную проповедь я считаю не набором моральных норм, а социальным проектом.

— Вот поэтому всегда есть о чем писать.

— Если бы люди соблюдали заповеди, они сделались бы праведниками. Не возникало бы

произвола, насилия, жестокости. И на земле был бы рай, — грустно-мечтательно сказала Жанна.

— Идеалистка, легковверная душа. Лучше упасть с облаков, чем рухнуть с дуба?

— Ты еще вспомни юность, время, наполненное звездными фантазиями... Чем дальше от жизни, тем ближе к вечным понятиям, к таким как порядочность, доброта... Знаешь, люди, достигшие моральных высот, часто бывают примитивными, — усмехнулась Инна.

— ...Я предпочитаю, чтобы писали о жизненных ситуациях с юмором. Людская несостоятельность и глупость — источники развлечения. И о серьезных проблемах надо уметь говорить как бы шутя, чтобы не «убивать» людей. Мне ближе аллюзийно-комедийный, ироничный жанр Вольтера. А еще мне кажется, не надо расшифровывать юмор. Кому дано — сами поймут, а остальные обойдутся.

Если бы Лена не знала, кто произнес последние слова, она все равно догадалась бы, что они принадлежат Инне.

— А мне Бальмонт роднее, — сказала Жанна.

— Бунин о нем писал: «Не сказал ни одного словечка в простоте. Помпезен». «Напыщен», — добавила бы я от себя. — Это Аня произнесла.

— И тем в юности был мне мил. Прекрасный век! Главное: ни пошлости, ни отсутствия вкуса. Но многие поэты уже были поражены болезнью обезбоженности. А наша сила и радость в вере, в Боге. Достоевский утверждал, что душой человека владеют мистические силы и предупреждал...

Инна перебила Жанну:

— Я о другом. Именно из недр той литературной эпохи выростала наша нынешняя поэзия.

— Как Достоевский из Гоголя? Я бы не стала проводить параллели, но есть бесспорные вещи. Главное, что в них, а значит и в нас сохранился ген национальной культуры.

— Ну да, у нас литература правит историей, — привычной противоречащей всему иронией отреагировала Инна на Анино заявление.

— Ну, если только с твоей подачи, — дернула плечом Жанна.

— Для меня важнейшим показателем отношения к своей стране, любви к Родине является стремление молодежи больше знать и больше делать полезного, — заявила Аня.

Жанна не приняла замечания Ани о преемственности литературных эпох, потому что вспомнила неблизких ей поэтов-авангардистов двадцатых годов, но спорить не рискнула. Для этого требовалось обладать достаточно полной информацией о предмете.

— ...Непонятые, отодвинутые и забытые писатели на новом витке развития литературы могут быть приподняты и зачислены в классики, — сказала Аня.

— Случается такое, — кивнула Инна.

— Мне нравится интересный прием использования писателями снов персонажей. Через своеобразные сюрреалистические подходы легче рассказывать о непредсказуемой и подчас жестокой действительности, — сказала Жанна.

— Со школьной поры Чернышевский из головы не выветрился? Осинovým колом в сердце застрял? Девушка, ты часом не обмишулилась? Ты еще эпистолярный жанр возроди, — насмешливо откликнулась Инна.

— Он без нас всплыл в интернете. Время потребовало, — мгновенно отреагировала на выпад Аня. — Вся литература ушла в интернет. Скачивай все, что душе угодно

и читай.

— Это обнадеживает, — думая о чем-то своем, пробурчала Инна.

Чтобы не разжигать спор, Аня миролюбиво заговорила о более ей близком и понятном.

— Что трогает бывшего детдомовца? Не умозрительные, а личные искренние переживания. Да, Рита резка в своих высказываниях, но она молодец уже потому, что рискнула обо всем впрямую написать. Место истинного писателя среди униженных и оскорбленных. Оставим мужчинам решать глобальные мировые задачи, а женщины пусть занимаются не менее важными вопросами семьи. Каждому свое. Семья — широкое, достойное поле деятельности.

— Без мужчин решать проблемы семьи? Они и есть первейшая причина ее бед! — возмущилась Инна. — Нет, вы посмотрите на нее! И она загоняет женщин на кухню. Ты за поражение нас в правах? Вот так ты поняла Риту?!

— Это ты не так меня поняла. Я не то хотела сказать... — попыталась оправдаться Аня.

— Эх! Из века в век одно и то же: мужчины, женщины! Ремейки нужны, чтобы «слово залежалое отряхнуть от пыли и плесени»? Рита всю Россию хочет наставить на путь истинный? Желает, как Орфей, научить человечество человеческому? А может, вкрадчиво плетет общеизвестное: мол, у женщин обычно скорее срабатывает логика житейских неурядиц и она заслоняет им всё другое... Наверное, некоторым мужчинам полезно почитать, что о них думают женщины. Пусть как в зеркале увидят свое отражение. (Можно подумать, что в семейных ссорах они мало слышат «комплиментов» в свой адрес!) И тогда выразительные бытовые детали начнут звучать как метафоры и наконец-то затронут их сердца! Ну и все такое прочее... Да? — спросила Инна.

— А без мужчин так не зазвучат? Одно глумление у тебя на уме. Только оно тебе и под стать. Ахинею несешь. Всё перевернула с ног на голову. — Аня сердито оглянулась на Инну через плечо. Но та всем своим видом показала полное безразличие к ее замечанию.

«Нашла с кем связываться», — попеняла себе Аня.

— Получается, что с признанием Рите просто крупно повезло. Тоже мне теорема Вейерштрасса! Задача с двумя неизвестными: муж и жена — одна сатана. Драматургия семейной жизни! — в своей привычной, ироничной манере продолжила нападки Инна.

«И в чем же Рите повезло? Только что хвалила ее, а теперь поносит. Почему? У нее семь пятниц на неделе?» — не поняла Аня Инну и сказала с обидой:

— На тебя не угодишь. Твоя жестокая насмешливость изводит меня.

— А если прельститься больше нечем? Ломаешь, подминаешь меня под себя? Ты давай, завязывай с этим. Что набычилась? Сто процентов попадания? Расслабься. Что глазами-то стрижешь? — спросила Инна и без всякого стеснения устремила на Аню взгляд, полный наглого любопытства.

«Люди, в основном, не переносят, когда им смотрят прямо в глаза, теряются, отводят взгляд, а Инна любит этим пользоваться. Не самое лучшее ее качество», — молча отреагировала Лена.

— Отстань от меня, приохотилась травить. Твоя манера изъясняться может многих отвратить. Знаешь, кому-то приятно решать твои ребусы, а кому-то они поперек горла и приносят физическую боль, — простонала Аня.

— Ах, твое изнуренное сердце...

И в этом «ах» было столько иронии!

— Неужели прилив ностальгического великодушия? Нет, в тебе он так и не возобладал, — чуть приподнявшись на локте, пожурела подругу Лена. И подумала: «Ане кажется, что Инна держится с ней подчеркнуто неприязненно. В каждой фразе ей чудится глубоко упрятанная насмешка. «Заяц думал, что танковая атака направлена против него». Сама не старается расположить к себе. Напрасно. Инна может оценить и понять. В «борьбе» с ней Ане мешает переизбыток мнительности и неуверенности. Со стороны ее поведение выглядит, как добровольная попытка преодолеть ненужные препятствия. Инна тоже хороша. Партнера себе надо выбирать достойного».

— Молчу, молчу, — заторопилась Инна успокоить Лену.

— Какая неожиданная любезность с твоей стороны! — Это Жанна воспользовалась моментом, чтобы поддеть Инну. (Вот ты ка-ка-я!)

*

Ане не терпелось с похвалой высказаться о произведениях сокурсницы, а заодно похвалиться своей эрудицией, и она сама подвела разговор к интересующей ее теме.

— Очень человечные книги. До слез меня трогают. Рита каким-то неведомым мне способом изгоняет из своей души боль и переносит в свои рассказы.

Но Инна и тут взяла ситуацию в свои руки.

— Какое неумеренное восхваление! Хотя... комплиментов не бывает много. — Она скроила противную едкую гримасу. — Слезы — не показатель. Предпочитаю восхищение. Оно продиктовано не столь сомнительными проявлениями нервной системы. От сериалов ты тоже плачешь. Ты всегда тяготела к трагическим героям, поэтому тебе по душе эти женские воззвания к мужчинам о мире в семьях. Нет, я понимаю, что это лишь одна из линий Ритино творчества...

Но я всегда любила истории, написанные в самых возвышенных выражениях и со счастливым концом, где не проглатывают несчастья и оскорбления с молчаливым достоинством, где не гордятся преодолением примитивных трудностей. Обожаю читать и переживать чужую, пусть даже придуманную, яркую любовь как свою собственную. Люблю, чтобы был обвал восторгов и страстей. Читая, мы ищем эмоции. Я из них создаю в себе страну счастья, а в ней возникают минуты вдохновения и полета, рождаются всплески долго незатухающего интереса к жизни. Аня, советую тебе поискать другие «показатели» достоинств Ритиных героев. Допустим патриотизм. Тебе это ближе и понятней.

— Снова издеваешься? Да, я считаю, что талант должен прославлять свое отечество и его людей, иначе он может сослужить и писателю, и человечеству плохую службу.

— Конечно, какие же положительные герои без традиционного букета! Нет, Аня, ты лучше ежедневно изучай «Черную курицу» Антона Погорельского. Не затягивай с этим. Полезно. Мало еще слез пролила, читая ее своим подопечным?

— Аня, не казись. Это же Инна с ее... заскоками. Ты же ее знаешь, — по-матерински мягко посоветовала Жанна, заметив побледневшее Анино лицо.

Лена вышла из сонной задумчивости. Пожалуй, она успела неплохо вздремнуть. Аня говорила:

— ...Видно ты не читала рассказ Риты о девочке, душа которой отзывалась на разные сложные события жизни неодинаковыми по глубине и осознанности стихами. Иначе проследила бы трансформацию героини, почувствовала бы слова исполненные благодати и многое поняла в Ритиных произведениях.

— Ну как же, Рита — наше национальное достояние! — не смолчала Инна.

— Я читала, что без ярких противоречивых ситуаций не бывает стоящих произведений. Как она создает их в своих романах? — задала вопрос Аня.

- Зачем Рите придумывать противоречия? — удивилась Инна. — В нашей жизни они на каждом шагу.
- Мне очень понравилось то место в последней книге, где у нее как бы сюжет в сюжете. Там она вступает в диалог с самой собой. Не избитый ход, правда?
- Железобетонно! Ее фирменный, — подтвердила Инна и добавила:
- Лена, ты тоже работаешь в этом поле. Но ты пошла дальше. У тебя я наблюдаю стереоэффект. Он образуется из диалогов героев друг с другом, с предполагаемым автором и с их собственными внутренними «я».
- И все же дневники Риты — самое сильное в ее прозе. В них есть моменты опережающего отражения действительности. Там есть ядовитые вещи и даже... принижающие кое-кого, — снова подключилась к разговору Аня.
- Они не для печати писаны, — сказала Лена и унеслась мыслями слишком далеко, чтобы слышать, о чем рассуждали ее подруги. Последнее, что дошло до ее сознания, были слова Жанны:
- Я еще не читала произведений, состоящих из одних диалогов. Это способ развития дневникового жанра? Там человек разговаривает сам с собой, а Рита разнообразит эту «беседу» общением с друзьями?..
- *
- ...Здорово Вознесенский сказал: «Обязанность стиха быть органом стыда!» А ты готова признать это изречение справедливым? — спросила Жанна.
- Имеет место быть. Поэт не поэт, если он не считает свой взгляд на мир единственно правильным, — свернула на привычную дорожку иронии Инна.
- Огласила свой приговор?
- Прозаиков я тоже не исключаю из этого списка.
- Все они очень нуждаются в твоём замечании. Без него они оказались бы не на высоте положения, — шутливо, но миролюбиво заметила Жанна. — Тут мое представление не расходится с Аниным.
- Уголки губ Ани вздрогнули в еле заметной улыбке. Она поняла и приняла иронию Жанны.
- О гениальных поэтах говорят, что они посильнее коронованных особ, — сказала Инна.
- Гениальность любого поэта в его поразительном великодушии и доброте, — упрямо заявила Аня. — «Лишь наша доброта в веках пребудет». Одна из задач литературы — смягчать сердца людей. От чернухи и крови они каменеют.
- А разве не бороться за правое дело? — насмешливо удивилась Инна. — Примитивно мыслишь, детсадовскими категориями. Перегрелась? Форточку открыть?
- Еще совсем недавно гениальных людей истребляли или выслали, а теперь пригревают и награждают, — сказала Жанна.
- Чтобы подвергнуться изгнанию из Союза писателей или выдворению из страны, надо было заслужить. Опрокинь свою память в советское прошлое. — Инна усмехнулась. — Как нас учили? «Жить надо ради того, за что можно умереть: за Родину, защищая честь и достоинство, спасая кого-то».
- А разве для совершения подвигов доброта и великодушие не требуются?
- Ритины героини все с изъянами, но нельзя сказать что плохие. Порядочность — вот что их объединяет, — сказала Аня.
- Это характеристика нашего поколения, — подтвердила Жанна.

— Емко, трогательно, сердечно прописывает своих героев. Закладывая ту или иную личность, она во многом ее с себя списывает, но с беспощадной самоиронией. «Себя в себе ищу». И читатель напивается от нее нравственной энергии. И ведь какие вопросы ставит! «Где мы? Что мы есть сегодня, не в самую легкую годину?» По собственному Ритиному признанию — мне однажды довелось присутствовать на ее встрече с читателями, — она пытается осмыслить кардинальные проблемы современного человеческого бытия.

«Аня в Жанне нашла внимательного слушателя», — поняла Лена.

— Мудрейший Сократ в свое время тоже ставил вопросы, но не всегда на них отвечал.

— Сократ!.. — Аня покрутила головой. — Они у него высочайшего уровня, а Рита о нас пишет. Но список наших глобальных проблем тоже не такой уж короткий, — грустно закончила она свою мысль.

— Только и разговоров, что о проблемах. Не много ли Рита на себя берет? Нескромно как-то. Может, не по Сеньке шапка? Даже хроникёры теперь предвзяты, а тут художественная литература, — с сомнением пробурчала Жанна.

«Что она имела в виду — не поняла Аня. — Не могу уследить за течением ее мыслей, они все время уплывают куда-то в сторону. Может, это меня ко сну клонит?»

— Рита максимально выкладывает свое сердце людям. Для нее писательство — одна из форм личной ответственности, — пояснила Аня свое предыдущее заявление. — Ее книги — территория полной свободы. Они то, что определяет степень ее счастья.

— Она обязана быть внутри ситуации? Камикадзе, — намеренно насмешливо заметила Инна.

— Не стану тебя разубеждать. Но читая написанное Ритой, я ощутила, что не знала ее вовсе, но теперь многое в ней поняла.

— Реальность сложна и не поддается прогнозированию. В жизни столько абсурда! Вскрывать законы непредсказуемого мира семьи, изучать глубинные мотивы человеческого поведения — все равно, что пытаться изобрести вечный двигатель.

«Иннина труба снова громко вступила, — поняла Лена. — Наверное, заглушит звучание Аниной скрипки».

— Акт творчества выворачивает душу глубже, чем быт, поэтому писателю больше дано, — не согласилась Аня. — Главное, чтобы писалось без узколобого схематизма.

«Молодчина! Наш человек», — молча одобрила Лена Аню.

— Ну как сказать... — неожиданно для себя не нашлась Инна. Это была для нее позорная, выбивающая из привычной колеи, пауза.

«Теряет хватку, выдохлась?» — удивилась Жанна.

— Тебя, Инна, может понять только один человек — ты сама, — грустно пошутила Аня.

— Умно. И яркие краски в голосе появились. Когда ты от страха не прячешься в скорлупу, с юмором у тебя все в порядке. Ты-то сама поняла что сказала? — не могла не добавить уже взявшая себя в руки Инна.

— Растолковать? Кое-кто не может быть только без себя самой и только от себя получает победные реляции, — с еле уловимой гримасой удовольствия пояснила Аня.

Она вдруг почувствовала неловкость за свою невинную радость от самого же сказанного и за неожиданное, отчаянное желание сохранить в себе это редкое чувство.

Губы Инны передернулись, как от резкой боли, а в потемневших ненавидящих глазах на мгновение промелькнула бездонная оторопь, тут же сменившаяся искусственным наивно-сочувственным интересом, а потом и намеренным ленивым благодушием. Такого от Ани ей еще не приходилось слышать!

«Промახнулась Инесса. Плохо чувствует? Нездоровье не способствует нормальной работе мозга», — про себя прокомментировала ситуацию подруги Лена.

— Не буди лихо, пока оно тихо. Меня учить — только портить. Ты это к вопросу о пересечении линии жизни с зигзагами характера? Так они переплетаются не по законам евклидовой геометрии, а по Лобачевскому. Все мы не совсем правильные.

— Это уж точно. — Аня быстро и положительно приняла неожиданно прямой и честный ответ Инны. Спорить тут было не о чем.

Высокий голос вывел Лену из задумчивости. Аня объясняла Жанне:

— Для Риты важен не сильный герой, а слабый, насыщенный неоднозначными проявлениями характера, но борющийся, не безразличный, здравомыслящий, которого преследует череда потрясений. Цель его исканий — гармония в себе и в семье. Этим он интересен и заслуживает уважения.

— Уважения? Знала я одного такого типчика: слабый, склонный к депрессии, к припадкам страха и предсердечной тоски. И, тем не менее, при сильной жене в их семье он верховодит. Почему? — возмутилась Жанна.

— Для любящей жены он вечное дитя, а больной ребенок в семье обычно главный, вокруг него всё вертится, — подметила Аня.

— Ритин главный герой — женщина. Вот откуда мысли такого странного толка! Ура, ура! — проскандировала Инна. — Будем, дрожа от нервного ликования, жить и думать как Рита. Станем неукоснительно следовать всем ее предписаниям. Только я вот читаю классику и вижу: мало что изменилось в характерах людей за последние пятьсот лет. И это грустно, — очевидно, всё ещё подавляя в себе волны поднимавшегося недовольства предыдущим разговором, вмешалась Инна.

«Настырно задает тон нашему разговору. Она не просто иногда иронизирует, она иначе мыслить не умеет. Что-то внутри нее зудит, раздражает, толкает на выплескивание желчных инсинуаций, создает воинственное настроение, отчего она взрывается на мелочах. Ее все время куда-то заносит. Мастерица морочить головы. Может, это чувство тайного превосходства? Та еще фифа. Если бы она ушла, я бы не очень огорчилась. И каким ветром, какой волной ее прибило к нашей компании, тем более после прошлогоднего инцидента? А вдруг она сама страдает от своего характера? Выговорится и вернется в ровное расположение духа или явит «миру» веселое настроение», — на себя примерила Инины закидоны Аня и запретила себе реагировать на вспышки ее эмоций.

— Проблемы в жизни людей есть и всегда будут. Рита, когда подступилась к ним, тоже поразила их масштабности, вот и стала рассматривать и осмысливать только одну, точнее один ее узкий аспект. А сначала пыталась охватить тему со всех сторон, — сказала Аня. — Только дебютанты надеются быстро дать ответы на все вопросы.

— Что ей до чужих комплексов и терзаний? Так и кое-куда загреметь можно.

— А ты на себя оборотись, тогда поймешь, — кольнула Жанна Инну.

— Еще бы, кто я такая, чтобы судить? Писатель должен затрагивать всеобщие и самые глубокие проблемы, а не оттачивать и шлифовать бытовые события и копаться в чужом грязном белье. Рита надеется суметь банальное представить монументальным? Снова «запоет» на тему воспитания?

— Наверное, писать о том, есть ли жизнь на Марсе, интересней, тут мы далеко заглядываем. Только мне кажется, что стоит чаще задаваться вопросом: «Есть ли жизнь после свадьбы»? Я не вижу проблемы важнее, — сказала Аня. — Но вот как далеко заходить в интимную сферу отношений, чтобы вскрыть причины того, что творится за дверями закрытых квартир, и проработать весь материал до мелочей, — это вопрос внутренней цензуры автора. А вдруг именно это, казалось бы, глубоко личное и является основной, глобальной причиной проблем в семьях? Разве о нем надо молчать?

— Куда же нам без прописных истин? — хмыкнула Инна.

— О них труднее всего говорить. Но даже их не всем и не сразу удается усваивать. Человек медленно меняется. Вот и приходится писателям, забыв о высоких материях, вдалбливать элементарные понятия, потому что они являются основой бытия.

— Например, интересоваться степенью уязвимости человеческой души. Как живет человек, который не хочет соприкоснуться с реальностью? За счет чего он выживает? Как самые обычные люди под влиянием обстоятельств превращаются в злодеев. Да?

— Если ты о немцах в войну, то они были частью той системы, в которой жили, и нечего их защищать. Простые солдаты тоже виноваты, они шли воевать, надеясь получить кусок советской земли в личное пользование, а русского человека сделать рабом, — жестко заметила Аня. — Немецкие женщины боготворили Гитлера и посылала сыновей воевать. Женщины!! Что в нем было такого, что они ему поверили? Как могла нация, взрастившая Гете и Баха идти на уничтожение других народов?

— И своего, — заметила Инна.

«Анина память застряла в военном детстве. Это ее самое главное тяжелое воспоминание. При малейшем намеке на прошлое оно всплывает из глубины сердца и тревожит, тревожит...» — подумала Жанна.

— Куда тебя повело? О семье речь вели, — удивилась Лена. — Оно, конечно, понятно... Та война — наша боль на всю жизнь. Ее невозможно изжить. История может чему-то научить, только если нам больно... Мой сынок Андрюша в шесть лет после просмотра фильма о войне задумчиво сказал: «Всех людей жалко». А я ответила с горькой усмешкой: «Жалость к фашисту, убившему твоего родного деда, и к твоему деду, погибшему, защищая Родину и нашу семью, наверное, должна быть разной. Или ты не признаешь оттенков? Черное-белое, да-нет». Задумался сынуля. Потом мы с ним говорили по душам, рассматривали старые фотографии. Я всплакнула. Сынок долго сидел, опустив голову. Пытался меня понять. Потом занялся конструктором, но продолжал думать о чем-то серьезном.

— Ты напрямую рассказывала маленькому сыну об ужасах войны? Я читала, что детям надо преподносить сложные вещи художественным языком и разными выразительными средствами. Дети — визуалисты. Для них надо ломать взрослый формат и создавать свою парадигму в искусстве воспитания. Фантазмагория им более понятна. Они проще уходят в метафизичность. У детей, например, насчет существования Бога до определенного времени нет сомнений, — сказала Инна.

— Все эти способы хороши для развития у ребенка воображения, — сказала Лена. — Но когда закладываешь в него базовые понятия, требуется говорить коротко, четко и доходчиво. Ребенок должен понять, что война — это плохо, но есть Родина и ее необходимо защищать от врагов. Он должен знать, что несет война и как можно ее предотвратить, чтобы избежать грозящей катастрофы. Он должен помнить, что из каждого нашего маленького выбора... вырастает история нашей страны, спасается Россия. Надо чаще с детьми заглядывать в зеркало нашего прошлого, чтобы в глубине его видеть то, что нельзя забывать.

И с подростками надо разговаривать. И лучше, если на равных. Почему Достоевский пишет о корневых, но низменных человеческих качествах? Потому что эта тема рано или поздно все равно всплывает для любого подростка и очень его волнует. Все проходят через осознание зла, непонимание и обиды. Важно вовремя суметь ему помочь, подсказать, направить. И труднейшие вопросы нашего прошлого мы поднимаем для того, чтобы каждый заглянул внутрь себя и подумал, как он повел бы себя в данной ситуации, кем бы он стал: надсмотрщиком, рабом или борцом за справедливость? Мы обязаны воспитывать личную ответственность.

— Аня, ты не ищешь оправдания ненависти народов друг к другу? — спросила Жанна.

— Нацизм и терроризм нельзя оправдывать. У таких преступлений нет срока давности, — категорично заявила та.

— А прощать? Немцы повинились перед нашим народом за Гитлера, даже отступные платят евреям, а мы за злодеяния Сталина перед своим — нет, — осторожно сказала Жанна.

— Так ведь перед своим... Но осудили, — сказала Инна.

Аня горячо возразила:

— Сталин — гений, но злой гений. Не могу я простить ему ни коллективизации, ни того как он после войны жестоко подавлял предполагаемый бунт побывавшей за границей армии-победительницы, отправляя героев на смерть, в Сибирь эшелонами... Ни медали, ни ордена их не спасали... Еще отсутствие праздника Победы великому народу...

— И в семьях извиняться не умеем, и на государственном уровне не хотим признавать своих ошибок, — тихо, словно только для себя пробормотала Жанна.

— Насчет того, что в семьях, ты права. Но для стран — это вопрос политики, а не здравого смысла. И он многократно всесторонне изучен, — заметила Аня. — Простите. Я начала разговор за здоровье, а окончила, как всегда... Вернемся к творчеству Риты. Она пишет о несправедливостях в человеческих судьбах, зависящих не столько от объективных обстоятельств, сколько от людей, живущих рядом. Еще о злодействах в быту, если они принимают массовый характер. Она затрагивает вопросы, которые, к сожалению, никогда не устаревают. Читая, казалось бы, о простых, неприукрашенных событиях, я открывала в ее книгах и второй, и третий план, и мощный подтекст. Умеет об обыкновенных вещах рассказывать так, что за сердце берет, — с задушевной ноткой в голосе поделилась Аня.

— Писать о человеке всегда актуально — вот в чем фишка. А Лена в своих книгах развлекает грустные моменты иронической интонацией, — заметила Инна и оглянулась на неподвижно лежащую подругу. — А о тупой, слепой силе судьбы не хочет писать.

— В наше сложное во всех отношениях время люди жаждут романтики, утешения, любви и праздника, чтобы отдохнуть душой. А писатели им... Но с другой стороны без трудных испытаний человек не может прийти к перерождению, поэтому в жизни больше бед, чем радости, — пасторским тоном сказала Жанна.

— Успокоила! Дорогие мои, я вас умоляю: переключите внимание на что-то другое. Зачем вы втравливаете друг друга в грустную полемику? Я спать хочу, — вяло пробурчала Лена, накрываясь подушкой.

«У девчонок одно не вытекает из другого, в каждой фразе множественность. И куда растекутся ее ручейки, если между ними столько пересечений? Я то прочно застреваю в непонимании, то утопаю в их многословии», — недовольно подумала она.

Но Инна не слышит ни Лену, ни Жанну, Ане отвечает:

— Ладно, твоя взяла! Я поняла Ритино предназначение. Она пытается сдерживать глупых людей и предостерегать нормальных от необдуманных поступков. Ее философия из разряда действенной доброты. И дарит она всем нам всю широкую палитру своего таланта. Так? Только дураки книг не читают. Понимаю, тоска по идеалу...

«Инка задает вроде бы невинные вопросы, а на самом деле ехидные. Чума сибирская! Тон, тон-то какой! А еще прикидывается ясочкой. Чего добивается? Слишком высокого о себе мнения? Верит в свою будто бы избранность и не допускает мысли, что кто-то, кроме нее, может выразиться лучше? Как о ней сказал Борька? «Она так существует. Афористично мыслит? Нет. Выдает глубоко продуманные импровизации, а реализует их как сиюминутные». В больших дозах Инна невыносима. И откуда она взялась на мою голову? И ведь не выгонишь, хотя в прошлый раз ей было решительно отказано от этого дома. Бесит она меня. Я мнительна?

А может, она таким образом из души свою боль выплескивает? Ее ведь тоже не отнесешь к числу счастливиц, хотя красивая и умная, — вернулась к своим прежним мыслям Аня. — Хотя, смотря что считать умом. Почему я не могу не думать о ней? Переклинивает меня?» — обеспокоилась она.

А успокоившись, опять о Рите заговорила:

— Рита не ошиблась в выборе темы. Она многих трогает. Ее взгляд на проблему собирает широкий круг читателей. И будет собирать. Ей не приходится бояться, что ее читатель умрет вместе с ней. Я верю, что хоть крохами, отдельными фразами, а может даже целыми рассказами, но останутся ее произведения в веках.

— Размечталась!

— Тебе, Инна, что-то иное открылось в этой связи?

— Прекрасный забытый Эдем.

— Данный нам еще с детства в ощущениях и в фантазиях... — ностальгически вздохнула Аня.

— Вы подогреваете мой интерес к Ритиным книгам? — спросила Жанна.

«Представляю, на каком уровне велась бы их беседа, не будь они усталыми и вялыми, как сонные весенние мухи, — усмехнулась Лена. — А мне бы сейчас что-либо для души... «Старомодную комедию» Арбузова, с Борисом Тениным и Лидией Сухаревской увидеть бы?.. Какая мощная харизма, какое обаяние! Без них этот спектакль сильно проигрывает. По мне так Сухаревская в нем — совершенство. Жаль, мало была востребована. Новые артисты прекрасные, но в их игре больше юмора, чем душевности. От них не бегут мурашки по телу. Нет, пожалуй, от Владимирова бегут...»

И словно почувствовав лирическое настроение подруги, Инна зашептала:

— Помнишь, как ты поймала огромную щуку? В ее раскрытую пасть мог поместиться мой кулак! Мы ее измерили, взвесили.

— И зубы пересчитали, — пошутила Лена.

Язвительная усмешка тронула губы Жанны:

— Когда завзятые рыбаки рассказывают о пойманной крупной рыбе, я всегда вспоминаю анекдот об огромном рыбьем глазе и уменьшаю все параметры их улова втрое.

— Так то — мужчины, — отвергла обвинение в хвастовстве Инна. — Волшебное воспоминание! Я тогда от радости на мостике, у всех рыбаков на виду отчаянно отплясывала чарльстон!

— А они на тебя чуть ли не с матом, мол, не шуми, — рассмеялась Лена.

— Эх, сейчас бы на рыбалку!

— В принципе мечта не запредельная, осуществимая. Всё в наших руках. Но повремени до весны. На зимнюю рыбалку я больше не хожу, ноги мерзнуть стали. Сахарок в крови и сужение сосудов дают о себе знать, — ответила обещанием на искреннее желание подруги Лена.

— ...Удача улыбнулась Рите. Она уже испытала радость широкого признания. Надо же, прямое попадание с первого раза, с первой книгой. (Чем можно унять и «обезвредить» педагога?) Ею она вошла в литературный фонд России. И все потому, что ее рассказы лишены всяких речевых клише. Она создала свой язык, связанный не только с ее воображением, но и с метафизикой окружающей действительности, — заявила Аня. (Да ну?) — Но главное, что она не давила на читателя фамилиями, авторитетами — я имею в виду рецензии знаменитых писателей, — не преподносила о себе готового мнения, предоставляла им самим себя «открывать».

— Победа! Сумасшедший ажиотаж! — фыркнула Инна. — Обычно у победы много отцов. Это у проигрыша не находится виноватых. Неужели никто не примазывался?

— То, что блистательно удалось Рите, не получилось у других наших сокурсников. Их до сих пор манит недостижимое совершенство, требующее постоянной окрыленности духа. Порой пессимизм полностью побеждает в них оптимизм, но они не намерены

сдаваться. (О ком это она?) Видно звезды на небе так расположились, что Рите повезло. Сколько же всего должно было сойтись!

— Я считаю, что Ритино везение в том, что начала она свою творческую деятельность еще до перестройки, — напомнила Инна, охладив этим мистический пыл Жанны. — С ее скромностью величие ей не грозит, но и проблем не снимает.

— Увы, если отношения с прессой и руководством строятся далеко не на любви, они чреватые осложнениями, — сказала общую ни к чему не привязанную фразу Жанна.

— Да, да, — сказала Аня так, что было понятно, что слова собеседницы не достигли ее слуха или понимания.

— Не нам раздавать «знаки качества» и выдавать пропуска и направления в вечность. А вот история с Ларисой, похоже, надолго зависла... и пока без последствий. Этот факт, наверное, тебя, Лена, с ней сближает. — Инна сделала паузу, чтобы оценить впечатление, произведенное её знаниям проблем далекой подруги. Но реакция Ани была неожиданной. По-своему разгадав извилистый ход мыслей Инны, она заявила:

— Тебя обуял бес зависти. Так сама сваргань что-то особенное, замысловатое, чтобы на тебя нацелились все фото и кинокамеры мира!

— Повторяешься. Давай на пару? — молниеносно отреагировала Инна с искусно наигранным простодушием хамоватой особы.

«Опять Аня получила свою долю «внимания». Сама напросилась», — про себя отметила Лена.

*

Тяготясь долгим молчанием, Аня произнесла слишком пафосно:

— Писатель обязан говорить не то, что от него хотят услышать, а то, чего не ожидают. Он не имеет права лгать, ему приходится идти до конца, потому что это его ответ времени. Биография писателя должна накладываться на канву исторического развития страны.

«Бросается высокими фразами. Должен, обязан... Какие мы тут все умные. Писатель никому ничего не должен. Если только себе...» — усмехнулась Лена.

— Божий дар подталкивает его, внутренний позыв ведет... — начала проповедовать Жанна.

— Куда? — судорожно расхохоталась Инна, сжимая лицо в ладонях, и пряча голову под подушку.

— И заставляет «в каждом миге видеть вечность!» — в тон Жанне продолжила Аня.

— Срезала ты меня на взлете мысли... Ах, да! И на бред перестройки тоже должен откликаться? А я думала, писатель обязан абстрагироваться от грязи и пошлости, соблюдать с ними дистанцию, — оттянула на себя внимание Инна.

— А как же полное совпадение с эпохой? — официальным тоном, спросила Жанна, еще не поняв намерений Инны.

— Все зависит от расстановки акцентов, от того какую цель ставит перед собой писатель изначально. Рита не отступает от своих гражданских позиций, но ее интересы несколько иные. Экономика и политика — не ее сфера. И она в них не вникает. К слову сказать — не мной это подмечено. В своей жизни люди, как правило, ищут духовного и физического комфорта, а это часто приводит к душевной лености. Задача Риты перевести их из состояния самоуспокоенности в динамичное, действенное, — невозмутимо, с приветливой неторопливостью и с какой-то даже величавой снисходительностью в голосе, будто читая подросткам лекцию, подробно ответила Аня.

— Опять ты мне песню испортила. Людей встряхивает состояние экономики. Мне кажется, человеческое вероломство и коварство, бесчестье и предательство Рите

понятней. Не в ее привычке избегать «сражений», — сказала Инна, чтобы подразнить Аню. — Тебя же эти качества тоже больше задевают?

— Оригинальная версия.

— Почему же? «Я, бабушка, Илико и Илларион» Нодара Думбадзе — книжка веселая, но и в ней ты нашла что-то с твоей точки зрения неправильное. Помнишь, тебя возмутило, что мальчишка, кое-как учившийся в школе, поступил в институт.

— А тебя не возмутило?

— Мелочи тебе заслоняют горизонт.

— Взятки, коррупция — мелочь? Да это самое главное, с чем надо бороться, если мы не хотим погубить нашу страну! Если бы удалось вернуть в страну все деньги, которые прячут за границей олигархи, наши люди жили бы несравненно лучше. Вложили бы их в родное производство, построили бы дороги и жилье в Сибири.

— А ты уже всё просчитала? Попробуй подходить к проблемам с разных сторон. Облегчу тебе задачу, напомню школьную математику. Используй хотя бы метод от противного, позволяющий глубже раскрывать сущность предмета, явления и ситуации.

По мне так лучше бы Рита отыскивала в людях положительные качества, а не закапывалась в недостатках. Сколько в человеке всего прекрасного! Велик человек! Литература должна быть оптимистичной и пытаться создавать идеального человека. Как тебе такой вариант?

— Идея так себе. И много раз апробированная. Уже можно проследить эволюцию ее развития.

— А кто из литературных героев для тебя сейчас ближе всех стоит к идеалу?

— Князь Мышкин, который демонстрирует идеальное состояние человека. Он счастлив даже не будучи влюбленным в женщину. Он как ребенок неосознанно любит жизнь, людей, природу, — сказала Аня и получила в ответ Иннину брезгливо-недоуменную мину.

«Опять подначивает, подбивает на спор? Не найти мне на нее управу», — рассердилась Аня и резко, с вызовом и отчаянной гримасой на лице ответила:

— Создай своего идеального. Инициатива наказуема исполнением.

— Наотрез отказываюсь. Слишком высокая честь для меня, госпожа учительница! Спасибо за доверие. У меня нет слов, чтобы выразить чувство благодарности, переполняющее мое сердце, — привычно принялась юродствовать Инна.

— Опять «стервозную муру» запустила?

— Только заметив недостатки, можно от них избавиться, — настырно продолжила игру Инна, не желая признавать себя побежденной.

— Вот тут ты права, — торопливо согласилась Аня, хотя понимала, что тон сказанного Инной не соответствовал его содержанию.

«Инна нарочно говорит заведомо противоречивые фразы. От скуки упражняется в злословии и пустословии, — вздыхает Лена, осторожно переворачиваясь на бок. — Еще в студенческие годы я объясняла Ане, что если бы она не реагировала, Инне не было бы интереса ее дразнить. Получается, что сама подставляется под удар и оказывается в «бедственном» положении». Но плечо подруге Лена все-таки предупредительно сжала.

— Творение писателя — важный документ своего времени, — обращаясь только к Ане, продолжила разговор Жанна. (Подобные фразы уже стали общим местом.)

— А в Ритиных книгах иногда звучит простодушие начинающего писателя, — заявила

Инна, вскинув высокие брови.

«Теперь Жанну взялась изводить», — подумала Аня.

— Насколько я поняла из рассуждений Ани, Рита не лезет в «чернуху», ей претит транслирование и тиражирование отклонений в жизнедеятельности общества и отдельных людей. Но простодушия у нее не наблюдается, — сказала Жанна. — Я с большим скепсисом отношусь к произведениям, акцентирующим внимание на гадких и жестоких человеческих пороках. Есть этический предел открытости, искренности и откровению. Человеческая душа — слишком тонкая материя. Ее извивы, в конце концов, — это слишком личное. Надо помнить о чувстве ответственности за всех и каждого.

— Тем более, если эти произведения на потребу миллионной толпе? — спросила Инна.

— Толпе? Какая спесь! Ты говоришь о читателях без должного уважения, значит и о себе тоже? Справедлива... до глупости. Что, сама обмишулилась? — Жанна не упустила возможности мстительно подметить оплошность и «наградить» Инну ее же презрительным словечком.

Инна, как всегда, на неприятное заявление не обратила ни малейшего внимания.

— Чтобы иметь успех в творчестве, надо верить в то, что делаешь, реально оценивать себя и тех, кто вокруг.

При слове «вокруг» Лена отвлеклась от «школярского» высказывания Ани. Ей припомнилось недавнее собрание. «Я, скучая, разглядывала коллег. Стала сравнивать лица двух рядом сидящих мужчин. Оба приблизительно одного возраста, кареглазы, седы. У обоих веер морщинок у глаз. У одного они выдавали глубокую печаль много пережившего человека. Когда мужчина улыбнулся, эти морщинки излучили удивительно нежный, теплый свет. Они на самом деле светились! Я видела. И в тот момент почувствовала к этому малознакомому человеку неожиданно сильное расположение. Он притягивал. Мне еще раз захотелось увидеть его искреннюю, чуть усталую улыбку неравнодушного человека. Мне даже на миг представилось, что она обращена ко мне. А вот у другого морщинки говорили о беззаботности легко живущего человека. И улыбка у него была горделивая, самовлюбленная и какая-то барская». Лена улыбнулась своим мыслям и «уплыла» в добрые моменты своего прошлого.

6

Инна задумчиво сказала:

— Почему бы Рите, как это бывало во все времена, не писать книги в иносказательной форме, сделав переброс во времени — во вчера или в будущее, и поместив своих героев в некоторое мифическое царство-государство? Там легче спрятать самые острые моменты современной жизни. У нее получались бы прекрасные грустные метафизические произведения. В них можно было бы открыто сообщать о том, как трудно живется в современном мире неглупому, но патологически честному человеку, желающему добиться успеха, анализировать не только его поведение, но и причины неудач. Разве ей не хочется иначе ярко состояться здесь и сейчас?

Без фантазии жить скучно, а без надежды на чудо трудно. Сказка притягивает, завораживает своей пещерной эстетикой, радует, раскрепощает. Реальность обыденна, тускла, однообразна и рутинна; изредка забавна или драматична. Каждому из нас дается шанс талантливо прожить в своем времени, как его ни назови: застой, перестройка. Главное, не упустить его. (А сколько их ты профукала?) Надо всегда быть готовым к моменту, к случаю, который может подарить тебе судьба. Лена с Ритой вправляют мозги девчонкам и мальчишкам, да и более взрослых направляют на путь истинный... чтобы «алые паруса» не закрывали от них реальный мир. Но этого мало.

— Разве Риту что-то не устраивает в ее собственном творчестве? — недоверчиво уточнила Жанна.

— Опять к многовековым сказкам? Я понимаю, мифы украшают жизнь, потому что в них

не рациональные факты, а эмоции, но в современной литературе и без того предостаточно диких, подчас необузданных, почти шизофренических фантазий. К их «изыскам» приходится принаравливать, привыкать. Кто-то должен интересно, просто и честно рассказывать о своем времени, — возразила Аня.

— Ну, если только по гамбургскому счету, — проехала Инна. — А ты все же вспомни предельно ядовитые, прекрасные бессмертные сказки Шварца — мастера иносказания, его «детское» умение обычные вещи трансформировать в сказочные, вызывающие цепную реакцию добра. И чудные притчи, аллегории и метафоры с мистическим оттенком мрачности — Гофмана. Или возьми современного комедиографа Григория Горина. У него парадоксальный философско-притчевый талант. Сказки многое позволяют и от многого освобождают. В них же не документальная или художественная фиксация событий, а метафора жизни, ее главный посыл. Будучи не привязанной к конкретному времени, Рита может вроде бы шутливо «разносить» своих врагов, невзирая на существующие авторитеты. И острые политические моменты представлять в виде злой сказки. И все пройдет на ура, всё сойдет ей с рук. Никто не станет ей диктовать, как и о чем писать. Это так называемое ненасильственное сопротивление злу. К тому же сказки навевают неожиданные аллюзии. В них можно такое «напророчить»!

— А главное — зашифровать, — добавила Аня.

— Автор, используя ослепительный метафорический язык и яркий нажитой народный, — это когда сам язык становится героем произведения, — смело затрагивает и сиюминутные категории, и вечные. Как говорит наш любимый Святослав Белза, в произведении «должен присутствовать ингредиент волшебства». Для писателя правдивость вымысла существеннее верности факту. Совершаешь перескок в другую эпоху — и ты вольная птица. На «карнавале» сказочных персонажей легче быть честным, проще закладывать главную идею замысла.

Пусть Рита отпустит на волю свою фантазию и тогда оставит в литературе несравнимо больший след. А еще пусть делает вид, что шутит, и ей позволят шутить. Видишь, и я Рите поспособствовала. Мне иной раз кажется, что в придуманном мире больше правды, чем в реальном. Мы все где-то сбоку от правды. Человеку часто слишком тяжело ее выдерживать, тем более, что правд много, а истина одна... и труднодостижимая. В своей жизни мы все оценки прячем, а в сказке все открыто. Я серьезно, ей Богу. В реальности везде ставки и иногда они больше, чем жизнь. А тут... Лена, что скажешь, что посоветуешь? Взять Рите «на карандаш» мой совет? Глядишь, обретет новое лицо, в «золотой фонд» войдет! Ой, я просто заболела этой мыслью. Вот где происходит встреча прекрасного материала с глубоко законспирированными идеями! Пусть расширяет и разнообразит не только экспозицию, но и фабулу. А если поставить вопрос шире?

— Я ей не советчица, — сухо ответила Лена подруге.

— «Играй, да не заигрывайся, шути, да не зашучивайся». Не стреляешь ли мимо цели? А то потерпишь сокрушительное поражение, и что тогда? — неодобрительно покачала головой Аня. — Рита пишет о своем поколении открыто, она воздает ему должное, не отменяя плохое, не захваливая хорошее.

— Трудно попробовать, что ли, — пожала плечами Инна.

— Зачем теперь камуфлируют действительность? Боятся... как при Сталине? — недоуменно спросила Жанна.

— Направление называется фантастический реализм. Это смещение границ реальности...

— В мозгах, — прервала Лену Аня.

— Мужчинам неинтересно читать о том, что они видят вокруг. Им хочется доискиваться до истины, раскапывать ее, — лукаво, как ей самой показалось, заметила Инна.

— А и правда, — на удивление быстро согласилась Аня.

— Не в моих правилах что-то советовать. Не ровен час, кого обижу.

Но я и не отговариваю. Сама я больше за то, чтобы от условности возвращаться к реальности. Потому что это мое, — улыбнулась Лена.

— Гоголь был фантастический, фантасмагорический реалист, хотя и сказочник.

— Ну и словосочетание ты придумала, Жанна! Ты имеешь в виду его «Нос»? По мне так это полная шизофрения... патология одаренности, особое строение воображения. Писательская психика часто бывает на грани. Может, он на самом деле так воспринимал реальность? Помнится, в детстве от его слова «бьяша...» меня мороз по коже пробирал и совсем нехорошо делалось во всем организме. И тогда мне казалось, что автор больной... и что у него отклонение, доведенное до гениальности, — осторожно пожаловалась Аня. — И, памятуя это, я...

— Как пронял!! До печенок? Талантище! И у кого это отклонения в мозгах?.. Ну, ты даешь! Это же художественный прием. Выдавливай из себя страхи сквозь трещины сознания. Не только «Сон разума рождает чудовищ», но и ужас. Шучу, не злись. Переживать подобные ощущения — большая роскошь. И это только подтверждает, что Гоголь прекрасный астральный мистический писатель. Он видел, чувствовал и умел передать то, что редко кому дано! — восхищенно сказала Инна. — Великому художнику слова иногда позволительно «сходить с ума».

— Этого я не отрицаю. Но некоторые — не стану называть их фамилии — за своей оригинальностью и ортодоксальностью скрывают абсурдную безвкусицу, утверждая, что норма в искусстве — это скучно. Иной фильм или выставку посмотришь и думаешь: не в психушке ли я? — выстрелила Аня в Инну крупнокалиберным снарядом.

— Ого! Пора выдвигать вперед бронетехнику. И это дело, не терпящее отлагательства, — азартно подхватила с матраса Инна.

— Есть мнение, что эти приемы отжили свой век, — сказала Лена, испугавшись, что возникнет диспут об абстракционистах или еще того хуже... — Когда в обществе происходят перемены, в писательстве тоже возникает что-то особенное. Жизнь сама диктует и выдвигает на первый план свежие идеи, иную эстетику, новых лидеров.

— Новая Россия, новая жизнь, иная литература, — поддакнула ей Жанна. — У каждого поколения свои герои.

— Мне кажется, людям, не знавшим подробностей нашей жизни, уже через пару поколений будет трудно понять, что зашифровали нынешние «оригинальничайущие» авторы в своих произведениях, тем более, что объяснениями они не балуют. Современникам и то иногда эта задача представляется ребусом. Такого понапридумывают, что не со всяким воображением дотянуться до понимания, — неуверенно заметила Аня.

Но Инна с восторгом продолжила развивать свое предложение:

— В сказке можно быть предельно занимательным. Главное — больше тайного, секретного, с первых шагов недоступного пониманию. Ведь тайна — способ удержания внимания читателя. И как просто! А иначе Рита со своим реализмом-идеализмом может выглядеть на фоне фантастов примитивным нытиком.

«Инну можно принимать только в гомеопатических дозах», — подумала Жанна и рассмеялась:

— Даем советы писателям! В сказках кажущаяся простота. Поди, попробуй, напиши... умница ты наша «дорогая». Не каждому это дается. Идеи, сюжеты, методы носятся в воздухе, да мало кто их улавливает. И в головах у людей много чего витает, да наружу не просится.

— Мои встречи с детьми часто заканчивались тем, что они, восторженные и вдохновленные нашей беседой, обещали подробно написать о самых интересных историях из своей жизни, хотя я просила их анонимно сообщить о каких-либо особенных фактах лишь двумя строчками, остальное, мол, мое дело, писательское, — поведала Лена.

— И ты жила в предвкушении? — спросила Инна.

— Нет, я понимала проблемы детей, их способность переоценивать свои возможности, и догадывалась, что ничего от них не получу. Их желания часто не совпадают с навыками и способностями. Но я пытаюсь пробудить в них желание писать, — с выражением доброжелательной заинтересованности в разговоре ответила Лена.

— Мы в школе много тренировались, пописывая серьезные и юмористические статейки в еженедельную классную газету или в ежемесячную школьную. У нас здорово выходило! — вспомнила Инна.

— А я в детстве часто в своем воображении рисовала прекрасные картины, но когда брала в руки карандаш — ничего не получалось. И с музыкой так же было. В голове возникало идеальное звучание, а голосом достичь его не удавалось. Это меня очень удивляло и огорчало, — созналась Аня. — Я восхищаюсь теми, кому доступно то, что я сама не умею делать.

— Мне принять твои слова как признание? Не давали покоя лавры великих художников и певцов или хочешь испытать чувство причастности к какому-то великому свершению? Разница между желаниями и тем, что ты на самом деле могла, оказывалась слишком большой? Все предельно ясно...

Ане кислая ухмылка, перекосившая рот Инны, показалась садисткой, и она печально пробормотала:

— Вот ты как повернула. Нагнетаешь. Не стану ни подтверждать, ни оспаривать. Изощрайся сколько душевнике твоей угодно.

И обидчиво добавила сквозь зубы:

— Репутация важна. Она — все, что от человека остается после смерти. Но ты за меня и мою репутацию не волнуйся... Тебе эта насмешка не сойдет... когда-нибудь. Не от себя шалей, а от того, что несешь людям... Не вылепить хорошего человека, если он сам того не хочет.

А успокоившись, серьезно обосновала свой «провал» как художника:

— Разве ты в юности не проигрывала в голове оперные арии? Но когда пыталась пропеть их вслух, понимала, что нет таланта. Сошлюсь на свой опыт, хотя это может быть не корректно. Маленькой, я очень любила танцевать. Но когда я, необученная, «выдвигала различные па», мир балета, наверное, содрогался. Я думаю, у всех людей существует интервал между желаниями и возможностями. У одних он сужается или вообще исчезает с помощью обучения, а для других некоторые их желания так и остаются неосуществленным по причине недостаточных способностей. В этом нет ничего зазорного. Не зря же люди ищут ту область знаний, где они в полной мере могут себя проявить?

— Любое творчество — бацилла заразная. Позволю себе небольшое допущение. Инна, а что тебе мешает взять в руки кисть? — поймав нужную тональность, с улыбкой Моны Лизы предложила Жанна. — А тебе, Аня, — перо. Лена посодаетствует. Кто из вас первой будет передо мной ответ держать? Кто «упадет, побежденный своею победой»?

— Крайне неудачная шутка. Чего ты добиваешься? Не созрела до понимания моих рассуждений или даже не вникала? — устало вздохнула Аня и демонстративно накрыла голову подушкой. Но обида все же выстрелила сердитой мыслью: «Ты же не Инна. Глупость и бестактность тоже заразны?»

*

И все же паузу опять нарушила Аня. Ее распирало желание высказаться.

— Я хочу начать с мысли о том, что взаимоотношения между людьми — это непрерывная череда задач с бесконечным числом переменных, — с искренним воодушевлением продекларировала она, — а писатели...

— Искусство тяготеет к вечным истинам. Но жизненные ситуации меняются и их надо разрешать, — иначе попыталась сформулировать ту же мысль Жанна.

— Не обязательно так уж подробно все разъяснять и досказывать читателю. Надо оставлять ему место для воображения. Своим чутьем и умом ему надо кое-что постигать, по наитию, — сказала Инна.

— Я о детях, — возразила Аня. — Всё давно изучено и рассказано, но каждому следующему поколению надо заново объяснять, повторять и растолковывать всё, что было известно предыдущим. Только всякий раз как-то иначе будить его лучшие чувства. Например, книжки из нашего раннего детства современным малышам очень скоро становятся неинтересными, они быстро вырастают из них, а вот наши любимые книги школьного периода для современных подростков — большая интеллектуальная нагрузка. Им намного труднее читать многостраничные произведения, чем нам. Спешу заметить: мы-то жили в мире прекрасных литературных героев и книги проглатывали десятками, хотя сначала не понимали, что они — мощная платформа для душевного и духовного здоровья нации. Нам просто было интересно.

— Теперь мультфильмы заменяют детям книги и отучают их читать, — заметила Инна.

— Рита понимает ситуацию и пишет для детей сжато, в несколько строчек закладывая смысл. Ее книги — шедевры ясности и чистоты. А когда для взрослых что-то создает, то позволяет разгуляться своему воображению. И это правильно. Книга оживает в руках подготовленного читателя, — сказала Аня.

— У молодых есть любопытство и любознательность, и это стимулирует их к чтению, особенно если книга хорошо разрекламирована, — подметила Жанна.

— Интерес может и есть, времени нет, — возразила Инна. — Компьютер его съедает, Интернет. Так и вижу своего любимого племянника по линии младшей сестры: одна рука на клавиатуре, вторая с телефоном. Муж сестры как-то пожаловался: «Раньше я много работал и не имел возможности уделять внимание детям. Думал, внуками займусь. Но теперь они заняты. Дверь в свою комнату закроют и сидят целый день за компьютером, за уши их не оттащишь».

— Теперь трудно даже очень хорошую книгу неизвестного писателя сделать достоянием читателя, — вздохнула Лена.

— Рита свои прожитые годы может считать полезно проведенными. Чего ей и в дальнейшем желаю. Ведь когда богатство твоей души живет еще и вне тебя — это двойное счастье! — Жанна решила создать благоприятный фон для беседы.

«Настал черед Ане высказаться», — подумала Лена и услышала:

— Может, Рита и не найдет ответы на все острые вопросы, но в самой ее попытке есть серьезное геройство.

— Геройство? Превозносишь, говоришь ни к чему не обязывающие добрые слова «собрату по цеху»? — не пылая дружелюбием, спросила Инна. Она явно намекала на Анины рецензии.

— Больше ни в чем меня не заподозришь?

Аня еще что-то порывалась сказать, но Инна опередила ее брезгливо произнесенной фразой:

— Задания писателям расписали и по полочкам разложили, осталось расставить их самих по ранжиру, в порядке народного обожания.

Инна выжидающе посмотрела на Лену.

Но та промолчала и только подумала: «Заниматься этим, это как в деревне у колодца старушкам обсуждать уроки сольфеджио. С тобой, дорогая, невозможно предугадать, в какую сторону повернется дискуссия».

И у Жанны, перехватившей взгляд Инны, мелькнула мысль:

«Удивительный дар вызывать к себе неприязнь. И как это качество до сих пор не отвратило от нее Лену? Какая-то в этом есть неосознаваемая мной натяжка». Но вслух она сказала о другом:

— Меня сейчас больше интересует, что изменилось в человеке за последние семьдесят или хотя бы десять лет.

— Новая эпоха поменяла интересы. Время диктует вкусы. Раньше людям хотелось быть порядочными, а теперь богатыми, — вздохнула Аня. — Вот я и спрашиваю себя...

— Хотеть не вредно, — хмыкнула Инна. — Допустим, некоторым женщинам в жизни не хватает страсти, их привлекает невероятная чувственность. (Кому что.) А где они ее могут найти? Только в книгах.

Но Аня не повелась на Иннины рассуждения, она решила на своем настоять, свой «припев» повторить:

— Раньше в жизни было больше смысла, доброты, а значит и счастья. Выбор Ритой последней темы не случаен. Она подсказывает читателям, что никогда не поздно найти свою судьбу. Она пытается их ободрить, поддержать.

— Вот откуда к нам снова приходят уже набившие оскомину фразы: «И хотя нам платили до обидного мало..., но мы, не находили в том ни вины своей, ни беды». «А теперь вокруг лица с общим, одинаковым выражением давят нас пошлостью и примитивом. Где человек думающий, чувствующий? Где личности? Исчезла иерархия в культуре, канули в Лету авторитеты». Конец света! — Инна цинично рассмеялась. — Может, еще вспомним о средневековом немом восторге и преклонении перед красотой женщины? Не марксизм-ленинизм, не атомная бомба, а развитие науки и особенно электроники изменило нашу цивилизацию. И теперь толпа обрела в интернете голос, сотни тысяч дураков позволяют себе на весь мир говорить не только глупости, но и гадости. Каждый считает себя экспертом по любым вопросам, включая управление государством. Им нечего сказать, но они говорят и пишут! Хор невоспитанных тупых голосов. Какая там этика? Вседозволенность! Улица и интернет предлагают одно, школа и семья — другое. Для меня многое в интернете чуждо и даже страшно. И я не хочу, чтобы оно победило наших детей. Еще Аристотель писал: «Кто движется вперед в науках, но отстает в нравственности, тот более идет назад, чем вперед». Что из них, из этих писак, вырастет? Качнется ли маятник в сторону духовных поисков? Я хочу и в Интернете читать умное и прекрасное.

— Качнется, — спокойно ответила Лена.

«Однако, как Инна о молодежи!.. А подруги? Однажды лебедь, рак и щука...» — Лена до боли стиснула «гудящие» виски ладонями.

— Инна, прогресс виноват в отсутствии совести у людей? Может, еще и сама природа? Так она самодостаточна и несет нравственный заряд. Миллионы глупцов... Ты слишком плохого мнения о качестве человеческого материала. Но вот чтостораживает: заявитель всегда прав. Оправдываться трудней. Тема требует прокачки, поэтому сама подробнее расшифруй сказанное, — недовольным тоном предложила Жанна.

— Ой, не надо, — взвизгнула Аня.

— Что ты вопишь, как ненормальная? Киру разбудишь, — зашипела на нее Жанна.

— Грань нормальности и ненормальности так тонка! К тому же существует процесс двусторонней диффузии, — хихикнула Инна.

Лена посмотрела на нее с удивлением и явным неодобрением, но уже через несколько секунд выключилась из происходящего.

Аня обидчиво промолчала, но после паузы с новой темой все-таки повернулась именно к Инне:

— Мне кажется суметь предельно искренне, абсолютно естественно и интересно

написать о великой любви двух обыкновенных людей — и есть самое трудное для писателя.

— Для тебя, — слегка ущипнула ее Инна.

— Уволь, это не ко мне.

— Теперь и в фильмах про любовь только богатых людей показывают, потому что про обыкновенных и бедных не получается создать увлекательный сюжет. Их жизнь монотонна и неинтересна. К тому же в кино выполняется принцип: снимаешь о простых людях, делай это не изошренно». А это скучно. Бедные смотрят современные сериалы и думают: «Нам бы ваши заботы», — вздохнула Жанна. — Там же у них все только вокруг денег крутится. «Одна, но пламенная страсть».

— Перечитай пьесы великих писателей древности или нашего Островского, может, успокоишься и развлечешься, — посоветовала ей Аня.

— Они про пейджеры и мобильники? — пошутила Инна.

— Глупо, но мило. И как тебе в голову пришла такая «неожиданная» мысль? — Жанна посмотрела на Инну долгим, пристальным и спокойным взглядом. И ей впервые со времени их встречи пришла догадка, что она и ее может за что-то недолюбливать.

— Умные и глупые мысли приходят в голову одинаково неожиданно, — беззаботно рассмеялась Инна.

«Мне не всегда доходит подтекст их разговоров. Я только-только начинаю вникать и осваиваться. И все потому, что мало знаю об их жизни», — предположила Аня, недоуменно поглядывая на подруг.

— Не понимаешь ты шуток, Аня. А они ведь жизнь украшают, — снова включилась в разговор Инна.

— Все зависит от того кто и под каким соусом их преподносит, — обидчиво огрызнулась «обвиняемая». — Я понимаю юмор, но не умею его воспроизводить так, чтобы было смешно. Не всем дано.

— Любишь потреблять? Не заметила, — покривила губы Инна.

Аню всегда выводили из себя открытые уверения в ее неспособности легко смотреть на жизненные проблемы. Она понимала, что в основном люди правы, но ей не хотелось этого признавать. И пресечь разговоры о себе не умела. «Я сама себя не устраиваю и всю жизнь воюю со своими патологическими недостатками, — оправдывала она себя. — Наивность не самооценочна только у маленьких детей. Они не понимают своей доверчивости, а у меня на первом месте доброта и жалостливость, вот и влипаю в истории.

На днях встретила дочку своей бывшей сослуживицы. Разговорились, конечно. Я об ее успехах спросила. Потом вспомнили общих с ее мамой знакомых. И вдруг она мне говорит: «А вы знаете, Иван Александрович умер. Ему только сорок пять лет было». Я разохалась, мол, какой хороший человек! Но когда мы разошлись в разные стороны, подумала: «А далеко ли яблочко от яблоньки упало? Ее мать-сплетница разные гадкие «фокусы» на мне много раз апробировала». Позвонила я Ивану Александровичу — он мой бывший ученик, — и мы с ним очень мило побеседовали.

На чем эта гадкая женщина хотела сыграть? На том, что я сама не делаю пакостей и от других не жду? Думала, что я, сочувствуя семье «почившего», не проверив информацию, дальше понесу горькую весть и окажусь в неприятной ситуации? А ведь по возрасту она мне в дочери годится. Ничем я не заслужила такого к себе отношения, даже напротив, когда она была маленькой, делала ей и ее классу приятное: снимала все их школьные события и пачками бесплатно раздавала детям фотографии. Да вот поди ж ты... обидела меня. А за что? Ей нравится делать людям неприятности? Она считает себя умнее?» — Аня горько вздохнула. Ей вспомнилась шутка из мультфильма: «Мелкую пакость не придумывают, при взгляде на ближнего она приходит в голову сама по себе». Но на этот раз она ее не рассмешила.

— А ведь и правда, я часто не понимаю юмора. Недавно по телевизору расхваливали одного знаменитого артиста, взхлеб приводили примеры его великолепных шуток. Этот человек страдал бессонницей и развлекался тем, что посреди ночи многократно через каждые пять минут будил своих знакомых, измененным голосом сообщая им, который час, чем доводил до бешенства, до изнеможения и истерик. Я была потрясена его «чувством юмора». Хоть убейте, не понимаю я и людей, на всю страну восторгающихся столь непорядочным поведением своего коллеги. — Аня нервно разлохматила себе волосы на затылке.

— Тут какая-то каверза, — неуверенно пробормотала Жанна. — А со мной «вживую» недавно произошел «препотешный» случай. Пришла я в гости к подруге, а ее сын и муж вслух читают «Домоводство» советского года издания и до слез хохочут, ну просто катаются по дивану от смеха. Не вытерпели мы с подругой, подошли к ним. Я уж дословно всего не помню, но суть услышанного состояла в том, что автор советовал к приходу с работы усталого мужа умыть и нарядить детей, красиво сервировать стол и ничем не беспокоить благоверного, пока он ни поест и ни отдохнет с газетой в руках.

«В каком веке живет этот автор? На какой планете? И это он советует нам, работающим женщинам? — удивилась и возмутилась моя подруга. — Это насмешка или злой умысел?»

Следующий совет был еще интересней. Что-то типа того, что жена должна быть благожелательной, когда муж подает ей гвозди или придерживает лестницу, пока она приколачивает к стене картину. И это написано всерьез, не в разделе «юмор». Автор всё с ног на голову перевернул. «А рожать мужу вместо жены он не советует попробовать?» — грустно воскликнули мы с подругой в один голос.

А дальше предлагалось еще более «смешное». «После совершения интимного акта с женой, вы должны позволить ей пойти в ванную, но следовать за ней не нужно, дайте ей побыть одной. Возможно, она захочет поплакать», — с искренним сочувствием пишет автор. «Почему женщина плачет после секса? Не удовлетворена? Муж вовремя не... остановился? И что смешного в том, что он, извините за выражение... козел?» — подумалось мне.

Мы долго стояли и смотрели на двух от души хохочущих мужчин в возрасте двадцати пяти и пятидесяти лет и пытались понять, что же их так рассмешило? «Да, конечно, смешно... и неприятно, что эти «шедевры» издавались миллионными тиражами и попадала в каждый дом! За чью-то глупость приходилось платить... Смешно... и обидно то, что подобные перлы преподносились как нечто умное и полезное. «Гениальный» автор! Женщина такое не написала бы. А куда смотрел редактор? Мужская солидарность? Над этими строками надо плакать, а не смеяться», — недоумевала я вслух.

«Так ведь не им горько, нам... Мужчины, читая, не углубляются в суть, скользят по поверхности, да еще в восторг приходят от самих себя? У них же есть чувство юмора!.. Какие же мы все-таки разные», — грустно усмехнулась моя подруга и побежала на кухню спасать котлеты. А мне от ее спича сделалось грустно-грустно... Что было, то было. От себя не скроешь, из памяти не вычеркнешь, — вздохнула Жанна.

— Наверное, женщин больше волнует внутренний мир человека, его переживания, а мужчин — внешние проявления жизни, — предположила Инна.

И Аня рассказала беспокоящую ее историю.

— А я как-то смотрела в гостях многосерийный импортный комедийный фильм про учителя, который, чтобы поправить бюджет своей семьи, стал делать и продавать наркотики. Все гости, включая меня, дружно хохотали, потому что артист, исполнявший главную роль, был неподражаемо талантлив. И вдруг я ужаснулась: «Учитель не думал о людях, которые погибнут от его наркотиков?!» Я, конечно, понимала, что это комедия, но смотреть ее и тем более смеяться мне расхотелось. «Мои друзья хорошие добрые люди, но когда их захлестывают эмоции, они не видят плохого? Я рассуждаю как педагог? Позволить моим подопечным посмотреть этот фильм или нет? От всего плохого не оградишь. Разрешу, но объясню», — завертелось в моей голове. Но настроение все равно уже испортилось.

— И ты принялась совестить своих друзей? — спросила Инна.

— Отстань, — как от назойливого комара отмахнулась Аня.

— Как иногда сказанная человеком милая шутка сразу к нему располагает! Как-то по воле случая, я попала в качестве зрителя в зал, где должны были номинировать на премии наших писателей. Аня, ты тоже там присутствовала. Помнишь? — спросила Инна. — За столом вперемешку сидели писатели и члены комиссии. Я пошутила, мол, надо бы вас развести по разные стороны. И одна женщина из комиссии мне влет ответила: «Мы не на дуэли». А я ей: «И все же сегодня вам придется стрелять без промедления и, главное, без промаха». И так этот маленький диалог хорошо прозвучал, что мы обе улыбнулись, хотя до этого настороженно приглядывались друг к другу. Потом я у одного незнакомого мужчины спросила:

«Вы тоже писатель?»

«Нет, сочувствующий», — ответил он с приятной улыбкой. И я почему-то перестала волноваться, словно уже не ожидала от комиссии сокрушительной критики на произведения своих друзей и будто стопроцентно поверила в справедливый исход мероприятия.

— Последние сомнения отпали? — насмешливым эхом откликнулась Жанна.

Инна не ответила. Ее взгляд был направлен внутрь себя. Мыслями и чувствами она была уже слишком далеко, чтобы услышать, кого бы то ни было.

Аня продолжила ее рассказ:

— Я тогда тоже обратилась к тому же доброжелательному человеку: «Попасть в номинанты тоже престижно?»

«Это, конечно, еще не награда, но уже событие, предполагающее в перспективе возможность восхождения на Олимп», — ответил он мне. Я заметила, что глаза у него были грустные, и подумала, что он тоже из пишущей братии.

— Хочу чего-нибудь веселого и радостного! Хочу простоты и естественности! — вдруг возопила Аня и автоматически оглянулась на дверь.

— Читай тома анекдотов. Очень освежает. Они, как сказал Карел Чапек, комедии, спрессованные в секунды. Их теперь горы на книжных прилавках. В свое время они меня из депрессии вытащили, — сказала Инна и попросила Лену:

— Не в службу, а в дружбу передай мне туесок с пряниками. Наша «милая» беседа возбудила во мне аппетит.

— Неожиданный ты, Инна, человек, — пробормотала Жанна.

А та в ответ только плечами пожала.

— Твой «роман» с мучными и сладкими продуктами так и не сошел на нет? — удивилась Лена, передавая подруге плетеную вазу.

«Я уже жалею, что сама того не желая, подтолкнула девчат на разговор о литературе. Не стоит он того, чтобы ему посвящать полночи. Не надо было потакать Инессе», — устало подумала Лена, тяжело опускаясь на матрас.

*

Жанна заговорила тихо, вдохновенно и романтично:

— Я за высокое и глубокое отражение таких тем как жизнь-смерть, любовь-ненависть или как соотносятся реальное время и вечность; я за столкновение различных импульсов чувств, когда человек живет с неизбежным пониманием своей судьбы, если все его помыслы...

— И так далее, — обидно рассмеялась Инна. — Чтобы любой компании придавался ореол борьбы за человека, за веру, утверждающую, что свет плодотворен, тьма бесплодна, мысль безбрежна. И тому подобное. Наслышаны мы, под завязку этим накормлены. Это позавчерашний день литературы. Твоя гипердоверчивость и безоглядная вера в чудо — неиссякаемы. А я приветствую разнузданные фарсы. По мне насыщенные роковой страстью трагедии и сумасбродные комедии. Я могу рассчитывать на твою поддержку и понимание?

— Если только всё культурно и интеллигентно, — смущенно и неуверенно пробормотала Жанна, застигнутая врасплох то ли на самом деле изощренной, то ли выдуманной откровенностью Инны.

— И без мата? — хихикнула в ладошку Инна.

— Не совестно тебе? — оскорбилась Аня — Плохое само легко и быстро внедряется, а хорошее приходится терпеливо и настойчиво прививать. И если принять во внимание, что доброе слово соединяет, а злое и грубое разъединяет, то...

«Не дай бог скатятся на проблемы воспитания», — буквально холодея, подумала Лена и плотнее завернулась с головой в одеяло.

— Меткое наблюдение, — съязвила Инна, прервав Анину пылкую речь. — Примазываешься к классикам типа Макаренко? Мозги еще не проели советские нравственные императивы? Что глаза пялишь? Дара речи лишилась? Ты посмотри на себя в зеркало — портрет кисти Никаса Сафронова или Шилова? Нет, Ван Гога или Пикассо. Сколько в нем экспрессии! Красота неизреченная!

— На себя обернись, — обидчиво отрезала Аня.

— Невероятно, непостижимо! Просто прелесть. Поглядите, какая недотрога. Ты ли это? — воскликнула в полном восторге Инна. — Заводишься, куксишься как маленькая.

— Несет тебя... Опять все переиначила. Насмешничаешь, издеваешься, неистовствуешь. — Аня страдальчески скривилась. — Да, я слишком эмоциональная, даже нервная. Да, я говорю элементарные вещи, потому что о них часто забывают. Вот ты, наверное, думаешь: какое право имеет Рита писать о грустном, если детдомовцев у нас меньше одного процента от общего числа населения, о пьяницах, если их не пятьдесят процентов или о сплетниках, портящих жизнь не одной сотне тысяч людей? Еще о безразличии, о безответственности... Мол, кому нужны непреложные, примитивные истины?

Ты настаиваешь на том, чтобы писали о великих личностях, гордились ими, подхлестывали самолюбие? Я не против, такие примеры нужны, но я хочу, чтобы создавали интересные позитивные фильмы о современных людях, живущих в коммунальных квартирах или съемных углах, о тех, которые, получая гроши, умудряются преданно и творчески служить отечеству, любить, растить прекрасных детей. Вот это были бы настоящие народные герои!

— Герои капиталистического труда?!

— Инна, перестань бессовестно изводить Аню, — сдержанно попросила Жанна. — Вцепилась мертвой хваткой. Зверей тоже любят, но воспитывают, в основном, методом... кнута и голода. Получила от меня «мастер-класс»? Ты такой же педагог, как я Папа Римский. Помолчи, иначе я выскажу всё, что о тебе думаю.

— Ой, напугала! Трясусь от страха!

— Анечка, успокойся. Выговорилась? Вот и хорошо. Ты, как всегда, права относительно того, что касается воспитания. Ты ас в этой области.

— Простите, нервы, — искренне и благодарно просяив, прошептала Аня в ответ на защиту коллеги.

— У нас мораторий на смертную казнь, — отшутилась Инна, предваряя и отменяя этим нещадную критику и возможные дальнейшие выпады и угрозы Жанны в свой адрес.

«Когда Инна заводится, проще с постным выражением лица не замечать ее шпилек

или рассмеяться с ней за компанию. Но Ане с ее нервами это не по силам», — решила Лена и снова осторожно коснулась руки подруги.

7

— Я добросовестно старалась заснуть. Не вышло, — подала голос Жанна. — Аня, добавлю к твоему предыдущему заявлению: «Писателю надо бы еще отражать расклад мнений в обществе по разным вопросам. Допустим, писать про изживший себя комсомол, о его чиновниках, этих «откормленных бонз-пионеров лет сорока», про поиски чего-то на их замену. Или о том, что без героев, борющихся с коррупцией, России быстро не возродиться. И все это делать с сохранением интриги. Эпоха обозначается людьми, поэтому надо писать о тех, в которых отразилось новое время, и которые серьезно повлияли на положительное развитие страны.

— Ты об олигархах, которые обокрали наших сограждан и вывезли капитал за границу? — рассмеялась Инна.

«Прописалась в дискуссии организованной на пустом месте. И что нового сказала?» — педантично отметила про себя Аня и раздраженно заявила:

— Проснулась. Насколько я могу позволить себе судить о Ритиных книгах, они и есть квинтэссенция уже прожитого нами прошлого и результат осмысления нового времени.

Но Жанна продолжила:

— И в нас, женщинах, эпоха отразилась. И это мое заявление более значимо, чем то, о чем пишут некоторые недалёковидные писатели. Я верю в женщин. Они в большей степени истинно способны на поступки. Какие психологические глубины в простых сельских русских женщинах! Я восхищаюсь их реакцией на жизненные ситуации, их терпением и трудолюбием. Я — не из их числа. Это я поняла, безвыездно проработав двадцать лет в деревне. Не прикипела я к ней, не «климатило» мне там, как ни пыталась прижиться. Но я старалась. Деревня научила меня естественному, открытому, непосредственному, деловому взгляду на жизнь. У тамошних людей нет нашей городской рефлексии. Протекла крыша — починим, не уродил картофель — обойдемся другими продуктами. Все просто, ясно. Сами решают свои проблемы. А мы уже не можем без двусмысленности и демагогии. По любому поводу в уме перебираем варианты. Всё нам кто-то что-то обязан. Устаю я от этого... Жаль, что города высасывают деревню, она дряхлеет и разрушается. А казалось бы, не должны, это противоестественно. Ведь она — кормилица. Вот и едим Бог знает что, вместо натуральных продуктов. И это при наших-то просторах...

Недавно, впервые за последние десять лет в городе встретила человека, который помог мне без пользы для себя. И я разволновалась. Хочу радоваться, а сама не верю. Ищу причины, чего-то боюсь, что-то меня настораживает, мол, что ему от меня надо, что потребует взамен? А в деревне мне такое даже в голову не приходило. Там все друг другу помогали.

— И все же ты без оглядки покинула деревню. Временами мысленно возвращаешься в нее? — спросила Аня.

— И не только мысленно, правда, не так часто как хотелось бы. Теперь деревня — дом души моей, дом мира и счастья. Когда случается там бывать — Мать Божия! — такой откат в молодость, в прошлое происходит! Деревня, с ее теплыми и всё понимающими людьми, помогает мне приходить в себя после трагичных событий, восстанавливаться после болезней. Я обновляюсь в ней, становлюсь мягче, терпимее. Там я замечаю, как быстро природа отвечает добром на малейшую помощь человека. Как-то воткнула свежесрезанные черенки во влажную землю, а они росточки дали, веточками обросли! Я как ребенок радовалась. И у своих детей я поощряю желание приобщиться к природе. Мы с ними каждый год сажаем деревца на пустырях и поливаем их, пока не приживутся. Еще я иногда люблю побродить по дальним деревенским улочкам и проулкам. Поразительна аура этих старых уединенных заброшенных мест! Деревня мало меняется. Может, именно поэтому, возвращаясь в нее, я наиболее остро чувствую изменения происшедшие в себе за время отсутствия.

— Это по типу того, как перечитываешь Гека Финна через двадцать лет и обнаруживаешь, что не обращала внимания на социальные моменты, обозначенные автором в книге, потому что раньше волновали только приключения маленьких героев, — с легкой усмешкой заметила Инна. — Ты не хочешь насовсем вернуться в деревню? Природа, воздух! Россиян кто-то должен кормить.

— Если только отдыхать. Нет никакой материальной выгоды от огорода, — сказала Жанна.

— Работай на нем, чтобы вылечить свой радикулит. А экологически чистые продукты? — подсказала Аня.

— Ой, держите меня! Горожанка меня учит! Не вызывай огонь на себя. Тебе удалось вырастить картошку и баклажаны без поправки колорадского жука? У меня не получалось, вот я и бросила огород, который с перепугу приобрела в начале перестройки.

— И я оставила это занятие из-за постоянной нехватки воды и воровства местных бомжей, — созналась Аня. — И лес скоро назад забрал выделенные нам садоводческим товариществом участки. Они сплошь покрылись молодыми соснами и березами. Теперь я там грибы собираю.

— Покупая овощи на рынке, я представляю, что продавцы этих продуктов умеют обходиться без вредных для нас химикатов. А какое молоко в магазинах? Я эксперимент провела: оставила бутылку на столе. Так оно за целый месяц так и не скисло! И с детским молоком то же самое произошло. А история с пальмовым маслом, черт его поberi! Задумайтесь, что мы употребляем! — завелась Инна.

«Начали про Ерему, закончили про Фому», — занервничала Лена, неистово растирая онемевшие колени.

Инна посочувствовала ей:

— И твоё тело — предатель. А в душе только тридцать пять?

*

— ...Было бы неправильным сказать, что твоё мнение господствует и в среде мужчин, — услышала Лена замечание Инны.

— Я никого насильно за собой не тащу, — ответила ей Жанна.

— Ты намекаешь на их предвзятость? — уточнила Аня.

— Чтобы никого не обижать, я не стану отвечать, — кокетливо отозвалась Жанна.

— А я не стану требовать от тебя больше, чем ты могла бы сказать, — ядовито пресекла её невинный каприз Инна.

— Напрасно. Ритины героини... — предприняла попытку что-то объяснить Аня.

— Знаю, Рита им передоверила защиту чести и достоинства. И производство тоже. Собственно, правильно сделала. У нас в России пятьдесят процентов начальников среднего звена — женщины.

— А во власти их почти нет. Ты не знаешь, почему? спросила Аня. — Квотируемый параметр?

— На мой взгляд, многие мужчины ленивы и безынициативны, но любят командовать, поэтому много сил тратят не на работу, а на завоевание кресел и удержания их под собой, — несправедливо распространила Инна качества встретившихся на её жизненном пути далеко не идеальных руководителей на всю армию начальников.

— Кажется, Никита Михалков говорил, что «прибраться надо в своём доме, в России», порядок навести во всем, — сказала Аня.

— Что надо делать, мы сами знаем! Прикроюсь парадоксальным для меня заявлением:

«Этому народ еще Христос учил», — оцетинилась Инна. — Вопрос в том, как этого добиться?

— Воспитывать людей так, чтобы каждый человек к этому стремился вокруг себя, так сказать, в своем ареале, а руководство на всех уровнях способствовало, помогало. Это должно быть государственной программой, как при Союзе, когда воспитывали граждан, творцов, а не потребителей. С детсада надо начинать. Я своим ученикам говорю: «В войну перед молодежью стояла задача, оставаясь личностями, вписаться в общее дело — в борьбу с врагом, а теперь для вас такой участок войны — школа. Вы солдаты битвы за себя и обязаны побороть все трудности своего характера. И прежде всего лень. Каждый из вас должен стараться стать первым хотя бы в одной области знаний и умений. Быть прекрасным слесарем или поваром не менее престижно, чем врачом или ученым.

— Аня, ты хороший командир. А от балласта в руководстве надо решительно освобождаться, чтобы не мешали, — категорично потребовала Инна. — И от казнокрадов.

— Ой, как трудно! Все они там повязаны, — тяжело вздохнула Аня.

— А ты, Инна, что, сама уже того... сдулась? Когда-то могла и языком, и кулаком постоять за себя и других. Как теперь себя позиционируешь? — вставила свое пренебрежительное замечание Жанна.

«Не поддержала меня, а выскочила со своими шпильками, как прыщ на ровном месте», — раздраженно подумала о ней Аня.

— Я в рамках своих возможностей много чего хорошего в этом направлении сделала, — спокойно ответила Инна.

— Не переходи на личности, — тихо посоветовала Жанне Лена, не пытаясь вникнуть в причину спора подруг.

— ...У Риты широкая женская аудитория почитателей. На встречах она прекрасно держится и хорошо чувствует отдачу слушателей. Залы будто заполняются ее положительной энергией. Но любят ее за то, что ею желаемое принимают за действительное и неизбежное. Это наиболее живуче в нас и сегодня, — проехала в адрес читателей Инна, и тем вернула подруг к теме писательства.

— Для меня в этом смысле пример — Алла, — сказала Аня.

— Говорит с читателями с величием королевы на языке метафор и ассоциаций? Проясни обстановку.

— Да ни боже мой. Я об ее искренности и честности.

— Капитализм излечит нас и от этих «детских болезней» и научит конформизму.

— Конформизм не бывает дармовой. За каждую уступку в жизни приходится расплачиваться, — пробурчала Жанна.

— В этом плане ты у нас вне конкуренции, — изобразив серьезную мину, — быстро отреагировала Инна.

— Не выкручивай мне мозги.

— Я обязана уберечь тебя от заблуждений.

— Ну знаешь... — разозлилась Жанна, не найдя, чем ответить.

*

Аня с Жанной тихо беседуют.

— Для нас литература много значила, читать было нашей потребностью и привычкой,

а на новое молодое поколение она утратила влияние. Мы в одном видели смысл жизни, а наши дети и внуки — в другом. Мы уже из разных миров. После свистопляски девяностых молодежь уже во многом не считает для себя образцом тех, кто «родом» из шестидесятых.

— Ну и что из того, что у них иные идеалы и мечты? — удивилась Жанна. — Молодежь у нас разная, но хорошей больше. Просто плохие качества заметнее. Зло более агрессивно. Моя подруга часто ходит в походы, судит спортивные соревнования. Так она рассказывала, что ребята не курят, не пьют, доброжелательные, какие-то все чистые, светлые. Ей не раз приходилось уводить их от кучек сорока и пятидесятилетних, которые приезжали на тусовки, чтобы водкой заливать свои жизненные неудачи. И плачут они от горя, и радуются, так же как и мы. Я не большая поклонница их музыки, потому что у нее ритм, которым они живут. Я не успеваю в него вникнуть. Но не стоит тревожиться за их будущее. Мы продолжимся в наших детях. Базовые нормы у нас общие, только способы реализации и подачи изменились.

— Я не разделяю твоей уверенности. Мне кажется, молодежь теперь менее эмоционально развитая, безразличная, пассивная: не чувствует боли ближнего, радоваться не умеет. Наше военное и послевоенное поколение более жизнерадостное. Почему? Рады были, что выжили, — сама ответила на свой вопрос Аня. — У современных молодых мужчин любовь ассоциируется только с личным комфортом. Они не верят в высокие чувства. В них осталась только собственническая ревность, а это жутко препакостная штука. В ней нет ничего логичного.

Инна ей возразила:

— Моя племянница тоже так посчитала и в восемнадцать лет вышла замуж за мужчину на двадцать лет старше себя, чтобы не ревновать. Он говорил ей, что по большому счету за нас все решают небеса, и что Бог его любит, раз дал встретить такую прекрасную девушку. Она и поймалась на красивые слова. Решила, что лучше взрослеть рядом с мудрым мужем, чем рвать себе сердце из-за какого-нибудь эгоистичного инфантильного мальчишки. Родился ребенок, а муж ничего не хотел менять в своей жизни. Не помогал, увлекался другими женщинами. А племяншка удивлялась: «Почему я должна всем жертвовать, а ты ничем? Ты же мужчина! Где же твоё надежное плечо? Раз идем вместе по жизни, так участвуй в ней, а не будь попутчиком». Поняла она, что общего кровообращения у них не получится, и ушла от него. Одна растит сына и замуж больше не желает идти. Говорит, что наелась до отвала и что если даже найдет достойного, то так пестовать его как своего первого не станет.

— Эгоизм страшнее ревности, — заметила Аня.

— Какая же ревность без эгоизма? — удивилась Жанна.

— Ты об этом с Галей поговори, — посоветовала ей Инна.

*

Аня с Жанной тихо разговаривают. И Лена с Инной обсуждают свою серьезную тему и одновременно успевают прислушиваться к беседе своих подруг.

— ...А мне кажется, молодежь читает книги из нашей юности. Просто новый контекст жизни задает им другие границы восприятия, поэтому наши любимые произведения в их сознании подвергаются некоторой трансформации. Это естественно и неизбежно. Жюль Верн уже не идет в сравнении с крутой детективной фантастикой типа Гарри Поттера, но базовые понятия остаются. Дружба, любовь, одиночество. И в этом — правда отчасти — заключается жизнестойкость старых произведений. Но подача современного материала — это уж точно — теперь требуется совсем иная, — сказала Аня. Жанна ей что-то тихо ответила. И Аня добавила:

— Может, даже появится совершенно иная генерация писателей.

— ...Язык передает наш внутренний мир. Один ученый сказал: «Границы моего мира определяются границами моего языка». Вот так-то. А другой написал, что слово — самое точное и самое острое оружие, какое когда-либо было у человека.

— Есть великие писатели, которые могут свои гениальные мысли, сделать достоянием других.

— И есть великие читатели. «Пусть другой гениально играет на флейте... Но еще гениальнее слушали вы», — написал поэт Андрей Дементьев.

— ...Ты о беспрецедентной ситуации с русским языком, о мощной агрессивной интервенции иноязычных и компьютерных слов в русский язык и о необдуманных заимствованиях, которые могут затоптать веками выверенные истины, или о просторечье? Голова пухнет от новых терминов? Не волнуйся. Язык обновляется, это неизбежно. А истины проложат себе дорогу. Эпохи приходят, и уходят, а язык, в основе своей, остается и даже положительно совершенствуется. Так было всегда, — сказала Инна.

— Я смотрю на проблему шире. Сохранение языка — вопрос политический. «Укрепление позиций языка является стратегическим национальным приоритетом». Сейчас эта проблема стоит много острее, чем когда-либо. «Укрепляя, сберегая и защищая русский язык, мы крепим прочность государства. Язык закладывает сущность мировоззрения, и тем оказывает сильнейшее влияние на его носителей, на народ... Искажение языка, его подмена может деформировать, а то и переформатировать личность и целый народ», — четко произнесла Лена.

— Пугаешь? — удивилась Инна.

— «Сохранение русского языка, — это сохранение национальной идентичности. Речь идет о том, чтобы быть и оставаться русским народом со своим характером, со своими традициями и самобытностью, чтобы не утратить историческую преемственность и связь поколений. Для нас, русских, это означает быть и оставаться русскими. И это вовсе не повод обвинять нас в шовинизме или национализме», — строго, как на научной конференции разъяснила Лена свою позицию Инне. И та подумала, что ее подруга ни за что не станет цитировать автора, с которым не согласна.

— Вот ты говорила, что современные дети не умеют читать. Что ты под этим понимаешь? — вмешалась в их разговор Аня.

— Ну не складывать же из букв слова. Уметь читать, значит, понимать, чувствовать и оценивать текст, — ответила Лена.

— А почему не умеют?

— Не учим думать, не прививаем подлинный вкус к слову. А нас учили. Если человек не умеет правильно читать, естественно, у него нет желания этим заниматься. Если меня не научили играть на скрипке, ты же не удивляешься тому, что я не рвусь на сцену? — сказала Инна.

— Вот так и упускаем детей, — вздохнула Аня.

А Лена продолжила важный разговор:

— «Язык — основа основ человека как такового. Вспомни из библии: «Вначале было Слово...». Вне слова, которое передает от поколения к поколению культуру, историю народа, его опыт и традиции, человек представляет из себя животное. Нет языка, нет человека, нет народа. Язык — это главная, даже, пожалуй, единственная основа для укрепления и сохранения России».

— А я думала, атомное вооружение, — пошутила Инна. — Круто берешь! — удивилась она и впервые подумала о подруге, как о серьезном преподавателе и воспитателе. — Но я понимаю, что любой язык отражает культуру той страны, которую он представляет. Англичане говорят, что когда ты изучаешь язык, ты карабкаешься на гору, не достигая вершины. Этими словами они подчеркивали, как труден их язык.

— «Перед нами стоит сложнейшая задача спасения и сохранения русского языка, русского человека, русской цивилизации».

— Перед кем это «перед нами»? Конкретно перед писателями, создателями художественной литературы, которая несет и хранит в себе слово, а значит и язык? —

уточнила Аня.

— Мелко копаешь. «Необходимо вернуть русскому языку народообразующий статус силами педагогов, родителей, общественных деятелей». Естественно, при непосредственной поддержке на самом высоком уровне. Это задача для всей нации. Только знание языка, истории и культуры своего народа и сопричастность судьбе Отчизны объединяет людей в нацию». В годы нашей юности руководство страны это понимало и проводило соответствующую воспитательную политику, — ответила Лена.

— А еще понимало, что добро должно объединять людей, а не злонамеренность, — сказала Аня.

— Осмыслим и внедрим всеобщую благотворительность как национальную идею? — усмехнулась Инна. — Хотя... она у нас всегда присутствовала в духовном коде нашей нации.

— Мы привыкли, что власть за нас решала все наши проблемы, а теперь приходится учиться и своей головой соображать, — добавила Жанна.

Но Лена продолжила:

— Знание классической и современной литературы, умение говорить, во многом определяют культурного человека, его нравственный и идеологический фундамент. «Мы должны гордиться своим языком — нашим национальным достоянием, бороться за его чистоту, чтобы он не растворился в других языках. Иноязычный мусор нахраписто внедряется в нашу речь, в мозги, и что очень опасно, подменяет смыслы и понятия. В атмосфере чужой и чуждой языковой агрессии теряется адекватность восприятия мира».

Она теперь говорила в обычной тихой задумчивой манере, а не строго, как на лекциях перед студентами. И от этого ее слова казались более прочувствованными.

— Книги — сильнейшее идеологическое оружие. Я голосую за сохранение родного литературного языка и не могу не напомнить, что «с Творцом, мы русские, можем общаться только на данном Им слове, на русском языке. Иначе он не услышит нас», — сказала Жанна и вспомнила о младшей внучке. «О чем ее ни спросишь, у нее на все один ответ: нормально». Усеченным, упрощенным языком разговаривает и не видит в том беды, а меня это выбивает «из зоны комфорта», раздражает. Мое упущение? Школы, родителей? С себя надо начинать. Не упустить бы малышку».

— Насчет языка общения с Богом... Мысль очень интересная, но весьма спорная. Что-то в ней для меня не складывается... «Надо будет сходить в библиотеку и покопаться в истории религии, если Всевышний даст мне на то время», — подумала Инна и принялась рыться в своей памяти, систематизируя всё когда-то прочитанное ею на тему православия.

— А мне импонирует фраза великого историка Карамзина: «Богатство языка есть богатство мыслей... являя степень его образования». «Любовь к Родине выражается прежде всего в языке и лишь затем — в материальных проявлениях», — писал Липецкий журналист Владимир Петров. У него острое и меткое перо, — отметила в теме Аня.

«Наверное, совсем недавно посетила Ларису», — ревниво решила Инна.

— Сколько ярких емких, бесценных слов ежегодно исчезает из языка! Это естественно? — спросила Жанна.

— К сожалению. Одни слова отмирают, другие нарождаются, — ответила Лена.

— Если исчезают устаревшие, вышедшие из употребления слова, демонстрирующие старые патриархальные ценности, то еще куда ни шло. Их, наверное, не жалко, — предположила Жанна.

— Теряется своеобразный богатейший язык простонародья. Он бесценный кладезь мудрости. Это такой мощный «объект» для изучения, — вздохнула Аня.

— Глубинный яркий народный язык непобедим. У него нет противоречий

с литературным. Вспомни рассказы Шукшина. Вот и пусть его хранят и изучают специалисты. Это их головная боль, — спокойноотреагировала на Анины вздохи Инна.

8

— Мы отвлеклись, чуть не позабыв о цели нашего разговора. Вернемся на исходную позицию, — сказала Аня. — Ритины книги может и не станут классикой, но они нужны нашим детям и внукам, потому что их чтение, затрагивая глубины мозга, напрямую связано с формированием личности читающего, его вкусов, видения, внутренней атмосферы. Наш позитивный жизненный опыт тоже накапливался параллельно с чтением и благодаря ему. Я это прочувствовала на себе. «Человек есть то, что он читает». В нем многое может не проснуться, если он в детстве не прочитает прекрасные добрые книги. Приятным необременительным способом воспитания снабдили нас в детстве! И мы должны передать его следующим поколениям. Правильные книги, если они отвечают запросам общества, создают у детей образ будущего, подсказывают их место в нем, учат общаться.

— Вот тебе и мотивация, — удовлетворенно заметила Жанна. И в подтверждении своих слов привела пример. — Моей дочке Наде было четыре года, когда для проверки зрения ей в детском саду лекарством расширили зрачки, и она не могла читать. Придя домой, она сказала мне грустно: «Без чтения я умру». А спустя годы создалась, что мучилась, но через силу, через пелену и нерезкость в глазах все равно читала, нарушая мой запрет. Не могла преодолеть тягу. И до сих пор не расстаётся с книгами, защитила диссертацию, преподаёт.

Аня сказала:

— Для меня чтение — как потребность в общении с теми, кто жил сто и даже тысячу лет назад. А авторы — мои прекрасные собеседники.

— В Ритиных книгах для взрослых меня привлекают поиски скрытых пружин поведения человека, его психология, — сказала Инна.

— Я как-то читала детям книжку Харриса «Сказки дядюшки Римуса» про братца Лиса и удивлялась, как все-таки отличается наше воспитание от воспитания детей на Западе. Их учат ловчить, хитрить, обманывать, — возмутилась Аня.

— По нынешней жизни книжки должны учить наших внуков защищаться от таких вот как братец Лис, не быть слишком наивными, простачками, — вплела свое мнение в ткань разговора Жанна.

— Иногда литература вытаскивает из человека то, чего он сам не хотел бы о себе знать, — усмехнулась Инна.

— Рита пишет такие книги, какие ей хотелось бы читать самой или те, которые, по ее мнению, нужны детям? — уточнила Аня.

«Спелись педагоги. (Инна сказала бы «промокашки».) Вот бы заснуть под тихую, простенькую музыку их слов», — подумала Лена.

— Подружки, вы диспут по идеологии и по теории литературы закончили и снова взялись за проблемы воспитания? — недовольно спросила Инна.

— Ты же не станешь отрицать, что врачи на своих встречах только о болезнях и говорят? — удивленно спросила Жанна.

— Обескураживающее заявление, — рассмеялась Инна, — но верное. Мой огромный опыт общения с докторами в неформальной обстановке дает мне право подтвердить, что какую бы тему они не начинали, все равно сползали на медицинскую.

«Любительница громких фраз. Неловко за нее», — вздохнула Жанна.

Она не знала о тяжелой многолетней, мучительной болезни Инны и воспринимала ее высказывания, как пустозвонство, как желание «выставляться» перед подругами.

*

— Лена, а как ты определяешь качество книги, которая произвела на тебя сильное впечатление? — Это Инна спросила.

«Раскручивает нас на очередной бестолковый диспут», — молча, надменно повела плечами Жанна.

— Через некоторое время я еще раз должна ее перечитать. Если уровень впечатления не снизился, значит, с моей точки зрения, — это шедевр. И с произведениями музыкантов и художников я так же поступаю. Это для меня важно, потому что иногда умный оригинальный сюжет оказывает на меня столь сильное впечатление, что мои эмоции от него начинают преобладать над впечатлением от качества мелодии или изображения, и я могу быть необъективной. В моей голове часто выстраивается собственное видение сюжета, которое накладывается на авторское, и частично или полностью его перекрывает, а то и отрицает. И тогда я воспринимаю свое воображаемое, как истинное, полученное от изучаемого объекта. А специалисты и опытные редакторы, прочитав одну-две страницы прозы, сразу могут сказать, чего стоит то или иное произведение, живой текст или мертвый. Они, как хорошие музыканты с первой ноты чувствуют фальшь.

— А как ты узнаешь, что...

— Ты не находишь, что слишком поздно для дебатов? Конечно, в праздник мы не обязаны выполнять установленный в Кириной семье распорядок, но завтра нам всем предстоит радостный, но, тем не менее, нелегкий день, — шепнула Лена на ухо подруге, которая, как ей показалась, снова готова была «броситься в бой». — Смотри, девчонки уже лежат спокойно, как легкие морские волны в тихую погоду.

Обе женщины как по команде прикрыли глаза.

Но недолго они притворялись спящими. Грохот в квартире над ними заставил всех вздрогнуть и подскочить. Кира приоткрыла дверь в зал и спросила:

— Вас разбудили мои беспокойные соседи или вы еще не укладывались?

— Спокойной ночи нам никто не пожелал, — пошутила Инна.

— Соседи только что пожелали, — поддержала шутку Кира. — Не пугайтесь. Это их обычное поведение. Спите.

Она тихо прикрыла дверь и на цыпочках — видно по привычке — прошла к себе в спальню.

Конечно же, никто сразу не уснул. И тихая беседа возобновилась.

— Писательское сообщество не заповедник единомышленников. Каждый волен по-своему выражать свою позицию и взгляды. А если все в одну дуду, то это как-то сомнительно, — тихим шепотом нарушила тишину Жанна. Свои слова она предназначала Ане.

— Ты права. Можно и нужно писать о чем угодно и как угодно, главное — делать это убедительно и никому не подражая, — поддержала ее Аня. — В Ритиной прозе не чувствуется заданности, умозрительности, она в ней проста и естественна. У Риты абсолютный слух на правду. Для нее она — основа, база мастерства писателя.

— Можно подумать, что мы сами не знаем, с какого боку нам подходить к проблемам своей жизни. Только у писателей особая ясность и точность мыслей и оригинальное звучание слова? — недовольно забурчала Инна. — Вот зачем Рита пишет? Писательство — способ ее существования? Она живет в двух реалиях: в своей жизни и в жизни своих героев? Если не пишет, то на нее накатывает ужас? Она отравлена ядом сочинительства и без этого уже не способна жить?

— Последняя твоя фраза явно пришлись бы Рите по душе. Она хочет, чтобы все хорошее,

что было в жизни нашего поколения, продолжилось в наших внуках и правнуках. Рита рассказывала, что первоначальным импульсом к написанию следующей книги для нее является выбранный прототип главного героя. От него она всё ведет, — объяснила Аня. — А вот одну мою знакомую почему-то не впечатлила Ритина предпоследняя книга. Я ей пыталась растолковать...

— Художник всегда обречен на непонимание! — рассмеялась Инна. — Удовлетворить в одном произведении и элитного, и массового читателя невозможно.

— Нравиться и царю и пономарю? Дудки. Литература не тот вид деятельности, где всё решают вкусы большинства. Кажется, Бунин заявлял, что он «не червонец, чтобы всем нравиться», — напомнила Жанна. — И о Моне Лизе говорят, что она сама вправе выбирать, на кого производить впечатление, а на кого нет.

— И у меня нет такой задачи. О Ритиных произведениях можно сказать то же самое. И это мое глубокое убеждение. Очередной своей книгой она еще раз подтвердила свое писательское реноме. «Надо иметь умных товарищей». Когда-то эту реплику в зрительный зал Маяковский вбросил. Правда, в детстве я считала эти его слова грубыми и нетактичными, — тихо сказала Аня.

Но Инна отчитала ее хлесткой фразой того же автора:

— «Гении не боятся капризов толпы. Что им недалекость отдельных особей!»

Аня не рискнула ей возразить.

«Не может отказаться от соблазна блеснуть своей эрудицией. Нарочно подавляет меня своей начитанностью», — очень тихо, но сердито пробурчала Аня, прекрасно сознавая свою неправоту. Усталость и раздражение слишком давили на ее слабые нервы, и она таким образом пыталась расслабиться.

«О Боже, дай мне терпения! Может вино из них никак не выветрится? Слабы стали по этой части? Завтра мы будем представлять собой вяленую рыбу, висящую на сквозняке», — с грустной вымученной усмешкой подумала о себе и об остальных присутствующих Лена.

Нельзя сказать, что ей полностью не нравилось происходящее в комнате, — оно развлекало, — но ей очень хотелось полноценно отдохнуть.

И все же Лена, похоже, минут десять вздремнула между высказываниями подруг и поэтому немного приободрилась.

— Мне импонирует, что Рита, как теперь принято говорить, сама себя сделала: ни протектирования, ни малейшей материальной поддержки со стороны, — сказала Аня.

— Как, впрочем, и все «служители» искусства, вышедшие из нашего курса, — нехотя допустила Инна.

— А у Риты не возникает судорожно-пугливых мыслей, что вдруг больше не получится, что уже растратилась? — Это Жанна заговорила.

— Ей неведом творческий простой. «В кричащей тишине я заново рождаюсь», — строчкой из Валентина Гафта ответила Лена. (И у нее он на слуху?)

— Как приятно, что мы можем перекликаться фразами из великих и любимых авторов! — мгновенно отреагировала Инна.

— Для последней книги Кира подкинула Рите идею, — сообщила Аня.

— Молодец. Идея часто стоит дороже воплощения.

— Рита загорелась ею, привела в действие пружины вдохновения, и всё закрутилось-завертелось. Туда же вплелись несколько видоизмененные судьбы наших подруг и знакомых. Есть среди ее героев и редкий благородный тип интеллектуала,

и современные подонки. Куда же теперь без них? У кого-то из персонажей голова замутнена пропагандой и рекламами, кто-то живет своим осторожным умом. Там этика и поэтика жизни, трагичная ирония и затейливые детали характеров... Все как в жизни, — поведала Аня.

— Сама себе задает вопросы, сама на них пытается ответить, вслушиваясь в себя и в окружающий мир, — сказала Инна вполне серьезно.

«Дает недвусмысленно понять, что отводит себе в нашем разговоре далеко не последнюю роль», — ревниво подумала Жанна и намеренно обратилась только к Ане:

— Какова, с твоей точки зрения, философия Ритиных произведений? Какова главная метафора последней книги?

— Не возьмусь сформулировать. Я не по этой части, — начала та извиняющимся тоном, но потом разошлась без меры:

— Я понимаю, что главный критерий ценности современного произведения — новизна формы и содержания, но для меня важнее: нравится — не нравится. Я понимаю качество произведения на уровне моего вкуса. Но не всё так просто. Ты же знаешь, мы в диалоге со своим временем через свои ощущения, и в этом процессе есть определенный компонент бессознательного, потому-то в Ритиных книгах мне важны не сами события, а их обсуждение героями. Я эти оценки со своим мнением сравниваю. В какой-то момент мне стали неинтересны сюжеты книг. Может, поэтому у меня сложилось мнение о Рите, как о серьезном, вдумчивом, интеллектуальном писателе. Для меня до сих пор существуют неразгаданные зоны в ее творчестве. Я под сильным впечатлением от ее произведений. Ни ужасов, ни кровищи в них, а вот поди ж ты — бьют в цель. Когда я читаю их, иногда так грустно делается! Мы же люди, отчего же живем так неразумно! Мы же россияне, великая нация, а не то, что думают о нас американцы: медведи, балалайки и водка. Мы — великая страна! — с болью и обидой в голосе сказала Аня. — Ритины корни в СССР. Оттуда тянется шлейф ее высоколбой интеллектуальности. (Она о книгах для взрослых?) Оттуда же предисловия и послесловия к ее книгам, соответствующие рангу толстых журналов. Ее писательству предшествовал опыт вузовского преподавания и наставничества, что бесспорно не могло не сказаться на произведениях. И это же определило узкий социальный круг ее персонажей.

— Ансамбль, — рассмеялась Инна.

— Небезосновательно, — согласилась Жанна.

— И все же от ее последней книги я в некоторой растерянности. По языку это интеллектуальный роман, а по содержанию — грустно-бытовой. Он впечатляет, но не обнадеживает. Она недооценивает в триаде добродетелей надежду. Любовь и вера могут уйти из жизни человека, угаснуть, но надежда должна оставаться и сохранять душу. Таких как Рита «грустных» писателей должно быть мало, чтобы не сеять пессимизм, который чреват непредсказуемыми последствиями.

— Трагический пессимизм, — уточнила Инна слова Ани. — Ее персонажи борются, пытаются что-то улучшить. Разве они утратили надежду и веру? По крайней мере, в себя. Ты считаешь ее героев слабыми и далеко не безупречными, не соответствующими кодексу строителей коммунизма?

— У них много просчетов, проколов.

— Ты хотела бы увидеть образы безгрешных людей, быть похожими на которых мы искренне стремились в свои молодые годы с воззванием: «сильные воспринимают препятствие как возможность»? Слова, слова, старые лозунги... А Ритины герои живые, обыкновенные.

— Что будет, если мы начнем больше поддерживать слабых, но добрых? Куда покатится история? — спросила Жанна.

— В исторический пессимизм, — рассмеялась Инна.

— Не все люди титаны... Да ну, тебя! — в сердцах воскликнула Аня, больше не желая спорить.

— Ха! Разве ты у нас выступаешь не за союз ума, роскошной красоты и воли? Не льстя тебе, скажу уверенно: много найдется согласных с тобой читательниц-идеалисток из нашего поколения, с сердечным простодушием радующихся сказочным концовкам женских романов. Возьми, к примеру, Жанну. И я — от скуки — не выпадаю из общего ряда, хотя и не признаю их слащавого наполнения, максимально нереалистично представляющего мир вокруг нас.

— Ты в кучу сваливаешь личное и общественное, частное и общее. Перестань запутывать Аню, — попросила Жанна.

— Инна, Ритины книги нельзя назвать женскими романами. Они жизненные, без слюней до полу. К твоему сведению: человек сам интуитивно выбирает, что ему читать. Моя душа, допустим, не принимает Платонова. Я его книги еле одолела и зареклась к ним возвращаться, чтобы не погнубить от депрессии. Надоело с ней сражаться. Да и уставала я от его «слишком своеобразного, причудливого» языка. А ты говоришь, Рита о грустном пишет! Она хочет в наше сложное перестроечное время вернуть человеку душу, вот и показывает хорошего человека в плохой среде и наоборот. Она поднимает этические проблемы в обществе.

— И приходит к неутешительным выводам, — подытожила Инна мнение Ани.

— Я бы так категорично не утверждала. Что же, теперь вовсе не говорить о проблемах?

— Книги честные, но некоторые ее герои показаны через преувеличенную иронию, — опять напомнила о себе Инна.

— И это говоришь ты? — удивилась Аня.

— ...Вот все ругают сериалы, а ведь это интересная возможность выразить себя иначе. Они — новая и подчас достойная литература. Всякий положительный дар «на этой лучшей из планет» нужно отдавать людям. Просто надо серьезно подходить к использованию новых форм самовыражения личности, тем более, что год от года сроки изготовления телефильмов немисливо стремительно сжимаются, что сказывается на их качестве, — сказала Аня.

— Вот и «пекут их как горячие пирожки». Особенно надоели всем милицейские «сказки». Заполонили все каналы. Внушают нам то, чего нет на самом деле. У американцев научились врать. Те переставят или даже просто сместят акценты, и события в их устах совершенно меняет суть. Они уже победу над Гитлером себе присваивают! И при этом во весь рот улыбаются. Карнеги научил всех лицемерить и лгать? У них там героини-одиночки весь мир спасают. Это же смешно! Одиночка может его только сгубить. У меня аллергия на их фильмы. Я бы в этот жанр привнесла больше «человеческого» героизма и понизила градус насилия, — заявила Инна. — Нам нужно сначала самих себя, своих близких и друзей научиться спасать. А для этого надо внутри себя находить силы не опускать руки, когда трудно, уметь меняться, укрепляться духом, долго и упорно воспитывать себя.

— На этой территории, казалось бы, всё уже сказано, ан нет... Спасибо, разъяснила нам, глупым. Удостоила чести услышать твое персональное мнение. Теперь мне не придется заниматься эстетическими поисками в цифровом хаосе. И остальные подтянутся. — Глаза Ани засветились обидой. — И детективы станешь ругать? Они бывают потрясающие, с прекрасным литературным языком. В развлекательную упаковку тоже можно вложить серьезный смысл. Я от Дашковой балдею, зачитываюсь и забываю о своих проблемах. Люблю оборванные причинно-следственные связи, которые надо разгадывать, — доверительно поделилась она. — Авторов-женщин больше обожаю. У мужчин уже со второй страницы ничего не понять. Может, в голове и держат последовательность событий, но на бумагу многое не выкладывают, не договаривают, и получается полная неразбериха, которую они выдают за сложный и умный сюжет. (Ого!)

— Ты пристрастна. Наверное, попалась одна неудачная зарубежная книжица, и ты теперь отвергаешь творения всех мужчин, мол, халтуру не читаю. — Жанна улыбнулась снисходительно. — Кто посмел испортить твой вкус?!

— Вертится фамилия на языке, а вспомнить не могу, — автоматически согласилась Аня, уже думая о чем-то другом.

— Чтобы кого-то или что-то не любить, должна быть веская причина, — поспешила вывести подругу из неловкого, как ей показалось, положения Жанна. — Объелись мы этих детективов! Со времен Эдгара По технологии поиска преступников претерпели изменения, а принцип остался тот же. Детектив — это игра.

— Появилось некоторое отличие. Человек авторам стал интересен, а это значит, что детективы стали ближе к художественной литературе, — сказала Аня.

— Только сюжеты про любовь никогда не надоедают, — заверила Инна. — Что неудивительно. Вся великая русская литература построена на нелюбви, на различных несовпадениях, на отсутствии гармонии в человеческих отношениях. Она вышла из страданий. А это всегда интересно читателю.

— В молодости все в жизни людей вращается вокруг любви. Она — главный побудительный мотив поведения. Это в старости — вокруг болезней, — согласилась Жанна.

— Но не вокруг той, что теперь по телевизору. На всех каналах мужчины одинаково покоряют женщин, одинаково кидаются на них... раздевая... Тошнит, никакой фантазии, — поморщилась Аня. — Да еще на постель, как в американских фильмах, прыгают в туфлях, мочатся, где попало, не стесняясь...

— Пресытились мы, жаждем чего-то необычного, — сказала Жанна.

— Пресытиться можно чем-то примитивным. Тоньше надо... — Лицо Ани выражало явную борьбу скрываемых чувств.

«Надо же, как она неистово возбуждена! Будто всё поставила на карту и проиграла. В ней бродят неизрасходованные, невостребованные гормоны?» — усмехнулась Инна.

— А меня интересуют мостики между жанрами. Именно там возможны блестящие находки и открытия. Как в науке на стыке разных дисциплин, допустим, физики и химии, — сказала Жанна и, заложив руки за голову, мечтательно закатила глаза.

— Физики и литературы, — проехала в адрес Лены Инна.

Та в ответ дружелюбно улыбнулась:

— Наблюдаю переключку шестидесятых и двухтысячных.

«Понимает и принимает Иннин юмор или привыкла к ее шпилькам?» — озадачилась Жанна.

Инна вдруг обратила внимание на то, что лицо Жанны, прихваченное зимним солнцем и овеянное морскими дальневосточными ветрами, на фоне лиц ее подруг смотрится на удивление здоровым. И втайне позавидовала ей.

А Лена подумала: «Девчонки знают, что Инна ехидная, но не догадываются, что не злокозненная. С нею нелегко, но интересно. Она побуждает к ответной реакции. Это полезно. Застоя в мыслях не происходит».

*

— ...Я читала, что форма произведения формирует его суть. Не наполненная содержанием — она как пустой бочонок. Должно быть ясно зачем, о чем и ради чего пишет автор, стремясь достигнуть своего потолка, своего максимума. А Рите форма важна? — Это Жанна прервала Аню, боясь утонуть в ее рассуждениях.

— У нее безошибочное чувство формы, — заверила Инна. Вообще-то современные романисты не загоняют себя в прежние, строгие общепринятые рамки правил написания произведений. Теперь недостаточно талантливо рассказать читателю какую-то нетривиальную историю. Надо еще разнообразить ее бесчисленными философскими отступлениями, рассуждениями о чувствах героев, постоянно нарушать

хронологию событий, придумывать отступления от сюжета, ломая его структуру, запутывая читателя, преподносить бесконечное число версий. Еще стоит имплантировать в роман разного рода вкрапления новых форм и видов выражения своих мыслей. Допустим, вставить многостраничный монолог и краткий резкий насыщенный диалог или втиснуть письмо, написанное сто лет назад. А то и вовсе преподнести сюжет в сюжете, соединяя, казалось бы, несочетаемые жанры. Чем больше наворочено всякого, тем лучше. Не забывая, конечно, о музыке слов и эмоциональности изложения, о внимании к деталям, не теряя чувствительности к пространству. И тогда описание судеб маленьких людей разрастется, становится масштабным.

— Твое красноречие может сравниться разве что с Кириным гостеприимством. Эти представления — не фальсификация того или иного стиля? Не имитация? Зачем все это нагромождение, переплетение нитей разных форм и стилей, нарушение законов построения произведений и логики? Наворотят с три короба немыслимых вещей»!.. Ничем не гнушаются: ни отрывками из реальных телефонных разговоров, ни анекдотами, ни вовсе неожиданными непонятными включениями. Всё служит им на пользу. Суперинтересный подход. И это называется расширять жанровые рамки, создавать принципиально новый подход? Помню, одна деталь вызвала у меня недоумение...

— Писатели, таким образом, ищут новое слово в литературе, новый вид жанра? — перебила Жанна Аню.

— Нобелевскую премию, — весело подсказала Инна. — А что? Вспоминай, размышляй, позволяй себе отступать от канонов жанров, пиши без всяких правил и рамок — абсолютная свобода изложения! Меня этот способ очень даже прельщает. Такой вид творчества я могу сравнить только со счастливым детством: ощущение безмятежного счастья и свободы, которую никто не отнимает, осознание предельной защищенности. Что может быть приятней!

— Правила в разные века разные, — остановила ее Лена. — Современный французский писатель Фредерик Бегбедер восстал против канонической, традиционной формы романа. Он воспринимает ее как обертывание «здания произведения» ограничительной сеткой или даже как клетку из строительных лесов. У него необычная писательская техника. Он выстраивает в голове фантастические конструкции сюжетов и считает, что жанровая обозначенность обедняет произведение.

— Пушкин свое произведение в стихах «Евгений Онегин» назвал романом, Гоголь «Мертвые души» — поэмой. В музыке существуют баллады в жанре симфонического рока. И что из того? — пожала плечами Жанна.

— Бегбедер решил, что его эпатажный провокационный стиль и особый способ написания романов выводит его произведения на новый, более высокий уровень, делает его непревзойденным. Он свято верит в свой метод и постоянно его рекламирует. Форма и структура нужны не только для того, чтобы выразить содержание, но и чтобы привлечь к чтению молодежь, которой уже не интересно тупо следовать за сюжетом. Ей требуются разные новые стилистики, техники и жанры. Бегбедер считает, что читателей надо завоевывать, а для этого необходима новизна хотя бы в чем-то, — буквально на глазах все больше вдохновляясь, продолжила Ленины рассуждения Аня. — Только до Нобелевской премии ему как до Марса.

— Он боится остаться в полном забвении? Игра форм и пропорций — источник его художественной радости? — презрительно хмыкнула Инна.

— Да, — утвердительно кивнула Жанна. — Как у скульпторов — с пространством, объемом и формой.

— Эти навороты могут гармонично соседствовать и коммутировать друг с другом? Хотя... если писатель талантливый, он что угодно внедрит и увяжет, — помедлив, согласилась с Жанной Инна.

— Нам ли оглядываться на Запад! Новаторство француза в том, что он безнадежно перепутывает и соединяет все жанры — это же эклектика! — выходит за их рамки, перемежает сюжеты, эпизоды, взрывает старые штампы? Умение смешивать времена, стили и направления теперь называется блистательным талантом, муками творчества?

И в этом есть своя правда? Нет. Это как быть на полпути в никуда, — запротестовала Аня. — Это даже не вопрос яркости произведения, а скорее его кроя... Осваивая новую форму, он меняет его наполнение? Она влияет на содержание? Литература — это не знание формы, а форма знания. В этом его винегрете какой-то джазовый подход к сюжету произведения.

— Вот и хорошо. Цепь переплетений случайностей не дает расслабиться. Без неожиданностей все серо, скучно, предсказуемо, — сказала Инна.

— По-моему, джаз есть органичный сплав всевозможных направлений в музыке. Основа классическая, но она вобрала в себя звуки босановы и ритмы речитатива, элементы хип-хопа и рэпа, импровизационные моменты народных мелодий и даже вальсов. И тем обогатила себя. У нас всегда и во всем так: сначала ругаем, потом перенимаем, — сказала Жанна и поджала губы.

— А мне джаз напоминает мои детские импровизации, музыку моей души, ее разнообразные мощные проявления, которые вырывались из меня, когда я «рвала струны» самодельной «гитары». Меня в такое уводило!.. Музыка была не из головы, из сердца, от эмоций, когда выть хотелось. Бывало, как поведет, как понесет... — тихо сказала Лена. — Шестой год мне тогда шел. Помню, лет так с четырех я всё присматривалась ко всему что видела и слышала вокруг себя, анализировала. Боялась, поэтому много думала. И всё это на душу ложилось, а потом в горьких бравурных или в печальных аккордах изливалось наружу.

— Рита — писатель оптический, что видит, о том и пишет. Вряд ли она выбрала бы столь сложный перемешанный осколочный стиль. Это не мной замечено, — выразила свое осторожное согласие с критиками Аня и тем самым увела подруг из Лениного детства.

— «Текучесть» формы — это интересно. Бегбедер выстраивает сюжеты своих книг, как архитектор создает дворцы, а не обычную городскую квартиру. Пусть француз пробует, изощряется, — «разрешила» экспериментировать Инна. — Джойс тоже, вдохновляясь Бетховеном, разрывал классическую форму своих произведений. А Берлиоз в музыке смешивал жанры еще в середине девятнадцатого века и этим заглянул в будущее. Правда за победителем. Надо мечтать, фантазировать, изобретать!

— Проснулась-встрепелулась! — остановила Иннины восклицания Аня. — Причем здесь француз? Не он первый в литературе стал стирать границы жанров. Вспомните «Что делать?». Наш Чернышевский собрал книгу из прежде несоставимых частей. Тут тебе и детектив, и письма, и научные статьи, и ораторские речи. Вот где взаимопроникновение! Несмотря на довольно сомнительные художественные особенности текста, она потрясла всё тогдашнее общество. И потом: насильно чужой стиль не внедришь, он должен органично войти в литературу.

— Но какой у француза гонор! Меня, например, утомляют его параллельные сюжеты и сцены, перегруженность вычурными деталями. Люблю, чтобы сюжет плавно разворачивался, по старинке, чтобы тема как роза распускалась. Читаешь, не торопясь обживаешь текст. Делаешь его своим, родным, проникаешься им. И вот уже чувствуешь, как автор вдохнул душу в свое творение... — Жанна, рассказывая, от удовольствия прикрыла глаза.

— И в детективе подозреваемые как лепестки ромашки по одному должны «осыпаться», постепенно открывая сердцевину — убийцу? Мозгами лень шевелить? А мне кажется, что все нововведения француза удачно вписываются в произведение. У него одновременно много ассоциативных связей с материалом, поэтому он пишет не в хронологическом порядке. Он мастерски выстраивает интригу, до последнего держит читателя в напряжении. Что еще от него требовать? Сейчас в синтетической литературе многое позволительно, — сказала Инна.

— И ты о Бегбедере много знаешь? — удивилась Аня.

— Как же иначе? Земля слухами полнится. Но мне сведущие люди говорили, что он слабый писатель.

— А каково твое собственное мнение?

— Ничего. Вполне себе такие вещи... Но я всегда стою за воплощенную Пушкиным простую чистую форму прозы и стиха.

— И, тем не менее, ты осилила Бегбедера? Классика уже не греет? А вот «Гомера» в студенческие годы тебе не удалось дочитать, — зловредно напомнила Жанна.

— Когда поумнела, одолела, — неожиданно спокойно ответила Инна. — Так вот, при всем при том, — она продолжила разворачивать начатую мысль, — главными в структуре произведений Бегбедера — их фокусами — являются диалоги. По-моему, приданию им живости и яркости, он уделяет особое внимание. У него прелестная речевая аранжировка событий, хотя герои иногда скатываются в сторону, я бы сказала, личных отношений.

Совсем как у Риты. Она тоже в основном проявляет себя не традиционно, не через действие, а в непредвзятых раскрепощенных диалогах. Они высвечивают чувства и характеры ее героев, воспринимающих жизнь, как говорил Пастернак, «без помпы и парада», именно в них сквозят их судьбы. У нее есть произведения, сплошь состоящие из диалогов. Она предвосхитила «открытие» француза? Еще мне импонирует ее манера высказывать горькую правду с ироничной усмешкой, поражает чувствительность и беспощадная зоркость к нелепостям жизни. Ее герои узнаваемы.

— Всё споро (быстро) и четко разъяснила. Похоже, знаменитый француз больше внимания обращает на фабулу, а не на язык произведения. А ведь слово — мера Мира, — заявила Жанна.

— Одна из... — напомнила Инна.

— По религии — главная. «И было Слово, Слово Божье».

Лена неожиданно для всех произнесла как что-то сокровенное:

«Лишь Слову жизнь дана:

Из древней тьмы, на мировом погосте...

Звучат лишь Письмена.

И нет у нас другого достоянья».

Лишь слова и буквы остаются навечно... Книги.

Наступило длительное, ничем не нарушаемое молчание. Женщины «переваривали» сказанное Леной?

— А как же заявление апостола Павла о том, что Царствие Божье не в Слове, а в Силе? — будто опомнившись, спросила Инна без иронии.

— Эта фраза из другой «оперы», — досадливо поморщилась Жанна.

— У меня даже кровь в жилах от радости закипела. А ты... разочаровала, — насмешливо отреагировала Инна. — Жанна, растолкуй, почему все апостолы мученически погибли? Потому что трижды предавали своего учителя или все-таки потому, что зло непобедимо? Они наблюдали деяния Христа и то отреклись от него. Что же можно требовать от простых современных мирян?.. Теперь во многих людях отсутствует желание уничтожить в себе беса. Добро только на устах.

— И ты по мою душу... — Жанна нервно заерзала на постели. То обопрется о стену, то примостит голову на подушку. И так, и этак ей не нравится, потому что пребывает в несвойственных её характеру сомнениях. Ей стыдно за них, хотя и понимает что в жизни всё на полутонах, что в ней много оттенков серого. И радости маловато, чтобы ее расцветить... А в религии всё на контрастах. Чтобы успокоиться, она взяла на тумбочке книгу, открыла ее на заложенной странице и попыталась отвлечься

чтением.

— А теперь говорят, что человек — мера всех вещей, — сказала Аня. — Потому что он единственный способен разгадывать тайны Мироздания.

— И эта мера дана Богом, — добавила Жанна.

— Помолчи! — раздраженно прервала ее Инна. — О мере еще в древней Греции изрек Протагор. Мы сейчас о литературе речь ведем.

— А по мне так важна не форма — она вторична, — а мысль-послание, суть, — продолжила наступать Аня.

— Твое понимание устарело. Каждая эпоха скрывает свои смыслы за формой, а каждый писатель со своей долей правды и вымысла доносит то, что он в ней, в этой эпохе, разглядел. Иногда даже что-то абсурдное. Тогда трагичное становится комичным. И художник наляпает чёрт-те что и говорит: «Я так вижу», — покривила губы Инна.

— Помяните мое слово: мишура стряхнется и все вернется на круги своя. Классические принципы вечны, — категорично заявила Аня.

— И всё? То есть современный писатель должен быть скупым на слова?

— Разные писатели нужны, — спокойно ответила Аня.

«Зачем они затеяли этот спор? Желают больше узнать? Сами хотят высказаться? Время надо чем-то занять?» — привычно, но вяло размышляет Лена.

— Лена, а правда, что писательство не требует осознанности, чтобы не быть предвзятым? — спросила Аня.

— Обо всех не скажу. Иногда, когда я пишу, — да. Материал владеет мной, то ли извне, то ли изнутри... Мысли текут неконтролируемо. Это как бы естественное состояние. А вот когда правлю текст, тут всё подключается.

— Автоматическое письмо у Пруста переняла?

— Сама его из себя на уровне интуиции «родила», — с улыбкой ответила Лена подруге.

— ...Рита пытается противостоять засилию насилия... Искусство должно объединять людей, а не наоборот. А современная культура — шумиха и мода, но не искра, зажигающая свет в душе человека. Ужас, убийства стали ее неотъемлемой частью... и человеческое отчуждение от безудержного эгоистического потребления. Об убийствах в импортных сериалах говорят бесстрастно, как о чем-то обыкновенном, житейском. Ни страха, ни ужаса в глазах. Хорошо изображают только ненависть и злость. И наши артисты им подражают: бьют, калечат без разбора.

Сквозь туман сознания у Лены в мозгу пробилась краткая мысль: «Снизшло прозрение. Наверное, это Анин тезис».

— ...А лезвие Ритиной иронии пока не затупилось, не покрылось зазубринами.

— Что, часто пишет о неподобающих, непотребных вещах? — скроив наивную рожицу, спросила Инна.

— Не жалуешь ты Риту. Тебе бы только извращать, передергивать. А у нее четкое интуитивное понимание природы вещей, — сказала Аня и тут же обидчиво подумала: «Опять эти ее дурацкие выходки. И чего Ленка церемонится с ней? Ведь может быстро поставить на место. Ей проще не замечать? Этот вопрос у них раз и навсегда закрыт? Собственно... разве она к ней приставлена?»

— А мне нравится, когда Бегбедер изящно привносит в уже известные факты совсем другое понимание, как бы иначе их расшифровывает. — Аня сознательно ушла от Инниных нападок, не желая быть вовлеченной в перепалку о Рите. — События у него приобретают неожиданный ракурс. Вроде ты знаешь эти вещи, а они вдруг начинают

блистать и уже выглядят иначе, не так черно и тоскливо.

— Так ведь «французу для радости и смеха и страдания не помеха», — рассмеялась Инна.

— Не упрощай. Занятный он человек. Наслышана об его громких, я бы сказала, концептуально значимых проектах и экспериментах с жанрами. Его книги устроены по принципу полифонии и полистилистики. Но они, с моей точки зрения, имеют слишком сложную конструкцию. И его часто бросает из стороны в сторону, — сказала Жанна.

— Ты считаешь, что это что-то совершенно новое в литературе? — удивилась Аня.

— Не знаю. Бегбедер экспериментирует с формой, надеясь таким путем лучше донести смысл своих произведений. Он пока не переберет и не испробует массу всевозможных вариантов, не успокоится.

— Молодец, — похвалила автора Инна. — В данном случае его эксперименты не цель, а инструмент, способ.

— Не скупись на похвалу. Беспрецедентный случай. А на ругань? — с усмешкой поинтересовалась Жанна.

— Когда есть за что.

— Ощущаешь потребность?

— Вся прелесть заключается в том, что у француза нет никакой возможности передо мной оправдаться, — рассмеялась Инна.

«А Лена больше не высказывается. Напустила на себя загадочность и молчаливо демонстрирует свое превосходство? От нее веет спокойной мудростью или безразличием?» — неодобрительно подумала Жанна.

— Инна, знаешь, какой вопрос не дает мне покоя? Рита вне зависимости от французского писателя сама догадалась так писать или все-таки «подсмотрела» и позаимствовала его идею, потому что она созвучна с ее мнением? — спросила Жанна.

— Тоже мне ноу-хау! Дело в том, что подобные вольности всегда были позволительны для пишущих в замечательном жанре «воспоминания». Вот Рита, очевидно, чтобы оградить себя от нападков критиков, и отнесла себя к таковым. Воспоминания — осевой жанр ее творчества, — ответила Инна. — Двадцатый век — эпоха мемуаров. Все кому не лень пытаются...

— Воспоминания — субъективная правда времени. Они корнями уходят в прошлое и соединяют настоящее с будущим, — заметила Жанна. — Индивидуальная память о прошлом — тоже наследие.

— Воспоминания — память сердца. Они бывают не менее художественные, чем романы. В них случается обнаружить и легкость слога, и воздушность фразы, и полезную информацию, — тоже защитила писателей Аня.

— Иногда и более того... — многозначительно усмехнулась Инна.

*

— ...И что интересно: Рита только взялась за перо, и вектор ее удачи тотчас расположился в положительном направлении. А ведь где-то, даже в хорошем смысле, идея была авантюрная. Получается, в модную струю попала, когда стало приветствоваться смешение жанров, — заметила Аня. — Я думаю, ее книги выдержат испытание временем.

Инна резко повернулась к Ане и испытующе взглянула на нее, мол, кому поддакиваешь?

«Как уничтожающе-строго посмотрела!» — удивилась Лена.

«Какой недоброжелательный, презрительно-оценивающий взгляд! Актриса. Угомона

на нее нет. Раньше она тоже была яростная и активная, но, правда, по большей части очаровательная и жизнерадостная. С ней считались. Может, даже любили. А теперь вот...» — поежилась Аня, но продолжила высказываться.

— Рита не ставила цели превозносить себя как теоретика или новатора в литературе. Ей хотелось показать, что всех людей нельзя привести к общему знаменателю. Одним важнее духовный и душевный комфорт, другим достаточно машины, квартиры и дачи. И при этом они могут быть весьма приличными, безвредными людьми, честными тружениками. Она пишет о семейных катастрофах, ищет пути их преодоления, исследует различные по глубине срезы интересующей ее темы. Она считает, что проблемы современной семьи должны стать достоянием гласности. Писатели просто обязаны вторгаться в, казалось бы, запретные, священные зоны во имя будущих поколений. Каждая несчастливая семья — это «Титаник» со всеми его последствиями, — сказала, как процитировала Аня.

— Залезать в чужие спальни? Подглядывать, трясти грязным бельем? Рита остановила свой выбор на этой самой что ни на есть примитивной теме — на жизненной мешанине? — покривила губы Инна. — Она жадная до человеческих судеб? Ей интересно вскрывать внутренние дефекты семей? Ее герои — экстраполированные, доведенные в своих типичных чертах... до уродливости? Ей бы заняться персонификацией символов, визуализацией духовных состояний, заставлять чувства и чувственность работать со сцены. Мистическая, экстравагантная интерпретация еще больше усилила бы ее произведения.

Аню будто взорвало:

— Я думаю, с символами у Риты свои, несколько другие отношения. Не сказать, что она их совсем не принимает во внимание, но они для нее просты и скучны, Рита предпочитает метафоры, но притом людей как бы с натуры пишет. У нее живое, доброе слово, прекрасное чувство языка, и это главное. Похоже, это ты в своем покореженном сознании представляешь ее героев таковыми. Они в тебе что-то воскрешают? Ты любую известную фразу умудряешься извратить, представить в другом свете, и она перестает нести вложенный в нее первоначальный, высокий смысл.

— Это прозвучало по-детски неизъяснимо очаровательно. Я чувствую себя голой. Давай Аня, не подгадь, не разочаруй, выдай еще что-нибудь этакое... умное насчет метафизики слов или о мощном подсознательном в романах Риты; что-нибудь новенькое о попытках познать природу гениальности. А то ты у нас обычно как неявная, слишком «сложная» математическая функция.

«О Боже, — выдохнула Жанна сквозь зубы. — И как я это должна истолковывать? Сколько еще неловких моментов всем нам доставит Инна? После некоторых ее пассажей я бы на месте Ани руки ей не подала. А она не видит причин для конфронтации?»

Но Аня на этот раз не поддавалась на провокацию, ответила Инне вполне спокойно:

— Мне кажется, что воспоминания, сплавленные с анализом — Рита их очень удачно соединяет, — выводят ее произведения на более высокий интеллектуальный уровень. Может, поэтому она надолго застряла в этом жанре? С глубоким знанием дела исследовать природу современных взаимоотношений — разве не достойная тема? Проникать в Бермудский треугольник человеческой психики, изучать, доходить до сути... чтобы растрогать холодных, расшевелить равнодушных...

Аня говорила по-деловому, но в глазах ее сквозило что-то похожее на недоверчивую... радость или даже совсем чуть-чуть... на скромную гордость. Мол, я не хуже тебя знаю...

«Анютка только прикидывается лопушком, а на самом деле может быть кактусом. И котелок у нее варит. Я явно ее недооцениваю, — подумала Инна и сама себе сделала внушение. — Зачем я тяну ее к своему уровню? У нее собственный прекрасный талант, каким никто из нас не обладает. Она живет, пульсирует, развивается, выходит за пределы своих же возможностей. Нашла себя, реализовала, и, похоже, по-своему счастлива. Ее «семья» каждый год прирастает детишками, которым она дарит свою нескончаемую любовь. А что иногда ноет... Так должны же и у нее быть маленькие слабости, что-то типа клапанов, способных спускать пары раздражения. Она имеет право позволять себе немудрящие «удовольствия».

А вслух она сказала:

— Шучу я. Безобидная конструктивная критика учит, расширяет горизонты, если она... доходит. И в этом ее значимость.

«Ну не может, чтобы не зацепить. И что тут поделаешь!» — дернула плечом Жанна.

А Лена, изучающе взглянув на Аню, поддержала ее мнение:

— Дело говоришь. Ритина тема кочует из книги в книгу — начиная с детских, — все усложняясь и усиливаясь. Это говорит о глубине и важности затронутых ею проблем. А создание спектаклей по ее рассказам — по-моему, прекрасная идея. Я хотела бы, чтобы она воплотилась.

— Не думаю, что это поможет Рите приблизиться к пониманию истины и вывести формулу мира в семьях, хотя, насколько я понимаю, этот вопрос ее очень даже волнует. Ей не поспособствует и то, что она уже состоявшийся писатель, — хмыкнула Инна.

— Она пишет так, чтобы читатель не только головой понимал, но и душой чувствовал глубины стоящих перед ним проблем, — обидчиво заметила Аня.

— Я считала, что этого можно достигнуть только языком музыки. Ведь музыка — последняя инстанция перед Богом, — сказала Жанна.

— В купе с ней.

— Ты о музыке слов?

— И о ней тоже.

— Ты на самом деле считаешь, что дать нам новое понятие истины тоже входит в Ритины честолюбивые планы? Из века в век философы ломали головы над старыми формулировками. — Инна слегка насмешливо, но вполне дружелюбно взглянула на Аню. И та сказала:

— Насчет формулы счастья ты шутишь? И все равно Ритино творчество правдиво, искренно «и естественно, как может быть естественна только сама живая природа». Ее сознание как бы само создает то, что она пишет. Мысли и фразы возникают сами собой, ниоткуда. Рита только немного управляет ими, корректирует. Она мне сама рассказывала об этом.

— Ее творчество не только искренно, но и пугающе достоверно. Писать так, чтобы ни разу не соврать — великое дело. Оно результат... вялотекущей шизофрении? — Конечно же, это Инна ввернула.

Теперь и Жанна подала голос:

— Не пристало тебе так выражаться. Я могла бы понять, если бы в порыве гнева или в припадке ярости... Это твоя особая форма признания в любви или сверхмодная шкала оценки гениев и талантов? Как ты их различаешь? Обозначь.

— Запросто! Гениальность нуждаются в рамках, а талантливость сама себя контролирует. Что-то типа того. Продолжим?

Чуткие пальцы Лены осторожно заплясали на спине подруги, мол, успокойся, не считаю возможным шутить над такого рода вещами. Пальцы упрашивали.

— Претит мне твоя пантомима, — снедаемая болезненным раздражением, огрызнулась Инна.

«Осчастливила» нас... «открытием». Мол, знай наших! Мы из провинции... с хутора. Так оскорбить Риту! Знаться с ней не хочу», — отвернувшись, молча негодовала Аня, мысленно восстанавливая справедливость хотя бы внутри себя.

«Что делает с людьми бессонница! От усталости они становятся придирчивыми, раздражительными, необъективными, неадекватными. Правы наши предки утверждая, что утро вечера мудренее», — вздохнула Лена, ожесточенно растирая шею и виски.

— Выстрелы наугад редко достигают цели. В желании быть оригинальной ты далеко выходишь за рамки общепринятых понятий... и явно не возвышаешься над пошлостью и грубостью, — осадил Инну Жанна, посчитав свои предыдущие слова недостаточными.

— И бестактностью? — беззаботно спросила Инна. А сама подумала: «Хорошо тебе, умеешь сама с собой ладить».

«Сообразительная», — оценила Лена попытку подруги нейтрализовать неловкость, переведя грубость в плоскость самоиронии и самобичевания.

— Ой, сейчас развеселюсь... и расхохочусь... до поросычьего визга, — фыркнула Жанна. — Инна, я вижу, ты с некоторым пренебрежением относишься к людям, работающим в области культуры. Ты тружеников науки ставишь выше? У гуманитариев своя логика. Они оперируют образами и красками. Их не волнуют величины, выражаемые в ньютонах, амперах или веберах. Но не только у писателей, и у научных работников метафорический, нелинейный способ мышления и высокая степень символизации языка.

— Насчет метафоричности ты, что-то путаешь, подруга. — Последнее слово в устах Инны прозвучало насмешливо.

— Да уж точно, не арифмометр у них в голове, — не уступила ей Жанна.

— Как же, только «книги Природы пишутся языком математики», а остальные литературным! — не утерпела насмешливо заметить Инна.

«У девчонок до сих пор в ходу наши студенческие фразы и шутки. Они въелись им в душу, проникли в кровь. Ностальгируют по юным годам», — подумала Лена.

— Науку и искусство нельзя разделять. Это всё мир познания. Ученый на практике старается доказать то, что считает возможным, а искусство через чувства материализует идеи. Искусство не доказывает, а показывает. Существует мир психической и физической реальности. Человек живет в мире представлений, но он не может существовать без физического мира. Ничего не поделаешь, всем кушать хочется. И тут дуализм, — как лодку на рыбалке закорючила тему Аня.

— Лена, что служит для тебя толчком, триггером, спусковым механизмом и катализатором для включения вдохновения?

— Что угодно. Какая-то неожиданная, особенная встреча. Даже перемена погоды. — Лена улыбнулась. — Если меня вдохновила картина какого-то художника, это совсем не значит, что я тут же начну писать о ее достоинствах или вообще об искусстве. Я напишу о том, к чему на тот момент устремится моя непредсказуемая мысль.

«Не любит Лена — не в пример Инке — заниматься словоблудием. Выстраивает выверенные законченные фразы, после которых не о чем больше спрашивать», — мысленно похвалила ее Аня.

А Инна перенаправила разговор совсем уж в неожиданную плоскость:

— Рита как-то пожаловалась мне: «Подписала я одному молодому человеку, который умел организовывать молодежь на полезные общественные дела, свою книгу нестандартно, мол, вы из тех, кто способен вдохновить — что-то в этом духе, — так среди его знакомых пошли сплетни, будто я в него влюбилась. А он вдвое младше и вообще... Извращенцы! Причем здесь любовь? Вдохновить может даже чей-то грязный поступок или увядшая роза на пыльной дороге».

«Совсем некстати влезла. Инна своей приземленностью кого угодно сбросит с Олимпа», — рассердилась Жанна.

Последовала длительная пауза. О чем думали эти четверо?

— ...Ты утверждаешь, что Ритины воспоминания не содержат динамики, в них нет линии развития сюжета и нарастания напряжения, нет ощущения времени, все монотонно, отсутствует кульминация. Нет строгой структуры произведения. Тогда чем она заинтересовывает читателей: особым языком и умными мыслями? — обратилась Аня к Инне. — А мне кажется, динамика есть. Во всем произведении сюжетного движения почти не чувствуется, но в каждой главе оно присутствует и достаточно стремительное. Оно у нее внутреннее, а не внешнее. Я бы назвала его локальным, эмоциональным. У нее получаются эдакие маленькие живые сюжетные островки... И в них я тоже вижу ее особенность как писателя. Совсем необязательно насыщать свои рассказы изменяющимися во времени событиями. Одному автору важно рассказать захватывающую историю, «запечатлеть время», другому — показать глубину развития чувства или какой-то мысли.

— В каждом рассказе динамика и экспрессия обязаны присутствовать, — возразила Инна. — Любое произведение выстраивается по определенным законам. Должен быть хорошо сделанный текст с жестким каркасом сюжета, необходимы завязки, развязки, повороты, концовка. Говорят, если нет «точка» в конце романа — нет и произведения. От чего Рита отталкивается, на что опирается?

— Это в общепринятом, привычном смысле. Для романов. А у Риты воспоминания. Они же как поток сознания... К тому же они с подробным глубоким осмыслением. В произведении несколько основных линий развития отношений и судеб главных героев и много параллельных. Это живая, дышащая конструкция. Рита не цепляется за опыт других авторов, не залезает на чужую писательскую территорию, работает в своей, несколько иной манере. Может, она расширила рамки или изобрела вовсе что-то новое, — не согласилась Аня. — Почему от книги, в которой по твоему мнению якобы ничего не происходит, столь удивительно сильное впечатление? Значит, кипит в ней жизнь!

— Ну да, Рита такая одна — единственная, неповторимая... Любопытная стратегия... — не удовлетворилась объяснением Инна, но спорить не стала, не нашла весомых аргументов. А Аня осталась довольна. Ей показалось, что она сумела внушить Инне свое мнение, поэтому продолжила рассказ:

— Рита мне близка вдумчивостью. У нее другой, непривычный мир, и вроде бы натуралистичный, но в то же время не всем понятный. Изучая человеческую суть, Рита расшевеливает читателей и заставляет работать в их головах другие отделы подкорки. Ее книги нельзя читать на бегу. Надо глубоко погружаться в ее мысли, и с ними совершать путешествие внутрь себя.

Рита говорила мне: «Вдохновение — некая область, в которую я ухожу из обыкновенной жизни. Подступает волнение, предшествующее творческому всплеску, в голове что-то рождается не по правилам... Не описать блаженства, когда тороплюсь, боюсь не успеть записать мысли. Внутри все дрожит и вибрирует, я задыхаюсь, захлебываюсь чувствами и страшусь растерять это счастье. Я испытываю такой полет, такой отрыв от всего земного! Все вокруг исчезает: только я и мои строки... пока не иссякнет их лавина. Творческий процесс — это озарение. И все равно ни дня без строчки. Пишу я быстро, но редактирование — процесс трудный и долгий. Может быть, мужчины пишут иначе? Не знаю, я не спрашивала».

«Рита, Лена, и даже Алла пишут одинаково, только под влиянием вдохновения. И даже Лариса Васильева, автор «Кремлевских жен», о которой мне рассказывала Лариса из Липецка. А женщинам, авторам фантастики и детективов оно требуется?» — задала себе вопрос Инна.

— Чайковский говорил, что надо вставать и идти работать, а вдохновение придет, — сказала Жанна.

— И у Риты принцип: ни дня без строчки. Если не пишется, она строго и сухо редактирует свои тексты.

«И в этом они с Леной схожи», — для себя решила Инна.

— Понятно, без вдохновения и приличного борща не сварганить. Любое вдохновение из области чуда. Оно, как и любовь — великая гайна. Лена, а как у тебя насчет памяти и состояния приподнятости после плоть пожирающего пламени «химий»? —

наклонившись к самому лицу подруги, тихо спросила Инна.

— Память очень ухудшилась. Все, что знала до болезни — при мне, все лекции помню наизусть, а вот изучить что-то новое теперь требует огромного труда. Подумываю оставить работу. Но странное явление: когда приходит вдохновение — нет никаких препятствий для памяти. Она как бы временно улучшается. Строки летят легко и свободно, как в детстве. Только раньше у меня было состояние непрекращающегося эмоционального накала, а теперь оно редкий и будто мимолетный гость. Его уже не назовешь неиссякаемым, и оно не оставляет после себя иллюзии особого лучезарного света и просветления. И это не радует. Для меня в творчестве вдохновение первично, а рациональная мыслительная деятельность вторична. Теперь мои единственные источники вдохновения — природа и музыка, — сказала Лена. — Я стала носить с собой бумагу и ручку, чтобы не терять эти счастливые моменты.

— И каждый твой чистый лист бумаги потенциально может оказаться частью талантливого произведения! — пафосно, но шутливо произнесла Инна.

Но Лена отреагировала серьезно:

— Если бы в моей жизни не было ничего, кроме моих детей и моих книг для подростков, я бы все равно считала свою жизнь состоявшейся, а себя счастливой.

«Лена смертельно уставшая, но удивительно счастливая?» — подумала Инна, глядя в бесконечно дорогие черты любимой подруги.

— Когда Рита писала о детстве, в ее голове все время звучала тихая музыка. Рита не умела вынести ее из себя, но она сопровождала ее лучшие поэтические строки, задавала определенный настрой. Прекрасные печальные мысли приходили вместе с яркой или нежной мелодией и с нею же исчезали, — рассказала Аня. — Природа таланта мистическая. Может и правда, Рита чувствует глубже нас, простых смертных, и даже многое предчувствует?

— Кто-то когда-нибудь и этот феномен сумеет объяснить, — сказала Инна.

— В книгах Риты я ощущаю поразительное соответствие литературного дара и человечности. Второе доминирует в ее творчестве, что не часто случается, — продолжила восхищаться подругой Аня.

— И, тем не менее, Рита не избегает прямой назидательности. Ей надо изживать в себе этот недостаток, иначе общение с ее героями может стать тягостным, — заметила Инна.

— Есть назидательность? — насторожилась Жанна.

— Еще какая! — подтвердила Инна. — Нельзя прямолинейно учить нравственности, иначе получишь результат противоположный предполагаемому.

— Это не страшно. Не в человеческой природе сразу бежать исполнять чьи-то советы и рекомендации, — усмехнулась Лена. — Да и как обозначить мораль без нравоучительных слов? Недостаточно трактовать событие правильно, надо еще...

Аня не дослушала Лену и заторопилась преподнести свой взгляд, отличный от Инниного.

— С твоим тезисом можно соглашаться или не соглашаться, но у Риты даже назидательность звучит талантливо. Многим до нее ой как далеко, — заявила Аня, невольно попадая в интонацию Лены.

— Я выскажу свое определенное мнение: решающее слово за читателями, — сказала Инна.

— Разве не за критиками? — удивилась Аня.

— У нас сейчас нет неистовых Белинских, которые могли бы открывать новые таланты или разбивать их в пух и прах. Вернее сказать, зоркий глаз и чутье, может, у кого-то и остались, но нет приложения их способностям. От того-то и «поэт в России теперь не больше, чем поэт».

— Тогда за издателями?

— Их только прибыль интересует, — отвергла Инна предположение Ани.

— Значит, все-таки, за читателями. Я не присваиваю себе несвойственные функции, и все же скажу: Рита покоряет меня неуловимой аурой языка, точным осознанием болевых точек времени, четкой мотивацией и страстностью изложения проблем, — с воодушевлением произнесла Аня.

— И плачем по ушедшему времени. И мы успокаиваемся ее отсылками к любимому прошлому: «Как много всего хорошего было в нашей молодости!» — съязвила Инна.

— За этим, как ты считаешь, плачем, стоит огромное страдание, связанное с разрушением страны и идеалов, осознание новых, трудно воспринимаемых истин, непопадание в нужное русло. Рита не стремится разжалобить, но своей правдой вызывает сочувствие. В ее последних книгах серьезный, трагический фон не случаен. Он соответствует времени. Писатель должен смягчать нравы людей и, как Пушкин, пробуждать добрые чувства. И Рита этим занимается, — обосновала Аня свое мнение.

«Должен, должен... Перебивают друг друга, засыпают советами, будто предлагая их, хотя утвердятся в достоверности своих знаний. Страна советов... Любят судить обо всем на свете без серьезных на то причин. И откуда эта неутолимая жажда высказываться? Собственно... иначе как бы люди общались?» — вяло, внутри себя,отреагировала Лена. Выплескивать свои мнения вслух у нее не было ни сил, ни желания.

— Выдающийся писатель Катаев говорил, что главное — духовная красота, та самая, что спасет мир, и душевность героев, а желание улучшить свой стиль и красота слова — флоризм — на втором месте. Мне кажется, что раньше поэты с возрастом приходили к гениальной простоте, а сейчас наоборот — максимально усложняют свои тексты, считая это величайшим достоинством, — уверенно сказала Аня.

— Главное, важное! Одна знаменитая писательница две строчки уделила беде своего героя и на десяти страницах «выписывала» его квартиру и облака в день его гибели. И что из этого следует? — небрежно фыркнула Инна.

— Где мужчина, рассуждая с холодным носом, может обойтись двумя-тремя фразами, там женщина, бросившись в эмоции, развезет кисель на полкниги. Так? — предположила Жанна.

— Кто-то должен и эмоции выражать. Мы не деревянные, — возразила Аня.

— ...Разумеется, Рита занимается делом ей предназначенным! Но что она нам желает доказать, никто не знает, — снова пикирует Инна, вызывая на спор дремотно настроенных подруг.

— Мало кто понимает, что сильной стороной Ритиных книг для взрослых является сочувствие не отдельным личностям, а всему ходу жизни в целом. Без этого основополагающего фундамента ее книги — просто набор интересных историй. А если еще опустить философские рассуждения, лишить книги углубления в суть, что тогда остается? События и факты можно узнавать из газет. Вот поэтому, чтобы почувствовать вкус и запах эпохи, надо читать хорошую художественную литературу, — осталась принципиальной в своих рассуждениях Аня.

— Типа Ритиных? — Инна приподняла тонкие ниточки своих изящных бровей.

— И ее тоже. Ей удастся полностью завладеть вниманием читателей. Чем шире кругозор автора, тем меньше в его произведениях личного, автобиографичного. Это очень ценно. (Шуэтра, подхватила мнение Лены и выдает за свое?)

— Умело его маскирует, — усмехнулась Инна. — Да, вот еще что я заметила: в последней Ритиной книге главный герой, по сути дела, отсутствует. Он тонет в массе других. Это плохо. По мне так он должен быть один, а остальные ниже, проще, незаметнее. Может, я потерялась в ее образах и закопалась в их чувствах? И потом, ее персонажи совсем не героические. У них одни страдания и переживания.

— В мирное время достойно выносить трудности быта и есть героизм. Много ты видела в своем окружении современных мужчин, умеющих их преодолевать? Как только начинаются в семье проблемы, так и... замелькали их пятки. Отсюда пятьдесят процентов разводов, — завершила подруг Аня.

— А одна треть детей появляется на свет вне брака из-за того, что фильмы с телеэкранов внушают глупеньким девчонкам: рожайте и тут же найдете себе миллионера? Или эта цифра растет за счет женщин после тридцати, рожаящих детей «для себя»? — спросила ее Инна.

— А бывает и того интересней. Жена успешная, а муж в загоне, так он тоже из семьи уходит, из самолюбия, оставляя благоверной всю заботу о детях, — сказала Жанна. — Живет у нас во дворе один такой «несчастный». Когда трезвый — красивый, неглупый мужчина, а как напьется — фу, гадкий алкаш. Обижается, что я с ним без должного уважения разговариваю. «Разве вы сами себе таким нравитесь? — удивляюсь я. — Посмотрите на себя в зеркало. Кем вы стали? Не уважая себя, вы не можете ждать уважения от других». А он злится, матерится. Его сын не хочет признавать отца-пьяницу, от которого ничего кроме тумачков, не видел. И правильно. Отцы должны знать, что для любви к ним детей недостаточен только сам факт их отцовства, любовь надо заслужить, — сказала Жанна. (Она тоже одержима темой семьи и брака?)

— Опять мы отвлеклись на частности. У Риты четкие, колоритные типажи. А любимого героя каждый сам себе выберет по вкусу. Зачем навязывать? — увела Лена подруг от разговора по типу песенки «У попа была собака».

— Ха, Рита доказывает, что культурные люди могут жить рядом дружно и радостно. А сама строго, отрешенно и чуть свысока взирает на все происходящее, будто живет где-то сбоку, на отдельной планете или в параллельном мире, лишенном бытовой принадлежности, в пространстве, где ее любят, уважают и ценят, что весьма странно с позиции современности. Это никуда не годится. (Лене противоречит?) Надо же самой в жизнь с головой окунаться! Личные ощущения и впечатления — импульс к творчеству. Как же без них? В этом я улавливаю отголоски ее мечтательности и детдомовского идеализма.

— Инна, иди ты к лешему! — взбрыкнула Аня.

— Зовут — иди, посылают — беги, — весело огрызнулась Инна.

— Ни дать ни взять — клоунесса... Не все быстро и органично приживаются в новом мире. Некоторые не могут отречься от прошлого, пытаются приладиться, абстрагируясь от всего мерзкого, — заметила Аня, и, взглянув на своего неумного и надменного оппонента, подумала недовольно: «Монумент! Непрошибаемая».

«Куда делась Анина нелепая застенчивость?» — удивилась Жанна и предположила:

— Может, Ритина манера — взгляд со стороны, а ее творчество — одна из возможностей сохранить себя как личность.

— И развить, — дополнила ее мысль Аня.

— Избавившись от ада в себе, — продолжила свою мысль Жанна.

— Ух ты ка-ка-я!

«Инка думает, что в этом месте я должна засмеяться? Фигу ей», — безосновательно разозлилась Жанна.

— Меня удивляет и радует мощный внутренний потенциал, особая природа Ритиной выразительности, причудливая игра образами и фразами, странная сдержанность и плотная содержательность некоторых ее простых наблюдений. Странная, но не бредовая.

«Интересно, Аня понимает смысл ею сказанного или начиталась чужих рецензий?» — задала себе вопрос Жанна.

— История умалчивает о некоторых Ритиных особенностях...

— Инна, прошу тебя, «не включай заузного дурака», — тихо попросила Лена.

«Защитила Риту. Я очарована. Даже ее необщительность значительная, предполагающая симфонию переживаний. Молчит, а сама, между прочим, всё подмечает! Может даже обстоятельно обдумывает набросок будущего рассказа и нас туда включает», — по-детски порадовалась Аня.

— Отвечать любезностью на любезность? Искать причины людских бед, самой не окунувшись в среду, в обстоятельства? — упорствует Инна. — Ей чужие несчастья интересны? Дети любят веселые книжки и страшные, но обязательно с хорошим концом. Страшное, если оно не скомпенсировано, действует молниеносно. Оно убивает. И взрослые, в большинстве своем, мечтают об удачных судьбах полюбившихся героев, потому что им самим хочется быть счастливыми.

— Несчастья больно задевают. Но о них все равно надо писать, чтобы меньше было в семьях горя. Что еще излишне экстравагантного числится за Ритой с твоей точки зрения? Вспомнила, что Рита в угловато-ломанной манере изобразила судьбу сумасшедшей? Даже я читала этот рассказ... А как иначе?.. Видно твои собственные жизненные наблюдения не так уж просты и позитивны, — острым жалом крючка издевки подцепила Инну Жанна. — Тебе документальная проза интересней? Сухие строки не так тревожат?

Аня не поняла ее намека.

«У Жанны с Инной одна фраза логично не вытекает из другой. Разной в беседе потому, что каждая как бы отвечает на мысли, возникающие в ней согласно собственному восприятию темы. К тому же Инна все время противоречит и нам и себе», — объяснила себе свое недопонимание Аня.

— Документальные? Не люблю в прессе грубые, малохудожественные, провокационные статьи. (Кто бы мог подумать?) Ладно, больше не буду критиковать, надоело. Сойдемся на том, что я уже высказала, — насмешливым тоном успокоила Жанну Инна и бросила короткий взгляд на Лену. — И все же Ритина последняя книга особняком стоит в ряду остальных.

— Она не изменяет своему имиджу, — опять, закипая, возразила Аня.

— Ты таки прочитала ее или на чье-то мнение опираешься?

— Не только тебе надо быть на высоте. Я долго в нее вчитывалась. В каждой Ритиной фразе бездна пространства для собственного осмысления. Отчасти это область и моих интересов. И хотя многие люди по жизни Риту не особенно радуют, она любит их и жалеет. Они дороги ей до слез, до боли в сердце. Это чувствуется во всех ее рассказах.

— Ха! Звучит убедительно! Не возвеличивай Риту. Кому нужны твои панегирики? Так ты в ней до глубин типа Достоевского доберешься и вовсе потеряешь чувство меры, доведя свои высказывания до абсурда, многопонимающая ты наша! По мне так это мутноватая история. А может, на самом деле Достоевский стоит за Ритиной спиной и мешает ей писать по-своему? — рассмеялась Инна. — Ее излишний психологизм не давит тебе на мозги? Он прорывается в самую глубину, в толщу подсознания? Будь моя воля, я бы пустила его в распыл.

— Достоевского я люблю за то, что он говорит о том, во что я не вникала и мало чего понимала. Но язык его для меня тяжеловат, — призналась Аня.

— Может, все-таки потому, что темы затрагивает неподъемные? — предположила Жанна.

«Инна оттачивает мастерство и делится своими знаниями, чтобы они в ней не закисло или опять просто «разводит» девчонок? Все-таки она прирожденная актриса! И даже когда говорит полнейшую чушь, на нее приятно смотреть. Театр в ее лице потерял великого трагика. А может, комика. Такого, что многие из современных лицедеев за ней чемоданы носили бы. И закрывать ей рот, значит, хотеть невозможного. За талант можно многое простить. Ей бы королев играть». — Лена еле заметно улыбнулась своим мыслям.

— Не слишком вразумила. Ты уверена в своем выводе? Не для красного словца сказала, не затем лишь, чтобы только подискутировать? Сознаться, это существенно разъяснит ситуацию и облегчит наш диалог, — всерьез восприняла слова Жанны Аня.

— Ты лучше объясни мне, откуда в Рите этот, казалось бы, неоправданный оптимизм с ее-то грустной биографией? — попросила Жанна.

— Все очень просто. Сама она обручена с печалью, поэтому не хочет, чтобы читатели, закрыв ее книгу, уносили с собой в душе только горечь, — объяснила Аня. — К тому же она живет с пониманием, что самое прекрасное — оно здесь и сейчас. А то ведь есть люди, которым в хорошую погоду солнце жить мешает, в плохую — дождь. Ничем им не угодишь.

— Обручена и обречена, — неодобрительно фыркнула Инна. — Александр Грин писал «Алые паруса» голодным. Тощие крысы бегали по его комнате. Его чувства явно не совпадали с тем, что он видел вокруг себя и что, витало в смрадном воздухе его квартиры.

— То были его мечты. Тогда он был молод и взирал на мир глазами счастливого человека. Он любил жизнь и надеялся, что она ответит ему взаимностью.

— Сытому и богатому не о чем мечтать, — подметила Жанна.

— Счастье всю жизнь гналось за Ритой... и догнало ее только в книгах, — грустно пошутила Инна. — Судьба хоть в этом ей пока благоволит.

— Грин в зрелом возрасте писал совсем иначе, чем в юности, — с сомнением в голосе подсказала Жанна.

— Самые отъявленные циники — это жестоко разочаровавшиеся бывшие удивительно светлые романтики, — высказала свое мнение Инна. — И мы в юности, растворяясь в культурном пространстве привлекательной фантастики, некоторое время не способны были жить в реальном мире. Воевали, бузили... кому на сколько сил хватало.

— И Риту ждет судьба Грина? — испугалась Аня.

— Она женщина и уже не молодая.

«Вот и понимай эту Инку как хочешь». — Аню вдруг охватило непонятное волнение. Она заметалась, не желая поддерживать разговор, и попыталась разобраться в себе, в своей якобы неадекватности.

10

— Почему слава обрушилась на Риту? Попала под раздачу? — Это Жанна захотела возобновить беседу. Она слишком мало знала о жизни подруг.

Но тема не получила развития.

«Опять вскочила. Ох, эта ее странная противная манера во время разговора долбить своим «комиссарским» пальцем грудь ближайшего из слушателей! Уже раз десять за сегодняшний вечер ее замечаю. Может, она еще и пуговицы откручивает у собеседников, если таковые имеются в наличии? Почему я любые слова Жанны воспринимаю в штыки? Для меня они все равно, что красная тряпка для быка. — Инна сделала мысленную паузу. — Как автомат Калашникова в руках неврастеника... Хочется выхватить и расстрелять... Он бьет избирательно, целенаправленно... Хорошо, что не бомбу. Нервы? Я ей завидую? Особо нечему. Что меня в ней так бесит? У нас с нею психологическая несовместимость?».

— ...Читатель прочно сидит у Риты на крючке?

— Меня поражает парадоксальность применения тобой избитых и пошлых фраз, —

рассердилась на Инну Аня.

— Разве они у меня в новом контексте не приобретают другую окраску и неожиданное звучание? — изобразив наивную мину, спросила Инна.

Жанна приподнялась было, чтобы ответить, но, отвыкшая от Инниной манеры общения, сразу не нашлась, что сказать, разозлилась на себя и раздраженно отвернулась, будто отказ видеть мог отменить факт присутствия.

— Патронташ опустел? — восторжествовала Инна.

— Умеешь ты создавать «прекрасное» настроение, — наконец выдавила из себя Жанна.

Аня попыталась в этой неловкой ситуации прийти Жанне на помощь, вернувшись к обсуждению Ритино творчества:

— Признание приходит к тому, кто ломает привычные представления, каноны, кто вносит хоть крупинку чего-то нового.

— А мне кажется, всё теперь упирается в деньги, — деланно развязным тоном заявила Инна.

— Вредничаешь. Срываешь на нас какую-то свою досаду? (По себе меряет?) — взяв себя в руки, с оттенком надменного сострадания спросила Жанна. — Только на твоём месте я бы...

— Ты на своём попробуй.

Лена смотрела на спорщиков то с выражением сдержанного любопытства, то с усталым скорбным спокойствием. Она неосознанно изучала их поведение и выстраивала в голове ту психологическую картину, которая при этом «вытанцовывалась». В любой ситуации она оставалась исследователем.

— Настоящий художник за славу платит жизнью. Цена славы — шагреневая кожа... — снова заторопилась поделиться своими знаниями Аня, пытаясь сгладить ситуацию. — Когда ты один на один с обществом, а надо выдержать, устоять... (А фразы-то и правда шаблонные, затертые.)

— Ты не знаешь, Рита ресурс местных наград уже исчерпала? — вклинила вопрос Инна, желая оборвать нарастание Аниного словоизвержения. (Друг друга гасят — это хорошо.)

— Да. Но Рита считает, что к славе и премиям нельзя слишком серьезно относиться, они всего лишь ярлыки, — ответила Аня.

— Нет, диплом — это документ о том, что писатель что-то значит в литературе. Это признание таланта, — не согласилась Инна.

— Еще Рита говорит, что ни Толстой, ни Чехов не были лауреатами премий, — сказала Аня. — Она утверждает, что молодым премии открывают дорогу, чтобы у них было время подтвердить их следующими достойными произведениями, а ей этого уже не надо.

— А я слышала, что старики обижаются, мол, конкурсы, гранты и издательства теперь только для молодых, перспективных, а их, сохраняющих дух и традиции русской классики, не замечают, они не востребованы, им не помогают, — сказала Жанна.

— В античные времена тоже были конкурсы и награды. Состязательность во все века требовалась творческим людям, как канифоль смычку. Без премий жизнь скучна. Какие страсти разгораются вокруг них! Даже воздух накаляется! Какой возникает спортивный азарт, особенно когда мнение читателей не совпадает с решением жюри! Какое испытание для нервной системы! Это же бои без правил, они так намагничивают наше сознание! — восторженно заявила Инна.

— Есть такая опасность, — усмехнулась Лена. — Иногда такие неожиданные выводы можно услышать о произведении, что невольно хватаешься за голову.

— Когда это кого останавливало! Прут как линкоры, как ледоколы. Если захотят найти

хоть какой-то недостаток — всегда найдут.

— Выявлять таланты и давать премии — не самое простое и веселое занятие. Кому-то нравится поп, а кому-то его дочка. Все субъективно. Надо уметь у молодых авторов разглядеть ростки чего-то необычного, не пропустить появления новых тенденций и приемов в литературе. Передний край существовал всегда. Основная задача комиссии по премиям — открывать и продвигать новые имена.

— Получается, эксперты договариваются? — удивилась Аня.

— Лишь отчасти. Слишком много пунктов приходится согласовывать. И там есть свои ловушки. Я членам жюри не завидую. Но художественное качество произведений все равно всегда стоит на первом месте.

— Премия — маяк для читателей: это надо читать!

— Успех, конечно, греет, окрыляет, но главное, чтобы работа над произведением приносила удовольствие и удовлетворение, чтобы испытывать радость от того, что удалось то, что хотела донести, — сказала Лена.

— Понимаю. Я удовольствие от сельской работы никогда не испытывала, только удовлетворение от хорошо выполненного дела, — сравнила несравнимое Аня. — Рита говорила, что эти премии ей сто лет без надобности, они ей хоть и не будь. Это излишества самоутверждения. «Хочется мне наград? В принципе да. Умру я без них? Нет. Вот и делай вывод. Заботит, но без фанатизма. К тому же внешний успех имеет неприятную оборотную сторону — лютую зависть «незаслуженно обиженных», тех, кому не подфартило. Для меня писательство, как медитация, как религия».

— Может в этих ее словах есть элемент игры и кокетства? «Даже Богу нужны колокола». А сама, небось, была бы не против попасть в шорт-лист «Русского Буккера» или «Большой книги», чтобы ее имя не затерялось в истории. Ха! А может сразу в Нобелевские лауреаты? — рассмеялась Инна.

— Я думаю, в своих мечтах, она высоко, в смысле премий, не поднималась.

— Ну и зря. Я хочу всем премий много и разных! Да здравствуют праздники! Пусть их будет больше в жизни каждого из нас! — воскликнула Инна. — Между прочим, для меня Буккер важнее Нобелевской, потому что эта награда профессиональная, без примеси политики. Но многие современные амбициозные писатели именно на нее нападают. А мне душу человека подавай! Она мне важна.

— Нобелевская — самая известная, авторитетная и значимая в мире, — не согласилась с Инной Жанна.

— Ты удивительно несговорчивая. Рита недостойна серьезной премии? Премия недостойна ее?

— Не ёрничай, — взвилась Аня. — Рита знает меру своего таланта и никогда не изменяет ему. И пусть «...не кончается (ее) строка».

— А я думала, добиться премии — способ подняться, когда тебя забыли читатели, — опять вставила свое язвительное замечание Инна.

— К успеху обязан стремиться каждый хоть в чем-то одаренный человек. И свою жизнь он должен воспринимать, как возможность удачно себя реализовать. Труд и честолюбие должны быть основой жизни большинства мужчин, — как на школьной политинформации провозгласила Жанна все лозунги кряду.

— Но когда человек видит, что премии получают менее достойные, он начинает задумываться, чувствовать невыгодность своей скромной позиции. «Получается, что на слуху имена тех, кто по блату красивыми бумажками «обклеился», — считает он. Как-то в «Литературной газете» назвали одного писателя детским, а он всего-то один рассказ написал для малышей и «протолкнул» его в журнал. Видно заранее себе место на пьедестале «забивал», — продолжила нападать Инна. — А потом за десять лет — ни строчки.

— Может, он не почувствовал в этом потребность и необходимость, — искренне предположила Аня. — Хватит вздыхать о чужих премиях и успехах. Пыхтим как примитивные обыватели. А какова подоплека такого поведения? А? То-то... Серьезное испытание? Какие-то шестеренки у нас в мозгах соскочили с осей и сбились с орбит, нанося урон интеллекту.

— Я читала, что мысль — производная от сознания. И язык тоже продукт сознания. А на каком языке говорит искусственный интеллект? Ах да, на математическом. А вы знаете, доказано, что от творческой работы мозг меньше устает, чем от нудной и вынужденной. А под воздействием техносферы структура мозга человека сильно меняется. Правда, Лена? Или ты и тут отмолчишься? Тогда пошагово расскажи о своем творческом пути. Не сачкуй.

— Я сначала отметилась в местных газетах, потом отправила свои рассказы в разные Московские издания, чтобы убедиться, что они чего-то стоят. А как же иначе получить подтверждение своим способностям и возможностям? Приняли, напечатали, — ответила Лена на вопрос Жанны.

— Скромница. Не возгордилась, — тут же среагировала Инна.

— И к Рите далеко не сразу пришла мудрость. Она, скажем так, долго искала себя, пока издала первую книгу, — сказала Аня.

— «Слово» особое надо знать, — пошутила Инна.

— Рита не жалеет, что не относится к растиражированным авторам? К тем, которые как по лекалу пишут, — опять встряла Жанна.

— Это ты у нее спроси, — покривила губы Инна.

— Как же ей все-таки удалось пробиться? Ведь общеизвестно, чтобы тебя заметили в России надо сначала получить признание на Западе. Или умереть.

— Ну и шуточки у тебя, Жанна! Меня бесят люди, которым кажется, что признание Запада выше признания своего народа. Они социально нездоровые или незрелые, — возмутилась Аня.

«Бессмысленная, трескучая, бестолковая болтовня», — поежилась Лена.

— Раздражает меня преклонение и излишнее почтение к иностранцам. В рот им заглядываем, принижаем себя в их глазах. Даже на российских конкурсах ждем новых ванклибернов и вудиаленов. Как-то — уже давно — слышала я по телеку выступление одного француза-пианиста. Козел-козлом, а наша публика ему аплодировала. Я решила, издеваются. Ан, нет... И что он о нас подумал? Что мы дураки? У себя на родине он, видать, давно в тираж вышел или вообще не значился в талантливых. Мы за границу самых лучших артистов посылаем, а они к нам списанных стариканов. Обидно за тех, подобострастных. Забыли, что «у советских собственная гордость!» — сердито сказала Аня.

— Не бухти. Раньше так было, теперь все иначе. Разве ты не заметила? А хлопали потому, что не могли тактичные, воспитанные люди обидеть гостя, — объяснила Жанна.

— Ритина слава... только в областном масштабе, — с легкой паскудинкой в лице тихо сказала Инна. — Не прорвалась она пока что ни в Москву, ни на мировую арену. Оно, конечно, понятно: раньше выход за кордон, хотя бы в многоликую Европу, был не самым простым делом. Но Москва могла бы пасть к ее ногам.

— Не зарывайся. В Москве Риту знают и премиями не обходят. Ведь каждая ее книга по-своему уникальна. А за границу, с нашими-то зарплатами и пенсиями... — обидчиво возразила Аня.

— Трудно женщинам имеющим семью быть писателями. Особенно, если мужья не олигархи или их вовсе нет, — вздохнула Жанна.

— Мужчинам, конечно, много проще, их быт не засасывает. Им жены всё на блюдечке с голубой каемочкой преподносят. А тут каждый день три-четыре часа кухне как отдай. И прочее, и прочее... Иногда некоторые прорываются через семейную скуку, через подавление кем-то. Но случается, что душевные силы оставляют... Знаменитый пианист Николай Луганский сочувствовал женщинам, восхищался ими. Говорил, мол, женщины так загружены бытом, что просто паразитально, что они еще способны чего-то добиваться вне семьи.

И по России мужчины разъезжают, и за границу — предел мечтаний — могут позволить себе податься, рекламируя свои книги. А женщину муж не отпустит. Как же он без няни обойдется! И дети за ней хвостом, и внуки. Она как лодка на приколе. Одна знакомая поэтесса мне жаловалась: «У меня вдохновение, а муж не дает писать, чувство вины культивирует, мол, дела стоят, а ты тут со своими рифмами... И я тону в обидах. Так ведь можно и себя и его возненавидеть! Он еще только начинает звенеть ключами, отмыкая дверь, а всё мое тело от головы до кончиков пальцев рук и ног уже пронизывают сотни нервных молний».

А другая поэтесса грустила: «Мне бы посетить нетронутые прогрессом места Сибири, откуда родом моя мама. Такая жажда впечатлений! Они могли бы перерасти в достойные сюжеты, в прелестные строки!.. А я как за высокой стеной, по верху которой спиралью «бежит» современная колючая проволока с током, состоящая из... должна, должна, должна. Выматывает эта естественная семейная преграда. Убивает. Но ведь родные, кто им, кроме меня, поможет? Есть вещи, в которых только женщина может проявить себя наиболее полно. Мужчине их нельзя передоверять. Это для детей может плохо кончиться», — поделилась печальными познаниями Аня. — Кто-то из моих друзей сказал: «Для вдохновения надо находить такие места, куда не добирается быт».

— Стало быть, кранты их поэзии, — прокомментировала ситуацию Инна. — И тут женщины поражены в правах. Качнется ли когда-нибудь маятник гендерного дисбаланса в женскую сторону?

— Ну, если учесть, что успехи женщин часто зависят от «качества» характеров их мужей... — вздохнула Аня, — то высокой поэзии нам не дожидаться.

— У женщин профессия и творчество заполняют все пустоты, образующиеся в результате неудачной личной жизни, — сочувственно усмехнулась Инна. — Больших успехов добиваются не имеющие семьи. У мужчин все наоборот. Как правило, жены стараются делать все, чтобы мужья достигли своего максимума, даже в ущерб своим амбициям.

«Смакуют, смакуют... Кое в чем они, конечно, правы... Прощаю их только потому, что бессонница тому виной. Боже, мой! Как раскалывается голова!», — устало забухтела про себя Лена. И тут же другая, глубоко запрятанная незваная мысль пронизала ее: «И мне когда-то хотелось проехать по большим городам Сибири, по ее селам пешком пройти!.. Поздно».

— Лена, то, что вы с Ритой не имеете филологического образования, сказывается на качестве ваших произведений? Ну, там отсутствие специальных знаний: что есть зачин, интригующая завязка, мощная увлекательная кульминация — точка, в которой сходятся все сюжетные линии, неожиданная развязка, бурный финал. А еще композиция, стилистика, динамика, моторика текста. Или допустим, неумение развивать собственное своеобразие, — поинтересовалась Аня. — Помню, Рита шутила, что училась писать вприглядку и вприкуску. А издержки воспитания чувствуются? Не в Переделкино росли. (Она проспала начало разговора?)

Лена на этот раз отреагировала неожиданно основательно:

— Я остро чувствую недостаток знаний. Первое время это меня очень беспокоило. Но редактор сказал: «Очень хорошо, что ваша голова не забита стереотипами и шаблонами. Я вправе ожидать от вас свежие мысли и их оригинальное выражение. Вы никому не подражаете, пишете по-своему. И это самое главное. А поднатюреть в некоторых азах можно и в процессе редактирования». Но я твердо знаю, что литературный институт мне бы не помешал.

— Трудно служить одновременно двум музам? Наука — это мозги, литература — эмоции. Сложно объединять в себе рациональное и иррациональное? Получается, что у тебя несколько лет подряд на полную катушку работали оба полушария мозга. Одно накапливало гуманитарную информацию, другое передавало студентам естественные знания.

Ты осталась в профессии. Но это же сумасшедший график жизни! А Рита из двух призваний выбрала главное — писательство. Она, когда полностью погрузилась в написание книг, шутливо мне жаловалась, что с трудом решает задачки для внука, что у нее совсем атрофировалась часть мозга, отвечающая за научное мышление. Может, у нее переключаться не получалось? А ты, Лена, уникам, — восхитилась Аня.

Но Жанна другую точку зрения преподнесла:

— Я как-то услышала по радио мнение одного известного физиолога на эту тему. Так он утверждал, что физики — не математики. У физиков активно работает то же полушарие, что и у поэтов, и мышление у них не вербальное, а образное, поэтому среди технарей много людей искусства. И те, и другие пытаются создать модель мира. У тех и у других прекрасное воображение.

Физик Вавилов писал стихи. Я читала, что выражение лица, когда он создавал стихи и формулы, у него было одинаково вдохновенное. Поэзия — это тоже познание. Поэзия — это кратчайший путь донесения мысли до человека. Она не только рифмует слова, но и не допускает зла и жестокости. Ее словообразующая функция...

Инна перебила Жанну:

— Гениальный Ландау прекрасно знал поэзию. Вся его жизнь была ею пронизана. Понимал, что развитие науки без красоты и высокой нравственности обрушит цивилизацию. Он говорил что-то вроде того: «Физик, не воспринимающий красоту — плохой физик». Оно и понятно. Мир создан удивительно гармоничным и прекрасным! Как можно его изучать, не любя и не восхищаясь им? Ландау в равной степени реагировал на красивое доказательство теоремы и на изящество прекрасно выполненной великим ваятелем скульптуры... и на красивых женщин.

— А я в этой связи Александру Васильевну Очирову вспомнила. Поэт, доктор философских наук, политик! Вот кого надо читать старшекласникам и большим начальникам, — сказала Аня. — До революции в России поэзия в лицах была отдельным предметом. Она занималась воспитанием чувств. Теперь же, в контексте современного общества, поэзия окончательно потеряла свою ценность. А для нормального развития общества, как известно, общий императив образования должен быть гуманитарным. Многим ученым, чтобы творить, нужен гуманитарный фон. Он обогащает и вдохновляет.

— Вы знаете, на планете существует некоторый процент людей, которые до сих пор считают, что солнце вращается вокруг земли. Не верится, но есть исследования, статистика, — прошептала Жанна с таким видом, будто сообщала подругам великую тайну. — Я этого не понимаю. Есть вещи, которые каждый должен знать обязательно и точно.

Лена, тебе не трудно сидеть одновременно на двух стульях? — спросила Жанна.

— Напротив. Работа и хобби — это же прекрасно! Есть бальзам и есть разрядка. Замечу, таких как я «гуманитариев» среди нас — каждый второй. Помнишь Эда? Нашел себя в поэзии. Это его лекарство от усталости и внутренней опустошенности. Сумел-таки укротить и использовать, казалось бы, неисправимо-поэтический беспорядок своих мыслей.

— Он о любви пишет? — поинтересовалась Аня.

— И о ней тоже. Еще он любит всё карикатурное, гротескное...

— А говорят, что мужской поэзии о любви сейчас не встретишь. Всюду женщины. Это раньше мужчины посвящали, воспевали... Эд — это такой страшненький, маленький, головастый толстяк с тонкими ручками? Я того изобличила? — осторожно уточнила

Жанна.

— Голова у него и правда большая. Но это достоинство. Лучше, что ли, если маленькая?
— защитила поэта Аня.

— Генетика Эда в плане внешности малость подкачала. Невзрачный фасад противоречит его внутреннему содержанию, — сказала Лена, — Но это неважно. После нескольких минут общения его внешних недостатков уже не замечаешь, они компенсируются талантом и обаянием. К тому же у него грустные-прегрустные и добрые-предобрые глаза. И стихи он пишет совершенно удивительные! Правда, когда крепко «подзаправится», чтобы расслабиться, потому что не может сочинять в состоянии нервного транса. Алкоголь, по его «неправильному» мнению, позволяет ему глубоко погружаться в себя. Стихи Эда дышат жизнью! Неизгладимое впечатление оставляют. Всё в его жизни вопреки... Его талант на русской почве, из истинно русских корней произрастает. Он родом из Мурманска. И что примечательно...

— А ты, друг мой сердешный, от каких корней росточек? — игриво перебила Лену Жанна.

Но ответила ей Инна:

— У меня родословная на лице отображена, а у Ленки темное детдомовское прошлое и национальность под вопросом. Помнится, она не хотела ничего общего иметь с отцом... да и с матерью... у нее там не все гладко.

— А в тебе так идеальная породистая чистокровность. Моя национальность — советский, а теперь российский человек, — осадил подругу Лена. — Не люблю, когда нагло, без согласия «больного» проводят анализ крови. По делам суди о человеке. Эта твоя процедура смахивает на...

Лена не закончила фразу, но Инна ее поняла, ускользнула от жесткого наказания взглядом, но не образумилась:

— Прозвучала мысль о новом типе человека? Во мне, конечно, тоже далеко не «чистая» кровь, но уж точно не совковая. А у тебя какой компот в крови? Прибалтийская какую пересиливает? Помнишь анекдот: «Еврейка плюс армянин — получается истинно русский человек!» Усомнилась? — прицепилась Инна теперь уже к Ане.

— «Обалдуй ты Ивановна», — детской фразой спокойно откликнулась та. А сама подумала недовольно: «Если ты подробно знаешь чьи-то биографии, это не дает тебе право вмешиваться в их личную жизнь и дергать за нервы».

В Ане говорили прошлые, глубокие детдомовские комплексы.

И Лену покорило беспардонное прилюдное копание Инны в ее родословной, и она намеренно продолжила рассказывать о поэте:

— Эдик, будучи трезвым, стесняется высвечивать эту милую сторону своей личной жизни. Не читает своих стихов вслух, не мучает свое семейство и друзей своими шедеврами, не показывает рукописи специалистам, хотя я не раз выражала ему свое восхищение и недовольство: «Не скрывай то, «чем ты можешь прославить Творца!» Так и не уговорила.

— Боится примелькаться? — ехидно спросила Инна.

— Не суди о нем свысока. Он хороший поэт, но слишком скромный. Смеется: «Оставлю потомкам, то бишь внукам. Пусть помнят меня».

— Это экзальтированный Герка намеков не понимает, сам ко всем суется со своим примитивом. Я слышала, Эд Иннокентия Анненского — того, который из времен Блока — очень любит. Говорит о нем: «Там, где прозаик, чтобы выразить какую-то мысль, требуется несколько страниц, хороший поэт укладывает ее в одну строку». По типу того: чтобы на сцене или в кино изобразить, что два человека любят друг друга, не обязательно много говорить, достаточно показать в прихожей две пары небрежно оставленной обуви, — сказала Инна.

— Творчество Анненкова сказалось не только на стихах Эда, — заметила Аня. — Он многим расчистил почву от лишнего, наносного. (Аня держит связь с Эдом?)

— Ах, этот... вышеупомянутый безумно талантливый Эд! — полушепотом «вскричала» Инна, протирая глаза, словно только что проснулась. — Ату его! Ату!

Женщины натянуто рассмеялись. Инна гордо распрямилась, не давая разъяснения своим эмоциям. Мол, всяк по-своему пусть расценивает и изощряется.

Аня, придвинувшись поближе к Лене, сказала:

— А я в твоей детской прозе чувствую музыку твоих прежних стихов». Лена молча кивнула. И вдруг очень тихо прошептала:

— Недавно ночью по телевизору роман «Вера» обсуждался. Молодой современный писатель Снегирев «Буккера» за нее получил. Представляешь, автор тоже считает, что герой нашего времени — женщина. Я впервые слышала, чтобы мужчина с таким пониманием и глубоким сочувствием говорил о проблемах женщин и так категорично об инфантилизме современных мужчин. Автор подробно остановился на причинах этого, казалось бы, абсурдного явления. Я слушала и мне казалась, что он читал написанные пятнадцать лет назад черновики моей, так и не вышедшей из-за болезни книги. Он говорил моими фразами! Я была приятно потрясена. Получается, мои «изыскания» в этой области что-нибудь да значили! Вернусь домой и обязательно попрошу в библиотеке эту его книгу.

Инна, уловив мысль Лены, ревниво пробурчала:

— Мужчина получил?! Тебе бы все равно не дали эту премию. И ты знаешь, почему.

— Я рада за него. Мне важно, что Снегирева будут читать мужчины и, может быть, многие из них задумаются не только о своей глобальной миссии на земле, но и о роли в семье.

— А прочитать роман, написанный женщиной им слабо или ниже их достоинства?! — сердито фыркнула Инна.

*

Почувствовав, что неприятно задела подругу, Инна предприняла попытку возобновить разговор.

— Лена, а серьезная болезнь автора может повлиять на качество его книг?

— Накладывает отпечаток. Произведения становятся глубже, трагичнее. Писатель передает свои мысли яснее, четче, без излишеств. Предчувствие смерти очень концентрирует ум. Это одна из причин краткости изложения. Автор торопится успеть осуществить задуманное. В его книгах больше философии, строгих размышлений и четких выводов. В них то пугающая прямота, то жуткая безнадежность. Как-то так, — ответила та.

— А в живописи возникает что-то типа «черного квадрата» Малевича. Да? Его черный цвет — просто космос! Понимал ли он, что за черным квадратом последует красный, а за ним белый? — спросила Инна.

Ей ответила Аня:

— Ты о психике? Для меня «черный квадрат» Малевича не обращен ни к чувствам, ни к разуму. Это просто черное внутри белого. Все люди трактуют его как хотят. Может, этим он и интересен.

— Я бы черный круг нарисовала. Черная дыра — символ вечности и бесконечности. Она, по-моему, философски глубже квадрата. Мне не выпал случай удостовериться в обратном, — сказала Инна.

— Не знаю. Я о Чехове говорила. Он не понаслышке знал, что такое тяжелый недуг, — недовольно пробормотала Лена. — Беспросветность в его прозе отчасти из-за его

болезни. Ты могла бы представить себе человека, пишущего веселые рассказы накануне своего неминуемого скорого ухода из жизни или хотя бы в предчувствии его? У него были не трескучие фразы, а выстраданные строки, написанные кровью человека, который никогда не шел против своих убеждений.

— Это как движение по темному туннелю в понимании того, что ты в преддверии... Он писательством лечил разверстые раны своей души?

— И тела. Когда болезнь неумолимо ведет человека к острой грани смерти, его жизненные ценности будто кристаллизуются. Он начинает понимать, как жадно любит жизнь, как до боли страстно хочет жить... Мне мало того, что моя жизнь продлится во внуках. Я, когда выжила, четко осознала, что должна писать, во что бы то ни стало писать! До последней минуты своей жизни, — прошептала Лена на ухо подруге.

— Чехов, наверное, тоже...

— Не такая жена ему была нужна? — остановила Инну своим вопросом Аня.

— Ну, тут уж...

— Может, им не любовь, не практический подход руководил, а тщеславие? Знаменитая актриса! — предположила Жанна.

— О, мать моя — женщина! Ты давно с головой не дружишь? Еще на кофейной гуще погадай, — резко отреагировала Инна.

Удивительно, но Жанна на грубость не обиделась. «Перескакивают с пятого на десятое. Не уследить за движением их мыслей. Никакой логики в разговоре. Причем тут черный квадрат?» — попыталась она вникнуть в суть беседы подруг.

Лена с трудом встала и направилась к двери со словами: «Я на минутку покину вас».

— Почапала облегчиться? Отлить или влить?

Лена ответила подруге замороженной усмешкой.

— Мой горячий привет толчку, — сказала Инна и разразилась беззаботным смехом счастливого человека.

Аня только плечами недоуменно пожала, мол, ничего тут не поделаешь: непредсказуемая особа со сдвигом по фазе.

Инна встретила Лену привычно-шутливо:

— Твое отсутствие уже начало сказываться... Чайник поставила? Пойду посмотрю «не горит ли степь».

Лена легла и прислушалась. Аня жарким шепотом доказывала Жанне:

— ...Карьера инженера Риту уже не прельщала.

Ей было ее не достаточно. А потом пришло время выбирать из двух профессий, решать, что делать со своей жизнью, задаваясь вопросом: «Готова ли я этим заниматься всю жизнь, и буду ли я при этом счастлива?»

— Это ты к вопросу о деньгах или еще о чем-то? Чтобы стать знаменитой в физике, ей таланта и запала не хватило, а никому неизвестной она не хотела оставаться, — беззастенчиво проехалась на счет Риты Жанна. — А теперь она завалена премиями.

— Значит, сделала правильный выбор. Кажется, Гюго сказал, что популярность — слава, разменянная на пятаки.

— На медяки, — уточнила Лена, вслушавшись в тихий разговор теперь уже Ани с Инной.

— Рита с тщательностью ювелира работает над словом, терпенья ей не занимать. И свою

творческую фантазию не ограничивает, дает полную свободу воображению. Прекрасно на контрастах сравнивает различные времена, чтобы почувствовать аромат обеих эпох, — сказала Аня.

— Тургенев говорил, что талант — это подробности, — заверила Инна.

— Простой читатель не знает тонкостей мастерства писателя или поэта. Он чувствует: это хорошо или не очень, это правда или ложь. Ему важно узнавать в произведении себя.

— У всякого своя правда. Она бывает горькой, беспощадно-язвительной и лживой. И они далеко не одинаковые, — сказала Инна и ее губы при этом иронически покривились.

— Белинский утверждал, что истина не требует помощи у лжи, — напомнила Аня.

— Он много чего писал...

«Отбивает желание беседовать», — подумала Аня.

— ...Мой любимый Лермонтов тоже не мягко стелил. Его выделяло глубокое осознанное понимание служения народу. А теперь понятие Родины несколько девальвировано даже в среде известных поэтов. Не тот накал, не та мощь чувств. Не превзойден нравственный пафос и болевой порог строк Лермонтова! Его талант — навсегда! — сказала Инна уверенно.

— Лермонтов растворен в стихах современных поэтов. Они пропитаны его духом, — заверила Аня.

— Правду трудно соблюсти. Когда англичане не хотят прямо сказать, что «вы врете», они говорят: «вы слишком экономите правду», — не замедлила вернуться к затронутой ранее теме Инна, чтобы блеснуть эрудицией.

— Всей правды никто не знает из-за отсутствия полной информации. Ее знает только Бог. К тому же многое зависит от того, какую часть правды стоит выпячивать и абсолютизировать, а о чем лучше промолчать. (Никто кроме Жанны не мог так сказать.)

— Нельзя правду абсолютизировать. Иначе она может нанести ущерб или даже убить. Возьми, например, современные СМИ. А кому охота присутствовать на собственных творческих похоронах? — рассмеялась Инна.

— Когда в поисках правды мне не хватает сил, я обращаюсь к Божественному Слову. — Это Жанна снова напомнила о себе.

— Все-то ты переводишь в религиозную плоскость. Преисполнилась важностью! Только это Слово мало что тебе объясняет. Вот почему Господь рано отнимает жизни у гениев? Возьми хоть Пушкина, Лермонтова. Столпы русской классики! Да пребудет с ними вечная любовь, — сказала Инна.

— Забыла вспомнить Есенина, Маяковского, Высоцкого... — подсказала Аня.

— Чего Он боится? — настырно потребовала у Жанны ответа Инна.

— Люди отнимают жизни.

— Так защитил бы. Не каждый день гении рождаются. Где Его всеислие, где пресловутая власть над миром? В жертвах Богу не должно быть смертей. Господи, если Ты есть, услышь мои молитвы и прости мою смелость, — сказала Инна. Последней фразой она нарочно поддела Жанну, чтобы «завести». Ей хотелось ее позлить. Это было сильное, необъяснимое чувство.

Но возмущенно откликнулась Аня:

— Твой Бог, Жанна, не сумел помочь даже мне, маленькому беззащитному ребенку. И мою боль проглядел? И я после этого должна верить в Его доброту и считать, что нашла в Его лице защитника? Ты, Жанна, и в мыслях себе моей ереси

не допускаешь? Разве не в таком качестве ты Его любишь? Нам, детдомовским трудно поверить в Бога. Мне запомнились слова нашей нянечки: «Кто в своем отце не увидел Бога, тому трудно увидеть в Боге Отца».

— Кажется, Лаплас утверждал: «То, что мы знаем, — ограничено, то, чего не знаем, — бесконечно», — не поддалась Жанна.

— Шутники утверждают что, «гениальные мысли кумиров — корвалол для нас, обыкновенных», — сказала Аня, не поняв намерений Инны, и тем остановила болезненный для себя разговор.

— Правильно говорят. Пока человек способен шутить над собой, мир не безнадежен, — подтвердила Инна чьи-то разумные слова.

— Я не полагаюсь на всякого рода отдельные фразы. Они бывают однобоки и подчас выдают мнения противоположные кем-то уже высказанным. Если хорошенько покопаться в книгах, то всегда можно найти утверждение, опровергающее, перечеркивающее только что произнесенное. Тем более, если оно вырвано из контекста. Вот, например, скромность одни философы определяют как проявление слабости характера, даже глупости, а другие возносят как великое качество, как талант, но прежде всего, как признак воспитанности.

— Я ничего не имею против скромности, — возникла Жанна со своим комментарием. Но остановить Аню ей не удалось.

— Каждое слово многозначно и человек использует то его значение, которое ему на тот момент ближе или полезнее. Из-за неоднозначности понимания смысла слов возникают сложности взаимоотношений между людьми. Истина существует, но она многогранна и трудноуловима, — сказала Аня, и из философского русла направила разговор в сторону быта, приземлила.

— Этим летом попала моя подруга в больницу, а тут подошло время высаживать перед домом цветы, так я и свою и Валину клумбу засадила петуньей и астрами. Пусть, думаю, порадует, когда домой после операции вернется. Так соседки-«лавочницы» усмотрели в моем действии то ли подвох, то ли злонамеренность. Мол, хороню я подругу заранее, не верю в ее выздоровление.

— Причем здесь неоднозначность в расшифровке смысла слов? Характеры у тех твоих соседей пакостливые, сволочные. В черной дыре зла существуют. В любом поступке гадкое видят. Есть такой тип людей, — высказала свое мнение Жанна.

— Вот тебе другой пример, более серьезный. Когда Василий Сталин учился в летном училище, его долго не выпускали в самостоятельный полет. Инструктор всегда сидел за его спиной. А ведь Иосиф Виссарионович мог приказать, но не делал этого. Одни этот факт расценивали, как стремление вождя приучить сына всего добиваться самостоятельно, самому требовать, настаивать, а другие осторожно намекали на то, что оберегал вождь любимчика, не торопился посылать на смерть. Вот и суди, кто прав. Так вот я думаю, что и философы формулируют свои фразы исходя не только из объективных предпосылок. Субъективное мнение сюда тоже примешивают, — не отступила от своего мнения Аня.

Оспаривать ее слова желающих не нашлось.

*

— Уверовать в слова писателя можно только, когда он обращается не только к разуму, но и к сердцу, когда его произведение эмоциональное. — Это Аня снова принялась настойчиво вразумлять Инну своими сентенциями.

— Чудовищная глупость. Познания из школьного учебника литературы?

— Из вузовского, — отрезала Аня. И подумала с грустью: «Почему Инна такая отгалкивающе-грубая? Хочется наговорить ей резкостей. Но выяснение отношений может перерасти в скандал. Она стремится быть оригинальной, хочет выделиться из общей массы, боится быть банальной? Почему я покорно выношу ее ухмылки? Ее жалею? Себя. На каком основании ожидаю к себе снисхождения? Я на самом деле

вылезла с примитивом. Выступила во всем блеске своей... глупости. Лучше бы умно промолчала. Зачем завожусь и тем самым подогреваю ее азарт?

И почему она последнее два года при встрече все время на меня нападает? Нет, все-таки она больная. Психически или физически? Если психически, то уговоры бесполезны. Но если хворь телесная, то могла бы и прикусить свой злой язычок. А может, ей силы воли уже не хватает? Я ведь тоже слабачка, всё на нервы грешу. Вид у Инны сегодня какой-то усталый, изможденный... А может, она... смертельно больна?»

Ане молниеносно пришла мысль, до которой ей давно следовало бы додуматься. Она будто выхватила ее из глубины своего подсознания, и, испугавшись заключенной в ней жестокости, тут же отбросила.

Лена задумалась над чем-то отвлеченным, и до нее уже не доходил смысл происходящего в комнате. Она, как и Жанна, слышала только отдельные моменты разговора Инны и Ани.

— ...Есть выражения: «Умеющий смеяться, остается свободным» и «Пока мы умеем смеяться, мы остаемся великим народом». Наверное, эти утверждения относятся к радостному смеху, но никак не к горькому или ироничному?

— Почему же? Я думаю, в нем задействованы все составляющие, все варианты и возможности. Кому-то милее смех, возникающий при просмотре цирковых номеров на стыке клоунады и буффонады, а кому-то это не интересно и даже противно.

— А и правда. У Риты манера шутить сквозь слезы, потому что о важных проблемах пишет.

И Жанне тут же припомнились счастливые слова мужа: «Знаешь, когда я понял, что ты выздоравливаешь, и тебе уже ничего не грозит? Когда ты впервые после операции засмеялась».

— Рита, углубляясь в абсурд и трагизм жизни, прячется за лиризм. Он смягчает грусть. А Лена закрывается иронией. Почему у нас лирика обязательно в миноре? А я хочу, чтобы в мажоре была, в радости! — пожелала Аня.

— ...Помнишь слова Нильса Бора: «Есть вещи настолько серьезные, что о них можно говорить только шутя». Гений. О нем не хочется вспоминать в прошедшем времени, — сказала Инна.

— ...Это дилетантизм и примитивизм, если волеизъявление на бытовом уровне. Академизм предполагает более высокое прочтение.

— А если реки эмоций?

— ...Рита не устает вбирать в себя судьбы своих героев, их беды и несчастья?

— Она ими питается, — рассмеялась Инна.

— ...Давай, начинай ломать авторов через колено.

— Ну, а если всерьез говорить о писательском творчестве, то все очень просто: от мыслей отпуска не бывает. Как уйти от самой себя?

— ...Драматург Володин писал: «Стыдно быть несчастливым».

— А можно иначе сказать: «Неловко быть счастливее других».

— И сразу между вами видна разница.

«Девчонки и в этой области надеются сделать открытия? Только часто новое оказывается повторением старого», — усмехнулась Лена, прикрыла усталые глаза и... будто начала медленно растворяться в пространстве по типу какой-то химической реакции.

— ...Глупость всё это несусветная, — возмутилась Инна и судорожно сглотнула слюну. — Что-то я проголодалась. Надо бы подзаправиться. Пряники, печенье, вода с сиропом и без — это уже банкет! Аня, не сочти за труд, подтолкни ко мне вазу. Я не дотягиваюсь, а встать мне лениво. Молодчина, Кира, расстаралась, наготовила всяких приятностей для гурманов. Аня, угостись. Божественно вкусно!

— Спасибо, — ответила та, двигая вазу.

«Глупость? Что Инна имела в виду? Наши с ней разговоры? — Мнительность и обидчивость обступили Аню. — Мелочи всё это», — решительно успокоила она себя.

*

— ...Сначала романы узнаваемы, потом признаваемы. Следующий этап для талантливых произведений — стать достоянием мировой культуры, — речитативом пропела Инна.

— Как много надо, чтобы талант состоялся! — Аня вздохнула так, будто привередливая судьба ей самой перекрыла кислород, не дав развиваться врожденным способностям. — Риту притягивает грустное. Оно и понятно. Когда пишешь о проявлениях человеческой души, всегда присутствует немного меланхолии. Но сейчас требуется оптимистичная литература.

— Не хочет сладким кормить. Ох, эта мне ее временами неизбывная мрачность! Она заменяет ею глубину произведения? — язвительно предположила Инна.

— Время кует авторов и героев. — Лена поспешила загасить не померещившийся ей, явно намечающийся спор.

— Цель у Риты прекрасная: пробудить в читателях нравственные чувства и прежде всего сочувствие, утвердить благородство, чтобы они могли преодолеть в себе пошлость и злословие. Она мечтает, чтобы в людях проснулась внутренняя сила, увеличился масштаб души. И тогда в них всё положительно срастется, — восторженно «запела» Аня.

— Рита сама в своей жизни стремится к идеалу и тащит за собой остальных? Но какой же идеал без радости? Зря старается, не достучится. Ей стоит поискать другой, запасной, более эффективный вариант влияния на людей? — спросила Инна.

— Начну с того, что ты не справедлива к Рите. Один — гений стиля, другой — гений видения; кто-то умеет выражать радость, кто-то печаль. Людям свойственно больше грустным делиться.

— Не стоит это качество возводить в ранг всеобщего, — заметила Жанна. Она только что вышла из полузабытья. — Людям важно, как преподнесен грустный материал. Надо, чтобы не в лоб.

— В лоб больнее — усмехнулась Инна. — По себе знаю.

— Раз ты спрашиваешь, значит, тебя Ритины книги трогают. Или ты споришь, не удосужившись вчитаться? Тогда вспомни Данте. Никто не упрекнет его в приверженности к страданиям и жестокости, хотя изображенные им события ада поражают ужасом, красотой и эстетикой. У него даже сама структура текста — аналог готического собора, устремленного ввысь. Там все просчитано с математической точностью. (Вот и Жанна проявила себя хотя бы на прошлом материале.) Его «Божественная комедия» — это беспощадная поэма о Боге и вере, о ненависти и возмездии. Автор учит отвращению к греху, утверждает, что злой должен страдать, виновный обязан пройти путь очищения, стать самим собой, но не злорадствовать.

— Умным людям всё это известно, а глупым — неинтересно, — фыркнула Инна.

— По мнению Данте, самый тяжкий грех — богоотступничество.

— А я поняла, что предательство. Данте нашел Иуду в последнем круге ада, — не согласилась с Жанной Аня. — Объясни, за что твой Бог наказывает и без того несчастных самоубийц? Разве они заслуживают ада? Им и на земле жилось невыносимо тяжело. В аду их истязали гарпии. Проклятые, они были обречены на вечные страдания!

- За то, что они попирали свободную волю, которой Он их наделил.
- Так они и выбрали...
- Они должны были сопротивляться искушению убить себя, раз Бог назначил им жить.
- Получается, за непослушание? А разве меньшие грехи похоть, гордыня, алчность?
- Ой, не знаю, — растерялась Жанна. — В смятенном состоянии духа Данте исследовал грехи человеческие во всех их проявлениях. Ужасающие подробности увиденного овладевали его умом и сердцем. Его волновала судьба человечества и своя собственная. «Чем больше грех, тем больше возмездие», — понимал он. Фурии мучили еретиков, чтобы те раскаялись. Они проходили очищение огнем за сомнения в христианских догмах. Гневливые в аду грызли и рвали друг друга. А любовники крутились в вечном вихре разрушительной силы как в центрифуге. Их любовь превращалась в пламя ада. Ужас!
- А прекрасная Беатриче, его муза, для Данте была символом благочестия и спасения, — подсказала Аня. А Вергилий...

Разговор между подругами тек естественно, гармонично, но невозможно было понять, в какое русло он направится в следующий момент.

- Данте искал корень мирового зла, его источник, в человеке, призывал перерастить в себе греховное, очиститься и жить без гнева и страха. Он встретил в обители величайшего зла сатану, князя тьмы Люцифера, изгнанного в ад за неподчинение Богу и пожирающего там самых подлых проклятых. В противовес божественному теплу он излучал жутчайший холод. Но более устрашающим в дьяволе было отсутствие интеллекта! Вот это меня поразило, — сказала Аня.
- Во многих культурах грешники горят в кострах возмездий, а Данте более изощренно нафантазировал! Мы любим острые ощущения, потому и читаем Данте, хотя не религиозны и сомневаемся в бытии после смерти. Можно подумать, что мы другого мнения о грехах. А сам-то автор тот еще был ходок, потому и не относил прелюбодеяние к числу особенно наказуемым грехам, — язвительно заметила Инна. — Но как он был божественно ироничен, когда топил в дерьме своих врагов!
- А Беатриче просила у Бога помощи в любви, — подсказала Жанна.
- А что еще может просить женщина? Остальное в ее власти. Все сумеет, все преодолеет, — серьезно отреагировала Аня.
- Рита тоже, как Данте словно бы с природы пишет, а на самом деле фантазирует. И тоже с учетом своего жизненного опыта? — не удержалась от презрительной реплики Инна.
- Спорь со мной, но попусту не перебивай, — рассердилась Аня.
- Инна, тормози, — тихо попросила Лена. — Иногда мне проще решить самую трудную задачу или доказать сложнейшую теорему, чем понять ход твоих мыслей.
- Данте — как и коммунисты — хотел привести человечество к счастью, выступал за свободу и справедливость, размышлял, как должно быть устроено человеческое общежитие, ратовал за создание единой мировой духовной монархии, объединенной одной религией, — напомнила Аня. — Кстати, насчет религии. Если есть Бог, то Он один над всем Мирозданием — ведь все в мире подчинено единым законам, — почему же люди не понимают такой простой мысли? Бесятся, воюют за «своего» Бога. Каждая религия себя во главу ставит. История религий — история конфликтов, противоречий и подтасовки фактов.
- Представляю, какой хаос творился бы в мире, если бы каждый из Богов, придуманных людьми, стал дергать за свои «веревочки»! — рассмеялась Инна. — А мне импонирует, что Данте отказывал Папе в земной власти. Считал, что земной владыка должен быть независимым от церкви. Пусть монарх отвечает за свое, Папа — за своё. Мол, спасение души — религиозная доктрина. Он предложил такую схему: монарх, плюс Папа, плюс пророк — представитель народа. Данте себя пророком видел, считал себя избранным.

Утверждал, что все эти три ипостаси друг друга не замещают. И чего это трио могло бы натворить?.. У меня дурные ассоциации...

— Не надо, — попросила Лена.

— Своей деликатностью ты лишаешь меня права на обиду и на возможность покритиковать. А это мой стимул к продолжению спора. Это... моя жизнь! — шутливо заметила Инна.

«До чего же мне надоела ее изощренная игривость», — рассердилась Жанна. Но тут же одернула себя: «Какие мы все с возрастом становимся нетерпимыми и занудливыми!»

«И что это они среди ночи запали на Данте? Этак они и за «Войну и мир» возьмутся. И тогда я погибну «смертью храбрых». «Спасайтесь, кто может!» — вздохнула Лена. Она сжала свое лицо в ладонях, стараясь разогнать любые мысли, атакующие ее усталую голову.

11

Инна снова попросила Лену продолжить характеризовать творчество Риты. (Далось оно ей!)

Лена еле приметно улыбнулась и свернула на свою стежку-дорожку.

— Я люблю и короткие хрупкие Ритины фразы, и мимолетные наблюдения, и длинные, интересные, подчас интригующие размышления. Меня завораживает ее лирическое мироощущение. А вот в детские книги Ларисы я просто влюбилась. В них непосредственный взгляд ребенка на жизнь. Эффект погружения и втягивания в ее сюжеты молниеносный. Пишет без вычурности. Я заметила, проза писателей начинавших свой путь с поэзии отличается чистотой, краткостью и мелодичностью. Я бы даже сказала невесомостью, воздушностью. И «проза кажется мелодией стиха». В ней неминуемо чувствуется проброс ненужных фраз. (?) А некоторые строчки — особенно те, что о природе — хочется петь.

— В звуках природы — голос Бога, музыка Бога. Именно она звучит в душе настоящего писателя, — как-то особенно приветливо заметила Жанна.

«Испохабила Ленкин рассказ своим религиозным фанатизмом», — занервничала Инна.

— Рассказы простенькие, а в сердце от них то крик боли и слезы, то тихая вселенская радость. Пишет, ни под кого не подстраиваясь. И персонажи у нее необыкновенно жизненные. Но ориентированы книги на умного и чувствительного ребенка, потому что за простотой ее слов часто стоит символика. Лариса стремится души детей насытить любовью к людям и природе. Велика степень человечности ее книг.

— Ее рассказы интересны «и пионерам, и пенсионерам». Читаю их и чувствую, что они заточены под радиотеатр. Помните, в нашем детстве была передача «Театр у микрофона». Там роли детей исполняли народные артистки. Я этого не любила, но прощала им излишнюю наигранность, недостаточную интимность чувств. Мне казалось, что я могла бы сыграть тоньше, естественней. Какая наивность, какое самомнение! Но эти ощущения были мимолетны. Я обмирала от счастья, я млела и таяла под звуки их выразительных голосов! Я купалась в них, «пропадала» и тонула в их грусти и радости. Эти радиопередачи очень нужны были мне для восстановления душевного равновесия. И если я опаздывала к ним — это была трагедия! А когда пропускала спектакль, значит, тому были очень веские причины, — задушевно поведала Инна, совсем забыв о своей привычке иронизировать над всем и вся.

— Я тоже с дрожью во всем теле ожидала «литературные встречи», боялась, что мать ушлет меня куда-либо по делам, старалась приурочить еженедельную уборку дома на утро воскресенья, — созналась Лена. — Да, чуть не забыла сказать! Ларисины рассказы часто читают по радио дети.

— Вот это да! Взрывают эфир! — обрадовалась Инна.

— Сбылась ее мечта! И заслуга в этом их диктора ГТРК, руководителя детских программ Максима Бреева. Лариса мне многократно его хвалила.

— Надо по всей России вернуть школьникам душевно звучащее слово, — пожелала Аня.
— И на радио, и на телевидении.

— ...И взрослые книги раньше были лучше теперешнего коммерческого рыночного чтива, — вздохнула Аня.

— И солнце ярче светило, — фыркнула Инна. — Лена, когда ты всё это успела уяснить о Ларискиных книгах?

— С ее пятью книгами для школьников я давно знакома, а в новых вчера успела прочитать несколько маленьких рассказиков полностью. Остальные просмотрела «по диагонали». Мне этого достаточно, чтобы сделать вывод. Позволю себе предположить: никакой натяжки нет в том, чтобы считать ее произведения талантливыми. Она писатель тонкого покроя. Я прочувствовала все реперные точки в ее творчестве. Писатель состоялся, если он придумал свой мир. Лариса воссоздала в книгах собственный, ни на кого не похожий.

— Это тот редкий случай, когда твое мнение совпадает с мнением большинства. И с этим не поспоришь, — подколола Лену Инна.

— Споры будут длиться всегда. И это лучше, чем попадать в полосу безразличия.

— Я слышала, что дети плохо воспринимают прилагательные. Им важны глаголы. И Лариса это учитывает. Я тоже имела неосторожность сегодня погрузиться в одну из ее новых книг. Еле оторвалась. Пишет, словно для школьных учебников по литературе, — сказала Аня.

— Согласна. И это прекрасно. Просто писать трудно. Это редко кому удается, только умному и сложному человеку, — предотвратила Лена возможные нападки Инны.

— Смело обнажает жизнь, я бы сказала отважно. Я о ее поразительной искренности, — отметила положительное качество творчества Ларисы Инна. — Что для писателя важнее: ум, образование, воспитание?

— Главное — каково его сердце. Чувствительно ли, обладает ли интеллигентностью, сердечностью, этикой. И собственный жизненный опыт ничем не заменить, — ответила Лена.

— Кто-то из великих сказал: «Я — то, что внутри меня. А все остальное, внешнее — это то, с чем я всю жизнь борюсь». Лена, а с теми Ларисиными книгами, которые написаны для взрослых, ты знакомилась?

— Подробно нет, просматривала. Для серьезного изучения потребуется время. С наскака осмыслить такое большое наследие мне не удастся. Но поняла — книги с двойным дном, многослойные. Многое необходимо расшифровывать, хотя на первый взгляд они совершенно понятные.

— Как ты думаешь, кто ее читатели?

— Прежде всего, союзники в том, что ее волнует. В основном люди образованные, любящие размышлять. Ее книги не для развлечения. В метро их не читают.

— А я слышала от писателей, что только в контексте развлечения до читателя доходит смысл того, что автор закладывает в свое произведение.

— В этих их словах речь идет не о наполнении текста, не о содержании, а о методах преподнесения и увлечения. Математику нам учительница тоже весело, с юмором преподавала.

— Ты знала о Ларисиних книгах для взрослых?

— Она просила держать это до поры до времени в секрете, но свое мнение по прочтении я ей обязательно выскажу. Знаешь, она как-то сказала по телефону: «Стала писать и почувствовала себя как в раю. Сожалею, что раньше не позволяла себе такой радости».

— Роскоши общения с самой собой? — усмехнулась Инна.

— У меня с нею одинаковые ощущения от собственного творчества. Я не могу не писать. Иногда кажется, что мне всю жизнь надлежало этим заниматься. Может, не ту дорогу выбрала и только теперь нашла истинную? Главное, что моя детская мечта сбылась. Видно пришло время. Физика меня теперь как раньше не увлекает. Работаю в силу привычки и по необходимости.

— Может, без физики ты не стала бы лириком? Трудная жизнь лучше оттачивает перо писателя.

— Не знаю, была бы другая дорога легче?

— Если завтра, то есть уже сегодня, Лариса приедет, я разузнаю все подробности ее жизни, — пообещала Инна.

— Между прочим, она привезет из Липецка Кире в подарок лучшие книги писателей своего региона за прошедший год. Ты же знаешь хобби Киры, — вспомнила Лена.

— Какой удивительно богатый букет неожиданных талантов собрался на нашем курсе! А скольких открыл КВН! Какой у всех нас был широкий диапазон интересов и увлечений! — воскликнула Жанна.

Женщины задумались, припоминая и радуясь. Улыбки освещали их усталые прекрасные лица.

*

— ...В творчестве никто никому ни помочь, ни помешать не может (?), ну если только что-то чуть-чуть подправить. Человека талант ведет. А редактировать свои книги Рита кому-нибудь давала? — спросила Аня у Инны. — Даже знаменитые писатели предлагают друг другу почитать и покритиковать черновики, потому что свой «глаз замыливается», и мозг не воспринимает недостатки текста. Автор как бы становится пленником своего произведения. Всем требуется взгляд со стороны. К тому же это способ взаимодействия с другими авторами, взаимообогащение.

— Я считаю, что писатель не должен редактировать книги другого писателя, иначе это будут уже не его произведения. Он имеет право только делать замечания на полях рукописей в тех местах, где увидит явные недочеты, а исправляет их пусть сам автор. Лучше иметь обыкновенного опытного, эрудированного литературного редактора, который не станет подавлять чужую индивидуальность. Мне приходилось читать книги, отредактированные знаменитыми писателями. Каждая их строка дышала несвойственными авторам чувствами. Они тонули, пропадали в них.

И у Риты был неудачный опыт, но несколько в другом плане. Один достаточно известный писатель взялся редактировать ее книгу из-за жуткого безденежья. Дело было в перестройку. И запестрила рукопись алым цветом. Рите некогда было изучать пометки редактора, надо было зарабатывать. Она бизнесом занялась. Да и доверяла она ему, поэтому, не читая обновленного текста, попросила секретаря вносить исправления в компьютер. Проходит время и вдруг эта женщина отказывается от предложенной работы. Рита удивляется: «Мало плачу? Так я добавлю».

«Нет — отвечает та, — я раньше читала ваши рассказы и каждый раз не могла удержать слез, горюя над судьбами ваших героев, а теперь перечитываю и не плачу. Содержание то же самое и слова похожие, а сочувствия уже не вызывают. Мне стыдно брать деньги за то, что порчу вашу книгу. Я очень переживаю, что выкинула ваши черновики и не могу восстановить прежний текст. Но вы же сами разрешили...» Такая вот случилась история.

И второй Ритин опыт был неудачный. И на этот раз в связи с занятостью ей некогда было заглянуть в текст, отредактированный кандидатом наук. Стала она читать изданную книгу, и уже в первом рассказе обнаружила полное отсутствие слов, характеризующих

послевоенный деревенский быт. По сути дела редактор убрал из текста колорит народной речи и быта начала пятидесятых, и тем самым сделал его плоским, пустым и тусклым. В общем, серым. Рита расстроилась, конечно. Но ведь у всякого свой взгляд... Вот чем оборачивается неверие в свои способности. Больше она не рисковала доверять авторитетам.

— И все же иногда полезно подсказать начинающему писателю правильное направление, идейку подбросить с оригинальным сюжетом. Глядишь, какая-нибудь да выстрелит. А то ведь по незнанию свои способности можно направить не на благо, а во вред себе. Ты как темы ищешь? Думаешь, думаешь и набредаешь? Потом раскрутка идет, да? — спросила Аня у Лены.

— У начинающих, как правило, своих сюжетов предостаточно, они буквально нашпигованы идеями, им поддержка важна, чтобы втемную не играть с судьбой. И тут уж стесняться и отказываться от помощи не стоит. Лариса, например, к Василию Белову обратилась, мол, «в чем мои изъяны? Я не в том возрасте, чтобы плохо писать. К критике отношусь положительно. Может, мне оставить это дело?» А он одобрил ее первую книгу, написал, что у нее талант, и посоветовал становиться профессионалом. Рекомендовал спустить с поводка свое воображение, расковать фантазию и не бояться, что длинные рассуждения помешают читателю увидеть в произведении главное. Она бесконечно благодарна ему за то, что своими советами он помог вытащить из нее, то, что давно рвалось, но не могло преодолеть внутреннего сопротивления. Трудно переоценить степень важности для нее их письменного общения. Оно было судьбоносным.

— Сказал: «Тебе до Бога пять шагов пути»? — широким роскошным жестом сопроводила Жанна свое высказывание.

— Ходьбы, — уточнила Лена. — Не так поэтично, но напутствовал, вселил веру, благословил на творчество. Сама посудите: услышать из уст самого Белова столь серьезное одобрение! С его подачи Ларису приняли в Союз писателей. Белов предвидел ее успех и многочисленные премии. Он понимал, что они не формируют писателя, но вводят в определенный круг общения. Лариса трепетно хранит его письма.

— И через его «рукопожатие» она получила признание всего многовекового ряда классиков! Да, это тебе не хухры-мухры. «Взлетели руки, и душа запела!» — продекламировала Инна.

Не реагируя на иронию Инны, Аня сказала восторженно:

— Запали мне в душу Ларисины слова о Родине.

«Не сказать, что очень сладко мне здесь жилось, и что каждый день был в радость, но именно в Любимовке открылась неведомая ранее грань моей души. Я поняла, что по-особому люблю этот единственный на земле уголок, мой «островок счастья», мою маленькую родину, дорожке которой на свете не бывает. Здесь моя любовь, моя боль и мое счастье». Будто обо мне написала. Не могу без слез вспоминать эти строки. Наверное, у каждого человека есть своя Любимовка, место на земле, к которому он прикипел всем сердцем еще в детстве.

Лена задумалась. Инне показалось, что она примеряет на себя понравившиеся строки другого писателя.

*

— С возрастом у меня наступило время медленного, вдумчивого чтения. Теперь, знакомясь с новой книгой, я мало интересуюсь сюжетом, потому что, как правило, уже с первых строчек могу предугадать концовку. Я испытываю удовольствие от качества текста. И если он хороший, я наслаждаюсь им. Меня волнует аромат произведения, его фонетическая и лексическая структура, эстетические качества, и, конечно же, социальный градус, этическая и нравственная позиция автора. Куда же без них? Зло часто обрягается в яркие одежды, в этом его необъяснимая привлекательность. Его надо уметь разглядеть, ему надо противостоять, тем более, что у нас сейчас мода на обаяние зла, будто мы находимся во власти дьявола. Во всем происходит подмена... Все у нас не настоящее, искусственное... А ведь зло — это прежде всего отсутствие любви. Немолодые, опытные читатели, наверное, поймут меня, — поделилась Аня. —

Лена, в твоей последней книге совершенно невозможно догадаться о ком и о чем будет следующий рассказ, не предсказать и концовку, хотя, казалось бы, судьбы героев тривиальные, каких миллионы, и нехитрый сюжет поддается обычной бытовой логике. Я читала и как раскопки в характерах людей делала, проводила углубленную экскурсию в каждую семью, вникала в особенности юной и зрелой эмоциональности, изучала бесподобные образчики русской (и не очень) души. И будто себя открывала с какой-то новой стороны. Читая, размышляла, куда я иду: к своей сути, к осознанию своей души, а от нее к пониманию других и всего сущего на Земле?.. Загадка.

«Лена присылала Ане свои книги?!» — ревниво поразила Инна.

— Я рада, что заинтриговала и увлекла.

— Взаимно, — улыбнулась Аня.

— Хотелось бы, чтобы читая мои книги, люди становились чуть добрее, ближе, понятнее и роднее друг другу. Жизнь не учит, она сразу жестоко наказывает. Через литературу человек обретает и формирует в себе определенную систему ценностей. По себе знаю. В дошкольном детстве добрые люди и природа вели меня по жизни. Потом из книг черпала высокое и великое, окунаясь в бездонные кладовые человеческих знаний. Моя тема нужна и важна молодому современному поколению, но как привлечь их внимание?

— Меня устраивает, что твои книги населены невезучими, но сильными героями, борющимися и побеждающими, хотя подчас с большими моральными и физическими потерями. Вроде бы грустные истории, а лучики света оставляют. Это уметь надо находить надежду в том, что, казалось бы, ничего позитивного не сулит. И что тоже хорошо — ты не отметилась излишне радикальными взглядами. Менделеев прекрасно выразился на этот счет: «Кто в юности не был романтиком, у того нет сердца, а кто в старости не стал консерватором, у того нет ума», — сказала Аня так, будто сама присутствовала при произнесении этой фразы.

— Ты почерпнула в моих книгах кое-что нового для себя? Не слишком ли там много вздохов и плача? — спросила Лена. — Особенно в пятой, густонаселенной?

Аня увидела, как внимательно слушают ее подруги и ей захотелось говорить и говорить...

— В самый раз. Не помню, кто из великих мира сего сказал, что нет более длительного, более полезного и дешевого развлечения, чем чтение книг.

— Развлечения? — возмутилась Инна. — Я по гроб жизни благодарна школьному библиотекаря за то, что она вовремя подсунула мне потрясающе грустного Короленко и нежно-печального Гайдара. И даже за патристический патетический стих о Павлике Морозове, который, как ни странно, заставил меня обратить внимание на поэзию, к которой я тогда относилась с брезгливым отвращением. Он дал мне почувствовать прелесть, обаяние и возможности стиха. Тот автор сумел преподнести, затронуть... Наверное, с тех пор я поняла, что библиотека — это место, где маленький человек превращается в Человека. Мне только в двенадцать лет по-настоящему открылась дверь в литературу. И я принялась поглощать книги с невероятной скоростью. Думаю, от каждой во мне, пусть даже бессознательно, но осталось что-то хорошее. Конечно, с младых ногтей нас учила окружающая жизнь, что вполне понятно, и все равно очень много в моем человеческом становлении сделали книги. Жалею, что поздно их полюбила. Я из литературы больше узнавала о хорошем, чем из жизни. Читая, я обращала внимание на то, о чем думают другие люди, какие они испытывают эмоции. Книги и еще Лена не позволили мне свернуть на кривую дорожку. Для многих деревенских школьников в нашем детстве чтение книг было наградой за отлично проделанную работу по хозяйству. А теперь не наблюдается паломничества в библиотеки и это сужает горизонты молодежи. Боюсь, что библиотеки, как театры и выставки, скоро станут местом принудительных школьных культпоходов, этаким культурной повинностью.

— Библиотеки? Никогда! — вспыхнула Аня. — Помните, как с появлением телевидения в прессе муссировались темы: «Изображение более действенно, чем слово», «Печатное слово умерло».

— А непечатное осталось, — со смехом прервала ее Инна. — Говорили, что и музыка,

и компьютеры развращают. Для наших стариков — книги были окном в мир, для нас теперь еще и телевидение, а для молодежи интернет добавился. И нам надо осваивать его огромное пространство. Мы живем в интересное, по своему прекрасное время!

— Я всё детство жила радостями и горестями своих героев. Это были Кай и Герда, Павел Корчагин, Овод. Помню, фильм «Коммунист» меня потряс. Я себя в нем увидела, свое отношение к жизни. А теперь я боюсь, что не у всех читателей есть готовность и умение прочувствовать жизнь героев книг, с интересом столкнуться в собственной жизни с чем-то непознанным, встать на защиту сначала друга, потом, повзрослев, — Родины. Если внутренний резонанс от книг не происходит, дети не получают удовольствия, а значит, они не будут, как мы, готовыми на подвиги. Надо учить детей читать, пробуждать любовь к чтению. Если ее не прививать, то не появится способности интересоваться и понимать. Чтение не только кайф, удовольствие в узком смысле этого слова, но и сложный духовный опыт, труд души, а иногда и подвиг души. Я говорю и о книгах для взрослых, — в очередной раз раскрылась Аня.

— Удовольствие получаешь — если читаешь без принуждения, если книга сама тебя интригует, затягивает, увлекает, — заметила Инна, — а наслаждение — это когда читаешь и испытываешь счастье. Наслаждение — это чистое удовольствие.

— Счастье иногда испытываешь через мучение и страдание, — сказала Аня.

— Это уже не счастье, а скорее удовлетворение. Это катарсис, очищение страданием и состраданием.

— Жанна, и ты решила отметить в этом вопросе чем-то оригинальным, церковным, пропущенным через призму собственного понимания и осознания? — с усмешкой спросила Инна.

— Поехала... философствовать, — нервно сглотнув, пробурчала Жанна, но продолжила высказываться.

— Мы верили в силу слова, любили читать. И я своим главным учителем считаю книги. Они научили меня чувствовать и думать. Через книги я обрела окружающий мир. Все школьные годы я «не вылезала» из энциклопедий. Чтобы развиваться, надо читать сложную литературу. Она формирует мозг и как следствие — личность. Если только комиксы листать, способность мыслить не выработается, — значительно сказала она, внося тем самым свой вклад в «прения».

— Это уж точно. Книги — школа чувств, школа познания. Правильная книга — лучший оберег от распада сознания, особенно, если нет рядом папочек и мамочек, с которых обычно дети берут пример, — поддакнула Аня. — Для моих воспитанников перед чтением важен настрой. Беря книгу в руки, они, прежде всего, думают, что хотят получить от нее: радость, знания или найти хорошего друга.

— Сколько лет ты хотела бы сбросить? — неожиданно спросила Инна у Жанны.

— Я наслаждаюсь своим возрастом. Я имею возможность открывать для себя залежи непознанных истин. В моем окружении в ходу шутка: «Мы начали понимать жизнь только после шестидесяти. Раньше мы только работали».

— Я где-то слышала смешную фразу: «Люблю читать больше, чем есть», — расслабленно произнесла Инна, давая подругам понять, что тема разговора ей надоела.

— С родителями не очень повезло. Многие педагоги были не самого высокого уровня, но такие добрые! Я выделяла учительницу математики. Признавая за нею всевозможные достоинства и недостатки, я любила ее, потому и в МГУ поступила на механико-математический факультет. Готовилась самостоятельно, по книгам, — сказала Лена. — И там, в одночасье, схлынули все мои беды, казавшиеся ранее непреодолимо огромными.

— Помнишь, математичка пошутила о себе: «В хате кавардак, зато в голове полный порядок», — рассмеялась Инна.

— Я всё помню, — с ностальгической грустью ответила Лена.

*

Лена услышала, что Аня с Жанной увлеченно беседуют и сама не заметила, как примкнула к ним.

— ...Вернусь к нашему разговору. Как ни хороши бывают фильмы, они не могут передать богатство звуков, которые я слышу в прозе Пушкина, и глубочайшую любовь к Родине и народу в рассказах Короленко и стихах Некрасова. «Родная земля! Назови мне такую обитель...» Еще в раннем возрасте я читала эти стихи со слезами, с дрожью в голосе, с болью в сердце. С Некрасовым не поспоришь. Он прост и доступен детскому уму, потому так близок и понятен. Его нельзя вычеркивать из главного школьного списка. И вчитываясь в Ларисины книги для детей, я чувствую музыкальную и живописную составляющие, обращенные непосредственно к воображению читателей, позволяющие глубже впитывать произведения, в которых по сути дела нет дна.

— А меня «Ванька Жуков» с его письмом «на деревню дедушке» и «Муму» до глубины души потрясли. Еще рассказ о девочке-няньке, которая засыпала над колыбелькой, а ее за это наказывали.

Потом в моей жизни появился Роберт Рождественский — гуру советской поэзии, апостол нашего поколения, лицо эпохи. Доброжелательная мощь его слов, любовь поразительной глубины и силы сразили и навек покорили меня. С тех пор я отслеживаю его творчество. Многие трагически-счастливые стихи знаю наизусть. Читая его, я поняла, что пафос отражает высокое в человеке и не надо его стесняться. Мне нравится фраза очень подходящая к нему: «У великих поэтов есть только год рождения, а даты смерти нет».

— Фундаментальная. Отталкиваясь от этих бессмертных строк...

— Инна, помолчи, подожди со своей иронией, — попросила Лена.

— Ты слишком много от меня хочешь.

— Рождественский, если чему-то присягал, то был непоколебим в этом. Он как скала, на которой собрались все несбывшиеся иллюзии нашего народа. Он был искренним комсомольцем и истинным патриотом, — сказала Жанна.

— Боготворил жену Аллу. Я завидую ей, — добавила Инна.

— Он так и не принял девяносто первый год. Мучительно расставался со всем, во что верил. Незаживающие раны разъедали ему душу. Он был беззащитен перед неожиданным поворотом в судьбе страны. Его поэзия последних лет — не скрижали, а метания, поиск, потому что в нем слились русское отчаяние, еврейская талантливость и безысходность. А это гремучая смесь, которая может убить человека. Доброта и боль — база его таланта. Он верил в то, о чем писал, поэтому его стихи столь глубоки и искренни. Он не раскручивал собственный успех, известность и славу ему принесли песни. «Они стон к Богу, даже если Бога нет», — сказала Аня. И рассеивая недоумение подруг, добавила:

— Верный был во всём. Окуджава тоже пел о комиссарах в пыльных шлемах. Смена эпохи, смена идеалов... Главное, что Роберт Рождественский остался верен великой русской словесности, прошел сквозь все беды, не покорежив себя. Великая Россия будет помнить его прекрасные честные слова! Его стихи останутся в веках, а песни будут волновать не одно поколение.

Потом Высоцкий нас покорила. Он — совесть нашего времени. Открыто говорил то, о чем все шептались на кухнях. Из сердца вынимал предельное отчаяние. Его строки как крик, как взрыв. Через песни в нас происходило бессознательное усвоение его языковой фактуры, его мыслей. Что скрывать, в душе Высоцкого всё бурлило: и смешное, и страшное. Мощные эмоции извергал. В нем всё было на разрыв. Страдал жестоко. Погиб, но не прогнулся. А его не причисляли ни к поэтам, ни к композиторам.

«Это класс-час у пятиклассников? А современные дети знают, что такое класс-час и политинформация?» — сама себя спросила Инна.

Аню уже невозможно было остановить.

— Фильмы не передадут детям всю красоту русского слова, не научат любить родной язык и литературу, не сформируют в ребенке национальной идентичности. Здесь должна

быть длительная работа мозга и чувств, приобретаемая в процесс чтения книг. При просмотре фильмов преобладает зрительная составляющая...

— Но фильмы интересуют, подтолкнул к чтению, — остановила Аню Жанна.

— А может наоборот, — не согласилась Инна. — Посмотрят фильм, и читать им уже будет не интересно.

— Все основные качества человека, его понятия, социализация и мировоззрение закладываются в детстве. Дальше они только корректируются, дополняются, развиваются и закрепляются. Вот почему я с благодарностью и уважением отношусь к работе библиотекарей, привлекающих к чтению детей этак годков с пяти-шести. Библиотека — не просто хранилище информации, она — храм души и форум, пространство и атмосфера неформального общения. И обязанность социального государства ответственно относиться к проблемам библиотек. И всем нам надо крепить союз родителей-писателей, библиотек-школ и искать наиболее эффективные методы общения с детьми в стенах общественных и культурных заведений, — провозгласила Аня. (Это слова из ее доклада на очередной августовской учительской конференции?)

— Кончай с воззваниями. Мы не твои подопечные и ты не на педсовете. Ты нам тут еще лекцию на эту тему прочти и семинар проведи. У кого что болит, тот о том и говорит, — бесцеремонно влезла в разговор педагогов Инна. — Что касается современных детей, то в их воспитании я бы больше на родителей уповала. Их пример — наиболее для них важный. А у тебя, Аня, в голове только детдомовские детиски.

— Я бы тебе посоветовала не трогать детдомовских и запомнить только одно: литературный капитал не устаревает. Пушкина, Шекспира и Лермонтова будут читать всегда. Я преклоняюсь перед величиим наследия классиков. Простота — высшая форма искусства. Этот принцип восходит к древности. Меня изумляет гармония и божественная простота свойственная античности, восхищают гомеровские метафоры. Это мощный сгусток эмоций и философии, — на усмешку Инны с вызовом ответила за Аню Жанна. (И она нашла, чем блеснуть.)

— Можно подумать, их творчеству требуется твоя положительная характеристика, — невозмутимо парировала Инна.

Жанна, нарочно не замечая иглоукальвания Инны, продолжила свои рассуждения:

— Я раньше считала, что о художественном произведении надо судить в эстетике того времени, в котором оно написано. Но по мнению философа и педагога Лотмана с текстами со временем происходит, самовозрастание. Старые книги с изменением социальных эпох и поколений, обрастают всё новыми и новыми смыслами. И они, эти смыслы уже не столько зависят от писателей, которые написали те или иные книги, сколько от читателей, в чьи руки попадают их произведения, и от критиков. Для текстов наступают такие моменты, когда они сами начинают работать на себя. Уверяю тебя, те высоты и глубины, которые мы теперь открываем в Шекспире, ему и не снились. Он о них не думал, они в нем существовали, но только подсознательно. Эта версия имеет право на существование?

Что касается меня, то в книгах моя настоящая жизнь и прекрасная реальность. В них я переживаю самые яркие впечатления, каких не нашла в окружающей меня обыденности. Серая или очень сложная действительность провоцирует зарождение фантазий. Режиссер Феллини сказал: «Наши фантазии — вот наша настоящая жизнь». А он был гением.

— Митингуешь? Надеешься меня распалить? — безразличным тоном спросила Инна.

— Зажечь можно только то, что горит, — мгновенно отреагировала Жанна.

— Не заводись, я же согласна с тобой: Пушкина и Моцарта не отменить. Классическая музыка тоже будет существовать вечно. Во-вторых: фантазии — это взгляд на жизнь творческих людей. Они могут себе это позволить. Давно ты «подседа» на Феллини? У тебя с ним биохимическая связь, на бессловесном уровне... собаки?

«Опять не обошлось без Инны. Считает для себя делом чести издеваться, поднимать всех

на смех. Любит играть с людьми как кошка с мышками», — поежилась Аня.

— В третьих. Ты и на том свете будешь бросаться лозунгами и всех воспитывать? — раздраженно добавила Инна, задетая за живое унижающим ее советом. — Сплю и вижу тебя за заоблачной кафедрой или на небесной трибуне.

— Не дожدهшься, — сердито пробурчала Жанна.

Аня пришла на выручку коллеге:

— Знаешь, как Пастернак сказал о чтении? «Это единственный способ почувствовать себя достойным человеком». Чтение и нас приподнимало над бытом и делало чище.

— Не удивила. Литература была великая, а наша жизнь — бедная. Читать было интереснее, чем жить, — хмыкнула Инна.

— Мы строили прекрасную жизнь, — остановила ее Лена.

— Современная жизнь к чтению не располагает. Да и некогда молодежи, ей зарабатывать приходится. Сейчас визуальность во многом заменила слово. Я не далека от истины? Лена, возьми на карандаш. Или все равно отошлешь нас к классикам? Придут другие времена? — Это Инна засыпала подругу ворохом вопросов.

— «У каждого мгновенья свой резон», — усмехнулась Лена.

— Мы за детское и юношеское чтение ратуем, — в один голос сказали Аня и Жанна. (Какой милый дуэт!)

— Насчет слова «единственный» можно, конечно, и поспорить. А в остальном Пастернак, безусловно, прав. Крепко его власть достала, раз он его употребил, — сказала Инна, проигнорировав реплики подруг.

— А еще Пастернак утверждал, что поэзия — спасение души, — продолжила ликбез Аня.

— И тут он не открыл Америку. Окунемся в историю. Еще Рамзес Второй над входом в библиотеку, которую сам же и организовал, повелел написать: «Аптека для души», — напомнила Инна. — Думаю, он имел в виду не только поэзию. Культура и наследственная гениальная основа позволяют нам оставаться людьми, они наши навигаторы по жизни.

— А ты сама себе модератор? — спросила Жанна. Инна не отреагировала.

— Люди не стали умнее своих далеких предков, просто много информации накопили. Я вам больше скажу: еще на нашей памяти то здесь, то там они сладострастно сносили памятники, уничтожали портреты и жгли книги, — заметила Аня. — И еще будут...

— Жечь, не значит доказывать свою силу. Наоборот. Придурков во все времена хватало. И, тем не менее, человек двадцатого века способен воспринимать намного больше информации, чем человек девятнадцатого. Мне кажется, умственное развитие человечества происходит по синусоиде. Точнее, циклами. Возьмите Китай, Древнюю Грецию, древний Рим, эпоху Возрождения, — высказалась Жанна.

— А разве не по спирали? — с брезгливой скукой на лице спросила Инна. — Ты путаешь умственное развитие с культурным. Это в нем сначала происходит частичное разрушение старого, потом новое начинает внедряться и развиваться, пока не дойдет до своего пика. Затем спад начинается, потому что не хватает у творческих людей идей и энергии, чтобы двигаться дальше. Они заканчиваются. Вот тут-то другие таланты и лидеры появляются и ведут своих последователей к новым вершинам. Наша эволюция состоит в том, что мы не сами меняемся, а изменяем окружающую среду. Мы не отращиваем крылья, мы строим самолеты.

— Ты думаешь, отдельные яркие индивиды во всех областях жизни определяют качество каждой эпохи? — спросила ее Аня.

— Безусловно.

— Даже в глухое, дикое средневековье? Им же не давали высовываться.

- Но они были. Об умственном развитии человечества имеет смысл говорить по истечении многих миллионов лет, а не нескольких сотен или даже тысяч.
- А как же буквально сумасшедшее развитие науки и технологии в последнее столетие? Это революционный скачок или преддверие апокалипсиса? — спросила Жанна.
- Предотвращением которого и занимаются ученые во всем мире, — сказала Аня, как бы заверяя печатью слова Инны, и задала следующий вопрос:
- А если речь повести о духовном и нравственном развитии?
- Оно тоже происходит, но слишком медленно, — ответила Инна.
- Приведи пример.
- Ученые утверждают, что в средние века не существовало понятия совести.
- Сомневаюсь. Может, слова такого и не было, а чувство, я думаю, всегда существовало, — решительно и безапелляционно заявила Аня.
- И у обезьян? — уточнила Инна.
- В зачатке, — ответила та спокойно.
- Чего лишает себя человек, не читая? Жизненного опыта поколений, осмысленного писателями, счастья общения с богатым языком, культурой. Он теряет возможность развить свое образное мышление, — уже только с Жанной продолжила разговор Аня.
- Но если кому-то всего этого не надо?
- Всем надо. Иначе получится, что один страну обустроивает, а другой и в своей семье порядок наводить не хочет, только разрушать способен.
- Люди находятся на разных этажах сознания и интеллекта. Умные книги нужны всем, но они должны быть разными по степени сложности и доступности.
- И без колеса человек обходился, корешки жевал, разговаривал на языке Элочки-людоедки, — тихо, но заливисто рассмеялась Инна.
- Насмехаешься? Надо поднимать общий уровень развития людей и их культуру. Книга гармонизирует личность, тренирует и закаляет душу, — возразила ей Жанна.
- Опросы показывают, что современные подростки читают несравнимо меньше нас, но Пушкина и Лермонтова не обходят стороной. Печорин им близок. Не оглохли окончательно за перестройку, воспринимают поэтическую ткань стихов, наслаждаются словом, строем речи. И фильмы пятидесятилетней давности смотрят и наслаждаются, — сказала Аня.
- Серебряный век! Что не имя, то глыба! — вздохнула Жанна.
- «Бесы» — совершенно беспросветное произведение, но тоже притягивает школьников.
- Потому что, кое-кто из представителей нового поколения «как бесы уже оседлали свои мерседесы...» и подвергают окружающих серьезному испытанию. — Конечно, это Инна ехидно подметила. — Ужасики дети любят, Шрек и Гарри Потер у мальчишек на первом месте. Мои внучатые племянники выросли на них. Они в Гарри Потере находят свою идентификацию. На данном этапе «Гарри Потер», — вершина подростковой литературы. Майн Рид и Беляев уже не увлекают. Я им пыталась их читать. Скорость разворачивания событий детей не устраивала. Говорили, что тягучий темп и нет созвучия с сегодняшним днем. Справедливости ради посочувствую давно ушедшим из жизни авторам: время безжалостно к их великим творениям. Ритм современной жизни оттеснил их в тень. То, что нас удовлетворяло, нынешним детям не подходит, потому что читают они произведения прошлого мозгами двадцать первого века. Мы в басне Крылова ценили трудолюбивого муравья, а они стоят

на стороне стрекозы, жалеют ее. Вот я и думаю, нужен ли им «Тимур и его команда»? Может, детей надо воспитывать через посредство того, что им интересно?

— Наверное, из-за Чехова Майн Рид в нашей юности прописался на российских просторах. Мы и сейчас много философствуем, в душе копаемся, а нашим детям очень не хватает положительной дерзновенности и в делах, и в мыслях. Они только до компьютера добрести могут, — сказала Аня. — Вот почему наша Сибирь свободна от приключений? Почему в ней не прорастает бытовой героизм, как у Джека Лондона на Аляске? Книг про войну детям не достаточно.

— Видишь ли, в чем дело: очередь у нас до Сибири никак не доходит, — полушутя объяснила Инна.

— Эх, выйти бы на пенсию да поехать, как западноевропейские старички путешествовать по Сибири, а потом и по Африке!

— За вдохновением, что ли? Аня, на какие шиши? После дефолта успела накопить?

— Пока не при деньгах, но накоплю.

— Хорошо хоть «Анна Каренина» у девочек на главной полке, — вернулась Жанна к вопросу о воспитании. — В моем личном школьном детстве она была на втором месте после романа «Воскресенье». Помню, меня потрясли чувства впервые влюбленной и беззаботно и безжалостно совращенной юной девушки, и ее жуткая дальнейшая судьба. Как мужчина мог так точно и тонко прочувствовать и описать малейшие нюансы женской души? Все-таки мужчины и женщины — одной природы! Да... Толстой — великий психолог!

— Кто спорит! — сказала Аня. — Но меня возмущали запоздалые раскаяния Нехлюдова, стубившего искреннюю незрелую душу. Я ненавидела его «стенания», ничем хорошим не закончившиеся для Катюши Масловой. Я считаю, что именно эта книга нужна влюбленным девчонкам. Она вправляет мозги, заставляет задуматься о реальной жизни.

Для меня Анна Каренина — женщина, забывшая свой материнский долг и сама жестоко наказавшая себя за это. «А любовник ни в чем не виноват? Он ведь знал, что Анна замужем. Зачем же влезал в чужую семью? Значит, мужчине позволительно быть ветреным, можно пакостить, и он не наказуем? Творят зло вместе, а отвечает только женщина? Вот и Толстой туда же...» — с горечью и обидой на несправедливость взрослой жизни обижалась я.

— Для русского человека что хорошо, то и справедливо, — заметила Инна.

— Для Вронского одно хорошо, для Карениной — другое. Рельсы их справедливости проложены в разные стороны. Вот и соображай, как их стыковать, — вздохнула Аня.

— Как ты думаешь, почему именно роман «Анна Каренина» — одну из самых трагичных страниц русской классики — восхваляют и часто экранизируют? — спросила Аню Жанна.

— Каренина — испорченная женщина, бросившая мужа и сына ради любовника. Она в своей ветрености сравнялась с мужчиной. Позор! А в «Воскресенье» молодой человек виновен в несчастьях наивной девушки. Зачем же мужчинам подчеркивать свою не порядочность, высвечивая, таким образом, одну из главных причин сломанных женских судеб? Себя покрывают. Они бы сначала подсчитали, сколько женщин на тысячу обследованных бросают своих детей и сколько это же делают теперь мужчины, а потом уж решали, какая проблема важнее и кого надо воспитывать и наказывать, — жестко и категорично ответила Аня.

— Я иногда слышу, будто Толстой открывал истины, которые были известны еще древним философам, что его идеи — социальное прожекторство. Он утверждал, что человек существует для других людей. Вообще-то говоря, очень двусмысленная фраза. И государство осуществляет насилие одних над другими. И это звучит как приговор...

— Ничего себе! — непонятно по какому пункту заявлений Инны вспыхнула Аня.

— Себе ничего, — игрой слов отреагировала та.

— Только ведь надо понимать, что Толстой себя изучал, в себе находил недостатки и искал пути их преодоления в каждом из нас. В этом я вижу его великую заслугу. Он был человеком с обостренной совестью. Для него была важна полная праведность человека, прежде всего, перед самим собой, — твердо сказала Жанна.

— Да-а-а, мы были избалованы высокой литературой, — задумчиво произнесла Аня спустя некоторое время, и лицо ее озарилось радостно-мечтательной улыбкой.

«Была великая литература, но плохая жизнь.

А теперь?» — задала себе вопрос Инна.

«Как мило и спокойно закрыла Аня больную для женщин тему», — подумала Лена.

И Жанн улыбнулась. Ей почему-то вдруг вспомнилось одно далекое лето: база отдыха металлургов, приятная семья в соседнем домике. «Меня удивил и восхитил их десятилетний сынок. Он выполнял любую просьбу родителей с удовольствием. Обычно дети начинают ныть, мол, не охота, потом сделаю. А этот мальчик, чем бы ни был занят, мгновенно вскакивал и с радостью бежал выполнять поручение. Лицо его сияло счастьем, когда мама молча благодарила его улыбкой. Я тогда еще подумала: «Это результат мощной положительной генетики или мудрого родительского воспитания? А может, просто они все по-настоящему друг друга любят?»

Потом ей своя молодость вспомнилась. «Когда я вела детей в детский сад или назад, домой, то всегда с ними пела. И когда в школу — тоже. И вот раз запела взрослую песню. Сынок почувствовал любовь того человека и со слезами бросился ко мне на шею. «Мама, мне хорошо, но почему я плачу?» — спросил он. «Это от счастья», — ответила я. И тоже заплакала».

Жанна поняла, что очень скучает по своей семье. Она плотнее завернулась в одеяло и словно отгородилась от всего-всего, что не касалось ее любви.

12

Инна разговор с Леной продолжила:

— Чтобы распознать поэта тебе надо прочитать всего лишь несколько стихотворений?

— Как правило, да. Но выбирать стихи надо из сборников разных периодов жизни, чтобы сравнить, почувствовать развитие, найти лучшие.

— Что ты любишь из Цветаевой?

— Ты, наверное, удивишься: «Мне нравится, что вы больны не мной».

— А из Мандельштама?

— «Век».

— Всего-то? Даже Аня с ее великолепной простодушной наивностью и высшей формой непосредственности любит из него больше, — заявила Инна.

— Ты ряженая. При твоём-то триумфе бесчувственности и бессердечия...

— Ну что ты, Инна, я только на пути познания Мандельштама, — нервно откликнулась Аня, испугавшись резкости Жанны. — Скажем так: он мне близок, но чем, я пока не поняла.

— Тем, что его стихи рифмуются с ударами твоего сердца, тем, что они главное дело его жизни... — подсказала Жанна.

— Неравномерными ударами, — своим восприятием уточнила Инна чужое мнение. — Мандельштам уже в детстве писал сильные стихи. Говорят, поэты становятся взрослыми

гораздо раньше обычных людей, что рифма — ускоритель жизни, потому что она — спрессованный опыт. И в каждой строчке стиха — вселенная! Не всякому дано снять печать с этих строк, понять природу слова поэта.

— А драматургия, по-моему, — это, прежде всего, подтекст, — сказала Жанна.

— В стихах его тоже хватает.

— Некоторые стихи Мандельштама для меня — высшая математика, а углубляться в них — как совершать цирковой трюк падения в бездну без страховки. Изучение его стихов требует полного эмоционального и умственного, я бы сказала... жертвования. Такая насыщенность и целостность! Его жгучий темперамент подстегивает меня... Пастернак и Мандельштам, как мне иногда кажется, пишут в одном ключе, хотя вроде бы совсем разные. В них сразу не вникнешь. Читать их трудно. Непонятно, где кончается одна строчка и начинается другая. Их расшифровывать приходится. И на слух многие их стихи я не воспринимаю. Они... нет, все-таки как отдельные планеты.

— Этим поэтам в нашей стране воздуха не хватало, — сказала Лена.

— А нам ума, — рассмеялась Инна.

— Ну... невротика Бродского я бы к ним не отнесла. Может, он великий мудрец, провидец и не гладит по шерстке, но я глуха к нему. Для меня он монотонный и занудный. Если только отдельные сильные строки... — созналась Жанна.

— Наставила нас на путь истины! У каждого поэта свои заморочки, — с чувством превосходства усмехнулась Инна. — Мандельштама нельзя понять без знания предыдущего наследия поэтов. А еще, может, потому он труден, что за ним тянется шлейф Магадана... Чего проще: «Люблю грозу в начале мая».

— Воображаешь, что таким образом отсылаешь меня к классикам? Или Тютчева к ним уже не относишь?

— У каждого свой ряд предпочтений, я не хочу примазываться к общепринятому. Меня, например, Ваншенкин недавно пленил. Раньше я его не замечала, а теперь поставила на почетное место среди любимых поэтов. Увековечила... в своем сердце, — сказала Аня.

— Широко известен в узком кругу.

— «Мосты упали на колени и воду из Дуная пьют». Это он про войну. Иногда, чтобы прочувствовать душу поэта, достаточно одной его удачной строки, — сказала Лена, сделав вид, что не заметила затертую Иннину шпильку.

— У Мандельштама тяжелые мужские рифмы, — заупрямилась Жанна.

— Это естественно при его трудной жизни, — заметила Аня.

— Я недавно прочитала о нем. Раньше эти знания не приветствовались. Можно было залететь... туда же. В молодости я не имела выхода на такого рода литературу. Кое-кто мог бы свести с нужными людьми, но Коля остерегал, говорил, что она для тех, для кого этот шаг — акт отчаяния.

— Для меня красота вмещает не только правду, но и доброту, и безмерную глубину тонких чувств. Правда без любви — это ложь, это кнут. Поэтому Роберта Рождественского я больше люблю. Он из прекрасных шестидесятых, из времени торжества поэзии! Но некоторые фразы Мандельштама поражают. «Когда б вернуть мне зрячих пальцев стыд и выпуклую радость узнавания». Может ли какой мужчина о телесной любви сказать более осязаемо?! — Это Лена сказала.

— Одна строка или одна политическая метафора Бориса Пастернака могла высветить столько, сколько не поймешь, прочитав десятки томов исторического содержания. Жаль, я не могу сейчас вспомнить и воспроизвести его слова о Ленине и революции. Мозги устали, — смущенно оправдалась Инна.

— Лена, кто из поэтов тебе предпочтительней? — спросила Жанна.

— Как и в музыке, я у любого автора беру с моей точки зрения самое лучшее.

— А я иногда, под настроение, не против причаститься стихами Вознесенского, почувствовать их музыкальность, — сказала Аня. — Лена, как ты считаешь, Цицерона, Апулея и Золя еще читают? Мне почему-то «Золотой осел» и «Земля», тайком прочитанные в детстве, вспомнились.

— Все сейчас пресыщены открытостью жизни и ее проблемами. Апулей уже не потрясает. Но еще радуется, — хихикнула Инна. — Кто бы превзошел его по пылкости и трогательности! Вот было бы увлекательно!

— «Читал охотно Пастернака, а Апулея не читал». Нет, «Читал охотно Конан Дойля... Пинкертон...» — это, пожалуй, больше подходит современной молодежи, — вслух решила Аня. — Да уж... «Улисс» Джойса она, наверное, не знает.

— Сама-то ты с ним знакома? Насмелилась вникнуть? Сподобилась! Осилила?! — удивилась Инна.

Аня смущенно ответила:

— Пока не смогла одолеть. Он ввел в текст массу головоломок по его словам затем, «чтобы следующие триста лет критикам было чем заниматься, и чтобы обеспечить себе бессмертие». Он облакал в шуточную, прикольную форму вполне серьезные вещи и тем придавал им парадоксальное звучание. Это хорошо продуманное, внутренне идеально структурированное, но очень сложно устроенное произведение. Чем и отпугивает.

— Чем еще оно оригинально? — поинтересовалась Жанна.

— Язык трудный, может, и уникальный, но абсурдный. Как он жестко и своеобразно дает собственный портрет! В этом есть какая-то его странность, особенность, что ли... Писательство Джойса — его биологическая потребность, способ существования. Он «выписывает текст изнутри себя... как из желудка».

— Лена, ты тоже так считаешь? — спросила Жанна.

— Ленка у нас без заскоков. А тебе, Аня, стоит разнести такие понятия как нездоровая психика и талант, — посоветовала Инна.

— Это даже ученым и врачам не всегда удается, — парировала та.

— Джойс был правовестником новой литературы? — спросила Жанна.

— Не знаю. Большинство писателей-современников воспринимали его радикальные интерпретации негативно, не вбирали в себя. Физик Юнг считал, что у Джойса большое воображение, — ответила ей Инна.

— Мнение современников и потомков могут сильно различаться, — заметила Жанна. — Его наследниками я полагаю Самуила Беккета и Хармса — звезд абсурда и бессмыслицы. Они считали Джойса гением, утверждали, что у него в произведении поразительное сочетание сознательного и бессознательного.

— Большой писатель, как правило, не школу создает, а поле, в котором купаются последователи. Многие пытались подать себя как Джойс, но не то, не то... другое, не магическое, не затягивает, не вовлекает. Он выуживал свои тексты из потока подсознания. В нем масштабная космическая поэтика, универсум, вселенная! В нем вся английская литература, весь Человек. Как у тебя с английским? Не забыла? Почитай его в подлиннике. Это же музыкальное произведение! — посоветовала Инна.

— И все же в чем основная трудность его прочтения? — взялась упорно настаивать на разъяснении Жанна.

— В тексте нет автора, который обычно руководит читателем. Он не объясняет, как его понимать, как разобраться в мощных слоях хитросплетений его дискурсов.

— Тяжко без гида? — с усмешкой заметила Жанна.

— Я, конечно, не отношу себя к сверхвысоко квалифицированным читателям, но тоже не лаптем щи хлебаю, — спокойно, с достоинством ответила Инна. И Жанне стало стыдно за свой необоснованный и мелкий укол, тем более, что им она ничего не выигрывала.

Но Аня ее выручила привычным методом — перескоком в другую тему:

— Сейчас в основном взрослые читают что «надо», что может пригодиться в дальнейшей работе.

— Звучит кощунственно. А как же литература «для души»? — мгновенно откликнулась Жанна.

— «Нелепо, смешно, безрассудно, безумно, волшебное!» — пропела Инна.

«Лишний раз убеждаюсь, что у Инны гениальная способность непринужденно уводить слушателя от заявленной темы, что дает ей возможность манипулировать людьми. Но в данном случае она поступила лояльно, не завелась. А из Лены щипцами надо вытягивать ее мнение. Даже на этой близкой ей теме нам не удастся сломать лед ее молчаливости. А тогда... на первом курсе, ее, бывало, не остановишь, журчала, как звонкий весенний ручеек, — вспомнила Жанна. — А может ее молчание — лучшая демонстрация неодобрения наших мнений? Вот бы подобрать ключик к ее неразговорчивости».

— Понравится ли нашим потомкам Апулей, не перестроит ли он им мозги? — все-таки спросила она Лену.

— Понравимся ли им мы? — сонно отшутилась та.

А Инна, взглянув на Лену, неожиданно подумала: «Губы у нее совсем девичьи, будто не целованные. И рисунок четкий и припухлость детская».

— Я читала, что поэт — это человек, который стоит на краю вселенной и мысленно всю ее охватывает! — восторженно сказала Аня. (А она далеко не сухарь!)

— Поэтично. Но это о гениях сказано, — откликнулась Инна.

— Я еще в детстве заметила, что тексты некоторых книг оказывают на меня гипнотическое воздействие. Они завораживают, притягивают, не отпускают. Наверное, это происходит на каком-то психофизическом уровне. Здесь работает степень условности в безусловном пространстве текста или на читателя действует энергетика самого автора необъяснимым, невидимым, бесконтактным способом пронизывающая произведение и вызывающая отклик в наших душах. И мы представляем всё написанное им так отчетливо, так выпукло. Я лично всегда «видела», героя, за которым мне хотелось идти. Вот так, бывало, почитаю, подумаю и пойму, что не так поступаю, и не совершаю того, что могла бы сделать только ради того, чтобы «кровь привести в волнение». Получается, что, читая, я приходила к осознанию не столько героев, сколько себя. И если ребенок это почувствовал, его не оторвешь от книг.

— Должна огорчить тебя, Аня: плохие люди, как правило, даже в детстве книг не читают.

— И напрасно.

— Неправда, даже в тюрьмах читают, — возразила Жанна.

— А если и читают, то понимают по-своему, откапывая в тексте смачные места и что-то близкое своим порокам. Один мой знакомый с восторгом рассказывал мне, что его любимый герой «небезуспешно ухаживал за девушками». И это все, что он вынес из биографии великого человека, — усмехнулась Инна. — Видно никто вовремя — в раннем детстве — не направил его ум в нужную сторону. И в «Трех товарищах» Ремарка он увидел только попойки друзей, но никак не великую дружбу и пацифизм.

— Преступники глупые, слабые, оттого и жестокие. — Аня вздохнула тяжело

и прерывисто. Она всех искренне жалела.

— Среди них встречаются зубры: умные, но злые, неправильно ориентированные личности, — напомнила Инна.

— Говорят, будто писатели видят глазами души и что Бог водит их рукой. Правда это или высосано из пальца? Но приверженцы этой теории держат круговую оборону. Я подозреваю, что первоначально в этих словах был заключен совсем другой, может быть даже юмористический смысл. А вдруг это лишь попытка оправдать свою бездарность, свалив всю вину на Всевышнего? Ведь наверняка есть такая категория писателей? Я теряюсь в догадках, — пошла в атаку на Лену Инна.

«О технарях подобного диспута не услышишь. А ведь инженер, по большому счету, тоже творческая профессия. А учитель? Уж куда как творческая. Да и вообще... в любом деле нельзя без полета. А вот Инна — я кишками чувствую — презрительно относится к профессии педагога. Я же считаю свою работу очень важной. Не быть толковому инженеру без хорошего учителя. Мы — первичное звено, — сделала вывод Жанна. — Правда, последнее время всё упирается в качество педагогов. Нет конкурса в педвузы, и троечные учителя выпускают из школ троечных учеников. Да и материальная база учебных заведений только компьютерами пополняется, а они в обучении не панацея, а только инструмент».

— Мне твои прекрасные вопросы не хочется портить тривиальными, недостойными ответами, — пошутила Лена. — Ну... если только под Богом понимать вдохновение. А фразы на самом деле формируются без сознательного участия автора. Наука пока не дает ответа на то, как слова приходят к нам в голову и как вообще рождается талант. Это тайна, загадка Природы, вопрос вопросов. Не размышляла я над природой писательства. Собственно, любая профессия требует определенной предрасположенности, соответствующих данных. Для меня очень важно только то, что человек по-настоящему свободен в творчестве. Свобода его максимально раскрывает.

— Не созрела отвечать на такие вопросы? И все же... — попросила Аня.

— Не возьмусь формулировать научное обоснование, но сама себе я объясняю эту способность строением мозга. Мозг, как и сердце, орган выполняющий ряд определенных функций. Он адаптирует тело к окружающей действительности, строит внутри себя картину мира с учетом нашего собственного внутреннего генного «я», полученного от родителей, которое в нашей жизни как указатель, как красная стрелка. «Я» — это факт нашего сознания. Каждое новое восприятие проходит через фильтр уже ранее воспринятого и накопленного. Если нет потребности в адаптации и развитии, мозг хуже работает. Реальность мы осознаем неодинаково по ряду причин: гены, социальная среда, воспитание, обучение... Не стану вдаваться в подробности, это дело специалистов.

Наука не развивается по прямой. На данном этапе биология выступает впереди физики. И я надеюсь, успешно. Надеюсь, кое-что разъяснится и в нашем вопросе. А вот изначально ли предначертано писательство судьбой свыше или нет... не знаю. Предки наши ведь как говаривали: «Человек нарождается — судьбой нарекается». Судьба человека записана в генах, но насколько она предопределена? Случайно ли складываются гены в такую комбинацию или в результате каких-то сбоев появляются дети с ограниченными или аномально положительными способностями? Наверное, в природе есть законы не только развития, но и ограничения человеческой популяции. Как в физике.

На земле у всего живого единый генетический код. Он будто разлит в воздухе. А есть ли в этом промысел Божий?.. Ни наука, ни религия пока не могут дать ответы на высшие запросы духа. Но мы же как воспитаны?..

Лена улыбнулась.

— Не догоняю, — удивленно изогнула брови Инна и сменила улыбку на усмешку. Ей не понравилась ссылка на Всевышнего.

— И не надо, — попросила Лена. — А вот «почистить» свой «словарик» тебе стоит. У тебя народная речь с бандитской примесью, с ... каторжным оттенком. Добиваешься полного совпадения?

— Она вросла в меня, — кокетливо надув губы, — ответила Инна.

*

Аню от Жанны не оторвать. Спелись. Одно слово — педагоги.

— По улице нельзя пройти, чтобы не споткнуться о поэта. Титулы писателей раздаются как ярлыки на княжение. Их иногда навешивают из добрых чувств, не в части таланта, а из уважения к человеку, — сказала Жанна.

— И в части... блата.

— Между понятиями поэт и хороший человек можно поставить знак равенства?

— Я бы не рискнула. Недавно видела по телеку, как известный писатель при разводе вел раздел своего имущества, стараясь оставить жену и маленького ребенка ни с чем или на минимуме. Да еще пытался доказать, что прав. Противно было смотреть. Я и до этого к нему предвзято относилась — недолюбливала, — а тут вовсе презирать стала. Честное слово, — завершила Аня и сразу спросила:

— Истина равна правде? Что есть истина?

— Важно, что ты сама вкладываешь в это понятие, — ответила ей Инна. — В шестнадцатом веке Шекспир писал, что «правда слабоумием слывет» и «здесь правда у позорного столба».

— Как я его понимаю! В ответ на мою патологическую честность люди часто крутили пальцем у виска, — вздохнула Аня. — Не умею я ни локтями работать, ни траншеи подрывать ложью. Честность — черта опасная. За несколько веков ничего не изменилось.

— Набиваешь себе цену? Ты безжалостна в своей честности, — заметила Инна.

— А ты, издеваясь, забавляешься, — обидчиво воскликнула Аня.

— Всегда существовали честь и бесчестье. Противоречие — главное содержание жизни и закон ее развития. А Экзюпери сказал, что «истина — это то, что можно доказать и то, что невозможно избежать», — процитировала Инна.

— Приятно удивила. Ты у нас ходячая энциклопедия! Но я не без основания опасаясь, что в современном мире не до философствований об истине, — сказала Жанна.

— А у меня сначала сложилось впечатление, что я не произвела на тебя впечатления. Истина равна пределу, к которому стремится отношение дельта икс к дельта тэ, при дельта тэ стремящемся к бесконечности. А так как за икс люди берут совершенно разные функции, то значения истины у них не совпадают, — четко сформулировала Инна.

— Мне нравится ход твоих мыслей, но не компостируй мозги, подводя под философские понятия математическую базу. Да разве тебя переубедишь? Все равно на своем настоишь. И добром это не кончится, — вздохнула Жанна. — Ты неукоснительно придерживаешься только своих правил. Или, может, статья, я ошибаюсь, и мне представится отличная возможность убедиться в обратном?

— Исключаю такой вариант! Шучу. Я просто подчеркиваю неоднозначность подходов к данному понятию, — с невыразимо скучающим видом объяснила Инна, словно гордясь своим безразличием. Но тут же брезгливо скривилась: «Обиделась! Пусть не рыпается. Подумаешь, фифа дальневосточная, приморская. Удостоила себя лицезреть! «Помани дурака, придет издалека». Из вредности буду ей перечить, дурачить и открыто насмехаться, чтобы быстрее отвязалась».

— ...Возьмем Пушкина, Демьяна Бедного, Хармса. Все они — поэты. И всех их в один ряд? Лично у меня для понимания Хармса не хватает воображения и способности к отвлеченным фантазиям. Рассмотрим святыню троицу, созвездие современных корифеев-прозаиков: Акунина, Сорокина, Пелевина. Да, еще Прилепина. Куда ни плюнь — везде великие писатели! Их имена у всех на слуху. Властители дум, кумиры поколений! Им внимают, им рукоплещут! Они составляют славу страны! Их книги являются принадлежностью нашего времени и вечности! Это будущие обитатели русского Парнаса? Их творения, обернутые в бархат и тесненную золотом кожу, тоже станут памятниками литературы наряду со «Словом о полку Игореве»? — надменно спросила Инна. — Завернут в бархат произведения или самих авторов? Да нет же, в бронзе отольют, — подбросила еще одну шпильку Инна.

Но подруги не заразились ее эмоциями.

— Неправомочный вопрос. Это произведения разных эпох. Их нельзя сравнивать, — спокойно заметила Аня.

— Почему же? А с Шекспиром и Пушкиным можно? Тебя не смущает развязный агрессивный тон некоторых современных произведений? Раньше так не писали. Но если к делу подойти правильно... Ах, эти неумолимые доводы здравого смысла и не находящие себе оправдания... тайные мечты!.. Ты в этой ситуации чувствуешь себя до известной степени растерянной?

— Не пойму я тебя: то ли хвалишь, то ли ругаешь писателей? Хватит трепаться. А Поляков? Я за него хочу заступиться. Не назвать его среди знаменитых современников — неправильно! Его Америка знает, — возмутилась Жанна. — Он для тебя писатель не первого ранга или вовсе стоит особняком?

— Получил признание за рубежом и уже в зоне святости, вне критики? Тоже мне критерий истинности! Масштаб личности писателя надо рассматривать в контексте своей эпохи и своей страны. Мне ближе феерия юмора Шукшина. За границей эти современные писатели представляют нашу страну. За их спинами Пушкин и Гоголь! Они марку обязаны держать! — озаботилась Аня.

— Так и держат! Аня, говори спокойно, без надрыва, без измышлений. Каждая страна гордится своими талантами. Я уверена, что современные писатели и поэты впишут в историю нашей литературы свою яркую незабываемую страницу. (Расхожие представления, шаблонные фразы...) Критикуешь гигантов? Ты с nepозволительной легкостью слишком вольно обращаешься с громкими именами. (Часто люди критикуют не от большого ума.) Взорвалась фонтаном вопросов! Затеребила всех. Главное, чтобы писатели сами не относили себя к святым или к категории неприкасаемых, — сказала Жанна.

— Славные имена — это во многом случайный выбор. В их ряду могли бы быть и другие, — теперь уже спокойно ответила на Иннины эмоции Аня. — Просто их некому туда препроводить. У них нет поддержки.

— Инна, у меня от тебя в голове нарастает звон ударов пульса, и буквально закипают мозги. Теперь эстетика, язык, темы — все иное. Другая эпоха, естественно, новые имена. Ниспровергатель! Собираешься обрушиться на современных писателей, раздраконить их? — поджав губы, поинтересовалась Жанна. — Тебе приятней и родней необъятный Бальзак? Обязательно нужна опора на классику? Я недавно Водолазкина прочла и была в восторге. Роскошная проза. Такой сюжет не придумаешь. Прекрасный слог, блестящий русский язык. Люблю книги, которые читаются захлеб. И те, в которых выплескивается что-то особенное, божественное.

— Насчет Водолазкина ты права. Знаешь, читая, я его представляла совсем молодым человеком, а он седовлас. Недавно Викторию Токареву перечитала и поразилась. Ее рассказы, оказывается, в духе О, Генри! — поделилась открытием Аня.

— А Риту и Аллу ты не видишь в ее компании? Они не могут быть ровней ни ей, ни знаменитым мужчинам? Они же не пишут слащавых совковых женских романов, но о них не больно-то распространяются. Разве этих женщин не постигает

разочарование в связи с тем, что их имена не значатся в одном списке с Токаревой?

— Может, не доросли? — осторожно предположила Аня.

— Они где-то поодаль стоят? Чем хуже женский детектив в сравнении с мужским или, допустим, та же фантастика? Ты не готова обсуждать эту проблему? — спросила Жанна.

— Они не около и не примыкают, а в своем, женском ряду стоят, параллельном относительно наших мужчин-современников, которым я, конечно, отдаю должное и причисляю к лучшим творцам конца двадцатого и начала двадцать первого века... — со злорадным задором начала Инна.

— Почему в отдельном, а не в общем?! Надо сломать рамки и встать в один ряд с мужчинами, — возмущенно заявила Аня. — «Женская проза! В ней длинные стилистические конструкции, избыток прилагательных. Мы пишем короче и четче», — говорят мужчины пренебрежительно. — А как же Толстой, Золя и им подобные авторы? Посмеемся вместе с великими классиками? И потом, чувства одной строчкой не выразить, эмоции тем более. Факты требуется излагать коротко. Пусть предьявят другие доказательства своего превосходства, тогда и поговорим. Мужчины одним сильны, мы, женщины, — другим. Не тема писателя выбирает, а писатель тему — добавила она, и как бы поставила точку в разговоре с Инной.

— Современные мужчины усиленно приковывают наше внимание к гендерным признакам. Выделять женщин-писателей в отдельную категорию, это как отставлять в сторону лысых, кудрявых и рыжих, — опять возмутилась Аня. — Почему мужчины всегда разделяют и разводят? Риторический вопрос? Боятся сравнений? Считают свои произведения слабее? В чем проигрывают? Женщин-врачей уже не дискриминируют. Свыклись. А об учителях я вообще не заикаюсь. Тут, скорее, наоборот...

— Ну, если учесть, что женщинам до недавнего времени не позволялось носа из кухни высовывать, а теперь они рулят, — усмехнулась Инна. — Хорошая литература не имеет пола. Нет женской прозы, женской живописи или скульптуры. Ты отличаешь творения Родена, от произведений его помощницы? Между прочим, после ее ухода он больше ничего не создал. Этот факт не наводит тебя на грустные размышления?

Я недавно «Синдром Петрушки» Дины Рубиной прочитала, — вместо того, чтобы продолжать отвечать Ане, задумчиво поделилась Инна. — Мощнейшая психологическая вещь. Гениальная. Мне за нее хотелось поклониться автору. Книга об эгоизме, непонимании между любящими мужчиной и женщиной, об одиночестве вдвоем, о чуть ли не патологическом увлечении любимым делом и последствиях всего этого... Я читала и думала, что если бы у меня не было племяншей, для меня всё могло бы закончиться вот так же... Бывали такие моменты. А я отношу себя к категории сильных.

— Рубина уже не наша, — напомнила Жанна.

— Какая разница! Она свое советское нутро из себя до конца еще не скоро вытравит. Оно из-за каждого угла выглядывает и выпирает как ребра из худосочного тела. Оно словно тень облаков над всем... У Рубиной советская фактура произведений, наша закваска, наше тонкое понимание души, — безапелляционно заявила Инна.

— Мужчины утверждают, что женщины плетутся в хвосте событий, а через их произведения проходит своевременный анализ жизни всей страны. «А они не добирают в чувственности и эмоциональности», — могла бы возразить я. Но сочту за лучшее промолчать. Каждый творец ценен своей индивидуальностью, — сказала Аня.

— Не слишком ли много у нас гениев на один квадратный километр территории? Есть ли у нас сейчас писатели такой общественной значимости как Распутин? — сама себе задала вопрос Инна.

— По мне так экология семейных отношений не менее важна экологии природы. И почва для этой темы слишком благодатная. — Лицо Ани передернула короткая, какая-то извиняющаяся улыбка.

— Значит, книги наших девчонок чего-то да стоят! Инна, завидуй, — фальшиво

засмеялась Жанна.

— Для полного счастья мне только этого и не хватало, — отозвалась та.

— Инна, не пойму я тебя. За кого ты стоишь? — растерялась Аня.

— Я жду открытий, новых имен, которые обрели бы особое звучание в нашем расхристанном обществе, чтобы их книги сметали с полок магазинов! Я жду пришествия русских литературных гениев!

— Чтобы современные читатели опустошали прилавки? Ты давно посещала книжные развалы и библиотеки? — спросила Аня.

— Здрате-пожалуйста! Приехали!.. А я о чем? Давайте, не мешкая, сами поделим всех писателей на известных, знаменитых, талантливых и гениальных.

— Какая самоуверенность! Не нуждаются писатели в твоей классификации. Да и не по тебе эта работа. Пупок надорвешь. Как зубами-то заскрежетала! — усмехнулась Жанна.

— Такие прекрасные слова забалтываем, — тихо заметила Лена.

Инна взглянула на подругу. Та молча кивнула на ее немой вопрос и закрыла глаза.

— Писатели разные, их нельзя ни сравнивать, ни в одну кучу сваливать. Каждый велик по-своему. В современной литературе есть много имен, заслуживающих самого пристального внимания, — вступилась за писателей Аня.

— Так уж и велики, — хмыкнула Инна.

— У нас тот не велик, в кого не бросают грязью, — отметилась неконкретной критикой Жанна. — Лена, твоя слава еще не достигла пика?

— Нет, — отмахнулась Лена и еще глубже «погрузилась» в подушку.

— ... Мне Пелевин подходит. Его тексты наполнены аллегориями и метафорами, — тихим шепотом поделилась Аня. — Он пишет о вымышленной современности.

— Милый мой склеротик, не путаешь ли ты его с Поляковым? — удивилась Инна. — У него сочный русский язык и такое мощное переплетение смыслов. Он уже титулованный классик. Многие лета ему. Прочитай его черную, апокалиптическую комедию «Чемоданчик». Сплошь едкая афористическая критика.

— Каждому художнику интересно по-своему обыгрывать жизненное пространство, соединять не соединяемое. Иначе не стяжать ему славы. — Это Жанна попыталась теоретизировать.

— По мне так фантастика Пелевина несурозна. (Инна подначивает?)

— Ты что, Пелевин умопомрачительный, фантазмагорический фантаст. У него особая сатира, — сказала Аня.

— Особая? Обычная, мужская, — не согласилась Жанна. — Сейчас во всем мире в моде галлюциногенная фантастика. Буквально засилье ее. Шизофреническая разорванность сознания, двоемыслие, многомыслие... тонкая грань между выдумкой, мистикой, мистификацией и фантазмагорией. Бог знает что! В ней много откровенного безумия, которое не цепляет, но пугает. Сработана она, конечно, хорошо, но зачем? Фантасты ставят себе некую особенную художественную задачу? Они ищут выход в новые философские идеи и в их осмысление? Может, пытаются найти входы в подсознание, когда человек в пограничном состоянии? У этих писателей патологический интерес к его самым темным глубинам? Их не пугает мир, лежащий за гранью рассудка? Они любители пощекотать нервы? Во времена Леонардо да Винчи у людей искусства тоже был высокий уровень восприятия жизни и созданных ими произведений, но без отклонений.

— Не надо в каждом произведении искать магистральную линию... партии. Универсализм теперь не нужен. Мы не создаем новый капиталистический народ взамен советскому, — фыркнула Инна.

— Фантастика не представляет угрозы для реалистической литературы, не поглотит ее? — посетовала Жанна.

— Да брось ты. У всякого свой «барабан». Чувствуешь себя мальчишкой-героем — пиши о мушкетерах! Пламенный привет мужественным, но бесшабашным персонажам и их счастливым читателям! В пылу веселья всем море по колено! — привычно насмешливо и патетично ответила ей Инна.

— Людям нравится фантастика, они как-то сразу к ней потянулись. Она же в плену держит, невозможно оторваться. Она нужна людям, иначе бы ее не переводили на разные языки, — спокойно сказала Аня. — Фантастика в человеческом сознании творит чудеса. Она раскрепощает, делает более счастливыми. Писатели создают мир, которого нет, но он настолько осязаем, что, кажется, будто на самом деле существует.

— Только Агата Кристи и Жюль Верн все равно по количеству переводов на другие языки занимают первые места, — заверила подруг Жанна. — Чем хороши фантасты? Тем, что их интерпретации фактов, интереснее самих фактов? — с сомнением спросила она.

— Да, это парад литературных трюков, аттракционов и занимательных моментов! Пиршество новаций и идей! Изощряются, кто во что горазд, — весело ответила ей Инна. — А тебе нужны голые журналистские, отличающиеся только неожиданными фактами сюжеты или страстные нравственные, но громоздкие проповеди Толстого? Либо отражение реальности, либо изображение иллюзий? Это разобщение. Но сам факт — я читала — еще не есть правда. Правда в литературе — внутри художественных образов. Они доводят повествование до совершенства правды, — разъяснила Инна свою точку зрения Жанне.

— Для школьников в большей степени нужна не фантастика, а приключенческая литература. Она не уводит детей от реальной жизни, но подпитывает неистребимую любознательность, воспитывает благородство, достоинство, развивает чувство необыкновенного и воображение, без которого человек не поймет, что кому-то, допустим, больно. Приключения — это череда экстремальных обстоятельств, в которых добро и смелость обязаны восторжествовать. Авторы и их герои призывают превозмочь возможности среднего человека. Эта литература не назидательная, а авантурная и интересная. Она — источник радости, наслаждения и великая сила, объединяющая подростков. И если фильм мелькает перед глазами, то сюжет книги крутится в голове, и читатель «видит» его глазами своего воображения, — бросилась в подробные рассуждения Жанна.

— Женщины и девочки из пространства приключений в основном исключены. Их дело приучаться работать, — проехала Инна. — Я судорожно пытаюсь вспомнить, что советского приключенческого мы читали в школьные годы, а в голове колом стоит библия нашего детства «Хижина дяди Тома». Сейчас в списке для домашнего чтения нет книг о приключениях. Тризну по ним справляют учителя, сбросили их с корабля современности. И мистику они не одобряют. Но мы и наши дети не чурались на уроках под партой на коленях читать иностранные переводные приключенческие книжки, потому что испытывали в них потребность.

— Учителя мыслят несозвучно тебе? Консерватизм и романтизм тоже бывают разными: реакционными, передовыми.

— Классику либо облизывают, либо оплевывают?

— Но эта литература не предполагает умствования и наличия интеллекта, — с сомнением сказала Аня.

— Для этого существуют научные издания, — возразила ей Инна.

— Книжки о путешествиях искушают и соблазняют детей сбегать из дома, — заявила Аня.

— Любить надо детей, тогда не сбегут, — сказала, как отрезала Инна.

— Современные писатели очень любят политические события маскировать под фантазмагорию. Будут ли эти книги понятны через пару поколений, если и сейчас читатель с трудом догадывается, кого автор назвал перевернутым именем и что его герой натворил, допустим, в жестокие сталинские годы или в «веселые» девяностые? И какой в этих произведениях процент правды? — засомневалась Аня. — А недавно я прочитала книгу автора с громким именем и не поняла, зачем он вместо людей использовал каких-то чудовищ с головами птиц, если ясно видно, что пишет он о сталинских временах, проевших нам мозги. До сих пор правду в глаза боится сказать?

— Не трепыхайся. Это в сталинские времена мания преследования у советских людей была массовая. Теперь-то чего трусить? Демократия. По каждому малейшему поводу, слава богу, не требуется уверений в лояльности власти. Никто не шныряет с холодно-стеклянными глазами, — засмеялась Инна. — Теперь это всего-навсего художественный прием, чтобы не было скучно. А что касается исторических фактов, то для этого существуют архивные документы. В них писатели могут отыскать крупинки исторической истины. Хотя кто теперь доподлинно может сказать, что было так, а не иначе?

— Я расхожусь с тобой по этому вопросу. Хорошо, что детективов сейчас пишут больше, чем фантастики. Она — уход от реальности. Лена, фантазмагория, гротеск — они не для тебя? — спросила Аня.

— Они — один из наиболее ярких и оригинальных способов выразить реальность. Но ты права, сама я не очень люблю фантастику. Просто это не мое, потому что для меня главный конфликт кроется не в окружающей действительности — хотя она тоже важна, — а в самом человеке. Я читаю фантастику — надо знать все направления и течения в литературе, — она бывает очень даже разная, но душа моя не проникается ею. И ничего тут не поделаешь. Каждому свое. Мой сын обожает произведения Пелевина.

— У него грубо и примитивно вылезает подтекст. Тебе, наверное, кажется, если реалистичность изображения действительности уходит на второй план, то духовный мир тут же выйдет на первый? — насмешливо спросила Инна Аню.

— Напротив, я пытаюсь тебе втолковать... Это ты у нас такая умная, а для неискущенного невзыскательного читателя...

На этой несуразной Аниной фразе Лена отвлеклась от спора подруг. Ее мысли уплыли в сторону своего понимания прозы современных авторов.

*

— ...Какая жизнь, такие сюжеты: бессвязные, клочковатые, болезненно яростные, излишне эмоциональные, — пробурчала Аня. И тут же одернула себя: «В своем недовольстве я сама себе противна».

— У тебя от них всё в голове перемешалось? — непринужденно и насмешливо поинтересовалась Инна.

— Мне кажется, Пелевин злой и нелюдимый.

— Причем здесь характер автора? И потом, ироничный и язвительный — совсем не значит, что злой, — возмутилась Жанна и посмотрела на Инну, ожидая поддержки.

— Достоевский утверждал, что главное в человеке не ум, а то, что им управляет: характер, сердце, доброта, чувства, — сказала та и спросила:

А как тебе неповторимый Довлатов?

— То, что я находила в интернете — не очень... Я до него много читала о лагерях и тюрьмах. Но искорки встречаются, — осторожно сказала Жанна, ожидая очередного подвоха. — Может, туда отсылают то, что не продается?

— Вот так наезд! Черте что и сбоку бантик! Ну, если уж для тебя Довлатов не фигура... Ты, мать, его с кем-то путаешь. Его книги — живой документ общественной жизни. Невольно напрашивается вопрос... Хотя... его тонкая ирония не всем по мозгам. Правда,

он ненормативную лексику применяет, — усмехнулась Инна.

— После Солженицына читать у кого-то о лагерях? Помню, он меня ошаршил, подавил. Я поняла, что в СССР была еще и другая жизнь, о которой я не знала. Этим счастьем открытия я обязана Лене. Считаешь, что от твоих слов я Довлатова принуждена буду воспринимать как-то иначе?.. Я слышала, что он хотел быть как Чехов, а стал модным писателем. Только мода не всех трогает, — «отшила» Инну Жанна.

— Она слыхала... Ну, ты даешь! — тонкие ноздри Инны гневно затрепетали, брови грозно сошлись на переносице, но она сдержалась и сказала ехидненько:

— Довлатов не обязан всем нравиться. Я тоже к нему избирательно отношусь. Он разный. Помнишь его «кружева»? В начале пути он один, через двадцать лет другой. Но он прочно обосновался в литературе. Его стилистическое влияние я замечаю даже в соцсетях. К тому же, у любого стоящего произведения есть первый слой, второй, третий. Не всякий читатель своим пониманием быстро добирается до сути авторской задумки, проникает в глубину. Что-то считывается в восемнадцать лет, что-то в тридцать. Тебя устраивает его фраза: «Альтернатива добра и зла подменяется альтернативой успеха и неуспеха»?

— Не смог Довлатов отринуть от себя Россию, хотя жил за границей. Случилась с ним такая «незадача», — ушла Жанна от обсуждения творчества. — Несмотря ни на что преданным оказался хотя бы родному языку. Я его за это уважаю. А Бродский сумел отлучить себя от родины, преодолеть ее притяжение, прижился за границей, получил неслыханную прижизненную славу, все мыслимые и немыслимые награды и почести. Счастливчик. В его жизни была одна трагедия — его ранняя смерть, — спасительно поменяла объект спора Жанна и тем самым дала мыслям подруг другое направление.

— Бродского прекрасно читает моя любимая актриса Алла Демидова, как-то по-своему, но, не ломая ритма автора. Его собственное равномерное чтение — то поступь командора, то заунывный вой, — отметила Инна.

— Бродский не для чтения, а для преклонения. Он больше явление лингвистическое, а мне смысл важнее. Проклянутся, вылупятся ли еще ему подобные или мы обречены на возвращение и чтение поэзии современных посредственностей? Если только через сто лет? — спросила Аня.

— При наличии тотальной среды, — уточнила Инна.

— Говорят, кое-кто с трудом пережил получение Бродским Нобелевской премии, — понизив голос, сообщила Жанна.

— Злопыхательство, сплетни, — брезгливо передернулась Аня. — Никто не застрахован от губительной зависти. Наверное, не бывает так, чтобы не единой, не малейшей капельки яда обиды в душе соперников. Но не надо выдавать желаемое за действительное. Спросите сами себя с пристрастием... Рита мне рассказывала, как один писатель решил ее унижить. Пригласил вместе пообщаться с читателями, а сам слова ей не дал сказать. Рита по этому поводу пошутила: «Я не обиделась. У него есть смягчающее обстоятельство — отсутствие таланта».

— А я ни на какие награды не променяла бы счастливые детство и юность, если бы они у меня были, — неожиданно сказала Аня. — Глухое бездорожье моего детства, болезненное осознание обреченности в юности...

— И я, — тихим эхом прозвучал голос Инны.

— Я тоже, — сказала Жанна.

— Я не помню в своем детстве беззаботно-радостных счастливых дней. Часы, минуты случались... — задумчиво произнесла Лена.

*

— Захар Прилепин пишет круто, мощно, с какой-то истинно мужской, недюжинной силой. Он абсолютно мой автор, — сказала Инна.

— Его книги о величии духа, о милосердии, о влиянии рока на судьбу? — спросила Жанна.

— Я читала его «Санька». Серьезнейшая вещь. Острая, злая, умная. О воспитании молодого поколения с болью в сердце заставляет задуматься. Откуда в его герое Саньке тупость и жестокость? Ведь не только водка тому причиной. Отсутствие... много чего в душе... Это тот предел, за которым кончается человек... А рассказ о том, как главный герой по бездорожью зимой вез хоронить своего отца, вообще выбил меня из колеи. Ну ладно, беспощадный бунт... Там все ясно: политика, мозги закомпостированы, стадное чувство, водка, дурость.... Враждебность, агрессия и ненависть скорее и проще объединяют людей, чем сочувствие и доброта. А тут что? Элементарная глупость, доходящая до идиотизма! Абсолютная деградация личности! Какое там самокопание, анализ! Не уметь просчитать и продумать самую простую бытовую ситуацию! Сам дурак и других тупо и властно вовлекает, заставляет мучиться. А если бы сосед не догадался и не вызволил их из беды? В пустой голове Саньки мыслям совсем не за что зацепиться? Дебил? Много ли у нас таких, с позволения сказать... мужчин? Страшно подумать, — разволновалась Аня.

— У Прилепина там каждая строчка с болью, с кровью. Вспоминаю с содроганием, — каким-то убитым голосом подтвердила Инна. — Ни жажды жизни у его молодых героев, ни ценности человеческой личности, ни целей. Даже сами себе не нужны... Хуже животных. У тех хоть инстинкты, а у этих... вообще ничего нет даже в зачатке... Монстры. Ужас! Это-то и пугает.

Тебе, Аня, педагогу, эта книга интересна, а простому народу она по фигу, — нарочно добавила Инна. — Думаешь, молодежь себя как в зеркале увидит? Таким типам как Санька уже ничего не поможет.

— Эта книга — предупреждение родителям, — твердо сказала Аня.

— Мне важно, чтобы писатель не только жестко и правдиво преподносил события, но и задавался вопросом «почему это происходит»? Вот Павел Санаев честно, искренно описал свое детство, но не разъяснил читателям, что послужило причиной трагедии в его семье. Может, его бабушку стоит пожалеть? Представь себе такую картину: она милая, нежная, тонкая, а ее муж-эгоист всю их молодость изменял ей. Она, естественно, любя, возненавидела его. И это послужило первым толчком к ее «тихому» помешательству. Дальше. У дочери есть муж и сын. Они любят друг друга, а ее никто не любит, так как ей хотелось бы. Она дико ревнует дочь и внука к тому, кто, по ее мнению, отнял у нее их любовь к ней. Вот тебе еще одна причина для сдвига «по фазе». Бабушка ищет радость в малыше. Но она уже больна и ее любовь принимает дикие, извращенные формы. Как тебе такой вариант? Я наблюдала такие несчастливые семьи. Любовь и ревность иногда принимают такие жуткие формы! Не у всякого психика выдерживает. Неправильное обслуживание и технические неурядицы сокращают срок службы даже мощных моторов, — грустно усмехнулась Инна. — Любовь — это не только чувства, но и добрые дела. А если у человека ни того, ни другого?.. Неосуществленная мечта, как бомба, готовая в любую минуту взорваться. Вот и делай вывод, как эта женщина стала злыднем, нечистью, как она к этому пришла... Психика — самое слабое звено в организме женщины, она часто является причиной ее гибели. Нетрудно обвинить больного человека, понять сложнее. В корень надо смотреть, чтобы находить истинные причины беды. Этому Лена учит в своих книгах. Нельзя писателю скользить по верхам, необходимо углубляться в проблему, изучать досконально, а не просто выплескивать эмоции.

— Все мы немного психи, если нас больно тронуть. А бывает, что характер уже смолоду не дай Бог, какой сволочной... если такой воспитали, — вздохнула Аня. — Не всякий человек открывает в себе способность к самопожертвованию даже ради самых близких. И это тоже эгоизм. Вспомни Зоину свекровь.

— ...А этот рассказ, где начинающий писатель с проституткой? — вернулась Инна к ранее обсуждаемому ею произведению. — У него жена, дети, а он поперся... И получил по заслугам. «Любознательный», черт его возьми. Кто его туда посылал? Воспитатель хренов. Сам же и виноват, что избили и обчистили. Глупейшая ситуация. Нацмены ему плохие! Кто покупает женщин, тот сам хуже проститутки.

Не ходите туда и проблем не будет. Проституция сама по себе исчезнет за ненадобностью, и винить никого не надо будет, и бороться с заразой не придется. Вариант — куда проще. Так нет же, не могут мужики без пороков. Как-то схлестнулась с племянником мужа. Тот стал женщин ругать, мол, работать не хотят, в проститутки идут. Я ему ответила, что спрос рождает и определяет предложения. А он стал мне доказывать, что возможности первичны, а спрос вторичен. Я разозлилась и спросила: «Много ты в деревнях видел таких женщин вдоль обочин? Нет спроса, нет проститутков. Это тебе не аргумент? Возможности и спрос различными дорогами приходят в дома терпимости. Женщин на это толкают обстоятельства, безработица, ради куска хлеба они становятся девочками по вызову, а мужчин ведет к ним желание удовольствия. Свою бездуховность и аморальность они замещают острыми ощущениями. Ради этого же удовольствия они совращают и поработщают малолетних девочек». Тогда племянник стал возмущаться, что проститутки зарабатывают себе квартиры и деньги на хорошую жизнь для своих детей. А я ему: «Так не бросайте женщин с детьми, не бегайте от алиментов, сами стройте квартиры своим детям. Но вы идете по пути наименьшего сопротивления, вынуждая женщин брать на себя ваши обязанности, да еще и критикуете их. Что, нынче мужики пошли какие-то однокрылые?», — нервно елозя на матрасе, пробухтела Инна. И добавила, снова обратившись к литературному произведению:

— Из дому, видите ли, «герой» сбегает, по городу шляется. Ему кажется, что его жена их детей ненавидит. А почему ему такое привиделось, он не задумался. Все прозрачно и просто: устает она на работе, а тут еще дома куча дел и дети маленькие. Только наш «несчастный» вместо того, чтобы помочь благоверной, болтается по городу, обиды свои тешит, в истории влипает. Отличная причина, чтобы не заниматься семьей! Жена ему не такая! Может, его еще и пожалеть? Слюни ему упереть? Когда женился, надеялся только бонусы получать, на всем готовеньком жить? А если жена не потянет, заболит и упустит детишек? Она ведь тоже не железная.

— Ее винить станет. Он уже заранее почву готовит. Некоторые мужчины считают, что женщины только для того и существуют, чтобы одобрять их и оберегать. Не в себе, в женах причину своих проблем ищут. А этот «герой» еще и девицу завел. Неудовлетворенного жизнью, обиженного из себя строит. Не предвидел трудностей? Избалованный? Думать не умеет? А зачем женился? — согласилась Аня. — Неуютно я чувствовала себя, читая эту книгу. (Чье произведение они обсуждают?)

— Ха! Какой же мужик без любовницы? Неизвестное — это та зона, куда ходят, чтобы познать что-то новенькое. Это же интересно! Автор пропагандирует нечистоплотный образ жизни? Сейчас это модно. Давай, Ленка, призывай женщин к разврату. Развалим цивилизацию к чертовой матери, — нервно рассмеялась Инна.

— Отстань, — тихо, но твердо выдохнула Лена.

— Писатель, наверное, сущность мужскую высвечивал неискушенным читательницам, мол, дуры-девки, будьте осторожны! Мы — все мужики — сволочи, — предположила Жанна.

— Свою рефлексию он холил, — ответила ей Инна.

— Автор о связи своего персонажа с девицей пишет с налетом скучного тупого безразличия, лениво. Ни души, ни яркой любви в их отношениях. Примитив, безликость какая-то. Этим он как бы оправдывает своего героя? Можно подумать, что на месте той девushки могла быть любая. А ведь она, наверное, на что-то надеется, когда с ним... Он и ей жизнь ломает? Я бы не захотела с таким встречаться, — сердито сказала Аня. — «Герой» нашего времени! Слабак и нытик. Наверное, мы по-разному расставляем жизненные акценты. Если ты семейный мужчина, стремись создать условия, которые устраивали бы тебя и семью. Жена-то свою роль, хотя ей очень трудно, выполняет, а он, нет чтобы что-то сделать для развития и сохранения себя как личности, только «развлекает» своё недовольство жизнью, вместо того чтобы бороться с обстоятельствами. Онегин сопливый! Мужчиной только называется. Может, я, конечно, чего-то недопонимаю... Мы тоже страдаем, нас мучает депрессия, но ведь ни на кого не надеемся, никого не виним, преодолевая трудности, решаем свои проблемы. Инна, идти на уступки — это признак слабости или силы?

— У нас принято считать, что слабости. Но это не всегда верно в условиях семьи. Сильные мужчины с удовольствием позволяют себе идти на компромиссы.

— Женщины стали жестче?

— А откуда же у нас безнаказанное насилие в семьях?

— У Маканина тоже есть нудно рефлексирующие, ищущие герои, живущие как зря. Особенно в первых книгах. Ой, не перепутала ли я его с кем-нибудь еще! Склероз, черт его возьми! Я когда читаю во время болезни, в голове у меня все сюжеты и авторы перемешиваются, я даже само произведение могу понимать как-то иначе... извращенно, в угоду своему больному воображению, а иногда и вовсе не помню о чем оно. Не могу я теперь положиться на свою память, — сказала Аня, несколько не смутившись. Видно уже привыкла к своему неподдающемуся исправлению возрастному недостатку.

— Искренние мои тебе соболезнования. Не стану запираяться: тут я тебе не помощница, сама страдаю, — сказала Инна.

— Нам нельзя жить кое-как. У нас дети, — вздохнула Жанна.

— Прочитала одну книгу и сделала вывод? А ты другими поинтересуйся. Например, у Маканина есть сильнейшая вещь «Асан» о мужчинах-героях, о чеченской войне, где он аналитически точен, — посоветовала Инна. — Собственно, книга не только о Чечне. В ней какая-то невероятная неосознаваемая мощь, пока никем из современных авторов непревзойденная. Высоковольтно бьет.

— Нельзя чтобы все время било током, — сказала Жанна.

— Про войну иначе нельзя.

— Там все на какое-то время герои, а вот какие они потом в быту? — напомнила о себе Аня.

— На гражданке другие силы души требуются, — заметила Лена. — Допустим нежность, терпение. Сама продолжи список.

— А их-то они как раз и не находят в себе. И начинается в семье ад. А кого винить? Себя, войну? — спросила Жанна. — Только женщин.

— Аня, я смотрю, в любой книге тебя больше волнует житейский спектр, нежели глобальные вопросы, затрагиваемые автором.

Аня промолчала. Наверное, осмысливала сказанное Инной.

— Маканин в своих книгах никогда не заигрывает с властью, считает, что такие произведения не бывают долго живущей литературой, — напомнила Инна. Ей уже расхотелось дразнить подруг. — Лена, а он тоже МГУ окончил, один с тобой факультет.

— Знаю. Мне это очень приятно. Маканина не для развлечения читают, а чтобы понять в какой реальности мы живем. Он чувствует людей, точно высказывается, — отметила Лена.

— Я где-то читала, что однажды прославившемуся больше не надо укреплять свою репутацию, можно позволять себе писать плохо и получать за это премии, — с долей скепсиса сказала Аня.

— Мнение завистников, — категорично отрезала Инна. — Жанна, а твой старший зять на малой межгосударственной войне погиб? — без всяких церемоний в лоб спросила Инна.

Вопрос был бестактным. Рана Жанны была слишком свежей и очень болезненной. И она ответила неприязненно:

— Нет. На чужой войне двух мелких банд-групп. Не в то время и не в том месте случайно оказался. Сына с катка спешил встретить, вот и пошел коротким путем через

посадки.

Инна растерялась, занервничала, а минутой спустя, так и не справившись с неловкостью, сбежала на кухню. Прокололась. Она надеялась услышать героическую историю. Ей хотелось воздать парню хвалу, а вышло хуже уже некуда.

— ...В обычной жизни годами и десятилетиями трудно быть на высоте. Особенно в такое время как сейчас. Это надо понимать, — тихо пробормотала Аня.

— Но жизнь от нас требует... — Жанна вздохнула.

— Мужчинам и женщинам нужно стараться вместе дружно налаживать жизнь. А там она уж сама покатит, — сказала Аня с оптимизмом.

— Не покатит. При капитализме надо все время быть настороже, чтобы не вылететь из седла. Это тебе не стабильный социализм, — возразила Жанна.

— Так тем более молодым ребятам надо развивать в себе мужские бойцовские качества, — сказала Инна.

— Надо! Я в замешательстве... А помогать в этом им будут герои из любимой фантастики или слабовольные, бездеятельные отцы? — спросила Аня.

— Таких не так уж много, — осторожно заметила Инна.

— Если не бить во все колокола, будет больше, — отреагировала Жанна.

— Вот писатели и бьют, — сказала Лена.

— ...Этот герой не помогает, но хоть не мешает. У нас каждый год в семьях несколько тысяч детей подвергаются сексуальному насилию, много сотен тысяч — постоянному избиению. А сколько ребятшек сбегает из дому? И это только зафиксированные данные. А многие дети помалкивают, стыдятся своего униженного положения, — тихо, скороговоркой, будто чего-то боясь или стыдась, сообщила Жанна. — И всё это, в основном, «заслуги», с позволения сказать, отцов.

— Скотов, — уточнила Аня. — Они же обрекают... И кого, в результате такого воспитания получают?

Она хотела добавить еще что-то невозможно резкое, но будто поперхнулась собственной слюной и только раздраженно затрясла головой, пытаясь раздышаться. А может, таким способом она попыталась укротить нахлынувшие вдруг бесконтрольные слезы? Ведь о детях шла речь.

— Сведения устарели. Эта информация из девяностых, — недовольно заметила Инна. — И вообще, я бы посоветовала тебе не очень доверять сообщениям некоторых каналов. Фильтруй информацию.

*

Лена вышла из состояния глубокой задумчивости, пребывая в которой, она обычно почти полностью отключалась от внешнего мира.

— ...Вот бы нас сейчас послушали знаменитые писатели!

— Сказали бы: дуры вы безмозглые.

— С их-то самомнением слушать людей из народа!

— Это ты-то из народа? Хватит! Переклинивает нас на мужиках! — неожиданно резко оборвала Инна стоны Жанны. — Не всё еще перемололи? То хвалим писателей без меры, то огульно глумимся. Каждый из авторов уникален по-своему, а если кто-то кого-то не понимает, так пусть поищет что-то более простое, себе близкое. Вон

сколько литературы, раздолье, слава богу. Я недавно Игоря Белова читала. Какая прелесть! С ума можно сойти. «Под каблуком земля поет с листа...» Попробуй сказать интересней. Для меня это мурашки... это что-то сверху... Здорово вставляет! Я каждой клеточкой души чувствую эту его землю, всей глубиной своего сердца, изболевшегося за нашу страну и народ.

Ведь и на самом деле вросли мы в родную землю по пояс, укоренились, как тот былинный герой Святогор-богатырь, что не сломать, не унести нас с нее ни ветром перемен, ни чуждым течением. Только иногда мы забываем об этом. А Белов пробуждает, напоминает. Каков поэт, а! — искренне восхитилась Инна и, смакуя понравившуюся строчку, даже языком зацокала от удовольствия. — Обязательно его всего прочту. Надеюсь, буду вознаграждена за старание. Кто-то красиво сказал: «Тот зря стучится в дверь, кто не стучится в сердце». Белов умеет достучаться!

«Инна хочет прекратить наши с Жанной педагогические прения или внимание на себя переключает более важной темой?» — спросила себя Аня. И желание высказываться у нее как-то быстро улетучилось. И Жанне нечего было добавить. Она не читала этого поэта.

Жанна с Аней тихонько переговариваются.

— Недавно Людмилу Улицкую читала. Хороший язык, пишет увлекательно. Выводы неожиданные делает. В одном рассказе женщина нафантазировала себе смерть четверых детей. Видно очень любила своих не рожденных малышей, переживала, мечтала, как бы их воспитывала. Не хотела чувствовать себя виновницей их гибели от аборт, вот и придумала им горькую смерть от несчастных, независимых от ее воли случаев. Ведь это так просто понять! А ее собеседница Женя обиделась, мол, обманула, заставила сочувствовать, переживать. И переехала от нее на другую квартиру.

«Не путает ли Аня Улицкую с Петрушевской», — засомневалась в надежности своей памяти Жанна.

— Та Женя о себе думала, о своих напрасно растрченных чувствах и слезах. А ей бы о трудной судьбе этой случайной знакомой поразмышлять, и тогда своя обида показалась бы пустяшной. Вот и получается, что на одни и те же события мы смотрим по-разному. Нет ничего плохого в том, что люди придумывают себе другую жизнь, если это помогает им не свихнуться мозгами от непосильно давящих проблем... Да, одна присочинила, другая разобиделась, а третья может расхотаться, мол, купилась. Еще и пошутит над собой. И все. Инцидент исчерпан. Но нет, эта Женя... Ой, как мы себя любим!

— Сдается мне, ты оправдываешь ту женщину?

— Жалею, хоть и виновата она в том, что не взяла на себя ответственность за детей, которые могли бы родиться, и за «тех парней», что ее оставляли. Я таких мужчин ненавижу. Женщины должны быть сильными и ответственными, а они так нет? Недавно судили женщину, за то, что она оставила ребенка на вокзале. Но о том, что у малыша есть отец, никто не вспомнил. Всё у нас так...

— И все же... Как бы ни было трудно... Но идти в проститутки? Не понимаю.

— Она не проститутка, ей не везло с мужчинами, — сказала Аня.

— А мне «Искренне ваш Шурик» Улицкой понравился. До сих пор под впечатлением нахожусь. Глубоко психологическая вещь и жизненная, — сказала Инна. — И «Сонечка» умопомрачительно потрясла. И вообще, все написанное Улицкой мне близко.

— Я бы не позволила своим юным внукам читать Улицкую, — сердито возразила Жанна. — Пусть сначала повзрослеют.

— Это что еще за диктат такой, что за цензура! Брякнула от балды? Эпоха двойного цензурного террора была в девятнадцатом веке и в начале двадцатого. Вот когда надо было бояться неблагожелательной критики. Но только не теперь!

— Я до поры до времени должна оберегать мои нежные цветочки от грязи и пошлости. Хочу, чтобы они порадовались прекрасной жизни, узнали первую чистую юную влюбленность, радостно-сладкое замирание сердца, млели от нежных взглядов, от прикосновений рук, душ, чтобы первая влюбленность была для них как легкий и самый счастливый промельк в их сознании. Ты обращала внимание на то, что вспоминая свою первую чистую безгрешную любовь, люди всегда искренне и радостно улыбаются? Я в этой связи вспомнила «Асю» Тургенева, его гениальные заключительные слова. И вновь почувствовала скрытый психологизм, очаровательную недосказанность его внешне будничных, спокойных, но очень глубоких, проникновенных до слез и хватающих за горло строк... этот его айсберг чувств. Он очень точный диагност. Какой мощной была в его сердце тоска! Какое богатство души! А мы часто существуем мелко, убого... Боимся жить ярко. Боимся промахнуться и обедняем себя.

— Не вноси в душу смуту, — тихо и хрипло попросила Аня, будто болезненный спазм перекрыл ей дыхательные пути.

— А, повзрослев, внучки замуж пусть выходят по восхитительно яркой, запоминающейся на всю жизнь любви, чтобы полностью растворились в ней. Кто знает, будут ли у них еще подобные моменты счастья? Понимаешь, счастья первой любви я не хочу их лишить. А если не сложится жизнь с первым избранником — всякое бывает, — тогда пускай уже вполне осознанно ищут себе мужчину для новой семейной жизни. Но с ними навсегда останется счастье, которое они уже познали.

— Ищут такого, в котором сочетались бы порядочность, нежность и мужская сила? Чтобы умел любить, да еще в профессии состоялся? — вставила Инна не без ехидства. — Я всегда влюблялась то в поэтов, то в музыкантов, то в фантазеров. Вернее в их идеи. Я вынашивала, поддерживала, приподнимала их. Я делила с мужьями их «полеты во сне и наяву», потому что считала, что жизнь — это служение. Но служить неталантливым мужьям скучно, это выхолащивает, иссушает, вот я и возвращала их мечты, потому что неоднократно слышала, что без надежной верной жены тонкие души творческих людей ломаются. Но сценарий моих взаимоотношений с мужьями был один и тот же. Никаких заимствований! Они не умели любить, только влюблялись. Они не хотели вкалывать, бежали от себя, пили и тормозили мое развитие. Не понимали, что мне надо расти. Им хотелось ходить налево, мне направо. Я посвящала себя людям, так и не сделавшим в своей жизни ничего путного.

— Если близко рассматривать объект, он теряет перспективу, — мудро усмехнулась Жанна.

— И вдруг я впервые влюбилась в настоящего мужчину, но было поздно...

— Умела ты мужчин «к стенке ставить». Но даже ты со своей внешностью и напористостью не смогла стать счастливой. И я так и не нашла настоящего мужчину, на эгоисте заиклилась. Сколько было слез, тайных бурных эмоций! — вздохнула Аня. — А вот Саша любил нашу Аллу молча, тихо. Ей было тепло и уютно в тишине его любви. Это была уникальная, в высшем смысле этого слова, близость двух людей. Счастливые! В их семье никогда не было «второго состава». Всяких там... Не развели их ни бытовые проблемы, ни злословие и сплетни завистников. Семья для них была непререкаемой ценностью. Саша даже из жизни уходил с прекрасным, спокойным лицом. Алла и теперь строго и молчаливо хранит в себе его любовь. Она до сих пор в некотором смысле как бы потерянная и все время спрашивает себя, как бы Саша поступил в той или иной ситуации... Но все равно гордо несет свой крест и верует...

— Бывают такие семьи, когда оба супруга качественной породы. Корни любящих так переплетаются, что если их разрывают, они погибают... Когда любишь, остальное неважно, ты готова на все. Любовь творит чудеса. И это прекрасно! — загадочно и романтично произнесла Жанна.

— Про таких людей говорят, что они «смотрят вверх с молитвой, вниз — с покаянием, назад — с благодарностью, вперед — с доброй надеждой», — сказала Аня.

— «В себя — с вниманием, вокруг — с покаянием», — уточнила Жанна свою любимую фразу.

— Жизнь — сказка, любовь — ее завязка, — грустно усмехнулась Инна. — И почему

человек обречен на бесконечное повторение глупости, жестокости и подлости?

— Как и честности, порядочности и доброты, — добавила Лена.

— Вот поэтому я своим уже взрослым внукам подкажу, чтобы не делали они трагедии из факта своей первой неудачи, а воспринимали жизнь с юмором и иронией, такой, какая она есть на самом деле: комичной, веселой, грубой, трудной, грустной, злой. Многообразной, — наконец улучила Жанна момент, чтобы до конца высказать свое мнение. — А еще я расскажу им, что со временем у мужчин сексуальные связи ослабевают, а человеческие укрепляются. Но у дураков сексуальное всегда побеждает, а человеческое так и не возникает.

— А я считаю, что с молодых ногтей надо учить детей по-взрослому, целенаправленно готовить к реальной жизни, чтобы знали, что их могут предать, обмануть. Это уберезит их от многих бед, — сказала Аня.

— Растить пессимистов? Нет, я, конечно, понимаю, что пессимист — это хорошо информированный оптимист, но зачем такие крайности? Дорогие мои, а как же правило золотой середины? Все хорошо, что вовремя, — напомнила спорщицам Лена. И подумала с легкой грустью: «С каждым рассказом девочек во мне оживает память тех милых юных лет».

— Представляю себе: прочитали мои юные еще наивные внучки эту книжку, а там одни девочки сексом с двенадцати лет занимаются с кем попало, другие кучу абортот делают от разных мужчин, но в конце повести все удачно выходят замуж: одни за иностранцев, другие за наших успешных бизнесменов. И что же вообразят мои малышки? Страшно подумать! Меня шокируют непрерывные смены партнеров, одновременные связи с несколькими мужчинами, женщинами, легкая смена мужей, жен. Это так гадко! К тому же возможны страшные венерические болезни. И к чему мы в таком случае придем? Изведем всю нацию? — продолжила горячиться Жанна.

— Понесло тебя! Придет же такое в голову! Улицкая говорит о том, что жизнь коротка и не надо позволять себе быть несчастными. Ее героини ошибаются, разочаровываются. Есть у них и горечь обид. Но для ее персонажей важно любить и быть любимыми хоть кем-то: матерью, ребенком, мужчиной, потому что это самая главная потребность души человека. В этом она видит смысл жизни, — растолковала Инна Жанне смысл книг Улицкой.

— У негров в Африке по десять-пятнадцать детей и они, наверное, не думают о смысле жизни. Им некогда. Они просто живут, — не к месту вклинила Аня свое замечание.

— Недооцененный опыт! — влет отреагировала Инна.

— Я о персонажах Улицкой, — дернула плечом Жанна. — Может, ее героини очень умные или везучие, и смогли справиться с обстоятельствами жизни, но по большей части, девочки, рано начинающие половую жизнь, становятся проститутками, а другие, окончательно не потерявшие себя, но сделавшие один-два аборта, оказываются бесплодными и к счастливым я их уже не могу причислить. Сколько таких неустroенных женщин вокруг меня! Этого мне желать моим малышкам?! Не понимаю я автора. К чему призывает? Она же женщина! И ты принимаешь ее сторону?

— ...У Толстого тоже была масса заблуждений, но его произведения гениальны, — продолжила Инна подстрекать подруг к спору.

— Он в своей жизни заблуждался, но не в книгах. Нашла с кем сравнить! — возмутилась Аня. — В романе Улицкой ее героиня, может, даже сама не зная того, придерживается растлевающей, но давно развенчанной теории «стакана воды». Намертво пришвартовывается то к одному, то к другому другу детства, не против и с обоими одновременно! Притом открыто, бесстыдно излагает свои намерения партнерам. Просто так, без сердца, из любопытства. И всё у нее свободно, естественно... проще, чем у кошек. Она опускается на самое дно.

Человека надо выше поднимать и говорить ему: «Лети!» А Улицкая... Это

не укладывается в моей голове. По мне такое поведение ее героини непереносимо унижительно, — продолжила возмущаться Жанна.

— Наверное, из жизни берет, — сказала Аня.

— Это, конечно, многое объясняет, — презрительно заметила Жанна. — Но нет среди моих знакомых таких распутных. Странное у нее окружение.

— Вот и ты узнала что-то для себя новое, — усмехнулась Инна.

— Для обывателя произведение часто интересно не только само по себе, но и как выражение личности его создавшей. Мне категорически не нравится, когда тон задают те, которые сами не имеют высоких нравственных принципов или не стойки в них. Как-то услышала по телеку утверждение писательницы о том, что, мол, французы молодцы, не воевали с немцами, сохранили культуру, памятники, а мы столько всего потеряли! Она забыла, что все это они сберегли, потому что советский народ спас Западную Европу от порабощения? Телами наших отцов и дедов выслана дорога к их благоденствию. После подобного заявления я не могу к ней хорошо относиться, что бы там она ни написала грандиозного. Тем более, что от ее героинь я тоже не в восторге. Ей надо напомнить, что немцы за один только вечер в костре сожгли шестьсот полотен шедевров из Лувра. Потому, что французы не защищались. «Культурная немецкая нация» взрывала дворцы, разворовывала творческое наследие побежденных народов...

— Жанна, остановись. Всё это Улицкая знает не хуже тебя. Успокойся, — попросила Лена, нервно растирая виски. — Может, случайно оговорилась.

— Она заявила, что наша страна на сто пятьдесят лет отстает от Запада. Я на сто пятьдесят лет отстала от румына или албанца? Я под них должна верстать свою жизнь, по ним себя мерить? — вспыхнула Аня. — Ездили две мои подруги в их глубинку. Надеялись там осесть. Так в ужасе сбежали от их убогого быта... Кого нам еще догонять?

Мы другие. И я хочу быть сама собой. Пусть они со своим самомнением все «идут лесом»! Европа тоже когда-то отставала от ряда восточных стран. Прогресс не тотален и не линеен. В Америке сегрегацию негров уничтожили через сто лет после отмены у нас крепостного права. Цивилизации развиваются неравномерно. В какой системе координат Улицкая рассматривала этот вопрос? Чем она хотела нас уязвить? Мы в ее понимании захолустная провинция? А еще утверждает, что любит русский народ. В чем-то мы опережаем Запад, в чем-то они нас. Мы живем в поясе отрицательных температур и неплодородных земель, но вы посмотрите, что мы создали и гордитесь! В Западной Европе люди экономят на таких вещах, на которых мы экономить не привыкли с нашими широкими натурами. Пора освободиться от стереотипов. Высказывайте свое мнение, но не оскорбляйте, не унижайте мою страну! Запад гордится своими ценностями — свобода, демократия! — но утверждает, что ценности заканчиваются там, где начинаются их интересы. Улицкая посещала большие города, но была ли она в настоящей провинции стран Западной Европы?

— Ты права. Наша Алла была в Англии, в свое время разбогатевшей за счет колоний, и во Франции, и в Италии. Она честно рассказывала мне об их жизни, ничего не оставляла за рамками приличия. У них тоже есть и бедные и не очень культурные люди. Улицкая не знает истинного положения дел в тех странах или просто пиарится? — задалась вопросом Инна.

— Провинция — не ругательное слово. В наших деревнях живут самые чистые, честные люди, — заметила Жанна.

— Жанночка, ты слишком категорична. Успокойся. Не загоняй себя. Ну и порох! Ты не обманываешься? Улицкая может и не во всем продолжатель классической традиции, но она много чего хорошего делает. Она утверждает, что за счастье надо бороться. И это правильно. Все в чем-то могут ошибаться или просто в сердцах бросить необдуманную фразу, хотя публичному человеку это непозволительно, — неожиданно встала на защиту писательницы Инна и тут же принялась привычно поддразнивать Аню:

— Прожить, не вкусив прекрасного запретного плода? Не познать полноты жизни? Потратить себя на одного мужа, ничего не стоящего как мужчина?

«Распустила язык длиннее некуда. Чтобы за меня говорили, начни я вести себя вот так же, как героини Улицкой? Развратная, распущенная?» — мысленно поспорила с Инной Аня. Но вслух только сердито пробормотала:

— Ой, не знаю, не знаю...

— Не шебарши. Я же шучу, — великодушно успокоила Инна совсем растерявшуюся Аню, а про себя подумала: «Даже педантичную Аньку до печенок проняла эта Улицкая. Талантливая, черт возьми! Ей Богу. Может, даже с крупницей гениальности. Ее бы данные да в «мирных» целях...»

— Аня, ты «Казус Кукоцкого» прочти. Сильная вещь, — посоветовала Инна.

— Я там что-нибудь новое, ранее неизвестное, неожиданное почерпну из сталинской эпохи? У меня будут яркие открытия? То, что Черчилль — хитрый политик — комплимент Сталину сделал, мол, принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой, я уже слышала.

— Нет. В этом произведении умный психологизм цепляет.

— Занимательно, — пробурчала Аня и недоверчиво пожала плечами, не проявив бурного желания к продолжению разговора.

— Вот держу я иногда в руках книги некоторых названных тут авторов и думаю: «Может, и хорошо, что дети сейчас мало читают современных писателей, на классике застревают. А то добрались бы... и чему научились? Ужас! По крайней мере, не наберутся от них всякого, того, что может сломать им жизнь. Дети часто заражаются далеко не самым лучшим, — со вздохом заметила Жанна.

*

— Зачем нужны современные писатели? — спросила Аня.

— А то ты сама не знаешь, — фыркнула Инна.

Конечно, Аня знала ответ, но ей хотелось углубить и расширить свое понимание, чтобы ее подопечные получили из ее уст краткое и достойное обоснование.

— Проснулась-встрепенулась! Опять детские вопросы задаешь? — удивилась Инна. — Шекспир всё нам разъяснил о жизни людей еще четыреста лет назад. И Пушкин ответил на все вопросы своего времени, да еще в будущее заглянул. Но жизнь не стоит на месте. Меняются эпохи, в которых достается жить. Их надо изучать, давать оценки, преподносить долговременные прогнозы, чтобы люди могли адаптироваться в новых условиях.

— Пока писатели раздобудут деньги и выпустят в свет свои шедевры, уже новые веяния успеют нагреть и закрутить молодежь, — покачала головой Аня. — Какова наша национальная модель будущего? Есть ли сегодня некий главный вопрос, который ставит перед собой современная литература? — Аня направила свои вопросы непосредственно Лене.

— Литература и культура в целом должны обслуживать не идеи, а идеалы — включилась в разговор Инна. — Культура — это комплекс возможностей, где человек может проявить свою талантливость и активность. Но сейчас сокращается пространство, где он может действовать самостоятельно.

Аня не вникла в Иннины рассуждения, потому что настроилась слушать Лену.

— Пока что в современной литературе, как и в обществе, не существует единой национальной идеи и ключевой темы, которую надо было бы развивать в художественных произведениях и продвигать в массы. Каждый писатель «молотит свою копну», некоторые пишут то, что легко продается и приносит доход.

В какой-то мере я выделила бы идею патриотизма, как наиболее востребованную обществом. Солженицын был прав, когда утверждал, что плоха та власть, в которой слово патриот стало ругательным. Главной его болью была судьба Родины. И Толстой в свое время говорил о «скрытой теплоте патриотизма» и духовности, как мистической категории.

— Время сейчас лицемерное, а за высокими фразами легче прятаться, — очень тихо пробурчала Инна.

— Эту идею в определенной степени затрагивают большинство серьезных писателей и поэтов. Одни изучают истоки нравственного перерождения и падения — выясняют, откуда взялось то, кем мы стали. Корни их в семнадцатом революционном или в девяносто первом году? Другие призывают жить, как завещал Петр Первый: «Памятуя лишь о благе России». Яркие перья берутся за биографии великих исторических личностей. Они — лакомые темы для них и читателей. Большинство писателей не генераторы новых идей, а только пролангаторы.

— Из произведений о перестройке я бы выделила пророческий, но очень своеобразный роман «Зияющие высоты» Зиновьева, чем-то перекликающийся с «Москва-Петушки». В нем автор выстроил универсальный памятник нашей ментальности. Правда, время написания романа — семидесятые. Но в нем уже звучало трагическое ощущение гибели страны. А в восемьдесят девятом вышла его «Катостройка». Роман о деградации общества, попавшего в трясину безысходности, про жизнь, в которой много глупостей. Там сплошь черный юмор и абсурд. Автор ерничаёт, хулиганит, использует буффонаду. И все это в неполиткорректных выражениях. Аня, тебе не стоит его читать. У него не образы, а маски. Его герои строго функциональны. Я не могу такое произведение назвать художественным, оно больше похоже на огромный странный фельетон. Но впечатляет! У автора слишком «изобретательные» отношения с прозой, — серьезно высказала свое мнение Инна.

— Толстой тоже о прошлом повествовал, о том, что уже осмыслено и выверено. Но лучше него войну с Наполеоном никто не описал, — сказала Жанна.

— Некоторые писатели ищут новые метафоры подходов и особые ключи в изображении современности, другие, уходя вглубь веков, пытаются о настоящем думать через прошлое. Тоже метод, — сказала Инна. — И если находят, то сохраняют за собой и манеру, и стиль. Остальные помещают старые сюжеты в новый контекст.

— Перерабатывают исторические травмы различных стран, — рассеянно, без интонации сказала Жанна.

— Без идеологического гнета люди очень изменились, стали более раскованными, так почему же не хотят напрямую осмысливать нынешнее время? — спросила Аня. — Зато не боятся испугать читателей вычурными фантастическими идеями.

— Кто-то из великих заявил, что фантастика — единственная литература, занимающаяся реальностью и что голый реализм — изжитое направление, — вспомнила Жанна.

— Напрямую неинтересно писать, — предположила Инна.

— Может, неинтересно читать? Не стоит что-то одно поддерживать. Я за разнообразие форм и методов. Дети, рожденные после девяностых, воспринимают время нашей молодости как фантастику. Как, например, современному ребенку объяснить угрозу исключения из пионеров, из партии? Надо им всё честно растолковывать, не юлить, — загорячилась Аня.

— Рассказать, как раньше «одни делали вид, что работают, а другие — что платят?» — насмешливо спросила Жанна.

— И об этом тоже. Но с этой фразой я не полностью согласна. Она для меня обидно звучит. Мы с тобой прекрасно работали за гроши. Да, с перестройкой мы приобрели свободный мир, и он в какой-то мере положительно повлиял на наше общество. В том смысле, что встряхнул его. Но раньше не было такого, чтобы толстые кошельки ногой открывали двери. Справедливости и честности в шестидесятые и даже семидесятые было больше, чем сейчас, — уверенно сказала Аня.

— Трудно писать о настоящем, когда общество еще не свело счеты с прошлым, — усмехнулась Инна, — поэтому большинство писателей ничего нового не предлагают, а берут траченные молью темы и переводят на язык молодого поколения.

— С моей точки зрения всестороннее воспитание молодежи — самая актуальная задача сегодняшнего дня. (Как, впрочем, и последующих.) Каждое поколение необходимо воспитывать с учетом новых условий жизни, сформированных развивающимся обществом, и меняющих его внутреннее содержание. Мир усложняется, усложняются и наши с ним взаимоотношения. Одновременно надо терпеливо и настойчиво приобщать подростков к лучшим образцам родной и мировой культуры. От того, как мы воспитаем нашу молодежь, во многом будет зависеть судьба нашей Родины. Поэтому одной из приоритетных задач писателей любой цивилизованной страны является поиск и определение целей и нравственных жизненных ценностей нового поколения на каждом этапе экономического и политического развития общества. Эта задача приобретает особое значение в переходные периоды становления, когда нравственные ценности подвергаются наибольшей деформации и возникает острая необходимость в их переосмыслении, уточнении и донесении до молодого поколения. Мне кажется, что проблеме воспитания молодежи стоит уделять больше внимания не только пишущим для детей и юношества, но и «взрослым» писателям, — неожиданно хорошо поставленным голосом, основательно и серьезно ответила Лена. Наверное, не раз и не два задумывалась над этим вопросом.

— Ну-ну, давай, поучи нас, — удивленно пробурчала Инна. — Поэтому написание книг для детей ты посчитала для себя наиболее важным делом?

— Да. Детство — время формирования личности человека, когда закладываются его нравственные и социальные основы, оно его фундамент. И детская литература играет в этом процессе огромную роль. Часто для детей важны даже не мысли и смыслы, а ощущения. Детские впечатления остаются с человеком на всю жизнь. Какими мы общими усилиями — семья, школа, книги, радио и телевидение — воспитаем наших детей, такими они и пойдут по жизни. И мне хочется внести свой вклад в это благородное дело. Диалог поколений — это всегда проблема. Будем учиться коммутировать, понимать друг друга. Это самая сложная из всех наук, потому что касается каждого человека, каждой семьи.

— А ты знаешь, в педвузах, как я выяснила недавно, на филфаках нет кафедр детской и подростковой литературы.

— Как же, слышана. Это плохо. Но, наверное, кафедры педагогики и психологии берут на себя их функции, — ответила Инне Лена.

*

— Лена, а почему фантастика в моде? — спросила Аня.

— Время ее пришло. А породили ее научные открытия начала века. Вспомни Беляева. Он заразил людей космосом, океаном. У него было позитивное видение будущего. Все советские книги того периода пропитывались идеалами гуманизма, любовью к человеку. И это было неприкасаемым. «Мир, труд, космос, счастье!» Космонавты не люди, Боги! Я думаю, потомки будут гордиться нашей эпохой, и называть ее вызовом Богам.

Инна возразила:

— То была научная фантастика. А теперь, когда космос потерял былое обаяние, когда биологи объяснили, что человек в обычном своем виде для межпланетных полетов не пригоден — без специального скафандра его разнесет в пыль — фантасты идут «спиной вперед». Подчас чудовищный вздор из-под их пера выходит. Все предвещают апокалипсис. И тогда наш агрессивный безумный мир как бы становится нормой! Фантастика травестирует реальность. Требуется прорыв в новую философию. Наука обгоняет фантастику. Был приоритет физики, теперь биология командует и сверхсовременные технологии, а потом жизнь повернет людей еще к чему-то пока мало изученному и неосвоенному. И этим уже никого не удивишь.

— Апокалипсис применяется писателями для выяснения скрытого смысла в процессах развития общества, — предположила Жанна.

— Пугают, чтобы люди опомнились и задумались о том, как живут и как надо бы им жить? — спросила Аня.

Ей ответила Инна:

— Я о том же, но несколько в другом плане. Идет бурное и всестороннее развитие жанра фантастики. Мир вокруг нас строится не только «сокрушительно» разумным, но и иррациональным. Красота, чувства, фантазии — это же замечательно! Но не технологии должны занимать фантастов на данном этапе, а философские концепции: что есть судьба, предназначение, счастье. Им надо задумываться не о том, как убежать с родной планеты, а о том, как сохранить ее для потомков. Человек — слишком конфликтное существо. Он должен меняться, чтобы не погубить себя и все живое еще до того, как обстоятельства вынудят его переселиться на более молодое космическое тело. Но пока что миром правит нажива. Кажется, философ Асмолов сказал, что если критерием успеха в обществе является богатство, то надо ожидать преступность, наркоманию» и прочую дрянь.

— Каждый из этих писателей-фантастов велик только внутри своего круга, и обязательно с соблюдением иерархии?

— Аня, ты лишаешь их права попасть в классики? Но детективы тоже когда-то не считались литературой, — напомнила Лена. — Вспомните восемнадцатый век, иерархию жанров: вверху трагедия, внизу фарс. Такое деление не соответствует нашим нынешним представлениям.

— Я люблю детективы с юмором, — сказала Жанна.

— Один человек может прочитать выбранный тобой роман как детектив, другой как историческое произведение, третий застрянет на бытовых подробностях, — заметила Инна.

— Юмор тоже бывает всякий. Например, пронзительный, не циничный и тот, что ниже пояса, — вставила в диалог подруг свое мнение Жанна. — Для меня произведение хорошее, если в нем много выразительных средств. И, тем не менее, есть книги, о которых я имею самостоятельное мнение, а есть такие, о которых я хотела бы сначала послушать критиков.

— А как тебе Донцова с ее миллионными тиражами? Очень обогатила судьбами великих людей на фоне эпохи? Оцени должным образом. Здорово она «наострилась строгать»! Мощный генератор идей, — как-то слишком развязно восхитилась Инна. — Сейчас мало настоящих писателей. Наступила эпоха потери смыслов? Может, в жизни они есть, но их нет в произведениях. У нас имеются книги, суть которых имеет выход в космос, в четвертое измерение, но они не про планету Земля.

— Гонорары Донцовой тебе как кость в горле? Замечательно плодовитая дама. Ее трудолюбие похвально. В этом тоже проявляется ее редкий талант, — ответила Жанна. С ее строгого официального тоном не сочеталось безразличие к объекту обсуждения.

— Как... крольчиха, — фыркнула Инна.

— Молодец. Обставила соперников. Видит Бог, она старается. Ее ходкий «товар» в контексте современного рынка. Доходное чтиво. У Донцовой нюх на бестселлеры. Она проявила интуитивную способность совпасть с потребностями большинства, вот и стяжает себе завидную славу, — спокойно и подробно отреагировала Жанна.

— Большинство?! — возмутилась Аня. — Самопровозглашенная наследница и преемница классиков?! Ее книжки ниже всякой критики! Совершеннейший вздор! Тешит беса примитивности. Она — чемпион страны по отточенным банальностям. Как блины печет свои романы. Видно классика ее читателей тяготит. Что им Достоевский, Толстой, Чехов! Вот они-то знали настоящую правду жизни. Помнишь, Чехов писал: «Самое трудное только начинается». «Виноваты все мы». Он призывал к личной ответственности за порядок вещей в жизни людей. Какие вопросы ставил! «Как понять себя? Как остаться достойным? Не смиряться и ценить то, что дано тебе природой». Это он

и про нас, про здесь и сейчас... И потом... его знание и чутье языка, способность писать просто ясно и кратко!.. Умные книги надо читать, сложную музыку слушать, чтобы духовно развиваться. К тому же, стоит заметить, это улучшает пластичность мозга, отодвигает его угасание на годы.

— Кратко писать Чехова приучил жанр пьесы. Там не размахнешься в диалогах-размышлениях. Иначе публика сбежит со спектакля, — выдвинула Инна одну из причин возникновения особого таланта писателя.

— А мощные, страстные образы Толстого? Классика еще тем хороша, что для того, чтобы ее читать, не надо оттепелей. Она во все времена современна и необычайно значима.

— Потому что человек не торопится улучшаться? — насмешливо спросила Инна, но Аню с мысли не сбила.

— А нам Донцову подсовывают. Мне слова академика Дмитрия Лихачева о культуре вспомнились. Он говорил, что «бытовой ширпотреб у нас развился очень сильно... Сейчас полное небрежение к классике... Надо уделять больше внимание воспитанию вкуса... Я принимаю этот упрек и в свой адрес», — продолжила свое «выступление» Аня. — Лихачев — икона интеллигентности, совесть нации. Мне импонирует, что он сохранял культуру речи, чистоту языка.

— Он талант называл божественной одержимостью, — вклинила свое специфическое замечание Жанна. — А Бунин ревновал Чехова. Утверждал, что он не любит Россию, Москву, женщин и вообще всё человечество. Чехов его раздражал. Это неприятие его успеха?

— Обычное соперничество, — спокойно отреагировала Лена.

— Наверное, иногда злой, желчный характер может пожирать талант. Или наоборот?.. Я бы не смогла жить в коммуналке рядом с Достоевским, меня бесило бы его поведение в быту. А с Чеховым — пожалуйста. Он к себе был строг, развенчивал себя, — сказала Аня.

— Дискредитируешь, опошляешь Достоевского? — нарочито удивленно спросила Инна, пытаясь затеять спор на эту тему. — Некоторые, например, не могут полюбить Бунина, считают его скучным автором. А им надо просто честно признаться, что они не понимают творчество гения.

— Всегда был интерес читателей к личной жизни великих писателей. Всегда были хвалы и обвинения, гонители и гонимые. Не будем сегодня об этом, — строго остановила подругу Лена.

— Аня, у тебя неприятие характера автора доминирует над признанием его таланта, — проехала Инна.

— Только иногда, когда он проявляется в его произведениях, — не согласилась Аня. — Если я устаю от жесткой литературы, то беру в руки Пришвина или Казакова. У них всё гармонично. Я чувствую магию их слов. Казаков такой душевный, чуткий, тонкий! Читая, я чувствую запах цветов, моя душа парит.

— Акварельный писатель, — строптиво воспротивилась ее мнению Инна.

— А тебе нужно, чтобы только маслом писали и «зеркалили» друг друга? — удивилась Аня.

— Наверное, явление Донцовой — это требование времени. Я думаю, она не причисляет свои книги ни к каким категориям. Для нее главное по душам поговорить с читателями, отвлечь их от трудных будней.

— Не очень лестная характеристика. Убийственно-оскорбительные слова, — ожидаемо отреагировала Инна на попытку Жанны защитить писательницу.

Лена нехотя отозвалась:

— Этот жанр — ироничный детектив — имеет право на существование. Произведения, относящиеся к легкому жанру, тоже бывают очень даже милые.

— Ты ее хвалишь? — Аня пришла в замешательство. Она нервно затеребила свой дерзкий хохолок на макушке и попыталась сообразить, как ответить Лене.

Зато Инна недолго думала:

— Опускаться до читателя, который не дорос до понимания прекрасного? Надо же доразвивать, дотягивать. Какое убожество эти ее...

— Смотря, по каким меркам, — осторожно заметила Жанна.

— Да по любым! Уж сколько лет пишет в одной стилистике.

Жанна не уступила Инне:

— Ну, если ее читать после Сократа... то может показаться... Тебе бы только чрезмерное умствование. Прими мое восхищение тобой и не впадай в неистовство. Что тебя в Донцовой не устраивает? Ты ее досконально изучила?

— Одну книжицу на сон грядущий прочла и больше не поддамся на уговоры, — напустив на себя покровительственный вид, ответила Инна.

— Заявление отнюдь не бесспорное.

— Чтиво. Муть, жесть, мыло, бред сивой кобылы! Компот для обывателей.

— Остынь. Смотри на вещи шире. Беллетристика тоже нужна людям. Она бывает очень качественная. Честертон утверждал, что «тривиальная литература вовсе не является уделом плебеев, она удел всякого нормального человека», — сказала Жанна.

— Книги Донцовой — уступка невзыскательному вкусу читателя, — не унялась Аня. — Держу пари, лет через пятьдесят о ней успешно позабудут. И будут лежать на складах тонны ее книг, как... поверженная эпоха.

— Переживем и эту «трагедию», — рассмеялась Инна.

— Возвращусь к тому, о чем я уже говорила. Донцова — не пустое место. Представь себе: усталая женщина пришла с работы, домашними делами занялась, детьми. И что ей на сон грядущий читать философские размышления? Легкое чтиво, как и легкая музыка, имеют право на жизнь. Они нужны народу так же, как, допустим, забористые, сногшибательные, с перчиком частушки, шутки и анекдоты, — заявила Жанна.

— Если еще любовные перипетии в придачу, чуть-чуть интриги, немного порока... Они тоже к месту и на руку? — подпустила насмешки Аня.

— Что ты до всех докапываешься, ко всем цепляешься? Ну что ты на Донцову как фавн набросилась? На тебя не угодишь. Ты читала «Трех мушкетеров» и возмущалась: «Как же так! Королева обманывает мужа и по сути дела предает родину, а они ей помогают? Герои должны быть безгрешными, но не сообщниками преступлений! Почему в книге не обсуждается этическая сторона их подвигов?» А у этой книги другая цель — прославлять дружбу, геройство и развлекать. И Печорин тебе не нравился своей непорядочностью. Мол, осуждал себя, но все равно поступал гадко, — упрекнула Аню в излишней «инквизиторской» строгости Жанна.

— Да, порядочность с самого детства была для меня самой главной чертой положительного героя. Но Печорину я частично симпатизировала. В нем было немного от самого Лермонтова.

— Ты девятым или десятым чутьем угадываешь своих героев? — с легкой иронией в голосе спросила Инна.

— Одиннадцатым, — нервно отрезала Аня. — Я и Робин Гуда, и Дубровского в школе недолюбливала. Они насилие пропагандировали, раздавали богатство, которое не зарабатывали. Они не своим делились, что было бы намного честней, а отнимали

чужое, пусть даже у эксплуататоров. А это невелик труд. И усадьбы жгли по недомыслию и темноте своей, и их глупые случайности выстраивались в жестокие закономерности.

— Идеальных стерильных героев, как и идеальных условий жизни не бывает. Как-то ты всё приземляешь, упрощаешь, даже низводишь до примитивного вида, — неодобрительно пожала плечами Жанна.

— Вроде бы романтические герои, защитники простого народа, но ведь и убивали, и награбленное не между всеми эксплуатируемыми людьми и не поровну делили. Оно в основном оседало в карманах и «закромах» их банд. Какая-то в этом была двойственность, частичная справедливость, как две стороны одной медали. С одной стороны вроде бы правы, а с другой... — продолжила бурчать Аня.

«Ни полутонн, ни полумер не признает, и вдруг невероятное замечание: с одной стороны, с другой... Бескомпромиссная, но все же глубоко противоречивая», — подумала об Ане Лена.

— В их подвигах мне виделось что-то не совсем правильное. Они были чем-то похожи на воров. Те тоже отнимали у богатых людей, но «работали» только для своей шайки. Получается, воры тоже могут оправдаться: «Кто умеет зарабатывать деньги, пусть с нами делится, мы же бедные». То есть ленивые и посредственные, но наглые люди могут посчитать себя вправе наказывать умных и трудолюбивых? Моего соседа, начальника цеха станкозавода, обворовали еще до перестройки. А он был очень правильный, строгий руководитель и хороший человек.

Аня посмотрела на подругу вопросительным, непонимающим взглядом. Она ждала возражений.

— Какие далеко идущие выводы! От воров милиция должна защищать, — усмехнулась Инна.

— Я в принципе... Под лозунгом «отнять и раздать» у нас при Сталине зажиточных крестьян свели. Чем лучше трудились, тем меньше прав имели.

— То были перегибы.

— И революционные лозунги тоже многие понимали по-своему, как им было выгодно. Всеобщее упоение возвышающим обманом нас не раз подводило, — заупрямилась Аня. И тут же растерянно зашептала:

— Что-то я совсем в трех соснах заплутала.

Жанна рывком приподнялась с места и, негодуя, как в детстве, с жаром воскликнула:

— Я жалела Дубровского, понимала безысходность и бесперспективность его действий. А мои подруги злились на Машу за то, что та не уехала с ним. В их мечтах он был героем, а в моих — жертвой обстоятельств, романтиком, честным разбойником, бунтарем.

— Я слышу глас народа! — весело провозгласила Инна и задумалась, припоминая свои юношеские впечатления.

— Я и Вронского, и Каренину осуждала, — продолжила Аня ряд своих «не героев».

— А Вронского-то за что? Он не был женат, — удивилась Жанна.

— За то, что совращал замужнюю женщину. Это не порядочно.

— Есть мужчины, которых привлекают замужние дамы. Вина только на Анне. Знаешь ведь поговорку: «Сука не захочет...» — жестко сказала Инна.

— Помню, в детстве я читала «Тараса Бульбу» и никак не могла представить себе, чтобы из-за любви к женщине мужчина мог предать Родину. Я будто на своих внутренних весах эти два понятия взвешивала. Мне казалось, автор выдумал эту ситуацию для того, чтобы усилить «образ главного героя», потому что такого в жизни не может быть никогда.

А когда, наконец, поверила, меня разрывало от мысли, что придется жить в этом жутком мире, где не только лгут и убивают, но и предадут.

Плохо, если ребенок рано теряет детское мироощущение и отвыкает жить в мире добрых чувств. Он создает внутри себя собственную реальность, долго ничего не замечает вокруг, живет отдельными прекрасными и жуткими моментами или ныряет от своих бед в собственные фантазии, вместо того, чтобы что-то предпринимать. И лишь повзрослев, с трудом начинает выстраивать свой баланс страхов и надежд, — выложила Аня подругам свою грустную концепцию. Она слишком хорошо знала то, о чем говорила.

— «Как молоды мы были, как искренно любили и верили в себя», — пропела Инна.

— А я и сейчас хочу верить, — сказала Аня в пространство.

*

— ...Людам иногда хочется чего-то легкого, расслабляющего, вот и глотают любую халтуру. А в истории остаются только шедевры. Цель литературы — возвысить человека душой, преподнеся ему нравственные уроки, — повторила Аня уже не раз сказанное.

— Еще развлежь, увлечь, научить получать удовольствие. Те еще задачи! — расширила список «назначений» Инна.

— Развлекать! Поэтому сейчас у нас желтый цвет доминирует в СМИ? Сплетни — кто с кем спит, кто на какие деньги живет — это же тренинги для души чужими людскими эмоциями, когда нет собственных, — неодобрительно высказалась Жанна.

— Для этого и существуют амбициозные дилетанты с мощным художественным темпераментом, — напомнила Аня.

— Но это уже из другой «оперы». Тираж журнала «Дом-2» шестьсот тысяч экземпляров, а у Ритиных книг — только две. Это тебе о чем-то говорит? Разве это не показатель? А у Потанина семь миллионов.

— Не равняй их... — буркнула Инна.

— Малосимпатичный Боря Моисеев тоже кому-то нравится, — извиняющимся голосом подсказала Аня.

— Зачем ты о нем упомянула? Меня от него тошнит. У Моисеева более чем оригинальное амплуа. Я не сторонница изощренной... глупости в угоду некоторым... тем, что с отклонениями, — передернула плечами Жанна.

— Ну вот, ты уже и оскорбляешь. Может, в его «шедеврах» заложена новая основополагающая ошеломляющая идея, а ты на артиста «бочку катишь». Понимаю, существует понятие инерции мышления и восприятия, — усмехнулась Инна. — Да, кстати, Боря на берегу моря в Юрмале дом имеет. И в Болгарии у него с Киркоровым квартиры рядом, а ты, Аня, работая на полторы ставки, из своей «однушки» так за всю жизнь и не выбралась.

Аня загрустила:

— И кто только ни вылезает из пены и грязи! Еще этот, как его там... с неинтеллигентной внешностью... Гарик Сукачев.

— Тоже рожей не вышел? — брякнула Инна сочувственно, но Жанне показалось, что с мстительным удовольствием.

— Зачем ты так? Не подобает... Может, у него сердце золотое? Я слышала, он нормальный мужик, детей своих любит до самозабвения, — заметила она. — Последнее время он очень даже вырос. Вдруг в крапивном окружении вырастит прекрасный породистый георгин! Может, в этом есть какая-то божественная справедливость.

— А этот, что с ними якшается... Как его... — Аня потерла нахмуренный лоб.

— «Матюгальник» Зверев, что ли? Так он талантливый парикмахер и визажист, — весело

подказала Инна.

— Не помню... На редкость жизнестойкие типы.

— Твои взгляды устарели. Цени их за целеустремленность, за пробивной талант, — ядовито возразила Инна. — Заискивали, домогались, приплачивали и выхлопотали себе место под солнцем, поднялись на «недосыгаемую» высоту. «Велик» их вклад в современную культуру!

— Я бы не могла позволить себе достигать своих целей путем унижений. Такая борьба непродуктивна и противна! — возмущенно заявила Жанна.

— А я могла бы пойти на многое, но только ради великой цели. Но не нашла я для себя такой точки приложения.

— А эти, Пресняков и Лепс, они лучше, что ли уже названных нами? Только их «толкали». Один с кошачьим, по его собственному мнению, визгом, другой с диким воем «поет». Ночью на улице такого услышишь, напугаешься. Помню, в раннем детстве в деревне у бабушки выгляну после двенадцати ночи за околицу и слушаю, как молодежь из клуба возвращается и поет чистыми звонкими голосами так, что душа радуется! А эти... — раздраженно закрутила головой Аня.

— Для кого-то и они милы и приятны. На их концертах колеблется море рук, — напомнила Жанна.

— Это не комплимент их фанатам. Музыка музыкой становится не в ушах, а в мозгах. Высокая музыка и поэзия подвластны не всякому слуху. А эта молодежь — планктон, она машет руками, чтобы не чувствовать себя разобщенной. На таких концертах она представляет себя включенной в жизнь. Ей нужен примитивный текст, ритм и «оживляш». Сейчас многое делается напоказ, — сказала Инна.

— Жестоко. Человека делает счастливым хорошее общение. В интернете иллюзорный мир взаимоотношений, без контакта с людьми, поэтому коммуникативные связи в нем не развиваются, не укрепляются, а потребность есть. У молодежи нет единого информационного пространства, нет ценностей, их объединяющих. Она ищет их, «кучкуется», — по-своему объяснила поведение молодых людей Аня. — Глубина взаимоотношений в их среде зависит от многого, в том числе и от уровня преподносимого со сцены.

— Вдруг эти артисты — фанаты дела, которым занимаются? — примирительно предположила Жанна.

— А не денег и славы? — фыркнула Инна.

— Может, мы не понимаем современной попсовой музыки? И если учесть, что мы приверженцы традиций, классики... — попыталась стать на сторону молодых Жанна.

— Отличать хорошие эстрадные певческие голоса от никудышных мы тоже умеем. А теперь кого хочешь могут вознести... — вздохнула Аня. — Меня пугают «дружные» эмоции толп фанатов примитива. Сначала им внушат, что этот безголосый певец прекрасно поет, потом вдолбят в пустые головы, что бузить, бить стекла и жечь машины тоже интересно. И они помчатся всей гурьбой как тупое стадо недовоспитанных, недоученных... Это стоит их внутренних «завоеваний»?

— Нашла чего бояться!

— Это надо поощрять? Японский городской! Край непуганых идиотов.

— Аня, как грубо, — обескураженно поморщилась Жанна. — И это ты о наших согражданах?

— О них, болезных.

— Охолонь. Не нам их судить. Подождем лет двадцать, а вдруг они, эти певцы и их сторонники вознесутся выше многих им подобных? — усмехнулась Инна.

— Но это же будет деградация!

— «И не говори, кума, у самой муж пьяница», — студенческой шуткой расслабила Инна Аню.

«Не сформировали мнение? Сколько лишних слов мы произносим», — устало подумала Лена.

— А если без грязного пиара не блатному таланту не пробиться? Какого «витамина» не хватает в воздухе, чтобы талантливые люди научились без унижений достигать известности, которой они достойны? Как еще привлечь внимание к своей персоне? Может у этого Гарика талант композитора, режиссера или великого артиста? Ему в землю его зарывать? Ты хочешь, чтобы он выглядел как мокрая обиженная курица? Моя бабушка говорила: «Отринь страх, бойся до битвы, а не во время нее». Молодец, что борется, пробивается. Я слышала, что сам Тодоровский его поддерживал, — сказала Жанна.

— Из уст самого Гарика? То к одной знаменитости прибивается, то к другой, чтобы что-то урвать, — усмехнулась Инна. — Известный прием. Хотя, иногда знаменитости, потворствуя своим слабостям, любят приближать к себе нетривиальных людей не из своего круга и облагодетельствовать, выдавая им минимальный кредит доверия. В просторечье это называется...

Аня ее перебила:

— Может и хорошо, что пробиваются люди из народа, они свежую кровь вливают в искусство.

— Возьмем хоть певца Пенкина. Сколько лет не признавали! Но ведь талант! Что отнюдь не облегчало ему жизни. Даже напротив, — заметила Жанна.

— Признание пришло через прозрение? Не пристало Пенкина загонять в одну когорту с этими... типа Бори, — недовольно заметила Аня.

— А мне Пенкина мешали слушать его непривычно яркие наряды. Он казался мне гомиком. Наверное, у него был такой сценический имидж, но это во мне вызывало возмущение и одновременно горечь. Я не злорадствовала, сочувствовала ему. Человеку приходилось жертвовать многим, — жалостливо пробормотала Жанна.

— Фу! Сплетни. Пенкин хотел как-то выделиться, чтобы его наконец-то заметили, а ты причислила его к нравственно ослабевшей молодежи.

— Мойсеев своим «талантом» портит Пенкину карму? — снова принялась дразнить Инна Аню. — Правда его способ далеко не... Но за неимением лучшего...

— Талант пошлого комика, что ли?

— «Дотумкала». Дошло на пятые сутки. Ты неотразима!

— Не можешь, чтобы не укусить. Люби людей без признаков высокомерия, — назидательно сказала Жанна и подумала раздраженно: «Обычно, чем ниже человек душой, тем выше он задирает нос».

— Ты думаешь, Борю запомнят потомки?

— Замнем для ясности.

«Опять начали про Ерёму, а закончили про Фому», — недовольно пробурчала Аня, наконец, поняв намерения Инны, и уронила голову на подушку.

«Чего молчит? Почему дистанцируется? Слишком серьезная, постоянно думает о глубинных мировоззренческих вещах? Считает, что с нее хватит того, что она наши бредни выслушивает? Не любит болтать на житейские темы. А сама даже своей немотой вносит другую интонацию в наш разговор», — расценила поведение Лены Жанна.

— О Рите тоже не вспомнят, — заметила Аня. — Но о ней по другой причине: некому будет ее рекламировать. А жаль. Ее-то тема хоть и повседневная, но неисчерпаемая и такая нужная молодому поколению! Человеческие отношения никогда не уйдут в прошлое. Они вне времени.

— Они вечные и бесконечные, — пошутила Жанна.

— История не всегда справедлива к талантам. Их часто переводят в разряд второстепенных, — заметила Инна. — То в тень уходят некоторые творения писателей, что не числились в первом ряду, то они же вдруг выдвигаются на передний план. Интерес к ним возрождается. Их переиздают. И возвращаются подзабытые имена.

Культура бессмертна, она-то и сохранит для потомков наши души, выраженные в книгах современников. Глядишь, и Ритины произведения где-то и когда-то всплывут. Как говорил поэт: «В один из дней трехтысячного года». Мои слова не вступают в противоречие с этической правдой? — спросила Аня. — Бах смог издать при жизни только двести экземпляров альбомов своих произведений и продать только пятнадцать. Теперь же они бестселлеры. А как ругали Чайковского, Чехова, Рахманинова!

— Всплывут Ритины книги, но под другим именем, — хихикнула Инна.

Лена нахмурилась.

Инна неожиданно придушенно расхохоталась, потом высунулась из-под подушки и спросила Лену:

— Тебе не кажется, что в двадцать первом веке лысых и лысоватых молодых мужчин стало намного больше? Вспомни портреты ученых, музыкантов и художников восемнадцатого и девятнадцатого веков — красавцы! А теперь фонарями у артистов сияют не только залысины спереди, но и лысины на темечке. И в зрительных залах тоже много голых мужских затылков. Публичным мужчинам приходится брить головы, чтобы не тряссти остатками волос, а седым краситься.

Лена только плечами пожала.

Разговор то затухал, то снова набирал силу. Лена вяло выхватывала из него отдельные моменты.

— ...Обычная травля талантливого человека.

— Пушкина они, наверное, тоже травили бы. Не по-людски это как-то.

— ...Его книга чрезвычайно перенасыщенная.

— Мне кажется, у него слишком много точек соприкосновения текста с собственными воспоминаниями и фантазиями... Он словно вовлекает нас в свой вымышленный мир.

— ...Самодур еще тот. Талантливо, с упоением издевается над молодыми авторами. Какую кашу заварил! Въедливый гад.

— Так это хорошо, что дотошный.

— ...Отгремел — уступи место другому. Так нет же, за прошлые заслуги цепляется.

— ...«Приличная сволочь» — оригинальное словосочетание, неприемлемое для уха иностранца. Еще один подарок богатого русского языка.

— ...А я люблю ее лирику, жадные, жаркие строки. В этом смысле я как хищница, как вампир.

— ...Как она резанула его бешеным ненавидящим взглядом!

— ...Булгаков говорил: «Что видишь, то и пиши».

— Ты не поняла глубины его высказывания.

— ...Надо ли говорить, что авторитет классиков подавляет и подминает. «Хорошо пишешь, но не Пушкин». Обаяния пушкинского совершенства не превозмочь. Его тень всегда будет стоять за спинами русских поэтов. Еще бы, всем поэтам поэт!.. Какое-то языческое поклонение золотому идолу. Когда-то категорически не приветствовалось...

Аня перебила Инну:

— Ты уже и за Пушкина взялась? Критиковать гения? Не позволю очернять! Я к нему с трепетом и благоговейным почтением. Его творческая энергия заражает всех нас любовью.

— К кому же еще апеллировать? Может, нам, ради разнообразия, переключиться на Оскара Уайльда? — рассмеялась Инна.

Аня не смогла мгновенно затормозить и снова разразилась возмущенной тирадой:

— Этак ты Пушкина сбросишь с корабля современности. Не трепли попусту имя, святое для каждого русского человека. Он задает современным поэтам высокую планку. Для меня любовь к Пушкину — неопровержимый факт и сегодняшней жизни нашего потрепанного перестройкой общества. С молоком матери дети впитывают его гениальные строки. Может даже на генетическом уровне. Язык твой — враг твой, — закончила она менторским тоном, словно подвела итог своей воспитательной взбучке нерадивому ученику, в данном случае Инне.

— Мне было шесть лет, когда я впервые высказала свое впечатление о стихах Пушкина и самом авторе: «Пишет, как счастливый человек». В ту пору мне была более понятна горечь любви к Родине и простым людям печального Некрасова, — мягко и спокойно поведала Лена. — Я тогда была еще слишком мала, чтобы видеть за кажущейся легкостью Пушкина бездонность и бесконечность его таланта. Я не могла охватить палитру вселенского масштаба его личности, не осознавала восхищения Пушкинского гения перед разумностью устройства Природы, не понимала одушевленности его поэтической Вселенной, гармонии и Космоса личности, его пути к мудрому покою, и того, что в его стихах Россия обрела твердый голос.

— У каждого свой путь к Пушкину. Не скоро мы находим ту дверь, которая приводит нас к гению. Только с возрастом мы начинаем осознавать, насколько в юности мы были далеки от понимания его творчества, — подхватила Аня мысль Лены.

«Лена говорит не про то, о чем мы все привычно думаем о Пушкине. Она оснащена более глубокими знаниями», — решила для себя Инна.

— Мир, Космос, Вселенная — достойноеместилище гения поэта!.. Лена, устрой мне достойную нахлобучку, — весело предложила Инна. — Сравним классиков Запада и Востока?

Аня обеспокоенно спросила:

— Насмешничаешь? Это просто возмутительно! Русская классика — бесспорное достояние всей Планеты, она гениальна.

— Кто отрицает? Но ее состав постоянно меняется, дополняется. И это нормально.

— Может, Дмитрия Быкова и Пелевина внесем в школьную программу для обязательного изучения, хотя они еще не прошли проверку временем? Канонизируем их стараниями критиков? Дадим ход делу? — спросила Аня.

— И чем это Быков тебе не угодил? Ты и его поругиваешь? Мутный? Недолюбиваешь? А что? Не исключено что внесем, у нас же литературоцентристская страна, — как-то слишком охотно поддержала Жанна идею Инны.

— Была. И тебя, Лена, к ним причислим. А что? Неплохая кампания. Гордись!

— Озорничаешь? — отмахнулась та.

— Будем спасать положение новыми классиками. Пусть принадлежат вечности! Я понимаю, изобилие современных шедевров требует мужества, чтобы их выделить из гущи и признать... — сделав выразительную паузу, провозгласила Инна. — Кто «за», кто «против»? Кто воздержался?

«Она сделала паузу в расчете на аплодисменты? Перебьется», — подумала Аня.

— Если будет, кому читать... по-русски, — неожиданно подпустила неверия Жанна. — У нас на Дальнем Востоке сплошь...

— А вдруг и правда лет через двести окажется... Ну там... китайцы нас поглотят или мусульмане... вдруг переметнутся... ассимилируют... Сейчас уже идет борьба за сознание людей. Не дай Бог, третья мировая... Нашим просторам завидуют, — испуганно и бестолково забормотала Аня.

— Прозрела, увидела «то, что временем сокрыто». Эх ты, тюха-матюха! Это, по меньшей мере, смешно, — заносчиво возмутилась Инна.

— Если бы не было так грустно, — вздохнула Жанна.

— У тебя всегда так: от полной уверенности, что всё разрешим, всех спасем, к полнейшему отчаянию? — усмехнулась Инна.

— Рожать надо больше и всё устроится. Или ты надеешься на демографическую теорию неуничтожимости человечества? Тогда изучи футурологию — науку о моделях будущего и вероятности превращения их в планируемую реальность. Квантовые теории предполагают вероятность события, но там тоже свои законы. И у прогнозистов все прописано: разведка и сбор информации, выводы и рекомендации... А там, глядишь, идея овладеет массами, — неожиданно резко выступила Аня.

«А сколько малых народностей уже исчезло?.. Как отшила! А прикидывается ясочкой. Вот и пойми ее... Сейчас начнет бросаться лозунгами, втискивать нас в строго оговоренные рамки. Мол, «ей ведомо»... Ни фига не «волокет» в литературе. Глядишь, опять заведет речь о стародавних классиках в пределах школьной программы. Решит «избрать возвышенный предмет» и станет всерьез растолковать нам понятия фабулы, сюжета, жанра, композиции. И пошло-поехало. Какая неподъемная тема! С кем рискнет схлестнуться? Не станет же она оспаривать первенство с Леной? Получится, можно сказать, пародия на диспут. Как ни грани булыжник, он булыжником остается... Представляю какой хай подняла бы Лена, услышав мои «гиблые» рассуждения... Ну не со мной же? Это само по себе оскорбительно. Не охота мне на ней оттачивать свою жесткую аргументацию. Не почешусь. Но ведь могу завестись, черт возьми... Анька не хочет выглядеть белой вороной, вот и старается, как может, чтобы мы не думали, что она совсем уж валенок. Бог с ней. Так и быть, промолчу на этот раз. Устала я кувыркаться на мелководье», — рассудительно закончила свой внутренний монолог Инна.

*

«Слово взяла» Жанна.

— Я вся из Пушкина. Для меня его произведения — своего рода сакральные тексты, мантры. Я поражаюсь их заряженности, какой-то подключенности к Космосу, удивительной способности реконструировать мир вокруг себя. Всё тысячу раз проверено-перепроверено, изучено, а все равно отыскиваются все новые и новые неисследованные грани в, казалось бы, уже привычных сторонах его великого наследия.

Но я читала, что поэты сочиняющие, подражая Пушкину, или художники, копирующие манеру Микеланджело, Репина, Васнецова и других великих, в наше время уже не интересны. Теперь пишут с «вывертами» и этим привлекает читателей и зрителей.

— Привлекают гадостью, фокусами, сомнительными идеями, а не талантом, — охотно поддакнула ей Аня.

— Новое время требует оформлять мысли и чувства иначе, — не согласилась

с подругами Инна. — Мне знакомый искусствовед сказал, что раз удивляет и восхищает, значит, это искусство. С вашей точки зрения настоящее искусство умерло или продолжает умирать? — усмехнулась Инна.

— Оно стало хуже? — спросила ее Жанна.

— Для особо любознательных разьясню: оно стало другим.

— Хуже, — упрямо сказала Аня.

«Ну как школьницы, в самом деле. Спорят, спорят», — удивилась Лена.

— А Ленка опять «не подает признаков жизни», не реагирует на наши комментарии. Спит? Уши ей заложило? Несогласно молчит, со скрытым протестом? Никак не смилостивится, не снизойдет до нас, простых смертных. Плутает в дебрях своих размышлений? Черный ящик, а не человек, — зевая, незаметно для себя вслух произнесла Жанна.

— Я здесь, — сонным голосом напомнила о себе Лена и подумала о Жанне с некоторой грустью: «Какая умная и интересная была девчонка! А потом муж, дети, внуки, удаленность...»

— Лена, а что ты читаешь, когда у тебя на сердце тоска? Ну не Гомера же? — ничего не заметив в ее поведении, продолжила разговор Аня. (И всё-то ей интересно!)

— Музыку слушаю. Окунаюсь в мир прекрасных мелодий и на какое-то время полностью ему отдаюсь. А в детстве у меня музыка в голове рождалась. Стою, бывало, посреди огорода, звуки меня обволакивают, я обо всем на свете забываю...

— У одних музыка в голове барыню танцует или вальс, у других медленный танец-размышление, а у некоторых там полный штиль, — усмехнулась Инна. — В школьные годы, помнится, ты боролась с тоской и раздражительностью физическим трудом, а не развлечениями. Колоть дрова было твоим любимым занятием.

— Представляешь степень моей нервности после детдома, если мне чуть ли не ежедневно требовалось три-четыре часа разряжаться с топором или с лопатой в руках? Благодаря этому прекрасному лекарству я не позволяла себе срывать тормоза. Так сказать, совмещала полезное с... полезным. Теперь оно мне не по силам. Пришлось перейти на интеллектуальную терапию, — улыбнулась Лена.

14

Опять словно из «глубины веков» до Лены донесся голос Ани:

— ...Меня поразило, с каким брезгливым презрением он описывал свою связь с простолюдинкой, и с каким высоким накалом чувств — с женщиной своего круга. Сноб! Он не осуждал ту замужную женщину за измену, а восхищался ею!

— Но как талантливо! Он гений, но он человек. И не надо трясти грязным бельем. Не рассматривай поведение его героев через призму своей мнительности, — сказала Инна.

— Не представляю, чтобы я шла с мужчиной тайком на квартиру, прекрасно понимая зачем. Я бы чувствовала себя униженной, меня бы съедал стыд, он убивал бы во мне всякое желание. Чтобы я, как самая последняя проститутка?!.. А ей хотя бы что! Увидела мужчину, ум за разум зашел и все! Как просто... Солнечный удар! А если их много... этих ударов? Кто она тогда?

— Вот видишь, мы читаем книги, чтобы лучше понять себя и других, чтобы почувствовать счастье, которого не испытали в жизни, — усмехнулась Инна.

— Для меня личный опыт важнее. Боль быстро учит. Но без книг он не был бы мною осмыслен так глубоко, — сказала Жанна.

— ...Боль не всегда пробуждает оглохший мир. А если и пробуждает, то ненадолго. Я о войнах.

— ...Дети должны читать, чтобы развить в себе способность чувствовать, понимать, выражать свои эмоции и учиться коммуникации, и тем готовить себя к взрослой жизни.

— А кому-то важно из книг узнать, что он не одинок в этом мире, что кто-то думает так же как он.

— ...Мне кажется, в молодые годы писатели пишут, чтобы создать себя. А старики уже осознанно стараются влиять на других, — еще услышала Лена, погружаясь в темноту.

*

— ...Читала я как-то в интернете книгу за авторством... как же ее... о черт, склероз... Ренаты Литвиновой. И ужасалась.

— И что же в результате ты в себе или в ней нашла? — настырно спросила Инна Аню. — Ловко вяжет слова?

— Неприятное, шизофреническое впечатление произвела. Может, я в ней чего-то не поняла? Говорят, тот хорошо пишет, кто хорошо думает. По телевизору Литвинова излагает свои мысли просто, легко, складно. И как актриса прекрасно смотрится. Но ее фильм, где она режиссер, тоже отдает странностью. Она будто не контролирует свое воображение. У нее там роль экстравагантного сыщика. Нет, я понимаю: несовершенный человек в несовершенном мире... это особенно интересно, но как-то непривычно, — неуверенно ответила Аня.

— Не странностью, а своеобразием манеры отличается. Для тебя она слишком рафинированная. В современном художественном мире такие качества очень ценятся. Обычное уже неинтересно, — поправила ее Инна. — Есть талант вот и пусть выражает его по-своему.

— Литвиновой приписывают слова: «Сплетни — самый недооцененный литературный жанр». Если это так, то она человек с нетривиальным чувством юмором, — одобрительно отозвалась Лена.

— Помню ее, милая чудачка. У нее манера говорить проникновенно, с легким придыханием. Она вызывающе красива, как античная статуя. Какой профиль, какая изящная посадка головы! А кожа! Кажется, что ее лицо никогда не искажается страхом и злостью. Талантливая, — подтвердила Жанна.

Аня продолжила рассказ:

— И тут я вспомнила, как под названием «Жизнь и судьба» Гроссмана кто-то такую муру в интернет запустил, что я громко возмущалась: «О, matka Боска! Это же невозможно читать!» Какими только словами я его не поносила, аж в глазах темнело от ярости. А оказалось, что это подделка. Кто этим занимается и, главное, зачем? Хочет дискредитировать автора? Наверное, и с Литвиновой та же история произошла, а я сдуру бесилась, надрывалась, — поругала себя Аня. — На эту мысль кроме всего прочего меня натолкнуло и чтение в интернете произведений непримиримого, неутомимого, негибавшего Эдуарда Лимонова.

— Может, еще и бесконечно обаятельного? — фыркнула Инна.

— Я для эрудиции захотела познакомиться с его творчеством. Меня заинтересовала шумиха, поднятая вокруг его имени жадными до слухов журналистами, мол, он оригинальных, даже радикальных взглядов. Может, они намеренно подкидывали интригу? Так вот, там... сплошной примитивный мат! Бандитский язык, тюремная этика, пошлость, доведенная до гротеска и абсурда. Намеренно демонстрирует вредное заимствование? Лимонов, конечно, человек свободный и имеет право выражать свое мнение, но культурно. А он хвалится тем, что не уважает людей, появляясь на балконе нагишом, упоительно смакует свои ощущения! Этим он «с беззастенчивой откровенностью и с максимальной достоверностью» покоряет сердца читателей? Мастер высокого класса. Тренд сезона! Мир рукоплещет, — в Инниной манере «завелась» Аня. — Разве это не треш? И мы должны гордиться таким человеком? Что о нас подумают

американцы? Русские — дикий народ? Лимонов считает, что чем грубее выражается, тем правдивее звучит его опус? Эта черно-белая гамма характеров — его особенность? Венедикт Ерофеев тоже не стерильно писал, но как талантливо! А у Лимонова жалкое ему подражание. Может, конечно, он еще в чем-то силен, а я не поняла, но меня раздражает экспансия в литературу грубости и пошлости. Они ведут к оскудению чувствительности, ослаблению эмпатии, утрачиванию человечности. А литература должна играть на повышение духовных ценностей. Она обязана носить характер совести.

— И не закрадывается сомнение, что ты не права? Художник Шемякин говорил, что иногда шокирующие непристойные вещи могут дать любопытные плоды, новые ходы в искусстве.

— Правильно ли ты поняла Шемякина? В его творчестве я подобных отклонений не заметила. Он умный художник, величайшая фигура в искусстве, — возразила Аня Инне. — У меня нет слов! Я читала Лимонова и думала: «Разве такой человек может быть нежным и ласковым? Искренним — да, честным — возможно, но добрым — никогда. Автор наповал убивает своим «красноречием». В моем понимании он не тянет даже на...

— Строгий ценитель! Не страшай. У тебя опять личные качества человека превалируют над творчеством, нельзя чтобы они перебивали в твоём сознании талант автора. Для человечества он важнее. Ты совсем не знаешь мужчин. О Лимонове и так примитивно? Какая в его произведениях поэзия, какая музыка слов и чувств!.. Написав ахиною, он удостоил нас великой милости! Ты хотела найти у него строки «на разрыв аорты»?.. А ведь Лотман говорил, что художественная литература — школа чести и достоинства. Что хмуришься? Я тебе со своими рассуждениями порядком поднадоела? У меня их великое разнообразие. Но цени во мне другое: только я скажу то, чего не скажет тебе больше никто.

— Есть литература нынешняя, а есть современная, которая не поддакивает, ни под кого не подлаживается, не угождает отдельным слоям общества, а ведет к вершине через критику и честное объяснение реальной жизни, — сердито пробурчала Аня в ответ на Иннино непонятное противоречивое насмешливое высказывание.

— Ты искала в прозе Лимонова яркие открытия? Художественность — как проба на золоте, как паспорт на бриллианты. Ее можно проверить, оценить. Не правда ли? Не угодно ли тебе всерьез вникнуть в перлы Лимонова? Как ни грустно, но... кто-то должен. А вдруг случится непредвиденное, и ты наткнешься хотя бы на не ограненные алмазы.

— Матерщина — алмазы? Живой язык? Это же предательство Слова! Нецензурщина деформирует речь, она дурно влияет на сознание человека.

— Но существует «потрясающий» мир уголовного общения, его богатый образный эмоциональный язык. В нем столько разнообразных наслоений!

— Я не могу назвать язык Лимонова богатым. Может, он считает, что маты расширяют диапазон возможностей русского языка? Так он ошибается. Русский язык и без них неисчерпаем! Подлинная и вечная современность произведения определяется уровнем его культуры. Это понимать надо. У Лимонова извращенное понятие красоты. В его произведениях совершенно исчезла граница между «можно» и «нельзя»? Он считает, что излагает свои мысли живописно, непринужденно и благодаря матам терпко? В моем понимании Лимонов уподобляется тому мужчине, который, протестуя, приковывает себя голым на площади. Над ним явно тяготеют издержки воспитания или происхождения. Хотя бы о пристойности подумал. Русское искусство и литература всегда были целомудреннее Западного.

— А вдруг... по причине запаздывания?... Вот Лимонов и догоняет... Зачем необоснованно оскорбляешь писателя? Вдруг он, как человек ищущий, заблуждающийся, делится с нами не только убеждениями, но и сомнениями? А они — удел любого писателя. Ну, а если маты сами так и просятся в текст? Они — очень побудительные слова. Помню, на стройке... Надо обладать достаточным мужеством, чтобы сознаваться в этом и отстаивать своё мнение. Не кори его. «Возлюби ближнего как себя самого». Во вселенском масштабе мы не знаем промысла Божьего. Может, у Лимонова феерия, фантазмагория, карнавал тем, сюжетов и мыслей. К тому же одна из целей творчества — вызов. У любого человека есть право на протест. Это ты замороженная фанатичка —

рабыня одного мотива. У тебя во всем строго определены критерии лояльности. Огорошила ты меня. Может, те его опусы из семидесятых, опрокинутые в тревожно-мутноватые девяностые годы, и есть что-то вроде его отдушины. Вникни, ведь библейскую мудрость мы тоже не буквально воспринимаем.

В конце концов, автор имеет право на свою правду, а ты ломаешь его произведения о свою концепцию, как о колено. А вдруг его книги — поступок личности: он подкупает честностью, откровенностью, открытостью, раздвигает границы дозволенного. Этот вопрос по типу того: поощрять или подавлять человеку в себе сексуальное влечение? Это как вмешиваться в личную жизнь. Нельзя подминать человека. Уважай чужую свободу, как свою собственную. (Инна серьезно говорит или нарочно куражится и прикалывается?)

Для Лимонова важно работать без оглядки на чужое мнение, лишь бы кому-то понравиться. Для него главное, вести разговор с читателем искренно, откровенно, от души, иначе ничего путного не получится. Ты же заешь, что в Древней Греции высокое и низкое было рядом. Вели философы умные разговоры и тут же садились на каменные тумбы с дыркой... А какие шедевры создавали! В интернете я нашла о Лимонове прекрасные слова: «Преклоняюсь перед мощью его самобытного характера». «Лимонов может написать всё». Он, оказывается, занимался историей Чукотки, значит, товарищ основательный. А ты предлагаешь его выкорчевывать.

— Захар Прилепин тоже серьезно занимается историей России, особенно Сибири. Я поддерживаю его замечание о том, что присоединенные народы в составе нашей страны были свободнее русских. У них не было крепостного права, их не превращали в холопов, им не меняли религию и уважали местные обычаи, не в пример американцам, которые устроили геноцид индейцам. В СССР нацменьшинства все время находились под опекой, — сказала Жанна.

— Может, Лимонов открыл в литературе новое направление или течение? Как правильнее сказать? — спросила Инна.

— Матерное, что ли? — дежурным тоном уточнила Аня. — Новое направление — это же золотая жила! А у него... Так бы и жажнула по его... Может, без негатива его произведения кому-то неинтересны? Я намеревалась хотя бы приблизиться к их пониманию...

— Наблюдаю ореол мученицы! А вдруг окажется, что «поле битвы Лимонова — сердца человеческие»? И тогда выяснится, что он тот писатель, которого жаждал читатель, что он не пустышка, не упаковка. И мы от счастья потеряем головы! Ты исключаешь возможность появления современного гения, который не обманет наших ожиданий? Жизнь ведь принадлежит, тем, кто идет вперед, — с серьезным видом продекларировала Инна.

— И это называется идти вперед? Все-то ты передергиваешь, наизнанку выворачиваешь. Неизвестные, непонятные мне чувства заглушают в тебе голос рассудка. Не выпало мне счастья понимать тебя. Я, как правило, в общении с тобой предпочитаю безоговорочную капитуляцию. Иначе мне несдобровать. Шучу, конечно. Но задайся вопросом: «Какой читатель мог жаждать появления Лимонова?» Тоже мне, избранник Музы! Круто замешанный коктейль из пошлости и гадости. Его «творения» чудовищны, они психику могут подорвать. Не выношу подчеркнутого «уважения» к интимным подробностям... и гениталиям. Такой человек сам себя пожирает. Может, он в какой-то степени отталкивался от личных пристрастий... А вообще, заповедно завуалированные части тела пора привыкать называть по латыни, а не материться. Культура — эта духовная река через века. Она у нас эту область знания огибают?

— Совершенно справедливое замечание. У нас нет языка эротики. Сначала церковь запрещала трогать эту тему. И во времена пресной советской действительности официально секс в стране отсутствовал. Зато сейчас в литературе много деструктивного, хотя, может быть, и талантливое, — ответила Ане Инна.

— Разве талантливые произведения могут нести зло? А грубость и маты — безусловное зло, — решительно заявила Аня.

— Дар дает Бог, а человек сам решает чему его посвятить: злу или добру. На то он

и получил свободу воли. Люди читают, потому что им нравится получать удовольствие и чтобы иметь некоторый базис для общения. Вот Лимонов и пишет для некоторых... мужчин. С «приблатненной», «все на понтах и реальных понятиях» молодежью надо говорить на их языке. У них же без мата шарики в голове не крутятся и даже не шевелятся, речь не идет. Мат для них как связка между словами, как смазка для лучшего скольжения мыслей. Для таких «индивидов» добродетель скучна. Им нравится, когда нарушаются законы. Самим переступать черту страшно, а читать про это интересно. В книгах Лимонова они проживают разное, близкое их запросам, и тем компенсируют недостаток острых ощущений. А если учесть, что столпами, на которых держатся некоторые современные романы, являются жестокость и насилие...

Жанна не закончила фразу. Аня взорвалась:

— Мат в произведениях — норма? Нет, нет и нет!! Это даже не обсуждается! Сейчас дается слишком много форы «новаторам» с их матюгами. Они хотят поменять этический и эстетический облик наших людей? И без того чересчур много грязи в нашей жизни, так зачем же ее привносить еще и посредством литературы? Человек даже по религии должен стремиться к совершенству, стараться стать ближе к Создателю. Возможно, Лимонов талантливейший из талантливых, но читать его я все равно не стану, пусть он простит мою категоричность. Его творения вызывают отторжение. В элитную литературу вход ему должен быть закрыт. Матерная брань и даже бытовая ругань говорят о слабости, беспомощности человека, о его неспособности победить или хотя бы подавить собеседника умным словом. И такой писатель служит маяком, ориентиром для молодежи?

— Одна знаменитая актриса заявила, что бывает развесистый, не пошлый, красивый мат, — вспомнила Инна.

— Не слышала. Не знаю такого. Может, у него другое название? Нецензурная речь говорит об отсутствии элементарной культуры. Такие писатели представляются мне странным недоразумением, «досадными издержками всеобщего среднего образования». Они аккумулируют все гадкое. Не надо возводить героев Лимонова в архетипы, — сказала Жанна и, помедлив, повторила последнюю фразу с некоторым нажимом.

Инна усмехнулась:

— Для тебя и татуировка — признак отсутствия культуры.

— Без сомнения. Может, опустимся до уровня древних племен?

— Не свирепей. Ты обвиняешь таких авторов в небрежении к классической литературе и к поэзии в частности? Так давай запретим Лимонова. Когда-то копирование икон считалось увлечением нездоровой церковной мистикой. И художники типа Ван Гога являли собой упадочный лик буржуазной культуры. Привести примеры из советской литературы? Нашего же Есенина. Поблуждаем по своему немислимо огромному лабиринту памяти и отыщем отвергнутых, непонятых властью и отдельными людьми великих поэтов? Давай всех в одну упряжку! А ведь принимать необычные явления, радоваться им — значит, понимать жизнь во всем ее многообразии. Каждый писатель должен дойти до такой точки, дальше которой он уже ничего не может сказать и объяснить... Но тебе же нужен только традиционный, умытый реализм, не прикольный, не мистический.

— Сравнила ужа и ежа. Дразнишь меня?

— Может, Лимонов считает, что писатель обязан называть вещи своими именами. В противном случае он ничего не стоит.

Аня с сомнением посмотрела на Инну.

— Только имен у вещей и явлений бывает много. Встречаются и интеллигентные, — саркастически заметила Жанна. — Так бы и шуганула Лимонова, чтобы не засорил интернет. Я стою за то, чтобы наши исконно культурные ценности не девальвировали. Для меня Пушкин, Достоевский, Толстой и Чехов — остаются культовыми фигурами. В засилье грубостей и матов я вижу... вымороченность литературного языка.

— Узок круг твоих предпочтений. Страшно далека ты от народа. Я наблюдаю тенденцию к мифологизации отдельных писателей. Мне представляется это признаком духовного торможения, недоразвития. Мое мнение — взгляд со стороны, а он как ты знаешь... — Инна подстрекала Жанну к спору. — Что пошло... а что просто и правильно? Вот и думай, чтобы мозги не заржавели. Плюс к этому есть понятие...

— Простота и примитивность не одно и то же, равно как и многозначность и многозначительность. Вера и религия — тоже разные понятия. Я, например, человек верующий, но не религиозный. И такие вещи надо различать, — выступила на защиту Жанны Аня. — Моя вера состоит в том, что я все время чувствую присутствие высшей силы.

— Подозреваю, что фантомы героев из детства своими крылами закрыли от вас современную действительность, — продолжила дразнить подруг Инна.

— Я считаю, что по мере взросления, из молодежи должно уходить всё плохое. Не стоит восхвалять бандитов, надо называть их теми, кто они есть на самом деле, — упрямо заявила Аня.

— Не все расстаются с тем, что трогало в юности. К тому же нищие люди не могут говорить высоким слогом, а это значит, начинать надо с улучшения жизни людей, а не с критики писателей.

— Интеллигенция никогда не была богатой, но культура, всегда держалась на ее плечах, — возразила Жанна.

Аня, воспринимая все слова подруг за чистую монету, внутренне поежилась. Руки ее нервно задергались, будто существовали отдельной от тела жизнью. А Лена, глядя на ее бледное, не знающее грима, худенькое личико и убого тоненькую морщинистую шейку, с грустной нежностью подумала: «Воробышек ты мой милый! Как в тебе органично сочетается трагичное и детски наивное, чистое. Чирикаешь, стараешься, барахтаешься в своих и чужих мнениях. Нет смысла спорить с Инной. Она отведет от себя любые возражения, легко найдет подходящие оправдания. Уклонится, если сочтет за лучшее, напустит на себя неожиданное, а потом искренне и виртуозно сошлет на придуманное, как на истинное.

И в тебе предположит нечто, чего на самом деле нет. Бесполезно чинить на ее пути препятствия. Инна в такие моменты может быть переполнена гордыней и отвращением к себе, но ни за что в том не сознается. Она отдается какой-то безумной неконтролируемой страсти, перекрывающей клапаны разрядки. Ее просто распирает от эмоций. Потом она, конечно, жалеет. Помолчать бы тебе, Аннушка, отдохнуть от нее».

— Лимонов! Это не явление, а диагноз. Псих он, неуравновешенный. У него один из многочисленных видов вялотекущей шизофрении, — вынесла свой суровый безапелляционный вердикт Аня.

— От психа слышу. (Ну, совсем как в детстве!) Куда еще занесет нашу квадригу ветер твоей безнаказанной глупости? Читай им уже изданное. Первые три книги Лимонова с произведениями Горького сравнивают. И названия у них аналогичные. Еще познакомься со «Стеной Плача». Я сама не читала, но по рецензиям в прессе он мне известен как серьезный автор. «Стиль рваный, но емкий, лапидарный, поистине мужской...» «Внимательный к деталям, правдивый, эгоистичный, но не заикленный на себе. Любит людей», хотя видит уродства их душ. В нем тоже есть тоска по невозможному. «Поражают его точные слепки с реальности. Наблюдения отливаются в прекрасные рассказы». Вот такое о нем мнение соратников-мужчин. Заинтриговала? — спросила Инна.

— Не обманусь? — осторожно спросила Жанна.

— Надеюсь.

— А почему сама не отслеживаешь его творчество?

— Недосуг. Тут вот какое дело...

Аня перехватила у Инны инициативу в разговоре:

— Может, Лимонов умница и про политику правильно и остро пишет, но я не порекомендую своим подопечным мальчишкам знакомиться с его творчеством. Сути его произведений они могут не понять, а манеру общения и порочную тягу к пошлости переймут и сочтут правильной, потому что она исходит от знаменитого писателя. Подыщу своим питомцам более корректного автора. Я не ханжа, я женщина. Откровенная, грубая эротика меня коробит и шокирует. Для меня она явление табу. Есть же пределы, за которые не стоит заходить.

— Но у всех они разные. Главное, чтобы табуированное не перешло во что-то модное или привычное, — заметила Инна. — А если совсем немного дать почитать? Ведь чуть-чуть не считается.

— Нет, не допущу этого! — Аня была категорична и решительна в своем желании защитить неокрепшие умы и души, хотя общеизвестно, что мат, как средство общения между детдомовскими мальчишками, неистребим.

«Похоже, Аня снова задает тон разговору. Она в спорах свои «батарейки» заряжает? А завтра перезапустит систему жизнеобеспечения, переключив все тумблеры на разрядку?» — усмехнулась Лена.

— Я должным образом оценила сказанное тобой. Изъясняешься предельно ясно. Не горячись. Мы по одну сторону «баррикад», — серьезно сказала Инна.

— Мне показалось, что Лимонов относится к политике как писатель. Его больше интересуют личные качества людей, а не общие идеи, — чуть успокоившись, сказала Аня. — Но он — цветочки по сравнению с Михаилом Елизаровым. Они не сопоставимы. Вот кто нестандартно мыслит. Вот у кого «физиологические выплески и плевки»! Начала я читать его «Госпиталь» и с первой страницы меня тошнить стало. Буквально с первых строчек я за голову схватилась. Даже в жутком опьянении самые отъявленные мужики в нашей подворотне такие «перлы» не выдают. А он их в литературу... Следующий рассказ — «Пастернак». Пересиливаю себя, с содраганием «открываю страницу» и тут же швыряю электронную книгу на диван, будто она, бедная, виновата в том, что написано каким-то моральным... Опомнилась, вскочила, и давай проверять, не сломала ли? Вещь дорогая, на юбилей мне подаренная.

— Несмотря на «наступление» электронной книги, бумажная своего значения не потеряла, — заметила Жанна. — В ней я в любой момент могу вернуться на любую понравившуюся страницу и лишний раз ею насладиться.

— Согласна, но я теперь не могу читать бумажные книги. Глаза очень устают от мелкого и слабого шрифта. На компьютере я выставляю удобный мне размер и толщину букв, — пояснила Аня, нервно разлохмачивая и без того торчащий во все стороны смешной вихор на затылке. — Ну, так вот про Елизарова. Чуть душу не вывернуло мне от нахлынувшего моря гадливости. Чуть не расплющило... Какое «пиршество слов и смыслов»! Триумф бескультурья. Нет, я, конечно, тоже далеко не самый образованный и культурный человек, но после общения с некоторыми... хочется вымыть руки и протереть их ватой, смоченной в спирте. Совести у него нет. Совесть — это Бог, живущий в человеке. Саднить должно в сердце, когда преподносишь подобные нечистоты. Вот иногда требуется соврать... а я как гироскоп: как ни крути меня — совесть все равно возвращает к честности. Бог совесть людям раздает поровну, но восприимчивость к ней у всех разная. Вот и не ведают некоторые, что творят. И не расплачиваются... В третий раз судьбу не стала испытывать. Больше не открывала книг Елизарова. Может он и талантливый, только не лежит моя душа к его «литературе».

— Какая барская брезгливость! У многих мужчин и восхищение, и злость с помощью мата выплескиваются, а у женщин то же самое через слезы. Хотя и они иногда маскируют неловкость крепкими выражениями. Если у мужика сердце болит, он помалкивает, но если душа — то жди потоки матюгов. — Это, конечно, Инна возникла. — Твой ум страдает от грубости и лжи как слух музыканта от фальшивых звуков страшно расстроенного рояля? Твое интеллигентское ухо улавливает малейшие нюансы неточностей языка?

— Да, я такая! Меня трясет, если я слышу «асвальт», «транвай», «никуда» и тому подобное. В общем, я так и не узнала, о чем пишет этот «современный гений». Не могу к нему слово «писатель» употребить. Как только земля наша родная держит на себе

подобное «чудо»?.. Почему она не развернется под его грязной губительной душкой, и не сбросит в адово пламя.

«Совсем мозги повело... За ней глаз да глаз нужен», — растерялась Жанна от Аниной жесткости, нервности и нетерпимости.

— Какая горячая кровь! Развлекла ты меня! Предать широкой огласке твое мнение? Шучу. Анечка, угомонись. Я не вижу причин для паники. Может, валерьяновых капелек? — заботливо предложила Инна.

— Меня ранит и отталкивает грубая мужская проза, пусть даже далекая от реальности. Мне противны жестокие надуманные герои. Не хочу к ним привыкать, не хочу травмировать и уродовать свою психику. Я так скажу: моей душе они не нужны.

— А мужчинам, наверное, в кайф. Мужчина должен быть сильным. Он же защитник и опора, — с удовольствием продолжила спорить Инна.

— Но не грубым и жестоким! Моя тетя воевала, потому что ненавидела гитлеровскую орду. Снайпером была. Она нежнейшего сердца женщина, но сильная духом. А нам сериалы внушают, что геройства без жестокости и грубости в человеке не бывает.

— Куда мужчинам до понимания таких тонкостей! — рассмеялась Инна, чтобы расслабить Анино напряжение. Но та еще больше завелась.

— Аня, если я своей шуткой попыталась развеять твое плохое настроение, это не значит, что я смеюсь над тобой — досадливо сказала Инна. — Я понимаю твою боль и недовольство.

— Язык — лицо нации, речь предьявляет душу человека. Зачем ее поганить отбросами?! — воскликнула Аня со слезами в голосе. Ей никак не удавалось успокоиться. (И впрямь пора идти за лекарством!) — Я и менее гадкие выражения отношу к непристойным, а тут... Может, я глупая, но смакование душевных пороков считаю подлым плебейством, отклонением от нормы. Это хуже чем подглядывать...

— Анечка, приди в себя, — тихо попросила Лена.

— Прости, нервы, — одними губами смущенно прошелестела Аня.

— Услышал бы тебя сейчас твой оппонент! — рассмеялась Инна.

— Один врач, оперируя больного, сказал: «Ни совести, ни ума в мозгу я не увидел», — шуткой попыталась разрядить обстановку Лена.

— Понятия чести, совести, справедливости и жертвенности есть у всех народов земли. Но власти в разных культурах по-своему урезают и ограничивают этот список или меняют его качество. По нему и заставляют жить. У нацистов совесть распространилась только на немцев. Многие из нас, например, змей не очень жалуют и жалеют, а они ведь тоже твари Божии... Чрезвычайно важно состояние культуры в обществе. Она всё в человеке формирует. Ведь в голове у нас масса всяких противоречивых мыслей. Литература их связывает, распределяет и направляет, — поддержала Жанна мнение Ани.

— А я думала этим психологи и психотерапевты занимаются с теми, у кого своих мозгов не хватает, или они у них завихренные. Но эту линию разговора я уж точно не стала бы сегодня развивать, — рассмеялась Инна.

— Зачем приводить в пример события из прошлого? Меня потряс недавний удручающий факт. Эксперимент проводился в Западной Европе и, кажется, еще в Америке. Задавался вопрос: «Горит ваш дом. Кого вы спасете первым: мать или партнера по бизнесу?» Восемьдесят процентов опрошенных ответили, что партнера. Мол, мать — это прошлое, а партнер — будущее, бизнес на первом месте. Я была в шоке. Партнера можно поменять, но не мать... Это и есть ценности Запада, которыми они так кичатся? До чего же они так могут «договориться»? И они со своим перевернутым понятием нравственности еще рассуждают о свободе, о правах человека, пытаются нас учить, намереваются нам диктовать! — горячо возмутилась Жанна.

— Эта тема не одного дня обсуждения. Вернемся к моему вопросу. Почему культура не ограничивает некоторых писателей, которые сами должны влиять на массы? Где их потрясающе тонкий литературный вкус? Им самим его не хватает? Я всегда считала, что чем умнее человек и чем большее у него практического понимания жизни, тем он более ответственен за свои поступки и слова.

— Ну, Аня, ты даешь! — удивилась выводу подруги Жанна.

— Что я слышу? — высоко вознесла свой ироничный голос Инна. — Начнем выжигать недостойных звания писателя каленым железом? Ненормативная лексика — это такая мелочь по сравнению с масштабом других проблем в нашем обществе, чтобы обращать на нее внимание.

— Не скажи. Она важнейшее звено в цепи, которая выковывается для удержания человека от падения в пропасть. Если оно окажется слабым, то может подвести в сложный момент его жизни, позволит увлечь, увести с намеченного пути. Тем более, что крепость цепи определяется крепостью самого слабого звена.

— Не преувеличивай. Ох уж эти мне педагоги! Всего-то они боятся, впадают в крайности, понапрасну тревожатся, — неодобрительно закрутила головой Инна. — Ты бы переступила через себя. А вдруг дальше в рассказах Елизарова тебе открылось бы нечто чрезвычайно умное? Хотя бы замысловатый язык или лихо закрученный сюжет, — неосторожно посоветовала Инна, вызвав у Ани очередной приступ негодования.

— Принципиально не стану читать! — взорвалась она. — Можно подумать, он в запале говорил не отрецензированные, не скорректированные умом слова. Писатель в своем творчестве должен соответствовать высшей ступени, а не скатываться в грязь, чтобы «околачивать груши сомнительного успеха».

— От души поматерился, и поперла удача! Так теперь говорят? Больше шума, больше рейтинг! Скандал сделал так необходимую писателю рекламу, — рассмеялась Инна. — Аня, не создавай проблем там, где их нет. Я больше чем уверена, что Елизаров нарочно, чтобы отпугнуть, отсесть женскую читательскую аудиторию сознательно использует нецензурную лексику. Боятся строгих ценителей. Я бы из вредности, из духа противоречия осилила его творения.

— Давай, дорога свободна. Не прогадаешь. Ты еще панегирик автору сочини. А я не хочу извлекаться в «гэ». Помнишь, студентами так говорили.

— Закрываясь от грязи, грязь не уничтожить. Рассказывать о пороках с грустью, жалостью и болью? Уже не работает, не прокатывает. Теперь требуются более жесткие методы. Нас сказками про волка пугали, а нынешние дети убийств людей не страшатся. Насмотрелись ужасиков, закалили и притупили свою психику, — сказала Жанна.

— И взрослые очерствели. В жестких ритмах современной жизни люди теряют доброту и нежность, — вздохнула Аня. — Куда мы катимся? Может, писатели предложат персонажам своих книг ходить по улицам нагишом, чтобы доказать, что это дурно? В твоих глазах это сделало бы авторов героями? Ты станешь «торчать» от них? Народ повалит в библиотеки? Думаешь, если уподобляться тем, кого выводишь на чистую воду, кого презираешь — поможет? Давайте все станем убийцами, матерщинниками, скотами...

Лобовой вариант решения этого вопроса отпадает. В массы надо продвигать лучшее, а не играть на низких чувствах. Если писателю не хватает мощи своего таланта, без мата обнажить какую-то важную проблему, язву общества, так пусть не берется за перо. Я категорически выступаю за чистоту русского языка. Все-таки повреждена корневая система некоторых писателей, начинавших в криминальные девяностые. Истончилась река русской литературы...

— Учишь? Гений педагогики, — удивилась Жанна. — Это снобизм по отношению к известному писателю. Не глянулся он тебе. Может, авторское предуведомление и рецензии тебе что-то разъяснят? Не читала? Могу напомнить: Михаил Елизаров «Русский Буккер» получил, значит, сумел свое слово Миру сказать, раз при жизни воздали ему должное, — тихо подсказала она. — А вдруг в интернете его однофамилец изошряется? Мне чуждо однозначное, прямолинейное охаивание той или иной

личности. Надо ознакомиться, всмотреться, вслушаться. Помнишь книгу «Пролетая над гнездом кукушки»? Когда-то она шокировала нас откровенностью темы, а теперь ее автор считается гением. Писатель должен выходить за пределы общепринятых истин, а иногда, в поисках своего пути, создавать новую фантастическую реальность.

«Жанна как всегда: и нашим и вашим... но тут она права. В половине случаев я с девчонками не согласна, и, тем не менее... Великий, могучий надо оберегать от покушений», — преодолевая спазмы мозга, настойчиво требующего отдыха, с трудом ворочаются в голове Лены тяжелые как замороженная ртуть мысли о ее самом предпочтительном за последнее пятилетие — о литературе.

— Может, Елизаров еще и за границей печатается, переводится на многие языки, позоря нашу страну и нашу литературу? — спросила Аня. — Не удивлюсь. Там издаются те, у кого есть связи, а главное — деньги.

— Опять деньги! — дернулась Жанна. — А я думаю...

— Не стану я читать Елизарова, будь он хоть трижды герой Советского Союза, — не слушая доводов Жанны, отрезала Аня, вся трясясь от раздражения. — Он неумяемый. Я рассматриваю ругательства типа «мать твою» прежде всего как оскорбление женщине-матери и как неуважение мужчины к себе и к своему собственному человеческому достоинству. Я презираю «раздающих» маты и сочувствую получающим их. Я не смогла бы жить рядом с таким человеком. Помню, раньше в рассказах скромно писали: «Он — герой — грубо выругался» и этого было достаточно для понимания личности персонажа. Зачем этот голый натурализм? Существует же собственная память, воображение, в конце концов. Мы не дебилы, чтобы нам разжевывать примитивное и гадкое...

Помню, побил у нас в детдоме один мальчик другого, за то, что тот что-то пошлое сказал о его матери, а его наказали, хотя я настаивала, что оба виноваты и в первую очередь грубиян. Ну и какой урок мои дети получили из этой истории?..

После этих своих слов Аня как-то сразу поскучилась, ссутулилась. Ее личико еще больше побледнело. И она не стала продолжать рассказывать о том, что так больно тронуло ее безразличную душу, только горько произнесла:

— Всем не раздашь свое сердце.

«Как же Аня неподражаемо искренна и честна! Наверное, и за это тоже любят ее дети», — подумала Лена.

— ...Раньше в кино не было жестокости и постельных сцен, — сказала Жанна.

— Иногда то, что нам будто бы мешает, на самом деле помогает, — не согласилась Инна, дав тем самым Ане материал и повод к дальнейшим размышлениям и высказываниям, только уже несколько на другую тему.

Но она лишь печально спросила:

— Что-то неладное творится в мире?

— Мир сходит с ума. Человечество падает в тартары! Маты, педофилы, гомики... Рассуждаем о необходимости повышения уровня культуры, а даем Буккера, тем кто пишет с матами и поощряет детскую проституцию, — ответила Инна.

...В разговоре женщин всплывали и доминировали то одни, то другие аспекты писательской и режиссерской деятельности... В голове Лены все они сливались в единый сумбурный поток, уносящий ее в темное ущелье тяжелого полусна.

Несколько минут спустя Жанна предположила:

— Может, в личной жизни этот Елизаров прелесть, душка? Критики пишут, что в нем столько русского! Ты себе не простишь, если его не прочитаешь.

— Не верится. Биография писателя — его произведения. Недавно общалась с женщинами-грузчицами. Мне хотелось заткнуть себе уши, а им заклеить рты. Я сказала работницам, ни к кому конкретно не обращаясь: «Женщина — хранительница красоты, чистоты и доброты». А одна из них зло отрубилась: «Тебя бы с твоей интеллигентностью в смешанную бригаду. Наши мужики других слов не понимают. Их ничем кроме мата не заставишь работать. Так и будут сидеть: ни мычать, ни телиться. Если только их палкой... Так они и в обратную могут».

— А это ты к чему? — не поняла Аня.

— Так, припомнилось, — ушла от ответа Инна.

Аня снова заговорила:

— Для меня, например, Шолохов как писатель много талантливее Гроссмана.

— Не равняй их, — жестко заметила Жанна.

— Надо иметь мужество так сказать о писателе, которого признает большинство, — удивленно сказала Инна.

— Не хочется цеплять знаменитых людей — на дилетантов не обижаются, — но я не считаю и произведения Солженицына высокохудожественными. Разве что рассказ «Один день Ивана Денисовича», который я прочитала «из-под полы», в обложке какого-то учебника, когда он еще не был выложен в открытом доступе. Это была молния! «Один день» стал чем-то вроде пароля: можно иметь дело с этим человеком или нет.

— Сильнейшая, совершеннейшая вещь! В ней чудовищная боль и столько поразительного юмора и сарказма, потому что как бы ни было трудно, нельзя человеку жить одними слезами. Текст удивительно музыкален, в нем такие неожиданные повороты. Я восхищаюсь каждой его строчкой. Еще раз прочитай рассказ вслух, сердцем, со всеми паузами и ты наконец-то его истинно оценишь и полюбишь. Мне повезло, я слышала его в исполнении артиста Пилипенко. А он, безусловно, талантище! «Старик и море» Хемингуэя тоже без особых художественных изысков, а как пробирает! Потому что талантливо написано. Книги Солженицына помимо всего прочего стали не только явлением жизни, но и культуры, и политики, — сказала Инна.

— Когда ты сравнила Солженицына с Хемингуэем, я поняла, что была права, — смущенно сказала Аня.

— Не понять масштаба такой личности... — удивилась Инна. — И даже после прочтения страшного, трагичного «вращения» многотомного «Красного колеса»? Кто-то из знаменитых сказал, что после Освенцима невозможно было писать стихи, а Солженицын смог создавать свои произведения на каторге, в Магадане, в самом страшном месте из всех земель России при Сталине. Какой мощи человецище!

— Лена, он и для тебя гуру? — спросила Аня.

— Великий писатель и мыслитель. Я ценю его глубокие философские размышления. Гений, пророк. Он крупнее многих нобелевских лауреатов по литературе. Когда он поднимался по лестнице для получения этой премии, то, наверное, думал о тех, которые лежат под ее ступенями...

— От прочтения Шаламова ужас остается в душе, а от Солженицына — оптимизм, надежда на то, что и там можно сохранить «свет, который в тебе», — добавила Инна.

— По мне так Академгородок нужнее Пастернака с Солженицыным, — сказала Жанна.

— Спорный момент. Они могли бы совершить политический переворот, а физики — нет, — криво усмехнувшись, сказала Инна.

— Дело физиков совершать перевороты в науке, а политиков — сохранять целостность страны, — заметила Аня.

— Последнее время с этим у политиков во всем мире не больно-то ладится. И у наших

физиков без денег как-то совсем плоховатенько с открытиями стало, — грустно усмехнулась Жанна.

— Выправятся. Временные трудности, — уверенно сказала Инна. И неожиданно рассмеялась:

— Помню, Александр Исаевич возмущался: «Прощание с Матерой» — тоже антисоветчина, но Распутину премию дали, а меня выслали».

— Временной интервал не одинаковый. И уровень «опасности» их произведений разный. Солженицын был идеологическим противником советской власти. Он открыл людям глаза на КГБ и другие карающие органы и стал доверенным летописцем нашей эпохи.

— А это тебе не хухры-мухры! — поставила Инна «народную печать» на слова Лены.

— Да... было времечко. Антисоветчину искали даже в прозе Пушкина, — усмехнулась Аня.

— А что до меня, так я считаю, что у Шолохова и у Гроссмана человек и его родина — прежде всего. И это главное. Я обратила внимание на строчки из письма матери сыну: «Этим утром мне напомнили забытое за годы советской власти, что я еврейка. Немцы напомнили погромами». А мать на могиле сына — самая сильная сцена романа «Жизнь и судьба», — сказала Жанна.

— У Шолохова подобных мощных сцен поболее будет, — заметила Инна.

Жанна недовольно и осуждающе поджала губы.

*

— У великих писателей в произведениях тоже иногда случались «слишком образные» выражения, — опять осторожно вернулась к проблеме чистоты языка Жанна, — но они мыслили в категориях обширного русского исторического сознания и...

Аня остановила ее на полуслове:

— Но не до такой же степени! Я даже адекватного термина той мерзости не подберу! Зачем материться? Ведь противника и без мата можно так «уделать», что совершенно дезавуировать. Можно тихо и вроде бы вежливо сказать такое, что человек целый месяц будет пить валидол. Только для этого мозгами требуется шевелить. Но, видно, не у всех они на должном уровне или некоторые не хотят себя затруднять поисками синонимов. Такие, с позволения сказать, личности не соответствуют моим представлениям о настоящих писателях.

— Лена, твоя бабушка говорила: «Умом слаб, вот и матерится». А по радио, на «Дожде» я слышала о Елизарове, что он известный писатель; при всей своей изощренной экстравагантности умен. Пишет интересные бессюжетные, как у Пелевина, произведения. И фильмы делает без определенной линии, основанные на вольной импровизации, — как бы для того, чтобы смягчить свое высказывание, добавила Инна не очень уверенно. — Сейчас мода на всё бессюжетное?

— Сюжеты все равно наличествуют, только они не прямолинейные, не очевидные, призрачные, зашифрованные, — ответила ей Лена. — А бывают гениальные сюжеты. Но редко. Сюжет Библии таков, что многие люди верят, что он написан Богом.

— Я заинтригована. Хочу почитать Лимонова и Елизарова в «подлиннике», в бумажном виде. Глядишь, раскрою для себя какую-нибудь новую грань бытия. На Западе их знают. Может, есть у них хорошие книги, а в интернет они, что похуже выкладывают, то, что не продается? Или вообще произошло какое-то недоразумение. В интернете ведь нет навигаторов и цензоров. Туда иногда такое выкладывают! — «зашаталась» в своем мнении Жанна.

— На Западе их знают! Тоже мне критерий духовной ценности! Вот Рита, например, хочет быть известной в России, а не в Америке. Не нуждается она в подозрительной

славе, добытой ценой невыразимых страданий, которая, к тому же, может навредить ее творчеству, запятнать репутацию. Даже Нобелевские премии иногда дают не за художественную ценность произведений, а за диссидентство, — скептически отреагировала Аня.

— Чайковскому мало было состояться только на родине. Но то беспартийная музыка... А ты, Лена, не хочешь поддаться искушению и махнуть в Америку? — хитренько посмотрев по сторонам, спросила Инна.

— Мне это не показано. Мои эмоции и запросы таковы, что я могу состояться только в России. Родина — первопричина всего, что есть во мне.

«Боже мой! Как мила и умиротворяюще спокойна природа средней полосы России! Она не способствует и не потворствует агрессии, раздорам, войнам. Как тепло и радостно она ложится на душу русскому человеку! Таково скромное очарование родной природы! Душа моего народа всегда улыбается, хотя за улыбкой часто стоит боль. Ее ширь взывает к доброте, благодушию и мечтательности. Невозможно из нас вытравить чувство любви к Родине!» — внезапно подумалось Лене. Она благодарно улыбнулась (Себе, Богу?) и растворилась в счастливых воспоминаниях и ощущениях.

— При твоем-то уме и вкусе читать Лимонова? — Теперь Инна на Жанну нацелилась.

Та пропустила укол, будто бы в силу его крайней малозначительности, хотя на самом деле эти слова как хлыстом прошли по ее болезненному самолюбию. Они напомнили ей о том, что когда-то она стремилась к много большему, что по сути дела ради мужа предала свои мечты. Это испортило ей настроение. И чтобы улучшить его, она стала думать о внуках.

— Имеем ли мы право критиковать произведения, не будучи хорошо осведомленными? Простому читателю в узком кругу всё можно?

Но Инна не дала Ане полностью высказаться по поводу своих сомнений.

— Я считаю, что таким вульгарным способом Лимонов пытается по-своему выражать правду жизни и его поиск новизны в языке не претендует на всеобщность. (Новизны?) Это его способ изображать острохарактерные гротесковые персонажи и ситуации. И потом, когда в произведении слишком много голой правды, читателю уже не до художественных особенностей, — предположила она.

— Маты — способ привлечения читателей? Они — венец его творений? Он считает читателей дебилами? Впереди его ждет забвение! — Аня как всегда была непрошибаемо категорична.

— Звонкая, хлесткая оплеуха! Положила на обе лопатки. Заслужил, — рассмеялась Инна.

— Оплеуха — оружие женщины, отвечающей на унижение, жест яростного гнева и отчаяния, заменяющий крик боли, — ударилась в «теорию» Жанна.

— Лимонову подходит только скандальный жанр? — спросила Аня. — В отчаянной попытке что-то доказать себе и другим еще не то изобретают... Слышала его по телевизору. Он не показался мне слишком умным на фоне других политических зубров, участвующих в передаче. Литература должна нести в массы человеколюбие и оптимизм. Плохого в окружающей жизни итак выше головы. А у него с Елизаровым один негатив. Можно подумать, что Рита или Алла при желании не нашли бы грязи, но ведь избегают, хотя тоже критикуют действительность.

— Так ведь женщины, — объяснила Жанна.

— Читаешь такого типа писателей и получается, что нет у нас ничего хорошего, — пессимистично вздохнула Аня.

— Они плохо искали. А женщины боятся создать прецедент или... прогореть? — хихикнула Инна, пропела: «Как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить»

и посоветовала Ане почитать рецензии на «нелюбимых» ею авторов в толстых столичных журналах.

— Может, они раскроют тебе глаза, — рассмеялась она.

— Я не ведусь на заметки в газетах, но могла бы ориентироваться на критические статьи в солидных журналах. Только у нас даже в центральной библиотеке их нет. Перестали выписывать. Говорят, денег нет даже на то, чтобы иметь по одному экземпляру каждого издания.

— Поищи в интернете.

«Инка делает вид, будто не знает, что именно меня беспокоит? — рассердилась Аня. — Боже мой, как утомляет непонимание!»

— Сдается мне, что вся эта грубость в книгах у целого ряда современных писателей от неверия в будущее России. Она от апокалипсиса в их мозгах, — сказала Инна.

— У мужиков чуть что не заладится на работе — распахнутся и скорее за сигареты берутся, чтобы расслабиться. Жена бросит — сразу в запой и опускаются ниже некуда. В стране бардак — они за голову хватаются: ой, пропадаем! А что же нам, слабым женщинам, остается делать? Стреляться? — усмехнулась Жанна.

— Произведения Лимонова не эпатаж, а протест. Он — бунтарь, в тюрьме сидел. А бунтари, как известно, не дают народу каменеть, а верхам бронзоветь, — сказала Инна.

— Да ну?! — удивилась Жанна. — Так вот где он набрался всякого хлама.

— Опять Лимонов, — «возникла» со своим грустным замечанием Аня.

— Он, возможно, боится потерять свою индивидуальность, а такого «особенного» наверняка заметят, не забудут и навечно пропишут в литературных «святцах».

— Круто забираешь, Инесса. — Теперь уже Аня усмехнулась.

— Услышав в свой адрес критику, некоторые писатели, наверное, обвинили бы нас в непонимании метафизического подтекста, свойственного будто бы только произведениям мужчин или вообще в отсутствии у женщин мозгов. Ко второму они больше склонны, — рассмеялась Жанна. — Приписывать нам свои недостатки — их первейшее дело.

— Или побили бы! — подбросила шутку Аня.

— Когда мужчинам не хватает аргументов, они применяют унижающие нас оскорбления, в надежде как можно сильнее ранить и тем устранить со своей дороги. У меня большой опыт по этой части. И метят в самое больное — в незащищенность, — подтвердила Инна.

В наступившей тишине женщины перебирали в памяти грустные моменты неудачного общения с «некоторыми» представителями сильной половины человечества. Возникла большая-пребольшая задумчивая пауза.

*

— ...«Крепкое» слово как динамит — все вокруг себя разрушает, а умное к чему приравняешь? — спросила Аня Инну.

— К дубине. Конкретно по мозгам бьет.

— ...Для литературы главное быть индикатором значимости, долговечности и подлинности событий в стране и мире, — сказала Аня.

— Не пойму, ты о журналистике или об идеологии? А Ритины книги — индикатор чего? — спросила Инна.

— Непорядка в семейных отношениях. Тебе этого мало? Это не глобальный вопрос? Он не охватывает весь мир? Еще как охватывает и зовет на баррикады.

— Зачастила. Опять веер вопросов. Не будучи в состоянии ответить на все сразу, промолчу.

— Проехали. Спи. Мы тихонько, — заверила Аня Инну и обратилась к Жанне:

— Возможно, Лимонов стихийно талантлив, но без внутренних устоев.

— Вскрытие покажет, — засмеялась та.

«Избитая шутка», — поморщилась Аня и сказала раздраженно:

— Довожу до твоего сведения: Лимонов слишком тривиально воспринял слова Шукшина «Хочешь быть гением — макай свое перо в правду». Может, он и нормально расставляет акценты, но из способов выражения правды выбрал самый примитивно-пошлый, чем нарушил характер пространства действия и подменил первоначальный смысл произведения.

— Не он первый открыл великий «непознанный океан грязных истин» и их выражений.

— Может, теперь вкусы читателей тяготеют к подобного рода литературе?

— Не приведи, Господи!

— Говорят, таланту свойственна некоторая наивность и неожиданная экстравагантность.

— Но не глупость. Возьми, например, знаменитых детских писателей. О них говорят, что они «профессиональные дети». Но как глубоки и умны их произведения!

— Я читала, что характер Пушкина являл необычайную доверчивость. И физик Сахаров слыл скромнейшим человеком с удивительно чистым, искренним внутренним миром. Он любил сочинять сказки. У него было очень доброе лицо.

— Могу поверить, иначе бы он не попал под влияние своей второй жены и не занялся бы политикой, — заметила Инна.

— Он был нежный, но непреклонный. Люди смотрели на него и понимали, что многого можно добиться силой слова.

— Может быть. Я допускаю, что диссидентом он сделал много больше... — задумчиво пробормотала Жанна. — Но я, даже рядом с ним, была бы не борющейся, а воздерживающейся. Но это еще ни о чем не говорит. Меня интересовала только наука, работа и семья... И не таких затаптывали, затоптывали (топот) и захлопывали. Я слышала о выездных комиссиях, совещаниях, на которых совершенно непримиримые обвиняемые стояли насмерть... Я не видела себя в этой роли. На фоне нашей интересной и спокойной жизни для меня всё это звучало полным абсурдом.

Жанна, наконец, умолкла.

«Какая удивительно неприятная, жуткая наполненность тишины», — вздрогнув, подумала Аня.

*

— В наше время слова великий, гениальный и выдающийся стали расхожими, ярлыками. Мы грешим их избыточным употреблением. Я предпочитаю говорить известный, знаменитый, — скромно заметила Аня.

— Подумать только! Она предпочитает, — передразнила ее Инна. — Правильные слова можно повторять сколько угодно. Крепче запомнятся. Как молитвы, как тексты из Библии. Отрешилась от своего мнения?

Чтобы не прерывать интересного для себя разговора, Аня промолчала, сделала вид, что не заметила подначки.

— «Кстати, о птичках...» (Иннина излюбленная фраза!) Такие писатели как Лимонов, наверное, считают себя наиболее доступными для своего круга почитателей. Но с Ритиной аудиторией он явно не пересекается.

— Инна, не смей упоминать эти имена рядом!

— Ого! Тебя послушать, так все современные авторы дураки и борзописцы. И Господь Бог уже не гласит их устами. С тобой все ясно: писатели не вольны писать о чем угодно и как угодно. А я считаю, пусть выстраивают свои позиции, концепции, никого не слушают, не боятся и ни на кого не надеются. Главное, повествовать о существенном и совсем необязательно о красивом или изящном. И делать всё это честно, талантливо, не замалчивая правды. А время отсеет, отфильтрует лишнее. Оно — лучший судья каждому произведению и каждому поступку.

— Для писателя, наверное, не лгать, значит жить не разумом, а чувствами, как Гоголь, — снова попыталась вставить свое мнение Аня.

— В жизни не одни тузы и розы. В ее колоде полным полно шестерок. А еще — колючек, если ты понимаешь, о чем я. Даже, пожалуй, больше скажу: это наводит меня на мысль... — Инна опять принялась доводить Аню своими недомолвками.

«Спорят, препираются... — устало вздохнула Лена. — Я привыкла спорить сама с собой. И моей команде уже не приходится тратить на разговоры много времени».

— Лимонов — если эти опусы на самом деле его — забыл другую фразу Шукшина: «Нравственность — это правда», — продолжила Инна.

— «Нравственный императив по обе стороны от Бога», — строго и уверенно процитировала Жанна. Голос ее окреп.

— Впечатлила. Не докопаться. Как понять эту твою фразу? Диву даюсь, и ты в критики подалась! Окончательно переквалифицировалась или все в дилетантах-любителях ходишь? Сколько лет уже продержалась в этом статусе? — осыпала Инна насмешливыми вопросами Жанну.

— Я говорю так потому, что люблю родную литературу, Россию и Бога, — ответила Жанна, четко выговаривая слова. — Куприн писал, что в настоящем искусстве не бывает ничего безнравственного и антипатриотичного. (Сама придумала или это выражение на самом деле принадлежит ему?)

— Этак ты и до меня доберешься. Оказывается, иногда недостатки переходят в достоинства, — рассмеялась Инна, довольная удачным себе комплиментом.

— Если ученик хороший, — заметила Аня.

— Если учитель достойный.

Похоже, Инна себя в учителя записала. Но Жанна скромно вздохнула:

— Жизнь учит и обламывает, а Господь Бог направляет.

«Один-один», — отметила про себя Лена.

— Бедный Лимонов. Знал бы он...

«Аня так застенчива, что становится неловко за то, что ей так неудобно за чьи-то пошлые слова, за чью-то ложь. И зачем она любые замечания и ситуации примеряет на себя? Наверное, ей самой трудно от своего слишком затянувшегося периода болезненной скромности. Проще надо жить. Даже Чехов ближе к своему концу говорил, что, может, не стоит глубоко задумываться над происходящим вокруг?.. Собственно, у меня тоже не всегда получается быстро проникнуть в тайный смысл слов Инны и расшифровать их подтекст», — созналась сама себе Жанна. А подругам рассказала со скучающим видом:

— Я тоже видела Лимонова на каком-то политическом диспуте. Щупленький, взъерошенный как жидкий трехмесячный бойцовский петушок, выкупавшийся в луже или промокший под дождем. Не очень эффектно смотрелся. Суетливо на скакивал на оппонентов, чего-то там произносил... А самомнение! Не заинтересовал он меня тогда. Я не знала, что он писатель.

— Лен, а ты что молчишь? Покрываешь собрата по перу? Освобождайся от многого, уже ненужного в нашем возрасте, — весело посоветовала Инна. — Тебе интересней было бы беседовать со специалистами, а не с нами, пустозвонами? Наши замечания не стоят твоего внимания?

— Жду твоих очередных атак на употребление нецензурной лексики. Заменители мата как редкие интеллигентские шутки в быту, с моей точки зрения, иногда приемлемы, но мат как темная сила некультурных масс — нет! Я не последовательна? Думаю, использование мата славы писателям не добавляет. По мне так церковь в церкви, кабак в кабаке.

— Дай свободу употребления мата, так оглянуться не успеем, как люди за ножи возьмутся, — сказала Аня.

— Что там Лимонов! С экрана культурологи иногда такими словечками бросаются, что куда там до них нашей Инне, она им в подметки не годится в способности изобретать и применять «нестандартные» термины! — возмутилась Аня.

— Запрещать предлагаешь? — спросила Жанна.

— А то б тебе! — возразила Инна.

— Культура и есть система запретов. Правила не надо нарушать, чтобы не породить хаос. Не стоит способствовать грубости. Искусство не должно потакать низменным чувствам, потворствовать пошлости, наркомании, бездеятельности и прочему хламу, ведущему к деградации общества, — спокойно ответила Лена.

— Но сильные чувства требуют сильных выражений, — подбросила в разговор спорную фразу Инна.

— Я в таких случаях добавляю: но не грубых. Аня права, надо уметь находить умные интеллигентные слова. Их даже не надо изобретать — богат, велик русский язык и нечего его засорять. Мат, рык, обнаженная донельзя откровенность не усиливают, а утяжеляет прозу. В природе существует явление самоочищения рек. И язык сам себя уточняет, подправляет. Литература, и культура со временем избавят его от грязи и отбросов, — спокойно сказала Лена. — Но им надо помогать.

Ей никто не возразил.

15

— ...А я больше к мелодраматическим произведениям тяготею, — смущенно сказала Аня тоном искренней беспомощности, будто сама усматривала в этом что-то недостойное.

— А мне ближе героика, детективы, комедии. Есть и другие не менее актуальные формы, только чтобы их понять и принять, надо совершить над собой усилие, даже в некотором смысле насилие: задуматься, поразмыслить, — сообщила Жанна.

— Раскрою тебе страшную тайну: все уважающие себя писатели ищут новые формы, сюжеты и языковые особенности. — Это Инна сказала.

«Беседа возобновилась на «более высоком» теоретическом уровне, — вздохнула Лена, протирая заспанные, затуманенные полусном глаза. — Опять я ворчу как древняя старуха?»

— Недавно внучке сказки Петрушевской читала. У меня создалось впечатление, что спонсируют издание этих книжечек производители куклы Барби и всего выводка ее подружек. Сказки звучат, как рекламные ролики одежды и всяких атрибутов

для украшения жизни молодых людей, но никак не малышей. И тут мы под Запад работаем. Я не против развития вкуса у детей, но все хорошо в свое время. Потребительство — не то качество, которое стоит торопиться прививать детям. Мне, когда я была в возрасте моей младшей внучки, читали книжки о добром отношении к животным, про заботу о стариках, о пользе трудолюбия. Я двумя руками голосую за детскую классику и иду с внуками в библиотеку.

— И мне показалось, что сюжеты своих сказок писательница берет из детского рекламного журнала «Барби», — согласилась с Жанной Аня.

— Может, они у нее «сдирают»? Тогда это подсудное дело, — рассмеялась Инна.

Но Ане показалось, что ее слова несут презрительную окраску.

— Мне все равно кто у кого «перерисовывает». Петрушевская хочет быть понятной современным детям, вот и приплетает в свои сказки Барби. Это нормально. Надо идти в ногу со временем, — объяснила свою позицию по этому вопросу Инна.

— А «взрослые» ужастики Петрушевской вгоняют меня в жестокую депрессию. Так и обдают волной боли. Ополоуметь можно. Такая жуткая бытовая грязь! Мне в ее произведениях для душевного и духовного подъема не хватает романтических красок. Мир ее героев мрачен и трагичен, но в огромной степени достоверен. В нем потрясает низменное и плотское, злое и деспотичное во взаимоотношениях между людьми. Слава богу, ее герои не из моего окружения, не моей они крови, — сказала Аня.

— Я в прессе читала, что она «открыла окна в душном помещении». Не цепляйся к мелочам, главное, что она в крупном и важном права, — сказала Инна.

Обмен мнениями между подругами не состоялся. Возможно, базы не было: мало читали этого автора.

*

— Продолжим крушить «чистые образы» своих кумиров? Кого еще из писателей возьмем в разработку? Я недавно в интернете прочла странное произведение Владимира Сорокина «Тридцатая любовь Марины», — тихо, будто по секрету сообщила подругам Аня.

А Инна тут как тут со своим вопросом:

— И как оно тебе?

— Сначала плевалась.

— Что так? О чем оно? Он поднимает неудобные или запретные темы? Они для подростковой или для взрослой аудитории?

— Заморосила, засыпала вопросами как мелким дождем. Оно о лесбиянке, которая в тридцать лет познакомилась с парторгом завода, и он в одну ночь перевоспитал ее и физически, и морально. Она ушла к нему в цех работать на токарном станке, стала передовиком производства и принялась упорно изучать все постановления партии и правительства. Этому в книге уделяется больше всего страниц. События происходили в год правления Андропова. Не знаю, чем там дело закончилось. Концовка в электронной книге почему-то отсутствовала.

— Я не люблю, когда авторы ставят в конце жирную точку. Должна оставаться недосказанность, чтобы читатели сами, по своему усмотрению достраивали произведение. У каждого пианиста свое звукоизвлечение, а у их слушателей разные воображаемые картины, — сказала Жанна.

— Леденящая кровь бронебойная история! Дедушка Шекспир отдыхает. Ты была побеждена мистической силой внушения партработника? — спросила Инна, предвкушая интересный спор.

— Так вот, сначала я плевалась, знакомясь с подробностями лесбийского секса. А в первый раз не поверила главной героине, когда она принялась молиться

на прекрасном старорусском языке. И чем дальше, тем смешнее. Я удивлялась полной неосведомленности автора в вопросах, связанных с техникой безопасности, с методикой обучения работе на станке, полнейшему непониманию заводской специфики. А когда дело дошло до взаимоотношений между работницами — автор и вовсе понес полнейшую ахинею. Тут-то я и подумала, что эта книга или выполнение заказа определенных органов, или откровенный фарс. Я склонилась к первому варианту.

— Что это? Неудачная попытка автора универсализировать надуманные типажи? — удивилась Инна.

— Мода на них давно прошла, — заметила Аня.

— Мода циклична. Она имеет тенденцию к возврату. И если рассматривать по меркам того времени...

— Вот чего не знаю, того не знаю. Опять типажи, графаретные фигуры? Искусство писателя, как и врача — индивидуализировать каждую человеческую личность.

— Заинтриговала. Обязательно прочту, — сказала Жанна. — А критики автора хвалят?

— Осыпан почестями. Наверное, щедро заплаченные, говорят о нем: остроумный, веселый, непредсказуемый. Мол, читаешь и чувствуешь, «как радость абсурдистского нагромождения в мозгу сменяется пониманием», — ответила Инна. — А на твоё усмотрение, Аня?

— Я не согласна насчет заплаченности. Да и не могу я судить об авторе по одной книжке, — выразила свое недовольство Аня. — Но я слышала, что злой писатель, без солнечного света в финалах.

— Время злое. Мнение бабушек на лавочках не должно быть критерием качества книг. И самим не надо опускаться до их уровня, — вторглась со своим критическим замечанием Жанна.

— Зачем ты так примитивно о читателях? Смотри какие бабушки. У некоторых есть внутреннее природное ощущение художественной правды. Им нравятся абсурдист Кафка и Достоевский с его психами и убийцами, — не согласилась Аня. — Критики иногда дают понять, что автор совсем никто, ничто и никому не нужен, хотя их назначение возбуждать интерес, а не топить того или иного писателя. Читатели сами разберутся, что им по сердцу.

— Хуже, когда вовсе не замечают. Это куда более серьезный прессинг. И тут без поддержки верных друзей трудно выжить.

— Замечательно сказала насчет друзей, — поддакнула Жанна Инне.

— Читательская публика пестрая, всем не угодишь, — вздохнула Аня.

— Надо уметь сознательно пользоваться знанием того, что часть публики скажет о книге, что это фигня, и быть готовым отражать удары.

Лена перестала реагировать даже на слова подруги. Ее рот «разрывала» зевота, и она спряталась под покров простыни. Инна тоже уже ни от кого не ждала ни возражений, ни согласия, Она погрузилась во внезапно нахлынувшие невеселые мысли.

*

Лена едва слышит сквозь трудно пробиваемую усталость мозга:

— Я вот бороздила интернет...

— И ты «подседа» и не можешь остановиться? Там, в основном, молодежь тешит свое глупое самолюбие, — заметила Инна.

— Я еще не достаточно хорошо владею компьютером, чтобы сидеть в соцсетях. Да и некогда мне, — ответила Аня.

— Компьютер — прекрасная штука! Не зажилишь, как полюбившуюся книгу

из библиотеки... — снова от скуки принялась дурачиться Инна.

— Я недавно Виктора Ерофеева читала.

— Что существенного он внес в нашу литературу и культуру? Может, он, живя во Франции, чтобы достичь признания, «вовремя» расшатывал и подламывал базовые устои нашего общества? А теперь чем он живет? Пишет хвалебные оды сомнительным личностям или, напротив, памфлеты? А вдруг — милые, чудные, ласкающие слух и душу камерные вещи? — послала в пространство комнаты свои пренебрежительные вопросы Инна.

— Это тот самый, который как-то выступал со своей программой по телевизору? — «проснулась» Жанна.

— С утра был тот самый, — хихикнула Инна.

— Ну, ты даешь! Он не расшатывал. Сплетни все. О, бешенство словесной фальши! Она никого не минет! — всерьез, но общими фразами отреагировала Аня на вопросы Инны.

— Не люблю Ерофеева. Много воображает оттого, что жил за границей. Он мне не интересен, — пробурчала Жанна.

— Потому что не углублялась в изучение его творчества. Стиль у него прекрасный, — сказала Инна.

— Судя по его выступлениям по телеку, я бы не сказала. По-французски, наверное, у него лучше получилось бы.

— Откуда такая предвзятость? Завидуешь? «Великого писателя признают и благодаря его великим провалам», — насмешливо процитировала Инна чью-то громкую фразу. — А мне кажется, он вполне себе ничего... Он как-то сказал, что «женщины ему интересней, чем мужчины тем, что они метафизические существа более близкие к Богу и Дьяволу. Мужчины правят миром, а женщины мужчинами. Жить было бы не интересно, если бы мужчины сравнялись бы с женщинами». Очень емко и умно выразился.

— Говорят, Вениамин Ерофеев — уникальный писатель. У него не было ни предшественников, ни последователей, — сказала Аня. — Его на шумевшая повесть «Москва-Петушки» о неделями не просыхавшем любителе «Зубровки» уже стала притчей во языцех, а я никак не найду и не прочитаю этот шедевр. Книга-невидимка.

— Плохо искала. Ты воспринимаешь мое заявление о неприятии Виктора Ерофеева как пощечину себе, поэтому заговорила о Вениамине Ерофееве? — спросила Жанна.

— Ну как тебе сказать... не так чтобы... Пожалуй, нет. Пыталась я читать его «Русскую красавицу». Книга о проститутке. Бросила, противно стало. Злобный поклеп, карикатура на нашего человека.

— Может, это материализовавшееся предостережение, — усмехнулась Инна.

— Единичное возводить в ранг общего? — пожала плечами Аня.

— Что, не Данте двадцать первого века и далеко не узник совести? Но язык интересный, не тривиальный. Правда же?

— Что есть, то есть, этого у него не отнимешь. Старается.

— Кто о лесбиянках пишет, кто о проститутках, кто про бандитов. Мода пошла на гадкое. Советской литературы уже нет, российской — еще нет. Я вдруг попыталась представить себе выдающихся артистов Даля и Олега Янковского в роли бандитов. Это же ни во что не вписывающаяся дикость какая-то...

— Похоже, о чем и как писать — это вопрос собственного пиара современных писателей, — решительно высказалась Аня.

— Легко «творить», когда у государственной машины все шины спущены и нет тормозов,

— хмыкнула Инна.

— Слава гениев длиться много дольше лет их жизни, а у этих... как ты думаешь?

— Если есть в том заинтересованные лица. Послушали бы нас сейчас эти писатели! — расхохоталась Инна. — Вот бы включить громкую связь на всю Россию. Аня, пошли свое мнение в интернет.

— Чтобы опозориться?

— Струсил? Шучу.

— Всегда найдутся потребители подобных книг, — вздохнула Аня.

— А как же «Декамерон» Боккаччо и «Тысяча и одна ночь»? Классика!

— Я никоим образом не осуждаю. Ну не знаю. Не мое это. Есть мужская литература, где «поется» гимн фаллосу... похабщина в неограниченных количествах... Ну и что из того? Знать кому-то это требуется, некоторые, наверное, нуждаются. Как-то на лотке в подземном переходе взяла в руки книгу в красивом переплете с золотым обрезом. Думала, если прекрасно изданная, значит, по искусству, а оказалось, «Русский мат». Чуть не выронила ее под ноги в грязь.

— Ценность «Декамерона» в том, что всё там из жизни: живое, реальное, то, о чем важно узнать следующим поколениям. И мудрость в ней не стариковская, а бытовая, побуждающая радоваться каждому дню. А в тебе сидит старый, косный, занудливый педагог, — продолжила Инна донимать Аню. А та, не успев вникнуть и понять ее, сердито ответила:

— Вот и пусть сидит. Я с детьми имею дело. Помню, в детстве я вычитала у Боккаччо фразу, что-то типа: «Если есть время, место и с кем, то женщина не преминет воспользоваться этой ситуацией». Он оскорбил женщин, и я больше не захотела читать эти фривольные новеллы. Нет, я конечно понимаю: автор язвительно описывал людские пороки и надо уметь современным взглядом оценить средневековую эстетику и привлечь к ней внимание... Но, знаешь ли, одно дело литература, а другое — жизнь. Да и тот автор — мужчина. Наверное, свое желаемое выдавал за действительное. Какой-то гаремный, а не семейный у него жизненный опыт.

— С небес взглянуть — так мы все гаденькими и подленькими покажемся, — усмехнулась Инна. — Ты поняла, что «Красавица» Виктора Ерофеева — это критика недостатков нашего тяжело развивающегося капитализма и присущих ему отклонений? Дошло на пятые сутки. Снизошло божественное милосердие! Некрасов говорил: «Кто живет без печали и гнева, тот не патриот». Цени автора за смелость! А ты утверждала, что истина не рождается в споре.

— Ничего я не утверждала, — вяло отмахнулась Аня, совсем запутавшись в Инниной иронии.

— И о Вениамине Ерофееве ты выразилась без должного уважения, хотя даже заочно с ним не знакома. А я читала в интернете его поэму «Москва-Петушки».

— Он с болью и отчаянием пишет о России? Оплакивает или ругает ее? — спросила Аня. И такая безнадега прозвучала в ее голосе, что Инне захотелось ее успокоить или развеселить.

— Я прочитала поэму на одном дыхании. От души смеялась, но не радовалась. А потом даже слезу уронила. У автора столько в душе и за душой... Книга с мощным подтекстом. Она написана не только словом, но и тем, что после слова... В авторе так много человеческого, сверхчувствительного... А юмор у него мужской оголенный и в то же время облагороженный. Какой-то особенный... И ирония острая и глубокая. Собственно, смех и трагедия никогда порознь не ходят. Автор концентрированно выплеснул в одном произведении все, что в нем накопилось, в только ему свойственной манере и интонации. Теперь многие ему пытаются подражать. И у Лимонова есть что-то от него, когда он пишет об Америке, но в более слабом, худшем варианте.

Вениамин Ерофеев был человеком абсолютно чуждым жизни, которая творилась вокруг

него в послереволюционное время. Он наблюдал ее со стороны, но так и не принял, хотя многое в ней постиг. Все мы в своей жизни немного прогнувшиеся и искривленные... Но не сломленные. Написал он поэму за два месяца. Гениальный текст, воплощение карнавальной культуры. И то, что автор в ней троллит себя, не умаляет его достоинств. Ерофеев сочинял легкую шутку для друзей, а получился шедевр.

— Для меня карнавальная культура — народная, массовая, многосторонняя, многослойная — но все же культура низов, — осторожно заметила Аня.

— Меня поэма и восхитила, и ужаснула. Бывало, прослушаешь несколько пошлых анекдотов и ничего, нормально. Но когда несколько часов подряд... Тошнить начинает. Нет, я понимаю, прикрываясь опьянением, автор раскованно и ярко преподнес нам шикарное ироничное гротесковое изображение социалистического строя, — попыталась высказать свое впечатление Жанна. — А эту повесть, не разобравшись, напечатали на волне антиалкогольной кампании.

— Чистоплюйство какое-то, — рассердилась Инна и прекратила обсуждение книги с недостойным оппонентом.

— Чтобы ты предпочла, если бы тебе довелось выбирать между мудростью и молодостью? — неожиданно спросила Жанну Инна и рассмеялась. — Я прелестный стих Омара Хайяма вспомнила.

«На базаре мудрость продавали
И старость отдавали ей в придачу.
Люди подходили, но не брали,
Уходили молча, деньги пряча.
На базаре глупость продавали
И молодость давали ей в придачу.
Люди подходили, покупали,
Убегали, позабыв о сдаче».

— Люди, прожив еще одну жизнь теперь уже набело, надеялись обрести свою собственную мудрость? — грустно усмехнулась Аня.

Боясь подвоха, Жанна не соизволила отреагировать на вопрос Инны.

— Лена, а ты не связываешь свои литературные корни с автором «Декамерона»? — с каменным лицом пошутила Инна.

Лена не ответила на выпад, но сказала серьезно и с явным удовольствием, видно успела чуть-чуть вздремнуть:

— Я недавно с творчеством Юрия Полякова познакомилась. Не успокоилась, пока не перечитала всё, что нашла. Маститый писатель. С четкой гражданской позицией. Позитивный, с прекрасным чувством юмора. И комсомольской, и партийной верхушке от него крепко досталось. Настоятельно рекомендую.

— Спасибо за совет, не обойду вниманием, — заверила ее Жанна.

— Он как комета ворвался в твою жизнь? Ты его «Козленка в молоке» читала? Это был культурный шок? Он выпал из общего ряда или вообще туда не попадал? — рассмеялась Инна.

Лена не удостоила ее ответа, и Инна поняла почему. «Лучше бы выговаривала, а не играла в молчанку. Моя болтовня ее опустошает?», — насупилась она и сказала осторожно, пытаясь отыскать Ленин взгляд:

— Мне кажется, Захар Прилепин тебе ближе.

— Ты права.

— Фамилия Полякова на слуху, а премий у него много? Наверное, собрал все, которые существуют в природе и теперь где-то занимает ключевые позиции? — спросила Жанна.

— Премий предостаточно, — заверила Инна. — Есть писатели модные, популярные, а есть любимые. А он три в одном. И уж точно «не выцарапывал» премии с «настойчивым трудолюбием». И в толстых столичных журналах, наверное, печатался. Правда, они теперь не попадают в наши периферийные библиотеки, потому что издаются тиражами не более двух тысяч. А до перестройки — до миллиона доходили. К слову сказать, при Союзе для нас они служили камертоном, мы на них ориентировались. Из них мы узнавали, «кто войдет в канон», кто станет популярным.

— Ты думаешь, тогда вслепую выбирали рукописи? Их же горы накапливались, — недоверчиво спросила Жанна.

Ее вопрос канул в тишину.

— Кто и как теперь «вводит» авторов в журналы, вот в чем вопрос. Моя знакомая зареклась бегать по редакциям. Убедилась на примере своего коллеги, что без денег там делать нечего. Даже Чехов говорил, что талант в России не может быть чистеньким, — подняла новую тему Аня.

— Чувствую, ты у меня сейчас договоришься! — рассмеялась Инна. — Лучше скажи, какое серьезное литературное произведение стало событием начала двадцать первого века? И сама ответила:

— Гарри Потер. Оно по тиражу на втором месте после Библии.

— Тебе бы только зубоскалить. Я о своих, российских авторах хочу услышать.

— Ну, знаешь ли... время покажет. Пушкин тоже только после гибели стал широко известен, а современники больше признавали Карамзина и Крылова.

— Сколько талантливых и гениальных художников и композиторов получили признание только после погребения! — сочувствуя, вздохнула Аня.

— В девятнадцатом и двадцатом веках понятие «литературное событие» по-разному воспринималось, — сказала Инна. — Одно и то же музыкальное произведение в разных ситуациях звучит неодинаково, вызывая несхожие чувства, поэтому и у Чайковского тоже случались провалы. И влияние слова зависит от настроения чтеца. Перечитываешь книгу два, три раза и вдруг в какой-то момент тебе открывается совсем другой смысл этого произведения.

— Да уж точно... Наша культура в двадцатые годы потеряла Человека. Ее интересовали только народные массы. Человек был материалом, средством достижения великих целей, — напомнила Жанна.

— И больше не нашла? Отношение к человеку, как к ничтожеству началось уже после первой Мировой войны, — заметила Аня.

— Народ для богатых всегда был скотом. Но не будем об этом.

— По-моему, интерес к личности человека по-настоящему вернули шестидесятники, — сказала Аня.

— А «Тихий Дон»?

— Я же сказала: по-настоящему, глобально.

*

— ...Сейчас, например, стыдно не читать Улицкую, Пелевина, — ответила Жанна серьезно, будто не почувствовала шутливого Инниного настроения.

— Для меня все равно Лермонтов выше всех их вместе взятых. Его сочные проникновенные слова и их мощный накал всегда со мной, — упрямо сказала Аня.

— Тот, который в пределах школьной программы? Твоя эрудиция в этой области знаний далеко не заходит? Дикий учительский консерватизм! Современница Адама и Евы! Наш Евтушенко может потягаться с Шекспиром по признанию во всем мире, — возразила ей Инна. — Что глаза-то округлила?

— Я не о признании, а об остроте художественного и поэтического видения жизни.

— ...Есть читатели, которые только на «ордена» реагируют, а не на качество произведений. Поэтому есть те, которые, вдохновляясь гонораром, продолжают «творить», не заботясь о высоком духовном предназначении искусства.

— И кто на этот раз попал под твою критику, как под майский дождь? Кого отнесешь к достойным твоего внимания?

— Инна, ты намекаешь на благотворность моих замечаний? — удивленно спросила Аня.

— Ах, прости, оговорилась... под осенний дождь. Или как под строительный каток.

«Мысленно аплодирую», — удовлетворенно улыбнулась Лена.

— ...Верить в автора лучше, чем в премии и СМИ. Они дурачат людей, морочат головы, выставляя кого-то модным, кого-то нет, — сказала Жанна.

— Глупо писателям чураться огласки в СМИ. Она работает на их имидж.

«Ох уж эти мне досужие бредни!» — Лена внимала высказываниям с оттенком тревожного недоумения и сначала хотела резко приостановить откровения подруг, но потом решила до конца выслушать, что «народ» по этому поводу думает. На лавочке у дома сидеть ей некогда.

— Келейные награды. Они в основном результат закулисного лоббирования. Их получают писатели-чиновники и блатные из их ближнего круга. Самое обидное, что чиновниками часто становятся не по таланту, а по наследственному признаку: чей-то сын, внук, племянница... Причем, многие уже заранее, с детства, знают о перспективах своего карьерного роста и не очень стремятся приобрести знания. Другое дело — премии на производстве, — сказала Жанна.

— И там начальники себя не обходят, — презрительно фыркнула Инна.

— Кто суд вершит! — усмехнулась Аня.

— Тут важно заметить, что премии придумывают и «пробивают» те, которые сами от них хотят что-то получить, и тем самым обесмысливают и девальвируют их первоначальное назначение, — опять высказалась Жанна.

— А почему организаторы конкурсов должны отдавать их другим, а не ими обозначенным? — хихикнула в ладошку Инна. — И чего это мы глазки удивленно вытаращиваем?

— Кто из таких «знаменитостей» останется в веках? — возмутилась Жанна.

— Каждый творчески одаренный человек надеется, что ему повезет оказаться среди избранных. Хотя бы попасть в число почетно-номинаруемых, — вздохнула Аня, но тут же осторожно предположила:

— Обвиняют других в нечестности обычно те, у кого рыльце в пушку или кому не досталось премий? Те, у которых неврастения на почве зависти?

— Ой, Анька, дай нам с удовольствием позлословить! — рассмеялась Инна. — Независимых премий не может быть в принципе.

— Творческий человек не должен заниматься собственным пиаром, — забухтела Аня.

— А кто за него это будет делать? — удивилась Инна.

Лена не выдержала и неодобрительно заметила:

— Не выдохлись еще? Волна вашей критики может увеличиться до цунами и уничтожить все человечество. Ожидаю шквал возражений.

— Какие на периферии могут быть битвы за премии? Они же копеечные. Смешно слушать. Моя подруга получила семьдесят рублей, так была на вершине блаженства. Вот в столице, когда на кону полтора-два миллиона, можно представить, что твориться, — поделилась предположением Жанна.

— А я была бы согласна отдать премиальные деньги, а славу лауреата себе оставить. Деньги с собой в могилу не унесешь, а слава и в реальной, и в будущей жизни осталась бы при моем имени, — рассмеялась Инна. Разговор явно развлекал ее.

«Ничего нового и оригинального не сказали». — Лена прикрыла тяжелые, словно чугуном налитые веки, но снова услышала Инну:

— «Закачала» внучатая племянница в мою электронную книгу произведения авторов, получивших премии «Русский Буккер» и «Большая книга» за последние три года. Далеко не всё понравилось. Нет волнующих тем или нет гениев слова? Цена им другая? Дефицит личностей? А в войну были, и при сталинском режиме тоже. Парадокс? Многих истребили? Геройство отсутствует? Недостаток прототипов? Может, теперь созданное, лет этак через сорок покажется шедевром? Не хотелось бы. Это означало бы полную деградацию.

— Обсудим этот вопрос завтра «на свежую» голову, — спокойно, но твердо сказала Лена и мысленно успокоила себя тем, что на встрече сокурсников будет не до литературных диспутов.

16

— ...А как ты понимаешь выражение: искусство и литература должны идти впереди правды? — Это Аня обратилась к Инне.

Жанна на этот раз оказалась расторопнее:

— Фразы, вырванные из контекста трудно интерпретировать. Я предполагаю, что речь в ней идет о том, что читая книги человек, особенно подросток, как бы репетирует то, что потом будет проживать на самом деле. Так он учится. Потом, в своей жизни, ему проще будет делать правильные выводы. Но неправда тоже интересна писателю, как объект исследования.

— Спасибо за разъяснение, за проявленную заботу. Негоже нам, «представительным, гламурным» дамам быть в неведении, — нехорошо ухмыльнулась Инна.

— Всегда к вашим услугам, — одним галантно-насмешливым кивком, виртуально «расшаркалась» Жанна.

— Трудно простому человеку жить без правды, — вздохнула Аня. — Что кругом твориться! Ложь, ложь... Еще Черчилль писал, что маленькую правду охраняет эшелон лжи, чтобы не дать ей выйти наружу.

— Отец лжи — дьявол! В нас «или Бог, или черт сидит. Третьего стула нет». Русские писатели и художники всегда отвоевывали территорию правды, — сказала Жанна патетически.

— Малевич ее тоже искал? И что нашел? — спросила Аня.

— Черный квадрат. Видно до точки дошел... И произошло нечто замечательное: был создан новый визуальный язык художников — абстракционизм — симфония линий

и цвета. Искали, копали и набрали, — хмыкнула Инна. — Такое иногда возникает от неопределенного, но непреодолимого неугасающего желания художников создать что-то вечное: то в каком-то смысле, взрыв феноменальной гаммы цветов, то запредельный полет свободной мысли и способность к ее изречению. Их картины кричат, зовут расшифровывать себя. Кто-то хорошо сказал, что все можно назвать искусством, если его вставить в рамку. А надо возвращаться к человеку. Иногда новое отбрасывает в забытое прошлое: шаг вперед, два назад.

У Ани вопрошающе испуганно расширились глаза.

— Не морщи нос в гармошку, не волнуйся и не злись. Не спятил Малевич. Он в некотором смысле гений.

— Тошно от твоих шуток. Все-таки у тебя шпора в одном месте.

— Юмора не понимаешь.

— А если о тебе кто-нибудь вот так же, мол... до точки, посмотрела бы я, как ты запела.

— Не родился еще такой человек! — гордо вскинула голову Инна и надменно продолжила:

— Черный квадрат и до Малевича изображали, но никто не додумался пришпандорить ему философское обоснование. В этом его гениальность.

Правда бывает ползучая, твердо героически стоящая и летящая... Режиссер Довженко когда-то так сказал. Ты за какой вариант? За беспощадность к ситуации? Ведь жизнь — постоянное преодоление препятствий. Как же иначе? Да?

Аня не поняла, чего добивается от нее Инна и предпочла промолчать.

— ...Писатель всей своей жизнью предан слову. А кто-то из великих сказал, что слова — бледные тени мыслей и ощущений, что стоят за ними, — сказала Аня. (Только бы не молчать?)

— Если послушать нашу беседу, то они не такие уж и бледные! — с удовольствием заметила Жанна.

— Литература — документ истории, а писатели — глаза и уши человечества. Вот и суди сама. Не надо вешать этикеток: такой, сякой... Все писатели занимаются поисками смысла жизни, но у каждого свой сектор изучения и своя дорога познания истины, — принялась философствовать Аня.

— Но не каждый имеет право братья за перо. А вдруг извратит эпоху? — заметила Инна. — Вопрос на засыпку: «Может, для писателя важнее то, что состояние творческого подъема уже делает его счастливым?»

— Всего-то, — разочарованно протянула Аня.

— А разве у тебя с детьми не так? — приподняла высокие брови Инна.

— Результат работы тоже важен. — Мне представляется, что литература — средство прожить жизнь тебе не предназначенную, ту, которую не получается найти в реальности, когда хочется чего-то сверхобычного. У писателя много этих жизней... В этом есть хорошая доля чистоты и наивности, что свидетельствует об особой душе пишущих, — сказала Аня. И добавила:

— И их читающих и понимающих.

— Я слышала, что некоторые из писателей могут погружать себя в транс и в этом странном состоянии их мысли материализуются. Ты знакома с инверсионным методом? — спросила Жанна.

— А куда погружают себя матерщинники? — вместо ответа пробурчала Аня.

— Я думаю, ни до какого транс дело у них не доходит. Выдают желаемое за действительное. Цену себе набивают. — Жанна засмеялась, чтобы все подумали, что она шутит, на тот случай, если кто-то обидится или неправильно ее поймет.

— Не в ту степь ты отправилась. В чужую кухню да еще со своим самоваром, — презрительно хмыкнула Инна.

— Дамы, может, хватит состязаться в эрудиции? Ночь на дворе, — попросила Лена.

Наступила зыбкая и какая-то неполная тишина.

*

— Лена, может ты начала бы писать рассказы о насилии в семьях? Предание гласности жестоких фактов — серьезная тема, — небрежно сказала Жанна. — Поищи факты в милицейской хронике, погуляй по новым неизведанным местам своего воображения.

— К этой очень важной теме мне, наверное, уже не подступиться. Я и так работаю в режиме «нон-стоп». Новой книгой для взрослых я хочу завершить очень важный для меня психологический цикл. А дальше, что Бог даст. Чтобы поднять предложенную тобой тему на должный уровень остатка моей жизни уже не хватит. Пока этот вопрос, как и проблемы наркомании и СПИД, стоят на контроле у журналистов, врачей и психологов. Жаль, конечно. Но «нельзя объять необъятное».

— Думаешь, не потянешь или боишься дотошной безжалостной цензуры? Не скрытничай, здесь все свои. Всё останется между нами, — игриво продолжила Жанна.

«Чья бы корова мычала, а твоя бы помолчала», — раздраженно подумала о ней Инна.

— Из чистого любопытства спросила? Я не боюсь критиков. Насколько я знаю, Рита тоже не в обиде на них. Но я больше ценю хороших редакторов. Иногда полезно что-то смягчить в тексте, подправить неоднозначность некоторых фраз. Они могут подсказать, остеречь от ошибок. (Лена увильнула от проблемы с критиками?)

— Оружием критиков должно быть собственное перо, а не длинные языки репортеров, способных только изводить писателей. Современная авторитетная критика — это не подвиг одиночек, а целая система из журналистов, менеджеров и издателей. Статья в газете может вознести человека на олимп или перечеркнуть его судьбу. Критики могут представить простым людям посредственность как талант. «Запустят аферу» в прессу и народ поверит. Никто не возразит. Кто не читал, кто промолчит от неуверенности в своей компетентности. А посредственность в искусстве и литературе — губительный яд, — продолжила рассуждать Жанна. — По мне так критики паразитируют на писателях. У них часто надуманные претензии. Одному моему знакомому вменили в качестве недостатка то, что его книга слишком толстая и ее никто не станет читать. А почему она толстая? Причина на удивление простая. Писатель мог бы сделать из своей книги хоть пять отдельных, но он был не в состоянии найти деньги еще на четыре дорогие твердые обложки.

— Всё это досужие разговоры о критиках, — не вникая в разглагольствования Жанны, безразличным тоном сказала Лена. — Я как-то спросила у Риты: «Что значит редактировать? Я все свои книги для подростков писала сразу набело, и только теперь пытаюсь учиться работать над текстом. Мне, наверное, неплохо бы краткий литинститутский спецкурс на эту тему пройти: простой, незатейливый, рациональный». А она рассмеялась: «Редактировать, все равно, что ваять скульптуру. Бери глыбу и отсекай лишнее».

— Произведение, написанное сердцем, трудно самой урезать. Для меня это за гранью возможного, — прошептала Аня. — Но самое мучительное, это продолжать писать и чувствовать что не то, не то...

— Вот для этого и существуют редакторы, — сказала Лена.

— Анька, у меня есть смутное подозрение, что ты втихаря пишешь. Числишь себя литератором? И никто до сих пор не застукал тебя за этим занятием и не всыпал? — понизив голос, пошутила Инна. — Может, еще и заочный литинститут прошла, этот

конвейер по «изготовлению» и воспитанию гениев, где тебя научили чувствовать пульс времени? Все грани твоего таланта раскрыли? И каков твой главный проект этого года? Он будет культурным шоком в ряду текущих событий?

— Я только рецензии пишу. — Застенчивая радость мелькнула в глазах Ани. — Я этому детдомовских ребят учу, когда они устают от математики и физики. Так сказать, смена деятельности. Они так играют. Им нравится. Некоторые проявляют неиссякаемое рвение. Для этих ребят написать предисловие или рецензию — как дать собственный ключ к произведению. Они гордятся своим серьезным мнением.

— Их рецензии — памятники литературы и филологической культуры! И ты с ними в одном «обозе», — насмешливо «проехала» Инна по увлечению Ани.

— Какое-никакое, а развитие. Глядишь, кто-то и всерьез приохотится к сочинительству или хотя бы к чтению, — спокойно отреагировала на шпильку Аня. Она была уверена в пользе своих занятий и ирония Инны не могла ее разубедить.

— В университете ты не слыла мастерицей эпистолярного жанра. Приведи в пример хотя бы одну рецензию, — попросила Жанна.

— Не разочаруй, — со смешком поддержала просьбу Инна.

— Пожалуйста. Дала я восьмилетней Юлечке Грибановой книжечку стихов Натальи Ушаковой. Она ее прочитала при мне, картинки внимательно рассмотрела и тут же выдала: «Я буду говорить, а вы записывайте, чтобы мои мысли не успели разбежаться». И начала диктовать серьезно, по-деловому. Я еле успевала за ней. «В книжке разнообразие тем и настроений. Есть веселые стихи и с юмором. Они легко запоминаются. Я так люблю юмор! Есть тут стихи чуточку грустные. Но все они добрые, душевные, с огромной любовью к миру детей и животных. (Так и сказала: «к миру».) Хорошо, что звери в стихах сказочные и оптимистичные. В школе мне надоедает взрослая жизнь. Я устаю от нее, и мне иногда хочется возвращаться в сказку, где нет отметок, строгости, где моя душа отдыхает. Самые мои любимые стихи — таинственные, детективные, которые обязательно заканчиваются смешно или радостно. Одно такое про собачку и детские страхи мы недавно учили в классе. Я его, наверное, всю жизнь буду помнить».

Я сама не написала бы лучше. Вы чувствуете, сколько информации может извлечь внимательный педагог из нескольких фраз, сказанных ребенком?! Юлечка самостоятельно мыслит и говорит языком своего сердца. Обычно взрослые для детей пишут, а у меня они сами сочиняют простенькие рассказы, стишки и с удовольствием читают их друг другу, вместе поют свои песенки. Они в эти минуты такие счастливые!

Еще я приучаю детей запоминать и использовать слова, которые исчезают из народного языка. Старорусский язык очень поэтический. Я имею в виду не религиозный, а бытовой. Жаль, что усредняется деревенский язык с городским. Телевидение всех «подравнивает». А раньше чуть ли не в каждой деревне был свой диалект. Плохо, когда цивилизация обгоняет культуру. Но ничего не поделаешь, это на данном этапе развития нашего общества неизбежно. «Цивилизация входит в каждый дом», и отталкивается она от коммерческого соблазна.

— Всего-то, — разочарованно протянула Инна. — Пытаешься возродить исчезающий язык?

Ее голос зазвучал еще скучнее:

— И что в твоих занятиях сенсационного?

— Я и не претендую на особенность. Это моя обычная работа с детьми, — гордо сказала Аня. Но при этом грустно подумала: «Она мне завидует?.. Вот поэтому я при детдомовских детях. Они не обидят. Они ценят и обожают меня. А я так и не полюбила мир взрослых».

— Некоторые авторы стремятся «выехать» на применении фольклора, на эксплуатации деревенского языка.

— Въехать, — шутя, поправила Жанну Инна.

— А другие против обращения к народной речи, мол, устарела, ищут свой культурный код, идут своим путем.

— Стремление к новизне иногда заводит творческих людей в непролазные дебри... самолюбования, — заметила Инна.

— И такое случается, — согласилась Аня. — На мой взгляд настоящий объемный литературный язык складывается из народной основы, ограненной талантливыми писателями и...

Просительным усталым взглядом Лена остановила ее рассуждения.

«Молчит, а будто исподволь руководит нашим разговором», — подумала Инна.

*

— Лена, раз уж речь зашла о рецензиях, посмотри, пожалуйста, мою на стихи одной поэтессы. Мне кажется, в ней чего-то не хватает. Уважь мою просьбу. Первый раз обращаюсь. Не хочу стать мишенью для критики коллег.

— Я не читала ее стихов, — взглянув на обложку книги, сказала Лена. — Чем они примечательны?

— Меня не содержание, форма рецензии беспокоит.

— Дай взглянуть! — потребовала Инна.

Но по-детски искательная улыбка Ани заставила Лену потянуться за очками.

«...Каждое стихотворение — мощный выброс эмоциональной критической энергии, направленной на борьбу с несправедливостью. Автор четко, прямо и уверенно ставит важнейшие проблемные вопросы современной жизни, перенасыщенной чужой болью, и раскрывает страдания, вынесенные из глубины своего чувствительного сердца... Отмечаю наличие удачных метафор и к месту подобранных эпитетов...» — читает Лена ровные, как в прописях, Анины строчки, и, пряча полуулыбку, что-то выправляет в тексте.

— На основании твоего отзыва у меня сложилось подробное и положительное впечатление о стихах твоей знакомой. Просто надо придать некоторую солидность твоим высказываниям, чтобы отзыв не выглядел школьным сочинением. Можно очень строго подойти к этому или с долей иронии или юмора. Смотри что тебе ближе.

— Например.

— Допустим... — Лена на миг задумалась. — В начало своего текста впиши такую фразу: «Я ожидала найти в книге «лютики-цветочки» и «сердце умиляющие строки», но обнаружила зрелый, жесткий и совсем не романтичный взгляд сильного, самодостаточного автора на трудные жизненные ситуации, глубокое проникновение в психологию человека, в его сложную душу, которую она препарировала со знанием дела, как хороший доктор. Я увидела неожиданные несентиментальные, почти мужские рифмы, философский подход к глобальным проблемам человеческого бытия». Ну, что-то в этом духе. Конечно, это экспромт. Мне надо еще подумать и отредактировать. Давай закончим завтра, на легкую голову? Да, еще... насчет своеобразия ее строк. Отметь, что «поэт волен выражать свои мысли в любой доступной ему интересной форме». Оригинальность не возбраняется, даже напротив — поощряется.

— Ленка, в очках хочется говорить умно, уверенно и с достоинством? Анютка, прописываю тебе постоянное ношение очков, — пошутила Инна.

— Лена, подожди. Я запишу сказанное тобой, иначе до завтра забуду. Это как раз то, что мне нужно, то чего мне не хватало, — обрадованно засуетилась Аня.

А Лена уже прикрыла глаза и словно отключилась.

«Она умеет не только работать, но и бережно дозировать свои силы», — подметила Инна, взглянув на расслабленное лицо и тело подруги.

*

— ...Что ты пристала к Рите! Ее волнуют проблемы в семьях. Не приписывай ей глобальных мотиваций. Она даже конфликтные политические споры старается перевести в невинную бытовую плоскость. Ее право так писать. Нет у нее ни благодущия, ни излишней умильности, не ранит она свою совесть ни ложью, ни пустыми выдумками. И острые углы не сглаживает. Конечно, может, где-то что-то не договаривает, но это уж дело ее принципов, как и то, что не пишет чернухи и обходится без мата. (Подруги вчера не слышали беседы Риты с Аллой?) Главное, что ее книги дают пищу для раздумий, — несколько раздраженно объяснила Лена Инне.

— А у тебя так величие замысла! Ты же собираешь многовековой опыт трагических оплошностей человечества — никак не меньше, — и одержима идеей рокового поединка между человечеством и судьбой! Или только человека с судьбой, когда единичное приобретает черты общего? Рассматриваешь семейные проблемы в мировом вселенском масштабе? Ты же про нас понимаешь то, что мы о себя додумать не способны. Соединяя в себе логическое, чувственное и интуитивное, ты видишь вглубь... на два... три метра с закрытыми глазами! Это же высший пилотаж! Ты со своими книгами шагаешь сквозь время. Ведь только талантливое вдохновение рождает истинный шедевр. Без тебя мир лишился бы огромной части Надежды. (Это вспышка... чего?)

Есть великие писатели, а между ними существуют узкие зазоры, ниши для таких как ты, тоже способных развивать литературу, вносить крупницы нового. Так заполни эту вакансию! Господа! Проникнитесь величием момента. Победная музыка звучит в наших головах. АВЕ-Лена! Ура! Равнение на Лену! Я предугадываю блестящую будущность ее шедевров.

Это то, к чему смутно рвалась твоя душа? (Инна иронизирует или таким оригинальным способом оттягивает на себя внимание подруг?) А по мне так величие замысла предполагает великого героя, такого, чтобы вровень или выше короля Лиры! Великого писателя делают великие трагедии. Или ты считаешь, что талант писателя в том, чтобы обыкновенного человека поднять на небывалую высоту, потому что этот простой человек не так уж и прост, что каждый из нас непознанная, неосвоенная вселенная?! Может, ты веришь, что увидела то, что до тебя никто не замечал? Нет? Ты глубже прочувствовала, иначе преподнесла: проще, яснее, доходчивей, так, что от твоих рассказов защемило в груди? И этого тебе достаточно? (Что это с Инной?)

«А тебе, Инна? Повторяешься. Лихо обошлась с подружкой. Завелась, тормоза не сработали. Ты с радостью взяла бы свои слова обратно, но для тебя из-за упрямства это невозможно? И теперь, пытаясь провальную ситуацию обратить в выигрышную, ты будешь грубостью стараться наказать всех, кто станет на тебя нападать, защищая Лену? И только за то, что ты по своей вине оказалась в неловком положении? В кои веки мы собрались вместе совсем не для того, чтобы собачиться. Наломала дров... А может, в глубине души ты уже каешься в опрометчивом поступке, в своей несдержанности?» — Это в голове Ани промелькнули сочувственные мысли.

— Инна, это демарш, шантаж, циничное подстрекательство? Или стиб? Это откровенная чушь! Мать Божия! Посовестилась бы говорить такое. Ты бываешь очень неделикатной. Может, не стоит вести разговор в столь своеобразной... недопустимой манере? Ты так шутишь? — тихо спросила Жанна. Мягкий нажим ее голоса благотворно повлиял на Инну, и она как-то по-детски примирительно ответила:

— А ты страшная зануда. Я всегда говорю только то, в чем совершенно уверена. Видишь, я никого не намерена щадить.

«Можно подумать, что злые несправедливые слова вылетают из Инки против ее воли, — в недоумении застыла Аня. — Почему бы Лене не окоротить (усмирить) подружку? Сама-то она не станет подгонять себя под внешние приличия, хотя быстро схватывает ситуацию. Лена боится ее обидеть? Поэтому Инна прячется под ее крыло? Лене неловко себя защищать, и она всё оставляет на наше усмотрение?.. Я э т о ставлю ей в вину? Каждая из нас совершенно естественно существует в своей особенности, в своей странности... Можно подумать, что у Лены только и дел, что с Инной возиться».

— Если спорящий переходит на личности, значит, он плохо владеет предметом

дискуссии, — спокойно заметила Жанна.

— Приговорила. Зато вспышки злопамятности и мстительности не числятся среди моих грехов. Я от них еще в детстве прививку получила.

— Долго корпела над речью? Ты являешь собой «диковинное» зрелище. Не нашла подходящих к случаю слов? Так позаимствовала бы... у Ани и перепедалировала.

«Что это сейчас было? «Одолжила бы у Ани!..» Вот это выпад! За все насмешки отомстила, — опешила Лена. — Мо-лод-чи-на. Инна «вдохновила» Жанну на «героический подвиг» против себя же самой?.. Но этим Жанна еще больше выведет Инну из себя».

— Быстро закончила разнос, — глумливо изумилась Инна скрипучим сквозь сухие горло и губы голосом. — Продолжай. Мели Емеля — твоя неделя.

— Все-таки ты вздорная особа. Выбирай выражения, не пережимай, не заносись. С чего это ты вдруг рассвирепела? У тебя ранневесеннее обострение? Ты находишь свое поведение нормальным? Твое предположение оскорбительно. (А твое?) Что ты себе позволяешь? В голове переключилось? И впрямь природа «дарования» бывает разная. До ручки дошла или играешь на публику? Выдаешь несуразности с единственной целью эпатировать нас? Как же надоела мне за сегодняшний день твоя умствующая акробатика! А может, воображаешь, что открываешь нам тайные догматы?.. Как ты «тактична и добра»... Будь любезна, возьми свои слова обратно. Моя просьба не обременительна? — серией вопросов закончила свой монолог Жанна.

«Как завелась, как раскрутилась! Какой строй речи! Без длинных протяжек, без раскрашивания отдельных фраз, натянутых как струна монотонной интонацией», — удивилась Лена.

Во взгляде Жанны промелькнуло столько многообещающего, с огромным запасом не словарных слов из репертуара какого-либо старшины-сверхсрочника, что Инна неуверенно пробормотала:

— Прокурорский тон тебе не идет. Решила меня добить? Насквозь меня хочешь просверлить своим укоряющим взглядом? Фи, тратить время на светские условности, расшаркиваться друг перед другом? Я привыкла оставлять за собой право самой решать, как мне поступать в том или ином случае и что говорить.

— Поступать, как тебе заблагорассудится? Бесстыжие твои глаза! Прирожденная интриганка. Признаться, меня это не удивляет. Но тошнит от подобных разговоров. Ты, стало быть, считаешь, что в твои обязанности входит оскорблять людей, выставлять их подлецами, дураками, мерзко уродовать? Невероятно, но факт. Не надоела еще пустая трескотня? — невинным голосом уточнила Жанна. — Чемерицы объелась? Нет, чтобы извиниться. Не боишься последствий?

— Когда я стою одной ногой на утлой опоре, то всегда вижу впереди другую, более надежную, на которую могу перепрыгнуть, чтобы не провалиться в болото, — самоуверенно ответила Инна.

— «Не буди во мне зверя». (Наша студенческая фраза!) Собственно, я хочу уберечь тебя от опасных иллюзий, — поспешила смягчить свою угрозу Жанна.

— Я внимательно выслушала твой приговор. Ты даже отдаленно не права. Не передергивай, я имела в виду другое, — искренне удивилась Инна такому решительному напору Жанны. А про себя мрачно подумала: «Та еще... стерва. Эквилибристика, жонглирование смыслами... Кошечкой прикидывается! А коготки-то будь-буди, похлеще моих. Приперлась, ждали ее тут. Не замедлила явиться! Сто лет с ней не пересекалась. И кто ее так настропалил против меня? Ну, ты у меня еще попляшешь!»

И спросила уже вслух:

— Какая муха тебя укусила?

— Цеце, — отрезала Жанна.

— Будьте благоразумны, замолчите обе! — голос Ани сорвался на фальцет.

— Где уж нам, бесталанным, сдерживаться! — приподняв подбородок кверху, отозвалась Инна.

«Инна обычно «играет на опережение». Сама уводит неприятный разговор на выгодное ей направление. А если не получается, то признать чужое мнение и явную правоту все равно не хочет и «включает непродуманную дурочку». И сейчас такой способ общения избрала, — грустно повела сама с собой беседу Лена. — Ничего не поделаешь, у Инны опять не хватило сил вовремя остановиться, но испытанный метод как всегда пришел на помощь. Как ей спастись от себя самой?.. Самолюбивой была с детства. Помнится, на соревнованиях по бегу предпочла травму позорному проигрышу. Нарочно со всего размаха упала на асфальт, ободрала локти, колени... Даже когда была не права, всё делала ярко, талантливо, событийно, будто жирным шрифтом писала! Схватиться за раскаленное железо, на дерево выше мальчишек забраться — нормально! Дружила в основном с пацанами, которые степень своего презрения выражали дальностью плевка. Я таких сторонилась, но могла и сдачи дать, если цепляли... А будучи взрослой, Инна умно на работе горела. И преданней ее в моей жизни не было. Она умела радоваться и любила радовать. Что теперь с нее, больной, взять? Жива и слава Всевышнему...

Я тоже тихоней в старших классах не слыла. Если бы родители не были учителями, наверное, из школы выгнали бы. И не раз. В основном из-за моей прямолинейности: не терпела я несправедливости. А математичка меня защищала, говорила коллегам: «Бойтесь не катастрофы, а неизвестности. Пацанка на верном пути, не надо ее личиком об стол. Куда ей тогда без зубов, в разобранном виде?..» Она предлагала мне самой выбирать методы, дороги, взгляды, учила настоящей любви между людьми, этой великой системообразующей, без которой в жизни никак нельзя. Говорила, что пути наши разойдутся, но кровь останется единой. Мы понимали друг друга.

...И все-таки я искренне желала бы сейчас оказаться где-нибудь в другом месте. Допустим в одноместном номере гостиницы».

А Жанна недовольно подумала: «Прошли годы, но всё осталось при Инне: и вредность, и вздорность. Они, пожалуй, даже усилились. Крыша у нее совсем поехала. Стремится завоевать пространство общения, споря с заведомо более слабыми соперниками? Не велика заслуга. Подвиг определяется значимостью врага... Не поддамся. Ох уж эта великая Вавилонская башня нагромождения ее пороков... Прости, Господи. Моя терпимость дает сбой. Мне проще, я стараюсь не предъявлять себя, не выпячивать, где не надо, а она сама на рожон лезет.

Обидеть можно случайно, но оскорбления обычно наносятся умышленно, продуманно, целенаправленно. Инна об этом не задумывается? Ей главное интересно, умно и оригинально прозвучать, не заботясь о чувствах своего «подопытного»? Не контролирует себя? Она же этим и любимую подругу ставит в неловкое положение. Мне кажется, с Лениным характером делать вид, что все нормально, корчить из себя простушку, притворяться непрошибаемой как-то не адекватно. Для меня Иннины издевки — точно нокаут прямым ударом в самое сердце. Почему Лена ее не осаживает? Почему жалеет? Может, она больна? Но чем?»

Мысли вихрем промчались в голове Жанны и унесли с собой раздражение. Поэтому она спросила Инну уже достаточно спокойно:

— Ты же умная и понимаешь, что твоя пошлая патетика не срабатывает.

— Оставь воззвания Ане. — Инна издала противный смешок и скорчила соответствующую ситуации рожицу.

— Хоть ради приличия остановись, — теперь уже капризно потребовала Жанна.

— С какой стати? И не заикайся об этом, — строптиво отреагировала Инна, обернувшись к «обидчице».

Ане показалось, что тяжелая всесильная и какая-то хищная тишина заполнила всю комнату.

«Хорошо поговорили, нечего сказать! А если продолжат в том же духе? Ничто не предвещало, что Инка устроит сцену. И чего это она, не соображая в писательстве, путается в Ленины дела? Как бы нам выправить не в ту степь заблудшую полемику? Если быть справедливой, то этот диспут во всей своей совокупности — скажем так — сплошная мура, пустой цепной лязг в ночи. И я хороша — туда же, как головой в омут», — принялась мысленно корить себя Аня, но вслух умоляюще произнесла, судорожно комкая в руках платочек, совсем другое:

— Инна, это невыносимо! Пожалей-пощади мою бедную головушку. Смени гнев на милость. Давай не будем опускаться до ссоры. Ее легко начать, да трудно закончить. Может, что-то и недоступно моему пониманию, но я не выношу фамильярностей ни от мужчин, ни от женщин. Воспитанный человек в любых условиях должен оставаться корректным. Въехала? — неожиданно закончила Аня свою просьбу привычным для Инны словцом. И тем самым задела ее самолюбие, хотя и не хотела быть в ее с Жанной перепалке футбольным мячом. Слово как-то само вырвалось.

— Совсем заклевала. Дай волю, так ты всех собак на меня навешаешь, — стараясь напустить на себя безмятежный вид, рассмеялась Инна. — Ладно, живи. Снизойду, если только «стая товарищей» или «кодла друзей» попросит.

— Говоришь несуразности, да еще хорохоришься? — вспыхнула Жанна.

— Думаешь, смирюсь, опрометчиво соглашусь замолчать? Да ни под каким видом! Или поторгуюсь? Ни одной зацепки? Я усугубляю свое положение в разговоре? Ничуть ни бывало. Великодушно даю шанс... еще раз отведайте моей роскошной иронии. Не упусти его, — сочно произнесла Инна и пальцем Жанне погрозила неодобрительно.

Лена тут же решила, что Жанна свое милое природное лукавство и юмор растратила под давлением прожитых лет и вряд ли ответит Инне спокойно, поэтому грустно подумала: «Разве это для Инны ссора? Так, безобидное сытое ворчание. И, тем не менее, она, наверное, вопреки здравому смыслу злится на Жанну. А та на нее еще больше».

«Ой, опять могут затеять баталию. Киру бы сюда в роли арбитра», — молча обеспокоилась Аня.

— Твоя выходка — последняя капля в моем терпении. Некоторые... выражаясь с грубой армейской прямоотой, не усматривают в своем поведении ничего предосудительного и даже с изящной настырностью красуются... (Муж Жанны бывший военный?) Ну ты же у нас обо всем судишь с присущей только тебе «строгой, ясной мудростью», мастерски и очень убедительно владеешь словом. Воображаешь, что можешь быть опасной? Только твои «царственные сентенции» — всего лишь «очаровательные» глупости и, не в обиду будь сказано, отдают тухлятиной. Душа твоя гнилая. В тебя словно нечистый дух вселяется. Высказываешься по любому поводу, но не всегда обоснованно, — разгорячилась Жанна, упрекая Инну. — Нарочно не договариваешь свои мысли. К чему эта недосказанность, полунамеки? Если о чем-то не хочешь рассказывать, так не говори вообще, не интригуй, не сочиняй. Не строй из себя загадочную особу. В моем окружении принято говорить обо всем прямо и верить друг другу на слово.

Раздосадованная, она не заметила, какого презрительного взгляда стоил ей этот ее обличительный монолог.

— Нечистый дух, нечистая совесть... Нахваталась приторной религиозной терминологии. Ты еще с надрывом произнеси то же самое. Напыжилась-то как! Душа, Бог... И то сказать, разговор не нов, но бодрит.

— Я — не прибежище для твоей иронии. Не нарываешься, а то... я за себя не ручаюсь! — польхнула Жанна. (Вот и она вышла из себя.)

— Заверещала. Предъявишь ультиматум? Ха! Эта перспектива удручает меня. Что, твое интеллектуальное христианское целомудрие не допускает и не терпит прямых и грубых высказываний в адрес религии? Они оставляют на сердце нестираемые следы?

— Если уж на то пошло, лучше бы тебе больше думать, чем говорить, — раздраженно встряла Аня, но окончила свое замечание старой шуткой из мультфильма: «Попалась, какая кусалась?!»

— Рот затыкаешь? Не даешь мне насладиться значимостью собственных слов? Запрещаешь? Кто бы мог подумать! Да ты среди нас со своими школярскими взглядами и пионерскими замашками, как девственница среди многоопытных дам, как трезвый в компании пьяных, как хроник-вегетарианец среди нормальных здоровых людей, — дала волю своему оскорбленному чувству Инна.

«Понесло меня, словно мяч с горы. Как это я еще не брякнула «среди ночных бабочек»? Вот бы получила от Лены! Плутаю рассудком? Не шмякнуться бы с позором», — как горячая искра проскочила в голове Инны пугливая мысль.

«За наигранной дурашливостью и грубостью Инна скрывает некоторую свою неловкость перед нами. Но она не потерпит указаний со стороны. Ей важно самой остановиться». — Лена была слишком проницательной, чтобы не догадываться, что происходит с подружкой.

— Анюта, ты живешь в твердой уверенности, что мир ждет не дождется проявления твоего «изысканного» остроумия? Остуди свой праведный гнев. Разошлась до неприличия. Гляди, волосы-то встопорщились, как иглы у дикобраза. Они тоже бесятся? Моя веселость от чувства полноценности. Поняла?

Аня, обидевшись, не ответила. Жанна из-за спины Инны поманила Лену и сделала ей какие-то знаки, а вслух сказала с деланной, напускной строгостью и чуть возвысив голос:

— Шикарный наезд, только шутка слишком затянулась. Нельзя злоупотреблять терпением и подвергать серьезному испытанию нашу доброжелательность. У педагогов, как правило, слабые нервы. Я понимаю, что редко бывает полное согласие даже между родными людьми, но натянутые отношения не способствуют положительному общению. Продолжение разговора в том же духе — перспектива не из приятных. Я далека от того, чтобы во всем винить только усталость. Я бы не привязывала ее и к твоему...

И осеклась, увидев побледневшее до голубизны лицо Инны.

— Значит, согласно твоей концепции... ты исходишь из предпосылок...

Лена не видела лица подружки, повернутого в сторону Жанны, но почувствовала, что с ней твориться неладное.

— Инесса, дорогая, ты увлеклась, тебя не затруднит чуть притормозить? — с легкой улыбкой попросила подружку Лена, поняв, что отсидеться в сторонке ей не удастся. — Выйди из образа. Твой цинизм — пустая бравада... от тоски. И «ярко» выразаться совершенно необязательно. Мы все завязли в собственном словоизвержении. Я была бы тебе признательно, если бы ты...

— Нет, вы только посмотрите на нее: ни дать ни взять — королева английская! Выше всяких похвал! Это очень на тебя похоже... О! Миллион извинений! Прошу прощения за предоставленные неудобства. Прими мои уверения в совершеннейшем почтении. Выбрасываю белый флаг, — с невыразимым простодушием ответила Инна, не сразу, но подчинившись ласковой просьбе подружки.

Лена почувствовала в ее шутливых словах и смущение, и неловкость за свою неспособность вовремя остановиться, и даже, в некоторой степени, затаенную грусть и стыд. Инна же уловила за внешним спокойствием Лены и в ее чуть приметной грустной улыбке одними уголками губ, что-то вроде мимолетной неприязни, и приняла ее близко к сердцу. «Ее улыбку я как штрих-код считываю», — подумала она. И еще одна «житейская» мысль тут же неожиданно мелькнула в ее усталой голове: «В течение жизни мы нарабатываем себе то лицо, которое имеем».

А Жанна никак не могла понять, почему в словах Инны она расслышала совсем другое, противоположное сказанному. «Возможно потому, что легкость и беззаботность ее тона всегда предполагает насмешку? Я бы задыхнулась от негодования, а Ленка еще и улыбается. Она на Инкину грубость обращает внимания не больше, чем на жужжание мухи? — Жанна недоуменно пожала плечами, будто не соглашаясь, но и не оспаривая самой же предположенное. — Я не права? Мне и в Лениных словах иногда слышится вежливо преувеличенный интерес, маскирующий полное безразличие. Я мнительна?»

«Слава Богу, пронесло. Выручила Лена. С ее легкой руки теперь все быстро наладится. Ей-то подруга не станет перечить, — обрадовалась неожиданной Инниной отходчивости Аня. Но быстро успокоиться у нее не получилось. — А могла бы и в зародыше пресечь нашу перепалку. Какая вышла «мирная, непринужденная светская» беседа! Кто бы мог подумать, что книги наших подруг станут ареной ожесточенных споров? Куда Инку понесло? Это же откровенно наглая издевка! Хлебом ее не корми, но дай поддеть хоть кого-нибудь. Блефует, ломает комедию, досаждаёт, дерзит. Единолично решает, кого карать, кого миловать. Она до некоторой степени человек крайностей. За что она держится в жизни, на что опирается? К чему ей эти перекосы в сторону пошлости и злобствования? Нет, все-таки ее сегодняшнее, странное поведение — результат переутомления. Что она еще может отмочить? Так и ждешь, что на любой самый простой вопрос, последует потрясающий в своей «учтивости» «достойный» ответ. А как же соблюдение неписаных правил для гостей?»

«Поизносились нервишки у девчонок. Если бы Жанна сделала вид, что не услышала Инниного наезда, ссоры не было бы. Но ведь меня защищала», — грустно отметила про себя Лена.

Странно, но после Инниных оригинальных извинений возникла неловкая пауза, куда более долгая и томительная, чем та, что последовала за ее грубой выходкой. Почему-то никто не решался возобновить прерванный разговор. Женщины делали вид, что внимательно изучают со скромной изобретательностью оформленный чрезвычайно убогий интерьер зала. А Жанна неожиданно для себя почувствовала непонятную брезгливую жалость к некогда гордой, несколько заносчивой сокурснице. Она еще не размышляла над причиной этой жалости и поэтому немного растерялась от себя же самой, и от своей реакции на столь непростую ситуацию.

А Инна достаточно быстро перестала изображать раскаяние, оставив за собой право сыграть последний аккорд в их «музыкальной пьесе».

— Слава богу, с горем пополам закончили словесную дуэль, разобрались в надуманной проблеме, прояснили, наконец-то, ситуацию, — сказала она развязно. Реакции присутствующих не последовало. Женщины разумно промолчали.

17

Вдруг Инна потемнела лицом и заговорила быстро-быстро и словно бы вовсе неконтролируемо:

— Правда всегда ангажирована государством, а надо, чтобы было так: «что у народа на уме, то у писателя на языке». И я с полной ответственностью заявляю: «Лена, не получить тебе совершенно законного первого места в серьезном конкурсе, хоть и будешь там на высоте. Ты же из тех, кто, замалчивая правду, чувствует себя преступником. Ты же стараешься придать своим словам интонацию главного вопроса без каких-либо скрытых намеков, что, как ни крути, не оптимизирует твоё творчество, но укрепляет решимость... Ты не скорбишь о том, чего лишаешься и никогда не оправдываешься. Ты лучше горько промолчишь под ударами судьбы, потому что с детства была до тошноты правильной и терпеливой.

В комсомоле отказалась работать потому, что туда брали тех, кто мог поступиться своими принципами ради общего мнения. И не было в тебе никакого тайного умысла даже на уровне подсознания. Ты шутила: «Для полного счастья мне только «высокой политики» не хватает». А я тебе насмешливо отвечала: «Неисповедимы пути Господни». И теперь не станешь предавать идеалы юности. На чужое в любом виде ты никогда не посягала, только отдавала и отдавала. Это ты, а не Рита, стоишь особняком... Только кому нужны эти твои приступы откровения? Конечно, проще высказаться до конца, а там будь что будет. Как в детстве. Это смахивает на идеализм-идиотизм.

В путанных нелогичных словах Инны звучала живая болезненная горечь. Потом она выдержала паузу, чтобы подчеркнуть важность последующего вопроса, и спросила холодным враждебно-обвиняющим тоном:

— А может не все еще потеряно и мне стоит продолжить взывать к твоему разуму? Ты

ведь и поныне остаешься для меня недосказанной, неразгаданной как теорема Ферма. Никакого подвоха мое предложение не таит. А что? Удвой усилия и вперед, и с песней в свете новых российских реалий. Подшустри, подпусти розового тумана — реализма шестидесятых, показухи семидесятых, чуть-чуть детского, искреннего оптимизма. Разве никогда не было желания подретушировать, поддубровать кое-что? Не скрывай, велик был соблазн? — с неосознаваемой беспощадностью добавила Инна. В ее словах чувствовались отголоски желания инстинктивно сделать больно. — Заманчиво? Я исчерпывающе объяснила? Согласна? Цени! А может, уже пробовала да осечка вышла? Скажешь, ты тут не при делах? Не приложила руку? Почувствовала профессиональный ужас собственной бездарности в этом новом для тебя опыте и отреклась, даже зареклась? Скорее «нет», чем «да»? Сохранила лицо? И этому немало поспособствовал твой запредельный идеализм. Или ты вовсе иначе себя позиционируешь?

Воцарилась глубокая, гробовая тишина. Холодная оторопь непонимания коснулась сердца Жанны.

«Что происходит? Вот ведь термоядерная! — ошеломленно ахнула она про себя и недоуменно поежилась. — Инна отдает себе отчет в своих словах? Она не в себе? Час от часу не легче. Разговор принимает совсем неприятный поворот. Галиматью несет. Как-то болезненно-странно срабатывает ее воображение. Я наблюдаю легкий дисбаланс физических, психических и духовных ритмов или полное их несовпадение? И это после того, как только что рассыпалась в извинениях? Вот ведь крысенок чертов. Мерзавка, зараза! (Прости, Господи.) Язык оторвать ей за это мало. Нет, лучше ноги, чтобы больше не приходила сюда. Затесалась среди нас... Умотала бы отсюда... черствая, неустрашная особа! Давно мне не приходилось с ней сталкиваться. Это ее подлинные чувства или сумбурный бред больного человека? Все-таки ад и рай находятся не вовне, а в наших душах... Нет, я, конечно, знаю, что и в злом надо искать доброе, чтобы хотя бы в чём-то и чем-то пытаться его оправдать. Допустим, тем, что обстоятельства давят, делают человека плохим... Если я пойму, почему она так поступает, то смогу хоть частично ее простить. Ну был бы... хотя бы корыстный интерес, а то ведь дурь».

Предвидя продолжение «спектакля», и, не желая становиться его катализатором, Жанна не рискнула высказываться вслух.

А Инна, сидя по-турецки, выпрямила спину, высоко подняла свои красиво выщипанные в ниточку брови и победно воззрилась на Лену. Так Ане показалось. И она вскочила раздраженная и взъерошенная. Лицо ее загорелось лихорадочным румянцем. «Ортодоксальное, парадоксальное, неэтичное...» — Задыхаясь от возмущения, Аня растеряно в уме перебирала злые слова, тщетно пытаясь отыскать единственное, подходящее для оценки «выступления» Инны. И, наконец, нашлась что сказать:

— Распирает высказаться? Массированная атака? Не без тонкости. У тебя нераскрытый или несправедливо обойденный вниманием талант. Это пример истинного служения идеалам дружбы? Правда, он не совсем укладывается в общепринятые рамки. Это и есть твоя замечательная особенность? Может, это некая твоя миссия?.. Тебя забавляет вид человека, попавшего в неловкое положение? Захватывающий процесс... Похоже, ты переполнена чувством вселенского торжества. Долго придумывала сюжет?

— Я понимаю, что это тебя расстроит, но скажу честно: это экспромт, — с победоносной самоуверенной насмешливостью ответила Инна.

— Еще «ярче» выразиться не рискнешь? — подскочила Аня, будто ее кипятком облили. — Пустомеля. Всех замордовала. Устроила тут взятие Бастилии. Конфликты — твое перманентное состояние? Совсем того... Язык не поворачивается назвать тебя, той, кто ты есть на самом деле. Не пора ли завязывать с фокусами? Допекла уж. Чай не спятила? В твоём голосе звучат нотки безрассудства. Это поведение у тебя называется балансированием на грани китча? Ты давай заканчивай с этим!

Может, ты из тех, которые наносят удары, когда человек оказывается в трудном положении? В этом твоя «изюминка»? Сколько жертв на твоём «боевом» счету? Ты даже спишь с сжатыми кулаками? Ты из породы волков? Логика твоих поступков не предполагает покаяния. Хочешь вбить клин между нами? Ты превзошла себя. Охлади свой пыл. Брызжешь ядом? Вышла на тропу войны? Наслаждаешься замешательством в «стане врагов»? Придется нам брать бразды правления в свои руки. А у нас так:

сказано-связано.

(Какой темперамент! Педагог, умеет вколачивать гвозди в мозги. Представляю, как она отчитывает своих учеников!).

— Говори да не заговаривайся, — попыталась остановить Аню Лена. Но та в запале продолжила:

— Инна, ты сейчас подлинная, приближенная к своей сути? Нарываешься на неприятности? (Аня не струхнула от собственной лихости и смелости?) Прекрасно демонстрируешь достойное сожаления отсутствие такта... или ума? Лишилась его остатков? Это наличие некоей приобретенной аномалии, психическое повреждение? Такая версия могла бы легко прижиться... Больно, трудно находиться рядом с таким как ты человеком.

Сотри наглую улыбочку с лица. Ты из себя иногда достаешь такие вещи... Рехнуться можно. Несносная. Без продыха выстреливаешь гадкие слова с нарастающей «благожелательностью» пулемета. (А ты, Аня, не разошлась дальше некуда?) Тебе ничего не стоит обозвать, оскорбить только по причине плохого настроения. Это никого не красит. Сдержанность и взвешенность не для «великих»? Моча в голову ударила? (Ого, Аня использует отрицательный, «не педагогический» набор изречений! Все ее монологи не стоят и пяти Лениных слов.) Потрудись объясниться. Тебе же это на раз. Не намерена? Решила схлестнуться не на жизнь, а на смерть? (Идиотизм не знает границ?) Какое громкое событие! Еще не весь патронташ опорожнила? Прислать тебе «черную метку»? — выкрикнула она и резко дернула себя за хохолок, будто желая им, как тормозом, остановить себя. (Как долго Ане надо было молчать, чтобы решиться на такую многословную тираду?)

— Аня! — тихо, но с жестким предупредительным нажимом сказала Лена и подумала: «Маленькие конфликты, обмены колкостями и едкими репликами, — это такая ерунда. Зачем копыя ломать?»

— Что ты там лепечешь? Про добродетель щебечешь? Наговорила, наворотила... Не следовало этого делать. Анята, ты сама себя слышишь? Остановись, сделай передышку. Рта мне не даешь открыть. О тебе пекусь. А метку я уже давно получила и не одну, потому что допустила в жизни все ошибки, которые только можно придумать, — сквозь зубы молниеносно отбила атаку Инна и как-то разом будто осела, добавив при этом:

— Ты на себя не примеряла мои беды. Они кинжалом не вонзались в твою душу, а то упала бы на пол и билась, билась бы от боли в истерике...

Никто, кроме Лены не обратил внимания на особую резкость тона Инны, на то, как она переменялась в лице, никто не вник в суть ее последней фразы. Подруги в запале не уловили перепада в ее настроении.

— Охватил неистовый азарт спорщика? Отвела душу? Не потеряла вкус к провокациям? Главное, «ввязаться в бой, а там посмотрим»? — неодобрительно спросила Жанна.

— Сохранила аппетит к жизни. Комфорт расхолаживает. Я люблю выходить из его зоны. Это бодрит и заставляет чувствовать себя живой, — дерзко ответила Инна.

— Пойми меня правильно: я расцениваю твои слова о Лене, не только как вызов, но и как твое фиаско. Ты не заботишься о выражениях... Мысли «роскошные», но растерзанные и не по адресу. Апофеоз глупости. Состарилась, но не повзрослела. Тебе важно разнообразие до безобразия или безобразия для разнообразия? — как-то «деревянно» пробурчала Жанна и отвернулась к стене.

По причине полусонного состояния она не всё поняла из неадекватного «воззвания» Инны, но ей было нестерпимо неловко за вульгарный тон ее монолога. Не то чтобы она очень любила Лену, просто представила себя на ее месте. Да и Анины неконтролируемые, бестолковые эмоции с огромным стандартным набором «неправильных», воспитательных фраз барабанным боем отдавалась в ее затылке. Оттого и поскущела она сердцем и лицом, и принялась с насупленным видом рассматривать стену с отошедшими в местах стыков линиями обоями.

«Сцепились... словами. А началось все достаточно безобидно. Кому нужна эта словесная карусель? Хотя... молодцы девчонки, безразличны к литературе, активно ее обсуждали. Только время выбрали неудачное. И меня никто и никогда так яростно не защищал! Какие же мы теперь все стали нервные! Я тоже, когда очень устану, могу раскалиться и рявкнуть. В такие минуты меня лучше не трогать. И сама я в подобном состоянии стараюсь ни с кем не общаться, чтобы не провоцировать раздражение. Когда я взвинчена и раздрана, мне необходимо уйти на природу, хотя бы в уединенное местечко парка, или как минимум погрузить себя в нежную тихую музыку.

Зачем девчонки продолжают трогать взрывоопасную Инну? Не понимают, что за ее грубостью стоит боль и одиночество, а за развязностью — стремление их скрыть. Подкосила, измотала ее болезнь. Не хватает еще, чтобы эта вспышка составила главный интерес разговора девчонок, и они начали, перебивая друг друга, выяснять отношения. Не хочу, чтобы в их головах закрепилось об Инне только отрицательное мнение. Надеюсь, им скоро надоест с ней бодаться, — сама себя обнадежила Лена. — Подруг раздражает даже их временное вынужденное соседство, потому что жутко устали».

— По моему внутреннему восприятию нарисованный вами портрет — не я. К сожалению, результат не тот, которого я добивалась. Я вас на пушку взяла, а вы уши развесили. Разве я в чем-то вышла за рамки? Видно для вас мои слова слишком изысканные. Потому и не сталкиваемся. Стреляете холостыми патронами, да и те ложатся врассыпную, далеко от мишени, — вдогонку Ане и Жанне нагло отреагировала Инна. Она картинно облокотилась о стену и нехорошо ухмыльнулась, собираясь сказать что-то, что наверняка причинило бы им боль, но заметила настороженный взгляд Лены.

«Зачем провоцируешь? Итак ведь находишься со всеми в состоянии необъявленной войны», — одними глазами недоумевала подруга.

— Напал приступ дурного веселья? С тобой не соскучишься. А теперь на кого нацелишься, на ком отыграешься? Я не принимаю твой бред на свой счет. Ты мне не указ, — рикошетом отразила нападение Жанна, даже не обернувшись.

«Завидное качество — ничего не принимать близко к сердцу. Мне бы так. А Инна соскальзывает в бездну абсурдного мышления. Это не прибавляет ей привлекательности. В опалу рвется? Надоели ее «постановочные ходы» и экспромты. Они — не новость. И прошлый год их предьявляла. Про нее ходит шутка: «Если в компании есть певица, она обязательно запоет, а если появится Инна — жди скандала». По мне так лучше бы она покинула наше пристанище. Я бы сто раз перекрестилась.

Что является причиной ее непредсказуемого всплеска отрицательных эмоций? Что-то в ней не так, но распознать я пока не могу. И взгляд у нее сегодня какой-то тусклый, безразличный, неподвижный, будто застывший. Заболела? (Аня не догадывалась, насколько она близка к истине.) Совсем чокнулась. Едва ли не впервые — на моей памяти — дала маху, на лучшую подругу накинулась. Дружили-раздружили? «Переусердствовала», не контролирует себя. А ведь на самом деле она так не думает. И обидеть не хотела. Возможно, жалеет о своей вспышке. Но это ее не оправдывает, потому что она не раскаивается. Не осознавала сказанного или внутренний голос, хотя и требовал остановиться и образумиться, но не сдержал ее бурных эмоций? Это точно болезнь. Нервы.

Бывает, что человек воспринимает свою болезнь, как привычку, как матрицу устойчивого патологического состояния, и ему, чтобы выйти из нее, требуется какая-то дестабилизация, что-то радикальное, поперек всего...

Надо же, Лену тронула. Она же для нее — особая статья. Тоже мне наперсница! Разве она способна на самопожертвование, которое требуется для истинной дружбы? А у Лены адское терпение и поразительная снисходительность. Ну, Инка, дает! Я, как говорят девчонки, «особа известная своей обидчивостью», давно бы с ней развязалась. Если бы получилось. Я ее поведение квалифицирую как серьезное отклонение в психике и всё больше укрепляюсь в своем мнении... Тактичная Лена могла бы повернуть разговор так, чтобы все осталось довольны. Но она почему-то молчит. И меня прорвало истерикой. Чем я лучше Инны? Накинулись мы с Жанной на нее как воронье на падаль... Нам, наверное, тоже надо было промолчать? Странная Инна: то раздражает, то притягивает...

Как Инна «докатилась до жизни такой», что ее сегодня «стронуло»? И почему, несмотря

на непростой характер подруги, Лена души в ней не чаёт? У них даже жесты похожи. Говорят, их дружбе хорошо за сорок. Лучшие друзья, как известно, из детства и юности. Что Инна привносит в их содружество? Кто из них кому больше нужен? Неужели Лена ценит себя ниже? Жалеет Инну, ее одиночество и не сложившуюся женскую судьбу?» — замелькали вопросы в голове Ани. Она, задумчиво и непроизвольно теребя волосы на макушке, возможно, шестым чувством, постепенно доходила до истины. Ей уже было жаль Инну и неловко за свои резкие слова. «Может, чтобы облегчить ей диалог, мне самой стоит немного отступить и извиниться?» И решив, что лучше сказать, чем промолчать, она со вздохом огорченно прошептала:

— Инка, заколебала! Я зареклась связываться с тобой и вот опять... Короче говоря... Прости за резкость.

— Не в том и не там ты себя задействовала, — шутовски улыбаясь, ответила Инна.

Не слова, а именно эта странная улыбка Инны опять вывела Аню из равновесия.

— Это всё что ты вынесла из понимания меня? Ворчишь для виду, от усталости и внутренней неустроенности? Мои слова не цепляют? Может, не принимая перемирия, готовишься к дальнейшему нападению? Усилишь натиск? Тебе для собственной разрядки нужна бесконечная изматывающая гонка? Не хватит ли? — сама того не желая снова разозлилась и разразилась потоком нервующих Инну вопросов Аня.

Но интуиция привычно и осторожно напомнила ей о необходимости остановиться. И она замолчала.

Обида и потерянности, прозвучавшие в голосе Ани, почему-то на этот раз отрезвили Инну и подсказали, что сейчас не время для ответного удара.

— Аня, Инна, помолчите, примите пост воздержания, — строго приказала им прекратить неуместные выпады Жанна и повелительно сдвинула брови. — Душа очищается в молчании.

— А постриг принять не посоветуешь? — вздернулась Инна. — Для полного счастья мне только твоего мнения не хватает.

— Смиловшись, — тихо и мирно попросила Аня.

— Инка, ты все уши мне «оттоптала» и мозги иссушила своими абсурдными высказываниями. У тебя всегда была склонность к театральным эффектам, — недовольно заявила Жанна уже из-под подушки и неприязненно подумала: «Привыкла к подобным разминкам? И этот день, безусловно, не мог стать исключением?»

«Опять мы растревожили Инну. Она нервничает потому, что мечтала видеть рядом с собой только Лену, чтобы посеCRETничать, но случай нас ей подсунил. Инну злит, что всё вышло не по ее. И мы с Жанной хотели того же. К тому же мы, наверное, интересны Лене, и это тоже Инну раздражает. Она ревнует подругу к нам», — поняла Аня.

— Да, моя «душа в заветной лире»! — с вызовом, издевательски пропела Инна.

— Инна, не кощунствуй, — возмутилась Аня, понимая, что назло им та будет настаивать на любой глупости. И все же сделала строгий учительский жест — направила на Инну указательный палец, будто притормаживая поспешность ее реакции. И сделала это скорее по привычке, чем в назидание.

— Уже ночь, а ты без метлы, — влет за все сказанное и не сказанное отомстила Инне Жанна.

«Нервишки у девчат послабее моих. Заснуть им трудно, будоражатся ежеминутно. А Инне-то как тяжело! Сдаёт, годы изматывающей болезни берут свое. Я, конечно, не приветствую шпильки и взрывы эмоций, но трогать ее в такие минуты не стоит. По опыту знаю. Были бы девчонки в курсе Инниных проблем со здоровьем, наверное, снизили бы. Так ведь не разрешает рассказывать, намеками обходится.

Да... была молода, здорова, умела радостно, искромотно вышучивать любую ситуацию.

И теперь под настроение с нею еще случаются «приступы» непревзойденной веселости. Эх, ей бы завтра на встрече с сокурсниками появиться со свежими силами — вот был бы фейерверк юмора! А то растрачено сегодня на ерунду и что тогда от нее ждать? Хандры? Хотя бы завтра был яркий день. Солнце способствует бодрости и хорошему настроению», — молча переживала за подругу Лена.

— Вдвоем на одну? Протестую. Это выше моих сил. Я погибну под натиском превосходящих сил противника! Смотрите, люди добрые, Аня окончательно раскрепостилась. Ты повергла нас в изумление.

— Говори только за себя, — безликим глухим, каким-то деревянным голосом отозвалась из-под подушки Жанна.

— Анюта, да ты далеко не безнадежна. Я-то, грешным делом, полагала, что твой интеллектуальный багаж оставляет желать лучшего, и даже свыклась с этой печальной мыслью, а ты, оказывается, раньше просто в молчанку играла.

— Давай, продолжай свои обличения! Стой на своем. Только обойдусь я без твоей «трогательной» заботы, не стану с тобой замиряться, — капризно, совсем как ребенок, отгрызнулась Аня, вызвав улыбки присутствующих.

— Думаешь, спор — не мудрый шаг с моей стороны? Ой, погибаю от стыда! — нервно рассмеялась Инна.

— Таков твой встречный дипломатичный шаг? Думаешь, твои выступления — рафинированное театральное действие? Этот спор, в данном случае, — обыкновенное излияние желчи, самая что ни на есть примитивная потребность выплеснуть злость, — вяло отреагировала Жанна. Она устала пререкаться.

— И то какая-то польза, а то ведь тоска — хоть вешайся. Зачем воздвигать себе препятствия, если требуется расслабиться? — Инна вернула на лицо «дружелюбную» улыбку и подумала раздраженно: «Я к вам в гости не набивалась, не напрашивалась. С Леной приехала встретиться».

Похоже, слова Жанны несколько ее не тронули.

«Так-таки не признала своей вины», — усмехнулась Лена и шепнула на ухо подруге:

— Не пережимай. Ослабь хватку. Зарой топор войны. Это не причинит вреда твоему самолюбию. Куда проще мысленно обнять всех спокойным взглядом и улыбнуться. Когда улыбаешься, не так страшно».

«Голос Лены на этот раз прозвучал резковато или мне это только показалось? Что до моей мнительности... Есть таковая. Последнее время она разрослась непомерно. Не осилить мне ее», — в мыслях не пощадила себя Инна.

«Наверное, предполагая со стороны Жанны неожиданный подвох, Инна не продолжила наскоки. Решила «сработать под наивную», «сыграть в дурочку». Ну, это куда ни шло. А насчет расслабления... Она всерьез так не думает, просто из вредности пустыми словами бросается», — оценила Лена наступление подруги и тихо попросила:

— Ляг, не мельтеши перед глазами.

«Оскоромилась, как говорит Жанна, прикоснувшись к этой... гидре. Откуда в Инне такая махровая черствость? Свалилась на мою голову. — Аня нырнула под одеяло. И уже там осудила себя горько и бесповоротно: «А я-то хороша! Уступила натиску отрицательных эмоций. Связалась с ней. Прилюдно позволила себе истерику. Где моя деликатность?» И в тот момент она, хоть на миг, но пожалела, что осталась ночевать в обществе Инны, хотя это получилось чисто случайно.

«Совсем как малые дети! Чем серьезнее споры, тем смешнее на них смотреть», — подумала Лена.

Аня завозилась на матрасе, сердито бурча себе под нос: «Куда таблетки сунула? За дурную головую...»

А Лене вдруг припомнился случай.

«Я досрочно сдала сессию и без предупреждения приехала к Инне, чтобы помочь ей с курсовым проектом. Шла пешком по широкому шумному проспекту, радовалась встрече с дорогим городом, с приветливыми людьми. И вдруг, буквально в двух шагах от себя, увидела Инну, стоящую ко мне спиной. Я чуть не наткнулась на нее. Инна насмеялась над молоденьким щупленьким, деревенским парнишкой, вернее, над его белым пуловером домашней ручной некачественной вязки, с явно женским рисунком: не то в цветочках, не то в паучках. Молодой человек обидчиво, но гордо сообщил, что это подарок любимой девушки. Но в его лице уже появилась некоторая растерянность. Он смущенно оглядывался на проходящих мимо людей, он злился. В глазах стояли готовые в любую минуту брызнуть... мужественные слезы оскорбленного до глубины души совсем зеленого, неопытного влюбленного.

Я представила себе его невесту: такую же дробненькую: маленькую, худенькую, голубоглазую; честную, искреннюю, простоватую, и уже готова была броситься на защиту паренька. Но этого не потребовалось. Инна вдруг резко выпрямилась и громко произнесла: «Молодчина! Таким и оставайся. Никогда не слушай сплетников, пошляков и охальников. Я завидую твоей девушке». И пошла, не оборачиваясь. Лицо юного влюбленного сияло.

И я не торопилась догонять подругу».

18

Лена решила, что разговор на тему писательства больше не возобновится, но он снова вырвался на проторенную дорожку. Сквозь дрему она услышала наставительное замечание:

— ...Писатель, как и ученый должен быть ответственен за то, что творит. Бернард Шоу говорил: «Жизнь есть жертва во имя идеалов»... Помнишь поэта Межирова? Так и он...

— ...Устыдилась самой постановки вопроса?

— Может, и Иисуса признаем коммунистом? А что: давай, была ни была!

— Инна, ты забываешься! Иисус — не предмет для спора и насмешек. Ради всего святого, прекрати! — взмолилась Жанна. — Никто так и не отучил тебя от неприятной привычки давить на людей. Не сгораешь от стыда за себя в приличной компании?

— А ты, похоже, на религию как на наркотик подседа. Я же от нее психологически отшатнулась еще в детстве. Видела слабость церкви. И теперь ей до меня не достучаться. Между прочим, с писателями люди часто разговаривают как со священниками. Не происходит ли здесь утраты полноценного звучания религиозного слова, не лишается ли оно из-за этого непосредственной связи с Небом?

— Дразнишь? Полнота звучания? Не мне судить, но и не тебе.

— ...Меня больше волнует «укрощение» языка, рвущегося в пошлость. Есть категория людей, которые, не стыдясь серости своей жизни, бравировуют грубостью и бестактностью.

— И тем самым портят гениальность нашей национальной природы? Или породы? А может, загладим свою вину тем, что сейчас же займемся переустройством мира?

— Инна, твоя философия не подводит тебя? Жанне трудно тебе отвечать. Ты ставишь ее в положение, какому не позавидовал бы сам царь Соломон. — Лена шуткой попыталась урезонить подругу. Кроткая лучистая улыбка на миг осветила ее усталое бледное лицо.

— Ты о том, что один дурак может задать столько вопросов, что и сто умных не ответит? — рассмеялась Инна.

Подруга не ответила.

«Лена остается невозмутимой в самых неловких ситуациях из любви к подруге или по причине воспитанности? Я в основном вижу только ее понукающие и останавливающие Инну жесты. Если говорить начистоту, у меня так и чешется язык напомнить ей, что у ее подруги нет ничего с ней общего. Многие меня удивляет в отношении этой странной пары. Кем они приходятся друг другу? Почему Инна, признавая превосходство Лены над собой, не теряет такой, с моей точки зрения, порочной «индивидуальности», как мания диктаторства? Поразительный, непостижимый микрокосмос их дружбы! И еще: почему Лена безнаказанно позволяет Инне подшучивать над собой и даже огорчать? Собственно... так часто ведут себя родные сестры, а Инну воспитывал «женский батальон». Я бы не позволила себе острить в адрес своей лучшей подруги и тем более поносить ее.

За что Лена обожает Инну? Между ними существует сильнейшее притяжение, природу которого они и сами объяснить не могут? Понимаю, их с детства связывает глубокое чувство душевной близости. Но ведь оно тоже на чем-то должно базироваться! — недоумевает Аня. — Может, я никогда по-настоящему не умела дружить, потому и одинока?»

— Лена, удели мне минуту твоего драгоценного времени. Я же для тебя, из добрых побуждений дискутирую. «Не отталкивай руки тебе протянутой». Так, кажется, говорится в Писании Божьем? Не так уж часто по жизни нам предлагается помощь... И вообще, с какого перепугу я должна замолчать? Ты считаешь, что говорить тебе с самой собой такой умной полезней, а главное, интересней? Не лучше ли нам всем «слиться в творческом экстазе»? — Инна снова завелась. — Одна ты принимаешь более взвешенные решения? Не играешь перед собой. Если испугалась, значит испугалась. Не надо делать мужественное лицо. Если разозлилась — выпучила глаза. Да?

При упоминании имя Бога Жанна поежилась и неприязненно подумала:

«Опять ерунду порет. Совсем с катушек съехала. Ее ироничность и категоричность граничат с хамством. На грубости не экономит. Если даже принять во внимание ее слишком богатое воображение... это же клиника. Демонстрирует подруге свое презрение? Все эти ее притянутые за уши утверждения... Не завидую я Ленке. Общается с такой... шалопутной? Неладно у Инны с головой. И рот как выгребная яма. Точно нечистый ее за язык дергает. Ей ничего не стоит переступить черту дозволенную приличным воспитанием. Мне тяжело долго с ней рядом находиться. Она как черная туча обволакивает. Может, поэтому от нее мужья сбегали? Глаза бы мои на нее не смотрели! Память у нее отличная только на то, что ей интересно. Ни сна, ни отдыха не знает... в гадких словах. И жало у нее многоцветное, как у осы. Поучилась бы у Лены. Та даже «на БАМ» посылает интеллигентно».

И тут же попеняла себе: «А я-то сама... Не суди да не судима будешь. Но, к сожалению, все равно судима буду. Если бы все мы могли исполнять Божьи заповеди, а то ведь грешим в каждом слове, не замечая, не вникая, не страшась».

— Ну так как, признаем Христа коммунистом? Навешали на него всякого благочестия, а он, прежде всего, — вызов, бунт. Жанна, ты не согласна? Задумайся над тем, что собой представляет эта личность, каковы ее цели и задачи? Оказывается, дело тут не в идеологии и даже не в религии, а в идеалах. Лукавить можно в бытовых вещах, но не в главном. Усвоила? Без этого никому не сохранить свое собственное, незаёмное звучание. Прекращаю агитировать. Почему ты встретила мое высказывание без помпы? Я не права? Щадишь? Посыпаешь голову пеплом? — опять насмешливо принялась за свое Инна. — Я кого-то чем-то разгневала? Но я не могу всецело полагаться на чужое мнение. Не покривлю душой, если скажу, что у меня всегда на всё есть свое собственное. И чаще всего оно отлично от официального, и тем более от религиозного.

«Умудряется вести беседу по всем направлениям. Всех пытается вовлечь в свой котел. Заходит то с одной, то с другой стороны», — поняла Аня.

«Направляет разговор туда, куда ей хочется», — сердится Жанна и бурчит сквозь зубы:

— Инна, не блажи. Снова начинаешь из-за ерунды воевать? На кой ляд тебе это?

— И к тебе я в немилость попала? — спросила та, будто гордясь этим.

«Любое слово в устах Инки приобретает совсем другой смысл. Ее поведение не укладывается ни в какие разумные рамки. Не могу взять в толк: она умышленно выставляет напоказ свои причуды? Мол, у меня свой нравственный империал. Такая особа и из своего поражения может извлечь выгоду, выставив его в нужном себе свете. Пошутит и считает объяснение исчерпывающим, а инцидент закрытым. Мол, как красиво «пою», как иронично и колко подстрекаю! Воображает, что этим делает свою жизнь ярче, ошутимее, а на самом деле она у нее — жалкая юдоль.

Ее аргументы иногда не лишены оснований. Она в принципе широко талантлива, только ни одну из граней своих способностей так и не отшлифовала. Могла бы совершить мощный прыжок-рывок, пытаясь нетривиально оправдать свое существование на земле, но почему-то не сделала. А ведь хотела. Творческий человек может быть счастлив, если нашел себя, а у нее сплошь трамплины... и скольжение всё больше вниз. Сидела у ног своих мужей, караулила их, счастье в них искала. Неумное воображение! И на что обрекла себя? Ей бы Ленино упорство и целенаправленность. Надсадно как-то даже думать о ней. Хотя и жаль ее.

Вообще-то она не соответствует моим представлениям о верной подруге. В силу своего наглого характера она как-то по-хозяйски, слишком по-свойски с ней ведет, как с младшей сестрой или с кем-то, более низким по статусу. С какой-то царственной небрежностью. Хотя... конечно, разум у всех нас в разной степени подчинен восприятию чувств, — опять принялась копаться Аня в своих ощущениях, автоматически, но нервно приглаживая встопорщенный на макушке хохолок. — А вдруг Инна всех ненавидит, всем завидует? Даже мне. Иногда один человек ненавидит другого, не потому, что тот плох, чаще, если он сам пуст и гадок. Не поручусь... Инна не тривиальная. Интересная, но странная мысль посетила меня. Стоит удостовериться, что я не ошибаюсь. Да так, чтобы не попасть впросак, чтобы даже комар носа не подточил. Вероятно, мне следует понаблюдать, оценить. Иначе эта грешная мысль гроша ломаного не стоит. Я же не хочу позволять себе пользоваться нечистыми помыслами, быть начиненной глупостями и получать насмешки. Может, эксцентричность у нее не от избытка ума и энергии, а от застенчивости? Но ведь бунт в крови, огонь в глазах...» — в который раз примерила на себя Аня Иннино поведение.

А Лена улыбнулась, внешне несколько не огорчившись и не обидевшись на нападки Инны. Нет, ей, конечно, было несколько неловко перед сокурсницами за поведение подруги, но она привыкла не реагировать, понимая его безвредность. «Схватились не на жизнь, а на смерть. Быстро не разведешь. Им выдержки не хватает прекратить или хотя бы отложить взаимные претензии?».

— Да ладно тебе. Все в ажуре, — спокойно сказала она, гася запал Инны, и внутри себя сочувствуя подруге: «Вызывающее поведение — броня для твоей слабой нежной души. Я не хочу, чтобы наши дружеские отношения омрачались трудностями, связанными с непониманием твоего характера девчонками».

— Мне до тебя, до твоей смелости, далеко, — шутливо добавила она и увела разговор на ниву собственного творчества.

— Ты спрашивала, как я сочиняю? Так вот, когда пишу, я слушаю музыку своей души и записываю слова рожденные сердцем. Мои книги для школьников читаются легко, но, тем не менее, они предназначены для медленного чтения, а те, что для взрослых, тем более.

— Понимаю, пища для души дает богатую информацию к размышлениям. Но если она для взрослых, то ангажирована...

И Инну опять понесло.

— Ангажирована, не ангажирована! Не надо политики. Не до того сейчас, — перебив Инну, слабым усталым голосом взмолилась Жанна. А про себя подумала: «Почему бы

Инке не предпочесть гостиницу, где ей, собственно, и место? Устроилась бы там с комфортом и не действовала всем на нервы. Деньги наверняка есть, на себя только тратит. Она будто нарочно навязала нам себя, чтобы развлечься. И почему Лена всегда берет ее сторону? Неужели не чувствует всю глубину пропасти, лежащей между ними? Они же находятся на разных жизненных позициях. Почему не хочет платить ей той же монетой? Держу пари, что превосходно сумела бы учтиво избавиться от обузы. А я не вижу способа отвергнуть общество Инны, не рискуя этим оскорбить ее подругу. Может, Лена зареклась не связываться и таким образом нейтрализует вспышки подруги, чтобы та не ожесточалась и не ярилась? Надо взять на вооружение».

К обычному в таких случаях недовольству примешивалось чувство, в котором Жанне не хотелось признаваться даже самой себе.

«Разговоры крутятся вокруг моих и Ритиных книг, но какие-то они бестолковые, путанные, непоследовательные, перескакивающие с одного на другое, уходящие в вольные рассуждения. Предложить им другую тему? Допустим, о детях. А если подхватят и раскрутят? Судя по настрою, наверное, заговорят о больных или погибших. О Людином, Верочкином и Катинном неподъемном горе... несопоставимо большем любого другого. Не стоит. А вдруг о воспитании заговорят? Тогда это до утра. Ой, не надо. Писательская тема, похоже, уже мало-помалу затухает», — успокоила себя Лена, прислушиваясь к сумбурным высказываниям подруги.

*

Молчание становилось гнетущим. Первой не выдержала Аня.

— Я в интернете много чего хорошего «откапываю». Сейчас, например, увлеклась биографиями прославленных артистов и писателей. Недавно вычитала интересное изречение: «Талант — это безумие, посаженное в клетку разума».

— Это определение больше к гениальности подходит. А ты там не вычитала, что талант — не заслуга его обладателя, и что человек обязан развивать и отдавать свои способности тому, чему предназначен — служению? — спросила Инна.

— Кто бы сомневался, — кивнула Аня. — Мне кажется, знание биографий писателей — отдельный провокационный способ привлечения к чтению подростков.

— Пожалуй. Согласись, теперь писательская слава — это что-то вовсе непонятное. Например, некоторые нашумевшие книги ничего не стоят. — Жанна по-своему отреагировала на слова Ани. — На щите славы часто несут в пропасть. И надо уметь вовремя соскочить.

«По всему выходит, что еще не хотят девчонки спать. Это в детстве, где упал, там и заснул», — вздохнула Лена.

— Слава — то еще счастье! Мне бы хватило признания. — В голосе Ани слышались трагические нотки. И в этом она была вся: воспринимать чужую беду и чужие проблемы как свои собственные.

— А на какие шиши жила бы? Кто бы аннулировал твои накапливающиеся долги по квартплате? Ты — неисправимый оптимист? Не похоже. На одних высоких материях окочуриться можно, — рассмеялась Инна.

— Поражаешь предусмотрительностью. Деньги — плевое дело. Человеку для скромной жизни, в принципе, не так уж и много надо. Мне голод не грозит, я хлеб свой насущный уроками зарабатываю и пенсию хоть с задержками, но получаю.

Меня усредненная нормальность всегда раздражала. Рамки давили. Я мечтала о просторе, хотелось выскочить из накатанной колеи и мобилизоваться так, чтобы полностью отдавать свои силы и знания. Но мешали. Да и теперь...

«О чем она? В работе с детдомовцами не давали развернуться или были и другие запросы? Тихоня больно много о себе воображает? Кто бы мог подумать?» — удивилась Жанна.

— Хотелось явить чудо? Отрадно! — скорчилась в припадке смеха Инна. — Но видно

лафа восторженности недолго длилась? Сочла любовь к детишкам рукой судьбы, знаменем свыше и перестала мечтать? Какая область науки из-за этого понесла значительный урон? Полупроводники, лазерная техника или вузовская педагогика? Может, ты намекаешь на что-то нам неизвестное? Жизнь — штука препаскудная, кому угодно может мозги набок свернуть. Не переживай. Времена чудес и фантазий давно минули. Оглянись вокруг: теперь жизнь интересней и богаче любой фантастики.

Аня обидчиво отвернулась. Откровенного разговора о проблемах в детдомах не получилось. Инна не воспринимала ее всерьез и могла только высмеять.

*

— По моему мнению фэнтези — это разукрашенный мир, приманка для читателей. Она не открывает человеческие души. Ею увлекаются люди, желающие уйти от реальности. Особенно не люблю историческую фантастику. Не уважаю этих авторов. Я бы взашей гнала их из Союза писателей.

«Как неожиданно развернула разговор!» — усмехнулась Лена и возразила:

— А если она на основе архивных документов?

Лена понимала всю неискренность слов Инны, потому что знала вкусы подруги и ее широкие литературные предпочтения. «В ее рассуждениях всё как-то нарочито, неестественно. Опять ее нездоровье вызывает на спор», — поняла она.

— Инна, ты виртуозно перескочила с физики на лирику. Таково твое искреннее мнение о фантастике? Я не ослышалась? Мне не привиделось, не брежу ли я? Ты как всегда в своем репертуаре, — сказала Аня.

— Мама учила в любой момент быть во всеоружии.

— Я не растрогалась и не умилилась. Ради разнообразия переключись на что-либо другое, а заодно и форму общения поменяй. Полезно, — покровительственным тоном посоветовала Жанна.

«Топчутся на месте. По второму кругу пошли, — безнадежно вздохнула Лена. И вдруг подумала с грустью: «А ведь мне, когда вернусь домой, будет не хватать этой их тяготины и занудливости. Пройдет не так уж много времени, и я стану вспоминать нашу встречу с превеликим удовольствием, с радостью и печалью или с веселым сожалением. В зависимости от настроения. Ведь сегодняшний день никогда не вернется, его невозможно будет повторить».

Жанна, оглядевшись и убедившись, что ожидать ей помощи не от кого, продолжила:

— Фантастика ей не нужна! Очень может быть, что это имеет место для некоторых взрослых. Тут я затрудняюсь делать выводы. Но для детей — это возможность выйти в космос, в параллельный мир, расширить пространство своей души. Фантастика уносит за горизонт обыденности, ведет за собой и только вперед. Она освещает мир и развивает изобретательские способности. Читает ребенок книгу и вдруг у него озарение! Это автор подвел его к маленькому, но такому важному для него открытию! Отложилось в голове?

Лена поняла, что Жанна всерьез восприняла слова Инны и предположила ответный удар.

«Я несуча ахинею? Она не понимает бестактности своих слов? По ее выходит, что я глупая?!» — разозлилась Инна и ответила Жанне презрительно:

— Не твоя забота меня просвещать и успокаивать. Я ни в адвокатах, ни в защитниках, ни тем более в учителях не нуждаюсь.

— Это мы точно переживем, — очень тихо сказала Аня и незаметно подмигнула Жанне.

— Извини, не согласовала с тобой, — надменно отреагировала Инна.

«С чего это вдруг Лена так мягка и предупредительна с Инной? Почему ей потворствует? Чем та ее привлекает? Ну и подругу себе подыскала! Ей же отбить

Инку ничего не стоит. Почему тогда не принимает огонь на себя? А может, она со всеми так деликатна? В конце концов, это не мое дело», — в который раз недовольно передернула плечами Жанна и предложила:

— Сменим тему? Она не заслуживает нашего внимания.

— Валяй.

— Инна, ты опять уперлась и не хочешь ничего слышать? — не поняла Аня. Очевидно задумавшись или отвлекшись, она пропустила ее ответ на пожелание Жанны.

«Совсем как игра в испорченный телефон», — недовольно пробурчала Жанна. Ее всё раздражало.

— А как же мое гениальное врожденное чувство такта, бесконечная доброта и незапятнанное имя? Мне их необходимо проявлять. — В глазах Инны вспыхнул огонек противного удовольствия. — Анечка, я заявляю со всей прямоотой, на которую только способна, что меня охватило бы огромное чувство признательности за твои слова одобрения моего мнения.

«Из мелкого тщеславия донимает меня? Снова срамить и позорить возьмется? Ушла бы я отсюда, так бы и растворилась во тьме! Жаль, что ночью поблизости приткнуться больше негде», — сердито подумала Аня, пытаясь вникнуть в слова Инны.

«Не понять Иннины шутки прямолинейной Ане, — подумала Лена и неожиданно поймала себя на мысли, что с трудом выносит удовольствие, которое испытывает ее подруга, дразня Аню. И она, прячась за спиной подруги, многозначительно приложила палец к губам. Поэтому ответом Инне было молчание женщин, пытающихся разгадать причину Лениного жеста.

«Инке показалось мало того, что она уже наговорила? А вдруг нам опять заварушки не миновать? Паясничает? Ушибленная на голову. И ведь довольна собой, не терзают ее сомнения. Но как обставляет свой «выход», как умеет произвести впечатление, очаровать! Считает, что я сама по глупости напрашиваюсь на ее колкости? Не человек, а стихийное бедствие. Самоуверенная, надменная, наглая. Преподнесла мне очередной наглядный урок своего нестандартного общения? Она чувствует свою исключительность? Все это показной шик. По типу того, как в студенческие годы Серафима читала нам стихи неизвестных поэтов, которых сама возводила в ранг великих, а потом во всеуслышание презрительно удивлялась тому, что мы их не знаем. Мол, какие вы все серые. Беспроегранный прием.

Нет, Инка конечно отсутствием ума не страдает, но намного ли она отличается от меня? Она в одном преуспела, я в другом. Что дает ей право говорить со мной с пренебрежением? Я скромно пытаюсь убедить себя в том, что поступаю правильно, а она так все больше с сахарной улыбочкой... То резкая, то провокационная, а то так и сыпет шуточками, но ведь не всегда умными. И я была бы полной идиоткой, если бы во всем ей доверяла. Не поддамся! Не сочту ее поведение сколько-нибудь важным для себя. Ох, насилие в руки себя взяла.

Почему я психую? С какой стати я должна обижаться на Инну? Может, совесть упрямо приказывает ей остановиться, и она уже сама жалеет о содеянном? Знать бы наверняка, тогда это быстро загасило бы мое раздражение. В последнее время в лице Инны появилось что-то трагическое. Оно, конечно, и мне «не до победных реляций», — печально закончила Аня свои расхристанные рассуждения недавно услышанной и понравившейся фразой. Ей казалось, что она очень характеризует ее неуверенность в общении со взрослой аудиторией.

Но грустные мысли не оставили Аню: «Не умею я скрещивать копыя. Киры мне сейчас не хватает. В наших с Инной спорах она всегда служит чем-то вроде буфера или демпфера. Без нее мне Инну не остановить, не переплюнуть. А стоит ли плевать? Во всяком случае, я первой не стану начинать. И все же «раззадорились» мы все сегодня сверх всякой меры. Не кончилось бы скандалом».

«Между ними завязался «милый», ни к чему не обязывающий разговор, и при этом обе стороны сохраняют весьма приятное выражение лиц. Инна без раскаяния признает

за собой авторство любой безрассудной фразы, и на всякий пожарный случай под рукой держит их предостаточно. И Аня в своем стремлении сделать «как лучше» перебирает всякую меру. Окажись такая возможность, и Жанна не преминет без колебаний воспользоваться таким же методом, если даже для этого представится не самый подходящий момент. Где же снисходительность к слабостям друг друга? А я вменяю себе в обязанность холодного критика, но никак не громоотвода. Считаю своим долгом изучать, анализировать. По ходу размышлений мне приходят на первый взгляд разумные мысли, а на самом деле — нелепицы, — и в свой адрес проехала Лена. — Свихнуться можно от такого винегрета информации и чувств, да еще на сон грядущий. Похоже, он-то у меня сегодня накрылся. Совсем зациклились девчонки. (Лена для разрядки, для снятия усталости и раздражения иногда позволяет себе мысленно употреблять смачные словечки из лексикона подруги.) перевозбудились, не желая того, добивают меня. То та, то эта. Меня изводит головная боль, предательски стреляет позвоночник и нестерпимо ноют колени. А... все едино!»

Лена с трудом разлепила глаза, узкими щелчками проступавшие из припухших век, и посмотрела на подруг. Пространство вокруг, будто не имея границ, заколыхалось густой аморфной массой. И движения Лены сделались более вязкими. Она с трудом поменяла позу, расслабилась... и будто исчезла для себя самой.

— Устали мы, пора по углам, — отважилась заметить Аня только для того, чтобы избежать неловкого молчания.

«Перескакиваем с предмета на предмет, потом возвращаемся к ранее упомянутому или уже обсужденному. То одна тема влечет нас за собой, то другая. И все они разветвляются, растекаются. Я путаюсь в беспорядочном разговоре. Он давно бы заглох, но Инна всех баламутит. И спор снова вспыхивает. Ни компромисса, ни капитуляции не признает. Недостаточно строго себя судит. Голова от всего этого кругом идет. Да и Аня чересчур активна», — недовольно забухтела про себя Жанна, задремывая и временами всхрапывая под тихие и нежные всплески Аниных рулад, перемежающихся с неразборчивым уже не осознаваемым бурчанием.

*

Лена приоткрыла глаза и невольно вслушалась в то, о чем шепчутся Аня с Жанной. «Проснулись, не засыпали?» — не поняла она.

— ...Да нет же, прогремел во всем мире. Заставляет смеяться над тем, над чем смеяться не принято: над болью, над жестокостью. Как можно над этим шутить? Мистическое смещение реальности? Парадоксальная психология?

— Он гениален в смысле перевертышей. Это когда добрые намерения как бы переворачиваются и превращаются в ужасные. И тотчас видно как меняется человек под влиянием обстоятельств. На контрасте суть яснее. Очень жизненно и раскованно пишет, не заблуждаясь относительно человеческой природы. Явно не идеалист.

— Собственно, ничего удивительного, многие гадкие дела творятся под ложной маркой добра. Только ведь смеяться над этим как-то не хочется. Жалко несчастных, страдающих от этих завуалированных лозунгов лжецов.

— В том и состоит талант писателя, что он заставляет гомерически смеяться по совершенно неожиданному поводу.

— Ну, не знаю. В цирке тоже многие смеются над тем, как падают клоуны. А я не могу, мне их жалко, хотя знаю, что там всё в шутку. А в произведении всерьез... Вот и пусть смеются те, кому смешно, а мне этого жестокого смеха не надо.

— Я не навязываю тебе своего мнения.

— Нет, ты мне что-то чуждое пытаешься внушить.

— Какое яростное неприятие эстетики смеха сквозь горькие слезы! Оно свойственно только «титанам мысли»... Не горячись. Весь мир его признает, а ты... так самая умная и чувствительная.

— Я знаю, что клоун — это умный дурак. Помню, неприятное, но сильное впечатление

на меня произвели слова знаменитого клоуна Полунина, что у дурака больше возможностей быть счастливым. Задуматься заставили... И все же поговорим, когда прочту.

— Ты бываешь строптивая.

— Хочешь меня укротить?

— Укрощение, как правило, процесс обоюдный, — примирительно сказала Жанна.

— Сбила меня с мысли. Так вот... я тебе по телефону обозначу свое мнение, а если захочешь, в письме подробно изложу. Думаю, в ближайшее время дам о себе знать.

— Я бы предпочла...

«О ком это они? Монотонный голос Жанны навевает на меня сонливость. Это хорошо», — подумала Лена, уплывая в темноту. Противный скрип за стеной на несколько секунд вырвал ее из тяжелого забытья, но сонная одурь снова повисла над нею и окутала усталую голову.

19

— Помнишь, ты по телефону говорила о романе? Я не могу не спросить о...

Лена тяжело прикрыла глаза. Инна забеспокоилась: вопрос не к месту?

После некоторого молчания Лена заговорила раздумчиво, но совсем не о том, что интересовало подругу:

— Когда я опять начала писать, то будто возродилась, помолодела. Моему сознанию открылось очень многое. Я как в детстве вновь остро почувствовала красоту природы, радость жизни. Я слышала песни ветра, ощущала аромат цветов, восхищалась чистотой и праздничной голубизной неба. Я стала ярче воспринимать любые проявления жизни. Земные картины внезапно наполнились мощным содержанием, после болезни ускользавшим от моего измученного суетливого разума. Я почувствовала невесомость! Я летала, попав в мощный поток положительных энергий!

Я будто заново обрела тонкое владение поэтической образностью: находила прекрасные слова и фразы. Меня охватывали необъяснимые насыщенные и глубокие чувства. Я упивалась ими. Меня распирало от радости, возбуждения и восторга. Писательство доставляло огромное, ни с чем несравнимое удовольствие. В такие моменты я забывала о семье и работе. Иногда у меня бесконтрольно «срывало крышу» и я не могла остановиться: всё писала и писала. Я то закапывалась в рассуждениях и уходила в бесконечную глубину, то растекалась вариантами. Я купалась в эмоциях, чувствовала себя взмывающей птицей! Жаль, что редко позволяла себе так расслабляться. Работа отнимала много сил. Писала от случая к случаю. Не думала, что это временный подъем, а то бы все силы бросила на творчество.

— Сейчас в нашей жизни не так уж много событий, от которых мы получаем положительные эмоции, за которые можно было бы ухватиться и крепко держаться. Тебе надо было срочно бросать работу и посвятить себя писательству.

— Знать бы... Писала и Хемингуэя вспоминала.

— Он говорил, что искусство помогает человеку разобраться в глобальных коллизиях жизни и в вечных бытовых проблемах.

— Нет, другие его слова. О том, что искусство должно помочь человеку понять радость жизни. Писала и роняла счастливые бескорыстные слезы. А потом я снова попала в больницу, туда, где соприкасаются начало и конец, жизнь и смерть... И теперь такие моменты возникают не часто. Жизнь дается один раз, а удается еще реже... Духовная жизнь — главная радость и счастье человека. Эйнштейн говорил, что «радость видеть и понимать — самый прекрасный дар природы». Я бы добавила: и уметь доносить и дарить эту радость другим. А мы размениваемся на быт, на всякие мелочи. Не бережем

драгоценное время, отпущенное нам для реализации вдохновения и развития таланта. Понимание этого приходит слишком поздно. Мало я осчастливила читателей фейерверками радости. Упустила время, не наверстать. Но претензий никому, кроме себя не предъявляю.

— Духовную пищу не всякий желудок переваривает. На этот счет существуют другие мнения? Я открыта к общению, — заметила Инна. — Когда есть много о чем жалеть, больше ценишь то, что удалось. Ты же, наверное, считаешь, что после прочтения твоих грустных книг современные дети и взрослые начинают понимать, что они счастливые? И даже отверженные — детдомовские — не чувствуют себя одинокими.

— Да, я так думаю. И это только один из положительных аспектов общего результата влияния моих книг, — подтвердила Лена.

— Не слишком ли у тебя простой сюжету в прошлогодней «взрослой» книге: одна основная сюжетобразующая линия, одна главная мысль.

— Зато какая! — улыбнулась Лена. — Я не расплылась. Слишком важная тема.

— Одномерность — не путь гения. Он должен выявлять крупные «структуры», преподносить великие идеи. К чему это я говорю? Хочу понять тебя. Ведь писателю важно многопланово раскрыть главного героя. А в чем суть идейной установки той книги?

— Я не образы раскрывала, а проблему посредством образов. Это я ставила во главу угла. Этим книга интересна.

— Образы и ситуации у тебя схвачены и сфокусированы прекрасно. Я в этой книге для себя и внучатых племянниц много чего полезного накопила.

— Спасибо. Обсудим позже, на днях?

— Без вопросов. Вот нанесу последние штрихи на свои мысли — и в бой. — Инна не могла обойтись без шутки даже в таком серьезном для Лены деле.

— Недавно в центральной библиотеке города состоялась презентация моей очередной книги. Прошла блестяще. Я редко когда всем бываю довольна на таких встречах, тем более со взрослой читательской аудиторией. Но у меня было удивительное состояние подъема. Шутки из меня вылетали не по заказу. Публика их воспринимала великолепно. Была теплая, благожелательная и какая-то камерная обстановка единения и понимания. Мне задавали много вопросов. Люди, уходя, благодарили за заряд положительных эмоций, говорили, что, несмотря на сложность затронутых проблем, прекрасно отдохнули. Домой я приехала легкая вдохновленная счастливая. Обмен мыслями и энергиями состоялся!

— Все твои книги — и детские, и взрослые — прозвучали полномерно и масштабно. Их надо переиздавать и распространять. Я до сих пор почти наизусть помню свое первое мощное приобщение к твоей литературе. В моем понимании ты — писатель первого ряда, а эти книги — твоя писательская корона, твой пьедестал. Я исхожу не только из личных ощущений.

Лена понимала, что Инна не стала бы хвалить ее в угоду их дружбе или лицемерной учтивости. Она хорошо помнила категоричные разносы подруги хоздоговорных отчетов и их долгие споры по каждой конкретной, не устраивавшей ее фразе.

— Не переоценивай мои заслуги. Я не люблю, когда хвалят, теряюсь, чувствую себя неловко.

— Но когда это справедливо...

— Справедливость... Говорят, справедливости нет, есть равновесие. — Лена усмехнулась — Никто не жалуется на отсутствие или недостаток ума, но это вовсе не означает, что ум между людьми распределен по справедливости. Вот так и во всём...

«Над собой Ленка иронизирует. Не может она на кого-то намекать. Она для этого слишком добра. Для нее интеллигентность — это не сумма знаний, а доброжелательность, желание понять и принять другого, доказать себе, что этот другой имеет право быть не таким, как она. Это — и не сказать ничего лишнего, что могло бы кому-то навредить, кого-то обидеть, и стремление не засорять чужие мозги своими проблемами. Это мое хобби из всего извлекать иронию и насмешку», — сделала вывод из сказанного подругой Инна.

— Мужчинам бы ознакомиться с твоими книгами, чтобы прочувствовали мощное наполнение души этими будто бы простыми строчками. Для общего развития. Жаль, что у нас читатели с устойчивым и настойчивым интересом к художественной литературе — в основном женщины.

— У нас, в основном, что касается культуры... и не только... везде женщины. И в обозримом будущем не предполагается изменение ситуации.

— Снизошло свыше? Ой, таю от умиления. Боюсь, благодушие нападет, — с развязной шутливостью воскликнула Инна.

Подруги тихо, но дружно рассмеялись.

— Почему ты пишешь? В книгах то, чего не осмеливаешься сделать или сказать в жизни? Чтобы освободиться от пережитого самой, что мучает и саднит? Хочешь снять болезненные вопросы с души, раздираемой противоречиями?

— Есть потребность исповедоваться, есть что сказать людям. Хочу делиться приобретенными знаниями. Знаю, не все их воспримут, но кто впитает, передаст их дальше, следующему поколению. Я не зарабатываю писательством, я этим живу. Без моих книг я бы не выдержала давления последних лет жизни. Теперь это еще и мое обезболивающее.

— Что трогает, о том и пишешь? Ты как камертон. А закончив очередную книгу, наверное, восклицаешь: «Свершилось!» И тут же берешься за следующую?

— Завершенная тема уже не трогает. Я выхолощена. Но мне нужно немного отдохнуть, отойти от нее, иначе не произойдет перезагрузки. И я молю Всевышнего дать мне сил для дальнейшей работы. Я никогда не прошу богатства, только здоровья и возможности делать что-то важное и полезное. Писательство заставляет меня ежедневно пересиливать слабость, нездоровье, вставать и идти к компьютеру. Я цепляюсь за каждый свободный час более-менее нормального самочувствия.

— Иногда я чувствую в твоей прозе присутствие метафизического, но не мистического начала.

— Мистика у Жанны. Знаю о ее тайном увлечении.

— Причуда вздорной барыньки.

— Осмеяла? Зачем?

— Стыдно признаться...

В книгах ты выступаешь от имени своего опыта?

— Только отчасти. Любой автор должен уметь влезать в шкуру, в душу своего героя. Толстой об этом поэтично сказал, но я только суть его слов помню. «Уметь взвесить душу героя на своих внутренних весах». То есть с собой сравнить.

— Чужая кожа прирастает к тебе, и ты мыслишь как твои герои? И от имени всего поколения говоришь? Приписываешь свои неврозы эпохе? — проехала по подруге Инна. — Есть книги о детях и для детей. Какие тебе проще писать?

— Взрослым о детях.

— Мне кажется в твоих книгах для детей каждое слово на вес золота.

— Ты о краткости или... Мне они несравненно дороже тех, что написаны о взрослых. Жаль, что в издательстве меня обманули. Ни корректор, ни редактор не поработали на совесть. Столько огрехов пропустили! Я писала две последние детские книги, будучи, по сути дела, больной и не всегда чувствовала текст. Я не знала, но уже догадывалась о своей тяжелой болезни, а врачи считали мои ощущения мнительностью. А в издательство я приехала, еще не оправившись от химий, вот они и воспользовались тем, что я не могла их проконтролировать. Грустно, конечно, потому что невозможно исправить ситуацию.

— Те люди берегли себя. Из-за наличия совести у хороших людей, кроме душевных язв в организме возникает куча телесных болячек. Мой жизненный опыт говорит о том, что такое «воздаяние», к сожалению, наступает только добрых и честных. Бессовестным людям всё нипочем, — печально усмехнулась Инна.

— Лен, помнишь, как затаив дыхание вместе читали «Тома Сойера»? Упоительное занятие! Детям требуется живое голое переживание — источник радости, восхищения и сладкого ужаса. Им нужны шедевры бесхитростной силы, где перемешано смешное и страшное, радостное и грустное.

— Я в раннем детстве слишком часто и в больших дозах испытывала реальный страх и ужас. Мне их сверх головы надолго хватило, поэтому больше хотела читать о добром и красивом. Виталия Бианки любила. В его простых историях я видела отражение другого, прекрасного, но тоже грустного и очень близкого мне мира. Я сама была мышонком по имени Пик.

— Но ты и русскую народную песню «Бродяга» любила за ее сокрушающую энергию. «Бродяга на берег выходит...»

— Так ведь грустная. Одна я могла и поплакать с ней и над ней, и по струнам самодельного музыкального инструмента ударить, совершенно не умея играть... чтобы детское горе излить и душевно восстановиться. А Экзюпери, автора «Маленького принца», я полюбила за то, что он смотрел на Землю и на людей глазами поэта. Он считывал мою душу, мои мечты о счастье, в которое хотелось верить, но не верилось.

— А мне больше нравилось веревки на качелях закрутить, а потом возвращаться, возвращаться... как в космосе... И мечтать, мечтать...

— Разве ты «неустаревающего в столетиях» «Тома Сойера» не перечитывала спустя лет этак тридцать? Сознаться.

— Перед алтарем и на коленях? — отшутилась Инна. — Я с племянниками, а потом и с их детьми, заново для себя открывала старых детских писателей. И новых тоже. Тебя и Риту. Ты — явление, уникальная неповторимость. Вслух тебя любила им читать. Ритм, движение фраз завораживало. Кто-то о твоих книгах сказал: «Мощная художественная сила... Глубинная линия гуманизма».

— Не преувеличивай. Просто мои книги эмоциональные. Но эмоциональность особая, внутренняя... стиснутая болью. Я некоторое время в детстве книгу «Дети капитана Гранта» любила. Но мне мешало читать ощущение, что эти путешественники — завоеватели, колонизаторы, что за высокими словами у них прячется стремление закабалить другие народы, загнать их под власть Англии. В этих людях иногда проявлялась чужая, не наша доброта. Автор будто заранее стремился расположить читателей в пользу своих героев.

— Ты об этом мне раньше не говорила.

— Сомневалась в себе. Приписывала мнительности. Некоторые книги в юности нас сильно задевали, а современных детей они не трогают. Теперь им требуются произведения вызывающие более сильные ощущения. Жизнь иногда видоизменяет и даже переворачивает, казалось бы, устоявшиеся базовые представления. Знать бы,

как нашим внукам надо будет жить, к чему стремиться в этом запутанном многоголосье... Разберемся.

Лена задумалась, вспоминая и размышляя.

Инна поделилась:

— А я еще в юности обратила внимания на то, что в фильмах часто погибали женщины, а главные герои — нет. И я спрашивала себя: ради чего и кого эти мужчины совершают подвиги и жертвуют своими любимыми? Ради родины? Тогда почему свои жизни за нее не отдают, а только красуются? Значит, они не ценят своих любимых и легко находят им замену, — делала я вывод и злилась. Эта мысль часто затушевывала в моем сознании многие прекрасные качества главных героев. И я, как маньяк, отслеживала в каждом фильме: уничтожит или оставит в живых режиссер свою очередную жертву — юную красивую девушку, любящую главного героя.

— Как я тебя понимаю! — сказала Лена.

— А мне теперь важны промежуточные состояния природы и человека, допустим между ночью и днем, между горем и радостью. Люблю редкие моменты, когда небо и в жизни, и на экране темнее земли, или вообще необыкновенного, редкого цвета. Лена, ты видела когда-либо зеленое небо? Я — дважды. Еще обожаю, когда Бог или режиссер будто играют ситуациями и контекстами, а сами только смутной тенью проходят среди людей, — сказала Жанна с какой-то странной, непривычной для подруг легкой ноткой встревоженности в голосе. — Это озадачивает и смущает. В недрах этого есть какая-то не успокоенность. И тогда хочется опереться на чужое мнение, узнать на этот счет ремарки самого автора. (Она не спала?)

И Аня неожиданно «возникла» и «рассекретилась»:

— Вот все Чарли Чаплина восхваляют, а я его всегда тайно недолюбливала, но не сознавалась. По мне так его герои ужасны. Как я ни приглядывалась к ним... Негоже критиковать великих, но ничего с собой не могу поделать, и бесполезно сокрушаться... Не нашей они крови: грубые, жестокие, наглые. Обманывают, используют втемную, воруют, обижают хороших людей, подличают, бьют первыми, когда сами виноваты. И все это как бы походя, с «юмором». Нет, я понимаю, что обязательным элементом комедии является условность и она бывает всякая, разная... За смешным у нас тоже всегда есть второй грустно-лирический план, трогательно-грустный или трагический. Через гротеск и клоунаду людям приходят философские мысли о человеке и его бытии... Но по-моему, у них даже этот маленький... злыдень под маской несчастного, бывает агрессивен, свиреп и немотивированно жесток... только ради самоутверждения. Он переворачивает все мои представления «о милости к падшим». Ни намек на жалость к обездоленным, хотя сам бедный!

Какие-то дикие эгоистичные штампы «жизнерадостности и жизнеспособности». Такое впечатление, что автор этих фильмов из богатых и рассматривал жизнь бедняков, через призму своих заплывших жиром мозгов. Сердце человека черствеет как хлеб, если он в избытке... если оно не сдобрено человеческими чувствами. Вот отвела бы его героев подальше в сторонку и такую взбучку задала! Отдубасила бы как в детстве и сказала: «Проваливайте из моей жизни!» (Ну и ну!)

Помню, как я маленькой первый раз смотрела фильм с Чаплиным в заводском кинотеатре. В зале стоял невероятный мужской гогот. Зрители в буквальном смысле сползали со стульев на пол, а я не знала, почему все они смеются. Мне было жутко жалкого этого бедного, маленького человечка. Я плакала и пыталась понять, почему лью слезы. Фильм тому был виной в большей степени или странно веселящаяся публика? Может, я какая-то не такая?.. А потом и главный герой меня стал раздражать.

А теперь я эту же черствость часто чувствую и в некоторых современных закордонных мультиках. В них маленькие герои воюют, дерутся, не сочувствуя друг другу, обманывают, предают и считают это нормальным способом общения. Наверное, это дело вкуса... Детей надо готовить к реальной жизни, но не с дошкольного возраста. Сначала им про доброту кое-что стоит понять. Я знаю, Чаплин критикует пороки капитализма. Но все равно не симпатичен мне его персонаж. Нет в нем даже проблесков нашей доброты и сердечности. Если только к себе. И нежности ему не хватает. Конечно, у них

там другой менталитет, другой мир...

— И мы к нему идем семимильными шагами, — хмыкнула Инна. — У нас тоже сейчас в моде ирония во взаимоотношениях между людьми. И если человек вдруг скажет нежные слова, то на него посмотрят как на чокнутого. А в тебе, Аня, наше советское, коммунистическое крепко засело.

— Главное, чтобы эта ирония не переросла в цинизм, — сказала Жанна.

— Помню, я смотрела фильм «Неуловимые мстители» с двойственным чувством. Я думала: «Надо уничтожать врагов! Но нельзя губить людей с этакой лихостью и восторгом. Нельзя восхищаться убийством. Это нехорошо. Оно может привести к неправильному пониманию героизма и всяческим отклонениям в поведении некоторых не слишком умных представителей молодого поколения», — сказала Аня.

«Надо же с какой стороны подошла, как интересно повернула! Вот что значит вдумчивый педагог!» — удивилась Лена.

— Дисней выкупил права на наши мультфильмы, чтобы они не распространяли доброту по миру или он боялся конкуренции? — вклинила свой вопрос в Анины рассуждения Жанна. — Сколько прекрасных фильмов и удивительно мелодичных песен было создано нашими талантливыми людьми в советское время! Их слушаешь, и душа радуется. Я хочу, чтобы мои внуки смотрели наши фильмы, пели наши, российские песни, потому что в них есть душа, есть любовь!

— Кто-то с радостью стряхнул с себя все социалистическое, кто-то до сих пор за него держится, — хмыкнула Инна. — А компьютеры тебя не пугают? «Америку» можно открыть, но закрыть уже не получится.

— Но их наполнение для детей нужно контролировать, — возразила Жанна.

Аня продолжила рассказывать о своих сомнениях и переживаниях.

— Много позже я где-то вычитала слова Чаплина, в которых он, будто оправдывался: «Жестокость — неотъемлемая часть комедии». И укрепила в своем мнении. По нему получается, что не тонкие психологизмы и сентиментальность оттеняют смех и делают его более искренним, а жестокость? Она у него вместо жалости и сочувствия, потому что это их закон жизни? Для меня, чтобы я смеялась, смешное должно слегка сочетаться с грустным, трагическим или печальным, но не с жестоким и грубым.

А как же Христос-искупитель, расплачивавшийся за наши общие грехи своими страданиями у всех на виду? Может, его тоже... осмеять? Осуществляется «траверсия величия» зла? (раскачка) В их христианской религии... явная дивергенция (расхождение) с нашей. Понимаю, у них примат силы, наглости и лжи. И они как бы рефреном идут через всё творчество Чаплина. А вот эпизод со слепой девушкой у него почти по-нашему вышел. И все-таки его герой больше играет доброго человека, чем им является.

По Чаплину получается, что герой — это не обязательно первооткрыватель чего-то хорошего, защитник, спаситель. Он тот, кто что-то делает лучше всех, лучше других. Гитлер или просто злой начальник... тоже ведь в чем-то, где-то... И невозможно купировать. Это и отвращает, — неуверенно, но совсем без смущения сказала Аня, непосредственно обращаясь к Лене. (Перед ней она не стесняется быть в чем-то несведущей?) — Герой Чаплина такой щуплый, subtilный... но не такой уж и жалкий. Может, он своей игрой именно этого и добивался? Справедливости ради я должна признать, что проделывает он свои трюки гениально! И все же для меня комик — это смесь юмора и еще чего-то... трогającego душу. Он обязан вызывать любовь и сочувствие. Смех должен быть грустно-радостным, но не злым и жестоким... Иначе он мне душу надрывает. Может, для понимания каких-то тонкостей мне не хватает мудрости?

— Анька, да у тебя, похоже, на всё особый взгляд! Молодец, — одобрила скромницу Инна.

— Я расту в своих глазах.

- А я-то думала, что нас с тобою роднит? — рассмеялась Инна.
- С каждой твоей похвалой мой нос задирается все выше и выше, — усмехнулась Аня.
- По мне так Чаплин чистый, светлый. В защиту великого артиста напомним тебе мою любимую фразу Чаплина: «Жизнь — это трагедия, когда видишь ее крупным планом, и комедия, если видишь ее издали». А твой феномен я объясню просто: ты чужие беды воспринимаешь, как свои, близкие. Учись удалять их от себя, — посоветовала Жанна.
- Не получится. Такова моя натура.
- Я тебя насчет Чаплина не одобряю, но понимаю. Причина этой нелюбви кроется в основном том, что патологическая жалость к его герою в тебе побеждает восхищение артистом, и ты не можешь полюбить его легко и радостно, — объяснила Жанна. — Смещай акценты в сторону главного.
- Наверное, поэтому я и цирк не люблю?
- Конечно. Я сама, когда смотрю с внуками на воздушных гимнастов, то чуть не плачу от страха. Бедные, но такие мужественные! Какая у них поразительная сила воли! В детстве я была бесстрашная, но родив, не могла подойти с сыночком на руках даже к краю балкона. Страх сковывал тело, руки и ноги становились ватными. Материнский инстинкт сохранения оберегал меня от малейшей опасности. Не знаю про мужчин, но женщинам-гимнасткам, я думаю, всю жизнь приходится себя преодолевать. Я не могу себя представить на их месте. Это же ежедневный подвиг!
- А еще меня в детстве раздражало, когда в американских фильмах артисты бросались тортами, потому что скучная жизнь приучила меня к бережному отношению к хлебу, — сказала Аня.

Инна задумчиво произнесла:

- И у меня в груди ныть начинало. Мне вспоминался глиняный пол в нашей хате, на завтрак кружка парного молока и кусок теплого ржаного хлеба бабушкиной домашней выпечки. Обязательно краешек от ковриги, чтобы с корочкой. И вечерний самовар, растопляемый во дворе... Бедное, но все такое родное...
- И уют бабушкиных, распростертых над тобой надежных крыл... — вздохнула Жанна.
- Мы знали, что такое голод даже в шестидесятые, в студенческие годы. Особенно памятна мне весна шестьдесят четвертого. С каким жадным вожделием я смотрела на пирожок из белой муки, но купить себе так и не позволила. Кукурузным хлебом обошлась и пшеникой по карточкам. И в начале перестройки мы не жировали. От голода не кричат, не вопят... если только от душевного, — тихо сказала Лена.

Инна напомнила:

- У наших стариков были жесткие табу: не предать, ни при каких обстоятельствах не обидеть женщину, двоим на одного не нападать. И доверие было безусловное. А теперь гуртом бьют. Нахватались западного...
- Заладили одно и то же: плохо, трудно... — недовольно забурчала Жанна.
- Это минутное... — успокоила ее Лена.

Накал разговора то усиливался, то ослабевал. Его плавное волнообразное движение иногда прерывалось рывками недовольства или тихими, но бурными взрывами поддержки «оратору».

- А теперь мы постарели, стали стесняться, даже стыдиться своей искренности, — с улыбкой заметила Лена и глубоко задумалась над рассуждениями подруг.

*

- ...Очень важно вовремя дать ребенку хорошую детскую книжку, потому что прочитанная в десять лет, она может потрясти его и повлиять на дальнейшую жизнь,

а в пятнадцать — уже не тронет душу. — Конечно же, это Аня сказала.

— Я слышала, что писать детским языком придумал Аркадий Гайдар, — вступила в разговор Жанна.

— Стихи и сказки для малышей тоже его заслуга? — усмехнулась Инна. — Лена, у меня сложилось впечатление, что ты ставишь свое писательство выше своей вузовской преподавательской деятельности.

— Профессоров и доцентов у нас около тысячи, а писатель — я на вуз одна.

— «Графинь много, а Бетховен один», — в своей манере поддакнула Инна.

— С моими научными трудами ежегодно знакомятся порядка ста-двухсот человек, а с художественными книгами намного больше. Информация, заложенная в любых научных трудах, подвержена быстрому старению и требует постоянного обновления, совершенствования, дополнения, а литературные произведения — особенно если они стоящие — нетленны. Тебе этих аргументов мало? Но не это главное. В душе моей писательство теперь на первом месте, поэтому я не стала защищать докторскую. Статьи по специальности, конечно, все равно пишу, они в работе нужны, но на свои художественные книги все свое свободное время трачу. Хочется достичь максимума соответствующего моим данным. Смерти я не боюсь. В ней есть свое величие. Если жизнь удалась, страха смерти нет. Но чем ближе к концу жизни, тем больше хочется успеть отдать... Теперь, когда я чувствую каждое слово, которое хотела бы написать... А вдруг сорвется задуманное?.. Мой век — двадцать первый. Жаль будет, если для меня он окажется слишком коротким.

— Хватит хлюпать носом, а то схлопочешь от меня, — грубовато остановила Инна подругу. — Дай Бог дожить тебе до восьмидесяти. И мне с тобой, чтобы я смогла перечитать все тобой написанное. Это до некоторой степени реальная мечта?

— Если бы-то... Понимаешь, чуть ли не каждый мой рассказ о детях мог бы стать хорошей повестью или даже романом. В них столько заложено! Я их все вижу от начала до конца. Меня одолевает беспокойная всепоглощающая жажда писать. А тут еще тема для взрослых встала на пути. Надо и ее «добить». Как важно в детстве или в вузе встретить хорошего педагога, который сумел бы понять предназначение своего ученика! Подчас это является определяющим в жизни неуверенного в себе ребенка.

Инна предположила, что Лена в данный момент мысленно с грустью нелестно вспоминает одного своего далеко не... учителя.

«Эх, Ленка! Твои книги — только малая золотая крупинка из того, что ты способна была бы сделать, вовремя придя в литературу. У тебя было столько энергии, что ты могла бы «пробить» издание своих книг на языках народов России и даже прорваться на Запад. А ты чужие судьбы устраивала. Не горюй, у тебя еще есть время. Дай Бог тебе здоровья», — ласково подумала Инна о своей по сути дела единственной настоящей подружке.

20

Лена продолжила свой рассказ:

— Мне вспомнился интересный случай, происшедший со мной в Центре детского творчества на встрече со школьниками в преддверье какого-то праздника. Как всегда ребята были на высоте: показывали свои прекрасные поделки, рисунки, читали свои стихи. Помнится, одна девочка подарила мне своими руками изготовленный шарфик, две другие — вышитые мелким крестиком картины. Я до сих пор берегу их у себя в шкафу за стеклом и люблю... А тогда я была смущена тем, что не догадалась принести им в подарок свои книги. Потом дети начали читать отрывки из моих книг, те, которые им особенно понравились.

— Мне кажется, никто не знает лучше автора, какая должна быть интонация в его

произведении. Артист, допустим, может прочесть красиво, но где гарантия правильности? У каждого свои ощущения от прочитанного, и это, наверное, хорошо, — сказала Инна.

— Так вот, вышла самая маленькая из участниц — девятилетняя девчушка: пухленькая, черноглазая, смуглая. Я настроилась на детский лепет. У школьников младших классов не всегда получается выразить то, что я вложила в свои строки, даже если они их понимают и чувствуют. Может, не решаются на открытые эмоции или у них мало опыта чтения вслух.

Смотрю в окно, слышу свои строки как бы издалека и будто чужие. И вдруг невольно вздрогнула, вслушавшись в речь ребенка. Девочка говорила больше, чем просто слова. Она своим тихим задумчивым голосом один за другим отмечала самые тонкие и глубокие моменты рассказа. Малышка как-то особенно расставляла акценты в грустных строчках, отыскивала чувствительные слова, задевавшие струны ее нежного сердечка. И хотя она как-то по-своему обживала пространство моего рассказа — и без сомнения произведение от этого только выигрывало — ее голосом говорила моя душа.

И мне подумалось: «Я писала эту книгу, погруженной в детство, будто бы находясь в состоянии транса, как бы неосознанно. Просто записывала то, что диктовало мне подсознание из того, что я чувствовала когда-то в далекие грустные годы, но уже не могла до конца вспомнить их, будучи взрослой. Мне казалось, я просто описывала события, а выходило, что бессознательно выкладывала свою душу — ту, которая была у меня несколько десятков лет назад, — вроде бы доподлинно ее не помня. А эта удивительная девочка своим прочтением напомнила, подсказала, высветила ее. И я вновь прочувствовала, сколько детского горя было в том коротком рассказике о мальчишке, сколько любви и нежности было запрятано в сердце моего маленького героя!

Я была потрясена талантом девочки, и что самое невероятное... глубиной того, что сама написала. Я, конечно, хотела бы уже будучи взрослой так писать, но если бы даже очень постаралась, то, наверное, не вышло бы то, что получилось от спонтанного излияния моей на время перевоплощенной, настроенной на детство души. Именно тогда получилось нечто, что я хотела, но чего сама от себя не ожидала.

Я заметила что малышка, читая, затрагивала в сердцах слушавших ее детей какие-то струны, отзывавшиеся в них глубоким общим чувством. Я видела это на их лицах, но не знала, понимала ли девочка произносимое ею или она говорила не осознанно. Но потом решила: «Конечно, понимает! Что в том удивительного? Моим героям было столько же и даже меньше». «Эта девочка из благополучной семьи, — спорила я сама с собой. — Но разве чувства выковываются и развиваются только в страданиях и несчастьях? Может, читая мою книгу, малышка сравнивала себя с более несчастными детьми и сочувствовала им, потому что понимание добра было дано ей в наследство от родителей. Интересно, ощущала ли она свой талант чувствительности и доброты? Похоже, нет». Не берусь квалифицировать этот случай. Он потряс меня. И я сказала девочке: «Ты прочитала лучше, чем я написала». Автор балета «Лебедь» Сен-Санс балерине Анне Павловой полушутя сказал: «Благодаря вам я понял, что написал прекрасную музыку». Эти же слова я могу отнести и к тебе». Старшие дети оценили мою похвалу и с интересом посмотрели на маленькую артистку-чтеца.

Малышка выступала последней. Ко мне подходили девочки лет пятнадцати, говорили о том, как я хорошо понимаю детей. Многие утверждали: «Это я, та девочка из вашей книги». Мальчики стеснялись открываться. Но и они, преодолевая сковывающий их барьер смущения, коротко и сдержанно замечали, будто вскользь: «Мне бы такого друга. Я тоже хотел бы быть другом вашим героям. Теперь таких добрых детей не встретишь». А я отвечала им с улыбкой: «Вот они тут, рядом с вами. И вы такие, как мои герои». Порадовали меня дети. Встреча прошла насыщенно, интересно. Наш разговор сводился не к похвалам писателю, а к тому, что детям часто не хватает понимания ни в школе, ни дома. Всем некогда разговаривать с ними о жизни. Молчащее старшее поколение упускает молодое и проигрывает.

Родители на этой встрече и их дети, будто ближе и понятней стали друг другу. У меня же каждый рассказ, так или иначе, содержит психологический воспитательный момент не только для детей, но и для взрослых. Наверное, поэтому родители говорили,

что классика — хорошо, но неплохо бы детям на уроках или хотя бы на внеклассном чтении знакомиться с современными авторами, чтобы они чувствовали, что герои книг живут их жизнью, их проблемами, и, сравнивая себя с ними, стремились стать лучше. Было бы неплохо, если бы и учителя, как библиотекари, знакомились с лучшими новинками и рекомендовали их детям. Родители для детей, к сожалению, не всегда авторитет, а учителя класса до шестого для учеников еще много значат.

Гости стали расходиться. Я записала в блокнот: Шамаело Аня, школа номер шестьдесят восемь, третий «а» класс. Потом посадила девочку себе на колени и попросила: «Передай, пожалуйста, своей маме, что у нее растет талантливая дочка». Малышка недоверчиво взглянула на меня. Я повторила: «Обязательно скажи маме, что детский писатель просила передать...»

По тому, как Лена обо всем этом рассказывала, Инна поняла, что такие встречи в ее жизни не мелочь, не пустяк.

— Проводить встречи с детьми для тебя драйв?

— Еще какой! По причине положительной обратной связи я получаю от них массу дополнительной энергии взаимодействия и творческий импульс. Дети дарят такие эмоции, каких нигде, никогда и ни от чего больше не получишь.

— А отрицательные случалось получать, те, которые разрушают и уничтожают?

— С детьми? За все годы общения только дважды. И в том виноваты были взрослые.

— У тебя нюх на таланты или ухо как локатор?

— Не знаю. Просто стараюсь быть внимательной к нетривиальным проявлениям детей. Мне хочется найти заветную тропинку к сердцу каждого ребенка, с которым общаюсь. Я советую им чаще прислушиваться к себе, выискивать и извлекать из себя то, чем они отличаются от других. Прошу их не бояться пробовать заниматься многим, искать себя. «Если нравится, пишите стихи, ведите дневники. А вдруг пригодятся?» — говорю я им.

Мне хочется, чтобы каждому ребенку встретился в жизни человек, который заметил бы в нем определенные способности и не прошел мимо, помог в них поверить. Искорки таланта надо находить, растить и холить. Многие люди, к сожалению, занимаются не своим делом и не чувствуют удовлетворения от работы. А всё потому, что вовремя не оценили, способны ли они к данной профессии или нет.

— И, конечно же, в том, что выбрали неверную стезю, винят кого угодно, только не себя, — сказала Инна.

— Я знакома с человеком, который трижды менял профессию, пока не нашел свое призвание — призыв души, приказ судьбы. Вот это поступок! И когда он, наконец, почувствовал его, то тут же нашел порт своей приписки.

— Ты с первых лет работы в вузе была чутка к способностям студентов, а с возрастом это сделалось твоей манией. Каждый бы так старался. А то уделяют внимание блатным...

— Зачем ты так? Знаешь ведь, что не права. Я часто беседую с детьми в школах и библиотеках. А как то мне предложили выступить в огромном актовом зале. Я стала отнекиваться, мол, больше люблю камерную обстановку, форму интимной, доверительной беседы.

— Но это не те резонансные площадки, где я вижу тебя! — недовольно заметила Инна.

— На тот момент мне именно то было интересно. Но я подумала и согласилась. Справилась. Потом привыкла собирать большие аудитории. Да, это работа. Но я считаю ее выполнением своего долга. Любые знания меняют человека. Надо, чтобы они были положительными и вызвали эмоциональную вовлеченность, интерес.

Случается мне бывать и в жюри. Дети пишут стихи и рассказы. Мы их читаем, выставаем баллы, даем рекомендации. Я стараюсь быть объективной и доброжелательной. Если ребенку «дать по рукам», он «оседает». Но не всегда большинство в комиссии поддерживает мною отмеченных ребяташек. Я помню каждого

незамеченного ими и очень переживаю.

— Ты же у нас болезненно справедливая!

— Раз читаю рассказ девочки и чувствую, как легко и радостно скользят по бумаге ее строчки. Невольно мысленно сравнила их с теми, что сама писала в детстве. Попросила привести ко мне автора и ее маму. Сейчас Даша Гукова учится в МГУ. Без экзаменов взяли по результатам ее рассказов.

— В таком многоголосье услышать единственный талантливый голос — это уметь надо, — сказала Инна.

— Люблю детские искренние рецензии. Мне дорог их радостный интерес к книгам. Девочки больше пишут о том, что их трогают горькие судьбы героев, а мальчики — хотя тоже сочувствуют — больше о том, например, что им нравится современный язык героев, их самостоятельность, выступают против жестокости. Девочки, по моему мнению, уже классу к шестому в массе своей более вдумчивые, серьезные, терпеливые. Они трудолюбивее мальчишек, у которых в этом возрасте часто еще ветер в голове. Им бы только беситься, развлекаться, на головах ходить. Для них главное, чтобы всё было легко, просто и радостно. Бесшабашны, безалаберны. Хотят, чтобы трудное, грустное и серьезное прошло мимо них, не затронув. Может, я и ошибаюсь. Аннушке виднее. Я к ней иногда по телефону обращаюсь за советом. Помню, рассказала ей про десятилетних двоюродных братьев, которые до крови дрались, выясняя, с моей точки зрения, пустяшные проблемы. Она меня успокоила.

А как-то встал на встрече один на вид «неблагонадежный» мальчишка и во весь голос заявил: «Классно написана книжка!» Сознаюсь, это была мне наивысшая похвала. Надеюсь посетить тюрьмы. И взрослые и подростковые.

— И на что эта встреча будет похожа? У них даже на уроках сидит охрана. И потом, ты же знаешь... они все такие лживые. Собираешься духовно окормлять заключенных? Заявишь о себе как о миссии? Слишком затратный в нервном плане проект. С ума сошла? И к тем пойдешь, кто пожизненно?

— К ним в особенности, если позволят. Понимаешь, тюрьмы — не изнанка жизни, а сама жизнь... для некоторой небольшой части нашего общества.

— А члены твоей семьи бывали на твоих встречах с детьми? — поинтересовалась Жанна.

— Нет. Они могут мне настрой сбивать, отвлекать. И я, в силу привычки, стану все внимание уделять только им, — улыбнулась Лена.

— А случалось ли на твоих встречах со школьниками что-то неожиданное, экстраординарное? Порадуй рассказом.

— Порадуй? Как сказать... Был один случай. Правда, неприятный. Мальчишка с высокомерным презрением к полному залу школьников выкрикнул нацистский лозунг. Меня это жутко возмутило, внутри я сжалась тугой пружиной и мгновенно, буквально автоматически парировала, будто выстрелила: «Из трусливых, озлобленных, но самолюбивых юнцов иногда вырастают подлецы и предатели». Я смягчила свой ответ словом «иногда», дала школьнику шанс задуматься над своим высказыванием. А он, довольный своим «выступлением», ухмылялся! И я продолжила свой достаточно резкий монолог: «Почему ты сидишь на самом дальнем ряду огромного зала? Трусишь? Перед одноклассниками побоялся высказываться, а перед малышами героя из себя строишь? Спустишь, подискутируем. — Я понимала, что он не рискнет. — У меня дальнорукость и я прекрасно вижу твоё самодовольное лицо. Думаешь, тебе есть чем гордиться? Как же, один такой на всю школу особенный... если не сказать жестче! — Я пощадил его, впрямую не обозвала дураком. — Ты считаешь, что совершил смелый поступок? А по мне так ты похвалился своей глупостью». Я как могла близко подошла к нему и добавила: «Не пахнет ли твоё высказывание легкой... шизофренией? Самолюбование на пустом месте не есть признак ума. Если тебя кто-то обидел, это не значит, что в этом надо винить всю страну. Взрослей, умней и не позволяй отдельным непорядочным личностям манипулировать тобой. Расширяй свой кругозор, думай, анализируй, иначе всю жизнь тобой будут помыкать хитрые людишки. Захочешь поговорить, приходи ко мне». И положила перед ним свою визитку.

Спустившись вниз, я продолжила разговор с детьми четвертых-шестых классов. Мне показалось, что они не обратили внимания на мое минутное отвлечение на странного старшеклассника. После общения со школьниками я попросила присутствующих учителей передать завучу по воспитательной работе мою просьбу: уделять этому молодому человеку больше серьезного и тонкого внимания. Жалко мне таких вот одурманенных мальчишек. Понимаешь, я каждый раз выхожу к своим читателям с чувством, что не вообще буду говорить о чем-то, а именно для этих людей, что пришли сегодня.

— Тебя в современных детях что-то беспокоит?

— Некоторая эмоциональная и «сердечная» недостаточность. Не у всех, конечно. Да и не их в том вина.

— Им бы читать твои, Ритины и Ларисины книжки.

— Не помешало бы, чтобы не выростали такие вот особи. Недавно от встречи со второй, молодой женой моего старого знакомого испытала шок. До сих пор неприятный осадок в душе остался. Пришли мы на выставку, стали снимать верхнюю одежду. Смотрю в зеркало, а у меня брошь на груди расстегнулась. Видно, когда куртку снимала, зацепила ее воротником. А блузка на мне была легкая, воздушная, вот и сместилась, обнажив уголок нижнего белья. И пока моя рука поднималась, чтобы поправить сползшую на одно плечо ткань блузки, эта женщина успела щелкнуть затвором фотоаппарата. Очень торопилась. Потом стояла и гаденько ухмылялась, довольная тем, что поймала момент моей секундной, стыдной неловкости. Мелочь, а неприятно.

— Никто из нашего окружения так противно не поступил бы, — уверенно сказала Инна.

*

— Я уже в раннем детстве знала, что хочу стать писателем. Правда сначала это ощущалось как что-то неясное, неопределенное, как смутное беспокойство, тревога... Я сама себе не сразу призналась в серьезности этого намерения. Первый раз об этом задумалась в шесть лет. Помню, стою в нашем детдомовском саду и сама себе восторженно описываю все, что вижу вокруг и радуюсь этому. В десять я почувствовала в себе какую-то особенность, поняла, что должна стремиться сделать что-то очень существенное и важное, и что для этого надо будет обязательно уехать из деревни. Но не осознавала, в чем оно состоит. И только к двенадцати годам насмелилась четко сформулировать для себя это желание. А в старших классах наоборот пыталась притупить его, стереть из памяти, чтобы не навредить себе, не уйти от основной, реальной цели: поступить в вуз, который даст мне стабильную материальную базу жизни.

— Замысел Божий, его проведение — тайна. Тебе она рано открылась. На роду было написано быть писателем, а ты сошла с намеченного Им пути, — сказала Жанна.

Ей тоже хотелось поучаствовать в разговоре, повернув его интересной для себя стороной. Но Лена продолжила делиться своими впечатлениями:

— Я радуюсь, когда дети вдумчиво читают мои книги, когда им интересен не только сюжет, но и чувства героев. Одна десятилетняя школьница сказала мне взволнованно: «Ваша героиня говорила, что папа не предал ее, не бросил, он погиб. А по мне так пусть бы он ушел из семьи, лишь бы живым оставался». Я была потрясена ее недетской жертвенной любовью к отцу. И объяснила, что детдомовская девочка добрая, но она не знала, что такое взаимоотношения в семье, что такое любовь к родителям. Она придумала себе папу сильным, добрым, умным, который бы ее любил, защищал и никогда бы не оставил. А то, что она тоже может сделать ему что-то хорошее, чем-то пожертвовать ради него, ей не приходило в голову.

Между прочим, по этой причине современные, забалованные, не приученные к труду и незнающие трудностей детдомовцы вырастают неприспособленными эгоистами. Многие из них говорят: «Я найду маму, буду ей, старенькой, помогать». Но за этим часто ничего не стоит. Они воображают себя хорошими. Но, что до дела... Они привыкли жить только своими мечтами и желаниями и зачастую даже не понимают этого.

А другая девочка сказала мне: «Нам с подружкой уже по пятнадцать лет, но мы ссоримся из-за пустяков, а ваша героиня уже в десять лет ведет глубоко осознанную жизнь. Она очень рано вступила на путь осмысления жизни. Это хорошо? Мы чувствуем себя перед нею глупыми». Я успокоила ее. Мы хорошо поговорили. Обе остались довольны беседой.

А совсем недавно подошла ко мне на улице школьница и говорит: «Прочитала в альманахе отрывок из вашего рассказа и не поняла о чем он. О сложных сталинских временах и о войне итак много написано! Ведь не за тем же вы о них упомянули, чтобы мы не забывали то далекое жестокое время?» Меня удивил и обрадовал ее серьезный подход к поискам сути. Я обратила ее внимание на два стихотворения написанных восьмилетней героиней с интервалом в два месяца, и спросила: «Ты заметила, что столкнувшись с проблемами взрослой жизни родственников, детдомовская девочка глубоко задумалась не о себе, а о тех других, погибших или переживших трагедию близких людей. Они потрясли ее воображение, всколыхнули чувства. И это сказалось на ее стихах. Они стали более зрелыми, если так можно выразиться о творческих пробах ребенка».

«А почему это не отражено в названии рассказа? — спросила девочка, внимательно заглядывая мне в глаза. — Нас в школе учили...»

«Не всегда стоит «в лоб» давать подсказки читателю. Иногда надо позволить ему самому подумать о главном в том или ином произведении, не правда ли?» — ответила я. Школьница радостно закивала. Видно наши мнения совпали.

И тут я вспомнила, как учила сына понимать классику и писать сочинения. Он тоже возмущался, мол, разве не должен был писатель растолковать чувства своего героя? А я смеялась: «Писатель только подталкивает тебя к размышлениям, а понять, почувствовать героя, почерпнуть от него что-то новое, полезное для тебя, ты должен сам. Так писатель развивает твою душу».

— Мальчишки интересуются твоими книгами?

— Еще как! Бывает, что слышу от них весьма интересные, я бы сказала философские вопросы и высказывания. Они иногда формулируют мысли так неожиданно! А как-то я попросила учительницу привлечь к участию в спектаклях по моим рассказам самых «слабых» учеников и целый год наблюдала за происходящими в них переменами. Один мальчик понял, что он много способнее, чем предполагал, и поверил в себя, а другой стал на пустом месте зазнаваться, так и не осознав своей ущербности. И я сразу представила, что из него вырастет лет через десять. Некоторые девочки поразили своей недетской целеустремленностью и собранностью. Очень интересно было с ними работать!

А одна девчужка, прочитав мою биографию, сказала: «Сколько бы вы создали яркого, искренне радостного, восторженного, если бы начали писать с юности, когда были полны озорного юмора, когда радостное превозмогало в вас грустное. (Моё слово употребила!) Вы, наверное, написала бы что-то похожее на рассказы Драгунского, только более лиричное, для нас, девочек. Жалко, что это золотое время прошло мимо вас».

Подобных случаев, происходивших на встречах, я могу привести сколько угодно. Общение с детьми и меня многому учит, заставляет задумываться над неожиданными вещами. Знаешь, Инна, та девочка была права. В школьные годы я часто писала радостное и шутивное. Горькое и печальное, конечно, тоже прорывалось сквозь оптимизм юности. И тревожный контекст чувствовался. Были его четкие послылы... Как правило, в классе сочинялось веселое, а дома грустное. Жаль, что ничего не сохранилось из того периода... И упущенное время теряется навсегда. Невосполнимые годы. Это желательно каждому человеку понять как можно раньше.

Не люблю заседаний, где я в роли «свадебного генерала». Там я чувствую себя лишней спицей в колесе, — смущенно улыбнулась Лена и добавила: «Нет, господа-товарищи, я по другому «ведомству» и не могу непозволительно легко расточать свое свободное от работы драгоценное время».

Лена задумалась на миг, а потом продолжила рассуждать:

— Конечно, мои нынешние впечатления уступают тем, юношеским... Начни писать с юности, я бы имела время оттачивать и углублять смысл фраз, подбирать наиболее подходящие слова, а сейчас я не купаюсь, тону в эмоциях, в массе информации, тороплюсь выложить накопившееся, наболевшее, будто пытаюсь нагнать и восполнить упущенное. Да что уж теперь...

*

— Лена, чего ты ждешь от жизни?

— Гармонии в душе, равновесного состояния. Трепет в сердце хочу сохранить...

— Каковы твои дальнейшие планы, раскрой карты. Опять станешь писать о драматизме человеческого существования? Продолжишь держаться в стороне от официально одобренного оптимистического мейнстрима? Может, начнешь применять драматический гротеск и с холодным отстраненным взглядом непримиримо расходиться в оценках... Что-то по типу художника-графика Гарифа Басырова с его философско-трагическим налетом изображения реальной жизни? — спросила Инна.

Вопреки ожиданию, вопрос подруги не удивил Лену.

— Чехов тоже не брызжет радостью и весельем. Правда, он любил писать монологи о высоком. И что?.. Мои книги не оптимистичны? Поставила клеймо. Ну-ну... Сохраняя целостность впечатлений, сердцем посмотри вглубь. Доброта — не благодущие. Трагизм не исключает оптимизма.

Знаешь, хотелось бы, если хватит здоровья, пока не сбился глазомер, закончить уже начатые книги для взрослых и с легкой душой перейти к следующему, тревожащему, зовущему этапу. Хочу, пока «батарейки окончательно не сели», выступить в жанре миниатюры, начать писать коротенькие рассказы-притчи, так сказать, вплотную поработать в узком пространстве галереи их образов, метафор и смыслов, когда стилевые и мировоззренческие интересы лежат в несколько иной плоскости. Я в поиске, еще примериваюсь. Но это желание не отменяет и не отрицает всего предыдущего. Это новый старт. Я не изменяю своим прошлым предпочтениям и темам.

— Дрейфуешь в направлении концентрации мыслей? Будешь выпаривать из произведений суть до состояния драгоценных и полудрагоценных кристаллов? Считаешь, что работая в этом жанре, серьезно наследуешь в литературе? А может, подкинуть тебе идею попроще? Ромео и Джульетта сорокалетние, шестидесятилетние. Как она тебе? Может, тот счет, который ты себе выставила, еще полностью не оплачен?

Но Лена не сбилась с «пути»:

— Современное преподнесение материала должно быть несопоставимо более сжатым. Не возьмусь предсказывать... Притчи для меня не случайная случайность, а как бы заключительный аккорд всего ранее мной написанного, а может и последней точкой в моей жизни и биографии. А там...

— «Гуляй, шальная императрица!»

— Инна...

— А задел есть? Притчи станут прекрасным венцом всего твоего творчества? Но это будет уже не эволюция, а революция, полная его трансформация! Говори об этом тихо, чтобы не спугнуть благосклонность фортуны, иначе судьба распорядится по-своему. Ты же знаешь: если хочешь насмешить Бога... И когда ты все успеваешь? Одновременно двумя руками пишешь? — пошутила Инна.

— Но в состоянии депрессии я теряюсь, тороплюсь, хватаюсь то за одно, то за другое... пробуксовываю. Мне кажется, что я увязаю в мелочах, устаю и выгораю. И тут хотя бы остаться равной самой себе. Это мешает. Мой фокус слишком сместился на повседневное? Я уже все, что хотела, сказала на тему взаимоотношений? Меня охватывает беспокойство: а если вдруг... — Лена замолчала.

— Все хорошее у тебя еще впереди. Все самое лучшее случается неожиданно. Кажется, наш знаменитый физиолог Мечников говорил, что высшая дисгармония — страх смерти.

Задумайся над его словами.

— Звучит как оглашение последней воли?.. Когда я устаю, приходят разные мысли. Но утро вновь приносит надежду и желание работать.

— Дыши глубже! Все получится. У тебя мощная потенция, а ты живешь с ощущением трагичности конца. Ты права, застаиваться в одном жанре, эксплуатировать одну и ту же идею — посвящать себя постоянному движению в одном направлении — абсурдно, можно получить перемещение по окружности одного и того же радиуса. Это все равно, что многократно повторять саму себя. Не надо держаться за темы, которые не позволяют двигаться по пути развития личности и творчества, — согласилась с планами подруги Инна. — Желательно почувствовать себя в разных ипостасях.

— Правда жанр притчи был под силу древним и великим.

— Слушаю тебя и чувствую, как диапазон моего недомыслия еще больше расширяется, — рассмеялась Инна.

— И я боюсь. Текст должен быть малообъемным, но художественным. А меня по-прежнему, как и в детстве, тянет размахнуть фразу на полстраницы, украсить ее яркими бусами эпитетов и оборками метафор. И это не всегда работает в лучшую сторону. Но я борюсь с собой, постоянно нахожусь в процессе преодоления, — самокритично сказала Лена.

— Кроме шуток? А изобрести простую, мудрую формулу счастья тебе не приходило в голову? Или открыть законы, по которым мы взаимодействуем?

— Какие уж тут шутки, — загрустила Лена. — Законы притяжения между людьми, как ты помнишь, я еще в школе на уроках физики придумывала. Считаешь, что у меня синдром недостатка внимания к собственной персоне?

— Труден путь к простоте? — Инна вернула Лену к ее намеченным целям.

— К мудрой простоте... Это была бы новая отправная точка, особая спринтерская дистанция... Планов много, но я чувствую свой ресурс. Сейчас я живу в строгом энергосберегающем режиме. Успехи добавляют сил, поэтому я еще способна делать что-то существенное и в работе, и в творчестве.

— Была стайером, а хочешь попробовать себя на коротких дистанциях, в резких рывках? Я в ажиотаже! Назидательные мини-новеллы? Фи. Мелко берешь. Не сгораешь в костре своих амбиций. А я думала, включишься в масштабный мировой контекст чем-то глобальным.

— Очередной сагой?

— Российские имена должны звучать, быть у всех на слуху! Похоже, нет больше в окружающей жизни того, что тебя могло бы удивить, восхитить и вдохновить. Только испугать или потрясти? Страх чьей-то близкой смерти... Чувства притупились? Не удастся набрать обороты? Вот ведь незадача! Это многое объясняет.

Лена не позволила подруге продолжать иронизировать.

— Инна, не дави. У меня есть желание потеснить твоё пренебрежение логикой и лирикой, но оставлю это до следующего раза. Я не боюсь нарваться на твою язвительность, едкость или сарказм, только у меня сейчас не то настроение и самочувствие, чтобы изощряться в остроумии. Понимаешь, притчи — это слишком серьезно, в них нет размаха мыслей, но есть глубина, масштаб обобщения. Я давно к этому шла. Хотелось бы, чтобы именно они стали моей лебединой песней. Дождется ли она своего осуществления?.. Сейчас время ускоренного ритма жизни, и молодежь, читая мои уже изданные «взрослые» книги, может просто уснуть, — усмехнулась Лена.

— Но их надо ей читать, хотя бы для того, чтобы вовремя остановиться, оглянуться и задуматься над тем, как и чем живет. Художник не должен оправдываться за свой интерес к той или иной проблеме. Подобные романы в принципе не могут претендовать на краткость. Они состоят из размышлений, рассуждений и споров.

— И я считаю, что должна была их написать. И все же я думаю, что современный автор обязан писать более кратко, чтобы каждая строчка несла максимум информации. Дал бы Всевышний время и разум... У меня столько идей в голове роится! Я учу молодежь не жалеть об упущенных возможностях, вперед смотреть, а самой бывает до слез обидно, что не выбрала в свое время правильного направления жизни, не рискнула, не поверила в свои способности. Инна, понимаешь, счастье — это возможность строить свое будущее по своему усмотрению, по зову души, чтобы всю жизнь летать на крыльях собственной мечты, и в конце концов увидеть ее полное осуществление!

— Планов бездна, мыслей тьма. Теперь-то мы упоены своей мудростью, — усмехнулась Инна.

— Грущу потому, что впереди слишком мало осталось. Жизнь так коротка! Нет ничего дороже времени. Нельзя тратить его впустую. День прожит напрасно, если я ничего не привнесла в свою жизнь, и оно не вылилось во что-то хорошее и весомое.

Каждое произведение, прежде чем выйти в свет, должно отлежаться. Так писал Василий Иванович Белов. Чтобы слово заиграло, требуется предварительная порция молчания, а я не располагаю временем, которое необходимо для завершения задуманных дел, поэтому начинаю хандрить, мол, шансов мало... Говорят, что нельзя изменить судьбу, опередить события, что всё придет в нужное время. Ладно, не суть важно...

— Молодых еще можно перевоспитать, а тебя уже бесполезно, — сказала, будто обмолвилась, Инна. — Расслабься, ты слишком взыскательна. Не конкурируй сама с собой. Не пролистнула ты свою жизнь, многое в ней успела. Успокойся словами поэта Левитанского: «Поздний опыт зрелого ума возрасту другому не годится». Желаю успехов твоему следующему детищу. Напитай его теплом надежды. Оставайся самой собой, верь в то, что делаешь, люби свою мечту и все у тебя сложится. Я хочу, чтобы свет в твоей душе еще долго не угасал, чтобы ангел-хранитель тебя не покидал, и ты всегда была хранима небесной опекой.

— Послушай я в детстве своего ангела-хранителя, у меня для совершенствования была бы целая жизнь, — снова загрустила Лена.

— Думаешь «передержала» себя, прокисла, как дрожжевое тесто? — рассмеялась Инна.

— Не начав, законсервировалась.

— Одни писатели слишком рано принимают снимать урожай своих мыслей, не доведя их до кондиции, у других идеи и мысли долго созревают внутри них, но потом падают готовыми, прекрасными плодами. Обнадежь меня тем, что не станешь разбазаривать свое драгоценное время на стоны. Для полного счастья тебе только его не хватает. Срочно бросай работу. Читателям еще предстоит открыть широкий диапазон твоих возможностей!

— Премного благодарна за поддержку, — улыбнулась Лена и прижалась к подруге, будто ища в ней защиту.

— Почему ты не пишешь о современных двадцатилетних? В молодых людях всегда живет надежда, перспектива и боевой задор! Это тебя будоражило бы и бодрило.

— Теперь часто говорят о глобальном равнодушии молодых людей к природе, человеку и даже к жизни. Я о них так не думаю. Но я не знаю всю молодежь всесторонне и глубоко. Общения со студентами на занятиях не достаточно, чтобы делать выводы. Наше поколение мне ближе и понятней.

— Я тебя слишком хорошо знаю и не верю, что ты не задумала чего-то более глобального. Ты всегда планку поднимала чуть выше, чем могла взять на тот момент, чтобы было куда стремиться. Потому-то и брала высоту за высотой.

— Так, да не совсем так. Не преувеличивай моих возможностей. Но ты права. Помимо проблем детей и семейных отношений я задумывалась о коррупции в мире и конкретно в нашей стране. Я давно заболела этой темой. Обдумывала, анализировала, пыталась охватить ее своим умишком хотя бы в одном ее малом спектре приложения, — перейдя

на совсем уж тихий шепот, поделилась Лена. — Я в деталях видела, как бы написала об этом, потому что многократно проигрывала сюжет в голове.

— Я бы не совалась в эти дебри. Поставь перед собой вопрос: «Действительно ли я хочу того, что хочу?» Там же «песню пой да недосказывай», — с доброжелательной участливостью остерегла подругу Инна. — Все уши тебе проедят избитые лживые фразы. Уникальные вещи образуются из красивой несбыточной мечты, а тут такая... грязь. Она опустошает. Настигнет разочарование, а из него, ты же знаешь, один путь — в депрессию. Тебе это надо? Я бы нипочем не отважилась.

— От нападков представителей сильного пола в любом случае не убереглась бы. Под микроскопом стали бы рассматривать каждую фразу в поисках недостатков и недочетов. Я несказанно позабавила бы сильную мужскую половину, — по-своему согласилась с ней Лена. — Но отступилась я от темы по причине нездоровья.

— А я думаю, потому что мы с тобой слишком далеки от «политики» и различных ее проявлений. Мало ее понимать, надо вариться в этом котле, — сказала Инна и перешла к другому вопросу. — Ты часто мелькаешь на голубом экране, избалована вниманием. Один чиновник — мой приятель лично тому был свидетель — недавно выразил по этому поводу недовольство, мол, чаще меня «светится». Непредвиденный случай?

— Ну, значит, ждате мне отлучения. Попаду в «черный» список и больше не увидят меня читатели. А то и вообще вычеркнут отовсюду, — усмехнулась Лена. — Я это уже проходила: была в незаслуженной опале по навету конкурента на премию. Вырезали из всех телепрограмм. Бывало, смотрю: в кадре все, кто был на съемке рядом со мной, а меня нет! Потом руководство сменилось... Только запрещая, иногда, напротив, привлекают больше внимания.

*

— Лена, ты можешь одновременно писать для детей и взрослых? — спросила Инна.

— Не могу сдвигать, я слишком глубоко погружаюсь в выбранную тему. Она постоянно прокручивается в моей голове, рождая многочисленные мысли. Даже во сне. Когда я пишу о взрослых, то с трудом перестраиваюсь даже на беседы с детьми. И за другой сюжет не могу браться, пока с первым не разделаюсь полностью. А вот о детях для взрослых — могу. Подобные вкрапления для меня не редки.

— Я в школьные годы не догадывалась, что ты тяготеешь к литературе больше, чем кто бы то ни было из нас. Твои рассказы я воспринимала как нормальный естественный треп. Не вникала в них. А твою задумчивость приравнивала к печали.

— Во мне не видели этой любви даже те, кому по профессии положено было замечать, — усмехнулась Лена.

Лена вздрогнула от неожиданно прозвучавшего в тишине голоса Жанны. (Она все это время не спала?)

— Бог говорит с нами, в основном, через судьбы близких нам людей. — Жанна попыталась развить свое суждение, произнесенное ранее. Ей хотелось поговорить о богословии, о том, что ее трогало. Но она опять не получила поддержки и тогда коснулась темы, интересующей всех присутствующих.

— В четырнадцать лет без поддержки отстоять свое писательское кредо было бы нереально, — сочувственно заметила она.

— Вы таки будете смеяться, но в детстве я начинала пописывать стишки после того, как меня поразила одна строчка: «Ночь обложила небо звездной данью». Я даже в областную газету их послала, но скоро поняла, что бесталанна, — с трогательным смущением поведала Аня. И вдруг смешно раздвинув седеющие брови, и растеряно хлопав белесыми ресницами, рассмеялась так искренне и заразительно, что Инна подумала удивленно: «Неужели над собой, над своей наивностью?» И все равно не удержалась от того, чтобы ни подразнить Аню:

— И тут ты в полете. А я-то надеялась на великие тебе почести, представляла, как тебе будут рукоплескать огромные аудитории.

— Неумное у тебя воображение. Мне это не грозит.

— Не могу противиться приятным желаниям.

— Это обнадеживает, — не осталась в долгу Аня, делая вид, будто не поняла шпилек.

Лена строго взглянула на Инну, мол, не напрягай Аню. И тут же подумала: «Говорит Инна одно, а в интонации звучит совсем другое. Но именно в ней суть произносимого. Больше чем в интонации раскрыться невозможно. Соврать голосом трудно. Хоть одной нотой да прорвется ложь или то, что хочется скрыть. В словах Инны сейчас проскакивает горькая веселость. А сердечко-то ее взывает и постанывает. И еще много чего в нем, о чем не хотелось бы сегодня думать. Все-таки сегодня праздник встречи».

И продолжила уже вслух:

— Так вот, что касается прогнозов: мы часто бываем недостойны своего призвания. Боимся, мелочи жизни заслоняют его от нас и своя удобная уютная ложь. Распыляемся, недостаточно трудимся. Я не о тебе, Аня.

Разговор подруг застыл на этой серьезной ноте.

21

— Лена, какая книга у тебя настольная? Кто украшает нынешний пантеон твоих богов-писателей? Кто на самой его вершине? Я имею в виду русскую словесность. Некрасов, Лермонтов. Продолжи список, — попросила Инна.

Но Жанна как чертик из старинной шкатулки «выскочила» со своими эмоциями:

— Максим Горький — мое потрясение юности. Сначала восхищала его родственная с моей восторженностью. Он был поэтом в прозе и возвышал человека. Ранний Горький звучал во мне колоколом. Я слышала в его словах идею Третьего Завета, о которой мне рассказывала неродная бабушка: явится Мать, мать-Богиня и придут перемены. Потом романтическое босячество из него ушло... и меня убили его «свинцовые мерзости» и «страсти-мордасти». Тогда-то одним днем закончилось мое детство. Горький хотел быть вне политики, но она — концентрированное отображение морали общества, и он не мог примирить в себе знание правды... эту зубную боль в сердце. Он был чистой личностью в грязном мире и одновременно человеком невероятно противоречивых страстей.

— Я тебе больше скажу: амбициозная идея-фикс о перековке и создании нового человека... — начала было Аня.

— Горели единым желанием?.. Мы увлеклись. Я отвечаю Инне. На каждом жизненном этапе у меня разные имена в приоритете. Например, Пушкина я поняла и оценила много позже Некрасова, после многократного обращения к нему. Великие произведения многослойны и ни один ответ даже самого гениального человека не исчерпает их сути... У каждого из нас свой Пушкин, — сказала Лена задумчиво. — Возьми, например, гениальные эпиграфы к «Евгению Онегину»... Учитель должен понимать такие вещи и доносить детям.

— К концу жизни понять... и умереть с Пушкиным в душе, — пробормотала Инна.

— Нравятся разные авторы, потому что постоянно меняешься. И эта смена предпочтений, как символ несовершенства и роста души любого человека, — сказала Аня.

Инне расхотелось продолжать разговор в том же духе, и она спросила Лену:

— Откуда у тебя тяготение к крупным формам?

— Я всю жизнь была в тисках обстоятельств и только в книгах могла позволить себе расслабиться, — призналась Лена и добавила с улыбкой:

— Много хочется донести до читателя, а в рассказ все мысли не помещаются.

— Но в книжках для детей у тебя получалось сложные мысли выражать просто и кратко. Умудрялась же как-то? Из каких закоулков сердца вытаскивала эти емкие строки? И ведь ни одной проходной новеллы!

— И в каждой отзвук войны... как в каждом сердце, — вздохнула Аня. — Драматургия у тебя мощная. Не прячешься за выстрелами и детективными приключениями. Ты потрясающе просто и сильно пишешь о грустном.

— В жизни светлое и темное переплетены, а в книге их можно, если нужно, разделять.

— В твоих рассказах глубокое осознание жизни и бездонная печаль, которую — истинно поняв, — можно выдержать только любя... Большая литература всегда обращается к тем трудным проблемам, которые мы в жизни стараемся избегать, — добавила Аня.

— В произведениях для подростков нет места длительным размышлениям, — сказала Лена, обращаясь конкретно к Инне.

— Понимаю, никакая детская психика их не выдержит. А уж для взрослых ты разворачиваешься во всю свою ширь, — рассмеялась подруга.

— Не вижу ничего смешного, — обиделась за Лену Аня.

И Жанна выступила на ее защиту. (Можно подумать, Лена в ней нуждается, но приятно.)

— Правда, что книжки для подростков у тебя заканчиваются без трагедий, но все равно пробивают и оглушают искренностью, извлекая пиковые переживания прямо из подсознания? Они будто созданы для проверки читательской зрелости. И это правильно. Грустные концовки убивают детей. Ведь ребенок как мыслит: у героя все хорошо и у него, у читателя, тоже, в конце концов, все будет в порядке.

— «Радостное» соотнесение себя с героем? — насмешливо фыркнула Инна.

— Помню, в детстве я увлеченно читала одну толстую книгу. Автора и название теперь уже не помню. И вдруг на самой последней странице выяснился обман, перечеркивающий все хорошее, что было описано до этого. Я была потрясена, и потом долго еще при одной лишь мысли об этом сюжете у меня слезы на глазах выступали. Я не могла смириться с несправедливостью, — пожаловалась Жанна. — Наверное, каждый ребенок может вспомнить подобную книгу.

— Жизненная правда подрезает детям крылья и отнимает радость детства. Я долго не могла свои расправить. И смириться было трудно, и находить силы и смелость для выхода за пределы общепринятых проявлений тоже было неутюда.

«Анька маленькая, неприметная, какая-то жалкая в своем сопротивлении жизненным невзгодам, но как скажет что-либо умное, так будто выше ростом становится, — удивилась Жанна. — Затеять бы разговор о педагогике, вот бы где она себя проявила!»

— Когда у меня всё плохо, злость придает мне силы, — сказала Инна. — Позитивные рассказы писать, наверное, намного труднее? Да еще такие, чтобы тебе поверили, что это было на самом деле и было прекрасно! — предположила Инна.

— И чтобы всё говорило о большом мастерстве, — задумчиво дополнила Аня Инну. — О преданности, о жертве, о несправедливости, конечно, проще. Нет, если для детей, я это легко себе представляю. Но только не для взрослых.

— Почитай Ларисины рассказы об ее друзьях, — посоветовала Инна Ане.

— Лена, когда пишешь, ты в личной жизни абстрагируешься от своих героев или они неотвязно тебя преследуют, трогают душу, дергают за нервы? — спросила Аня.

— Я до конца с ними. Иной раз отдыхаю на кухне, допустим, обед готовлю или посуду

мою, и вдруг кто-то из героев начинает меня «атаковать». Я хватаюсь за карандаш и записываю нахлынувшие мысли, — ответила Лена.

— Но это же тяжело. Ты устаеть?

— Бывает, что хочется сбежать от них, когда в дебри заводят. Но «мышь плачут и продолжают есть кактус», — улыбнулась Лена. — Это касается только героев «взрослых» книг.

— Зато, разозлившись, ты можешь сделать с ними что угодно, хоть с кашей съесть, — весело подсказала Инна.

— Или они меня.

— Получается, персонажи гипнотизируют не только читателя, но и автора? Не только в физике, но и в психологии работает принцип обратной связи? — удивилась Инна.

— Он всюду. Я замечаю за собой, что даже если просто разговариваю с любым человеком, у меня невольно подтекстом идет в голове: что я могу в данный момент взять от него в свою копилку — фразу, идею, особую манеру говорить, двигаться, — и что он от меня.

— Я вот тут подумала: как бы выглядело произведение, написанное мной на одну с тобой тему? — Инна обратилась к Лене.

— Если дать различным писателям один и тот же сюжет, то получим совершенно разные книги.

— По типу того, как режиссеры, взяв в руки сценарий, делают из него что-то созвучное своему внутреннему миру, своим «заскокам»? — расшифровала Инна слова подруги.

— Даже если это ремейки, все они будут сделаны на разных уровнях и с неповторимыми интонациями, — дополнила ее Жанна.

— Не люблю перепевы классики и скороспелые, доморощенные концепции современных режиссеров. В них придуманные сюжетные ходы часто не соответствуют оригиналам пьес, грешат дикой недостоверностью. Это как играть сцены каторги в замшевых и бархатных пиджаках или в бальных платьях. Не выношу, когда артистов заставляют плясать под дудку мало чего понимающих дилетантов, высказывать на потребу публике на сцену в нижнем белье, а то и того хуже... справлять нужду как собаки у стенки или... в отхожих местах. Это же извращение, вакханалия невежества, полное отсутствие вкуса! Мир сходит с ума! Из спектакля-трагедии делают ироничную комедию! Разве волен режиссер по-своему трактовать чужое произведение и талантливое превращать в примитивное? Я за сохранение старых классических сюжетов и за создание совершенно новых. Пусть в них изошряются и фонтанируют сумасбродными идеями, пусть ищут, пробуют, открывают новое, — строго преподнесла свой вердикт Аня.

— Но тоже с оглядкой? — Конечно же, это была Иннина реплика. — Ты смотришь современные фильмы и спектакли в основном для того, чтобы подсчитывать в них ляпы и промахи? Даже прогремевшие, неожиданно ярко прозвучавшие?

— Нет, конечно. Но если недочеты режут глаза? Недавно в фильме показали, как главный герой учит своего напарника, коллегу-майора, стрелять. Но ведь бред. Мне бывший ученик-милиционер рассказывал, что офицер обязан уметь стрелять, иначе не получит оружие и не будет допущен к работе.

— Но они же, насколько я помню, «следаки».

— Тем более, — заверила Аня.

Лена вышла из состояния задумчивости и сразу услышала Аню:

— ...Возвращусь к тому, с чего мы с тобой начинали беседу. Первые стихи дороги мне своей внутренней свободой и безоглядностью юности. Много позже я, как и Лена,

писала в дневнике длинные, красиво выстроенные предложения, изобилующие разнообразными знаками препинания, словно полностью не утратила тех юных порывов души. Просто ренессанс какой-то... Все мы этим грешили... Дошла до того, что вспомнила себя совсем маленькой. «Я сижу в кровати. На меня падает из окна яркий лучик света. Мне удивительно приятно, но я не могу выразить свои чувства словами. Вернее у меня еще нет слов, которыми я могла бы описать свои ощущения. Это такое интересное чувство! Помню, сначала немного испугалась. Потом долго гладила это пятно света и думала, думала...» Я тогда впервые почувствовала, что люблю этот мир. Очень милое воспоминание!

— Кто в юности не мечтал и не писал сам себе нежных признаний! — созналась Жанна.
— Даже мальчишки.

Она лежала, подложив под голову ладони, и задумчиво смотрела на темное окно, точно ждала, что на нем, как на экране телевизора, вот-вот появятся кадры из ее любимого школьного периода жизни. Она и в самом деле в этот момент подумала: «Ах, эта прекрасная кобальтовая синь летней ночи!.. Костер... Друзья... Как давно это было!»

— «Вторая молодость приходит, для тех, кто первую сберег», — не к месту пропела Инна. Ей было скучно и хотелось говорить.

— «Этот стон у нас песней зовется»? — «прошлась» по Инне Аня. — Когда ты применяешь чужие, талантливые строки в другом, ироничном контексте, ты их дискредитируешь.

— Напротив, я даю им больше пространства, открываю новую жизнь, — оставила за собой последнее слово Инна и спросила с насмешливой доброжелательностью:

— Мир? Нам остается обменяться рукопожатиями? А они с жатыми кулаками невозможны.

— В этом что-то есть, — удовлетворенно сказала Аня. — Сойдемся на том. Ты «без сожаленья бросаешь в суп лавровый лист с победного венка?» Но не надейся полностью пристегнуть меня к своему мнению, а то на поверку выйдет обратное, и попытка замиришься тебе не зачтется.

«Примирение по инициативе Инны?! Между двумя спорящими, посередине на самом деле находится не истина, а проблема», — подумала Лена.

— Нет, вы посмотрите на Аню — петушится! Я не стану на этот раз оспаривать прописные истины, но другой раз не подставляйся.

«Инна всегда искренняя, прямая и слишком живая. Ну, совсем как ребенок. Но сегодня у нее воинственное настроение, резкие нотки в голосе указывают на это. Отвлеку-ка я ее, пока она опять не сорвалась», — решила Лена.

— Когда я пишу, мне никто не должен мешать. Я сосредотачиваюсь и в эти минуты принадлежу только себе.

— Корней Чуковский советовал молодым писателям писать, как пишется, не останавливаясь. Наверное, чтобы было из чего выбирать лучшее? — Инна попыталась свернуть на другую тропу, но Лена спокойно продолжила:

— Я умею не замечать звук телевизора, но отрицательно настроенный человек рядом со мной мгновенно выводит меня из равновесия и тем отбивает всякое желание работать. Вдохновение улетучивается.

— Писательство — это страсть к самовыражению? — уточнила Инна.

— В некотором роде. Никакие неудачи не способны ее загасить. Она — топливо для творчества.

— А если рассуждать с точки зрения господствующей морали...

Лена безнадежно вздохнула и прикрыла лицо простыней.

— ...Я понимаю, журналистская краткость не есть простота.

— Соображаешь, — весело похвалила Жанну Инна. И тут же почему-то подумала: «Жанна была в юности пленительно красива, и все же ей чуть-чуть не хватало врожденного Лениного благородного изящества, которое не искоренил даже тяжелый деревенский быт».

— ...Есть цели, путь к которым может указать только Бог. Талант — Богом разрешенная дерзость.

— Я бы так не сказала. Это слишком претенциозно, — уставившись отсутствующим взглядом в ей только ведомые дали, ответила Лена.

— Мне кажется, наше поколение воспринимало талант как общественное достояние, а современное — как личное, — сказала Инна.

— Против кого направлена эта дерзость? — с запозданием уточнила Аня. — И правильно ли говорят, что в современном мире отсутствие дерзости хуже отсутствия таланта?

Ответа не последовало, потому что Инна спросила:

— Лен, твои книги — вызов самой себе?

— С чего ты взяла? — пожала плечами Лена.

— Не знаю, я чувствую это на уровне телесных ощущений.

— Руками, что ли? — рассмеялась Жанна.

— Тебе так кажется, потому что в каждом произведении я оставляю частичку своей души, — сонно, но серьезно ответила Лена.

А Аня подумала:

«Наш разговор напоминает мне движение Инны и Лены по магистральному шоссе. А мы с Жанной перемещаемся по неосновным дорогам и только иногда выкруливаем на трассу и какое-то время движемся параллельно подругам, с тем, чтобы вскоре «отсоединиться» и снова перескочить на свое боковое ответвление».

«Какие-то скачки... туда-сюда, о том, о сем. Нет связной беседы. Какие-то клиповые метания. Может, Инна хочет о чем-то серьезно поговорить со мною, а разговор о писательстве только повод? Но девчонки не спят, мешают...» — подумала Лена. А через минуту ее сморила не только духота в комнате, но и тихое усталое бормотание подруг.

*

На этот раз в чувство Лену привел голос Жанны.

— ...Как тревожно-мудрый, гениальный Чехов — этот великий ёрник — бывал зло откровенен! Напрямую, без всяких кружений врезал. Не очень любил людей, но жалел, потому что слишком хорошо их знал. «Тоска» — мой любимый рассказ. Какая концентрация тягучей боли возникает в сердце, когда читаешь его строки о простом несчастном человеке, который хотел излить свое горе! Но его никто не слушал. Рассказ о людском безразличии и бессердечии. Я чувствую горе этого бедняги каждой клеточкой своей души и себя в детстве вспоминаю... Перечитывая, я каждый раз задышалась от жалости и обиды на людей. Это шедевр! Это вершина!

— Любить людей со злостью и ненавистью? — пожала плечами Аня.

— Чехов призывал их к добру. А в других рассказах он оперировал тончайшими, едва уловимыми комическими моментами.

— Суровый, лишенный сентиментальности, закрытый — он не радуется, — сказала Инна.

— Быть лучезарным, находясь под постоянным дамокловым мечом неизлечимой тогда болезни, зная свой близкий конец? — вспыхнула Жанна.

— Дался вам Чехов. У нас не было своего Шекспира, вот и назначили Чехова, и возвели на пьедестал. Что рты раскрыли? — елейным голоском спросила Инна, с потаенным ликованием глядя на потрясенные лица подруг.

Жанна побледнела. Вопросы один за другим вспыхивали в ее мозгу все быстрее и быстрее. Она не могла сосредоточиться.

— Разгромное высказывание. Кому бы говорить, а кому и помолчать... эксперт-недоучка, — наконец с расстановкой произнесла она.

— Самоучка.

— Это твои собственные измышления? Я бы поняла, если бы зависть... Но ведь просто так ляпнула. Как собачонка спросонья в ночи брехнула. А-а... что с тобой говорить! Тебе бы только развенчивать. Нет предела некомпетентности. Никто тебя не заставляет любить Чехова, — как личную обиду восприняла шокирующие слова Инны Аня.

— Весь мир признаёт, а она так умнее. Это результат твоего феноменального тщеславия или... глупости? — сердито отреагировала на Иннин гнусный выпад Жанна. — Стремясь выделиться, ты проявляешь сумасбродство. Да, Чехов приводит меня в состояние депрессии, но это не отменяет его гениальности. Я понимаю, что депрессия — результат реакции моей нестабильной психики на мощный раздражитель.

— Собственно, своим ощущениям я доверяю только наполовину. Нет, я, конечно, читала у Дмитрия Быкова, что Чехов — мастер стеба, что он не смешит, потому что его изысканный юмор закопан глубоко, и надо суметь его извлечь и понять. А это не всем дано. Но по мне так он скучен и тосклив... Не мне выражаться обтекаемо и уклончиво.

— Он не из тех, под музыку которых хочется пуститься в пляс, — зло заметила Аня.

— Да пошутила я. Неудачно пошутила, — примиряюще сказала Инна, чувствуя, что желая показаться экстравагантной, перешла все границы. — Лгать не умею, а приврать и присочинить люблю. А это, как вы понимаете, разные вещи.

«Реакция усталого и больного мозга? Хотя на фоне болезни и постоянной неудовлетворенности жизнью, ее желание с головой уйти в мир радостной или хотя бы веселой литературы вполне естественен, — подумала Лена. Ей хотелось хотя бы для себя как-то оправдать свою подругу. — Для кого как, а для меня мозаика характера Инны прежде всего содержит преданность, искренность, житейский ум, повышенную возбудимость... и неожиданную слабость. С ее-то синдромом отличницы: все успеть, все сделать лучше всех! Прекрасный, милый человек редкой доброты, но с некоторыми... заскоками. Все мы в некоторой степени...»

— Крепись, чёртушка! — шепнула она подруге на ухо и уже чуть громче для всех добавила:

— Недавно памятник Чехову скульптора Аникушина видела. Что-то от Христа в лице писателя разглядела. И в фигуре, и в динамике. Удивительная пластика. Смотрит вдаль и будто пророчествует. Сразил меня, впечатлил. Талант этого скульптора тревожит и восхищает... А тот его памятник, — который Пушкину, — я давно видела.

Лена попыталась увести подругу от темы, грозящей великому писателю примитивным и пошлым обсуждением.

— Ты тоже по мозгам бьешь и не чураешься дидактики, — не сменила выбранного направления и тона Инна.

— Это плохо? — удивилась Аня.

— Чехов не был склонен назидать, — сказала Инна.

— Он гений и другими методами достигал желаемого результата, — объяснила Лена.

— Гений один — Творец, Бог.

— Жанна, спустись на Землю, — попросила Аня.

— Я недавно перечитала рассказ Чехова «Палата № 6» и впала в депрессию. Этого он добивался? Для меня притяжение не любой талантливости безусловно, — снова начала раздражаться Инна.

— Ты «под настроение» еще и «Черного монаха» возьми почитать, — насмешливо предложила Жанна.

— Не хочу, своей тоски перехлест. После его комедий жить не хочется.

— Чехов считал, что не стоит мешать людям жить в мире грез, — задумчиво напомнила Аня. — Может, он и прав.

— Инна! До чего додумалась! Депрессия из-за Чехова? Ты Платонова вспомни, — возмущилась Жанна. — Лена, чьи произведения больше всего вгоняют тебя в тоску?

— Их влияния нельзя сравнивать. Чехов сражает глубиной печального интеллектуального психологизма. Платонов же давит и убивает патологической дикостью жизни, восприятием жутчайшей действительности того времени, глобальной безысходностью и трудным, я бы сказала, тяжелым как кувалда языком, уместным для этого своеобразного писателя и для освоения им такой болезненно-беспросветной темы, как сложное сталинское время. Язык зачастую является ключом к пониманию произведения. Но делать какие-то заключения по поводу влияния на меня Платонова я не могу, потому что читала «Котлован» в больнице, после операции, в процессе принятия химий, когда моя собственная боль складывалась с депрессией, вызванной производением. Врач, увидев книгу, удивленно спросил: «Не нашли ничего лучшего? В вашем состоянии Платонов может убить». И принес мне «Бравого солдата Швейка».

— Все относительно, — неопределенно пробурчала Инна, не желая спорить с подругой. — Недавно я читала внучатой племяннице номинированную на премию повесть о войне и притеснении малых народов, о том, как они голодали. И вдруг малышка задала мне неожиданный вопрос: «Тетя в книжке рассказывала, что несчастные переселенцы, вернувшись на родину, ели лепешки, орехи, мед и сливочное масло, а твоя бабушка в войну и после нее питалась картошкой и сухарями, но не считала, что голодала. И ты в детстве не пробовала таких деликатесов. Как это понять?» Я растерялась и не смогла политкорректно ответить ребенку. Не компостировать же девятилетней девочке мозги теорией относительности?

— Тебя перемкнуло? Не поверю, — усмехнулась Жанна.

— Не перестроилась. С нашим-то ориентированием на дружбу народов, на постоянную их поддержку и подпитку...

— Ясно, — кивнула Жанна.

— В пятнадцать лет хочется улететь в небо на воздушном шаре, чтобы чудесным образом избежать проблем или развеять тоску, — сказала Аня. — А в нашем возрасте требуется иное лекарство.

Лена понятливо качнула головой.

— В юные годы постылая жизнь, «веселая» есенинская тоска и депрессия? — растерялась Жанна.

— У меня — да, — едва выдавила Аня, а через минутную паузу добавила:

— И плющило, и вышибало как пробку из бутылки шампанского, и покончить с собой хотелось.

Вникать в беды Аниной юности и признавать правоту ее слов Жанне не хотелось. Она уже перебрала негатива по самую макушку. «Друзья аттестуют меня

как непревзойденного оптимиста, а здесь я за один день сдулась. Поместить бы Аню в мою компанию, чтобы не кисла и не ставила под сомнение радости простых житейских истин», — вздохнула она устало.

«Глаза у Ани всегда грустные, потому что слишком рано узнала и поняла много плохого: арест родителей, детдом. А другой проживет семьдесят лет, но для него так и останется самым страшным событием жизни не выигравший в детстве лотерейный билет. Встречала я такие экземпляры с биографиями без потрясений и катаклизмов», — сквозь затуманивающую ее мозг пелену наплывающей дремы мысленно отреагировала Лена на печальные слова Ани.

*

— ...Ты не права. У настоящего писателя его истинные взгляды видны и без сознательного подчеркивания и выпячивания. А особенности языка он употребляет, как средство углубления достоверности или тонкого очарования читателей. Я обожаю изучать художественные особенности произведений, и все же для меня самое главное в них — правда жизни. Мне смысл важнее метафор. Но писать о современности надо языком, на котором говорит основная масса людей, — заявила Аня.

«И тут она вместе с народом!» — улыбнулась Лена. — Какие все-таки у девчонок в споре — когда не занудствуют — красивые содержательные, одухотворенные лица! Любо-дорого смотреть. Хочется жить рядом с ними, дышать одним воздухом».

— Анюта, ты ли это? Ты открываешь мне глаза! Вот это по мне! Может, ты тоже сочиняешь, допустим, ради переживания острых ощущений? — насмешливо спросила Инна, похоже, переводя тем самым в шутку ранее нанесенное себе оскорбление, которое, наверное, не дошло до дремавшей Лены.

«Кем она пытается меня выставить? Не поддамся», — подумала Аня и ответила Инне спокойно:

— Как-то не случилось.

Сначала, из угла, где расположилась на ночь Жанна, послышался легкий недоуменный шепоток, но тут же затих. Потом Лена услышала негромкое бормотание:

— «Насилует простуженный рояль», «И сырость капает слезами с потолка...» Какая образность! Чьё это?..

— Спросонья, что ли бубнит? — тихо сказала Инна, отвлекшись от Ани.

— ...Не поддается вдохновение описанию, сравнению и оценке.

— Самокритична, к великим себя не причисляешь. Не отважишься. Как же иначе! Они ведь «в преходящем усматривали вечное, в случайном — следы божественного». Они обязаны своим талантом Богу! А ты разве нет?

— Инна, повторяешься, — вздохнула Лена.

— Считаешь, что до классиков не дотягиваешь? А может, ты уже в той цепочке, в том ряду, и обманчивая простота твоих рассказов для потомков вдруг окажется откровением? Скромничаешь. Не можешь даже шутливо, как Олег Янковский, заявить, мол, «я на свою беду, бессмертен». И в этом твое величие? А надо уметь подавать и продавать свой продукт. Вот так и погребаются таланты. Запомни, ты настоящий писатель во всех смыслах и проявлениях, потому что умеешь постоянно держать читателя в своем эмоциональном поле. Помнишь фразу: «Ты, Моцарт, Бог. И сам того не знаешь». Вот и я скажу: «Писатель, когда творит, близок к Создателю». Эта фраза должна быть в твоём сердце, будто высеченная из мрамора. Она того стоит.

— Спасибо за комплимент, которого я не заслуживаю, и за «любезность, без которой можно обойтись». Сразила. Изыди, сатана. Я знаю цену лестии, — сказала Лена и даже руками замахала. — Ну и шуточки у тебя, милый мой, добрый эксперт. Какую же надо иметь роскошную фантазию, чтобы пытаться втискивать меня на одну полку

с классиками?

— Задача, конечно, не из легких, — весело откликнулась Инна.

— До Судного дня мне ждать-пождать подобного признания. И не дожидаться. Я до сих пор чувствую себя ученицей, по ночам «сдаю» экзамены, что говорит о моей неуверенности в себе.

— Не наставила я тебя на путь истинный? У божьих врат честные свидетельства очевидцев эпохи могут оказаться бесценными, — пошутила Инна.

— А теперь ты над кем потешаешься? — не поняла Аня, очевидно не вникнув в разговор подруг. Но тут же смешалась и больше уже не пыталась прояснить упущенный смысл.

«С юмором у Ани иногда туговато, а в остальном она ничего. Что это сегодня мои подруги на литературе помешались? Никак диспут не закончат. Мое присутствие тому виной», — решила Лена.

— Я трезво смотрю на себя и свои возможности. Но мои детские книжки зачитывают до дыр. Я могу позволить себе этим похвалиться. И уже только поэтому я прихожу к выводу, что мое писательство — приход к себе, и что не зря я из физиков в лирики «подалась», хотя коллеги посчитали это странным кульбитом. Кому-то, чтобы найти себя и утвердиться, необходимо взойти на Монблан или достичь Северного полюса, а для меня — мои книги и есть пик Победы, авантюрный план и заманчивый маршрут, на котором я сумела на родной земле встать во весь рост. И моя прекрасная семья — самая любимая и самая важная в жизни вершина. Оглядываясь назад, я сознаю, что проиграть эти оба вызова судьбы для меня было бы ставкой больше, чем жизнь. Крайне важно осуществить во взрослой жизни то, о чем мечталось в детстве и юности. Но, как теперь принято говорить, у меня почти всё срослось.

Лена отвечала Инне очень тихо. В этот момент лицо ее словно озарялось теплым сиянием. Аня, заметив его, широко раскрыла не только глаза, но и рот.

А Инна подумала: «Лена потеряла любовь Андрея, но нашла судьбу. А могла бы сидеть, как Жанна, при муже. Ленка ведь так предана в любви! Я ошибаюсь по поводу ее счастья или нет?»

*

— ...Режиссер Владимир Меньшов хорошо сказал: «Успех — это когда ты приобретаешь врагов. Большой успех — когда теряешь друзей». Лен, я тебя и себя к числу таких друзей не отношу. Мы не завистливые, — сказала Инна.

— Счастье не в успехе. И без него можно быть счастливым. Не стоит подменять эти понятия. Счастье — широкое понятие, но прежде всего — это ощущение того, что ты совпадаешь с тем, что для тебя важно, — возразила Жанна.

— А если человек не идет по своей природе, он вовсе не будет счастлив? — спросила Инна.

— Человек — это не только то, что в него заложено природой, это еще и окружение. Оно меняет, подстраивает, деформирует, лепит его.

— А если бы у Риты успех не случился?

— Опять ты: «а если бы». Тогда ее писательство оказалось бы донкихотством в чистом виде.

— Творчество в основном и есть донкихотство, — сказала Лена.

— Тогда надо добавлять «клубнички» для затравки и завлечения, — предположила Жанна.

— Это будет уже не творчество, а уступка определенному слою читателей, — недовольно возразила Лена.

— Чтобы выглядеть умной, начну с цитаты Пастернака. Прикроюсь ею. Он говорил, что быть знаменитым некрасиво.

— Кокетничал, — ответила на Иннино замечание Жанна. — Ты уже и на Пастернака замахнулась? Не тревожь прах знаменитых людей, выдергивая и применяя к месту и не к месту фразы из их наследия. Манера подкреплять свои действия чужими словами ведет к привычке освобождать себя от личной ответственности, мол, другие, очень умные и даже талантливые тоже...

— Я же вспоминаю классиков с благодарным величием! И современных писателей не обхожу вниманием. Должна же я показать себя сведущей в литературе, — рассмеялась Инна. — Я себя только в таком качестве вижу.

— И не только в литературе, — буркнула Жанна.

— Ах, Ленка, ты — сама умиротворенная мудрость! Но ты из тех, кто во главу угла ставит правду, являя слово «в его последней прямоте». А злопыхатели за словами правды столько ненависти скрывают! Хочешь сорвать маску «с лица человечества»? Мечтаешь посредством импровизации — куда же без нее! — и мистики слов затронуть, пробудить и перевоспитать людей? Надеешься изменить их внутренний мир, научить быть счастливыми? Ты не умеешь по-другому? А может, претендуешь на преобразование всего внешнего мира? Так это идеализм-идиотизм. На самом же деле все мы скрываем в себе дикий первобытный архетип. Мне незамедлительно отгородиться от своей теории и принять твою?

«Инне опять хочется ужалить Лену? Не может быть», — возразила сама себе Аня и бросилась в бой:

— Это твой эмоциональный памфлет? Торопишься излить тяжкую ношу раздражения? Ты в этом мире видишь лишь уродство. Говоришь от своего имени или вообще? Не боишься цепной реакции последствий? Порезвилась, подразнила и будет.

— Я никогда не перехожу границ разумного, — удостоила Аню ответом Инна.

— Границы у всех разные, — тихо, но жестко парировала та.

«Опять они...» — вяло отреагировала Лена.

22

— ...Настоящий писатель — больная совесть любого общества, — уклонилась от Инниных ядовитых стрел Лена.

— Пастернак еще ярче выразился. Сказал что-то типа «Для меня книга — объем дымящейся совести».

— Иногда небольшая доля пафоса не во вред. Главное — уважительное отношение к слову, чтобы не переборщить, — сказала Жанна.

— Какая там правда, если купюры, — сказала Аня. — Одобряют со скрипом? Ничем не гнушаются? Небось вцепляются мертвой хваткой, выискивая аллюзии, подтексты? Поэт Дмитриев писал, что талант оскорбляет завистливую посредственность.

— Любимого конька оседлала, — усмехнулась Лена. — Имеешь зуб на критиков? Какой там у меня талант, так, «неопытная Муза». Притеснения? Ну, это от лукавого. Ты мыслишь старыми категориями. Что касается критики: она меня не может сильно задеть. Я себя оцениваю много жестче и больше полагаюсь на собственного внутреннего редактора, на так называемый самоконтроль, даже иногда издаю книги в авторской орфографии и пунктуации. Но я прислушиваюсь к замечаниям. Они полезны в любых смыслах. Читая о себе, иногда делаешь неожиданные открытия в собственном творчестве. А быть всем интересной и милой все равно не получится, сколько ни старайся.

— В тебе критик сильнее писателя? Надо иногда отпускать себя, — посоветовала Инна.

— Совсем между пишущими людьми нет борьбы, зависти, оговоров, нападков? Ты не подвергалась травле коллег? Не поверю. Расскажи о цеховых разборках, о схватках за премии, — попросила Жанна.

— Борьба? Ну, если только за деньги. Котел один, а ложек много. Британский Буккер приносит огромный доход, а русский не делает богаче. К тому же рынок реагирует на премии нелинейно. А у нас, в области, какие деньги? Так, слезы...

— Особенно если учесть, что количество талантов на единицу площади превосходит все мыслимые и немыслимые величины, — сказала Аня.

— И наш край богат поэтами, — улыбнулась Лена. — А издание книг влетает в копеечку. Продаются в основном детские книжки. И то не до прибыли, отбить бы затраты. Многим и это не удается. Взрослые книги окупаются только радостью удачно написанного текста. Алексей Толстой, тот который потомок Льва Толстого, советник нашего президента, правильно сказал, что культуру нельзя заставлять зарабатывать. Она — не услуги, которые государство предоставляет народу. Напротив, оно должно помогать развивать и внедрять культуру в массы. Книгопечатание — это бизнес. А бизнесмен в первую очередь думает о своей прибыли. Ширпотреб легче продавать.

— Высекла издателей, — хмыкнула Инна.

— Получается, сегодня в России нельзя прожить на доход от литературного труда? — спросила Жанна.

— Быть писателем и одновременно удачливым менеджером дано немногим. Это как сочетать несочетаемое. Вот и стремятся писатели на конкурсы за крохами. Собственно, не бывает писателей с легкими биографиями, так чтобы всю жизнь всё ровно и гладко. Молодым (не в смысле возраста), неизвестным писателям очень трудно пробиваться в издательства. «Колобок» переиздавать выгоднее. Беспроигрышный вариант. Только нельзя с потребительской оценкой подходить к литературе. Серьезные проблемы возникают и с распространением тиража. Почта втрое дороже дерет за пересылку. И везде деньги, деньги. Это тебе не при Союзе.

— Когда существовали принудительные тиражи — рассылки книг и журналов по школам и библиотекам? — уточнила Аня.

Лена не ответила. Наверное, не желала продолжать болезную тему.

— Я хотела бы, чтобы мои внуки прочитали книгу Николая Носова «Витя Малеев в школе и дома». Я ее так любила в детстве! Но не могу найти даже в библиотеке, не то чтобы купить, — вклинилась со своей жалобой Жанна. — И как поется в небезызвестной частушке: «Отсюда все последствия».

— Но получить премию — дело не безнадежное. Уверяю. Может, когда-нибудь и я получу что-нибудь достойное, — непредсказуемо «закруглила» свою мысль Лена.

— Мне один знакомый профессор сказал, что если т а м, в комиссии, прочтут твои книги для школьников, то не смогут пройти мимо, отметят. Но если у них заранее определены претенденты — что теперь нередко случается, — то, как пить дать, «пролетит» ваша подруга. Так что, Леночка, забей на надежду, — вздохнула Инна.

— Шокирует меня твой молодежный жаргон. Премии прибавляют вес имени писателя, но, к сожалению, на продажу книг не влияют. Получается, что премии есть, а денег все равно нет. Досадно, но ладно, — отмахнулась Лена и с головой накрылась простыней.

— Зато свобода и самостоятельность, — заметила Жанна.

— «Хочешь быть богатой — пиши как Демьян Бедный», — отозвалась Аня где-то услышанной фразой.

— Разве не как Донцова? — с неестественным экстазом воскликнула Жанна.

— Бывает, что награжденная книга не имеет читателя. Я по телевизору слышала.

— Главное — качество аудитории, а не количество, — возразила Инне Аня.

— Мечта согревает и кружит голову. Что еще остается? — усмехнулась Инна. — Милые дамы, вас не беспокоит, что в комиссиях по премиям, как правило, преобладают мужчины? Им же не понять тонкостей детской души так, как понимают ее женщины. В состоянии ли они «считывать» то, что чувствуют дети?

— И какой выход? — спросила Аня.

— ???

*

— Моя знакомая поэтесса говорила: «Я пишу не для себя, для Бога! — опять включилась в разговор Жанна.

— Какое самомнение! Она подыгрывает сама себе. Эпоха Возрождения боролась за то, чтобы человек мог говорить от имени Человека, а не Бога, а она снова в средние века нас тянет. И вообще, причем здесь Бог?

— Он же талантом наделяет, — осторожно подсказала Жанна Инне. — Писатель — инструмент в руках Бога. — Только не всегда человек бывает достоин своего таланта. Несобранность, лень, алкоголь...

— Какая поэтическая экзальтация! Это церковь — инструмент давления на массы. А у твоей знакомой просто нервы разгулялись или психика не в порядке.

— Для Гоголя писательство тоже было служением Богу, — выставила свой аргумент Жанна.

— Сравнила! Тогда без Бога в мыслях и шагу не ступали.

— А ты не злилась, учишься получать удовольствие от добрых и душевных слов, — вкрадчиво-монашеским тоном посоветовала Жанна.

— Душевных? Чьих, комиссии? — взвилась Инна. — Ох уж эти мне конкурсы, эти ристалища! Иногда они превосходят все мыслимые и немыслимые ожидания.

— Я не вникаю в эти дебри. В сторону ухожу от борьбы. У меня своя орбита, — тут же отреагировала Лена, чтобы от нее отстали.

— Ну и напрасно. Твой кумир детства Суворов за всю жизнь не проиграл ни одного сражения! — поддела подругу Инна.

— Это не тот плацдарм, где я хотела бы и могла сражаться. Другое дело, допустим, за жизнь человека или в научных изысканиях.

— А как дела обстоят с остальными твоими кумирами: Леонардо да Винчи, Шекспиром? Не потеряли свой блеск в твоих глазах их прелесть и значимость? Может, со временем всплыли на поверхность новые, более достойные имена для пополнения дефицита положительных эмоций?

Лена ответила молчанием. Инна поняла и приняла его.

— Я слышала, что критики присваивают себе право судить, кто хороший писатель, а кто не очень. У них есть критерии: развлекательный роман считается так себе; если воздействует на чувства — хороший, а если озаряет путь следующим поколениям — то великолепный, — продолжила тему Жанна. (Вот уж кому точно не спится!)

— Детектив тоже может быть блистательным, — сонно буркнула Аня.

— Премии часто не являются эквивалентом качества. Не секрет, что иногда их дают не за талант, а за верность своей политической тусовке. И с этим приходится мириться, — заторопилась высказаться Жанна. — Но это же попустительство! Даже хуже.

— «Не проходите мимо!» — ответила на искреннее Жаннино возмущение Аня заголовком своей любимой юмористической книги юности. — А я где-то читала,

что хороший писатель — оскорбление для своего народа. Он пишет правду на злобу дня. А кому она нужна? И лишь с годами, когда правда превращается в миф, автора начинают ценить и превозносить. И тогда его произведения кидаются читать и стар, и млад.

— Еще раз коснусь больного вопроса и позволю себе процитировать чужие слова. Я слышала, что премиальные деньги забирают себе организаторы конкурсов. Там у них «игры без правил» и скверные ситуации, которые никого не останавливают. Они дискредитируют саму идею конкурсов.

— Вот и услышала я мнение «народа»... Вечные традиционные жалобы: не тем, не за то, — раздраженно отмахнулась Лена от Жанны. — Не собирай сплетни. Коробит меня от них. Я, не раз сама страдавшая от недобросовестного мнения — оговоров, не стану никого обсуждать и осуждать.

— Так это ты. А другие, обозлившись, такого навьдумают и распространят!

Лена упорно не хотела поддерживать тему, потому и зарылась с головой в постель.

«Дистанцию держит с нами. Ожидаемая реакция. Не найти нам с ней общего языка. Она как инородное тело, залетевшее не туда, куда надо. Стоит на защите собратьев по перу? Мы тут желчью исходим, а с нее как с гуся вода. Умеет подавлять в себе неприязнь, антипатию, даже ненависть? Прикрывается молчанием. Даже когда разговаривает, она не совсем с нами. Хотя... личности такого масштаба всегда одиноки. Может, своя боль стискивает ей зубы?» — гадают Жанна.

— Москва уже давно перекармлена всякими фестивалями, выставками и конкурсами. Пора на Дальний Восток обратить свой взгляд, на Зауралье и Сибирь. Пусть бы в конкурсных комиссиях участвовали представители из глубинки, там еще живет порядочность. Я в этом плане Вологду могу в пример привести. Я там бывала.

— Согласна, — поддержала Жанну Аня.

— Так и участвуют. Загляните в интернет, — сказала Лена. — Просто концентрация писателей в регионах разная.

— Я стих Евдокии Ростопчиной вспомнила, — сказала Аня.

«Да, женская душа должна в тени светиться,
Как в урне мраморной лампы скрытый луч,
Как в сумраке луна сквозь оболочку туч,
И, согревая жизнь, незримая теплится».

— Современные женщины не согласятся с печальными строками, написанными в девятнадцатом веке. Да и интеллигентные мужчины не опустятся до принижения поэтов по гендерному признаку. «Прошли Крылова времена», — возразила ей Инна.

«Свободные от семьи женщины имеют больше возможностей для самообразования и самосовершенствования», — отметила про себя Лена.

— Лена, кто, по-твоему, герой нашего времени? Я включаю телевизор и в любое время дня и ночи на любом канале вижу сотрудников наших доблестных силовых структур, вот и делаю вывод, — сказала Аня неуверенно. — На втором месте артисты. Посмотри, сколько передач в неделю им посвящается! А на третьем — политики.

— Я думаю, женщина.

— Пока львы молчат, на сцену выходят львицы? — усмехнулась Инна.

— Так уж сложилось в сегодняшней жизни, что женщина возложила на свои плечи гораздо больше, чем когда бы то ни было. Разумеется, годы войны во внимание не принимаются. Оглянись вокруг, присмотришься и ты поймешь, что я права. Не потерплю возражений, другие варианты не принимаются, — шутливо приостановила Лена Анину

попытку возразить.

А Инна мгновенно настроилась на веселый лад и добавила:

— Мы даже вину мужчин берем на себя: «Я за грех твой, милый мой, перед Господом отвечу».

«Даже такой серьезный вопрос превратила в комедию», — еле слышно сердито пробурчала Аня.

— Женщины всегда стремятся создавать вокруг себя гармонию мира и красоты, — заметила Жанна.

— И английская железная леди, бывшая премьер-министр Тэтчер? — удивилась Аня.

— А в семнадцатом веке на Востоке гаремные женщины определяли политику государств. Смещали одних властителей, ставили других, — сообщила Инна. Ей нравилась тема. Она попыталась затронуть Петровские времена, но подруги не пожелали погружаться в историю правления великих Российских императриц. Их волновало настоящее и будущее страны.

23

— ...Лен, очнись. Задумалась? Вернемся к нашему спору? Я не исключаю восторженные восклицания и панегирики по поводу твоих книг для взрослых, но есть к ним и вопросы.

— Критикуй, критикесса. Не юли. Я разрешаю откровенно говорить нелицеприятные вещи. Я жду твоего приговора. Раззадорь во мне недовольство собой, — сквозь сон разрешила Лена.

— Bravo! И я для чего-то сгодилась. Тебя не пугает мое воинствующее дилетантство? Критиковать чрезмерно, ретиво?

— Вразнос. Напропалую. Я готова к любым трактовкам. Окати меня ледяным душем, выдай порцию желчи, отыграйся за всё и вся.

— Не жди от меня поблажек. Я превращу эту квартиру в площадку для творческой дискуссии! Я выведу тебя на откровенность и устрою полный разгром! Ох, и потопчусь я сейчас на твоей писательской ниве! Порой плачевные обстоятельства приводят к чему-то положительному и полезному, не правда ли?

— А на костях не хочешь? О, непогрешимый судья... не способный проникнуться таинственным чувством восторга, — съехидничала Жанна по поводу интеллектуальных и эмоциональных возможностей Инны.

— Да уж слюни не стану распускать даже для подруги. Кого любят, того мало хвалят. Теперь я это хорошо понимаю. И я знаю о себе неопровержимые вещи: я не вру, не подлизываюсь и о жизни знаю больше некоторых тут присутствующих. И родство наших душ мне не претит, — в ответ отрезала Инна и подумала презрительно: «И что бы ты во мне понимала!»

— Ну не отлучишь же от писательства? — улыбнулась Лена.

— Так вот, после тщательного рассмотрения твоего творчества, я задам следующие вопросы, — Инна посмотрела в сторону Жанны, — во-первых, зачем такая необычная фабула? В меру безумная идея! Я понимаю, даже балеты бывают бессюжетные, но канвой там служит музыка. Она наталкивает на идеи, из нее рождается понимание. А у тебя музыка души, что ли? Только всякий ли ее услышит?

— Хорошо сказала: музыка души! Один товарищ рассказывал мне: «В голову приходит удивительная, потусторонняя музыка. Она раскрывает мое подсознание, и я пишу в сомнамбулическом состоянии. Моя душа, словно отлетает, отпускается от страданий и мучительных размышлений и после недолгих странствий находит приют в пространстве счастья... И я пишу о прекрасном!» Со мной тоже такое случается. —

На лице Ани промелькнула мечтательно-восторженная улыбка.

Инна «не услышала» Аню и обратилась к Лене:

— Я понимаю, нет единого сюжета, зато масса смыслов. Легко писать, имея мощный интригующий сюжет. А попробуй бессюжетным произведением увлечь читателей, вот где проявляется в полную силу индивидуальность и талант писателя. Да?

— Иногда сюжет не заслуживает развития, но имеет смысл остановиться на углублении сути какой-то проблемы, — ответила Лена.

— Может, Инна, тебе важнее нырнуть в неизведанные бездны русского языка? А что? Тоже полезное дело, — предложила Жанна.

— Прямо-таки неизведанные. Ладно, идем дальше. Идея должна быть хорошо упакована. Разве писатель в этом не заинтересован? Но ты вместо этого вспоминаешь, философствуешь. Наболевшее слишком торопишься высказать? — продолжила Инна. — А вот обложки твоих «взрослых» книг достойные: то ли метафоричные, то ли символические.

— Теперь в плохом оформлении книги не выпускают. Дизайнеры не позволят.

— Но идея обложек и названий книг, безусловно, твоя?

— Естественно. Кому еще я могу доверить лицо своей книги? Представляешь, с одним моим заголовком произошла примечательная история! Придумала я как-то для очередной книги название загадочное, интригующее, призывающее размышлять. И вдруг моя соседка докладывает мне, что ее знакомая, работающая в управлении культуры, заявила, что слова «И они случились...» у нее ассоциируются со случкой собак. Я, конечно, ожидала различное понимание этой неоднозначной фразы, но чтобы такое...

— Ничего удивительного, — усмехнулась Инна. — Я, когда первый раз приехала к тебе в гости, была поражена тем, как сильно отличаются люди в твоём и моём городе. В трамваях нелюбимые, с подозрением глядящие друг на друга пассажиры, в магазинах грубость или безразличие. В больнице, куда я по несчастью попала, матерщина, беспрерывные сплетни, злословие. Больные не делились друг с другом едой. К одной девочке никто не приходил, так ее, бедную, затюкали, затиранили. Пришлось мне взять ее под свою опеку. Ужас! «Бабовщина» какая-то в палате, где временно «проживало» восемнадцать человек. Меня сразу не с юмором, а с презрением стали обзывать «училкой» и «умной». В их устах эти слова звучали ругательствами. Уровень интеллекта и культуры этих людей был на порядок ниже, чем в селе, в котором мы выросли. Какие интересные типажи я наблюдала целый месяц в своём окружении!.. Я понимаю, ты из-за квартиры попала в этот город и застряла в нём.

— Мне тоже после Москвы, Ленинграда и Воронежа показалось странным, что в главной библиотеке города из научной литературы одна только «химия», и заказывать художественные книги бесполезно. С тех пор прошло сорок лет. Люди во многом изменились... И все же я решила сменить название книги на более простое, прямое, лобовое. А вдруг это не единичный случай такого «оригинального», «узкого» восприятия слова «случились»?..

— Ладно, забудем грустное и продолжим наше обсуждение. Во-вторых. Где глобальный конфликт для достижения высокого градуса накала эмоций, чтобы добиться желаемого эффекта, как у продвинутых женщин-писательниц? Где прессинг стрессовых ситуаций, чтобы у читателей высечь искру сочувствия и до последнего удерживать внимание и интерес? Есть же уйма вариантов. А какова философия твоих образов?! Читаю книгу и чувствую, как катастрофически сжимается вокруг меня пространство счастья. Это же с ума можно сойти! — все больше распаляясь, спрашивала Инна.

— Женщин-писателей. Генеральша — жена генерала, а писательница — не жена писателя, — осторожно поправила ее Лена. — И с ума сходить не надо.

— Ой! Забыла, у гениев нет пола! Тебе не важно выделить и подчеркнуть свою женскую идентичность? Ах, да! Художницы пишут картины не хуже мужчин-художников.

И в оркестре невозможно определить, кто играет: мужчина или женщина. Но права у нас даются применительно к полу, возрасту и профессии.

— Но социальные права должны быть равные, — возмутилась Аня.

— Но не исполняются. Вспомни билль о правах женщин. Весь мир озабочен этой проблемой. Она прошла обкатку...

— В высшей степени уместный разговор для полуночников, — остановила подругу Лена.

После минутной передышки Инна спросила:

— Не хочешь использовать чужие методы? Они могут покорежить твоё произведение? Стремись к простоте? Ты выступаешь против обыкновенных житейских мерзостей, в которых мы живем и с которыми миримся? И при этом, какие детали, какие драматически насыщенные подробности и высокая степень откровенности! Могу сравнить тебя с гением, ухитрившимся написать сцену соития, не употребив ни одного глагола. Да возревнует он!

«Иронизирует? Что это опять с Инной? А Лена не реагирует. Ей ведь стоит только словечко шепнуть и подруга образумится. Не удивлюсь, если гробовая плита ее молчания погребет все наши мнения», — разозлилась Жанна и попыталась отвлечься от собственных мыслей.

А Инна увлеченно продолжила разнос:

— У тебя, перевирая слова нашего знаменитого мультипликатора Гарри Бардина, «истории исхода жен из кухни, как из заточения» или как женщины, не найдя себе приличных мужей, утратив чувство юмора и уверенность в себе, не могут отрешиться от своих обид? Но какими «грандиозными» вопросами задаются героини! Что-то типа: «Для удовольствия, наслаждения или удовлетворения своих амбиций живет человек?» Шекспир ты мой новоявленный. Это нелепо. Странность изрядная. Великая литература рождается из великих страданий и страстей.

— А у Лены в книгах не страсти и не страдания? — возмутилась Аня.

— Символичное толкование? Ничего личного, и никаких к тому неблагоприятных причин?.. Допустим, зависти. Путем каких тонких aberrаций ты пришла к такому потрясающему выводу? Где поднабралась и поднаторела? — медоточивым голосом спросила Жанна Инну. — Может, хочешь прославиться, используя идеи и славу других? Примазываешься?

— Я оказалась в отличной компании. Мне сейчас достанется, как тем, не присутствующим здесь мужьям наших подруг, — усмехнулась Лена.

— Не спеши, твоё «революционное нетерпение» ни к чему хорошему не приведет.

— «Осторожней на поворотах», — предупредила Инну Аня. — Мне, например, нравятся в Лениных книгах легкие, изящные, светлые и грустные «мазки» событий из детства главных героев, которыми она вводит читателя в их судьбы.

— Инна! «Разговорчики в строю!» — строго поддержала Жанна Аню старой студенческой фразой, хотя нечего не знала о книгах Лены. И вдруг заявила насмешливо:

— А может, позволим Инне размяться, вволю «накукарекать»? Глотка луженая, пять октав берет без фальцета. Почему бы не поорать? Ее децибелы все равно ничем не заглушить. Прокричится и успокоится. (Фу, как неинтеллигентно!)

«Как неукротимо взвилась! Это надо было видеть!» — оторопело подумала Аня.

Лена неодобрительно взглянула на Жанну. «Коготки выпустила? Грубость — запрещенный прием!» — читалось на ее лице.

Инна побелела, но внешне спокойно ответила Жанне студенческой присказкой:

— «И ничегошеньки ты не понимаешь в колбасных обрезках».

«Неуютно мне под Инкиным гипнотическим взглядом. Он сводит меня с ума», — как бы оправдывая себя, подумала Жанна, но спросила с вызовом:

— А ты таки всё уже расставила по своим местам?

— Не обращай внимания, не заводись, — попросила Аня Жанну, надеясь на ее благоразумие.

— Я что ли первой начала хамить и перечить? — выкрикнула Инна, вся трясаясь от обиды.

Лена осторожно коснулась плеча подруги.

«Удивила Жанна. И с Инной что-то неладное творится. Временами она выглядит очень нездоровой. Сегодня явно не рядовой случай в ее поведении, — бегущей строкой пронеслось в голове Ани при взгляде на искаженное раздражением лицо Инны. — А я еще противней, когда злюсь?»

*

— Лена, зачем ты пишешь о простых людях? Проще было бы посвятить себя великим. Допустим, обратиться к фигуре какого-то знаменитого политика. Смотри, они так и просятся в книгу. Каждое следующее поколение хочет услышать новую версию той или иной глобальной личности. К тому же в таких книгах приемлема выдумка. Никто не придерется и не осудит, потому что описанные факты не проверишь. И автор не клят — не мят. И я не возьмусь опровергать, и не стану набиваться в соавторы, — шутливо добавила Инна, сбавляя пыл эмоций.

— Киры на тебя нет! Выдумки и фантазии — это вопрос совести писателя и его таланта. Советуешь рискованное предприятие. Тут нужна особая смелость. Такое не всякому по плечу, — сказала Аня.

— Дождемся, пока иностранцы возьмутся переиначивать судьбы наших гениев? Мы отягощены ответственностью перед потомками, осознанием действительной важности ими содеянного, а тем, кто на Западе, лишь бы «клубничку» отыскать в их биографиях или домыслить, чтобы соблазнить ею издателей. Тем и пробавляются. И наших читателей приучают ожидать в произведениях чего-то «этого», — заявила Инна.

— Не выдумывай, наших великих людей ценят во всем мире. Такой подход больше касается журналистов. Писатели во всем мире работают на будущее, а журналисты и политики для настоящего, — вскипела Аня.

Крен в сторону политики как табу, как замок на языки подруг. Они дружно замолчали. В комнате сделалось нестерпимо тихо, будто в воздухе застыло напряжение мыслей присутствующих женщин. Инна услышала биение своего неровного пульса в висках. У нее мелькнула мысль: «Почему, когда в нашей компании отсутствовали мужчины, политика никогда не звучала в наших разговорах ни в будни, ни в праздники? Только о работе и быте вели споры. И если даже кому-то что-то не нравилось, выражали это с юмором или легкой иронией, без предосудительных слов. Может, потому что мы женщины?»

«Мы молчим, но как-то очень по-разному», — подумала Лена.

— Почему пишу об обыкновенных семьях? — задумчиво с расстановкой повторила вопрос подруги Лена.

Но Инна перебила ее:

— Сама знаю. Знаменитый режиссер Абдрашитов как-то сказал в своем интервью: «И вдруг в середине двадцатого столетия выяснилось, что частная жизнь человека не менее интересна, чем общественная... А конфликты — это не только когда рушатся государства, переплетаются эпохи, но и когда один человек противопоставляет себя

другим. Когда он становится разменной фишкой между двумя группами, группировками. Это так называемые внутренние конфликты... И тут важна личность, которая в состоянии почувствовать и выразить полутона, тончайшие малоосозаемые моменты чувств».

— Ну и память у тебя Инесса! Предмет моей неиссякаемой зависти, — восхитилась Аня.

— И ты сегодня на эмоциональном подъеме. С чего бы это? — усмехнулась Инна.

«Наверное, приврала, от себя добавила что-то для эффекта, — не поверила Жанна в теперешние уникальные способности Инны. — Не семнадцать лет».

— Мощь человека не в физической силе, а в его внутреннем стержне и умственных возможностях, — сказала Аня. (Опять «непреклонно» диктует прописные истины.)

— Лена, ты тоже утверждаешь главенство частной, а не общественной жизни для человека? Получается, что проблемы одиночества, поиски настоящей любви и есть тот эмоциональный фон, на котором разворачиваются события не только в твоей книге, но и во всем обществе? Я правильно поняла Инну или все наоборот? — спросила Жанна.

— Лена, не рассказывай, не отнимай у нее интереса, пусть сама прочитает, — попросила Аня.

— Внутри каждого из нас происходит борьба божеского и сатанинского. И это — самое интересное в человеке. Я люблю, чтобы был клубок совпадений, двусмысленностей и всякое такое... — продолжила рассуждать Жанна, надеясь услышать от подруг подтверждение своим мыслям. — Лена, у тебя больше драматических судеб? Русского человека всегда интересуют крайности. Всякие мелочи, компромиссы в счет не идут. Ему главное резать правду-матку.

— Я люблю своих героев и пишу о них с сочувствием, обожанием, нежностью и легкой иронией к их слабостям. Я хочу, чтобы они тронули сердца моих читателей. Вот ты, Инна, говоришь: «простой человек». Все люди сложные. Каждый человек — огромная планета.

— Космос, вселенная, — с усмешкой подключилась к перечислению Инна.

— Да. И я по маленьким штрихам и зацепочкам в их поведении пытаюсь понять их души, оценить характеры, проникнуть в судьбы. Другой раз смотришь — обыкновенная семья без особых проблем, а сколько в ней происходит грустного и даже трагичного! Знаешь, какое произведение не возьми у Шекспира, Толстого или у наших современников — все они о познании человека.

— Во всех твоих произведениях «хеппи-энд»? У тебя определенная типология концовок? — поинтересовалась Жанна.

— Они разные, но я не считаю, что финалы моих книг несчастливые. Мои герои умеют прорываться через абсурд жизни.

— И с какими потерями?! Меня потрясла история жизни двух женщин. Много страстей руководят поведением человека: желание денег, власти... Но главная из них — любовь. Не знать любви близких — это трагедия! Твои героини не познали родительской заботы, не досталось им и настоящей мужской ласки. Существовать много лет подряд в подавленном состоянии, в нелюбви — страшно тяжело. Эти женщины жили только тем, что сами умели любить чисто, сердечно, не притворно. Не пестовали свои несчастья, вкалывали, другим помогали жить. Сколько таких печальных судеб вокруг?!.. — жалобно вздохнула Аня.

— Тогда читай сказки или фантастику. — Это Инна не дала Лене ответить.

— Что бы я делала без твоих «шедевральных» советов! — огрызнулась Аня.

— Не кипятись, спусти пар, а то взорвешься, — спокойно отреагировала Инна.

— Между прочим, сказки эгоцентричного Андерсена очень жесткие. Я, читая их, всегда плакала, — недовольно заметила Жанна.

— А если не между прочим?

Жанна промолчала, только плечами вздернула.

— Они щемяще-печальные, сентиментальные и больше трогают нежные сердца девочек,
— сказала Аня.

— Мальчишкам ближе Том Сойер и Гек Финн, — усмехнулась Инна. — Они сказки Андерсена только через мультфильмы воспринимают. В наше время редакторы меняют концовки его сказок на более мягкие, чем ухушают их смысл.

— Согласна, — кивнула Аня.

24

— Лена, журналисты тебя часто посещают?

— Бывает. Только я не люблю, когда они пересекают личные границы без моего на то ведома.

— Как это? — уточнила Аня.

— Обещают написать о творчестве, а посвящают статьи подробностям личной жизни, пропущенным через собственное не совсем профессиональное и не очень порядочное нутро, заботясь только о собственном пиаре. Я таких «импровизаторов» на порог больше не пускаю. Тем, кто меня хоть раз обманул или предал, я больше не доверяю.

— Не люблю журналистской кампанейщины: захотят — вознесут, захотят в порошок сотрут. Я написала хвалебную статью об одном прекрасном человеке, а ее не приняли. Оказывается, ею я лила воду на мельницу неугодного начальству конкурента на высокую должность.

— Аня, журналисты тоже народ зависимый, они чьи-то заказы выполняют, — объяснила Жанна. — От рядовых журналистов современной свободной прессы я слышала, что они с ностальгией вспоминают советские времена, когда на каждое критическое выступление газеты в обязательном порядке следовал ответ-разъяснение, а теперь никому дела нет до их критических замечок, будто все люди замкнуты только на самих себя. Часто сообщение срывает непредсказуемо и совершенно в неожиданном месте. И звучит оно уже не доброй критикой, как предполагалось, а орудием возмездия в чьих-то недобросовестных играх. Возникают парадоксальные ситуации, не дающие опомниться. Нам в это лучше не вникать.

— Лена, а сама ты в своих книгах не переходишь границы дозволенного правилами приличия? — спросила Аня.

— Если я беру факты из жизни своих знакомых, то только с их разрешения. Этого требует писательская этика. И все же из предосторожности на форзаце своих книг я всегда пишу просьбу к читателям не искать себя среди моих героев. Встречаются любители предъявлять претензии.

— Обожглась?

— Было дело. Пристал ко мне как-то один очень неприятный тип, как банный лист прилип. Ну, я ему и выдала один на один: «Ты считаешь себя достойным моего пера? Ты единственный гад, бросивший двух малолетних детей? Уймись и подумай хоть раз не о себе, а о тех, кто в тебе нуждается». Отстал-таки.

— Грубо ты его.

— А если он деликатных слов не понимает?

— Ты высокие чины трогаешь?

— В одной из книг я предполагала, что если бы во власти было больше женщин (достойных!), то и в стране, и в семьях было бы больше порядка. У меня одно время

созрела идея подтвердить свой тезис наглядными примерами, что усилило бы содержание книги. Но тогда пришлось бы изучить природу власти, даже обратиться к научным статьям. Размышляя над этой трудной задачей, я пришла к выводу, что для меня это неохватная и неподъемная тема, и не стала ее затрагивать. Писать можно только о том, что знаешь глубоко, всесторонне и достоверно.

— Из своего опыта я поняла, что приходя во власть, большинство чиновников лишаются многого человеческого в себе. То ли работа там такая «вредная», то ли тщеславие их губит и деньги? Им проще отказать, чем разбираться в чем-то деле. Наверное, поначалу сами искренне верят, что хотят блага для народа, да только потом добиваются его в основном для себя, — усмехнулась Инна.

— У меня нет к начальникам благоговейного трепета. Я к ним отношусь настороженно, — поделилась Жанна. — Мне кажется, дело тут не во всех начальниках и чиновниках, а в дураках и подлецах среди них.

— А ты, Аня, начинаешь дрожать даже от приближения милиционера, — рассмеялась Инна.

— Он сам ко мне направляется, и я не могу от него защититься.

— А то бы, как стрела из лука от него умчалась.

— Но идти к начальнику или нет, решаю я сама.

— И не идешь, — усмехнулась Инна.

— Лена, я не поняла, кто у тебя в последней книге главный герой? — спросила Аня. — Ой, прости! В очередной.

— Мое дело — вызвать интерес к проблеме, а дальше читатель пусть сам соображает, кто из героев ему ближе. Я же предлагаю заведомо разные точки зрения.

— В твоих книгах для развития воображения у читателя и свет, и воздух, и бездна пространства в каждой фразе, — сказала Инна. — В деревне говорят, что если поленья в печи лежат слишком плотно, огню не разгореться. Чувствуешь аналогию?

Аня с серьезным видом задумалась над ее замечанием.

— Лена, может, теперь займемся детальным разбором не книги, а твоей личности? «Во всем мне хочется дойти до самой сути». Нам это проще. С одержимостью хирурга станем углубляться в твоё «нутро». Развлечемся? — беззаботно спросила Инна.

— И наконец-то уйдем от писательской темы, — преждевременно обрадовалась Лена.

— Начнем пошагово: с верхнего прикида. Неплохая идея? Не станем подхлестывать воображение? У тебя есть претензии к собственной внешности? Блеск и шик в одежде — это твое?

— Издалека заходишь. К чему клонишь? Это допрос с пристрастием? Сильно не наседай, — рассмеялась Лена. — Мне никогда не нравилось выделяться одеждой, поэтому я не придавала ей особого значения. Учитывая императив незаметности и незаменимости на работе, я всегда носила «ярко выраженный» строгий социальный брючный костюм без малейших отклонений в сторону излишней женственности. Элегантность в простоте.

— Женские штучки — кокетство и жеманство — не твой метод давления на мужчин. А имиджевые штрихи? У мужчин трубка, кепочка... Ты даже в строгом аскетичном костюме умела преподнести свою индивидуальность. Тонким обаянием брала. Не боялась разонравиться, — подтвердила Инна.

— Конечно, я никогда не забывала, что моду делают детали и что они должны быть безукоризненно исполнены, будь то модельная строчка, изящный шарфик или оригинальная брошь. Они — пикантная приправа к пресному блюду повседневной

строгости. Я предпочитаю короткую стрижку без излишеств. По мне не видно? О чем еще рассказать?

— Строгая одежда на тебе живет одной с тобой жизнью. А я в эксцентричном костюме чувствую себя уютней. Я им по-своему защищаю себя. До сих пор люблю шокировать знакомых непривычно раскрепощенными, чуть ли не неприлично откровенными собственноручно изготовленными нарядами.

— Это один из твоих многочисленных талантов, — подтвердила Лена. — В нем ты всегда неизменно и стремительно набирала высоту.

— Лен, я не могу представить на твоём лице боевой раскрас-макияж, — рассмеялась Инна.

— И не надо.

— А как насчет характера? Есть в нем зацепки, чтобы тебя раздраконить?

— С людьми я, как правило, проста, но сдержанна, стараюсь не терять достоинства. Не люблю широких жестов, суетливости и нарочитого равнодушия.

— И дома ты предельно скромна. Обыкновенная наседка.

— У каждого своя органика, свое внешнее и внутреннее ощущение себя как личности.

— Внутреннее и внешнее в человеке так часто не совпадают! — сказала Жанна.

— Прошли годы и люди стали говорить, что им в голову не приходило, что я могу стать писателем. Я не производила впечатления думающего человека? Получается, если бы у меня было повышенное внимание к своей одежде, я была бы экстравагантна в отношениях с сослуживцами, или напротив, ходила надутым индюком с надменным выражением лица, то мне скорее поверили? Я, таким образом, больше вызывала бы у них уважения или интереса? Мол, считаю своим долгом внешностью и поведением сообщить... и настаиваю обратить внимание... А без этих атрибутов они не видели во мне интересного человека?

— Так ведь по одежке встречают. Для меня в молодые годы, носящий шейный платок обязательно ассоциировался с великим поэтом или артистом, а длинные волосы — с художником или музыкантом, — сказала Жанна.

— У них профессии такие — выставляться как в витрине магазина, — заметила Аня.

— А те поэты просто прикрывали красивыми платками и модными шарфами свои старые морщинистые шеи, молодились.

— Отстань, Инка. Испортила лирический настрой, — рассердилась Аня. — Лена, а в праздники ты тоже скромничала, ходила синим чулком с тщательнейшим образом продуманным строгим обликом?

— Нет. Блистала. Появлялась в вечернем платье до полу, с глубоким декольте, надевала изящное ювелирное украшение, делала эффектную причёску.

— И мужчины вдруг замечали в тебе женщину, делали комплименты, всюду пропускали вперед? — спросила Аня.

— Ох уж этот мне вежливо-садистский прием пропускать женщину вперед там, где трудней, опасней или неприятней, — насмешливо фыркнула Инна.

— И штабелями падали в обморок? — шутливо окончила свою мысль Аня.

— Это не более, чем байки, — отмахнулась Лена.

— Она крайне неохотно впускает в свою личную жизнь даже близких друзей. Но я знаю, что мужчины и в будни не давали ей прохода, — ответила за Лёну Инна. — И даже когда она позволяла кому-то называть себя по имени, они не рисковали пользоваться этой привилегией.

— Значит, умные, — сделала вывод Жанна.

— Ну что тут скажешь, тема закрыта, — рассмеялась Инна.

— А я многократно замечала, как менялось отношение людей ко мне в зависимости от качества моей одежды. Когда я была в красивом и дорогом костюме, окружающие относились с большим уважением, — заявила Жанна.

— Даже в парикмахерской, — подтвердила Аня.

— У меня в молодости подруга была. Жена офицера. Большая удача, что мы с ней оказались по жизни в одном месте и в одно время. Неподражаемая выдумщица. У нее возникала масса художественных находок. В ней пылала и бурлила жажда жизни, желание сделать свое существование в глуши красивым и радостным. Мои платья — дело ее рук. Ее стараниями был создан мой неповторимый, как она выражалась, образ. В ее нарядах я чувствовала себя королевой, и мне казалось, что весь мир у моих ног! — восторженно поделилась Жанна.

— И ты была обречена на успех у мужчин! И «взрывалось утро фейерверком нежности». Но «Препятствий — тьма, и радости так мало отмеряно нам в жизни...» Николай Филин из Липецка автор этих строк. Но не было места «...где можно просто сердце распахнуть, столкнуться с души земное притяжение». А это — Цветаева, — с величественным жестом высоко поднятой руки провозгласила Инна.

«Инка — олицетворение неугомонности и бесцеремонности», — вздохнула Жанна. Но ей было приятно, что та откликнулась на ее откровение.

— Давно ты заболела Мариной Цветаевой? А как же отверженная, ошельмованная Ахматова и ее: «Я была тогда с моим народом», «И безвинная корчилась Русь» и «Невинно» клеветущий рот? — спросила Аня. — Когда-то ее влияние и на тебя простиралось. (Вновь пустились в разговоры о литературе.)

— Устаю я от ее жесткости и незыблемой стойкости. Маяковскому, Багрицкому, Есенину и Цветаевой чуть-чуть бы от нее... От Ахматовой в моей душе замогильная кладбищенская тишина. Будто она опалена и ей требуется эликсир жизни.

— После Ахматовой новое слово должно быть таким, чтобы оно имело право нарушать эту тишину.

— Великое слово требует тишины, Ее надо уметь слушать, — на свой манер подтвердила Инна слова Ани. — Да, время было не сладкое... Теперь Анастасия Цветаева мне ближе. В ее стихах место моей душе. Судьбы у обеих сестер трагичные, но природа создала их по-разному переносить несчастья. Я благодарна Анастасии за высочайшую поэзию любви, за ее непосредственный отклик в моей душе.

Мозаика мельчайших морщинок у глаз Инны осветилась легкой мягкой улыбкой. Она вспомнила что-то свое, поистине искреннее и приятное.

— Ах, любовь! — вздохнула Аня.

— Причем здесь любовь, мужчины? Душа требует красоты и покоя, — возразила Жанна.

— И поклонения, — сказала Инна без иронии.

*

— ...А война полов для нее уже не масштабна? Она затрагивает всё человечество. Что может быть важнее наших ощущений и взаимоотношений? Она сомневалась в величии чувств простого народа и приписывала их только полководцам, героям и королям, а на остальных смотрела свысока. Уела? — рассмеялась Инна.

— ...Смотря как преподнести. Героем книги может быть и гений, и придурок, и страдалец. Иная простая история, пройдя через сердце поэта, может заиграть невиданными дотоле красками, — возразила Жанна.

Она поэт — дальше некуда!

— Да ну?

— Ей бы еще чуть-чуть поддать драматизма.

— Куда же больше?

— Может, коронуем ее «поэтом в законе»?

— Чур не я...

«О ком это они?» — не поняла Аня, отвлекшаяся на свои мысли.

— ...Я дала почитать ее черновик одному очень известному журналисту, а потом спросила: «Не слишком ли она резка в своем мнении о современных мужчинах? Соблюдает ли она баланс между фактами и эмоциями? Может, ей кое-что смягчить, убрать «ходульные» выражения и сцены, если таковые имеются, вычеркнуть слишком «яркие» эпитеты? Они обычно усиливают впечатление от произведения, но иногда их переизбыток его ослабляет, размывает».

«Ни в коем случае! Пусть все как есть оставит, — горячо возразил он. — Не надо ей приглушать своеобразие своего колорита». Заметь, это сказал мужчина, и далеко не тривиальный.

— Инна, и до меня добралась? Ты как всегда в первых рядах... А теперь зачем тебя занесло в сферу моих интересов? — сонно спросила Лена, пытаясь окончательно проснуться.

— Ты пишешь о любви в самом высоком понимании значения этого прекрасного слова и тут же критикуешь ее носителей.

— Я не критикую, просто честно рассказываю истории из жизни своих друзей и хороших знакомых, чтобы их помнили. Иногда в благодарность. Многих уже нет с нами, но они есть в моих книгах. Не моя вина, если их жизнь была не очень радостная. Дейнека говорил: «Искренность — основа искусства». Рецептов счастья дать никто не может, но молодежь должна знать о возможных проблемах в семьях и быть готовой к их разрешению. Внутри человек один, а снаружи другой, такой, каким ему удалось встроиться в жизнь. Нет маленьких и больших людей, нет ни стопроцентно плохих, ни идеально хороших, есть состоявшиеся и не очень. И все дети рождаются талантливыми. Только у одних со временем проявляется талант доброты, у других — тяга к наукам, у третьих — к порокам. Один слаб физически, другой морально. Каждый человек должен суметь прочувствовать свою особенность и решить, что с нею делать: возвращать или бороться.

— Я в восторге от трансформации некоторых наших физиков в лирики. Наконец-то нашли себя!

— Спасибо, любезный читатель, от всей когорты перестроившихся и переориентировавшихся, — сидя, шутливо поклонилась Лена Инне.

— Тебя волнуют глубины женской ипостаси. Ты выводешь из подсознания комплексы мужчин и женщин и лишаешь их ореола таинственности. Лучше их знать, чем жить в романтическом тумане?

— В обыденной жизни люди стараются избегать неудобных тем. А я обо всем пишу. Например, о том, как человек переживает о невозвратном. О том, что не умеем мы быть счастливыми, а жизнь сама по себе прекрасна, и позволять ломать ее друг другу собственным эгоизмом преступно. Еще о том, что человек, которого не любят, не уважают и не ценят медленно морально и физически умирает. Нельзя ему подвергать себя подобной экзекуции, надо выходить из ситуации. Своей пассивностью и бесхарактерностью он губит не только себя, но и своих близких.

— Надеюсь, эта открытость не причиняет тебе каких-то жизненных неудобств? Осознаешь цену, которую можешь заплатить за откровения? Или ты неприкасаемая? Не грестишь ли насилием достоверности над творческим художничеством? Хочешь всех исправить, призвать к покаянию? Достоевский в юбке! У тебя нет с ним прямых ассоциаций? Ведь вся русская литература — философская. Кругом нас Мышкины,

Рогозины. А человек обязан невзирая ни на что, оставаться в пределах нравственных норм, предписанных обществом или... свыше. Он должен соответствовать той вечности, которая ждет его за пределами...

— Это же не в чистом виде звучит, а в вариациях на тему, — объяснила Лена.

— Настоящей страстью, болевой точкой в твоих взрослых книгах стала любовь и жалость к несчастливым женским судьбам. А остальное как бы пристегнуто к ним. Ты прямо-таки Алеша Карамазов.

— Алеша? В нем те еще бесы бродят! — не согласилась с Инной Аня.

— В довершении всего скажу, что ты удачно сублимируешь свои эмоции в гневные и печальные строки. У тебя, как и у Риты, чувство драмы преобладает над чувством юмора, отсюда ирония. Мата в твоих книгах нет, но он иногда подразумевается и напрашивается. А читателю, как мне кажется, необходим не только добрый и умный герой, но и веселый, жизнерадостный, оптимистичный. А твои персонажи больше на воле и терпении держатся.

— Как в жизни. Мои герои уже не молоды. Не визжать же им как юнцам от неосмысленного восторга, особенно, если от них за версту оглушающе разит одиночеством нелюбимых или всеми брошенных?

— И о себе пишешь? В каждом герое какая-то грань тебя самой? Такая манера имеет к тебе прямое отношение? Но говорят, что главное писать не от себя и не про себя. Ты престаешь границу дозволенного? Без щемящей личной ноты нет тебя как писателя? — забросала Инна подругу противоречащими друг другу вопросами.

— Моя жизнь не тянет на увлекательный сюжет. Она слишком стабильная.

При этих своих словах Лена вдруг почувствовала на своем плече ненавязчивую утешительность робкого прикосновения руки Андрея. Как когда-то... Ей так показалось.

«Со мной так часто случается... неожиданно... иногда в совершенно неподходящий момент... Сердце замрет, собьется с ритма...»

А Инне в этот момент непонятно почему явилась грустная мысль: «Умной женщине трудно найти умного мужчину, потому что ему тоже, прежде всего, нужна жена-няня, а потом уж жена-друг».

*

— Выдающийся Андрей Платонов говорил: «Писать надо не талантом, а прямым чувством жизни», — процитировала Аня. — Лена, ты с ним согласна?

Та не сразу, но ответила:

— И талантом тоже, если он присутствует.

— Без таланта получится «жесть». Дуриком путное не напишешь, — уверенно сказала Инна. — А я под настроение люблю, чтобы в книгах не было ни тени драматизма, сплошной кайф, чтобы был прекрасный поэтический строй произведения и чистое звучание текста. Книга для меня должна являться сгустком радости. Я хотела бы, чтобы в героях была какая-то невесомость, как бы чувствовался уход от всего грубого, материального. Такая вот мне нужна писательская доминанта. От своих катастроф тошно. Хочу хотя бы чужому счастью порадоваться. Я в восторге от фразы: юмор — улыбка разума, ирония — его усмешка. Хочу улыбаться! Хочу россыпи приятного тонкого юмора и мужчину, носителя такого юмора!

И в этом ее «воззвании» было столько искренне юного и одновременно безнадежно-печального!

— К юмору должны прилагаться мужские поступки. Юмор хорош как приправа к главному, основательному блюду, — усмехнулась Лена.

— У тебя в этом плане много единомышленников найдется. Читай тома анекдотов

и умных мыслей великих предков. Их сейчас «пачками» издают, а книгоноши продают населению для поднятия настроения, — уколола Инну Жанна. И та разозлилась на себя за неконтролируемую, какую-то наивную сиюминутную вспышку откровенности, но виду, конечно же, не подала.

— Узкий спектр интересов — это плохо. Но широкий диапазон и всеядность — не одно и то же, — заметила Аня. — Я иногда люблю почитать не гладкий, эксцентричный, даже клоунский текст.

— Кто бы мог подумать? — скривилась Инна. Лица ее не было видно, но по интонации его легко можно было представить.

— Продолжай Инна, топчи меня нещадно. Мне не нужны верноподданнические хвалы, мол, все прекрасно, верх совершенства. Твердо и холодно ставь меня на место, — попросила Лена с улыбкой.

— Спешешь от меня отделаться? Не надейся. Уж если я начну, то не скоро закончу. Так, дай подумать... Что, заскребло в сердчишке-то?

«При этих словах прямодушная Анька завелась бы и сама подставилась бы под мой удар, а Ленка не станет беситься. Щадит меня. За что и обожаю. Она понимает, что дружба — высшая форма любви. Мне никогда не было за нее неловко. У нее высокие, недостижимые для меня нравственные критерии. Она благородная и не может себе позволять вести себя, как я, непутевая. Получив такой комплимент, я носила бы его в душе, словно медаль на груди. Но я не стесняюсь вытаскивать из себя «природные повадки». Я всегда забываю рекомендации знаменитого французского артиста Депардье: «Надо не спешить реагировать», — посмеялась над собой Инна. — ... Мои глаза невольно метят в Лену. Она мудрая, осмотровительная в словах и делах и абсолютно не зависит от чужого мнения. В ней столько подробностей, волнующих и притягивающих меня! Одним взглядом может охватить любую ситуацию и сразу прочувствовать все ее слабые и сильные стороны, потому что многое понимает на седьмом или даже восьмом уровне подсознания. Но не ставит себя выше других.

Лена никогда никому ничего не доказывает, потому что наделена мощной индивидуальностью. Я имею в виду талант, а не статус. Она идет вперед без претензий к людям. Закрытый человек, но что парадоксально, на удивление легкий... Иногда бывает странно открытой, но к ее открытости надо уметь пробиться. И все равно до конца ни перед кем не выворачивает душу. Всегда начеку, чтобы вовремя превратиться в непрístupную стену. Сколько в ней копится большого, настоящего... и горького! Но она умеет найти в себе ту точку, на которую могла бы опереться в беде ее щедрая душа... Глубокая, не всем донырнуть. Доброты у нее за десятерых. А в юности была... нездешняя, странно наивная, чем, случалось, давала повод для добрых шуток.

Умеет дружить и поддерживать отношения даже в конкурентной среде. Самодостаточна, поэтому не чувствует себя одинокой, когда одна. Хотя... в глубине души каждый человек одинок. И впустить туда, в эту глубину, он способен разве что любовь Бога... Я уж и не знаю, чего она не умеет... В рабочее время никаких сантиментов! У нее не забалуешь. Поставит задачу — изволь выполнять. Но не впадает в остервенение, если понимает, что ей предлагается что-то разумное. А меня и критические обстоятельства не всегда ставили на место... Дома Ленка милая, мягкая, как летний утренний лучик.

Бывает связь душевная и духовная. У нас с Леной и то и другое. Мне завидуют... Ее голос постоянно присутствует во мне, особенно в тяжелые минуты. Для меня она стала единственной находкой, лучшим приобретением в жизни... Пусть бы ее годы помчались «в круженье обратном»! Господи, да будет на то твоя воля... Я часто ловлю себя на мысли, что хочу кричать: «Ленка, больше улыбайся так, как можешь улыбаться только ты!» — тепло думала о подруге Инна. — А Андрей далеко не умный, если не оценил Ленинских достоинств? Она для него была слишком хороша. Сколько сердец, столько видов любви? Но для любви всегда нужны двое, а тут... Жизнь без тепла... Лена никогда не говорит об Андрее. Значит, эта зона памяти до сих пор закрыта. Обида не ушла из сердца, и боль цепко держит ее в своих колючих руках? Но ведь давным-давно она сама от него «мужественно» отказалась. Я бы так не смогла, — на себя примерила ситуацию подруги Инна. — Пыталась строить семейную жизнь? Почему

не складывалась? Достойного не нашла? Тепла ни с кем не получила? Не могла полюбить? Остальные мужчины ей не годились? Ну как же! Кто побывал на небе, тот не захочет на землю!.. Видно повезло полюбить только один раз... О чем это я? Куда меня понесло? Что-то я не в меру расчувствовалась. Устала, тормоза не срабатывают, каша в голове».

Прошла минута, другая. Лена насторожилась: «Инна задремала или ей плохо?»

Вихрь путаных мыслей пронесся в голове Инны и она, выйдя из задумчивости, наконец, задала свои вопросы:

— Еще несколько аспектов я упустила. Как современное слово выражает смятенный дух нашего времени? Как чувствуют себя пожилые женщины нашего круга в нынешней информационной круговерти? И как не затеряться твоим произведениям в разливанном море коммерческих изданий?

— Нормально мы себя ощущаем, — дружно, в один голос сказали Жанна с Аней и рассмеялись.

— Отрадно слышать, — улыбнулась Лена.

— К сведению Жанны: твои книги, Лена, не простенькое чтиво для пляжа. Зря бумагу не переводить, есть над чем подумать, хотя многие рассказы бытовой направленности. Понимаю, жизнь сама подбрасывает сюжеты, которые невозможно сочинить. И финал у твоих книг будто бы лирический, не жесткий, даже оптимистичный, но не по себе мне от общей картины жизни твоих героев. Понимаю, «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». Это о нас, о несчастных женщинах, — усмехнулась Инна. — О какой нашей личной свободе можно говорить? Если только о духовной? Полностью свободным может быть только закоренелый одержимый собой эгоист.

— У тебя сразу прорисовался контур замысла очередной книги? — прервала Ленины размышления Жанна.

— Замысла — да, сюжета — нет. Я писала то о соединении времен, то о разъединении людей. Пыталась разворачивать широкую панораму эпохи. Использовала разные уровни условности минимально, без перебора. Чувствую, не мое это. И взялась за людей, так сказать, в чистом виде. Для меня интересней темы не найти. Но мне кажется, что некоторые мои главы так и остались не законченными, а другие — несколько затянуты. Они слишком длятся на одной долгой горькой ноте до тех пор, пока я не выплесну из себя всю боль, всю нервную дрожь, не достану из себя всю жалость и нежность к своим героям. Я всё отдаю, чтобы на тот момент мне больше нечего было сказать на эту тему. После этого у меня появляется легкость в голове и опустошенность в душе. Я обнуляюсь, перезапускаюсь, переформатируюсь и только потом заряжаюсь новой мыслью и новой идеей. Мне кажется, писатель по жизни должен сохранять свои эмоции внутри себя, чтобы открываться лишь в произведениях.

— Как Чехов, — согласилась Аня.

— Вот ты говорила, что писатель многое «берет из себя». Верю. Толстой, наверное, тоже сначала просто пытался высвободить и вынести из себя всё, что в нем бурлило. Он не думал о славе. Это потом, с возрастом, он захотел, чтобы его услышали, — предположила Инна.

— А как же Агата Кристи? И она накапливала боль, а потом выковыривала ее из себя? Сколько народу «изничтожила» в своих произведениях! Она так избавлялась от зла, от всего постыдно-сладкого и гадкого в себе? — спросила Жанна.

— Имея талант сочинительства и буйную фантазию, Кристи нашла свой путь выразить отношение к тревожащим ее порокам общества. Но ее тоже, прежде всего, волновали многие аспекты человеческой личности и в первую очередь причины и глубина падения людей, — ответила Лена и вернулась к разговору с Инной.

— Продолжу свою мысль. Знаешь, я сначала написала неплохой рассказ, а потом он разбух, оброс подробностями. И вот что получилось: не то роман, не то воспоминания.

Тебе не кажется мое многословие в нем излишним? Этим часто грешит наш брат-писатель. Может, я зря испортила произведение малой формы?

— Толстой тоже, как бы шутя, корил себя за досадную раздражающую многоречивость и слезливость, — успокоила подругу Инна.

— Один из моих любимых писателей посоветовал мне полнее выражать свои мысли и чувства, раскрепоститься и писать так, как течет мысль, следовать за ней. Я попробовала, но теперь сомневаюсь, стоило ли?

— Сам-то он пишет достаточно кратко или лихо и размашисто? — спросила Инна.

— Теперь кратко.

— Видно, боится не успеть. Я это так понимаю.

— А может, это факт наличия мастерства, — сказала Лена.

— С возрастом стал философом. Также, видно, прошел все фазы становления писателя, — предположила Жанна.

— Самый жесткий и беспощадный судья — ты сама?

— Конечно. Но не самый грамотный. И все же я редко обкатываю свои тексты на ком-то, больше доверяю своему чутью. — ответила Лена Ане.

— Тебе в твоём творчестве добавить бы еще один сектор: «нет большой заслуги в том, чтобы любить ближнего своего, попробуй научиться любить и уважать чужих людей», — посоветовала Жанна.

— Мне бы разобраться с проблемами в семьях на данном этапе развития нашего общества. Это еще далеко не проработанная тема ни в социуме, ни в литературе. Мне надо систематизировать свои знания. Но одно я твердо знаю: нам надо поднимать статус семьи. Молодежь должна осознавать, что дети не обуза, а счастье, и в соответствии с этим расставлять жизненные приоритеты. Понятие семьи закладывается в детстве. А твоё предложение — отдельная тема для «расследования». Я пока что не рискую глубоко в нее погружаться, только слегка затрагиваю.

— В Библии есть слова: «И пойдет брат на брата». Знать подобные факты многократно проходили через историю человечества, что не говорит в пользу бесконечной любви людей друг к другу. Еще есть неплохая тема: «Как научиться любить себя»? Это звучит нескромно, непривычно для нашего советского уха. Но в Библии говорится: «Возлюби другого как себя самого». А если не получается себя несовершенную полюбить? — спросила Аня.

— Остается любить других больше. Как мать своих детей. Не эгоистично, — за Лену ответила Инна.

— Это противоестественно, что любовь к себе у нас более требовательная, чем к другим? Зато не приходится ломать свою женскую суть, да? Ты подвела меня к мысли, что под этим знаменем мы и живем? — спросила Аня.

Но Инна уже другие вопросы задала Лене:

— О чем будет твоё следующее произведение? Оно обещает быть грустным? Книга уже на сносях, на подходе? Если она состоится, я буду рада. Знаю, для макулатуры не пишешь.

— Не спеши с выводами. Время — главный критик.

— А я так уж совсем не в счет? Этот роман тоже будет о постижении и для постижения?

— Секрет. Я суеверная. Не предвосхищай события, спугнешь удачу. Без денег каждая книга — как ложная беременность. Так твой любимый мультипликатор Бардин выразился.

— Следующая книга о подростках?

— Наводящие вопросы? Ты представляешь себе школьника, читающего тридцать томов одного и того же пусть даже очень любимого автора? Чтобы распробовать и оценить чье-то творчество, достаточно двух-трех книг.

— Значит, сначала детей воспитывала, теперь всерьез за взрослых взялась? Растрогать, вдохнуть жизнь, расшевелить? Не поздно ли им меняться? — Инна исподтишка взглянула на подругу.

— Никогда не поздно над чем-то призадуматься и что-то в себе переделать. Даже если у тебя уже есть внуки. Ты же знаешь знаменитую фразу: «Себя воспитывай, а дети с тебя пример возьмут». Никто не лишен такой возможности. И в этом тоже каждому дана своя мера таланта и мера его реализации.

— Второе тоже очень важно. У тебя, наверное, есть мечта: «Меня нет, а мои книги читают». Да?

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос вяло ответила Лена. Борьба со сном ей становилось все труднее.

25

— Лена, я слышала, что ты любишь рыбалку. Чем она тебя привлекает? — справившись с зевотой, спросила Жанна.

«Наконец-то соскочили с литературной темы», — обрадовалась Лена и с удовольствием ответила:

— «Грибалку» люблю. По жизни я трудоголик. «Пашу» и на работе, и в семье. У меня же патологическое чувство ответственности. С ним нелегко жить. Наверное, поэтому любое общение с природой — какое я могу себе позволить — является для меня лучшей формой активного отдыха и самой полноценной «душевной терапией». Оно снимает стрессы и дарит умиротворение. С годами, я стала испытывать физическую потребность в нем.

На природе я отрешаюсь от быта, забот и волнений. В душе истаивает всё сиюминутное, мелочное, суетное. Остается красота и покой. Я там обновляюсь. Из меня уходит все отрицательное, что накапливается в городе. Природа вдохновляет. Войду хотя бы в сквер — и потекли в голове то стихотворные, то прозаические строчки... Тишина в часы отдыха приобретает первостепенное значение. Люблю музыку насыщенной природной тишины луга, поля, леса, когда чувствую великую сущность бытия, нахожу ее следы...

А сколько положительных эмоций я получаю на рыбалке! Бывало, выуживая леща или щуку — от волнения перехватывает дыхание, все внутри дрожит от возбуждения и радостного азарта, адреналин «шибает» в голову. Незабываемые, непередаваемые чувства!

А «тихая» охота! Иду по лесу, глубоко вдыхаю пряный воздух, насыщенный запахами деревьев и цветов. Птицы заливаются на все лады, насекомые стрекочут. Душа поет! Увижу гриб, допустим, пламенеющую головку подосиновика или цвета молочного шоколада у белого — и сразу к сердцу приливает горячая волна радости. Она прибавляет мне день жизни, счастливый день...

Люблю безветрие, тогда и в душе торжественный покой... Растянусь на ковре мха, посмотрю в высокое небо, на трепетные осинки, на ласковые березки — и закружит голову бесконечная, нежная радость, и сердце наполнится красотой! Я ощущаю абсолютную гармонию чувств, свое слияние с природой. И растворяюсь в ней... Боже мой, как прекрасно жить на белом свете! И, честное слово, хочется счастья всей планете, всей вселенной!

Не напрасно шутят рыбаки, что время, проведенное на рыбалке или в лесу, в счет лет жизни не идет. Природа не может наскутить. Она лечит, обогащает, восхищает. Это же океан любви, в котором хочется плыть и плыть... Для меня жизнь — это поток прекрасной влюбленности в природу, в мир близких и далеких талантливых людей...

— О, это целая симфония! Нет, философия! — прервала Жанна восторги Лены. —

А как насчет того, чтобы просто поваляться на диване?

— Редко. Если только заболею. Диван никуда не денется, а красота жизни мимо может пройти. Для моего сына отдых — это посидеть за компьютером, а для меня — побыть на природе. Еще классическая музыка меня перезагружает, но не в такой степени.

— Созерцание прекрасного — это то единственное, что еще способно меня радовать, — тихо прошептала Инна на ухо Лене.

Та осторожно притянула к себе подругу и сказала еще тише: «Не хандри, держись, мой стойкий оловянный солдатик».

— А я совершенно беспомощна, когда речь заходит об ориентировании на местности, и тем более в лесу, — смущаясь, поведала Аня. — В лесу я посещаю только хорошо изученные места.

— Это называется топографическим кретинизмом, — сказала Инна.

Аня обижено, по-детски выставила вперед свой остренький подбородок и спросила:

— А ты мягче слова для обозначения этого недостатка не знаешь?

Инна, наклонившись к Ане и понизив голос, будто собирается сообщить ей о чем-то секретном, сказала:

— И никто не знает.

Но подумала об Ане сочувственно:

«Бедная. Ей с ее данными на особое отношение мужчин рассчитывать не приходилось, вот и осталась одна-одинешенька. Ни помощи, ни защиты...»

Жанна заговорила. В ее голосе зазвучала нежная романтичность.

— В октябре гуляли мы с Колей по берегу реки, наслаждались тишиной, чудным воздухом. Смотрим, сидят два рыбака. Мы поближе подошли. Старички неторопливо беседуют, костерок между ними. В сторонке две удочки мокнут в тихой воде. Муж поинтересовался: «Что ловите?»

«Сегодня ничего не идет: ни окушата, ни плотвица», — отвечают.

«На что пытаетесь поймать», — спросила я, не заметив баночек с наживкой или прикормом.

«На разное, — неохотно ответил мне тот, который на вид постарше. — Рыбалка не главное, отдохнуть пришли. Денек-то какой: теплынь, безветрие. Благодать! Грех не порадоваться».

«Да уж точно, — согласился мой Коля. — Доброго вам дня».

Отошли мы подальше от рыбаков и тут я рассмеялась: «Артисты! Хорошо роли сыграли».

«О чем ты?» — не понял мой муж.

«Они сетью рыбу ловят. Не заметил?»

«А что я должен был заметить?»

«Я сразу обратила внимание, что удочки не по центру стоят, а в сторонке и близко друг к дружке. Вроде как для отвода глаз. Подход к ним неудобный, и лесками запутаться могут, если вдруг рыба клюнет и поведет. Да и настроены рыбаки слишком благодушно. Обычно они не любят, когда им мешают, громко разговаривают. Вот я и заподозрила обман. Потом обратила внимание на то, что берег за костром усыпан свежими еще мокрыми водорослями, а около ведра, небрежно прикрытого полотенцем, лохмотья мелкой чешуи плотвы поблескивают. Я не стала их разоблачать. Думаю, Бог с ними,

со стариками, пусть нас наивными сочтут. Зачем им день портить? Крупняк, видно, здесь не водится. Ну выловят себе на ужин «мелочи пузатой» на пару сковородок... Может, и внучат угостят.

Мы пошли домой, улыбаясь теплему солнцу, ярко-пестрому одеянию кустов, поздним осенним цветам, запаху прогретой земли и тому, что еще достаточно здоровы, чтобы всему этому радоваться. Мы были такими счастливыми!

— Лена, помнишь наш поход за опятами? Мы тогда случайно набрали на «месторождение», — обратилась к подруге Инна.

— Это там, где мужчина...

— Выглядывал из-за пня с лицом человека, долго и напряженно сидящего на унитазе.

— И мы, смутившись, обошли его подальше, — рассмеялась Лена.

— А на обратном пути, не найдя грибов в заявленном месте, ты обратила внимание на белеющий в густой высокой траве свежий скол пня. Будто кто-то кору с него недавно содрал. Конечно, притормозила, нырнула в заросли. А там — о Боже! — золотая жила, Клондайк! Огромные пни, сплошь покрытые молоденькими опятами! «В зобу дыханье сперло». Красотища невозможная!

— Встали мы на колени, и давай их ножичками срезать. Молчим, сопим от усердия и восторга. Час строгаем, второй...

— И нос к носу встретились с тем самым мужиком. Оказывается, затих он тогда за пнем не по нужде, а из страха, что мы обнаружим его «хлебное» место.

— Я тогда десять банок первоклассных грибов закатала. На все праздники хватило.

— В тот день мы с тобой случайно сделали маленькое открытие.

— Какое? Не припоминаю.

— Чтобы после сбора грибов на пальцах не оставались темные следы, руки надо мыть без мыла.

— Да-да. Ты в лесном затоне с песочком отмывала грязь с рук, а я рядышком в луже, с мылом. Я протянула тебе обмылок, а он вдруг в воду выскользнул. Не успела я разозлиться на свою неаккуратность, потому что поразилась, увидев, твои пальцы первозданной чистоты. У меня-то они были шоколадные! Ты мгновенно сравнила наши руки и сделала вывод. Полезное открытие. Раньше мне приходилось пемзой оттирать стойкий природный краситель. Неловко было являться на занятия к студентам с «грязными» руками.

— А помнишь, как мы по пути к Галке заскочили в лес и под морозящим дождичком собирали подберезовики, белые грибы и маслята? До леса добрались посуху, а из него — хоть на карачках ползи! Ноги скользили по липкому чернозему. Кошмар. Ты тогда набрала целых четыре ведра отборных грибов и визжала от восторга! Придя домой, ты тут же бросилась под горячий душ, может быть, впервые в жизни подумав о своем здоровье, а не о делах. И не разомлела, не развежилась, а до часу ночи заготавливала грибы впрок.

— Вот что значит положительные эмоции! Без них я не выдержала бы такую нагрузку.

— Лена, в книге нашего местного писателя, любителя тихой охоты я вычитала, что грибы надо выкручивать, а не срезать, чтобы не нарушать грибницы. А ты как считаешь? — спросила Аня.

— Я к любому делу подхожу как физик-экспериментатор. У меня есть несколько секретных грибных «огородов», на которых я вот уж десять лет провожу исследования, мысленно разделив каждый участок пополам. На одной половине я срезаю грибы, на другой — выкручиваю.

— И?.. — поторопила Лену Аня.

— Срезать. Только так и больше никак, — опередила Ленин ответ Инна.

Аня тоже своим опытом отдыха на природе поделилась.

— А со мной странный случай в прошлом году произошел. Собирала я грибы по левую сторону от дороги в густом мелком осиннике. Это было знакомое, привычное место. С большим трудом я пробиралась сквозь плотные заросли крапивы и чистотела, на каждом шагу стеной преграждавшие мне путь к заветному. Грибов на этот раз было мало и они по большей части были червивые. Я измучилась продираюсь и бесполезно наклоняться. Но вернуться без «добычи» мне не позволяло самолюбие заправского грибника. Но что интересно: как бы я ни петляла, где бы ни «блудила», из леса я выходила на дорогу в одном и том же месте. Я физически ощущала, как меня разворачивает и будто магнитом притягивает именно к этому участку. И когда я в третий раз оказалась на той же приметной развилке, в оправе высоченных некошенных трав и бурьяна, то задумалась: «Почему?» И, ведомая любопытством, грустная и совершенно обессилевшая перебралась через колдобины — ты же знаешь наши убитые и искореженные грузовиками после дождей грунтовки — на правую сторону леса, на которой никогда раньше не находила грибов. Я поплелась к старым березам и солнечным кленам в надежде отдохнуть там, на сухом бугорке. И о радость! О чудо! Поляна была сплошь усеяна молодыми опятами! Это было нечто невообразимое! За три часа я, не вставая с колен, заполнила ими все захваченные с собой емкости и выставила их в ряд вдоль дороги. Мои мучения и мытарства были вознаграждены! Это был подарок леса! Ну, вот как это можно было понять, чем объяснить такое везение? Я заслужила расположение старика-лесовика? — Аня улыбнулась. (Позволю себе заметить, что эта непривычная для Аниного лица широкая улыбка, странно его изменила, но не украсила; скромная и нежная ей больше шла.) — Затрудняюсь ответить. Мистика какая-то... Потом, ожидая подруг, я лежала в траве и наблюдала за изменением формы многослойных облаков, движущихся на разной высоте с различными скоростями. Люблю эти завораживающие картины, когда лазурное небо приглашает в свои чудные бездонные объятия. Они отвлекают, уводят от обыденности... В ноябре небо уже другое, неприветливое. А человек, следуя своей душе, тянется к ласке...

А подруги порожняком вернулись. Они за белыми охотились. На них год на редкость урожайный случился. Только не повезло моим коллегам, опередил их в этом лесу кто-то более удачливый и приметливый. Я, конечно, со всеми поделилась грибами. И долго еще радовалась своей удаче и благодарным улыбкам на усталых прокопченных солнцем и ветром лицах подруг. Мы же пешком до леса добираемся. Моя компания — безмужние и «безлошадные» «училки», — сказала Аня, и вдруг безудержно рассмеялась так, что пришлось ей спрятать голову под подушку. А отсмеявшись, еще икая, она продолжила:

— Идем из лесу, а навстречу нам две женщины предпенсионного возраста. Одна спрашивает другую: «Что это ты Кулема Ивановна в лес губы накарсила? Ишь, глазки-то как заголубели!» А вторая ей со смехом отвечает: «А вдруг я там мужичка-лесовичка отыщу!» И у моих подруг от улыбок морщинки разгладились. Шли домой и всю дорогу веселые анекдоты вспоминали, хохотали от души. Это было незабываемо!

А вообще-то я люблю настоящую «охоту», поиск: присматриваюсь к кустикам, траве, мхам, предполагаю, какие грибы в этот период времени должны расти именно в этом месте. И радуюсь, если мои «расчеты» подтверждаются. Не меркантильный интерес, а именно эти наблюдения в большей степени привлекают меня в походах за грибами.

Как я люблю лес в чарующий период ранней осени! Янтарные шатры кленов, золотой дождь березовых ветвей, широкий спектр цветов перламутровых опалов листьев осины, и своеобразные, многоликие оттенки агатов — рябины. Я не любитель превосходных степеней, но восхищаясь красотой леса, я не могу иначе выразить свои чувства.

Я часто хожу в лес одна. Брожу, наслаждаюсь природой, душу наполняю прелестью и радостью, дышу счастьем... В лесу я бываю на сто процентов сама собой. Люблю рассматривать растения. Как интересно Природа оптимизирует их строение! Кажется, Пифагор утверждал, что гармония в Природе определяется соотношением чисел. И это

прекрасно! В числе единица искомая целостность мира. Это же гениально!

— Менделеев, создавший универсальный закон для всей вселенной, связал воедино химию и физику, Пифагор — Природу, музыку и математику, а ты, Ленка, физику, литературу и свое альтернативное пространство, — небрежно пошутила Инна.

— А я, даже когда вожусь на кухне, во всем замечаю разумность природы. Например, мыла я облепиху для варенья и обратила внимание на то, что всякий сор всплывал, а ягоды на дно опускались. А если бы они сами не разделялись, мне пришлось бы по одной ягодке выбирать из листьев и веточек, — сказала Жанна. — И огромные арбузы плывут по реке и не тонут. Это их свойство важно для размножения.

— Когда я бываю на природе, то ощущаю весь мир одушевленным. Стоит моему сознанию задержаться на каких-то предметах или растениях, они тут же обретают в моей голове удивительные образы и новые осязаемые формы. Они живут, чувствуют, страдают... Какие-то восхитительные детские фантазии. Хоть сказки пиши, — тихим ясным голосом произнесла Лена. И лицо ее приняло мягкое умиротворенное выражение.

«В каком необычном и неожиданно приятном формате завершился наш разговор о литературе», — удивилась Инна.

26

Лену, наверное, убаюкали тихие, монотонные голоса подруг. Голова ее сползла с подушки. На лице появилось выражение расслабленности и покоя. Но не долго длилось ее блаженное состояние. Задремывая, она опять невольно вникла в беседу подруг. Но доходила она до нее какими-то «лохматыми» клочками.

— ...Иногда это было до такой степени ни на что не похоже, что я чувствовала себя совершенно отстраненной и от нашего времени, и от своих забот. Во мне возникало непередаваемое чувство пространства ушедшего прошлого, навеянного или образованного ее простыми словами... Обычно оно у нее невероятно сжато, уплотнено, сконцентрировано, а тут разворачивалось, расширялось и у меня создавалось отчетливое впечатление того, что я нахожусь внутри него. Я наполнялась пониманием того времени, осознанием его значимости. И я четко его формулировала для себя.

— Ренессанс.

— Умеет всколыхнуть душу.

— ...В голове не укладывается. И это с твоим-то самомнением, — с невинным видом ехидно подпустила шпильку Инна. — Никогда не забуду как ты...

Но Жанна не пожелала ее слушать и очевидно целенаправленно продолжила свою какую-то предыдущую мысль:

— А ты как Ахматова, «одним ожесточением воли» бьешь, обвиняешь, предъявляешь претензии. Как же! «...Прямой и взыскательный взгляд. Взгляд к обороне готовый». И к нападению.

— Инна, оттачивает свое «перо» — язык — на коллегах и знакомых, — поддержала Аня Жанну.

— А ты отпусти им грехи... Человек и так часто несчастен. Он хочет, чтобы его погладили по головке, пожалели, — посоветовала Инне Жанна.

— Некоторые грехи нельзя спускать.

— А себе все прощаешь?

— Прощать — это работа Бога, а я всего лишь человек, — усмехнулась Инна. — У всех много мелких недостатков, и мы каждый день их прощаем друг другу. А кто-то совершит один грех, но такой, что лучше бы о нем не знать.

— Хочешь обрести в душе благородство и покой — меняйся. Не поддавайся неверию, подозрительности, перебори или хотя бы умерь свои отрицательные эмоции. Выметай из себя непорядочность, пошлость, очищай себя от накипи слабоволия и бессердечия, — продолжила проповедовать Жанна.

— Вот тогда по-настоящему почувствуешь красоту Лениных, пусть даже грустных или ироничных строк, — сказала Аня.

— А Лена при религии, каким боком? — не поняла Инна.

— Литература очеловечивает.

— ...Хочу привлечь Лену в наш разговор. Я ее детские книги от корки до корки прочитала. Она несет людям груз чужого горя, но одновременно сеет добро, пробуждает терпимость, подобную той, о которой я читала в гениальных стихах Микеланджело Буонарроти — святое для меня имя: «Нам со креста простершие объятья...» И все это для того, чтобы не теряли себя люди, — торжественно произнесла Инна.

— А эта строка откуда? — спросила Аня.

— Не знаю. Отфильтровалась и задержалась в памяти, а может, и сама придумала. Вот еще: «Мечты, недостижимые как горизонт... Хочется удержаться на головокружительной высоте восхищения, но... убогое тщеславие у нас в порядке вещей».

— Ты это о себе? Я онемела. В кои-то веки! — насмешливо удивилась Жанна.

— Я пошутила, а ты уже уши развесила.

— Ловко ты обошла мой щекотливый вопрос.

— У тебя до сих пор не открылись глаза? Долг платежом красен. Каков вопрос, таков ответ.

— Жанна, не принимай к сердцу ее слова, — сказала Аня.

— Теперь говорят: не бери в голову, — рассмеялась Инна.

«Сделали передышку и снова в бой?» — усмехнулась Лена, «ныряя» в дрему.

*

— ...А я по сию пору Лермонтова боготворю. Никого не могу с ним рядом поставить ни по яркой эмоциональности, ни по темпераменту, ни по силе и глубине высказываний, ни по напряжению, которое скрыто в его строках. Он для меня как первая любовь. Трагичная фигура. Его по жизни любила только бабушка, — увела Аня разговор на другую стезю, видно желая оторвать Инну от раздражающей темы, или хотя бы разбавить ее критический настрой.

— Тут я не стану с тобой спорить. Лермонтова многие не любили за высокомерие и ум. Отсюда его одиночество. Для тебя он лучший писатель всех времен и народов, а мне ближе Пушкин. «Унылая пора! Очей очарованье». Гениально! Прелесть, выстроенная на противоречиях!

— Пушкиным привычно прикрываются те, кто дальше школьного учебника не заглядывает, — съехидничала Жанна. Ей очень хотелось уколоть Инну в отместку за ее насмешливость.

— Не используй имя великого поэта в своих примитивных высказываниях, — сделала ей ответный пас Инна. — Писатель талантлив если то, что он сделал, гораздо больше его личной судьбы, и знаменит, если о нем написано больше, чем он сам написал, — никого конкретно не имея в виду, добавила она безликим голосом, но ее лицо при этом повело от еле сдерживаемой злости. Она почувствовала, что ответ на Жаннин выпад прозвучал недостаточно достойно для ее апломба. И это больно задело самолюбие.

А Жанна, будто ничего не заметив, спокойно подтвердила слова Инны:

— Ты права. Но и автору надо много потрудиться, прежде, чем имя начнет работать на него.

«Вряд ли получится отвлечь девчонок от спора. Их продолжает штормить», — вздохнула Аня.

«Снова препираются. То цепляют, то успокаивают друг друга. Ночь накладывает далеко не положительный отпечаток на их разговоры. Такие беседы напоминают мне бесконечное, бестолковое кружение моих мыслей в бессонницу, когда я в полудреме пытаюсь собрать и связать воедино расплывающиеся идеи и отдельные мысли и расшифровать заложенный в этих кое-как «сшитых» клочках глубокий смысл», — сквозь сон подумала Лена.

27

— ...Прогресс отупляет людей. Жми себе на кнопки — и никакой работы мысли. К тому же люди становятся менее одухотворенные, но более изоциренные, — сказала Аня в пространство. — Эти вещи взаимосвязаны?

— Не думаю, — осторожно сказала Жанна.

— А ты подумай, — кольнула ее Инна, не упустив возможности для насмешки.

— Молодежь морально беднее, суше нас, без полета души. Они ходят в театр, в кино, но не обливаются слезами, а хрустят попкорном, — продолжила Аня.

— Зато хохочут, — сказала Жанна.

— О чем ты говоришь! Ржут. Это совсем другое. Какое уж там изящество чувств. Дондурей шокировал меня, сказав с телеэкрана, что на основании двадцатипятилетних исследований ученые сделали ошеломительный вывод, что только три-пять процентов взрослых восприимчивы к высокому искусству, — возмутилась Инна.

— Гарантирую, что среди нашего поколения эта цифра на порядок больше, — заметила Жанна.

— Есть и наша вина в том, что мы упускаем молодежь, и она превращается в бесчувственных монстров, — сказала Аня, и ее рука привычно метнулась к затылку. Это означало, что она начинает заводиться.

— Ты считаешь, что маленькие дети умнее, чувствительнее и эмоциональнее взрослых? — спросила Инна.

— А ты думаешь, ум — привилегия взрослых? Только опыт и знания. Дело родителей научить детей управлять эмоциями, получать и закреплять знания, развивать чувствительность. А для этого их надо, прежде всего, любить, уважать. Родительская любовь — подушка безопасности для детей. Правильно выстроенные отношения в семье — залог нормального воспитания. А еще нужно целенаправленно приучать городских детей к физическому труду, допустим через спорт, и к чтению хороших, умных книг, — ответила Аня. — И твоих, Лена.

— И Ритиных, и Ларисиных, — напомнила Лена.

— Завтра я, на правах редкой гостии, не слезу с Лариски, пока все не выпытаю. О Боже! Четыре писателя на одну компанию — это перебор! — засмеялась Жанна.

— А десять педагогов нормально? — спросила Инна.

— Лариса мне писала, что профессор Сталь Анатольевич Шмаков — он у них был главным экспертом по детской педагогике — был потрясен ее первой книгой. Говорил: «Слов не нахожу для оценки. Вы же физик и вдруг такое!» А она ему: «У меня голова физика, но сердце лирика». А профессор Василий Васильевич Шахов с кафедры литературы обнял ее и сказал: «Вы сами понимаете, что написали шедевр? Мы с женой не могли оторваться от книги, пока до конца не прочитали». «Как будто неплохо

получилось», — ответила она, смущенная его яркой эмоциональной реакцией, — с удовольствием сообщила Аня. — А какой-то известный писатель сказал: «Мне понравилось. Я бы так не мог написать». Это был серьезный комплимент. Но главную книгу она написала своей жизнью.

— Лариса и похвальба? Нереально, — не поверила Инна.

— Так по секрету же, как специалисту по практической психологии детдомовских детей. Еще писала: «Особенно мне была приятна встреча с психологом Надеждой Глебовной Станкевич. Представляешь, влетает к нам на заседание кафедры высокая стройная красавица — мы тогда еще не были знакомы, — «выдергивает» меня в коридор, обнимает и говорит кучу восторженных комплиментов. А я, всё еще погруженная в проблемы своих лабораторий, не могу понять, что происходит. Из аудитории с сердитым лицом выходит мой заведующий, но Надежда Глебовна его не замечает, ее захлестывают бурные чувства. Она говорит о моей книге и о детдомовских детях. И я вижу в этой прекрасной сорокалетней женщине, без пяти минут профессоре, себя в пятнадцать лет: эмоционально безудержную. Прекрасное качество педагога — способность восхищаться! Я благодарна Надежде Глебовне за понимание».

— И, конечно же, Лариса приняла эти восторги с подобающим признанному писателю скромным достоинством! Для интеллигентного человека это понятие — не пустой звук, — ехидно заметила Инна. — Это для меня оно — «предмет» не первой необходимости.

— У Ларисы при всем ее знании жизни сохранилось такое милое, просто завораживающее простодушие детского писателя, — осадила подругу Лена.

— Это ирония?

— Нет, комплимент. Без этого качества ее рассказы для школьников не были бы столь блистательными. А какие у нее легкие, чистые, светлые строки о стариках, об учителях! Они для нее как волшебные кристаллы, дающие силы на преодоление проблем в трудные моменты жизни. И сама она глубоко не равнодушный человек.

— Догадываюсь о ее детдомовской приверженности к трагедиям. Я уже вижу в ней «монументального трагика», — рассмеялась Инна.

— Лариса силою своего пусть даже грустного слова на своем примере возвращает детдомовским детям веру в лучшее.

— И не только детдомовским. Надежда и вера всем необходимы, — добавила Аня свое мнение к Лениному.

— Она умеет без лингвистических изысков, скромными художественными средствами понятными детдомовским детям, достичь максимума — достучаться до их сердец. В каждой ее новелле я ощущаю обостренный взгляд ребенка на далеко не детские вещи, его понимание сложного многослойного мира взрослых. Я чувствую глубину осознания ею сильного родственного, семейного начала как главного центра воспитания детей, — сказала Лена.

— Когда я приезжала к Ларисе, она знакомила меня с коллегами по работе и с интересными людьми из своего писательского окружения, — похвалилась Аня.

— И ты, конечно, не могла не воспользоваться этой счастливой возможностью, — ревниво заметила Инна.

— Лариса показывала мне письма знаменитых писателей, где они утверждали, что ее рассказы достойны того, чтобы попасть в школьные учебники литературы. Памятники им надо ставить за поддержку начинающих талантливых писателей. Эти похвалы изменили всю Ларисину жизнь. Она поверила в себя.

— Охотно верю, — отозвалась Лена. — У нее прямое попадание в писательскую профессию.

— Они готовили из своих похвал для начинающих писателей постаменты под их будущие нерукотворные памятники. Их знаменитые преамбулы и им самим составляли славу? Везде желанные, везде свои, — проехала Инна.

— Наблюдаю на твоём лице непонятную мне брезгливость при словах «хрестоматийный» прозаик, школьный учебник. Я ошибаюсь? — спросила Лена.

— Жаль, что некому помочь материализовать и воплотить в жизнь мнения аксакалов. У многих этих заслуженных писателей уже нет сил и возможностей отстаивать ни себя, ни других. Им самим сейчас не сладко живётся. Тоже издаются малыми тиражами. А без поддержки современных классиков, вам — Ларисе и тебе Лена, — не нюхавшим порошу борьбы за место под писательским солнцем, не пробиться в солидные издательства, — пропустив Ленино замечание, закольцевала свою мысль Инна.

Аня вздохнула:

— В современных учебниках литературы для начальных классов нет тех рассказов, которые в пятидесятые годы закладывали в нас доброту, дружелюбие, сочувствие. На всю жизнь я запомнила, как девочка в пургу несла чужой женщине письмо от её сына с фронта или как мама, узнав о болезни сына, поехала к нему зимой, за сотни верст, на перекладных... Сейчас для детей в основном развлекательное пишут.

— Кто детям в этом поможет? Если только Божье изволение...

— Жанночка, у тебя есть опыт в таких делах? — елейным голоском спросила Инна, с величавой грацией простирая руки к небу. И добавила беспардонно-весело, с молодежным пофигизмом:

— Галиматью несешь. Про родителей забыла?

«Держится с подчеркнутым вызовом. Таков её защитный рефлекс? Но ведь никто не нападает», — для себя прокомментировала Лена поведение подруги.

— Каждый человек имеет право на свою точку зрения. Не галди. Не в пейнтбол играешь, с людьми разговариваешь. — Жанна сказала это неожиданно спокойно, как человек, пришедший к окончательному выводу и не желающий попусту тратить время.

Инну удивило столь ясно высказанное пренебрежение к её замечанию, и, как она ни крепилась, как ни старалась, скрыть свое раздражение не смогла, оно тенью проплыло по её напряженному лицу.

— Вы знаете, писатель Михаил Бутов тоже очень тепло отозвался о Ларисиних книгах для детей и подростков, — продолжила Аня хвалиться знанием чужих заслуг.

— Как она добралась до редактора толстого журнала? Я слышала, что произведения, присланные в столицу с периферии, сотрудники издательств не спешат получать на почте, — удивленно заметила Инна.

— Её книги доставил и передал лично в руки редактора один её хороший знакомый. А потом она позвонила в Москву, и они коротко, но мило поговорили.

— Повезло ей.

— Отчасти. Он не смог посодействовать. Сказал: «Вы же понимаете... Вы умная женщина, раз написали такие книги».

— Complimentом отделался.

— И на том спасибо. Видно не всё в его силах. Он укрепил её веру в себя, и только это важно. Ещё Лариса говорила, что учителя делают «нарезки», вытяги из её книг, выписывают цитаты для своих классных часов, а школьники по её произведениям ставят прекрасные спектакли. И в библиотеках её книги нарасхват, особенно после того, как библиотекари города сделали им прекрасную рекламу.

А как-то она поделилась со мной тем, что рассказ, написанный ею в пятнадцать лет, редактор признал самым лучшим в книге, идеальным. Получается, что если бы она тогда начала писать книги, то они были бы ещё более талантливыми? Вот так и поверишь, что Шолохов в двадцать лет написал «Тихий Дон» — мощную, глубокую историю, вместившую целую эпоху.

— А я и не сомневалась, — сказала Лена.

— Сколько бы еще написала Лариса ярких умных и полезных книг, поверь тогда себе! А она пошла на поводу у учителя.

— Великого Карузо выгнали из музыкальной школы за отсутствие голоса. Ошибки случаются во всех областях деятельности людей, на всех ее уровнях. Человеческий фактор, — напомнила Жанна. — Никогда не стоит жалеть о не случившемся. Зато теперь Лариса имеет возможность писать мудрые книги. И за это надо благодарить Бога.

— Разве не себя? — усмехнулась Инна.

— В официальном письме из министерства образования Ларисины книги рекомендовалось использовать как учебные пособия для учителей школ, преподавателей и студентов вузов, — «выдала» свой высокий, завершающий аккорд Аня. — А я считаю, что ее произведения должны быть настольными книгами в каждой семье.

— Лена, завидки не берут? — сморщив свой милый носик, спросила Инна.

«Уж припечатает, так припечатает. Очернительством заниматься легче. Ни уму, ни сердцу эти ее выпады. От чего она отталкивается в своих измышлениях или в так называемых шуточках?» — рассердилась Аня на Инну, сбившую ее положительный эмоциональный настрой.

— Я не завидую. У Лары одни достоинства, у меня другие. Нас нельзя сравнивать. Я рада за нее.

— Грустного в Ларисиных книгах слишком много, даже в тех, что для взрослых. Оно и понятно, — вздохнула Аня. — Она мне как-то сказала: «Сынок — вот кто мог бы сейчас написать веселую, полную доброго юмора книгу. Он в этом талантливее меня. Я ему не раз об этом говорила. Но ведь семья, работа... А потом поздно будет. Помнишь, какая я была в промежутке двадцать — сорок лет? А теперь...»

— В нашем возрасте трудно вытаскивать из души светлое и лучезарное. Все больше печальное вылезает наружу. Зато старость — это свобода для творчества, — сказала Жанна.

— Судя по состоянию моего здоровья — не для всех. Я не нужна самой себе, — сказала Инна. Но не была услышана. Она прекрасно выглядела, и подруги сочли ее жалобу на здоровье излишним кокетством.

— Вагон нерастраченной любви, тоски и маленькая тележка радости — таков солидный багаж семейных отношений Ларисиных героев. Потому и книги невеселые, — объяснила Аня.

— Не скажи. Если бы Валя их писала, — с добром и любовью вспомним ее светлое имя! — то уж точно наполнила бы их оптимизмом и искрящимся юмором. Смее утверждать, что люди с юмором, как правило, обладают высоким интеллектом. Валя — незаменимая душа компании. От нее можно было заряжаться положительной энергией как от подстанции. Ее лозунги: «Как прекрасна жизнь!» и «Будь уверен в себе и тебе поверят». Ларошфуко, между прочим, так сказал. Валя — человек-праздник. До болезни она умела находить радость в любом пустяке и, шутя, с любовью, отвечать на любые кардинальные вопросы. Милая, легкая, солнечная, заводная. И это при ее пышных формах, олицетворяющих русскую щедрость! «Возраст душе не помеха», — утверждала она. А ты, Лена, — человек-забота. Не удивляешься собственному несовершенству? Мы сами губим свою жизнь печальным взглядом на многое события и по любому проигрываем, обрекая себя на жизнь в миноре. Валю мало волновало несовершенство мира и чужие, глобальные проблемы. Личное у нее всегда было на первом плане. Мне так кажется. Но даже собственные беды никогда не уводили ее с солнечной стороны жизни. В этом я вижу основу ее позитивного мышления, — не то в шутку, не то всерьез сказала Инна. По ровной интонации понять это было невозможно.

— Две взаимно исключаящие позиции. Я бы их перемешала, — улыбнулась Лена.

— Попробуй, если не обременительно. По закону игры и вымысла всё возможно, — усмехнулась Жанна. — Только мы слегка припозднились давать советы. Вале лет этак...

хотя бы десять скинуть. Да еще этот злосчастный диабет в последней стадии...
Предадимся рассуждениям еще и на эту тему? И грустью грусть поправ...

— Опять перебор. Отсюда наша беспросветность. «Мне памятен трепет людей мечтавших, любивших и веривших...» Да... Валюша опоздала писать мемуары. Теперь ей уже не до юмора, — осторожно напомнила подругам Инна. — Позволю себе заметить, что мемуары... Что-то в них есть... посмертное, что ли?

Чтобы уйти от печальных мыслей, Инна затормошила Лену:

— Лариса, наверное, тоже боится творческого бессилия, творческого паралича?

— Все боятся. Еще мы не любим во всеуслышание, особенно для прессы, говорить о планах, о предстоящих событиях. Задаваясь новой целью, мы прячемся в скорлупу... и думаем, думаем. Ты знаешь, я теперь бываю истинно счастливой только в минуты абсолютной гармонии, когда пишу. Радуюсь, если у меня есть время побыть одной. Обычно одиночество — это нехватка общения, неблагоприятное состояние. А для меня оно имеет позитивный смысл: уединение как мощный ресурс для творчества, для внутренней медитации. Я его сознательно выбираю, поэтому получаю от него удовольствие и удовлетворение.

Аня, не открывая глаз, задумчиво произнесла:

— Намеренно подвергать себя экзекуции не по мне. Твой лозунг «Одиночество и свобода». Понимаю, в осмысленном уединении и гадкий утенок превращается в лебедя... Настроиться, как перед прыжком в ледяную воду, окунуться в него, потом взлететь и по новому задышать! И тогда каждое слово как стрела, как меч...

— Шедевры создаются в тишине, — поддакнула Жанна. — Уединение — это если ключик от него внутри тебя, и ты сам можешь легко выйти из этого состояния. В противном случае это одиночество.

«В любых областях жизни физики не могут без четких формулировок», — улыбнулась Лена.

— Не густо у тебя этого счастья, — с невеселой усмешкой отреагировала Инна на слова подруги.

— С чего это вдруг ты так решила? — удивилась Лена. — Предостаточно.

«Ее сегодняшнюю уклончивость и молчаливость каждая из нас истолковывает и определяет по-своему: усталостью, нездоровьем, гордыней. Да, да... Подвиг смирения люди часто принимают за гордыню. Например, как в случае монахов, отшельников-богоискателей. Я сама такая. Считаю, что в молодости они все грехи, какие бывают, совершили, а в старости подались в пустынь, чтобы жить жизнью достойной уважения, найти счастье в уединении, размышлять и молиться во имя спасения своей души, и тем приблизиться к Богу. Только ведь если в голове пусто, а в душе грязно...

Можно добавить сюда незаинтересованность Лены темой. Еще успеет раскрыться, если, конечно, захочет. И уж тогда она будет безудержна и неукротима как в юности», — улыбнулась про себя Инна, вспомнив их удивительно наполненные беседы.

И как бы в подтверждение ее мыслей Лена стала рассказывать:

— Мне сейчас вспомнилось первое знакомство с творчеством детского писателя Владислава Крапивина. Шло вечернее занятие с заочниками — их в тот послепраздничный день мало приехало. Они самостоятельно разбирались с лабораторными установками, а я решила полистать книгу, которую мне на день рождения подарил сынок. Она ему очень нравилась. Углубилась в чтение. Со страниц повеяло запахом неведомых стран, юными мечтами. Вдруг почувствовала, как волоски на моих руках зашевелились и вздыбились. Буквально торчком, ежиком встали. Это мурашки по коже побежали. Я удивилась: «Почему? Мне холодно? Нет». Еще раз перечитала страницу. Ничего особенного. Обычная беседа мальчишек. А мурашки опять покрыли руки. И я решила: «Значит, что-то в его произведении близко и дорого моей

душе».

У разных людей повышенная чувствительность на различные раздражители. «Чем меня пробрали эти незамысловатые строки, не избыточные кудрявыми излишествами? Задели не красотой фраз, не музыкой слов, так чем же? На меня подействовала искренность и чистота главного героя? Она для меня важна. Но не это. Писателя всколыхнул во мне что-то мое собственное, глубоко личное? Нет, вроде бы. Он чем-то повлиял на мое подсознание? Через книгу, через эти добрые строки я ощутила энергетику самого автора? Его чувства резонируют с моими? Какая прелесть! Мы родственные души!» — подумалось мне тогда. Скажу как на духу: до конца так и не поняла, чем «взял» меня этот тонкий детский писатель-психолог. Кто-то хорошо сказал, что настоящий писатель тот, читая книги которого, ощущаешь всё, вплоть до запахов. Крапивин умеет выражать, казалось бы, невыразимое... Дивный писатель. Его книги — целая детская Вселенная!

— Твои — тоже, — заметила Аня.

— Какой будет детская литература будущего? — задала Жанна вопрос Лене. — Мы обрастаем знаниями, держимся за них, но приходят молодые и начинают отвергать нами созданное, наработанное.

— Пусть ищут то, на что отзывается их душа, и создают свое, новое. Ничего не надо отрицать и запрещать, — ответила Лена. — Носители чтения и темы изменились, но старые идеалы все равно сохранятся. У детей существует интуитивное понимание добра и зла. Они всегда будут на стороне Иванушки-дурачка, а не бабы Яги. А уж как в дальнейшем их жизнь перестроит, будет зависеть от многого, в том числе и от нас.

Лена задумалась, а потом продолжила рассказ.

— Давно случилось это первое знакомство с творчеством Вячеслава Петровича, а встретиться с ним лично я так и не смогла, — с сердечной грустью добавила она. Потом вспомнила из своего детства:

— Со мной при общении с людьми часто происходило что-то непонятное: я видела их не такими, какими они были на самом деле, а другими, мгновенно сформированными моим воображением. Я неосознанно дополняла увиденное. Я даже иногда могла не узнать человека, с которым уже встречалась, если он не соответствовал мною придуманному образу, потому что в моем воображении всё было преувеличено и расцвечено. Но мне-то казалось, что так было на самом деле. Поэтому я сама себе не всегда гарантировала достоверность происходившего со мной, и переживала, считая подобное отклонением от нормы. А это, всего на всего, было отлично развитое воображение.

— Это была эйфория наваждения и наваждение от эйфории, — рассмеялась Инна.

— Интересно, совпало бы мое заочное представление о Крапивине с оригиналом, если бы мы встретились? Уж больно много я домысливаю, достраиваю в человеке, а потом разочаровываюсь. Зачем переживать о не случившемся? Пусть он остается для меня прекрасной легендой. Хотя... встречи с талантливыми людьми украшают жизнь. Стоило ли терять моменты прекрасного общения и познания? Не так уж и много таких подарков преподносит нам судьба.

То же самое я могу сказать и о литературных произведениях. Иногда читаю книгу и на «ходу» что-то переделываю, переосмысливаю, а потом уже не помню, автор так говорил или я нафантазировала. Могу составить неправильное мнение, ошибочно трактовать произведение. Поэтому мне необходимо прочитать книгу второй раз, чтобы отместить собственные эмоции. В детстве я, заиклившись на каком-то одном тронувшем меня моменте, могла так пересказать известный всем фильм, что его не могли «опознать». Вот такая я неправильная. Даже посетив театр, я не сразу высказываю свое мнение, не делюсь им. Впечатление мне надо пережить, осмыслить, осознать, в себе что-то с его помощью открыть, обновить. У меня тут же может проснуться и вспыхнуть вдохновение...

Воспоминания многоцветными лучами-сканерами скользнули по поверхности Лениной

памяти и исчезли.

— Вся наша жизнь — путь к себе, — согласилась с подругой Инна.

А Жанна подумала о Лене:

«Наверное, за всю свою жизнь ни о ком грубого неуважительного слова не сказала. От нее не услышишь резкой отповеди. Это ее принцип? Может, выбирает и говорит только о тех, за кем ничего плохого не числится, а на остальных закрывает глаза? А внутри себя и с отвращением, и со стыдом о ком-нибудь вспоминает или с унынием. Пожалуй, если надо, одним взглядом зарвавшегося человека на место поставит. А вдруг ее тоже иногда захлестывают волны ненависти? Но наружу они не выходят. Классика жанра. Хотя не похоже. Внешне она спокойная и мягкая, потому что уверенная. Про ей подобных людях говорят, что они душевные силы не экономят. И, тем не менее... удерживает всех на расстоянии. Именно у таких внутри бывают вулканы эмоций. Все-таки Лена очень изменилась. На первом курсе она была слишком простодушной, уступчивой, бесхитростной и улыбчивой, а в некоторых жизненных вопросах безнадежно инфантильной. И вот тебе... писатель. Хотя уже тогда она часто бывала погруженной в себя. И глаза ее всегда были по-стариковски печальные».

— Лена, с твоим воображением ты не имеешь права давать показания в суде. Ты же обязательно чего-либо присочинишь, — рассмеялась Инна. — По сути дела ни на чьи свидетельские показания нельзя опираться, особенно, если они даются спустя некоторое время. Память и воображение задействуют одни и те же участки коры головного мозга. Вот он и грешит подменами, путает показания. Память — нелинейная, нестабильная, пластичная и не очень надежная функция мозга. Она может исказить прошлое. Когда мы пользуемся воспоминаниями, мы их изменяем, и мозг закрепляет и заносит в долговременную память уже неправильные, подчас сомнительные или даже ложные моменты. И наш мозг вспоминает последний «пересказ» событий, а не реальный. Некоторые люди внушат себе что-то, а потом искренне верят, что так было на самом деле.

Оказывается, вторгаться в мозг с разного рода информацией можно даже, когда объект спит. Я читала, что процесс фальсификации мозгом ложных воспоминаний изучается учеными с помощью МРТ-сканеров в режиме реального времени. Эти исследования перечеркивают все фильмы про сыщиков.

— Получается, что детективные романы надо выкинуть на свалку? — удивилась Аня.

— Зачем выбрасывать, просто не надо считать, что все в них достоверно, — улыбнулась Лена. — А вот научные данные мой мозг воспринимает и надежно закрепляет без искажений.

*

— ...Я одного Ритино начальника вспомнила, — ушла от заявленной темы Аня.

— Чем он интересен? Расскажи, я сгораю от нетерпения! — попросила Жанна.

— Много крови у нее попил. Приставал... ну ты понимаешь. Она отказала. Он не отлипал, преследовал, прессовал, унижал, необоснованными придирками доводил ее до белого каления. Карьеру испортил. Думал, если ей муж изменяет, так и она, хотя бы в отместку... Так и не нашел к ней подход, даже когда она развелась.

Невостребованность подрезала Рите крылья, а уйти было некуда. Городишко небольшой. Да и на квартиру очередь подходила. И она к вящему недовольству шефа продолжала добросовестно вкалывать. А когда писать начала, у нее новый смысл жизни появился, морально легче стало... Как-то пожаловалась: «На заводе злила многих, что работаю лучше них. Стала писателем — и опять находятся люди, которых бесит мой успех. Камнем преткновения становится мое трудолюбие. Антураж меняется, а суть остается».

«И твой талант им мешает», — добавила я.

Только вот Рита стала известной, а имя ее начальника вспоминают лишь в связи с тем, что был тот гадом. В перестройку он на собственной шкуре испытал неуважение людей. Проиграл подчистую. Так ему и надо. Судьба отомстила ему за Риту, — уверенно заявила

Аня.

— И ты думаешь, он страдает от этого? Сальери благодаря Моцарту прославился. А так, может быть, его имя кануло в веках. И у Ритинового начальника тот же путь. Он, наверное, понимал, что иначе о нем никто не вспомнит, — усмехнулась Инна.

Аня и Жанна согласно закивали, всерьез и полностью разделяя ее мнение.

— Заметьте, я, как всегда, оказываюсь права. — Инна и тут не упустила возможности похвалить себя.

Подруги не возражали.

— ...Ленка, а я думала, ты займешься упорным самобичеванием, а заодно и Риту вздуешь, как следует. Я, например, не понимаю, почему она в последней книге некоторых своих героев не описала, а только обозначила и то несколько условно, даже абстрактно. Какая их внутренняя актуализация на сегодняшний день? Подцепи Риту багром... за ушко да на солнышко. Боишься, что ее чаша весов перетянет? — Инна снова вернулась к обсуждению творчества подруг с известной долей иронии.

— В бой рвешься? Так и разбирает тебя. Не слишком ли далеко заходишь в своих шутках? Окажи любезность, посиди хоть немного в резерве, — тихо и сокрушенно-насмешливо посоветовала Лена подруге.

— Не исходи благородным гневом. Ты от меня слишком многого хочешь.

«Бузит, паясничает, ну совсем как школьница. Вот ведь натура. Упреков, как и раньше, не принимает. За подругу снова принялась. Удивляюсь Ленкиной бесконечной снисходительности и великодушию. Я на месте Лены уже давно бы ее расчихвостила, и разбежались бы мы с ней навсегда», — мысленно посетовала на Инну Жанна.

— ...Если уж на то пошло, писатели всегда выставляют свои переживания на всеобщее обозрение, — сказала Аня.

— И что из того? — спросила Инна.

Лена приподняла голову.

— Вот-вот, давай сама отчитывайся, — рассмеялась Инна. — Только не переводи стрелки на Риту, о себе рассказывай, хотя бы затем, чтобы оправдать себя в собственных и наших глазах. Уснащай свой монолог чужой лестью, не забывая, что она есть чья-то месть. Я разрешаю. Не чинись. За чем дело стало? Доложись, почему о судьбе русской женской души пишешь? Потому что в литературе по большей части и авторы, и герои — мужчины?

«Совершенно ясно, что Инка хочет подискутировать, распалить жаркий спор. Желает с кем-то посчитаться или потягаться? Пусть не надеется, я не оправдаю ее ожиданий», — самолюбиво подумала Жанна.

— Инна, не критическое отношение к себе приводит к казусам, — тихо отозвалась Лена.

Разговор на этом пресекся. Наступившая тишина была слишком напряженной. И кто из присутствующих женщин, о чем думал в это время, понять было невозможно. Имело смысл только догадываться. Чем Аня и занялась. Но Инна прервала ее размышления своим пустяшным вопросом к Лене:

— Я запомнила: почему ты ручкой пишешь, а не сразу на компьютере?

— На компьютере я работаю медленно, а мои мысли бегут слишком быстро. Я не успеваю их записывать и часто забываю то, о чем и как хотела сказать. А иногда, многократно переделывая фразу, вдруг обнаруживаю, что первая была лучше, но я ее уже стерла не только в компьютере, но и из своей памяти. Переживаю, конечно. А мне это надо?

«Вопросы теряют свою «глобальность» и, похоже, скоро совсем иссякнут», — медленно проплыла в мозгу Лены приятная, успокаивающая мысль.

28

— Как-то узнала из энциклопедии об одном знакомом писателе, что он издал шестнадцать книг. Заинтересовалась. Пошла в библиотеку. Выдали мне маленькую стопку книжечек формата записных. «Всего-то? — удивилась я. — Кот наплакал стишков и рассказиков? Как подобное квалифицировать? У моей подруги издана всего одна книга, но какой том, какие стихи! Во всяком случае, в Москве она прозвучала. А у этого числится много, но все — на четыре аккорда», — поведала Аня подругам с грустью. — По мне так это неуважение к себе. И вообще... это что-то вроде обмана. Да... из первых рук узнать о человеке всегда вернее.

— А может, те книжки стоящие? Маленькие, да удаленькие, — возразила Жанна. — Толстый том будет итогом всей его творческой жизни. А до этого как ему прозвучать?

— Читая энциклопедию, я представляла себе маститого писателя. А-а... — раздраженно махнула рукой Аня.

«Можно подумать ненароком вспомнила. Себя превозносит. Ей это удалось на славу. Не заведешь меня. Перебьешься», — ревниво фыркнула Инна и, успокаивая себя, сквозь зубы произнесла необщепотребительное, неприличное слово.

— Теперь дутые имена не редкость, — поддержала Аню Жанна. А та продолжила грустить:

— Я как-то сидела в администрации, ждала начальника. От скуки завела разговор о поэтах. Все присутствующие в приемной принялись «вдохновенно» хвалить одного местного автора. Я спросила: «А что вы из него читали?» Пауза. «Вы правы, — сказала я, — у него за душой ни одной изданной книжки, только две небольшие хвалебные статьи в областном журнале и два стихотворения. Но уже член Союза писателей».

— Прикольно «ничего не знача, быть притчей на устах у всех». Надо же, пара заметок... и уже по колено в литературе! Чьими-то стараниями... Уметь надо, — саркастически заметила Инна. — И ведь кто-то и зачем-то этому поспособствовал. Рекламиривал, навязывал. И добился своего. И того расхваленного человека повсеместно знают, слава о нем распространяется по области, по стране, как круги на воде.

— Может, те статьи таковы, что вошли в анналы?.. Я думаю, они предмет отдельного разговора, — сказала Жанна.

Аня осмыслила и по-своему интерпретировала Иннину мысль:

— Меня на треп не поймать и ничем не сбить с собственного мнения. Я сама все произведения читаю и делаю выводы об их качестве. Меня не волнуют ни чужие рекомендательные слова, ни всякие бесцеремонные, назойливые рекламы. Я их слушаю и сразу просчитываю, каким способом производители вешают лапшу на уши простакам. Я даже на скидки в магазинах не реагирую. Знаю, что это хитрая ложь. Ее придумали продавцы ювелирных магазинов. Сначала повысят цены, потом немного снизят, и трубят об этом на всю округу. А если на рынке мне усиленно начинают втюхивать товар, я сразу ухожу. Я так рассуждаю: «Врут. Хороший товар не надо рекламировать, он и без того прекрасно расходуется». И денежные, лживые пирамиды «МММ», и «РДС» меня в своё время не убедили. Поддаются рекламе только ведомые, несамостоятельные люди. Терпеть не могу, когда мне врут. Своим отношением они показывают, что не уважают меня, считают глупой, не способной разобраться в ситуациях. Они оскорбляют меня, опускают ниже плинтуса. Раньше ложь считалась стыдным, позорным фактом любой биографии, но теперь она «расцветает пышным цветом» в масштабах страны, а все делают вид, что не замечают ее.

Звонят мне как-то из парфюмерной фирмы и предлагают различные наборы для омоложения. А я с удовольствием ответила им, что за всю жизнь ничего кроме губной помады не применяла для лица, но выгляжу намного моложе своих коллег,

«не слезавших» с косметики. Так что спасибо за предложение, но мне в мои преклонные годы еще рано украшаться.

Люди часто страдают из-за вещей, которые на мой взгляд того не стоят: из-за внешности, денег, почестей. Как же! Успех! А он — цепи, бремя. Человек слаб. Его мучает тщеславие, зависть. Такой подход к жизни я не одобряю. И Рита понимает, что завистливый человек никогда не поймет радости и успеха другого и поэтому по-настоящему никогда не будет счастлив. Ей, например, много раз предлагали защищаться, но она отказывалась.

— Правильно делала. Какой в том смысл? Не стала бы она вести занятия по литературе или педагогике, хлеб у специалистов отнимать. К чему в ее возрасте полностью менять профессиональную ориентацию? А становиться профессором ради имиджа — глупо, — рассудила Жанна.

— Ради имиджа некоторые люди на многое идут, не считаясь ни со временем, ни с чужими амбициями, — возразила Инна.

— Рита — не «некоторые». Хватит теревить неперспективную тему. Заканчивайте шуточный обмен «галантными любезностями», — с укоризной сказала Лена.

Но Инна, сделала вид, что не заметила нервозности подруги, и, преодолевая ее вежливое сопротивление, снова, хотя и без успеха, попыталась втянуть ее в разговор.

— Ты — моя головная боль, — отмахнулась Лена. И тем остановила Инну. Но не Аню.

— Я еще одно интересное явление обнаружила. Читаю одного автора. Очень нравится. Беру его вторую книгу, а там все то же самое, но два новых рассказа добавлено. Беру третью — та же история. И, между нами девочками, как-то неловко, стыдно мне стало за этого умного интересного писателя. А ведь улики налицо. Не спрячешь их и тень на плетень не наведешь.

— О, это уже не фимиам! Если я тебя правильно понимаю, ты не только по отношению к себе критична и откровенна? Смелая. — Странная полуулыбка скользнула по губам Инны.

— «Бесстрашие живым бессмертье заменяет», — неожиданно сильной фразой отреагировала Аня.

— Прекрасный ответ! У тебя нездоровое любопытство к знаменитостям? — как бы шутя, спросила Жанна.

— Тебя это волнует? — обиделась Аня. — А ты читаешь лишь желтую прессу? В звоне ее литавр истины не различить.

— Мне предпочтительнее мнение специалистов. Я предполагаю, что тот, о ком ты... Я думаю, ты со мной согласишься, что этот писатель теперь достиг таких высот, что душа его уже не требует признания и награды. Он стал нечувствительным к критике, — отразила нападение Жанна.

— Недосыгаемым, — согласилась Аня.

Лена демонстративно накрыла лицо простыней, показывая тем, что тема исчерпана.

«Мы языками треплем, а она слушает нашу болтовню со скукой и недовольством», — мысленно посочувствовала Лене Жанна.

— Ты слишком быстро сознаешься в своих ошибках. Сдаешься практически без боя, — улучила подходящий момент Инна, чтобы подразнить Аню.

— Так это ты у нас авантюрного толка. Не стану же я отпираться, принимать меры предосторожности, отвлекать ваше внимание чем-то посторонним, — с бесхитростным располагающим лицом удивилась Аня. — Вы же меня знаете как облупленную.

«Молодец, Аннушка, уважаю. Так, глядишь, и в наступление пойдет. И в этом есть свой резон, — подумала Жанна, с любопытством разглядывая подругу. — Продолжай в том же духе, держи фронт!» — говорил ее заинтересованный взгляд.

Инне нечего было возразить на самокритику. И поверженная спорщица удовлетворенно улыбнулась, как если бы ее всё устраивало, хотя Лена заметила, что она несколько побледнела от воображаемого унижения.

И как бы в отвлечение от неловкости, и абсолютно без всякой логики в памяти Инны всплыл детский, немного хулиганский стишок Лены об их взрослом разбитном соседском парне.

«Ходит-бродит Коля с Галей —

Нос задрал он выше крыш.

С ней он думает о Вале

И как ей покажет шиш.

Но увидел он вдруг «Змея»

И подумал: что за черт?

Надавать ему по шее?

Чтобы знал он наперед,

Что нельзя меня с ней видеть,

Можно Раю ведь обидеть...

И так далее. Надо же, столько лет прошло с пятого класса, а не забылся... Не ахти какое «творение», а запомнилось, потому что связано с беззаботными веселыми моментами детства. Незатейливые, но очень симпатичные стишки-экспромты «строгала» Ленка в школе на переменах. И ведь не считала эту способность чем-то серьезным. Могла запросто зарифмовать любой учебник и любое событие в школе. Назовешь ей тему, и миг как из пулемета получишь длинную или короткую — какую закажешь — «очередь» «под любого поэта», кроме Маяковского. И как опасно пошутила наша любимая математичка: Ленка сумеет написать стих даже на текст правительственного постановления...

А то вдруг уходила от будней, как бы возвышалась душой, улетала в космос или в параллельный мир, наполняясь то радостью, то грустью, то очарованием фантазий. И строчки у нее в этом случае были совсем другие. И знала о них только я».

От милых воспоминаний детства Инна непроизвольно улыбнулась во весь рот. А Жанна с Аней, глядя на нее, неопределенно пожали плечами: «Разве поймешь эту Инку?»

«Один и тот же факт люди истолковывают по-разному. Наши домыслы и фантазии возмещают нам недостаток информации. Они ведут к полуправде, а та иной раз хуже лжи... Справедливость основывается на знании и понимании всех обстоятельств, но этого часто невозможно достичь...» — размышляет Лена, одновременно слушая Инну с Аней.

— ...Если человек постоянно чувствует себя несчастным и ждет отпущения грехов — а уныние тоже грех, — то он не борется. А жизнь такова, что надо воевать, стараться быть сильным, пытаться все успеть, тем более теперь, когда мы живем на пятой скорости. Но при этом мы многое не замечаем, проскакиваем, промахиваем...

— А если не всегда выходит? — озабоченно захлопала белесыми ресницами Аня.

— Тогда на многое не претендуй, не завидуй, не зарься на чужое счастье. Штаны

по размеру покупай, — с насмешливым вызовом ответила Инна.

— Говорят: «Всевышняя судьба распределяет роли». Но ведь всем хочется, чтобы им улыбался Бог.

— Так ведь улыбку надо заслужить, — удивилась Инна запросам Ани. И мысленно спросила себя: «А чем Алла заслужила свое счастье? Почему она с рождения была одарена вниманием Всевышнего? Ее любит Бог? А может, все много проще? Потому что из старой интеллигентской семьи, умная, образованная, прекрасно воспитанная. Рельсы на факультет, и, по сути дела, и в литературу, ей были проложены родителями. И всё? А может, потому что они с Сашей долго порознь шли навстречу судьбе, и все же сумели найти друг друга?..»

— И даже если заслуживаешь, Бог часто отворачивается от некоторых и обходит своей благодатью, — вздохнула Аня.

— Надо же Ему когда-то отдыхать, — хихикнула Инна. — Смотря что считать благодатью. Я никого не хочу обидеть, но, может, те невезучие не разглядели Его даров? Помните, в фильме «Свой среди чужих» герой кричал: «Господи, почему ты помогаешь этому идиоту, а не мне?» Я на эту тему анекдот вспомнила. «Один человек много молил Бога, чтобы тот помог ему получить большую сумму денег, и вдруг услышал голос с небес: «Но ты для этого тоже сам хотя бы одним пальцем пошевели, лотерейный билет купи!»

«Не сказала в защиту Ани ни слова, зато попыталась свой ответ облечь в более деликатную форму, — про себя одобрительно отметила Жанна. — А еще несколько минут назад как танк перла. Скачки настроения Инны — от высокой трагедии до уморительной комедии».

Аня застыла в позе глубочайшей скорби, а Инна стала к ней цепляться, наверное, чтобы раззадорить и снять с «тормоза»:

— Да ты просто зануда.

— Не простая, зацикленная. Мне уже поздно дебютировать в новой роли, — усмехнулась та, снова удивив Инну неожиданной способностью к самоиронии.

— Инна, что лицом опала? Аня еще поддаст тебе жару, — рассмеялась Жанна. И подумала: «Хотя получасом раньше в ответ она помалкивала... А Лена все-таки чурается подруг. Видно, нас с ней мало что связывает».

«Аннушка-то наша далеко не простой человек. А говорила, что не дается ей юмор. Скромная, — ласково про себя улыбнулась Лена. — Может, Инна наконец-то стала оказывать на нее благотворное влияние, и она проявляет себя с наилучшей стороны? Все-таки каждая наша девчонка — драгоценный камешек в мозаике нашего курса!»

— ...Лен, тебе нравится инскрипты сочинять? Статусные надписи любишь или шуточные? — прошептала Инна.

— Незнакомым людям, в основном, стандартно книги подписываю, чтобы никого не выделять и не обижать, а знакомым — с учетом их характера. А вот пометы на полях люблю оставлять. Знаю, неправильно книги портить. Но если из личной библиотеки...

— Пройдут годы, и кому-то потребуется извлечь из прошлого ваши с Ритой имена, — оптимистично сказала Инна.

— Стала в позу пророка?

— Одни скажут, что ваши книги для взрослых о перестройке, другие, что они о нежности, о преданнейшей любви, а кто-то увидит в них только охаивание мужчин и возвеличивание женщин или ссоры и пустые споры, как горькую безысходность. И все потому, что людей в первую очередь трогают личные беды персонажей, а уж потом глобальные проблемы. Они, конечно не правы, но таких мнений не избежать. Читатели, в зависимости от интеллекта и воспитания, по-разному воспринимают одну и ту же

книгу. Это, как если бы подключать один и тот же источник питания к различным микросхемам. Каждая берет и выдает то, на что настроена, на что запрограммирована. Рита, например, точно ухватила явление нарастающей деградации мужчин, а многие ли обратили на это внимание?

— Она твердо поставила и ярко высветила вопрос ответственности отцов за детей, — согласилась Лена.

— ...У нас возносят, в основном, после ухода из жизни. Да и то не сразу и не всех. Я согласилась бы на посмертный триумф во всем мире, — рассмеялась Инна.

— А почему именно после ухода из жизни? — спросила Аня.

— Творчество художника как бы освобождается от его личности и уже существует само по себе. Вот тогда и можно понять, чего оно стоит. Один человек был обаятельный и уже тем привлекал, другой умел с помощью денег и связей приподняться над многими, — ответила Инна.

— А я думала, когда конкуренты и завистники перемрут, — вполне серьезно сказала Жанна. — Ой, девчонки, мне только сейчас дошло, что молодые поклонницы, выходя замуж за пожилых, знаменитых людей, не только за их деньгами гоняются. Ими еще тщеславие руководит. О знаменитых людях будут вспоминать, и жен волей-неволей упомянут. И они тоже останутся в веках.

— А что, правильная мысль. Моя знакомая на всех юбилеях знаменитостей нашего города поет. Она остается и в телезаписях и в фотках. Молодец.

— С тобой все ясно, — фыркнула Инна. — У нас при жизни превозносят, если на Западе получил признание или хотя бы там побывал.

— Не скажи. Если истинный талант, то и здесь случается неслыханный успех, — не согласилась Лена.

— При связях или при наличии мощной пиар-компании. Но она мало кому из простых смертных по карману, — опять встряла Инна.

— Недавно была в местной филармонии. Прекрасный оркестр русских народных инструментов, удивительные голоса солистов! Микрофоны не лижут. Но не прорваться им на центральное телевидение, допустим в «Романтику романсов». А ведь можно было бы устраивать отдельные передачи с выступлениями талантов из провинции или хотя бы делать вкрапления — каждый раз представлять одного-двух новых певцов. Вот так и у вас, у писателей, — вздохнула Аня. — Собственно, чего переживать? Человеческая память не так уж долго удерживает имена даже гениев. Только избранных.

— Кем избранных? — саркастически усмехнулась Инна.

— За гениев голосует время.

— Время и моду формируют деньги и власть. Они же поддерживают мифы. Пиар сейчас очень агрессивен. Думаешь, на региональном уровне нет подхалимов или завистников? Я полагаю, возникни такая необходимость, сразу отыщутся желающие охотить или похвалить, особенно из числа тех, кто вообще не читал обсуждаемого автора. Чего им бояться? Они же не вступают в конфликт с законом, если только с совестью. А ее не так уж и трудно усыпить...

— Что ты несешь? Чем дальше, тем смешней, — возмущенно прервала Инну растревоженная Аня.

— За подобные фальсификации в места не столь отдаленные не отправляют. Если только притиснут к стенке и устроят темную. Что, челюсть от удивления отвисла? — рассмеялась Инна.

«А Ленка опять величественно помалкивает. Одарила нас милостью своего присутствия!» — Жанну на какое-то время охватило раздражение.

— Инна, может, ты и в гениальности Шекспира сомневаешься? — спросила Аня.

— Экзаменуешь? Не сомневаюсь, конечно. Тем более, что теперь он читается совсем иначе, чем четыре века назад.

— Так чего же куражишься? — с легкой угрозой в голосе спросила Аня.

«И почему эта проблема в большей степени волнует тех, кого она вовсе не касается? В массе своей люди не имеют отношения к искусству, но зачастую очень неосторожны в своих высказываниях, — подумала Лена. — Подруги не прекращают спор, потому что ожидают услышать от меня заключительные слова на эту тему?»

Жанну заинтересовал разговор Лены с Инной.

— ...Ты о роли злой личности в судьбе каждого из нас? Врагов каких-то выдумала, чудачка. Я делаю свое дело и этого мне достаточно.

— К сожалению, они часто верховодят.

— Раз мир пока не погиб, значит, в масштабах планеты побеждает добро. Хороших людей все же больше, и дай бог, чтобы они всегда преобладали.

— Отдавать тебя на съедение даже во имя этого преобладания мне не хочется. Это как в сказках приносить себя в жертву, быть данью дракону, чтобы он подавился и других не трогал. Ты не достойна такой участи.

— Ты преувеличиваешь способность некоторых людей всех сметать со своего пути. Они не настолько всемогущи. Да и не такая уж я мишень, чтобы в меня стрелять из пушки.

— Не скажи. Лучше переоценить «врага», чем недооценить. Проверим. Если тебя не пригласят стать членом той престижной комиссии, о которой ты мне рассказывала по телефону, значит я права. Мне было бы приятно ошибиться.

— Мне тоже. Пригласили, но я отказалась по состоянию здоровья. Знаешь, всю жизнь в тисках, в рамках. Иногда надо их ломать и уходить в сторону даже осторожным людям.

— Жить в обществе и быть от него свободным?

— Свободным от неправильного в обществе.

— Не смиришься — придавят. На это нужно мужество безумца или идиота. Прости, вырвалось. И кто выиграет от этих твоих столкновений? Зачем тебе вредить самой себе? Ты иногда бываешь неразумно, парадоксально упряма.

— Премного благодарна за комплимент.

— Иголки на спине у тебя есть, но брюшко-то нежное, уязвимое. Пожалей себя. Этот вопрос не стоял у тебя на повестке дня? Зачем класть себя на алтарь чужого мелочного тщеславия, зачем подставляться? Это укрепляет тебя в жизни?

— Не знаю, что и сказать...

— Идти напролом — значит проиграть.

— Но сохранить лицо.

— Не дадут сохранить.

— Значит, хитрить, приспособливаться? То тишком, то ползком...

— Ну и иди до конца «тропюю Хо Ши Мина»! — разозлилась Инна.

Жанна не поняла, какого вида деятельности Лены касалась Инна, но ей стало грустно. «Наверное, общественной работой занялась, но ей не всё удается», — решила она.

*

— ...Я о другом. Это к вопросу о порядочности и справедливости в литературе. Может, те авторы писали на строго заявленную тему, почувствовав нерв эпохи или... интриги? А есть ли в них то, самое главное? — немного повременив, произнесла Инна. И улыбнулась как можно мягче. Она готова была защищать подругу любыми средствами.

— Не выделяй меня курсивом среди остальных. Собственно, я знаю всех претендентов на пять лет вперед и могу расставить их в порядке получения. Для меня вся эта система абсолютно прозрачна и уже ничем не удивит. Поэтому и не волнует, — ответила Лена.

— Блаженный идиотизм — верить в справедливость. А бывает так: дали премию, похвалили и забыли человека?

— Всякое случается, — кивнула Лена с видом педагога, недовольного несвоевременным или глупым вопросом ученика. — Самому надо себя активно продвигать к читателю: заявлять о себе, встречаться, общаться. Будь любезна...

Лена обреченно вздохнула. Ее лицо выражало: «А не пойти ли тебе... на БАМ!» Она безразлично отметила в себе опустошение, вызванное неприятным разговором, и попыталась отвлечься размышлениями другого рода.

— ...Вот ты пишешь, пишешь, а ведь далеко не каждый читатель помнит имя автора. Ты тоже станешь неизвестным автором известных произведений. Твое имя занесет песок времени.

— Это неважно. Пусть годы стирают из памяти людей фамилии писателей, лишь бы деяния их героев жили в поколениях. Инна, говори о хорошем или молчи, иначе я сегодня не усну.

— Даже у камня есть душа, — сказала Жанна Инне с упреком. — Лена, пусть Всевышний и Небо помогут тебе, — искренне добавила она. (У камня душа?)

Инна наконец-то захотела понять подругу, и та устало опустила голову на подушку. Никто больше не стал углубляться в писательские проблемы.

«Привыкшие трудно засыпать и до умопомрачения прокручивать что-либо в голове, они и тут мусолят любое им предложенное. Разговор затевается, но быстро иссякает, потом возобновляется и вновь обрывается, как бестолковый сон... Но бессонница толкает, заставляет женщин начинать его снова и снова, даже через силу, через немочь. Ночью, когда человек только наполовину в реальном состоянии, до такого можно дорассуждаться!» — вздохнула Лена, туманясь сознанием.

Лена тихонько застонала, переворачиваясь на спину. Аня поняла, что она не спит и тут же подступила к ней с вопросом, который давно ее беспокоил:

— Когда тебя приняли в Союз писателей? Почему ты не стала вступать в двухтысячном? Это был акт протеста? «Не все хотят летать в стае. Но к одиночкам тоже надо относиться бережно, если они того заслуживают», — думала ты тогда. Да? — предположила Аня, возможно на основании чужих слов.

— С одной книгой? Вступление ко многому обязывает. Только после третьей я посчитала себя достойной. Успокойся, всё у меня нормально.

«Как всегда говорит много меньше, чем думает», — решила для себя Аня.

— Скрытная ты.

— Не без того, — отшутилась Лена.

— Как ты считаешь, у Ларисы тоже возникают проблемы? Она о них умалчивает?

— Какого рода? Ты о «смертоносном» противостоянии амбиций? — пошутила Инна. — Приедет, узнаем.

— Нет, я о другом, — смутилась Аня, поняв, что Инна намекает на свой разговор с Леной.

Аня не вникала в тонкости и подробности обсуждаемого ими эпизода, но суть разговора уловила, и, взглянув на Лену с благоговейным обожанием, сказала:

— Пиши, пока твоя добрая и вечно печальная Муза рядом с тобой. Выкладывай душу людям.

— Муза у мужчин. У Лены вдохновение, — рассмеялась Инна. И добавила восторженно-насмешливо:

— В кого только ни превращают женщины-музы великих мира сего!

*

— Ты все больше об ушедших годах пишешь.

— Так ведь воспоминания. Тем более, когда о детстве... — недоуменно пожала плечами Лена.

— Может, важнее критиковать современность? — выдвинула встречное предложение Инна.

— Ты обратила внимание на то, что пошлость и невежество как бы стираются в прошлом, они будто отсекаются, потому что принадлежат только настоящему. Когда современность становится прошлым, она кажется очищенной от них, отмытой. Может, поэтому я как-то по-своему люблю уже происшедшее, меня тянет к нему. Но и новое время я не боюсь. Я этим не больна.

— Даже великие умы современности никак глубоко и подлинно не поймут, каким было наше совсем недавнее прошлое, которому и мы были свидетелями, и что есть нынешнее время. Не рискуют давать ему полную, подробную характеристику, — подметила Аня.

— Да уж точно, у них рефлексия не только на настоящее, — невесело откликнулась Жанна.

— Ой, да теперь и настоящее, и прошлое все кому не лень обгаживают, не дай Бог как! — возмутилась Инна. — Уж до Ивана Калиты добрались.

— И до Адама с Евой, — рассмеялась Лена, признав правоту Инны.

Аня наморщила лоб, обдумывая сказанное подругами. А Инна спросила Лену:

— Значит, не ограничиваешь себя, выбирая одно из двух, не боишься, что твой главный герой может оказаться вызывающе несовременным?

— Боюсь — не боюсь. Надо — не надо. Если ты считаешь, что я об этом думаю, то глубоко ошибаешься. Для меня главное быть честной перед собой, никогда себе не изменять. Какая разница, о каком времени писать? Все равно в каждом произведении душа автора отражается в его героях как в зеркале. Нравится тебе это или нет, но любая информация проходит через поток сознания писателя, когда он ищет ответы на вопросы им же поставленные, а все персонажи — вымышленные или реальные — через его сердце. Сегодня написанное может прозвучать несовременно, а взятое из девятнадцатого века, вдруг оказывается близким и понятным, — сказала Лена.

— Ты все время, пока пишешь, четко придерживаешься определенной линии? Совсем как прилежный, недовольный собой и своими знаниями ребенок? — теперь уже Аня взялась «пытать» Лену.

— Замысел иногда оказывается далеким от воплощения. Задумываешь одно, получается другое. Каждый мой герой привносит что-то свое, от каждого и во мне остается что-то особенное и полезное, и подчас именно оно уводит меня в русло других приоритетов. И само слово — нечто живое, организм, порождающий смысл. Но главная

идея произведения все равно сохраняется. Но субъективный замысел и объективный результат иногда не совсем совпадают. Разве я об этом не говорила? (Старые склеротики!)

— Я конечно далека от мысли, что ты просто здорово пудришь мне мозги, прикрываясь умными фразами, но тебе, как знаменитому бельгийскому сыщику Пуаро, уже стоит говорить о себе в третьем лице, — дурашливо, но не глумливо рассмеялась Инна.

Лена грустно отмахнулась от её шутки, мол, не выдумывай ерунды и тихо произнесла: «Я отлучусь на минутку, а ты о себе пока что-нибудь веселое вспомни».

Аня снова заговорила о своем, очень ее тревожащем:

— Я послала рассказы своей подопечной девочки в журнал, а их переделали чуть-чуть и напечатали под другой фамилией. Перепутали?

— Не чураясь подлога, кто-то получил чужие лавры! Видно в знаменосцы любым способом рвется, — искренне возмутилась Инна.

«Наш пострел и тут поспел», — раздраженно подумала Жанна.

— Я направила в редакцию осуждающее письмо. По сути дела в прямом плагиате обвинила. Но они отписались тем, что заимствования были и у классиков, что, мол, еще неизвестно, откуда эти строчки, которые вы так требовательно и нагло приписываете своему ребенку.

— Впервые о таком слышу, — удивилась Лена.

— Я по телевизору недавно слышала о разборках среди музыкантов. Видно авторство — дело тонкое. Я еще смешнее случай знаю. Моя приятельница рассказывала, что один профессор похвалил ее книгу и посоветовал по ней защитить диссертацию. Та своей знакомой об этом поведала, а та своей. Ну знаешь, как бывает — по цепочке. Так вот третья, использовала эту книгу как свою в той части, которая непосредственно касалась темы ее диссертации. Случайно дознались. Через посредство всё тех же подруг. Что-то типа обратной связи возникло, — рассмеялась Жанна.

— Невероятно! — зло восхитилась Аня.

— Но факт. Страна огромная. Где что происходит — не уследить. Но с развитием интернета такие номера уже не будут проходить, — успокоила ее Жанна. — «Видно у судьбы замысел был такой», — отшутилась моя знакомая, словно совсем не разозлилась на воровку.

— Как-то, еще в годы моей молодости, к нам приезжали преподаватели из одной демократической страны. Так вот, один очень шустрый аспирант, пока его друзья изучали достопримечательности города и посещали рестораны, старательно «передирал» наши лабораторные работы, научные статьи и разработки по интересующей его проблеме. Очень уж они ему понравились, — с насмешливой улыбкой вспомнила Лена.

— Жанна, будь я на месте твоей приятельницы, получила бы та воровка сполна. Окунула бы я ее в собственное дерьмо, век бы меня помнила. И сделала бы я это в лучшем виде: чтобы история стала достоянием общественности. Ну посуди сама, ведь доказать обман не составило бы особого труда, — возмущенно заявила Инна. — Я бы ее из-под земли достала!

— И всего-то не сослалась на автора. Сколько я таких случаев наблюдала за годы работы в НИИ! — Лена усмехнулась.

— Инна, и из космоса достала бы? Ты такого издевательства над собой уж точно не допустила бы. Убивать жуликов надо? — насмешливо спросила Аня.

— Сразу и наповал.

— Это уже диагноз! — заявила Жанна. — Автор книги подобного и в мыслях не держала. Для нее, я думаю, это означало бы унижить себя в своих собственных глазах. Она человек чести, но не боец. И всякие там свары, суды... — поспешила разубедить всех Жанна. — Она только рассмеялась: «Знать и тут на пользу моя книга пришла».

— Экая фанаберия! Хочет быть предельно независимой от плохих людей? Нельзя плодить подлецов, — твердо сказала Инна.

— Сдается мне, ты завидуешь ее простоте.

— Дурости.

— Погоди, если человек порядочный...

— Сразила наповал! Не давай повода, не создавай условий, не провоцируй, ушами не хлопай, дистанцию держи с подлецами, защищай свою интеллектуальную собственность — вот моя позиция. А твоя подруга «как дурочка из переулочка». Не выношу, когда из меня и моих близких лопухов пытаются лепить или перекрывают дорогу. — Инна говорила зло и напористо.

— Чувствую охотничий азарт. У тебя сейчас даже выражение лица, как у гончей. Не получала своим же салом по сусалам? — раздраженно фыркнула Жанна.

— Получала, но продолжала бороться, вызывая нездоровое негодование врагов. И побеждала. С потерями, конечно. Иначе не могла. Понимала, если раз уступлю, всю жизнь сдаваться буду. По молодости не раз обнулялась в борьбе с подонками, но поднималась и снова воевала. Считаешь, что некому было мне по башке постучать, чтобы одумалась? Сообрази сама, к чему мягкотелость по отношению к проходимцам может привести в масштабах страны? У меня была железная неуступчивость, поэтому часто обо мне возникало мнение весьма далекое от того, что я представляла на самом деле. О моей личности ходили самые невероятные слухи. Какими только «титулами» меня ни награждали!

— Но ты не страдала от этого, хотя за тобой тянулся шлейф скандалов? — выдавила ледяной смехок Жанна.

— Неуверенных людей волнует чужое мнение, — отрезала Инна. — Тебе проще, ты-то за надежную спину мужа всю жизнь пряталась. Я мыслила позитивно, с радостью шла к людям, но никому ни лжи, ни хамства не прощала. Жестко ставила таких типчиков на место. И в этом «жанре» я всегда была первая.

«Про мужа Инна зря сказала. Это уже открытое зубоскальство, этакое ревнивое злорадство. Она так и не переняла у Лены манеру разговора, где главенствовала бы самоирония», — подумала Аня. И тут же в ее голове пронеслась неожиданная мысль: «На Ленино умное и доброе лицо хочется смотреть бесконечно. В нем скрытая мощная, глубинная харизма. А у Инны оно нервное».

— Мне приходилось так вести, чтобы и свои, и чужие побаивались и не трогали. Бернард Шоу говорил, что человек как кирпич, обжигаясь, твердеет. Вот и я закалялась в боях, — без тени смущения с преувеличенно озабоченным видом объяснила Инна. — Были среди моих врагов и злые, и подлые, их «доктрины» и «нестандартные» способы не укладывались в мои и в общечеловеческие понятия нормального общения. Но я в сравнении с ними выглядела больше эпатажной, заводной, неумной. В основном слабых пыталась защищать.

— Неожиданный ракурс, — с недоверчивой ухмылкой заметила Жанна.

— Да уж точно, не вписывалась я в «академический» стандарт женской терпимости. Но сама я без причины первая никогда не нападала. И нечего меня виноватить!

— Какой-то спортсмен пошутил: «Над боксером может посмеяться каждый, но не каждый сможет увернуться». Такая манера часто граничит с произволом, — заметила Жанна.

— Чем она тебе не угодила? Я так помогала людям и сама защищалась, постигнув «друзей» коварную любовь. И огребала я от них по полной программе. Но враги

и обидчики тоже кое-чему учили. Мы не выбираем своих врагов, но выбираем друзей и позицию.

— Тратить жизнь на разборки? Это не для меня.

Лена как бы вскользь тихо произнесла:

— Инна более чем кто-либо другой заслуживает одобрения и снисхождения. Чиновникам и бездельникам крепко от нее доставалось.

— У льва тоже есть враги, но что они против него могут? Тебя, наверное, остерегались, потому что ты сильный человек, — оправдалась Жанна.

— Смотря, в чьих глазах... — грустно усмехнулась Лена.

29

— Мы оглянуться не успеем, как печатная книга вернет себе статус роскоши, — вздохнула Инна.

Лена грустно заговорила:

— Мне одно списание книг в начале перестройки вспомнилось. Захожу в библиотеку. Весь холл чуть ли не до потолка завален прекрасными журналами и почти новыми книгами. Девушки переносят их в огромный грузовик. Я мечусь вокруг этих книг, хватаю в руки то одну, то другую. Я пытаюсь остановить беспрецедентное варварство. Кричу заведующей: «Это же бесценное богатство! Раздайте по школам!» И слышу в ответ: «А чем я выполню план по макулатуре?» «Так газетами же. Школьники принесут! — отвечаю я. — Сказали бы мне заранее, я бы организовала».

— И наши внуки даже названий этих книг и журналов не узнают, — сказала Инна.

— Артхаус — высокая литература — для толстых журналов, а блокбастеры — для любых издательств и типографий, — попыталась затеять другой разговор Аня.

— Лена, нашла о чем печалиться. В девяностые годы с подачи Горбачева многомиллионной стоимости стратегические корабли методично и целенаправленно шли в распил на металлолом. Военные базы и огромные заводы стирались с лица земли. «Утрата творческого наследия поколений в любой области жизни общества становится утратой души человека и человечества», — приподняв от подушки голову и тяжело опершись на локти, зло напомнила Инна.

Аня раздраженно закрыла уши ладонями. Это была лишком непосильная ее сердцу тема.

Инне хотелось чем-то отвлечься от собственной физической боли во всем теле, и она прислушалась к горячему возмущенному шепоту Жанны.

— ...Я ей говорю: «Ваши труды числом страниц представили. Но ведь они бывают разного формата. Одним только фактом незнания прописных истин в оформлении книг они низвели качество данного издания до уровня самиздата или краеведческого отчета сельской библиотеки».

— Даже я знаю, что в типографиях существует единая мера, выражаемая в условных единицах, принятая в России испокон веку для любых печатных продуктов, — удивленно заметила Аня.

— Я ей опять: «Эта книга — лицо не только вашей организации, но и всего нашего края. Такие проколы не допустимы». А она мне: «Это форма. Суть-то книг не изменилась. Это у них там, в Москве всё по стандарту...»

Дальше Инна не расслышала и не стала вникать. А до Лениного сознания кое-что из дальнейшего разговора подруг все же доходило:

— ...Только молодым дано кричать правду безучастному миру. С возрастом, в основном все умолкают.

— Зачем так пессимистично? Хотя, конечно, опираться надо на молодежь.

— ...Не думаю, чтобы первые компьютерные игры как-то развили моих детей или поспособствовали интересу к английскому языку. Скорее, «Битлы» провоцировали на его изучение. А вот современные сетевые игры, безусловно, заставляют мозги работать. Я это на внуках заметила. Часами «оттягиваются» на компьютерах. Какие книги могут оторвать от них школьников: жизнерадостные, увлекательные, юмористические? О чем они должны быть, чтобы прозвучать для современного подростка, затмив все остальные увлечения? Может, как-то иначе, по-новому подойти к понятию главного героя, совершить его историческую и социальную реконструкцию? Придумать особую, свежую подачу материала?

— Теперь для детей в жизни мало загадочного. В поисках интересного многие писатели «ударились» в абсурд. А ведь самое трудное и самое главное в жизни человека — остаться самим собой. Отложилось?

— ...По крышам подростки скачут, экстрим ищут, острые ощущения. Не знаю, восхищаться ли смелостью или ужасаться их выбору?..

— ...Немногом лучше дело обстоит и с глубиной понимания материала. Будто не доросли умом. К сожалению, современная молодежь больше прислушивается к мнению звезд шоу бизнеса, а не ищет ответы у мудрых писателей. А вот с энергией и дерзостью у них все в порядке. Как ее перенаправить?

Лена не выдержала плача Жанны:

— У молодежи, которую я знаю, помыслы по большей части чисты и нацелены на перспективу. Они смелы, раскованы, знают больше нас. И по проникновению в суть вещей они еще из того, нашего замеса. Она лучше уже потому, что стоит на плечах нашего поколения.

— Дальше видит? — спросила Жанна.

— Задачи перед нею стоят более мощные. Человечеству предстоит ответить на ряд вызовов. В ближайшее время — цифровизация. Генетика занимается вопросами старения и продления жизни. Проблемы экологии остро стоят. Половина ресурсов Земли уже израсходована. Пора всерьез задуматься об их разумном, экономном использовании. Космос также не познан, как и наш мозг. Океан надо изучать. Ты, наверное, знаешь, что на Луне уже побывало одиннадцать человек, а в Мариинской впадине только трое. Надо развивать и укреплять гуманитарную науку, культуру. Без морально-нравственных ценностей человечеству не выжить.

— Ты в диалоге с собой прежней? — усмехнулась Жанна.

— ???

— ...Неправильно вопрос ставишь. Как надо воспитывать ребенка, чтобы он читал то, что нужно, а не «пропадал» в интернете или у телевизора? — сказала Аня.

— Вопрос даже не в том, что читать. Как приохотить к чтению? Мы-то к нему были привержены. Время было такое. — уточнила Жанна.

— ...Рита мне писала: «Помню, меня больше всего удивило, что главные редакторы некоторых известных журналов сами не написали ни одной книги. Нет, я не сомневалась в их интеллекте, в их компетентности, но все же... не испытал собственного творческого подъема, судить о других? Для меня такой человек, как начальник револьверного цеха, не обработавший ни одной заготовки, не сделавший самостоятельно ни одной детали. Я считаю, что собственное писательство должно быть непременным условием...».

— И в школе мне учительница говорила, что критиковать имеет право только тот, кто может что-то лучшее противопоставить оппоненту. Но я, помнится, ответила ей

затертой, затасканной фразой, мол, мы яиц не несем и вина не производим.

— ...Я ей говорю: «Писательство не прощает измены себе даже с Достоевским. А ты в критики подалась. Защищая или ругая невесть кого, ты размениваешься».

Лене никак не удавалось сосредоточиться. Сознание работало фрагментарно. Тяжелая дрема то и дело захватывала ее в плен. И она смирилась в надежде на полное отключение. Она побаивалась, что сон урывками лишит ее крепкого длительного отдыха, что при ее слабой нервной системе уже неоднократно случалось.

*

Высокий голос Жанны, точно острый нож, прорезал щель в ватной преграде Лениного сонного отупения:

— ...История похлеще детективной. Моего бывшего одноклассника-поэта в Союз писателей не принимали без видимых причин. Без объяснений отвергали его кандидатуру. Он тыр-пыр... «Не нужон!» — сказывали до тех пор, пока в Москве защиты не попросил.

— Нашел более короткую дорожку? — фыркнула Инна.

— И потом затирали: денег на издание не давали, премиями обходили. Не оповещали о встречах со столичными редакторами и писателями, на праздники, на юбилеи великих не приглашали, чтобы его не видели по телевизору, не знали, не помнили даже в своем родном городе. Но он сам настырно являлся. Его «вырезали». Такой вот обычный метод удущения. А все потому, что талантливый. Он из всего их паноптикума выделялся.

Ощутил мой одноклассник на себе в полной мере вероломство, агрессивность и просто мелкость чувств коллег. В лучшем случае безразличие. Он жаловался мне: «Эти люди перевернули мое мнение о мире творческих людей. Меня сначала обжигало непонимание, потом понимание... Я — в свои-то годы! — все еще верил в порядочность! Думал, что в мире поэзии взаимоотношения более чистые, высокие. А там столько зла, зависти, интриг! Невольно Гоголя вспомнишь. Как все это гадко...»

А я ему отвечала полушутя: «Что-то мне подсказывало, что и тут тебе не повезет. Может, тому виной застарелый внутренний трагизм в твоих черных глазах?.. Сочувствую. Подлость не забывается. У памяти о ней нет срока давности».

Инна поинтересовалась:

— Какой у него шеф? Боюсь даже предположить. Всех под себя подгробал? Так не удивил. Шеф не уславливался с ним о порядочности... Можно подумать, это первая попытка твоего школьного друга отвоевать право на достоинство. Пора бы уж настроиться... Переменчивость и текучесть образа начальника говорит о богатстве его натуры. И, тем не менее, все помыслы его о деньгах. Он въедливый или скользкий? Сложность его характера испытали на себе многие. Так? — Инна предлагала варианты и оценивающе оглядывала подругу. — Люди везде в той или иной степени одинаковые.

— Какой шеф? Да никакой! И вспоминать о нем не хочу, — разволновалась Жанна.

— Вот и выбрось его из головы, успокойся. Смени гнев на милость.

— Уже сменила.

Со стороны разговор Жанны с Инной напоминал бестолковщину. Но они прекрасно понимали друг друга. Лена, глядя на них сонно размышляла: «В любой области жизни люди бывают всякие. Некоторые, как те ружья, которые никогда не стреляют. Всегда интересны психологические наблюдения над людской породой. Человек, как Космос, до конца непознаваем. Он бесконечно разнообразен в своих проявлениях и трудно предсказуем...»

— Одноклассник говорил мне: «Придет ли другое понимание? Я удивлялся тому, как получалось, что хорошие произведения у нас все же иногда выходили в свет».

— И я ему отвечала: «Тем не менее, насколько я слышана, ты их там здорово расшевелил, внес свежую струю».

— Книги издаются при попустительстве или при прямой поддержке руководства? — снова вторглась Инна в рассказ Жанны.

— Причем тут руководство? Люди пассивны. Сбиваются в кучки, в противоборствующие стаи, чего-то там делают, выясняют. Нет, чтобы единым фронтом, в одном направлении! — отрезала Жанна. — Собственно, ты права: многое зависит от головы организации, от его видения себя как начальника, от его целей, — добавила она, успокаиваясь.

— Интеллигентский зверинец, — привычно отреагировала Инна.

— Еще моего одноклассника обижало то, что в родном вузе — он заканчивал геологический факультет — даже в подарок не хотели брать его книги, между прочим одобренные министерством образования как методические пособия. А уж о книжках стихов для малышей вообще говорить не приходилось. Неприязненно встречала его не пишущая преподавательская братия, мол, не за свое дело взялся.

— Зависть. Не филолог, а писатель и поэт, да еще признанный «в верхах». Что тут непонятного? Наливай да пей, — примерила на неудачника свою любимую поговорку Инна.

— ...Жаль что рекомендации (даже министров!) быстро глохнут без активности руководства на местах, без рекламы. Здесь приходится рассчитывать только на отдельных, небезразличных, интересующихся новыми веяниями и новой литературой библиотекарей и педагогических работников. Но в основном — очевидная истина — они консервативны. Пока раскумекают... — сказала Инна.

— Да уж с места в карьер не кидаемся, — подтвердила Аня.

— Естественно. С самоуверенностью неисправимых педантов преисполнены уважения к классикам.

— Спасибо, что не сказала «идиотов». А как же иначе? Я сама такая. В первую очередь отдаю предпочтение тому, что создано на века и изучаю тех, чьи имена на слуху. Но Ритины, Ленины и Ларисины книги я читаю детям с превеликим удовольствием и гордостью. Еще год назад имя Лены в литературе для меня ровным счетом ничего не значило, и вдруг... Глядишь, лет эдак через... пятьдесят наши подружки тоже в классики попадут.

— С твоей легкой руки? Им это не светит, — не согласилась Инна.

— Не доживут?

— Не пустят.

— Их тема будет актуальна, пока на Земле существует человечество, а ее яркое эмоциональное воплощение — до тех пор, пока человек будет оставаться Человеком.

— Хорошо сказала, — похвалила Аню Инна.

— Почему в наши библиотеки не берут художественные книги, если они изданы больше пяти лет назад? Можно подумать, что их ценность с годами уменьшается. И в Екатеринбург моя подруга послала с тем же «успехом». А как же классика? — обиделась за современных писателей Жанна.

— Затрудняюсь ответить. Я первый раз об этом слышу, — сказала Лена.

— Жанна, в чем все-таки причина трудной писательской карьеры твоего одноклассника? Не угодил? Дорогу кому-то перешел? Неучтиво повел себя с руководством? Вломился куда-то не вовремя, некстати? На хвост кому-то наступил? Он склочный, раздолбал кого-то вдрызг? Подсиживал, устранял со своей дороги одного за другим? — с удовольствием перечисляла возможные варианты Инна. — Или вопреки бытующему

о нем мнению...

— Бог с тобой, — возмутилась Жанна. — Ничего плохого о нем сказать не могу. И почему не пришелся ко двору? Он — душа-человек, бесребренник, немного наивный, добрый. Он долго не понимал, отчего под него подкапываются, почему вокруг него клубятся сплетни, смешки. В своих книгах для детей он весь в детстве, в детских проблемах. Собственно, мне кажется именно такими обычно и бывают настоящие детские писатели: не карьеристы, не подлые, не злые. Да и взрослые...

— Это не тот, что двадцать лет писал роман, но так и не окончил? — насмешливо спросила Инна. — Наслышана. Ты о нем писала Ане.

— Нет. У того как раз есть защитники. А у моего одноклассника уже пять романов.

Инна оглянулась на дремлющую Лену и, не дождавшись ее реакции, сказала:

— Остаются две причины: руководитель боялся его таланта, а значит, конкуренции, либо ждал от него денег. А может, и то и другое одновременно.

— Опять деньги. Представляешь, председатель нарочно дал ему адрес одного знаменитого писателя. Мол, обратись за помощью в редактировании и за рецензией, а сам сообщил тому, что будет звонить сумасшедший, будьте осторожны. Вот сволота! (Подонки — мысленно поправила себя Жанна.) Потом по городу слух о нем пустил. И в администрацию его «утка» долетела. От бедняги все стали шараться. В общем, уничтожил человека с каким-то непостижимым злобным торжеством. Вот он — свирепый реализм в действии.

— Ты настолько в материале?.. Фу, пропасть, — нервно произнесла Аня и зябко повела плечами. — Получается, председатель и конкурент — одно лицо?

— Он использовал старый, многократно проверенный жизнью способ из «Горе от ума», — грустно сказала Жанна. — Правда, мой одноклассник по наивности на внутренней стороне обложки своей книги, где обычно пишут аннотации, не упомянул высокое руководство, и это при том, что не позабыл простых людей, на самом деле помогавших ему деньгами. Это ему тоже аукнулось, когда распределяли и «назначали» премии. Это понял и тот старичок-писатель, неожиданно получивший высокую награду за свою не ахти какую книжечку рассказов по причине этой маленькой интриги. Вот так чиновники учат нас «свободу любить» и уважать... себя. Еще Чехов говорил: «Россия — страна казенная. Возмущаться бесполезно». Естественно, что мой знакомый чувствовал себя незаслуженно обделенным. Он «храбро» сбежал в глубокую провинцию, укатил в деревню, ближе к народу, «где поэзией дышит почва и судьба». Такой вот по-своему гражданский поступок, — хвалой поэту закончила свой длинный монолог Жанна.

— И там, я думаю, на писательском поприще подводных течений и камней ему не избежать, — вздохнула Аня.

— «Высший» пилотаж! Нашумевшая в прессе история? — поинтересовалась Инна.

— Нет, кулуарная. Еще директриса одной библиотеки не покупала его прекрасные книги из личной неприязни к автору. Она, старая прожженная кокетка, глаз на него положила, а он, видите ли, нос воротил. У него от одного только этого воспоминания настроение меркло.

— Ну, это уж совсем... сплетни. Фу ты, какая... — Аню брезгливо передернуло.

— Честное слово. Что глядишь, будто привидение увидела?

— Не надо о таких вещах... Повозмущалась для порядка и будет.

— Но больше всего я переживала за одного героя войны. Грудь в чешуе орденов... — продолжила Жанна.

Лена не выдержала давления негативной информации, и со словами «С претензиями еще не покончено?» встала и, осторожно ступая приставным шагом, сонной, неверной походкой поплелась на кухню попить воды. Плечи ее были устало опущены, спина сторблена, словно под тяжестью всего ненужного, наносного, онемевшие ноги

предательски подрагивали. Аню тронули вяло повисшие руки и ссутулившиеся, будто сведенные судорогой Ленины плечи. Она подумала: «Сколько же боли несет в своем сердце эта женщина, бывшая когда-то милой, улыбочивой девчужкой»? Инна это тоже заметила. И они с Аней понимающе переглянулись.

Уже в дверях Лена услышала громкий шепот Жанны: «...Смотрины ему устроили, но фейс-контроль не прошел. Ну, ты меня понимаешь. Потому и не печатают. Я ему так и сказала: «Талант еще не дает права попасть в когорту избранных. У тебя не будет жизни после жизни... Чтобы уничтожить о ком-то память, надо сначала всюду стереть его изображение, потом упоминание...»

Аня заметила:

— Моей подруге дед еще в детстве сказал: «Внешне ты — неудачный гибрид, от отца больше пошла. Посмотрим, что твоей голове от нашей породы досталось. Тебе бы хорошее воспитание получить. Но ведь отчим...»

И Иннин комментарий этой ситуации из-за приоткрытой двери Лена тоже расслышала: «Та ещё мысль. Занятные декорации, «Веселые картинки!»

Лена вернулась из кухни и услышала продолжение рассказа.

—..Смеясь, он поведал мне, как председатель вручал ему билет члена Союза писателей: «Просто зашел в библиотеку, где у меня была встреча с читателями, и поздравил со знаменательным событием. А через час — я об этом совершенно случайно узнал там же, в библиотеке — в торжественной обстановке должны были вручать билет другому товарищу, который, кстати сказать, ни одной художественной книжки не написал. Так я прорвался в актовЫй зал, вскочил, запыхавшись, на сцену, сунул в руку ошарашенному председателю свой билет и таким образом вынудил его обнародовать и мое вступление. Деваться ему было некуда. Как он ни скрывал своего раздражения, оно выпирало и хлестало из него. Я не злорадствовал, но был доволен, ловя на себе понимающие, одобрительные или чуть озадаченные взгляды присутствующих в зале знакомых».

— Да... на кого напорешься, — сочувственно отреагировала Инна на откровения Жанны.

— А какие фокусы его шеф выделывал с документами, представляемыми на премию! Изымал с помощью ответственного секретаря из папок рецензии знаменитых писателей и оставлял отзывы простых читателей.

— Душещипательная история! Видно отрицательное в нем возобладало. Говорят, подлинный художник должен быть свободным душой, а тут... Жанна, сломался твой одноклассник? Дошел до ручки?

— Закалился. Четырежды номинировался. Когда он послал на конкурс свою первую книгу, она так впечатлила комиссию, что они за нее дружно проголосовали. Но председатель устроил скандал, и комиссию разогнали. В следующий раз он подговорил знакомого литератора охаять книгу моего одноклассника... Да что там говорить... Наконец, сорвалась у шефа задумка другого претендента протащить. Получил-таки мой друг свою долгожданную премию. Поддержали его лучшие представители интеллигенции города.

— И ее не отозвали? Вот видишь, смог. Не всем так везет. Может, лучше быть самовыдвиженцем?.. Хотя они через ту же комиссию проходят и без подписи председателя не могут участвовать в конкурсе, — вспомнила Аня.

— А когда еще один мой знакомый стал претендовать на премию, шеф нарочно тянул время, и только в последний день сдал его документы. Их не приняли, потому что секретарь шефа неправильно оформила какую-то справку. А «поезд ушел». Вот и думай, случайно все произошло или ему нарочно это подстроили? Но он снова подал на конкурс.

— И опять была борьба? — продолжила «дорос» Инна.

— Еще какая!

— Сам подставился. Видно все-таки где-то в глубине души он тоже надеялся, что порядочных людей больше? Не по зубам ему оказался ушлый председатель? Или мне рассматривать вопрос много шире? — Инна многозначительно взглянула на Жанну.

— В комиссии мнения разделились. Разрыв оказался минимальным.

— Иногда «расстояние» между кандидатами на премию тоньше волоса. Очень трудно выбрать такого, который устроил бы всех, и чтобы он стал знаковой фигурой или хотя бы считался таковой, — со знанием дела сказала Аня.

— А может, ему подыграли, чтобы не обижать, — не пощадила Инна знакомого Жанны.

— Мне кажется, нечестные победы, как правило, достигаются за счет безразличных и беспринципных людей. Таких легко переманивают на свою сторону более напористые участники конкурса.

Инна никак не отреагировала на «житейским» опытом обоснованное предположение Ани.

— Знакомый Жанны совершенно упустил из виду, что жизнь часто «выкидывает» непредсказуемые финты, — рассмеялась она. — Помните, историю со злополучным писсуаром? Придет время, и он таки возглавит победную строку на всемирном конкурсе шедевров искусства. И этот факт станет лишним подтверждением странности человеческого мышления и абсурдности законов развития общества. А может, инсталляция с кучкой... гэ, или картина, «написанная»... кошачьими экскрементами выйдет на первое место.

— Что станет верхом не только безвкусицы, но и глупости! — вскипела Аня. — Это провокация?

— Посмотрим.

Лена промолчала. Она знала, как остановить подругу.

— Жанна, твой знакомый — бессменный пионер научных исследований или скромный труженик науки? Он на себе не ставит опытов по типу великих врачей или именно эти истории с попыткой получить премию и были его настоящим экспериментом над собой?

Послушай, а как же изречение Пифагора «Наука жить счастливо — жить сегодняшним днем»? Какое же счастье без признания?.. Жить на вулкане противоречий, видеть во всем только плохое, быть аккумулятором проблем, убегать от жизни в свои книги и страдать, страдать... Как выстоять? Уповать на промысел божий? На правосудие? Я не особенно верю в его силу и порядочность. Кто же еще поможет писателю высветить свою индивидуальность?.. Вот так иногда веревочка вьется, закручивается и свивается в петлю... Творческим людям присуща излишняя чувствительность и эмоциональность. Надеяться и верить, что через сотню лет... ой-ёй-ёй. Я преклоняюсь перед такими упертыми, как он, и сочувствую. Для них любая росинка — чья-то горькая слеза. Хотелось бы, чтобы в плоть и кровь твоего знакомого тоже вошла радость, — сказала Инна.

Аня задумчиво и печально произнесла:

— Пройдет энное количество лет и всё здесь будет погребено: и дома, где мы сейчас живем, и память о нас... На этом месте новые построят... Мрачноватая история. Но это жизнь.

— Обеспокоена памятью «встревоженных веков». Неизбывная тоска, хандра, томленьё... Заскулила, — покривила губы Инна.

— Да уж «радостью не вспенилась душа».

— Жанна, стерильные условия никто твоему поэту создавать не станет, даже напротив.

— Жизнь? Вот так мы и оправдываем непорядочность! Знакомый считал себя самым несчастным, затравленным. Но я ему о Мандельштаме и Ахматовой напомнила. Призвала не пасовать.

— Он не готов писать и складывать рукописи в глубокую могилу дальнего ящика письменного стола и надеяться, что после смерти напечатают, — усмехнулась Инна.

— Кого этим утетишь? Измучился, бедный, бороться. Его последние книги несут печать усталости и пессимизма. Глядя на него, мне иногда кажется, что ключевое слово нового времени — одиночество. И это при том, что людям очень не хватает друг друга. А еще уныние, отрешенность и несправедливость.

— Хватит ныть! Идущим впереди во все времена было трудно. «У каждого есть невидимые миру слезы». Кажется, Чехов изрек. Стоит ли из-за премии так убиваться? Всего-то кусок картона с печатью и в рамке... Жанна, не сверли меня глазами, не гипнотизируй. Может, твой знакомый не так уж и талантлив? — проехала по поэту Инна.

— Я, конечно, не большой специалист, — в тон ей ответила Жанна, — но, согласись, сырые яйца от вареных отличаю. Тем более на фоне остальных претендентов. Ты думаешь, тот чиновник, который возглавлял комиссию, разобрался в литературе? Даю сто процентов гарантии, что он не читал произведений поданных на премию.

— Похоже, Жанна, ты, как и Аня, друзей под себя подбираешь, — сказала Инна.

— Как это?

— Полных милого доверия к миру, идеалистов. Невезучие везде находят невезучих. Не принимай слишком близко к сердцу чужие обиды. Не получается легко относиться к жизни? Есть правило: не думай о себе в ней слишком серьезно.

Жанна не нашла в словах Инны ничего обидного и продолжила рассказ:

— Еще он рассказывал, что когда убрали старого руководителя, у них председатели стали меняться каждый сезон, как перчатки. Издаст очередной начальник свои книги, получит всевозможные премии и помашет ручкой. Потом следующий у руля становится. И снова ненадолго. И все воюют, воюют друг с другом. И теперь уже неизвестно, что лучше...

— Как у нас когда-то деканы и ректоры, — усмехнулась Лена. — С той лишь разницей, что мои начальники не хотели становиться руководителями подразделений, их упрасивали. Командовать факультетом — работа трудная, ответственная, но мало оплачиваемая. Меня тоже сватали.

— Мой знакомый, когда ездил в Москву, заезжал в гости к своему другу и побывал у него на писательской конференции. Потом хвалился: «У них постоянно происходят разборки произведений и обмен мнениями между писателями. На встречах приятная творческая обстановка. Планово издаются общие сборники. Я в восторге от их председателя: морской офицер, ученый, писатель, большой души человек. А какое редкое обаяние и притягательность! Я даже его фамилию запомнил: Анатолий Тихонович Березин», — выйдя на особую лирическую тональность звучания голоса, поведала Жанна.

— А твой знакомый в администрацию города или области обращался за помощью? — спросила Инна.

— Неоднократно. Говорил: «Встречают прекрасно, уважительно. Уходишь от них с надеждой. Летать хочется! Но вот беда: за этим ничего не следует. А некоторые ласковы, потому что желают поближе подобраться, чтобы ловчее и больнее укусить».

— И он ждал этих встреч с чиновниками как победы, на которую не очень надеялся? — встряла в разговор Аня.

— Изучал их, словно разгадывал загадки? — насмешливо хмыкнула Инна.

— Он делился со мной: «Семь раз был на приеме у одного важного чиновника. Все

надеялся». «Осточертело всё! Миром управляет зло», — решил он и перестал ходить. Мол, какой смысл вести борьбу, в которой невозможно выиграть. Жаловался мне: «Я был потрясен, осознав, что больше не испытываю ни малейшего желания чего-то добиваться. Это было ощущение полного бессилия, не проходящей апатии, безразличия к жизни. И так на всех этажах власти? Так чувствуют все, ходившие к ним за помощью? И к чему это может привести? К мораторию на разум, к полной пассивности? Чиновники превратно понимают государственные интересы? Они гасят любой человеческий порыв, они губят на корню любые, даже гениальные идеи. Меня корежит от их мнимой вежливости. После общения с ними я захожу в штопор».

— Каждый чиновник боится рисковать, брать на себя принятие решений. А вдруг промахнется и кресло из-под него уплывет, — усмехнулась Инна.

— «Может, поэтому у нас на выборах, так мал процент желающих участвовать в голосовании? Я-то всегда был в первых рядах. Не роптал все годы, пока меня отвергали, хотя часто было неумолимо. Я же не пресмыкался, я с уважением и к ним, и к себе... Их законное право насмехаться и пренебрегать нами? Помню, вышла ко мне одна чиновница, а за нею целый выводок... хвост заместителей. Человек десять нахлебников. Произвести впечатление хотела?»

Чиновники хотят, чтобы мы притворялись, будто видим мир таким же, как его видят они, будто бы мы верим им? Хотят, чтобы мы оправдывали их существование, хвалили их за то, что они нам не помогают, а только создают видимость работы? А тех, которые пытаются возникнуть, строго наказывают, закрывая им все дороги к развитию. Это же подлог нормальной жизни! И такое происходит во всем мире. Я читал. Но я верил, что у нас по-другому. Иногда у меня складывается впечатление, что нами командуют люди ничем не умнее нас, но зато хитрее и прекрасно ориентирующиеся в чиновничьей кухне, в интригах. Карьеристы. Мне в этой связи гениальный компьютерщик Китов вспомнился. На пятьдесят лет чинуши эту отрасль отбросили назад... Чиновничья элита зажимает все, что не дает ей личной выгоды. Проще ничего не делать, чем бороться с ними».

«Жить подлецами и мздоимцами им не стыдно, узнанными быть обидно и страшно», — в ответ проехала я по чиновникам.

«Чиновники живут за счет народа, значит, в нем нуждаются. И как получается, что они берут над нами верх? И государственная машина работает только на них».

Он говорил искренне, словно внезапно почувствовал ясность, будто прозрел, но... так полностью и не осознал. Он был похож на внезапно посреди ночи разбуженного обиженного подростка.

— Прорвало тебя, Жанна, однако, — удивленно покрутила головой Инна.

— Я попыталась его успокоить, мол, многим помогают, это тебе не повезло. Один чиновник обидел — и уж весь мир тебе нехорош? Плохая привычка по любому поводу говорить «все», «всегда», «никогда». Если бы чиновники не работали, всё в стране встало бы. Не получилось у меня успокоить. Своя боль сильнее... Конечно, я ему сочувствовала. Отказываться от борьбы, не иметь возможности творить для своего поколения? Это страшное преступление перед собой, людьми и перед Богом, — добавила Жанна.

— Твоему поэту легче жилось, если бы его самолюбие было сильнее честолюбия. Шучу. Подсказать, как сохранить хорошие отношения с властью, с начальством? Только независимостью. Когда человек ничего не просит, он независим и горд! Только при этом условии он не насилует себя и позволяет себе быть самим собой, — твердо сказала Инна. — Помнишь пушкинского рыбака? Что старик сказал золотой рыбке? «Ничего мне от тебя не надо». Он свободу и независимость больше всего ценил. Для меня в этом смысле примером является Лена. И моральные силы она черпает только в своем внутреннем мире.

Она взглянула на подругу. На лице Лены сохранялось выражение спокойно спящего человека.

— Завидую ей. Она сильный, уверенный человек, — сказала Аня. — Я сама не раз

прорывалась к чиновникам и часто меня жестко с угрозами унижали даже их гиены-секретарши. Они были настолько мнительны и самолюбивы, что не терпели малейшего возражения, даже намек на противоречие, будто видели в нем угрозу своему «высокому» положению. Незамедлительно «наказывали». Я говорила им правду в лицо, а они смотрели на меня как на реликтовое чудо, как на дуру, вспомнившую о существовавшей где-то и когда-то правде, — созналась Аня.

— О чем ты спорила с секретарями, чем зацепляла так, что они на тебя «Полкана спускали»? Приведи свежий пример.

— Решила я совсем недавно пойти на прием к крупному чиновнику. Звоню секретарю, чтобы записала. А она мне жестко отвечает, что запись в среду с утра. Прихожу заранее, к половине девятого, чтобы не быть в списке последней. А мне вахтер говорит, что не имеет смысла ждать секретаря, потому как он уже занес в предварительный список двадцать фамилий. Я попросила записать меня на следующий месяц, но получила в ответ: «Не положено». «Кем? — спрашиваю. — Покажите подтверждающий документ». Вахтер рассердился и указал мне на толпу в холле: «Люди приехали со всей области и уже с шести часов утра под дверью на улице стояли, а вы только пришли и права качаете». Появилась секретарь, надменная суровая дама. Я к ней. Почему, спрашиваю, вы заставляете людей все утро мерзнуть на морозе? Мы с вами не в девятнадцатом веке живем. Глядя на толпу просителей я вспоминаю «Вот парадный подъезд...» Некрасова. Очень похожая картина. Теперь у всех есть телефоны, интернет, а вы по старинке работаете. Это не прибавляет ни вам, ни руководству уважения».

Секретарь аж почернела от ярости, и ответила с гонором: «Мы раз в месяц просителей со всей области принимаем». «И что из того? — удивилась я. — В областной больнице специалисты тоже принимают больных раз в месяц, и тоже со всей округи. Но у них еще до перестройки была телефонная запись, а теперь существует электронный список с указанием времени звонка клиента и дня его приема врачом. Там к людям с уважением относятся». Смотрю, люди в очереди зашевелились, возмущаться стали, мол, по третьему разу приезжаем, но на прием попасть не можем. Среди нас много инвалидов и ветераны есть. А в больнице секретарь звонит, если по какой-то причине фамилии в списке сместились. Мол, надо жаловаться, чтобы и здесь порядок навели.

Тогда секретарь спросила таким очень знакомым мне ласково-ехидным голосом: «Ваша фамилия, гражданочка». Я усмехнулась, поблагодарила ее таким же тоном за внимание и направилась к выходу. Что бывает после высказанной мной правды, я уже знала, не раз «проходила», а люди могут подумать, что я без очереди пытаюсь пролезть. И все же я надеюсь, что хоть иногда, мои «выступления» приносят пользу: где-нибудь, что-нибудь да сдвигается с мертвой точки.

— Но секретарь — не чиновник. Начальник мог и не знать системы составления списков просителей. В его ведении дела более важные, — заметила Инна и обратилась к Жанне:

— Судьба не полностью растоптала твоего знакомого? Близкие люди поддержали его?

— Родственники и друзья помогают ему жить, но не могут помочь понять, зачем жить... Что тут еще можно посоветовать или сделать? Как жить, заранее зная, что проиграешь?

— Истинное мужество любить жизнь, будучи хорошо осведомленным о всевозможных проблемах и осложнениях, встречающихся на пути человека. Когда человек тонет, он знает, что делать, и понимает, что все зависит только от него, — еще раз жестко подтвердила Инна свои, прежде высказанные слова.

— «Человека борющегося и пытающегося идти впереди, можно всегда отличить по стрелам, торчащим у него из спины», — усмехнулась Инна.

— Даже, если она согбенная, — грустно добавила Аня.

— И все же нам не стоит судить о том, чего мы доподлинно не знаем. Был у меня знакомый депутат: прекрасный человек, всем помогал. Потом в администрацию попал. Он мне как-то сознавался, что руководить очень трудно, за себя отвечать легко. Еще говорил, что у них там совсем другая система отношений, а главное, другие

масштабы. (Жанна дает задний ход?) Но в памяти людей он остался хорошим депутатом, а не одним из многочисленных клерков.

— В администрации он затерялся? — спросила Инна.

Но Жанна не ответила. В данный момент ее больше волновала судьба знакомого поэта.

— Понимаешь, после одного прискорбного случая он вообще духом пал.

— Что с ним стряслось?

— Он мне так рассказывал: «Была в администрации одна женщина, принявшая во мне участие. Защитила от наглого, лживого издателя. Сумела отобрать у него мои кровные деньги. Зовут ее Нина Петровна. Добрая, честная, искренняя. Так ее уволили, не дали даже год до конца доработать, лишили пенсии, положенной госслужащим».

— Такая честная, что у всех на подозрении? — усмехнулась Инна. — Знакомая ситуация. Чем она не угодила руководству? За что ее жестоко наказали?

— Поэт мне так объяснил: «Поговаривали, что кто-то на нее свалил свою вину, подставил и выжил с должности. Темная история. Мне в ней не разобраться. Я был в шоке. Наконец-то встретил в их рядах нормального, порядочного, человеческого сотрудника, который думал не только о себе, — и вдруг такое. До слез переживал ее незаслуженное наказание, даже в церковь ходил, ставил свечку и молился об ее благополучии. Вот до чего дошел. Себя пытался винить».

И как допускается такой произвол, нам простым смертным не понять. Начальники верят сплетням и оговорам, а не своим глазам и своему чутью? У меня на работе всё четко, логично, выверено, а там, у чиновников, с их необоснованным гипертрофированным чувством собственного достоинства сплошные зигзаги: подсиживают, зажимают, проталкивают... Пауки в банке. Собаки в дикой своре... У них свои «игры без правил». Нам их не понять. Ради того, чтобы остаться в своем кресле, любого готовы сожрать, с лица земли стереть. Собственно, разве редки случаи, когда сильные и непорядочные побеждают честных?»

Ой, еще одну историю, связанную с моим знакомым вспомнила. Пришло в писательскую организацию официальное письмо с просьбой сообщить о нем некоторые биографические данные. Оказывается, его произведения приглянулись по душе читателям одной из соседних областей, и редакционная комиссия решила включить его в свою энциклопедию. Когда он совершенно неожиданно нашел о себе несколько приятных строк среди корифеев науки и искусства, то чуть не расплакался и позвонил своему сокурснику, похвалился. А тот сказал: «Я слышал, что запрос делался только на тебя, но твой председатель не отстал от комиссии, пока та не поместила в энциклопедию его с сотоварищами. До последнего давил, не давал о тебе информацию. Обрати внимание: о себе он размахнулся на две страницы, а на твой счет добрых слов пожалел». Но мой знакомый был счастлив, что за него боролись, он был несказанно благодарен тем людям.

— Придет время, когда компьютеры станут управлять государством, и мы избавимся от чиновничьей тирании, — рассмеялась Инна. — А пока «поколесил» бы твой знакомый по интернету, выяснил адреса и без проволочек пристроил свои стихи или что там у него, в какой-нибудь захудалый периферийный журнал. Мне случайный попутчик в поезде хвалился, что печатается — забыла где — в одной из наших бывших республик, — вернулась к начатой ранее теме Инна.

— Если в бывшей, так сразу захудалой! Что за манера унижения? Ты позволяешь себе заявлять, что раз периферийный журнал, значит пробой ниже? — неожиданно гневно возмутилась Лена.

— Не распаяйся, прости. Нечаянно глупость сморозила, она сама неожиданно с языка слетела, — быстро среагировала Инна.

— Как писателю пробиваться к читателю? Приходится маневрировать. Никому от этого не удастся уйти. Поиск денег на издание — хождение по мукам. Я сама, чтобы выпустить в свет одну книгу, целый год с протянутой рукой ходила. Сколько было напрасно потерянного времени! И что интересно: простые люди, оказывая помощь, не видели

в этом своей большой заслуги, ничего не требовал взамен, а чиновники, делая на грош, ждали, что я стану их восхвалять. Они воображали, что для меня огромная честь подарить им свою книгу. Уж если они считали себя большими людьми, так пусть бы и делали большие дела. Я таких «друзей народа» не выносила на обложку.

А если автору далеко за шестьдесят, а если за семьдесят? Когда обрести необходимыми связями, знакомствами? Пока прибудет к нужному берегу... где на самом деле помогут... Не находишься по инстанциям. И не каждый это унижение может вытерпеть. Приходится настраиваться, выбирать нужный тон в разговоре: с кем шутливый, с кем с сохранением высокого уровня достоинства, — вздохнула Лена.

— Финансовая сторона жизни — низкий жанр, — пошутила Инна с невозмутимым выражением лица. — Мне в этой связи вспомнилось понятие свободы, данное Марксом. Только я бы его перефразировала: «Свобода — это осознанная финансовая необходимость».

По комнате разлилась грустно-обреченная тишина сочувствия Лене. И даже Иннина шутка внесла в нее неожиданную пронзительность.

— ...А мой знакомый писатель два года пробивался в областной журнал. Ему не отказывали, но тянули, тянули, пока он сам не оставил эту затею. И это при том, что у него были прекрасные рецензии знаменитых писателей на его детские произведения, и по телевизору постоянно говорили о дефиците современных книг для детей. Редакторы деньги вымогали? Он им прекрасный материал принес и еще приплачивать должен? — спросила Аня загрузившую Лену.

— Не знаю. Я могу говорить только о том, что на собственном опыте испытала. А тут с чужих слов... — сонным голосом ответила та.

— Движущей силой человека является его собственное «я», его внутренний моральный кодекс. А он у всех разный, — вздохнула Жанна.

— Тогда зачем нам нужны эти «слуги народа»? — рассердилась Аня. — Нам там, в верхах, среди них не выжить. Мы слишком открытые и прямолинейные. Не умеющие и не желающие подлаживаться под руководство долго там не держатся. Если руководитель считает свое мнение единственно правильным, а подчиненный выскажет свое, то сразу слетит с должности. У них так... Оттого-то и твориться у нас такое... Собственно, везде так...

— Оттого-то и нет среди нас чиновников. Они, талантливо лавирующие ради собственной пользы, помочь не помогут, а нагадить — всегда пожалуйста... А их у нас принято причислять к элите. Еще Петр Первый с ними воевал. И не только он, — сказала Жанна.

— В кунсткамеру их всех! — рассмеялась Инна.

— Не поняла.

— Если души уродливые.

— ...Какая же структура власти без чиновников и бюрократов? — растерялась Аня. — Не вижу повода для смеха.

— Причем здесь чиновники? Информацию о писателях им преподносит председатель писательской организации. И если он лгун и воду мутит...

— Жанна, а он не чиновник, что ли? Своя рука владыка. Больше не видать твоему однокласснику премий, как собственных ушей. Зажмет, не простит малейшей победы над собой. Головой ручаюсь. Если не сам, так преемникам подскажет, — сказала Инна.

— Не подставляйся под нож. Побереги свою буйную головушку, она у тебя одна, — сказала Аня. — Когда-нибудь и Жанниному знакомому воздастся по заслугам.

— На том свете? Ну, если только Всевышний сподобится помочь. Надо было этому поэту

доказывать свою лояльность руководству. В жизни либо так, либо никак. Се-ля-ви, — усмехнулась Инна.

— Прогибаться? Взятки давать?!.. Да ну тебя с твоими шуточками, — взъерошилась Жанна. — Я будто вижу перед собой вдохновенное лицо своего знакомого. В глазах блестят гордые, гневные слезы!..

— Переступил бы через себя и победил... Помнишь Пушкинское из «Капитанской дочки»: «Поцелуй злодею ручку»? — насмешливо спросила Инна. — Будь у меня достойные произведения, я согласилась бы унизиться ради того, чтобы меня читали. Мы все равно каждый день внутри себя распинаем Христа, походя, по мелочам, а тут такая польза!

— Дразнишь, издеваешься, решила добавить сарказма? Может, и умный совет, но не для всех приемлемый. Говорят, для того, чтобы реализоваться, надо иметь смелость, совесть и свободу. Теория! Этого не достаточно, если участвуешь в гонке амбиций и тщеславий, — вздохнула Жанна.

— Не все еще сплетни пересказали? — тихо, но четко произнесла Лена.

— Всё плохое выложили о своих невезучих знакомых писателях и чиновниках? Иссякли? Делаю вывод: у остальных всё в полном порядке. Да... писательская организация — насильственное объединение, но оно необходимо для радости, для роскоши пиршества интеллектуального общения! Ничем не заменить этого кайфа. — Инна закатила глаза то ли мечтательно, то ли презрительно.

— Если есть эта среда. А то ведь у них, в основном, каждый сам по себе, — сказала Жанна.

— Погоди, почему насильственное? Насколько я знаю, многие туда рвутся, да не все попадают! — взорвалась непониманием Аня.

Наступила никем не нарушаемая минута осмысления спора. И это вдруг наступившее затишье почему-то окончательно разбудило Лену и заставило открыть глаза.

Инна пробурчала насмешливо:

— Какая неожиданно алчная тишина!

Лена ответила ей напряженным выражением лица.

— ...Что ты всё на чиновников валишь! Такое у нас случается на всех уровнях жизни. Я говорю с полной ответственностью за свои слова. Даже самый маленький начальничек старается оскорбить или использовать подчиненного себе во благо. Зная его зависимость от себя и следующую из неё беззащитность и свою безнаказанность, и накричит, и унизит. А попытаешься защититься — нагадит, так сказать, «не отходя от кассы», — поделилась Аня с Жанной пережитым. — Как-то стою я в очереди за справкой и с соседом беседую. Жалуюсь ему о том, что в конторе ЖКХ не было толчеи, а со мной все равно, видно уже по привычке, грубо и неуважительно разговаривали. А сосед мне в ответ, мол, не хотят работать. Эти последние слова услышала проходившая мимо сотрудница-милиционер из комнаты, где мы должны были получать свои справки.

Я сразу заволновалась и говорю знакомому, что если эта девушка мнительная и примет ваши слова на свой счет, то не видать нам сегодня справок. В лучшем случае продержат здесь под дверью до конца рабочего дня. Мужчина давай возражать, утверждать, что я предвзята. А в результате всё произошло по-моему: вышли мы из кабинета за пять минут до его закрытия. Простояли в узком душном, до отказа набитом людьми коридоре, где не было ни одного стула целый день. Мы боялись отойти от двери, в надежде, что вот-вот вызовут. Ведь если бы нас не оказалось рядом, то пришлось бы заново занимать очередь. Представляешь, целый рабочий день! И это при том, что зайти я должна была третьей.

Вошла. Все четыре сотрудницы — офицеры милиции. На лицах — торжество вызывающе наглого порока и удовольствия. Их не волновало, что перед ними пожилая женщина

с батиком и что в ее документах, которые лежали перед ними, черным по белому обозначено: инвалид второй группы по заболеваниям сердца и позвоночника.

— С таким, как у тебя видом, место в автобусе тебе всегда готовы уступать все пассажиры, включая водителя, — не могла не проехаться Инна. Но сказала она это как-то мягко, без желания обидеть.

— В голове всплыли строчки из текста, прочитанного от скуки тут же в коридоре на одном из стендов: «Закон осуществляет уважительное отношение к личности и предназначен для поддержания устойчивого равновесия в обществе... Закон — это ограничение произвола...»

Когда знакомый вывел меня на улицу, со мной случилась истерика. Лекарство у меня было, и все же пришлось вызвать такси. Сил добираться домой на автобусе у меня не было. Позвоночник «дрожал и стрелял», несмотря на то, что я была в корсете, перед глазами плыли цветные круги. Я не могла удерживать вертикального положения тела... Не пойми меня превратно, я не жалуясь, но подобное со мной случается чуть ли не ежедневно, стоит только выйти за порог своей квартиры.

В голосе Ани звучали панические и пессимистические нотки. Она глубоко вздохнула, но слезу не сдержала. (Прежде такого за ней не водилось.) По-детски смахнула ее кулачком и устремила взгляд в потолок. Что она там искала? Способы добиваться справедливости или просто глубоко вдыхала запах бережливой нищеты квартиры Киры? Может, вспоминала неподдающуюся описанию бедность некоторых знакомых ей семей, разорившихся после дефолта девяноста восьмого года и оставшихся без работы по причине неперспективного возраста? А может...

— Со мной редко такое случается, — сказала Инна.

— У тебя на лице написано: «Не трогать!», — усмехнулась Жанна.

— Аня, я больше не могу выслушивать твои жалобы! Приведи хоть один положительный пример, — попросила Инна.

— Пожалуйста. По рассеянности в ближайшем магазине я иногда забываю взять сдачу, так мне возвращают! Сочувствуют моему склерозу. Но и я никогда не пользуюсь их ошибкой, даже когда чувствую, что некоторые из кассиров, пытаюсь выгадать копейки, передают мне рубли и сотни. Я не способна наказать даже хапуг, — с непроизвольной прямоотой ребенка сказала Аня.

— А я всегда помню «что» и «где», но иногда забываю «когда» происходило событие, — сказала Жанна, просто чтобы поучаствовать в разговоре.

*

— ...Лена, я наступила на твою любимую мозоль? Дружно объединиться и мощным фронтом двинуться против единственной среди них женщины? — спросила Инна.

— Случалось уже такое, — усмехнулась Лена, вспомнив заводские «хоровые мелодии» из своей молодости, когда она от бессилия перед засильем мужского шовинизма, проклинала все на свете. — Большинство часто сплачивается и ополчается против индивидуально мыслящего человека, агрессивно стремится навязать свое мнение, чтобы не дать возможность выразить себя. Поэтому и в моих произведениях часто звучала тревога по этому поводу. Но теперь я пишу несколько об ином...

Инна перебила подругу:

— «Гуртом кого хошь побить можно». Меня еще в детстве поражало стремление ребят к скученности. Я удивлялась отношениям между не самой лучшей частью наших мальчишек. Слабаки подчинялись наглому главарю и люто ненавидели самостоятельных одиночек, не желающих к ним примыкать. И став взрослыми, они продолжают играть по тем же правилам. Это их «разумный» способ выживания? И почему эти группы сколачиваются по своим низшим проявлениям, а не высшим? Почему руководствуются не самыми лучшими чувствами?

— Немного помолчи, — попросила Лена. — Я обессилела настолько, что внешние

впечатления уже не проникают в мою голову.

«У меня сложилось впечатление, что не по причине гонора Лена молчалива, а от усталости. И полнота у нее какая-то нездоровая. Бледность и синюшность кожи тоже ей не в плюс. Пора заканчивать с дебатами», — подумала Аня.

— Послушай, Лена, в интернете я недавно вылавливала кадры о писателях. Смотрю, ты со стендом рядом стоишь. Над твоими книгами плакат: «Лучшая книга прозы». Кость кинули? — тихо спросила Инна.

— Не надо... Но ты во многом права. По идеологическим причинам меня никогда не преследовали, в черный список не заносили, никто не мешал мне работать, а вот отдельные личности... Только в юности, и то живущим легко и беззаботно, кажется, что все их любят, и они всех любят. Я не из «блатных», и дорогу к успеху мне не пролагали и розовыми лепестками не выстилали... И ничего, прорывалась.

— Может, нам с горя и с обиды на весь мир валокординчику принять? Быстрее заснем, — пошутила Инна, пытаюсь сгладить впечатление от своего бестактного вопроса. — Гляди Анюта-егоза и без лекарства сомлела, носом подушку клюет. И нам пора на боковую.

«Лена только делает вид, что тема ей ужасно надоела, на самом же деле она очень хочет продолжить. Я это чувствую. Также поддалась стихийному вихрю эпидемии откровенности? Ей требуется выговориться? Но как тяжело говорит, будто не языком, а жерновами ворочает. И задыхается. Подожду, пока сама начнет исповедоваться», — решила Инна.

Она не ошиблась. Прошло совсем немного времени, и Лена заговорила:

— Как-то принесла на собрание очередную книгу. Несколько присутствовавших при этом писателей, взглянув на нее, мгновенно почернели лицами. И даже полных ненависти и зависти глаз не успели отвести. В первый момент не поверила себе. Раньше я считала это книжное выражение удачной метафорой. Грустно и обидно стало. На что размениваются? А я совсем недавно искренне радовалась их успехам.

— Они не вносили тебя в список конкурентов на премию, а ты сюрприз им преподнесла, планы нарушила. Такие личности, как правило, соревнуются в основном в том, кто кого больше дерьмом замажет. А может, ты внешние признаки приняла за их суть? — пустилась на выручку писателей Инна.

— Если бы. В общем, не со всеми складываются у меня добрые, искренние отношения в писательской организации.

— Может быть потому, что ее костяк — мужчины?

— Не думаю.

— Но ты все равно преодолела неприятие мира и открылась ему! У человека нет врагов, если он полнейшая бездарность. Раз тебе плюют в спину, значит, ты впереди. Творческий человек жив, пока о нем говорят, пусть даже не совсем положительные или вообще нелицеприятные вещи, — по-своему своеобразно успокоила Лену Инна. — А премии быстро посыпались? «Большая книга» — ни больше, ни меньше или «Буккер»? — пошутила она, пытаюсь скрыть разочарование от знакомства с очередным творческим коллективом.

— Наивный вопрос после ознакомления с атмосферой в организации. Мне до них «семь лет до небес и всё лесом». Я и местной могу не дожидаться. Но я ни о прижизненных почестях, ни о наградах не хлопочу. Главное, чтобы мои книги читали.

— И все же... «...молчанье, как крик» обиды? Не кисни, мать. Твори молитву и жди. Я слышала по телеку, как писатель Поляков говорил, что авторы, получающие «Русского Буккера» не имеют читательской аудитории. Оно и понятно. На Тарковского мало народу ходит, а на лабуду — много.

— Эти премии высвечивают новые яркие имена. Но путь к ним долог. Они для молодых. Сначала я вообще премиями не интересовалась. Моя основная работа в университете

и еще в НИИ. Там все мои приоритеты и предпочтения. Но когда мою фамилию выдвинули сразу несколько организаций, я ввязалась в эту историю, правда, ни на что не надеясь, да, собственно, и не особенно претендуя. И проиграла.

— Да ладно тебе, ты талантливая, пишешь смело, необычно. Ты не можешь быть на третьей позиции ни как женщина, ни как ученый, ни как личность. А что, дружно шельмуют и порочит? Видно, некоторые твои конкуренты со словом «порядочность» не знакомились.

— В школе не проходили, — усмехнулась Лена. — Нет, такие дела молчком проворачивают.

— Главное, чтобы госструктуры были к тебе безразличны. И это лучшее, что они сделали бы для тебя, чтобы ты могла реализоваться, — рассмеялась Инна. — Сейчас время выскочек, у которых за внешним блеском — пустота. Говорят, излишняя скромность — путь к забвению. Может, стоит локтями и зубами поработать?

— Лучше головой, — уточнила Лена.

— И никакая гаденькая страстишка не шевельнулась в тебе? Не возникло искушение отомстить, «зарезать» кого-то на конкурсе. Не заразили? Не могу себе представить ничего более увлекательного.

— Всё шутишь, — покачала головой Лена. — Злые дела, как ошметки грязи... Не по мне они.

— Они не отпечатки времени на древних вулканических отложениях, а артефакты, следы грубых сапог в застывшем растворе цемента. Или на берегу разбушевавшегося моря? — Инна грустно иронизировала.

— И почему так много плохих людей в творческой среде? — сонно вскинулась Аня.

— Потому что искусство — особая форма постижения бытия, — рассмеялась Инна. — Аня, посоветуй своему невезучему знакомому писателю не думать о себе слишком серьезно, тогда ему легче будет воспринимать отказы из журналов. В жизни надо быть готовым и к взлетам, и к падениям.

— Плохих людей там не больше, чем в любой другой профессии. Просто творческие люди всегда на виду. Все всё о них знают, — ответила Лена на вопрос Ани.

— Ты имеешь в виду сплетни? — хихикнула Жанна.

— Сплетни тоже надо заслужить, — грустно пошутила Лена.

— За этим «добром» дело не станет! — неожиданно взъерепенилась Инна.

— Чего вздыбилась? Завод вспомнила? — тихо спросила ее Лена.

— А мне Лариса писала, что администрация города и области помогает ей в издании и распространении книг. И еще депутаты. Не все, конечно. Кое-кто из записанных на обложках книг обманул ее. Но в основном ей сопутствует удача. И в писательской среде у них подлинная дружеская коллегиальность, какая существует во многих периферийных городах. И все же книги они, по большей части, тоже издают за свой счет, — поделилась своими познаниями Аня.

— Капитализм, — многозначительно изрекла Жанна по поводу обманов.

— А невольное, так скажем, интеллектуальное соперничество всегда будет присутствовать. Это стимул к развитию, — сказала Лена.

Инна вдруг тяжело перевалилась на правый бок, скорчилась от боли и застонала. Лена испугалась, обжигающе острая боль пронзила ее сердце.

— Где болит? Чем помочь?

Она наклонилась над Инной, чуть подалась вперед, локтем опершись о ее подушку, словно приготовилась отразить любое нападение болезни на подругу.

— Ерунда. Позавчера шла с рынка, навьюченная сумками, вот моя позвоночная грыжа и «возмущается» тем, что я ее перегрузила. В преддверье праздника в гости племянников с детьми жду. Подарков им накупила. Ты же знаешь, Новый год — день всемирной надежды на новое счастье, вот и соблюдаю ритуалы. В известном смысле мы все сдвинуты на этом. Не могу простить себе глупости. Могла же дважды в магазин сходить. А теперь вот еще и сердце то спотыкается, то вскачь несет. Паршиво мне. Ладно, на время забудем, что мы бываем дураками, а вспомним, что мы добрые и хлопотливые, — преодолевая боль, пошутила Инна. И вдруг рассмеялась:

— Я вспомнила, как твои друзья повезли нас за грибами на новое место. Я там впервые увидела опять с «ногами» длиной в полтора метра. Они прорастали сквозь толщи слежавшегося, полусгнившего валежника, когда-то собранного лесниками в огромные вороха. Я в диком восторге носилась от кучи к куче и тут заметила тебя, сидящую на пне и горько льющую слезы. Я поняла, что у тебя сердечко прихватило. Лекарство сую. А ты говоришь: «Вокруг опята, опята, опята... а я не могу их собрать». Я психанула: «Удовольствия лишилась! Тебе о себе надо думать, а ты о грибах!»

Лена успокоилась, и с ласковой заботливостью прижала к себе подругу. И вдруг вздрогнула, будто в открытую рану ей вонзили что-то острое. Она задрожала как в ознобе, отпустила Инну и заметалась на надувном матрасе, служившем ей постелью. Потом стиснула виски ладонями и застонала.

— Внезапные головные боли? Спазмы сосудов мозга? Аневризма? — поставила диагноз Инна, вглядевшись в помертвевшее, мгновенно заострившееся лицо подруги и в запавшие глаза, обведенные черными кругами. — И часто?

— Нет. Сейчас пройдет, — сдавленно прошептала Лена и натянуто улыбнулась. Но на лице изобразилась страдальческая гримаса и потекли неконтролируемые слезы.

Инна поняла, что означал этот неожиданный приступ, и не сдержала волнения. Она сначала дрожащей ладонью согнала ручейки слез со щек Лены, потом заботливо вытерла ей лицо краем простыни и жалостливо прошептала: «Тебе больно, очень больно?»

«Да, — пробормотала Лена, думая уже не о коликах в голове, а о спазмах в сердце, перетянувших ей грудь тугими жгутами. — У меня последнее время участились приступы замирания, как бы временного оледенения. Как у Гоголя, помнишь?»

Лена относилась к категории людей способных сердцем улавливать даже малейшие, далекие тревожные сигналы от близких и дорогих ей людей, а за такую чувствительность приходилось расплачиваться здоровьем. И, тем не менее, она нашла в себе силы пошутить:

— Отвернулся от меня мой ангел-хранитель, устал меня спасать. Но если сегодня выживу, протяну до ста лет.

— Не программируй себя на плохое, — попросила Инна.

*

Лена устала от собственной боли, от волнения за Инну и от долгого диспута подруг, поэтому по-настоящему заснуть ей так и не удалось. Глаза ломило, в голове стоял туман. До нее, как через ватную подушку, долетали обрывки тихого разговора Инны и Ани.

— ...Еще хуже, когда некоторые толстосумы считают, что имеют право диктовать творческим людям. Отсюда бесконечные сериалы о бандитах... И тогда мы чувствуем в сценариях нехватку интеллектуальных героев, масштабных тем, высоких чувств... Приносят авторы продюсерам приличные произведения, а им говорят: не формат. Писатели должны стремиться к совершенству на своих условиях.

— Всякое-разное бывает. Надо искать талантливых продюсеров, иначе в кино будут

командовать вкусовые предпочтения посредственностей, ориентированных на заработок.

— Бороться? Но тут другая проблема возникает: «Как в таком жестоком мире суметь сохранить свое доброе имя, свою репутацию?»

— Лене, наверное, хочется, чтобы по ее книгам снимали фильмы? Хотя бы по детским.

— Сейчас мало хороших сценаристов. Да и сценарий — только повод, чтобы режиссер мог выстроить свою картину, так как он ее видит. Ему не интересно следовать сюжету. Он придумывает то, чем можно завлечь и удивить зрителя. Это музыканты обязаны исполнять ноты, написанные композитором, — сказала Инна. — Не стоит Лене заморачиваться по поводу фильмов и время понапрасну тратить. Пусть новое пишет.

— Только в музыке творческие люди могут быть стопроцентно самими собой... И то не всегда. Случалось, что и их прикрывали. Джаз, даже танго... — кинулась в рассуждения Аня. — Но при Советах власть и обслуживающие ее писатели стремились восхвалять порядочность. А мы их поругивали. Нам этого было мало. Мы восхищались ими, только когда они писали «неудобную» для руководства правду.

— ...Кажущийся весомым предлог можно высосать из пальца? — не поверила Аня.

— Ему об этом без обиняков, прямо сказали, — ответила Жанна

Голос Ани продолжал хранить неверие и непонимание:

— Неприятие? Не может быть такого.

— Мне один наш писатель жаловался, что сказал одну единственную фразу, негодную главному редактору местного журнала и навсегда стал ему врагом. Не печатает он его, точно журнал личная вотчина, — рассказала Жанна. — И ведь не хотел цеплять редактора, случайно слово вырвалось, автоматически, по причине заводного темперамента.

— Надо же было так исхитриться! Вот и получил удар ниже пояса, — начала было шутить Инна.

— Они заспорили. Он был прав. Только теперь до конца жизни путь ему в этот журнал закрыт. Редактор-то молодой и злопамятный. И ничего тут не поделаешь. Это называется человеческий фактор. Всюду он как гвоздь в ботинке. Пытался писатель наладить отношения, да куда там!

— «Но наладили» его, — посочувствовала невезучему автору Инна. — А как же правление, редколлегия, компетентный Совет, коллегиальность решений? Могут же наложить эпиталаму.

— Всё решает редактор. Остальные формально числятся. Мой знакомый как-то, шутя, сказал ему: «Я скоро умру, и вам будет стыдно за то, что меня зажимали. Я к вам ночью в снах буду являться». Чудак. А другому писателю завистливая женщина дорогу перекрыла. Уж не знаю, как ей удалось договориться с редактором. Может, оговором. Самый доступный способ.

— Один сложный случай мусолите, мурыжите... Жилы рвете, чтобы доказать, что все у нас плохо на писательской ниве? А хорошие примеры у вас есть? — Сквозь внешне небрежное звучание вопроса в голосе Лены проступила особого рода только ей характерная не обидная строгость.

— Делятся люди, как правило, плохим и грустным, тем более что и на самом деле проблем у всех хватает. Нет, я понимаю, взлеты и падения, горести и радости — это и есть жизнь любого человека. И все свои подвиги люди совершают во имя любви и справедливости. Но все же... — резонно заметила Аня. И тут же случай припомнила, но несколько из иной области писательских забот:

— Моя знакомая — детский писатель — за личные деньги рассылает свои книги по детдомам и детским специализированным больницам. И вот недавно с нею произошел

пренеприятнейший случай. Отправила она посылку в город, где родилась и провела ранние детские годы. Ждет-пождет, а уведомление о получении подарка не приходит. И вдруг через месяц приносят ей извещение на возврат. Взяла она тележку (семнадцать килограммов — не шутка!) и пошла на почту. Видит, посылка уже вскрывалась, но значения этому не придавала. Может, так положено. А дома обнаружила на дне ящика свое смятое уведомление и документ на посылку. Выяснить, добиваться правды у этой пожилой и очень больной женщины сил не было. Она только расплакалась от обиды. «Какой же злокозненный человечешко работает на той почте! Почему не пожелал, чтобы детдомовские дети получили прекрасно оформленные, добрые книги?.. Бог ей судья», — говорила она мне печально.

Я ее успокоила, предположив, что та тетка, наверное, немного «ку-ку». Нормальный человек так не поступит.

И Жанна рассказала свою историю.

— А сколько вроде бы безвредных, но безразличных людей встречается на пути каждого человека! Моя знакомая тоже через типографию за свои кровные рассылала книги во все регионы страны. Потом решила позвонить в некоторые больницы и детдома. Но ей ответили, что слухом не слыхивали о таком авторе. И теперь она голову ломает: то ли типография не разослала книги по адресам, полученным из министерства образования, то ли на местах, в отделах науки и культуры областей не удосужились доставить и раздать книги по библиотекам? Может, лежат они мертвым грузом где-нибудь на складах, пока их не спишут как макулатуру. Она грешит на типографию. Но концов теперь не найти. Руководство там сменилось.

— Рита нашла в интернете адреса режиссера Грамматикова и актрисы Чулпан Хаматовой и послала им свои книги. Решила наладить с ними связь и поучаствовать в их благотворительных акциях. Хотела помочь больным детям. Но книги вернулись назад. Наверное, адреса изменились, а новую информацию на сайт, кто-то безответственный, забыл разместить. Может, из головы, как у меня бывает, вылетело, — вздохнула Аня.

— Анютка, не нервничай, береги себя. Я тебе как нерелигиозный человек нерелигиозному желаю: «Дай Бог тебе здоровья на долгие годы работы с детьми», — под впечатлением предыдущего разговора не столько полушутя, сколько серьезно сказала Инна.

А Лене свой неприятный случай припомнился. «Отослала я несколько посылок со своими книгами в детдома и библиотеки Дальнего Востока и Сибири, а одну в Севастополь отправила. Андрей родом из этого города. И вдруг с юга пришел возврат по причине нарушения упаковки. В акте было написано, что вес посылки уменьшился на семьдесят грамм. «За счет чего, если всё на месте? Не могли толстые, большого формата книги «высыпаться» из поврежденного уголка посылки, не конфеты или еще какая-нибудь мелочь». Не так обидно было бы, если бы только о нарушении упаковки сообщили, а то ведь соврали... Фамилии работниц почты врезались в память. Аллах им судья. Не поленились акт прислать о ложной потере веса. Не получили дети книг. По карте от почты до библиотеки двадцать метров, а до моего города тысяча километров. И за возврат пришлось заплатить. Почта теперь бешеные цены за пересылку заламывает. Дешевле самой на поезде довести. Но нет такой возможности. А почему я должна платить за возврат, если кто-то нарушил упаковку? Почта приняла посылку в целостности-сохранности, значит, обязана ее доставить. Получается, им выгодно возвращать?»

Лене взгрустнулось: «У любого человека найдется в «зачатке» один-два неприятных случая из собственной жизни: обманули, предали. И что? На стену лезть от обиды? Каждый имеет право на ошибку. И от глупости людской никто не застрахован. Делаешь выводы и дальше живешь». Непроизвольно в ее памяти всплыли слова Джакомо Казановы из его романа-пятитомника «История моей жизни», которым он одержал победу над смертью, снискав себе бессмертную славу, и который стал венцом его жизни: «Бог отказывает в помощи тем, кто достиг определенного возраста. Он заставляет надеяться на себя и свои способности». Мол, знай, что Бог — спасительный парашют — есть, но пользоваться им не рекомендуется.

«Старею, — посмеялась над собой Лена. — И все-таки несмотря ни на что, мне больше

везет на хороших людей!» — успокоила она себя.

До чувствительного слуха Лены снова стали долетать лоскутные обрывки разговоров подруг, но сквозь пелену полусна она никак не могла вникнуть в них полностью.

— ...Пробиваются только талантливые... стервы и стервецы... А признания всем хочется.

— И врачу, и учителю, и слесарю, — легко согласилась Аня. — Вдохновение и неодолимая страсть к поиску требуется и ученому, и повару. Любой творческий труд есть акт созидания и имеет один источник — способность видеть, чувствовать, создавать и связывать воедино то, о чем люди не знали ранее.

Жанна вздохнула:

— Хорошо блатным. Раз слышу по телеку, как артист хвалится: «Я из глубинки, родители из простых, деревенских, ни с кем из великих не состою в родстве». Потом выясняется, что он внук такого-то и такой-то... очень известных, а в деревню его родителей на время эвакуации война занесла... Ну, ладно, если талантливый, а то ведь часто природа отдыхает на потомках.

— А мне вот сейчас подумалось: знаменитые родители зарабатывают славу, а их дети ею пользуются, — сказала Аня.

— А некоторые ее сохраняют и увековечивают. Тоже какая-то польза, — заметила Инна. — Аня, как твой круг друзей, знакомых и коллег пересекается с писательским? Он их включает? Он так широк и разнообразен? — желая прекратить болезненный, бесполезный, бесконечный разговор, спросила Жанна.

— Мой личный круг — небольшой. Из него уже навечно выпал десяток лучших друзей. Иные переменились или в другие компании влились... Но я активно в наш детдом приглашаю представителей культурной интеллигенции.

— Чем ты их к себе заманиваешь? Как удается заполучить? Чем расплачиваешься? Complimentами? Это, конечно, лучше, чем ничего, Они же продляют жизнь! Ах да, совсем забыла! Ты же пишешь с детьми рецензии на книжки детских и особенно подростковых писателей. Наслышана. У тебя к этому делу пристрастие. Говорят, иногда неплохо получается, особенно если ты в ударе. И природный вкус есть. Он у тебя от земли, от сохи... от печки?

— Тебе лишь бы к чему прицепиться, — отмахнулась Аня от Инны и покраснела то ли от обиды, то ли от удовольствия.

«На самом деле она внутри себя счастливо просияла», — поняла Лена.

— А художников и музыкантов наудачу приглашаешь, придут — не придут в счет благотворительности?

— Да, или ищу спонсоров для оплаты.

*

— Распространять книги тоже большая проблема, — спустя минуту сказала Лена.

— Еще какая, если не имеешь мужа-эмира бухарского... — сделала шутливую врезку Инна. Ей не хотелось вести разговор в минорной тональности.

— Одна надежда на юбилей. Вдруг начальство расщедрится, — подсказала Жанна.

— Надежды юношей питают, но не стариков. Надо печататься в глубоко законспирированных, достаточно дешевых типографиях, — посоветовала Инна.

— Сейчас это не прокатывает. Прошло время самиздата. Иначе не продашь тираж. Специальные буквки и циферки должны стоять на внутренней стороне обложки книги. Что-то типа шифра, — выказала Инне свою осведомленность Аня.

— Плохо раскупаются книги для взрослых. Если только расхожее чтиво. Детские тоже не нарасхват идут, особенно, когда они большого формата, — продолжила исповедоваться Лена.

— Так ведь дорого, не подступиться, — заметила Аня.

— Типографии много берут за цветные картинки.

— Все разговоры о прибыльности писательства сильно преувеличены? — спросила Жанна.

— Полное заблуждение. Как правило, авторы остаются без наvara. Окупить бы вложенные средства, — со знанием дела за Лену ответила Инна. — Теперь в ходу шутка: книжка — лучший подарок, если она сберегательная.

— Лена, как ты относишься к писателям, которые тусуются, рекламируют себя по телевизору, «подкрашивают» свои биографии, инициируют появление нужной им реакции публики? — задала вопрос Аня.

— Не все способы стоит использовать. И все же трудно продавать книги без серьезной «артподготовки» в СМИ.

— А еще труднее жить «в режиме интервью», — пошутила Инна. — Сейчас недостаточно иметь талант и трудолюбие, нужен хороший агент, который будет тебя продвигать. А для этого мани требуются. Ах, это чудное обаяние мечты!

Инна приняла позу страдальцы.

— Не можешь без эффектного закатывания глаз и театрального заламывания рук? Актриса! — рассмеялась Аня.

«Кто кого сегодня заговорит до смерти?» — подумала Лена, погружаясь в плотное облако дремы.

30

- Ты в этом году уже ознакомилась с литературными новинками своего региона? Со всем писательским взводом? Наверное, вселенная впечатлений?! Расскажи. Ощутила бодрость, прилив сил, желание писать? Кто из ваших авторов попал на высшую ступень пьедестала почета? Чье тщеславие было удовлетворено на этот раз? Наверное, весь цвет писательский собирался на конкурсе? Вспыхнуло новое созвездие имен? - Это Инна засыпала Лену вопросами.

- Чувствую, мне грозит быть председателем на нашем импровизированном собрании. Хочешь, чтобы я разнесла в пух и прах собратьев по перу? Мне кажется, я с этим не справлюсь, поэтому возьму самоотвод. Не дави на меня. Я не стану критиковать коллег, если они не сидят напротив меня и не могут достойно ответить. Заостряю твое внимание на том, что я люблю выискивать в чужих произведениях стоящие моменты и указывать на них автору, а не уязвлять и усугублять его и без того сложное положение. Я не гожусь в критики, - чуть приподняв тяжелые веки, сказала Лена. - Может, вернемся к этому вопросу несколькими днями позже?

- Хочу сейчас. Станешь на защиту представителей своего цеха или боишься, что тебе это дорого - в плане нервов - обойдется? Я даже не попытаюсь заставлять вымещать... Хотя твой бесценный положительный опыт... Нет, тебе я отведу роль... - Инна с хитренькой миной задумалась, - ты всего лишь выполнишь роль арбитра или секунданта. Председателем, возглавляющим жюри - в нашей тройке(!) - буду я.

- Валяй, - разрешила Лена, не оборачиваясь и не открывая глаз.

- Возможно, я лицо нерепрезентативное и выскажу только свое личное мнение, но... А что это за книги на подоконнике за шторой? Кира специально приготовила их нам, на

случай бессонницы?

Инна вскочила и перенесла всю стопку на тумбочку, к себе поближе.

Лена приподнялась, посмотрела на одну из книг и обрадовалась:

- Это же произведения писателей вашей области! Какой богатый урожай! Интересно бы ознакомиться хотя бы фронтально. Ты их читала?

- Все до одной!

- Я тоже, - сказала Аня. - Обменяемся мнениями?

- Отвечать любезностью на любезность? Не мой стиль. Я всерьез стану критиковать. Начну со стихов. «Чеканных строк ряды густые, но пустые», - пропела Инна. - Ни улады, ни отрады. Ни уму, ни сердцу. Где архетип матери, семьи, родины? Где патриотизм - это прекрасное чувство здорового человека, где сакральные откровения? А сила чувств, а нестандартные сюжетные повороты? (Словесная диарея!) - вскинув голову, самодовольно высказалось Инна. - Ну и как я аттестую? Жестче, чем ЦК КПСС?!

- Плохо представлены поэты? Как же, только у тебя безошибочное чутье! - нервно остановила ее Аня. - Жанна, наложи на нее епитимью молчания.

«Стоит ли доверять мнению больного, раздраженного человека? - вздохнув, подумала Лена. - Инне просто доставляет наслаждение быть на виду, категорично критиковать, выставлять себя самой эрудированной. Игру затеяла. Как ребенок, ей богу. И Аня включилась».

- Раздухарилась, раскудахталась! В твоих глазах они не имеют права называться поэтами? У тебя нет барьеров в голове? Сходу оценила, сочинила... С удовольствием бичуешь? Зачем словом напрасным и резким беспардонно обижаешь людей? «Благословила» оплеухами. Одно у тебя на уме: убить, разогнать, очернить. Ты и в ангелах видишь бесов, - обиделась за поэтов Жанна.

- Я слышала, что в творчестве есть своя честь, - начала свое разъяснение Аня.

- Ты вправе усомниться в моей компетенции, но где гуманизм - вершина человечности? Как говорится, замах есть, а действие не просматривается. Это не поэзия, не искусство, а ремесло. Поэзия та, что от Бога.

- Чего захотела! Поэзия - это что-то необъяснимое. С наскака ее не поймешь, там много неочевидного. - Аня сделала попытку остановить Инну.

- Набросилась на авторов, точно дикий зверь на жертву! Ишь как загрибок вздыбила! Расшумелась не в меру. Киру разбудишь, - встревожилась Жанна.

- Она десятые сны видит. Я сквозь стеклянную дверь видела, когда по нужде выходила. Вдвоем-то с муженьком слаще спится, - совсем по-девчоночьи хихикнула Инна.

- Интересно было бы услышать на этот счет мнение поэтов друг о друге, - пожелала Жанна.

- Ничто так не сближает двух «великих» как отрицание третьего. Я еще не встречала поэта, который похвалил бы конкурента... без выгоды, - насмешливо сказала Инна.

- А я встречала, - сдержанно заметила Лена.

- Враг моего врага мой друг? Я могу только гадать... - Инна сделала паузу.

- Я думала, что гении признают друг друга без всяких оговорок, - удивилась Аня.

- Так, то гении, - рассмеялась Инна.

- Крайность есть ложь, но спрятаться от правды невозможно, - видно отвечая на какие-то свои внутренние вопросы, пробурчала Жанна.

- За каждым произведением стоит человек, его судьба, - принялась «философствовать»

Аня.

Инна не позволила ей с удовольствием высказаться.

- Богат наш край талантами. На каждую тысячу человек десять поэтов. Представляешь, какая огромная армия амбициозных творческих людей! Полчища! Нашествие!

- Не преувеличиваешь? – не поверила Аня.

- Так это же прекрасно, когда много! Как соловьев по весне, – восхитилась Жанна.

- А избранников Музы, людей экстраординарной повышенной чувствительности не густо, – притушила Инна восторг Жанны.

- Иссякают таланты? – Аня направила свой вопрос конкретно к Лене.

- Я не примыкаю ни к хулителям, ни к ревнителям. Я сама по себе. Некоторые мои студентки пишут с моей точки зрения прекрасные стихи. Я одобряю их пробы пера, но скромность не позволяет им вынести свои творения на суд читателей. Среди них, мне кажется, есть те, кто поэтами себя не называют, но ими являются. В них есть что-то определяющее истинно творческого человека. Возможно, они и в профессии окажутся одними из самых успешных.

- ...Совершеннейший примитив! Офигеть можно! – услышала Лена за спиной ворчливое бормотание подруги. (Интересное словосочетание!) – Наверное, у них необоснованно дух захватывает от собственных творений, хотя бы потому, что сам творческий процесс уже счастье. – И ты наверняка стишки строчишь. Бедная, – с участливой издевкой поддела Аню Инна. – Лена, ты не мыслишь себя без творчества, так вот тебе вопрос на засыпку: «Любовь сильнее радости творчества?»

- Я бы их не разрывала и не разводила, – ответила Лена.

- Выкрутилась, – усмехнулась Инна. – Я не о любви к творчеству спрашивала.

- Огурцы с топорами не сравнивают, – очень тихо пробурчала Аня.

- Поэт не поэт, если не считает, что его взгляд, его видение единственно правильное. Без этого ощущения ему не имеет смысла писать и издаваться. Но не нам решать: кому стоит это делать, а кому нет. Если только за свои... – осторожно добавила Жанна.

- Не поняла, – встряхнулась и закрутила головой Аня. – И ты про деньги?

- Для тех, кто не услышал сигналов точного времени, повторяю: «Сейчас все издадут за свои кровные», – голосом строгого диктора произнесла Инна.

- Мне дурно! – Это Лена охнула.

- ...А грамотность! Раньше допускались к изданию только выверенные тексты, а теперь я читаю и ужасаюсь, – заявила Аня.

- Давай, разоблачай. Устаревшая практика – клеймить всех подряд. Компьютер исправит ошибки. Признай, что теперь коммуникация важнее грамотности, – развенчала ее мнение Инна.

- Грамотность повышает статус человека и уважение к нему. Вчера по телеку один депутат сказал: «Ломали голову о том...», вместо того, чтобы произнести «над тем». И другой представитель власти тут же сообщил: «Сталкиваюсь о том, что...». Я не первый раз слышу подобное! – позорными фактами «убила наповал» подругу Аня.

- Денис Фонвизин, между прочим, писал безграмотно, – добавила «перчику» в спор Жанна.

- Ну, если только «между прочим». Гению позволительно, – высокомерно заявила Инна.

- Фонвизин был гений? – удивилась Жанна.

- Для своего времени – да.

- Я угораю, – не согласилась Жанна. – По счастью мы тоже умеем ценить таланты.

- Кто бы мог подумать! И в тебе проснулась неосознаваемая ранее потребность в критическом осмыслении чужих творений?

- Так заметно? Больно хорошо ты обо мне думаешь... Не можешь без ехидства, – стараюсь, чтобы в голосе не проскользнули агрессивные нотки, изрекла Жанна.

- Повидала бы с мое, еще злее была бы.

«Остроты на чужой счет слетают у них с языка мгновенно, а у меня шутки вымученные», – подумала Аня и сказала с сомнением:

- Что стоит наше слово против мнения настоящей комиссии? Но вот эту поэтессу я все-таки выделила бы особо. Есть в ее стихах нечто совершенно свежее. И даже роскошная неслыханная фантазия присутствует. В двадцать лет так чувствовать! И своим интеллектуальным уровнем поразила, – сказала Аня и протянула Лене тоненькую книжечку в мягкой обложке.

- Только в некоторых стихах, – придирчиво заметила Инна.

- Это ты так считаешь.

- Ее стихи о любви? О ней сочиняли, начиная с Овидия, а может, и раньше, но темы так и не исчерпали и не закрыли, – поучаствовала своим мнением в разговоре Жанна.

- О любви еще возвестят так, как не написал еще ни один самый великий поэт! Я иной раз заинтересуюсь неожиданной своеобразной формой строки, вникну, но оказывается, что простенький смысл облекается в красивую обертку или все так сумбурно, бестолково... Разочаровываюсь, конечно. Такие стихи быстро канут в неизвестность, – поставила жирную точку в обсуждении поэзии Инна.

«Сумбурные? Как и весь ваш разговор, – про себя ворчливо отметила Лена. – Я бы сейчас с удовольствием послушала тихий нежный скрипичный концерт. Он бы меня расслабил и убаюкал».

- Ты думаешь, что предоставила нам полную картину творчества поэтов своей области? А может, и всей страны? – ехидненько спросила Жанна. – Некоторые... облачатся в одежды знатоков и клюют, клюют от скуки, а потом сломанные судьбы, скитания по свету в поисках счастья...

- Люблю, знаете ли... – Инна изобразила стервозную ухмылку.

- Хорошие стихи или нет – не нам решать. Тот, кто имеет право голоса, помалкивает. Репутацию коллег боится подмочить? – Жанна явно намекала на Лену. Но та не отреагировала, будто не в ее огород был брошен камешек.

- А как тебе эти современные сказки? – спросила Аня Инну. – Я бы сказала, что манера изложения мягкая, задушевная. Они поразительно красочные.

- Излишне красочные. Сахарные. Я о тексте. Почитай русские народные сказки. Их ценность в простоте.

- Разве может красота быть лишней или ненужной?

- А как же масло масляное? Надуманные истории. Авторы просто утопают в красотях. Сю-сю, ахи-охи-вздохи. Каждую фразу как ажурную накидку вывязывают крючком или на спицах.

- А надо, как узорную парковую ограду выковывать? Книжки ведь для детей.

- Излишество оборок – не достоинство. Ими они собираются удивлять и покорять профессионалов или малышей? Они считают, что к сказкам нет должного интереса, он

надолго утрачен, потому-то много чего нагромоздили? – спросила Инна.

- Тормози. – Это Лена, с трудом преодолевая сонный анабиоз, тихонько одернула подругу.

- А вот эти современные сказки – просто прелесть! Они принадлежат перу совсем молодых талантливых «сказительниц», – отметила Аня. – Лена, обрати на них внимание.

- Я недавно читала внукам сказки, не помню в чьей «аранжировке», и ужасалась. Приведу пример. Козлята там разрезали волку живот, набивали его камнями и стаскивали похитителя в реку. Какая жестокость! Чему детей учат? В старой интерпретации волк сам себя наказывал, прыгая через костер. Где положительный воспитательный момент? – возмутилась Жанна.

- Вот и угадай, что может рассердить педагога, – добродушно рассмеялась Инна.

- Тургенев писал, что «говорить красиво неприлично», – продолжила спор о красоте Аня.

- То же мне, авторитет! Хотя... смотря, в каком контексте, – задумалась Инна.

- Я не согласна. Мой сын-технар, как-то пришел домой после общения с артистом нашего театра и восхищался его прекрасной речью. Мне была приятна его чувствительность к красоте родного языка, – сказала Лена.

- А как тебе этот автор? – после некоторой паузы спросила Аня, передавая Инне увесистый том.

- Неисправимый графоман, – жестко заявила Инна.

- Его внутренний критик спит? – спросила Жанна.

- Беда в том, что внутренний критик графомана тоже графоман, – ответила Лена. – В СССР было пятнадцать тысяч писателей, а теперь что-то порядка ста тысяч. А с теми пишущими, которые не попали в Союз писателей, – с миллион будет.

- Зато потрясающее разнообразие тем, жанров, стилей, идей и смелых экспериментов. По наитию в основном пишут. В этом густо зарыбленном водоеме случается «выловить» прекрасные, коллекционные вещички, – заметила Инна.

- Без комментариев. А что ты скажешь об этом авторе? Мне его имя ни о чем не говорит. Точнее, мало о чем, – Аня протянула Инне книжечку невзрачного вида.

- Очень трудно уйти от оценок. Ничего выдающегося, выделяющего его из общего ряда. Стихи кудрявые, но мало эмоциональные. Его стихам не хватает воздуха, солнца, радости и чего-то более широкого, возвышенного. Я кудрявость не всегда воспринимаю как достоинство, мне по сердцу простой четкий слог в сочетании с глубоким смыслом – Пушкинская традиция прекрасной ясности и прозрачности. Но мода губит ее адептов.

Не люблю вычурные словесные конструкции, за которыми ничего не стоит. Читаешь – красиво! Но нет в них притяжения, посылы, души. Вникнешь – а эти строчки, как экзотические водоросли на поверхности воды. У них нет базы, они без корней, и будто переплывают с одного места на другое, не задерживаясь в голове. Таким я бы предложила поучиться вовремя останавливать разбег пера.

«Как легко и просто критиковать несведущим, когда не надо отвечать за свои слова. Но говорит красиво», – отметила про себя Лена.

- Повторы бывают от переизбытка эмоций или когда автор что-то усиленно внушает читателю. У меня к ним позитивное отношение. Они как припев в песне. Инна, куда тебя понесло? Подписала приговор! Зачем так грозно? Не лучшим образом реагируешь, – с тихой укоризной заметила Аня. – Безответственное предположение. Ты же не всё читала. Есть в книге и хорошие патриотические стихи.

- Поэты и критики всегда разделены Берлинской стеной непонимания. Ты в этих «шедеврах» нашла проблески гениальности, недостижимую чистоту стиля поэтов серебряного века? – не сдала своих позиций Инна.

- Начнем «вкруг садясь, оплевывать поэтов»? Не при Лене нам это делать. Законодатели литературных мод! Может, еще составим собственную антологию поэзии двухтысячного? – снова вмешалась в обсуждение Жанна. – Я одну такую современную читала своим внукам, но так и не сообразила, по какому принципу подбирались в нее стихи. Дети в растерянности, я в недоумении. Составители открывали детям портал в неведомое? Нет, я понимаю, существуют различные способы выражения своих мыслей авторами. Но для детей ли их ребусы? А подбор загадок? Ужас! Это не любовь к языку и народным традициям, а встреча в пространстве расставания и рассеивания мыслей. Они для затуманивания мозгов.

- Я тоже не в восторге от некоторых произведений, но, может, обойдемся без стервозной беспардонности и яростного пафоса? Накручиваем, разжигаем, – вздохнула Аня.

- Прикажешь за каждого рвать свое сердце? Много чести. Ведь про эти стихи на самом деле не скажешь, что каждое произведение – проблема, вызов, шедевр, – усмехнулась Инна.

- А вот этот пожилой поэт – Аня увидела фото на обложке – вдруг удивил очень даже приличной ироничной прозой. Но у меня почему-то сложилось ощущение, что писала эту книгу женщина не старше сорока. В комедиях обычно главные герои – люди отрицательные, а у него положительные: наивные, патологически честные, чудаковатые. Такое редкость в литературе. Потому и особенно приятно. Сюжет построен на разнице укладов столичных жителей и людей с периферии. Мало того, автор выдал еще и яркую эмоциональную увлекательную пьесу. Я бы сказала, блестящий политический памфлет – острый злободневный. Что-то в духе Шекспира, разительно напоминает. Какая концентрация информации, какая мощная энергетика и четкая установка на очень даже определенную линию! Мне кажется, она – хорошее, серьезное приобретение. В принципе, я драматургию предпочитаю вкушать со сцены, а тут не могла оторваться, пока до конца не прочитала. И что самое поразительное, в пьесе прозвучал еще более молодой задор и темперамент, чем в предыдущей книге.

- И бесшабашность? – уточнила Жанна, на самом деле не проявляя заинтересованности ни к произведениям, ни к их автору.

- Не подходит сюда это слово. Здесь другой уровень.

- Давай, снабди этот шедевр своим серьезным научным комментарием в подчеркнуто строгом стиле, – фыркнула Жанна.

- Я прошу соблюсти хотя бы внешнее приличие. Понимаю, это не так просто... – тихо попросила Аня.

Жанна от неловкости слегка покривила рот:

- Строга ко мне. А ты похвали меня! Дай возможность побыть хорошей в твоих устах.

- Я бы сказала, что в этом произведении легкость, свобода выражения и яркий интеллект, – продолжила обсуждение Аня.

- И талант?

- Может, даже... У меня глаза на лоб полезли от восторга. Такой вот сюрприз.

- Свернем эту тему? На кой она нам сдалась, – попросила Жанна. Ей было скучно слушать о книгах, с которыми она незнакомилась, и вряд ли будет иметь такую возможность в дальнейшем.

- Сто лет она нам без надобности, – согласно пробурчала Инна, удивив этим Аню.

- И возьмем свои критические слова обратно.

«Ох уж это извечное желание Жанны угодить всем и вся, никого не обидеть. Как вошь

под ногтем изворачивается», – молча брезгливо дернулась Инна.

- Не рано ли завершать обсуждение. Может, все же продолжим? Когда еще встретимся?
- жалобно попросила Аня. – А вот это произведение, как тебе на вкус?

Инна неохотно взяла в руки книгу в тонкой глянцевой обложке.

- Эту я не читала. Кого на этот раз желчно изобличает автор?

- Ты права. Зло пишет. Этот писатель – как бы отдельное, изолированное явление. Он – украшение писательской организации. Мне так кажется, – дала краткую характеристику автору Аня. – Эта повесть о том, как работает и отдыхает верхушка современного «комсостава», каковы их нравственные ценности, интересы и запросы, каков интеллект. О серьезных вещах упоминает как бы вскользь, но очень тонко и умно. Мол, домысливайте сами, что главное в моих строках. Заставляет репу почесать. При всей непривычности манеры выражать свои мысли, вещь очень даже восхитительная. Я в восторге от яркой акустики звучания ее слов. Она написал о тех, кто занимается рекламой, оболваниванием народа, о тех, кто вправляет нам мозги. Рассказала о том, какой образ жизни они ведут.

- Так вот кто теперь ее главные титульные персонажи! Вот кого на этот раз она посадила на острие своего лезвия! Молодец.

- Очевидно, таково ее окружение. Рита тоже не о бомжах пишет, – заметила Аня.

- Напрасно, отличное прикрытие в некоторых случаях. Боится надругаться, не зная предмета?

- Легко, как бы шутя, пишет, а на самом деле едко и ехидно. Талантливо. Изящно громит своих героев. Вроде бы восхищается их стилем жизни и ничего не предвещает бури, грома, взрыва... и вдруг подпустит одну-другую строчку вроде такой: «Что с них взять?..» И сразу понимаешь – чертенок в авторе сидит. Никому спуска не дает, никого не боится. Ее талант – укор бездарям. Она подтверждает тезис, что нельзя творить без чувства истинной свободы.

- Да она опасно свободна! Каков ее компас вольнодумия! – рассмеялась Инна.

- И я погрузилась в пьянящую мятежную бездну смыслов ее произведений! Это повесть напомнила мне о партийной верхушке районного масштаба в до перестроечные времена. Выше я не забиралась. Да и в центре бывала лишь наездами. Только нынешняя элита мне кажется более изощренной, но несколько примитивной, – завершила свое мнение Аня.

- Внешняя свобода все равно всегда связана с определенной степенью принуждения, особенно если учесть, что низшей формой свободы является вседозволенность, которая быстро перерастает в произвол. А внутренняя свобода в самом человеке. Она рождается вместе с ним, а сохраняется десятилетиями не согнутого состояния, – сказала Жанна. – Ее суть в том, чтобы не делать того, против чего выступает твоя душа, требующая исполнять нравственные законы, оберегающая личность от разрушения.

- Со временем отношение к понятию свободы меняется. Вспомни хотя бы гендерную проблему. Раньше понятие свободы давала религия. Потом светские и религиозные формулировки стали расходиться и потребовались законы, – «проконсультировала» Жанну Инна.

- Не пытайся исчерпать все определения. «Твоя свобода заканчивается у кончика моего носа, а моя – у твоего». Настоящая свобода – свобода от греха, от подлости и непорядочности, – дополнила Жанна эту философскую категорию своим житейским и религиозным пониманием. – И нет другого исхода, кроме как...

- По-твоему, если человек не чувствует божественного давления, он совершенно свободен в своих плохих или хороших деяниях? – перебила ее Инна.

- Значит, все зависит от степени его внутренней чувствительности к религии? – недоверчиво покачала головой Аня и взглянула на Лену. А та, прикрыв веки, еле заметно улыбалась. И, похоже, своим отвлеченным мыслям.

- Лена, ты опять молчишь. Выскажись хотя бы в общем плане, - попросила Аня.

- Она как щука в камышах стоит, но в нужный момент вынырнет из засады со своей разгромной рецензией. Молчит, молчит, как преступник, ушедший перед следователем в глухую «несознанку», а потом всё накопившееся единым взрывом выплеснет наружу, - пошутила Инна, пытаясь раззадорить подругу. И тут же хихикнула в ладошку:

- Молчит, это не значит, что думает.

- Нет, она всем адвокат, а не прокурор, - заступилась за Лену Аня.

«Рассуждают так, словно Лены нет рядом, - удивилась Жанна. - Они шутят?»

Лена предупредительно вскинула ладони и сказала:

- Я не успела ознакомиться с вашими книжными новинками. К тому же очень устала, и не хотела бы сегодня участвовать в обсуждении.

- И в осуждении, - игриво добавила Инна.

*

- ...Главное, чтобы эти книги соответствовали самому острому моменту нашего периода жизни, тогда их поймут массы, - снова заговорила Аня, как бы подводя итог вышесказанному - Мне нравится в наших писателях и поэтах то, что в их произведениях нет ни намека на пошлость.

...Ну, так вот, беру я вторую книгу этого же автора и разочаровываюсь. Так бывает, когда настроишься на шедевр. Представляете, в новой книге монашка требует от банкира раздать все свои деньги. Это, по меньшей мере, нереально, а по большей - глупо. Отнять и раздать, облагодетельствовать бедных? К чему призывает! Знакомая, старая песня. Наслышаны. Пользы от нее мало. Деньги должны работать. Их надо вкладывать в организацию и развитие производства, в создание рабочих мест.

А невеста банкира мечтает, чтобы он отдал свои банки и осел в деревне, в отремонтированной им старой усадьбе. Грядки копать? Если даны способности вести масштабные финансовые дела - примени их на благо Родины. Закапывать талант преступно. А выйдя на пенсию, на досуге занимайся чем-то для души, барина из себя строй, философствуй. Век-то не девятнадцатый на дворе, двадцать первый, слава Богу.

И любовь к Богу у героев какая-то слащавая, простоватенькая. А вопрос этот глобальный, глубокий тонкий, особенно на современном этапе сложных взаимоотношений между государствами и религиями. Банкиру с международными связями - их в России всего-то порядка четырехсот - окунаться в него на уровне монашек не пристало. С его-то умом! Это для него слишком мелко.

Еще автор сообщает, что главный герой в студенческие годы самочинно водил экскурсии по Кремлю. Читатель не столь наивен, чтобы не понимать, что в экскурсоводы попадали только избранные. Дети простых инженеров и кандидатов наук разгружали вагоны и работали дворниками. Лапшу-то на уши не надо нам навешивать. А фарцовка?..

Воспитание больной девочки - это дань моде? Хорошая дань, но при банкирских масштабах впору курировать целый домашний детдом или огромную больницу. Может, конечно, я не права, но как говорят художники, я так вижу, так чувствую, - закончила Аня свою речь знакомой всем фразой.

- Аня, ты читала эту книгу после крупного застолья? - пошутила Жанна. - Может ты не поняла замысла произведения? Вдруг это не поддакивание, а пародия на современные жизненные извивы, критика?

- Ну, не знаю... Звучит как подпевка. Будто написано на заказ, на потребу. Но кому? Не соображу... Такая мелодия не для этого автора, - возразила сама себе Аня. - Но пишет прекрасно.

- А как насчет фантастики? Не прошла мимо? – спросила Аню Инна.

- Чтобы я что-то пропустила! Обижаешь. Попалась мне книга о наркомании. Я вцепилась в нее зубами с целью выяснить причины и способы борьбы с этим злом. Читала с какой-то нервной дрожью, буквально задыхаясь от спешки, точно при беге на короткую дистанцию. Как говорится: ни выходных, ни проходных не соблюдала. Название настроило. Переживала, сочувствовала матери, роптала на безответственного отца – и тут всё легло на плечи женщины! Но, имея малый опыт чтения фантастики, никак не могла понять, почему мать не стала искать нужного ей священника через интернет, с помощью милиции, не обратилась в местную патриархию или как там ее называют, а пошла пешком по селам и весям.

Следующее впечатление от прочитанного было таким, что я посчитала, будто мать на почве горя попала в психушку и бредит спасением своего сына. Дальше было еще непонятней. Мне стало казаться, что героиня – очень темпераментная, сексуально озабоченная, как теперь говорят, «сдвинутая на сексе».

- А для тебя главное – вернуться от эстетики к этике и от красоты к совести? – вклинила свое ехидненькое замечание Жанна. – Твои представления о морали застряли где-то на уровне знаний девятнадцатого века?

- Но вспомнив книги, прочитанные в детстве, – «Копи царя Соломона», «Мифы древней Греции», восточные сказки и многое другое, – я успокоилась. Даже упрекнула себя в глупости. Конечно же, это мощное, эмоциональное, увлекательное произведение! Легко, талантливо пишет, – решила я. – А хождение пешком – художественный прием.

И все же я торопливо устремилась к концу книги. Мне страстно хотелось узнать метод излечения ребенка от страшной зависимости. Читаю, держу на контроле главную мысль. Достоевского вспоминаю и других великих писателей. Те рассуждения, которые я вычитывала в книге, были будто из инструкции психотерапевта, и меня не устраивали. Это рациональные, общеизвестные зерна истины. Но в поведении матери стали случаться события, вызывающие у меня противоречивые чувства. Я бы не смогла влюбиться, зная, что мой сын погибает. Мысли о нем заполнили бы всё мое существо. И тем более, влюбившись в одного, целый год яростно заниматься сексом с другим... Но это, верно, чисто индивидуальные качества героини романа...

- Современный роман не бывает без «оживляша», – успокоила Аню Инна.

- Идея заставить сына бросить пагубное пристрастие, зауважав свободную, раскованную маму, а не любящую его обыкновенную маму-учительницу весьма... оригинальна. Читая, я все время забывала, что в книге переплетаются реальность, мистика и фантастика. Потом опять-таки подумала, что это какой-то литературный метод. Потому-то и не удивил меня благостный, счастливый конец сказки. Мама к стопам Бога принесла свое гениальное творение – великую книгу, и сын исцелился.

- Чудачка! Ты воображала, будто читала учебник по медицине? А это художественное произведение, – рассмеялась Инна. – Только к сухим газетным сводкам у тебя не будет претензий.

- Второй раз перечитывала не спеша, оценивая каждую строчку. Нет, все-таки у героини не существует границы между мистикой и реальностью, – закончила делиться впечатлениями Аня.

- Польза этой книги уже в том, что она заинтриговала, увлекла, как бы встряхнула тебя, старушку, провела по годам юности, заставила вспомнить молодость. А то ты совсем скукожилась в своем засушенном консерватизме, – усмехнулась Инна. Но Аня понимала, что Инна тоже в некоторой растерянности от произведения. Наверное, не успела еще осмыслить и оценить.

- А что-нибудь предназначенное для школьников нашла? – Инна продолжила «допрашивать» Аню.

- Есть одна книжка. Добротно сделанная вещь. И язык своеобразный, характерный для

местности, где проистекают события. С интересом прочитала. Я в своем детстве, в средних классах любила такие книжки. И вдруг автор стал описывать приведение и то, как хозяин дома, молодой современный мужик, всю ночь молился, его изгоняя. Я отпала. Какой-то трудно воспринимаемый религиозный сироп. Ты можешь себе представить такую картину? Испортил неплохую, в принципе, книжку для пятиклассников. Его герой оказался довольно жалким созданием, в мозгах которого, по моему мнению, зияют бреши... Может, он именно это и хотел сказать?

Еще одну прочитала с интересом. – Аня покопалась в ворохе книг. – Вот эту. Старомодные простодушные тексты с одной стороны, а с другой важность поднятых проблем. Давно не читала книг, где просто, ясно и нежно объясняется пятнадцатилетним дурочкам, что влюбившись первый раз, не стоит сразу ложиться в постель с объектом своего вожделения, потому что это плохо кончается... Очень нужная подросткам книжка. Она может положительно повернуть жизнь некоторым наивным девчонкам. Да и мальчишкам. И язык доступный, без отвлекающих от цели наворотов.

- А эта?

- Пустая, мертвая, на холостом ходу писана. Совершенно слепой текст. Как-то так.

- Жестко обругала. Живого места от автора не оставила, – удивилась Инна.

- Как умею.

- А мне эта книжка еще и эстетически не близка, – сказала Инна.

- А вот это краеведческое произведение заинтересовало? – снова обратилась Инна к Ане.

- Язык четкий, ясный, выверенный годами, без архаизмов и современных вульгаризмов. Автору отлично удается соединять документальность и прекрасную художественность. И все же журналистское в нем выпирает. Я бы, скорее всего, это произведение отнесла к жанру публицистики. И фотографии прекрасные.

- Говорят, публицистика особенно важна в периоды перемен, потому что стреляет короткими злыми очередями по близким целям. Сейчас она очень даже ко времени. А литература – оружие дальнбойное, – сказала Жанна. – У писателей есть много способов и возможностей приблизиться к человеческой душе. Для кого-то звуки природы и детский смех являются фоном для восприятия и выражения чужих мыслей, а для других...

- Ой, ли! Не придумывай, не защищай. Догадываюсь, что автор ищет. Умеет чутко уловить тенденцию, – усмехаясь, перебила ее Инна.

- Так это же хорошо. Оставь свои измышления. Умный автор.

- А эти книжки как в стопку затесались? – удивленно воскликнула Инна.

- Не наши авторы, но я их тоже читала. Вот эта дама президента охаивает. Если ее произведение рассматривать в контексте советской... российской культуры, так она совсем зарвалась. – Твердые упрямые нотки Аниного голоса выдавали глубоко внутри нее бурлящие отрицательные эмоции. – По совести надо все делать и говорить так, чтобы не противоречило природе человека. И тут выбирать не приходится, если мы считаем себя людьми.

- Природа-то наша разная, – усмеялась Инна. – Президента ругает? Так теперь это в порядке вещей. Не клясть страну и правительство сейчас считается дурным тоном. Представляю, с каким удовольствием душу отводила!

- Я попытаюсь найти этому разумное, а не эмоциональное объяснение. Предположим... – Аня на миг задумалась.

- Предположение – мать всех провалов, – отчеканила Инна. – Появился шанс занять свое

«достойное» место в литературе, так почему бы его не использовать? Ведь был же до перестройки фантастический реализм, как некий пропуск к дозволенному. Теперь надо иначе писать. Не стоит быть заложниками одного строго определенного жанра или направления, новые надо осваивать, нарушая старые каноны. Имя Лены тоже восторжествовало на развалинах соцреализма. И ей оставалось всего ничего – создать что-то присущее только ей.

Жанна не поняла, шутит Инна или всерьез оправдывает и поощряет автора.

- Аня, а эти стихи как тебе? – поинтересовалась Инна.

- Шокировали. Нет, я, конечно, понимаю: гласность, свободомыслие, полярные мнения в чести... Автор утверждает, что религия спасет Россию. Призывает к духовной революции, заигрывает с церковью. А по мне, так религия – это коллективное болото заблуждений. Нет, я, конечно, понимаю, что религия – великая сила, если она во имя добра, но... чем больше плохого я узнавала о священниках, тем меньше верила церкви. Мне не посчастливилось знать с ее достойными представителями, многократно не везло.

- Легко тебе, Аня, живется, – кисло усмехнулась Жанна. – Все тебе ясно и понятно. Ты не задумываешься о том, что будет после кончины, потому что не предполагаешь жизни после смерти.

- Я считаю, что образование и патриотическое воспитание надо поднимать, хотя бы до послевоенного уровня дотянуть. А на церковь – на место организованного восприятия религиозных догм – люди полагаются и призывают ее в помощники, когда сами не справляются со своими проблемами, – сердито сказала Аня.

- Вот и пусть помогает. Ты же сама говорила, что на некоторых этапах развития общества она полезна, – осторожно заметила Жанна, боясь вызвать ураган упреков. – Или ты вообще отрицаешь институт церкви? Может, народ возвращается к своим истокам? Достоевский говорил, что человек без Бога превращается в животное. Если нет Бога в душе, то все позволено.

- Без Бога, но не без церкви. Что-то я не вижу вокруг себя великих апологетов веры!

- А вот эта поэтесса Берия оправдывает! Сталина – «гения всех времен и народов» превозносит. Ее бы в ту мясорубку! Мне черный юмор тех лет припомнился. «Собиралась умереть, а вождь жить приказал, подсуетился, посадив на десять лет. Придется жить», – зло фыркнула Инна.

- Мне кажется, Берия был умным, – осторожно заметила Жанна.

- Конечно, умный! Ты о Гулаге? – пустила Инна в нее язвительную стрелу. – Ох и впаяла бы я этой поэтессе по полной, чтобы и тени сомнений не осталось у таких как ты защитничков!

- Может, многое ему приписывают, преувеличивают, оговаривают, выгораживая вождя?

- А теперь ты его? Откуда в тебе комплекс вины? Мне непонятна подоплека этого явления.

- А эта поэтесса ратует за монархию. Считает, что сильная монархическая власть – единственная скрепа нашего великого государства, и что без сталинской строгости коррупцию нам не победить, – сказала Аня.

- Имеет право на собственное мнение, – мгновенно отреагировала Инна.

- Ты умом повредила или снова меня дразнишь? При царе не было воровства и коррупции? – разозлилась Аня.

- А вот этот писатель тянет нас обратно в социализм. Идеалист, – переключилась Инна на другую «солидную» книгу и тем ушла от Анниного вопроса.

- И что в том плохого? Была оттепель – время необыкновенных надежд, – сказала Аня.

- И как выяснилось, когда мы вступили в пору зрелости, время великих надежд и великих разочарований, – хмыкнула Инна.

- Мы верили в вечную дружбу. Нам казалось, что весь мир под нашими ногами! Мы жили на полную катушку, «яркими, крупными мазками». «Красивые и мудрые как Боги!» В нас была готовность во имя родины принять любые начинания. Я в сибирскую деревню поехала растить таланты. А сейчас невнятное время. Из людей выжимают аромат их душ, их ломают, корежат... – хмурым высказыванием закончила свою патетическую речь Жанна.

- И ты снова, не щадя себя, готова к новым идиотским свершениям? О, это таинственное русское чудо – надежда, вера и любовь! И кто из нас остался верен своим детским мечтам?

Жанна не отреагировала, прекрасно понимая, что эти слова – не оскорбление ей, а дань несносному противоречивому Иннинному характеру. Хорошо, хоть без злого матерка.

- И при Брежневе нам достаточно уютно и спокойно жилось, если не считать последних лет его вынужденного правления, называемых эпохой разгильдяйства и застоя, и времени «гонки лафетов», когда один за другим умирали в правительстве генсеки и другие заслуженные старцы. Богатство нас не волновало. Ну не хватало чего-то. Не беда! Главное, что без войн на нашей территории. Один мой товарищ про наше время сказал: «Строили коммунизм, а построили бараки». А я заявляю: «И заводы строили, и квартиры давали». Нехватку в легкой и пищевой промышленности нам устраивали борющиеся за портфели чиновники Госплана. От них все наши беды, – сказала Жанна. – Вроде бы жизнь наладилась и вдруг... эти сумасшедшие девяностые.

Инна энергично возразила:

- Я захожусь от смеха! Развезло тебя на старые дрожжи. Легкое время, но бесперспективное! Время эволюционного пробела. У власти одни блатные. Простому человеку не высунуться, враз задвигали. Милиция своевольничала. Безнравственность во всех секторах жизни, фальшь. Карьеру не давали делать. Вот тебе и причина обмельчания мужчин. Они свою мужественность искали где угодно: в алкоголе, курении, рыбалке, только не в семье и не в стремлении чего-то добиться.

- Не выдумывай. А теперь милиция честнее? При социализме народ был более свободным. При капитализме плохих людей стало больше. Олигархи страну грабят, ничего не строят, деньги за границу утекают. Свобода предпринимательства нужна, но далеко не всем. И выезды за границу – тоже. Всем порядок в стране нужен. Простые люди – а их у нас процентов восемьдесят – из-за нестабильности теперь менее счастливые, чем раньше. Нам в молодости казалось, что если бы у нас руководители государства были более молодые и энергичные, мы жили бы еще лучше.

- А некоторые считали, что ученые, став у власти, изменили бы мир в лучшую сторону, – добавила Аня.

- Мелко копаешь, Жанна. Не ожидала я от тебя непонимания ситуации в стране. Сыну и зятям не удалось удачно встроиться в современную жизнь? Ну если на производственных примерах ты не сумела увидеть положительных перемен, то загляни в область культуры. Сколько прекрасных художественных коллективов по стране образовалось! Кто бы мог себе такое позволить в наши молодые годы? Везде были чиновничьи препоны, цензура. «Как бы чего не случилось», – сказала Инна.

- А сейчас нам не врут, не измываются? Да на каждом шагу! И перспективы роста у большинства под большим вопросом, потому что безработица, о которой мы раньше не слышали.

- Так пусть не хнычут, а повышают квалификацию. Вкалывать надо, головой работать, – энергично возразила Инна.

- Обострилась проблема глобального одиночества. У мужчин появилась тенденция не заводить семьи. У них нет глубоких привязанностей. Они стремятся жить в гражданском

браке, чтобы женщины их нянчили. Для них штамп в паспорте стал, как тавро на крупной лошади.

- Как метка у себя на лбу, - рассмеялась Инна. - Один мой знакомый нашел себе красивую отговорку, мол, боюсь спугнуть свое счастье бюрократическим походом в загс. А у них уже двое детей. Гражданский брак - щель между совестью и подлостью. Я признаю только любовь освященную браком! Я в молодости видела западных хиппи и относилась к ним с презрением. Бездельники, глупыши. Сами себе коверкали жизнь. Надо было вкалывать, а они бездельничали и вели аморальный образ жизни. Протестовали, конечно, но в основном с жиру бесились.

- Наших мужчин оскопили обстоятельства, а женщинам теперь приходится решать вопрос, как снова научить их брать ответственность за семью на себя. (Защищает мужчин?) И девушки не хотят выходить замуж за неудачников и инфантильных юношей. Им надоело, что все заботы в семьях на себе тащат мамы, что мужья их используют. Думаешь, успехи женщин заставят мужчин подтянуться, стать более деятельными? Ой, сомневаюсь. Когда пузырь из жвачки выдувает не пятилетний ребенок, а юноша восемнадцати лет, я этого не понимаю. Меня беспокоит поколение, выросшее на компьютерных играх. В погоне за карьерой и деньгами родители забыли, что такое воспитание. Стоит чаще обращаться к нашим корням, «к черному хлебу» наших предков и брать из него лучшее, подходящее новому времени. И писателям надо направлять молодежь, а не нырять в фантастику, - грустно закончила свою речь Жанна.

- Женщина в России много больше, чем женщина, - подтвердила Аня слова Жанны. - И в этом заключается «русский парадокс».

- Ты вспомнила наших цариц во власти, время, когда любовь правила политикой? - усмехнулась Инна.

- Во всех мифологиях мира богиня войны - женщина. Она боец, воительница, - подметила Жанна.

- Женщины всегда были против войн. Они - преданные хранительницы семейного очага, - возмутилась Аня. - Это мужчины все время что-то делают.

- И защищают, - подсказала Лена.

- Нам хотелось бы, чтобы человек с гитарой побеждал человека с ружьем? Но это нереально. Давайте свалим всю ответственность на Бога и закроем тему войны, - пошутила Инна.

- И тут мы хотим, чтобы кто-то за нас всё сделал, - усмехнулась Жанна.

- Нас учили, что человек должен быть для себя и для всех людей целью. Теперь же каждый видит в другом только средство, но не личность. Что может привлечь женщину в современном мужчине? У нее к нему возникает только материнское чувство. У мужчины, видите ли, несовпадение внутреннего и внешнего. Его жалко. Но почему всегда женщина должна вытаскивать мужчину из бед, а не наоборот?

- Аня, опять завела старую пластинку? - рассмеялась Инна. - Успокойся. Передохни самую малость.

- А эта поэтесса расхваливает помещиков, - не унялась Аня. - Умиляется их добротой, вся елеетекает от любви к ним. Пишет, что при них в деревне порядок был. Ее бы в то время, в батраки! Лена, расскажи, как измывался перед самой революцией над крестьянами нашего села помещик, хотя крепостного права уже и в помине не было, и как твоя бабушка с гордостью говорила: «Если бы не революция, быть бы моей дочке батрачкой. А она у меня учительница!»

Автор превозносит благотворительность помещиков. Не понимает, что они сначала соки из крестьян выжимали, чтобы в столице или за границей вести праздную жизнь, и лишь потом крохи голодающим бросали. Отстегивали, от своих щедрот. У меня так и стоит перед глазами барынька с ироничной картины Маковского. Автору книжки стоило бы напрячь память, если мозги плохо работают. И современные олигархи с народом не

считаются, называют его биомассой. А мы личности! К тому же подневольный труд не может быть производительным. В общем, я считаю ее позицию в отношении внутренней политики и государственного устройства нашей страны очень даже спорной.

- Сурово! Автор хочет какого-то нового, особого переворота, а ты социалистические замашки возвращаешь. Где ты видела неподневольный труд? Если только у себя в огороде. Ох уж эти мне твои «философские» сентенции! У тебя решительное неприятие диктатуры, а у автора безусловная поддержка исконного соборно-монархического правления. И что из того? У нас плюрализм мнений. Трудно предвидеть долгосрочные пути развития. Говорят, церковь давно ответила на все вопросы бытия. Покопайся в Библии или спроси у Жанны, что там нам предрекается после второго пришествия? Смотри не искази предсказаний. - Инна искренне рассмеялась, довольная своим монологом. - Главное, что поэтесса хочет видеть Россию сильной, самостоятельной и великой.

- Инна, ты всерьез считаешь, что «благородными» корнями стоит гордиться? Они, гады, до революции семнадцатого года на народном горбу ездили, а теперь их внуки повылезали из всех щелей. Надо делом доказывать свое умственное и нравственное превосходство и верность родине, а не родословной, - отрезала Аня.

«Запуталась я в своих категоричных противоречивых высказываниях. Лучше помолчу», - рассердилась Аня и на себя, и на оппонентов.

Инна помахала перед лицом Ани книжкой в яркой обложке, желая услышать мнение и о ней.

- Не знаю, что и сказать, - замялась та. - Рита пишет книги, чтобы изгнать из своего сердца обиду и тоску. Алла пытается учить людей уму-разуму, чтобы они умели в своей жизни отделять главное от второстепенного. Чтобы понимали, как надлежит готовить и создавать себя позитивно настроенным к сообществу. И прочее. Для нее писательство - способ поговорить о серьезном.

- Чтобы мы придерживались не шаблонных, усредненных взглядов, а оспариваемых ею вариаций? - недоверчиво и чуть насмешливо спросила Жанна, нарочно пытаясь противоречить Ане.

А та спокойно продолжила:

- И из Лениных книг люди берут что-то полезное. И в этом я с ними. А эта писательница для кого и для чего выстраивает пантеон своих сомнительных героев с их... подозрительными теориями, переворачивает, искажает смыслы, производит в умах инверсию? - забухтела Аня тихо, будто бы только для себя.

- Иногда полезно поиграть смыслами, - усмехнулась Инна.

- Только чем эти игры заканчиваются?

- Почему бы не позволить себе экстравагантную выходку? Особенно, если она идет... из горнила сокрытого прошлого автора, - спросила Инна. Ей хотелось развлечься.

- Она за реставрацию сталинизма... или гитлеризма? Не пойму, она их приравнивает? Этим пахивает?... Ужас... А вдруг она права, и всё, в конце концов, лет эдак... придет к тому, что... Ведь немцы тоже не могли предугадать, куда повернет судьба их страну. И СССР как-то неожиданно быстро рассыпался, - сдавленным шепотом произнесла Аня и будто застыла в угрюмом оцепенении безысходности.

- Дура.

- Порадовала комплементом. Дуру в зеркале ищи, - огрызнулась Аня на Инну. - У меня страх, а ты...

- Если захотеть, в чем угодно можно усмотреть изъяны и опасность, даже в праздничном гулянье.

«Ох уж эти мне грубые насмешки на грани «отчаяния» вместо простого разъяснения», – ворчливо подумала Лена.

- Мне кажется, истины, предлагаемые автором, на самом деле ею прочувствованы и выстраданы. Она вложила в произведение всю свою мучительную совесть, понимая, что эта книга принесет ей много укоризны. Что и пугает... Странно, какую-то неожиданную, с моей точки зрения, инфантильность высветила. С ее-то жизненным и писательским опытом! Что побудило? Может с чужого голоса поет? – продолжила обсуждение книги и ее автора Аня. – Ведь писала же раньше под неусыпным вниманием партии и комсомола.

- Одно дело обслуживать власть имущих, и совсем другое жить для страны, понимать душу народа, – подметила Жанна.

- Ну и сказанула! У тебя фобия? Где ты увидела инфантильность? – сухо оборвала Аню Инна. – Наблюдаю классический конфликт принципов и обстоятельств.

- Чересчур неуклюжая попытка защитить «обвиняемую», – не осталась в долгу Аня.

- Ею движет несомненное осознание своей миссии или это очередной приступ гордыни? – будто вскользь заметила Жанна. – Я бы посоветовала всем отмежеваться от ее идей. Одно я с уверенностью могу сказать...

- Я бы не рисковала «заявлять с уверенностью», досконально не изучив проблему. Не стоит судить о том, чего не знаешь, – остановила ее Лена.

- Это недоразумение и несогласие мнений не стоит столь долгого и бурного обсуждения. Ничего хорошего ровным счетом в этой книге нет, – сразу отступила Аня.

- Не скажи, сильное произведение. (Инна блефует?) Видно удался ей фантастический образ вождя будущего, раз затронула... – усмехнулась Инна.

- Так-таки и задела. Обидела, разозлила. Зашвырнуть бы эту книжку подальше! Она вредная, – полыхнула Аня.

- Хочешь вернуть цензуру на всю печатную продукцию? – удивилась Жанна.

- Между прочим, в Америке жесточайшая цензура. В утвержденном тексте ни одного слова изменить нельзя, особенно в сценариях о войне.

- Что это многие наши писатели в политику ударились, даже женщины. Поветрие? – удивилась Жанна.

- Время такое, бестолковое. Не волнуйся, глупости скоро перемелются, – ответила ей Инна.

- Мы обязаны быть оптимистами, потому что имеем внуков, – серьезно сказала Жанна.

- «Не жалуйся на время, в котором живешь. Ты должен сделать его великим», – с достоинством произнесла Аня.

- Аня, ты могла бы в лицо писателю высказать свое мнение о его произведении?

- Конечно.

- Что-то я не припоминаю у тебя неистового корсиканского темперамента. И это против правил этикета. Ты превзошла меня, своего учителя. Ох, поплатишься ты за свою твердолобую прямолинейность, – рассмеялась Инна.

- Уже двоим высказала, но не прилюдно и в мягкой форме.

- А я бы не смогла, – как-то ненатурально вздохнула Жанна.

- Трусиха, – насмешливо заметила Инна.

- Нет. Начну с того, что во время войны я, без сомнения, была бы в первых рядах. Но в

мирной обстановке встать на защиту справедливости, публично покритиковать кого-то, высветить свой взгляд... Тут не храбрость, а другая смелость нужна, другое мужество. Выступить «за» или «против» кого-то я могу, если чувствую в себе или за собой реальную силу, реальную возможность помочь. Иначе этот шаг – просто глупость. А потом находиться в подвешенном состоянии? Я, по возможности, избегаю таких ситуаций, подстраховываюсь, воздерживаюсь. Бабушка в детстве меня учила, чтобы жила я внимательно и осторожно, вперед не рвалась, сзади не плелась. А вот в работе на меня стопроцентно можно было положиться. Никогда никого не подводила, – бросив на Инну затравленный взгляд, словно оправдываясь, объяснила Жанна.

- «Не суешься в волки, коль хвост как у телки?» – фыркнула та.

- Я не человек стаи. Мне сподручнее один на один высказать свое мнение. Есть у нас один писатель. Для всех он чуть ли не классик, а для меня – дрянь-человек. Но я же не стану об этом никому говорить. У него дети, внуки... Я не могу переступить через себя.

Из ваших слов я поняла, что та поэтесса – магнитная аномалия в пространстве современной культуры, озоновая дыра, каких сейчас много. Она – перетянутая струна, готовая лопнуть. Она глас...

- Чей голос? Что за ней стоит? – вопросительно приподняла одну бровь Инна.

- Не бесспорный, конечно...

- Что мнешься? В этом проявляется твоя интеллигентность? Так ведь современная культура не насаждает одну точку зрения. Она предполагает варианты, диалоги, призывает к диспуту. Давай, смелее!

- Да ну, тебя, – отказалась отвечать Жанна. – Я не читала этой книги. Я попыталась в общих чертах...

- Аня, а ты испугалась, что я высоко вознесу и корону непонятно кого? Нашумевшее произведение признанного мэтра в литературе... Правда, только областного масштаба. – Губы Инны брезгливо изогнулись.

- Может, другой слоган предложишь?

- Жалеешь? Сваливаешься в подбострастие? У нее в своей губернии есть поддержка? Боишься тронуть сильных мира сего? Это не противоречит разумному объяснению, но у меня такое не прокатывает.

- Тебя не волнует собственная репутация? – удивилась Жанна.

- Фрейд говорил, что о репутации заботится только тот человек, у которого ее нет.

- Опять фразы, – дернула плечом Жанна.

- Ты за плюрализм мнений, то есть и нашим, и вашим, а та поэтесса убежденная и не хочет поддакивать из стадного чувства, свою линию ведет.

- Не путай меня. Кто ее главные герои? Кого она прославляет? – занервничала Жанна.

«О ком они говорят? Я выпала из темы?» – попыталась вникнуть в разговор подруг Лена.

- Если бы ты читала ее другие книги, то так категорично не выступала. Она была лояльна к советской власти, – сказала Аня.

- Была лакировщиком? Писала заказные бодяги? – спросила Инна.

- Если советское, так сразу бодяга? Я бы автора не стала нам противопоставлять. Все мы по причине недостаточной информативности во многом верили партии. А некоторые знали кое-что, да помалкивали, – раздраженно забормотала Жанна. – А кое-кто и до сих пор... Аня, я совсем запуталась. Вы сошлись с автором на волне любви или нелюбви к прошлому?

Но та лишь задумчиво еле слышно пробурчала:

- На своем принтере, что ли она распечатывала эту книжку?

- Я читала ее юношеские стихи. Даже когда прекрасно пишет о любви, у нее всё «я, меня, мне...», - сказала Инна.

- Инна, ты жутко предвзята. Мне очень понравилось одно ее стихотворение, из ранних. Наверное, о своей первой любви писала. В нем искреннее, чистое, пронзительно нежное чувство. Многие в этом плане до нее не дотягивают. Знать есть у нее душа, - возразила Аня.

- Была, - отрезала Инна.

- Попахивает ревностью. Недолюбливаешь ее? При всем желании я не могу с тобой согласиться. Хотя... счастливая любовь часто не интересна русскому читателю. Ты в их числе?

- Причем здесь характер поэтессы, если мы о творчестве беседуем?

Аня не ответила, боясь пустить спор по новому следу и тем самым усилить ненужные дебаты.

- ...Не наезжай. Сама выскажись, оцени ее дар, выдай себя с потрохами. Она умней или хитрей других? Выделиться хочет? Если она такая смелая, пусть пошлет свою книгу президенту или премьеру.

- Тебе-то послать нечего. - Сама не зная почему, Аня на это раз не уступила Инне в злом ехидстве.

- Ловко ты меня... - спокойно отметила та. - Не перестаю удивляться. Благодатная почва?

- Не одной тебе...

Инна не ответила, на Лену отвлеклась. Та резко потянулась за книгой, и ей судорогой свело ногу. А когда обернулась, Жанна спрашивала Аню:

- Свой подарок автор, заранее подгадав, приготовила к очередному юбилею? А вдруг это фарс?

- Не знаю. Но я думаю, перевернутость событий и смыслов заставит читателей по-новому задуматься над тем, что всепрощение не всегда право. Нет, я понимаю, оно важно и нужно, но перед памятью погибших в те страшные годы, главный враг не может быть прощен, - однозначно выразила свое мнение Аня.

- Может, я и не совсем права, но за давностью лет... Главное сделать правильные выводы, - как всегда замялась Жанна и огульно предположила:

- А вдруг автор шокирует читателей, чтобы ее заметили. В голову ей не заглянешь.

- Уши заложило? Я же говорила, что она достаточно известна, принята, обласкана, многократно увенчана. Маститый титулованный писатель и поэт, именитая фамилия. Всю жизнь писала в угоду партии и местным властям, была явным фаворитом, а тут вдруг... - с недоумением заметила Аня.

- Теперь все, кто во что горазд, - потупилась Жанна.

- Значит, не дутая фигура. И это уже хорошо. Теперь столько всякого... всплывает, - подтвердила Инна. - А история рассудит: права она или нет. Сейчас в мире все так быстро меняется. Это процесс естественный и неостановимый. С будущим не надо бороться. Оно все равно придет. Мне кажется, в основополагающих вопросах писательница права. Она много интересно дискутирует с экраном. Ну, а если где-то, в чем-то с кем-то не совпадает, так это не криминал. По мне - вне зависимости от того, какой партии служит писатель - главное в нем: пишет он талантливо или нет. Возьми, например, Горького и его «Клима Самгина». Помню, трудно читался. Но сколько там

глубоких мыслей, тяжких раздумий, размышлений, сколько непонимания, боли за страну!

- Важно, какой партии служишь, - упрямо не согласилась Аня. - И все-таки мне кажется, что автор просто пытается протащить свои спорные идеи под маркой новизны и тем прославиться. Артисты тоже, чтобы их заметили или не забыли, иногда пиарят себя неблагоприятными поступками. И тогда каждый их дальнейший шаг становится достоянием прессы.

- Если даже плохо говорят, то и это хорошо, потому что реклама! - в общем плане согласилась Жанна.

- Вызывающее поведение - это твоя, Инна, прерогатива, а она серьезный писатель, - возразила Аня.

«Ничего я не поняла из их спора. Кто прав, кто виноват?» - раздосадовано подумала Жанна.

- Я была бы несказанно рада, если бы твое предположение о серьезности автора оправдалось, - сказала Инна, и принялась спокойно уминать печенье, оставленное Киной на случай «смертельного голода» у некоторых гостей, привыкших к ночным бдениям. - Отдаленно напоминает сытный ужин, - рассмеялась она, скрывая за шуткой неловкость за свой непомерный аппетит.

- Потворствуя гостеприимству и кулинарным способностям хозяйки - а она у нас сама забота и очарование - или своему желанию ты так много ешь мучного? И не поправляешься? У тебя удачная конституция? - спросила Жанна.

Наступила «содержательная» пауза.

- Так читать мне или не читать это спорное произведение? - быстро нашлась Жанна.

- Экзотические фрукты каждый день есть не будешь, а попробовать надо, - сказала Инна. - Это типа того: сюрреалистические спектакли у нас не «произрастают», а если бы «завезли», я сходила бы для эрудиции, чтобы почувствовать степень их влияния на мою и без того экспрессивную психику.

«Что в этой книге экзотического? Теперь нас мало, чем можно удивить. Провоцирует ознакомиться? Это на Инну похоже», - решила Лена и прочла фамилию автора на обложке.

Инна продолжала с удовольствием хрустеть печеньем. Это навело мысли Лены на кулинарную тему. «Подбежал ко мне как-то мой аспирант - милый, открытый парнишка - и восторженно объявил: «Я теперь совсем не ем мяса и рыбы! Питаюсь только овощами и фруктами. Мы с женой решили вести здоровый образ жизни!» Я удивилась и сказала, что считала основными компонентами здорового образа жизни: беречь нервы близким, не пить, не курить и заниматься спортом. Может, я отстала от современных веяний? Вам виднее. Только мне кажется, что в жизни не так уж много причин радоваться. Зачем же намеренно лишать себя одной из них, очень даже приятной? Я каждый день пытаюсь радовать мою маленькую семью чем-то вкусеньким. А в молодые годы я не представляла себе праздника без ароматного с дымком шашлыка на природе или приготовленного в электрошашлычнице на кухне. А умопомрачительные отбивные на косточке с острой приправой аджикой! От одного только их аромата настроение поднималось до небес! А фаршированный карп к новому году! Сидим, бывало, с близкими друзьями или коллегами кружком, под тихую чудную музыку ведем задушевные разговоры... Перед каждым бокал хорошего вина или рюмка коньяка и сигаретка... Душа радуется! Чему удивляешься? Да, сигарета. Одна. Не «шмаляли» по две пачки в день, как теперь некоторые. Только в праздник, в узком кругу, для терпкости воспоминаний юности, будто у костра... Пьяных никогда не было, лишь легкая хмельная радость праздничного общения.

Придет время, и все равно что-то где-то будет болеть, потому что организм изнашивается - старики устают уже только от того, что живут - и тогда не будут вкусны самые распрекрасные деликатесы. Овсянка и травяные, постные салатки станут твоей ежедневной, скучной пищей...»

Я не одинока в своем мнении. И Лиля нечто подобное говорила своему племяннику».

Лена задумалась и переключилась:

«Ценить надо жизнь, ее мелкие каждодневные радости, которые складываются в большие и значимые. Раздражаемся из-за ерунды, злимся по пустякам, не задумываясь, стоят ли они того?..»

*

Лена с переменным успехом борется то со сном, то с желанием наконец-то крепко заснуть. И первое на этот раз побеждает.

- ...Ты искренне веришь во всенародность пропагандируемых теперь в СМИ идей? Ох уж эта твоя беспредметная праведность и безмерная доверчивость! Стоит ли вменять их себе в заслугу? Это граничит... с глупостью. В тебе еще с детства остались и наивное жизнелюбие, и простодушная человечность?

Аня не нашлась чем ответить Инне и только неопределенно пожала плечами.

- Не хватает духу поспорить? Ты никогда никого не затрудняла своей ненамеренной медлительностью, не создавала слепой поспешности, - насмешливо заметила Инна.

«Из всех на свете людей Инка терпит только Лену. Ей единственной она позволяет говорить себе в лицо любую, даже самую жесткую правду. Ну, может, еще Аллу и Антона, хотя в меньшей степени. И это красавца, первоклассного, калиброванного интеллигента, хорошего товарища, который всегда поддержит, не обидит, не станет в мелочах настаивать на своем! Простые смертные для нее ничто, мусор?» - разозлилась Аня и попыталась настроить себя на достойный ответ обидчице.

- Ты постоянно пребываешь в дурном настроении, всем досаждаешь, а я терпеливая и у меня болезненная жалость к... тебе. Но даже мне начинает надоедать твоя излишняя экстравагантность, - сказала она, взяла из стопки книжку малого формата и перевела разговор на необсужденного еще автора.

- Этот рангом повыше многих здесь будет. И все-таки он, наверное, ядовитый тип. Профессия обязывает и отпечаток накладывает что ли?

- Да ладно тебе! Аня, может, в общении он очень даже мил? Вглядишься в портрет. Какое умное, приятное лицо! - не согласилась Жанна.

- Не переходите на личности. Меня можете сколько угодно обсуждать, я здесь присутствую, а других не трогайте. Одно дело произведение критиковать и совсем другое - человека, - поморщилась Лена.

- Не будь столь щепетильна, мы же в своем тесном кругу. Может, все же разомнемся, посплетничаем, перышки пощиплем? Жизнь себе подсластим. Дай в удовольствие пошипеть, - рассмеялась Инна. - Ладно, отложим до лучших времен. Пробьет и его час. Между прочим, злая ирония в писательстве не изъян, а большой плюс.

- И в быту? - с усмешкой спросила Жанна.

- Заикнулась на быте? У тебя крыша поехала?

- Кое у кого она всегда немного набекрень.

- А у тебя ветер в голове.

- Этот ветер иногда приносит блестящие мысли, - отбила атаку Жанна.

- А иногда от него из головы улетучивается здравомыслие и остается одно занудство.

«Не выношу насмешливого высокомерия Инки. На этот раз я не замечу ее издевательского тона, иначе она не прекратит», - решила Жанна. И небрежно спросила:

- Мне умилиться ходом твоих мыслей?

«Опять у них нашла коса на камень. Неудивительно, что Жанна испытывает к Инне противоречивые чувства», – вяло подумала Лена.

«Обе не чают, как меня спровадить. – Теперь уже Инна проявила мнительность. – «Всему своя мера и свои пределы». «Не пора ли язык на предохранитель поставить?», – вспомнила она Ленины поговорки.

Заранее стыдясь возможного скандала, Аня поспешила разбавить неловкость между подругами вопросом: «Какова просветительская миссия автора в этой книге?»

- Ради Бога не заводи педагогическую пластинку, иначе меня придется отхаживать со скорой помощью! – картинно воздела руки к потолку Инна.

- Вот всегда так: одни творят и говорят черте что, а другим достается расхлебывать и на своих плечах выносить все тяготы экспериментов «великих мыслителей и идеологов», да еще и отвечать за их ошибки, – легкой иронией, но положительно отреагировала Аня на всплеск Инниных эмоций.

«Ну, поглядите на них: одна другой умнее, – удивилась Лена. – Коль скоро в Анином психическом здоровье наметились признаки явного улучшения, то и от Жанны следует ожидать...» Она не успела додумать свою мысль до конца, как ее на самом деле прервала Жанна:

- На кой нам сдались эти СМИ, эта политика?

- Так ведь тошно и обидно, – ответила Аня.

- А я в эти «каналы не заплываю».

- Это вселяет спокойствие, – легонько щипнула Жанну Инна. Но та не ответила.

- ...Еще мне не нравится, когда авторы усиливают драматический эффект своих рассказов смертью героев. Самое простое – убить героя, и тем добавив остроты происходящему, – услышала Лена. – ...Или того хуже – привлекают высшие силы, используя нездоровый интерес некоторой части читателей к трагическим мистическим событиям и «божьим посланиям», – вернулась в русло литературной темы Аня. – Им не хватает слов выразить глубину и боль человеческой беды?

- Они берут сюжеты из жизни, – защитила писателей Лена. – Важно, чтобы из нее были пойманы очень точные и сильные характерные моменты, а не случайные факты.

- Недавно была на выставке центрального и черноземного районов России. Не поленилась посчитать. Две трети картин с церквями. Виданное ли дело, чтобы Бог, если он есть, присутствовал там, где люди назначили ему быть! Он в сердцах верующих, – неожиданной мыслью закончила свое наблюдение Аня.

- Векторы художественных устремлений у авторов картин не случайно параллельны, – отметила Жанна. – А тебе хотелось, чтобы они были коллинеарны или вовсе разнонаправленны? Так чего же тогда к писателям цепляешься?

- Сравнила. Какова степень их влияния на массы, и какова у художников! Писатели держатся на той вере, что их произведения достигают сердец читателей и помогают им жить! – заявила Аня.

- Теперь книга – капля дождя «в прогнозе погоды» для всего мира, – грустно пошутила Лена. – Произошла девальвация слова. Визуализация событий оказывает более мощное влияние на человека. Телевидение – вот где океан возможностей. В наше время значение писателя уже не такое, каким было еще тридцать лет назад. Это раньше ему даровался голос во имя тех, кого заставляли молчать. Хотя и сейчас талант дается, чтобы переживать за людей и способствовать облегчению их участи.

- Нашу жизнь ничто печатное уже не перевернет, – поддакнула Аня. – Хотя... что есть телевидение без писательского слова?

- Ты забыла об интернете, - сказала Инна. - Вот куда перебралась литература.

- ...А как тебе вот этот «мощный» роман? Килограмма на два потянет. - Инна взвесила на ладонях, как на весах, два увесистых тома.

- Объемный труд. Все три будет. Книга - это вещественное мемориальное искусство, - охотно ответила Аня с улыбкой. - Глубокий роман, но несколько сыроватый. В нем то страшная скученность мыслей и событий, то излишняя затянутость текста из-за длительных рассуждений. То притягивает, то утомляет. «Пройтись» бы по нему хорошему редактору. Но читала я с большим интересом. Роман не тривиальный, особенный, умный, полезный.

Инна одобрительно закивала головой. Аня поняла: их мнения совпали. И она тут же радостно подумала: «Я много читаю и считаю, что у нас есть талантливые поэты и писатели. Им только надо помогать пробиваться. Как сказала моя любимая знаменитая оперная певица Хибла Герзмава? «Если ты не солдат, не борец, ты не в профессии». Жизнь - постоянное преодоление.

- ...Не слушала бы ты всяких, - посоветовала Аня.

- Так ведь хочется уповать на чудо, - вздохнула Жанна.

«Лена опять молчит. Никак не встряхнется. Ей кроме себя никто не нужен? Сама себе собеседник, друг, товарищ и брат? Как улитка. Рожки высовывает в случае острой необходимости. «Вещь в себе», как учили нас когда-то на семинарах по философии... Чехов тоже в компании был не очень интересен, а как замечательно писал! Наверное, Лена нас слушает и находит новые темы для своих рассказов. А может, думает о несовпадении масштабов людей, делящихся своими мнениями о произведениях?» - неуверенно подумала Аня, но вслух произнесла искренно и грустно:

- А мне хочется героев гордых, независимых, достойных, прекрасных, но реальных. Устала я от жестокой фантастики и в книгах и на телеэкране.

- О положительных героях мирного времени писать очень трудно, поэтому их «выплеснули» из современных романов. А в результате наша молодежь, читая фантастику, питается отбросами с Запада и впитывает всякую дрянь, - сказала Инна.

- Хорошее - оно естественно и спокойно, а плохое раздражает, вызывает неистовые эмоции неприятия, вот и запоминается, - отозвалась Жанна. - Его нельзя убирать из произведений, оно помогает разграничивать в себе...

- Да уж куда проще писать о предательстве. Тут целый букет личных и социальных чувств: негодование, презрение и прочее, - подтвердила Аня.

- Анатомируем произведения, согласно своим воззрениям «делаем разъятие на детали, предоставляем друг другу специфическую «нарезку», пытаемся всех авторов уложить в рамки своих мнений. В чем уникальность нашего импровизированного «конкурса»?

- Для нас все конкурсанты равны и голосуем мы открыто, - ответила Жанна Инне.

- А зачем ты его устроила? - спросила Аня.

- Чисто поржать. Не вышло. Аудитория не осилила этот жанр, - рассмеялась Инна.

Жанна недовольно передернула плечами.

— ...Мы ушли от темы, — спустя некоторое время вернула разговор к главному для себя Инна. — Сейчас жесточайшая «цензура» денег и связей. Вот так и портится вкус читателей. Нет не ангажированных премий.

— Зачем оскорбляешь достойных людей? А как же внутренняя цензура, которая идет от воспитания и генетики? — возмутилась Жанна.

— Ой, о чем ты!

— ...Без серьезной государственной поддержки служителям искусства и литературы в массе своей не выжить, вот и приходится крутиться, — посочувствовала Жанна творческим людям и тем как бы предложила закрыть вопрос. Похоже, Иннина категоричность в беседе о проблемах писателей ей набила оскомину.

Но Аня уже завелась, и ей снова не терпелось выложить наболевшее, пережитое самой:

— Я недавно прочла книгу одного интересного писателя.

— И чем он тебе интересен? — В голосе Инны, как всегда, звучала легкая, но на этот раз не обидная ирония. В ней преобладало любопытство.

— Он священник.

— Священники теперь пишут романы? — усмехнулась Инна.

— Во-первых, эту книгу я бы не назвала романом.

— По определению?

— Это до некоторой степени сумма журналистских рассказов, очерков и морализаторских, религиозных проповедей.

— Толстой тоже был моралистом, — подметила Жанна.

— Но талантливым! — вспыхнула Аня, возмущенная необоснованным сравнением. — Во-вторых. Мне кажется, это по большей части неэмоциональное произведение весьма сомнительных художественных достоинств. Простенький пересказ событий, происходивших с разными людьми в связи с единственным главным героем-священником, воздающим нескромную хвалу себе любимому. Он, якобы, благодаря божьему слову, исцеляет измученные бедами души людей. А на самом деле, с моей точки зрения, он предприимчивый человек, охваченный грехом чрезмерной гордыни, глубоко зараженный карьеризмом, эгоизмом и с ними связанной внутренней непорядочностью.

Жанна, пораженная Аниной оценкой священника, не смогла слова вымолвить и только гневно затрясла головой.

— Ого! Это профанация или святотатство? Ты больная на голову? Предъяви обвинения. А как же презумпция невиновности? — удивилась Аниной категоричности Инна. — Карьеризм по нынешней жизни качество положительное.

— Название книги претенциозное, а по сути... Мне кажется, в данном случае, оно не лучший помощник автору. Писатель не должен считать себя носителем Света или даже самим Светом.

— Свет не зависит от нас. Сам себе Светило только Бог! — по-своему поддакнула Жанна Ане. — В порядке назидания скажу...

— То, что позволительно читателю, не подобает литератору, — прервала ее Аня.

— Какое безверие, какая наглость! Совсем распоясалась! Ты писателя судишь? Ты покусилась на священника, на церковь, на самое святое? Ох, уж эта мне детдомовская категоричность! — с интересом вглядываясь в мелкие невыразительные черты Аниного лица, шутливо возмутилась Инна.

— Я не автора, его героя предаю анафеме. Ему бы с особым тщанием заняться распространением теплой искренней человеческой сути русского православия, его духовной глубины, стараться открыть глаза и уши прихожан для добра, а не заботиться об удовлетворении собственного тщеславия. Оно же заслоняет истину. (И тут педагог

учит и задания раздает!)

— А поп разве не учит, не просвещает свою паству? Мне, что ли, выступить в его защиту? Священников надлежит уважать, — насмешливо заметила Инна.

— Было бы за что. Тоже мне эталон! Я где-то слышала, что священники — необходимое неудобство. Может, мне его еще и бояться? И потом, если я критикую героя книги или ее автора, это не значит, что я не верую в Высшую силу, гармонирующую Природу. Верю, но не вижу ее связи с церковью. Связь придумали люди. Священникам нужны ритуалы для одурманивания и привлечения людей в церковь. Религия — это большая игра, длящаяся столетиями. Мне вспомнилась ритуализация зла в Германии — грандиозные нацистские факельные шествия. Вот где обаяние жестокости и страха используется на максимум!

— Еще бы тебе не верить. «Человек, мало-мальски наделенный чутьем и слухом к слову, никогда не усомнится в существовании Всевышнего». (Откуда это изречение?) Ты мнишь из себя судью? Ты проникла в замысел Творца? — насмешливо спросила Жанна Аню.

— Вот так попал поп в переплет! Аня, не слишком ли большую волю ты дала собственному воображению? Я вспоминаю лютые гонения двадцатых годов. Снова грядет?.. — рассмеялась Инна. — Может, еще не согласишься непререкаемой канонической правоте священного писания? Расчихвостила, уличила беднягу во всех смертных грехах. Я потрясена! Я в предвкушении... Ты — «явление Христа» или «наивности» народу? Что понапрасну пилишь и молотишь воздух руками? Горячку-то не пори, шепутная. Нельзя быть столь категоричной. Бог мир создавал любя. И священники проповедуют добро. Это неверующие люди мир Божий губят. (Инну опять заносит?)

— Мы, твои подруги, губим? Окстись. Я не смею позволять себе хулить Бога, это вне моей компетентности, но я имею право сомневаться в людях. А ты всеми правдами и неправдами пытаешься доказать мою глупость. Так и норовишь подковырнуть, уесть. Потянешь меня на костер инквизиции? — рассердилась Аня.

— Я просто вспомнила фразу «Безумство ищет, глупость судит».

— Да будет тебе известно, я тоже ищу причины своего неприятия этой книги, — обиделась Аня.

— Оно, конечно, необычные взгляды, интересные неожиданные сюжетные повороты... иногда приводят к истине. Чем этот представитель духовенства тебя так больно зацепил? Ты не устыдилась своей предвзятости и невоздержанности? Если ты борешься со слугами божьими, значит, признаешь Его?

— Религия — не ключ к пониманию строения мира. Фундаментальные ингредиенты вселенной изучает физика. Ее новые исследования не подрывают уже известную картину мира, а только расширяют и усложняют.

— Материальную картину. А духовную? Там случается такое, чего ты не можешь себе вообразить в самых дерзких фантазиях. Но мы сейчас не об этом. Так о ком или о чем новом поведал нам Оракул в своем бессмертном произведении? Оно о Боге?

«Инна признает за Аней понимание великих смыслов? Они нашли общий язык?» — удивилась Лена.

— Фонтан вопросов. Причем здесь Бог? Я — о главном герое думаю. Сначала, читая эту книгу, я долго не могла сообразить, что пытается втолковать автор читателю, вставляя в текст трудные для понимания непосвященных куски из Евангелия. Там и взрослый голову «сломает», не то что школьник. Эти проповеди по терминологии даже для меня на уровне квантовой физики. Он хвалится своей эрудицией? «Передрал» дословно из религиозной книги... как мои двоичники. Церковь обязана говорить на старорусском языке? У других авторов я читала проповеди «переведенные» на современный удобоваримый язык и могла в них добраться до сути. Они нарушали церковные предписания и самостоятельно взламывали броню стереотипов? Писал бы уж для пущей солидности на латыни.

— Видать, сам в ней не силен, — усмехнулась Инна.

— Инна, это не этично. Ты же лично не знаешь прототипа этого героя. Сделай одолжение... — Лена не читала книгу, но с укором тихо одернула подругу.

— Да-да... припоминаю... Я что-то такое листала. Лицо автора на обложке книги мне показалось вдохновенным, и слова, хотя и высокопарные, но звучали вполне искренне. Но я не вникала в них, — задумчиво сказала Инна. — Только я считаю, что смысл слов не должен меняться от того кто и как их произносит, лишь тогда они верны.

— В моей семье Бог существует как любовь, как путеводная звезда, как абсолют. И я не хотела бы, чтобы о служителях культа и о священных книгах говорили вот так огульно. Понимаете, в них есть личный акт веры... такой мучительный, волнующе бесконечный... — раздраженно забормотал Жанна.

— Я говорю не об авторе, а об его герое. И книга эта не священная, а светская, — оправдалась Аня. — Уточню еще раз: это хроника работы священника и сумма назидательных нравоучительных проповедей. Наверное, она писалась для внутреннего пользования в духовных школах. У произведения, безусловно, мощная религиозная основа. Чего только стоит первый рассказ, предваряющий повествование! Возможно, священника выделяет глубокое знание предмета, но те отрывочные послы, которые он преподносит, даже навязывает, не формируют у меня какого-то определенного мировоззрения. Они раздражают. Такие проповеди могут ложиться только на хорошо подготовленную почву.

— Смелая интерпретация. Но он, насколько я помню, транслировал их сыну, — подсказала Инна.

— Одному. А второй для него не существовал! Как это жутко его характеризует! Священник отказался от собственного ребенка! Не-на-ви-жу! — простонала Аня. — Чего стоят прекраснотушные слова проповедей, произносимые человеком, разрушившим семью и сломавшим жизнь своим детям? Я не верю, что сын, живущий с ним, искренне любит своего отца. Вряд ли он простил ему предательство, слезы матери и брата.

Ты читала, какие проповеди священник посылал своему сыну? Наверное, гордится ими. Попробуй в них что-нибудь понять. Они написаны скупым, негибким, тяжелым, неэмоциональным церковным языком. В них нет чувства, любви. С детьми так не разговаривают. Ты представляешь себе десятилетнего мальчика, вникающего в это занудство, и серьезно его постигающего? А пятнадцатилетнего юношу? Эти послания в будущее своего сына? А нужны ли они ему будут, когда он вырастет и станет жить своим умом? Инна, ты видишь в этом мое невежество? Может, ему и было что сказать, но не сумел он... по крайней мере в книге.

— Так о чем же это произведение? Расскажи толком, — прервала рассуждения Ани Жанна.

— Прочитав половину книги, я, наконец, поняла, что это история собирания средств на постройку церкви, через судьбы людей, вложивших в нее свой труд и свои деньги. И главным героем является священник, которого автор и восхваляет.

— Чем тебе не тема? В ногу со временем. Так сказать... согласно современным веяниям. Если уж у художников ни один пейзаж теперь не обходится без пусть даже виртуальной церквушки, так служителю религиозного культа сам Бог повелел строить и проповедовать. Это же его хлеб насущный. Я ясно выразилась? И потом, как я поняла, священник для людей старался, церковь строил, — пожала плечами Инна. — И его деяния окармлял Всевышний! Видно не случайно в жизнь этого священника ворвалась любовь к людям, и от нее он ведет отсчет времени... Пустим шапку по кругу! — в привычной шутовской манере окончила свое «выступление» Инна.

— Карьеру он себе строил. Я могу понять, когда люди, не ища корысти, по велению души восстанавливают храмы для красоты, на радость старикам и пользы болезным... Вот и церковь возле моего огорода в деревне ждет своего возрождения, своего Савву Морозова.

А как этот священник деньги собирал?.. Ты представляешь себе такое: я помогаю

соседке и жду от нее награды. До революции семнадцатого года священники вволю напаслись на ниве темноты народа и теперь продолжают. Это же нечестно и гадко! Церковь ищет безвольных, безответных овечек. Сломленные души ей нужны, чтобы за их счет богатеть.

— Одно другому не мешает. Ты слишком предвзята, — усмехнулась Инна.

— Чтобы нести людям добро, религия не нужна. Человек сам перед собой должен быть честным и добрые дела делать не на выставку, не рекламируя себя, по-тихому. В этом проявляется духовная чистота и зрелость человека.

— Не все таковы, — заметила Жанна.

— Но многие. Знаешь, сколько людей анонимно помогают больным детям?! А священнослужитель тем более обязан быть таким.

— Аня, священник не отбирал деньги. Ну, может, если только совсем чуть-чуть... приворовывал из того, что получал от убитых горем людей. Но это бездоказательно... И теперь это не считается грехом на фоне массового ограбления страны. Нам проверить у прототипа этого героя наличие собственности? — насмешливо спросила Инна.

— Ерничает? Отрезать бы твой грязный язык! — вскипела Жанна. — Если ты хорошо изучала историю науки и культуры, то знаешь, что многие крупные иерархи церкви были выдающимися учеными, уважаемыми людьми. Даже считалось, что наука и религия — два пути познания истины.

— А многие — выдающимися лжецами. Да шучу я, шучу, — отмахнулась от нее Инна. — Общеизвестно, что наука и религия всегда враждовали. Они служили разным целям. Священники гнобили, убивали ученых, тормозили развитие науки. Изуверы! Не понимали, что великие открытия делают людей умнее или это им было невыгодно? Может, именно открытое отрицание Бога, точнее отказ от религии, создал условия для переворота во всех областях жизни и раскрутил в двадцатом веке маховик науки и техники так, что у нас теперь дух захватывает. Ученые толкают мир вперед, а корыстные политики и религия часто тянут его назад.

— Папа Пий-12 говорил: «Настоящая наука за каждой открытой дверью всегда обнаруживает Бога». Что он под этим подразумевал? — самодовольно, с вызовом произнесла Жанна.

— Неисчерпаемость мира, невозможность его полного познания. Когда Папа спросил Лапласа, почему он в своем трактате не упомянул о Боге, тот ответил, что у него не было необходимости в этой гипотезе. Ватикан только в тысяча девятьсот девяносто втором году наконец-то признал, что Земля круглая и что самый главный в природе, на Земле — Человек. Представляешь, только в тысяча девятьсот девяносто втором!! А ты говоришь, церковь стремилась к познанию. А теперь опять возобладало мракобесие? Оно непобедимо? Церковь всегда боялась, что наука лишит мир тайны божественного создания, и она останется не у дел.

— Так и среди ученых нет единства. Атеисты утверждают, что не веруют, агностики говорят: «Не знаем», а философы мнут: мол, возможно, есть нечто... непознанная Всевышняя сила, — попыталась защититься методом нападения Жанна.

— Нечто — это уже не Бог! Я считаю, что в религиозном смысле Бога нет. Нет ни ада, ни рая. Может, есть что-то в биофизическом смысле... Какая-то непознанная энергия. Еще мне не нравится, что в религии отсутствуют сомнения. Есть Бог и всё тут! — сердито возразила ей Аня.

— Своей безапелляционностью ты ранишь чувства верующих.

— А может, они мои?

— А вдруг Бог окажется в четвертом или в пятом измерении, или в параллельном мире? И если, перейдя за грань... ты увидишь Его? — настороженно произнесла Жанна. — В себе-то я не сомневаюсь, а вот на твой счет...

— Пытаешься умничать? Угадай с трех раз, что я сделаю? Так вот, сначала обрадуюсь,

а потом пожалею, что не верила в чудо, как жалею сейчас о многом, не свершившемся в моей жизни, — спокойно за Аню ответила Инна. — А Библию церковникам в связи с развитием науки все-таки приходится корректировать, — поддела она Жанну.

Инна нарочно пикировалась, подзуживала, подстрекая ее к спору.

— Когда читаешь священные книги, сознание должно быть открытым и чистым, — спокойно заметила Жанна. — В мелочах да, но основополагающие истины остаются неизменными. Наука тоже представляет собой последовательность ниспровергаемых заблуждений.

— Наука не считает свои законы заведомо непогрешимыми и предполагает их изменение, развитие и уточнение. А Библия постулирует свои утверждения, — влет отрезала Аня.

— Дорогие мои демагоги, за недостатком информации этот спор невозможно окончить, — остановила подруг Лена.

*

— Я не критикую Библию. Меня возмущает то, что я нахожу в книге этого автора между строк, то, что я чувствую во время или после чтения. Истинное христианство не в церкви, не в иконах. Оно в отношении к людям, в том, что делаешь для них во имя Всевышнего. Христианство состоит в том, чтобы не бросать в беде людей. Говорят, что вера без дел мертва, а дело без веры — вообще ничто. Без какой веры? В себя? В добро? И потом, бывают дела, но бывают и делишки.

— Поведай скрытый смысл, который я должна отыскать в этой книге, — попросила Инна у Ани не без иронии.

— Я чувствую фальшь, неискренность в словах священника и лукавство, неподобающее его сану. Религиозность — его личина!

— Она чувствует! Твой интеллект соткан из паутины тонких чувств, фиксирующих и пропускающих через себя самые малые токи? И всего-то? Чувства к делу не пришьешь. Твои возможности восходят к тем временам, когда человек, по сути, еще не был человеком как таковым? Тоже мне критерий истинности. Ура! Час настал! Свершилась победа истины над заблуждением!.. Аня, не боисься предчувствовать? Люди, пытающиеся заглянуть за Божий край, часто бывали наказаны.

— Инна, ну полно, полно тебе, — простонала Жанна.

— Ой, да ладно тебе. В нас, в женщинах, столько языческого! Все мы немного ведьмы, — рассмеялась Инна. — Мы пытаемся сквозь месиво социума пронести свою великую любовь, стремимся высь, к запредельному счастью, которое невозможно, но без которого нам как Земле без Неба. Нам всегда кажется, что мы остановились в шаге от него, от своей мечты... И всё чего-то ждем, надеемся...

— Не обладает священник истинным, религиозным сознанием, не чувствую я в нем мощное духовное начало, — грозно начала свое обвинение Аня.

— Не испытываешь при общении с ним волн религиозного восторга? — изобразив по-детски удивленно расширенные глаза, «вторглась» в исповедь Ани Инна.

— А без него, по-моему, примирения и восхождения к помыслам Божьим невозможно... Истинное откровение нисходит только к тем, кто заслуживает. У них «Бог ночует между строк» и в душе. А этот автор и его персонаж не умеют любить людей как самих себя, тем более, больше себя. Я места не нахожу от одолевающего меня раздражения! — с пламенем праведного гнева в глазах продолжила Аня. — Герой книги видно в священники пошел ради корысти. Иначе бы ему не сколотить деньжат на вознесение и поддержание своего тщеславия.

— И что из того? У каждого свои изъяны, — язвительно усмехнулась Инна. — Может, ему было видение?

— Опять ты... Я отказываюсь даже от попыток понять ход твоих мыслей, — обиделась Аня. — Смирение, беспрекословное послушание... По-моему служение Богу для простых прихожан предполагает утрату личности. Но только для овец, а не для пастухов. Вот это-то и не укладывается в моей голове. Получается, что пастыри сами не верят, а используют... По логике... именно этим они оскорбляют чувства верующих. Бред какой-то. Я при всем желании мысленно не вижу себя среди паствы этого служителя культа.

Инна снова вмешалась со своим ироничным замечанием в нервный, нескладный монолог Ани, безуспешно пытающейся сформулировать свое мнение:

— И у тебя есть тому неопровержимые доказательства? Оскорбить человека можно только когда он признаёт это оскорблением. Твой вопрос надо рассмотреть в другой плоскости: имеется ли у прихожан в наличии или отсутствует способность это осознать? Вот я, например, в молодые годы, идя от директора в свой цех, по просьбе его секретаря часто захватывала и заносила в бухгалтерию какие-то документы. Ведь по пути. Мне не трудно было. Я считала, что мне доверяют, потому что я аккуратная и ответственная. А потом мне доложили, что женщины из канцелярии, унижая меня, развлекались. Они вычитали, что в Японии заставить человека сделать работу ниже своего статуса, значит нанести ему смертельную обиду. Но пока я этого не знала, не обижалась на них и честно выполняла работу курьера.

Аня задумалась, пытаясь применить Иннин пример к пониманию ситуации с прихожанами и главным персонажем обсуждаемой книги.

— А если ты ошибаешься в оценке священника? — Это Жанна предостерегла Аню от необдуманных высказываний.

— Это замечание из разряда твоих богословских изысканий? Так вот я объясню. Сначала меня покорила фраза священника о том, что лицо скорбящей женщины прекрасно. Я бы поняла, если бы он сказал «смиренная» красота. Да и то не совсем. Но преподнес автор это изречение не в контексте перенесенного кем-то горя, а всуе, как бы в общем плане. Он считает, что жизнь женщины должна быть чередой страданий? Они — наша единственная школа жизни и ее итог? Мировая скорбь в глазах женщины ему приятна? Увидев печальное лицо, мне хочется ему сочувствовать, но никак не восхищаться. Может, с его религиозной точки зрения призывающей всех терпеть это и верно, но для меня нет ничего прекрасней лица просветленного знанием, озаренного радостью или благодарной улыбкой. А счастливый смех детей, влюбленных, истинно любящих! Он же забываемо восхитителен. В искреннем счастье прекрасен человек, а не в страдании!

Разве автор своей матери, детям своим и себе пожелает скорбной красоты? Разве он хочет видеть на их лицах печаль? Такое может утверждать только человек, легко идущий по жизни, не знавший горя. Его герой хотел бы видеть лицо жены скорбным, а свое вдохновенно-прекрасным? Конечно, кто из прихожан станет ходить в его церковь, чтобы смотреть на постное или тоскливое лицо своего пастыря? Дома каждому хватает такого добра.

— Куда тебя понесло! — Инна попыталась остановить Анины излияния.

— Сколько семей живет в злобе, в ненависти, в грубости и глупости по вине только одного, допустим, пьющего, гуляющего, растлевающего, хамоватого деспота?.. А как хочется, чтобы люди, по возможности, не портили друг другу жизнь! К счастью надо призывать людей, к стремлению приносить друг другу радость, чтобы жили в любви, в уважении, во взаимопомощи, чтобы их лица расцветали улыбками! А этот батюшка проповедует красоту скорбящего и идиотскую, человеконенавистническую мораль жертвенности женщины в семье, ее уничижение перед мужчиной!.. Что, собственно, мы и наблюдаем в судьбах Эммы и Зои и в семьях им подобных невезучих женщин. С молоком матери дочери впитывают рабство, поддерживаемое церковью и обществом мужчин.

— Какой темперамент! Какой силы ненависть! Не предполагала я их в тебе. Как неожиданно ты повернула эту, может быть, вскользь брошенную священником

фразу! Мне такое в голову не приходило. Анечка, мы не в пятнадцатом веке. Атавизм мужского господства и женского подчинения, конечно, существует, но он не носит массового характера, — заметила Инна и тут же сделала небольшую врезку-отступление:

— Вот что значит вариться в узком кругу бед детдомовских детей! Роль места работы в твоих категоричных воззрениях отнюдь не второстепенная. У меня есть знакомый врач, в психбольнице работает, так для него...

Аня остановила Инну:

— Конечно, лицо гордой женщины без слез несущей крест своей беды можно назвать трагично-красивым. Я помню окаменевшие от горя лица матерей, потерявших сыновей в Афганистане. Я знаю слова Тютчева: «Божественная стыдливость страдания», где слово «божественная», мне кажется, употреблено не в религиозном смысле, а как эпитет восхищения, преклонения.

— А я помню слова Толстого: «Она была так хороша в своем страдании...» В них — восхищение мужеством роженицы, — сказала Жанна. — К тому же без скорбей нет спасения.

— Только в счастье она была много краше. По-твоему получается, что человеку, прожившему жизнь честно и счастливо не быть на Небе? Он же не страдал! — сделала неожиданный вывод Инна.

— Предваряя твой протест, Жанна, скажу: «Я предпочитаю видеть лица горюющих женщин опухшими от слез. Может, даже с перекошенными ртами. Я не вижу в том ничего дурного. Позволительно же человеку быть абсолютно свободным хотя бы в горе... когда мир видится другими глазами, когда чувствуешь то немного... общечеловеческое, что нас объединяет, консолидирует. Хотя, конечно, каждый человек скорбит по-своему. Но я не выношу возвеличивания страданий!

Люди, одиноко и мужественно переносящие боль внутри себя, как правило, заканчивают болезнью или ранней смертью. А ведь кому-то — если даже не себе — они, возможно, еще нужны. По мне так пусть отплатятся и дальше твердо идут по жизни. Но каждому свое. Я уважаю сильных женщин, но молюсь Всевышнему, чтобы он помогал им полностью не погружаться в боль утраты. Правда, в этом вопросе я все же больше уповаю на сочувствие и заботу близких людей, а не на Бога. Знаешь, в наш просвещенный век Он... как-то не вяжется в сознании.

— Выплеснула свое негодование? Успокоилась? — спросила Инна у Ани без иронии, даже с долей сочувствия.

— Выслушай меня. Не убудет от тебя, — попыталась Жанна объясниться с Аней. Но Инна опять опередила ее.

— Жанна, я могу на корню погубить пафос твоего светского и религиозного благоговения и благонравия. Повернем колесо истории вспять и перенесемся назад лет эдак на... сто пятьдесят. Мне почему-то вспомнились из учебника истории лиссабонские ужасы тысяча семьсот пятьдесят пятого года. Видно, зацепили они меня тогда. Сохранились сведения о том, что город пережил землетрясение, цунами, огненную лавину, бандитизм, каннибализм. Треть жителей погибла, были разрушены все церкви, а бордели остались невредимыми! И люди не закрыли глаза на этот факт. Не вытанцовывалось в их сознании религиозное объяснение. Не нашли они в этом странном явлении промысла Божьего. И в их мышлении произошел надлом. Они, может быть, впервые «надели правильные очки» и задумались о том, что не карающая рука Бога наказала их за грехи, а физические природные явления стали причиной тех бед. Природа «во всей красе» продемонстрировала им свою власть и указала границы человеческие, — со злым удовольствием внесла Инна свою лепту в религиозные сомнения Жанны. — Может, поэтому этот век отодвинул богословие и занялся наукой?

— Да-а... зрелище на любителя. Благодарю за предоставленную возможность мысленно лицезреть наглядный пример. Только твое заявление — «ни ладушки, ни складушки». Извини, но он не показательный, недостаточно убедительный и неудачный! Ты его

ошибочно истолковываешь. В твоих рассуждениях много слабых мест, — запротестовала Жанна, не зная как ответить сокурнице. — И вряд ли это ответ на мучающий всех вопрос.

— Кажется, Мережковский писал, что мир спасет не Бог-Отец, не Святой Дух, а Мать. И истово верующий в Бога Достоевский считал, что женщина спасет мир, что она более сакральное существо, чем мужчина, — заметила Инна. — Меня бесит религиозный миф об изначальной греховности человека и его ничтожности, особенно в той части его, где говорится о зачатии и деторождении. Мол, в грехе рождаемся, в грехе умираем. Вместо возвеличивания женщины-матери, святоши втоптали ее в грязь. Они разучились видеть в ней божественное начало. Женщина дает жизнь, а церковники ее в великие грешницы записывают, мол, женское тело, ее лоно, несет в себе зло и грех. А мужчина не грешен «посещая» его? Все с ног на голову перевернули. Как можно эту часть жизни, на которой собственно жизнь держится и продляется объявлять дьявольщиной и грехом? Природа не наделила человека способностью к бестелесному зачатию. Все вопросы к ней, то есть к Богу. По их получается, будто чуть ли не всё, что мы делаем — грешно. Один хороший друг как-то сказал мне: «Женщины живут нами, мужьями и детьми. Для себя редко. Мы, мужчины, в постоянном неоплатном долгу у матерей и жен».

— Греховность грозит перевернуть во мне все понятия и представления, которые я для себя считала незыблемыми, — продолжила ерничать Инна. — Всё у святош хитро продумано. Ни в чем неповинными людьми трудно управлять. Они самодостаточны. А если человек заведомо грешен, вот тут-то всё и упрощается. Этим пользовался Сталин. И светская власть частенько брала церковные методы себе на вооружение: придумывала невыполнимые законы и указы — особенно на местах, — создавала невыносимые условия и тем самым заставляла честных людей их нарушать. Так кое-кому легче было наживаться. И никто не мог им помешать. Если только наверху дознаются. Если захотят. А помнишь, что в начале перестройки творилось?! — зло и презрительно покривила губы Инна. — И вот опять религию на щит поднимают. Церковь снова стремится слиться с властью, чтобы влиять на нее и богатеть. Еще один хомут на шею народа? Церковь — может, я и ошибаюсь — соблюдала нейтралитет в семнадцатом, и в сорок первом не больно-то поддерживала народ. Он сам в себе Бога хранил. А эта ее фраза «Любая власть от Бога» во времена перемен звучит очень даже двусмысленно. И власть Гитлера? Нет у меня к церкви доверия. Она только запугивает людей, потому-то я без всякого почтения отношусь к священникам. Церковники держится на неспособности простого народа их оспорить.

Я могла бы, допустим, обвинить церковь в том, что она плохо воспитывала народные массы и допустила революцию. Почему бы и нет! Только она себя жертвой числит. А была бы возможность, так и власть не преминула бы присвоить. Да и вообще, церковь — социальный институт, обычная общественная организация, такая же, как партийная или профсоюзная, только со своим уставом и многовековыми традициями, с хитрой способностью обирать народ. В СССР ее не запрещали, но критиковали. Священников пытались склонять к отречению, а если не удавалось, заставляли доносить. В революцию, правда, им крепко досталось. А кого она не затронула?

— Ты, Инна, я вижу, тоже недолюбливаешь всякого рода начальников? — удивилась Аня.

— Ну, когда много чего о них знаешь...

— И, тем не менее, страна развивалась и развивается, — настырно заметила Жанна.

— А могла бы много лучше и быстрее, если без всяких там... помех, — отбила нападение Инна.

— Недавно один батюшка по телевизору на вопросы верующих отвечал. Такую ахиною нес! У меня к каждому его ответу по ходу беседы масса претензий возникала. Приведу пример. Женщина жаловалась: «Я стараюсь во всем следовать Божьим заповедям, а несчастья на меня сыплются, как из рога изобилия. Почему?» Поп отвечал: «Знать, вас Бог любит и потому насыляет несчастья, чтобы вы боролись и еще лучше становились, в вере укреплялись». Обескураживающее заявление. На кой ляд тогда ей Его любовь? Плохим людям легче жить. Им везет, Бог их не испытывает, насылая беды, — сделала «интересный» вывод Аня. — Это что же получается? Мать, любя ребенка, должна вместо

радости нести ему мучения? Она же по Его образу и подобию создана.

А другой священник советовал при любой неприятности говорить самому себе «Слава Богу». «Украли или разбили вашу машину, ну и слава Богу». Мой коллега десять лет копил на машину, мечтал на ней зарабатывать. Жене хотел помогать корзины с овощами из сада возить. Тяжело ей стало их на себе до автобуса таскать. А какая-то сволочь гараж вскрыла и оставила беднягу без колес. И ему теперь Бога за это благодарить? Наверное, попу его машина легко досталась, раз у него получается возрадоваться.

— Бог породил зло для сравнения, потому что, не зная плохого, нельзя оценить хорошего, — назидательно сказала Жанна.

— Ты своих детей на этом принципе воспитывала? А своей головой разве люди не могут дойти до понятия зла, наблюдая за ужасами хотя бы природных явлений? Тогда лучше бы Бог ума им добавил.

— Инна, ты не ошибаешься насчет женщины-матери? Такие факты обычно изымаются из всеобщего пользования и не разглашаются церковью. Я чего-то не понимаю? — осторожно спросила Жанна и вернулась к теме Божьей кары:

— Представляю всю меру беды лиссабонского народа из-за отсутствия у них веры в Бога! Куда она их завела? Не избежали печальной или даже гибельной участи?

— Выжили, возродились. — Инна насмешливо отмахнулась от Жанны и обратилась к Ане. — Я согласна с тобой. Нас учили реально надеяться на себя, на своих друзей, в себе самих создавать «идеальное общество». И это придавало нам веры в свои силы и возможности. Нам не говорили, мол, не ломай ветки — Боженька накажет. Нам объясняли, что деревцу тоже больно. И это доходило до сердца быстрее, чем угроза наказания невидимым Богом, который даже в детстве не защищал нас от несправедливости.

Нас воспитывала память людей, переживших войну. Нас учили быть гуманными, оптимистами и борцами за светлое будущее, активными тружениками. И тебя больно уязвили слова о красоте скорбного лица. Но не горячись. Ты как всегда обобщаешь. Всякий человек слова священника воспримет по-своему. Его главное оружие — вовремя сказанное слово и умение с его помощью купировать душевную боль. А как переносить свое горе: в гордом одиночестве, с Богом или как-то иначе... какая разница, если учесть что и коммунизм, и религия — все это галлюцинаторные реальности, а рай — мираж. Надеюсь, мой подход окончательно примирит тебя с обеими идеями или я взяла только первую высоту и тебе для осознания верности моих утверждений потребуются более весомые аргументы и более четко структурированная система доводов? Чувствую, без философского взгляда на этот вопрос нам не обойтись, — пошутила Инна. — Но это всё мелочи. Нет, все-таки что-то другое как атомный взрыв вздыбило тебя. Сознавайся, Аня.

— При чтении книги меня раздражали с утомительным однообразием повторяющиеся описания обряда облачения главного героя в религиозные атрибуты перед священнодействием. Кому это интересно? Один раз посвятил, объяснил и хватит. Можно подумать, без унылой сутаны священника, без этой амуниции он сам — ноль и слова его, лишённые внешнего благочестия — пустой звук. Сними с него наперстный крест и он никто? И уже нет его виртуального Бога... Вместо истины — обряды? Не в обрядах святость. Их церковь придумала для давления на массы.

И униженно-подобострастное целование рук священника я не признаю, оно меня бесит. Многократным повторением этого ритуала поп как бы приучает к его обязательности. Когда благоговеешь перед очень умным человеком — понятно, а тут... Уж не взыщите, не стану... С детства это меня корбило.

— Я понимаю, когда мужчина, благоговей, целует руку любимой женщине, — с улыбкой сказала Инна.

— Аня, в твоих словах есть какая-то гордыня, — недовольно заметила Жанна. — Для веры, как и для любви нужна смелость и скромность.

— В церкви столько унижений для человека, что щепотка гордыни Ане не повредит, —

усмехнулась Инна.

— Не могу кривить душой. Я избегаю общепринятых церковных обрядов. Бить поклоны неизвестно кому, бормотать молитвы перед иконой... это как ломать комедию. И в непорочное зачатие я не верю. Оно звучит как-то... противоестественно, сказочно и наполовину пошло. И еще. Церковь дает понять, что спасение милостью божию... можно купить? Индульгенции — разве богоугодное дело? Священник утверждает, что в рай можно попасть только с помощью церкви, заплатив?.. Кто наделил этих... простых и грешных священников правами снимать и прощать грехи? Тогда и бессмертие можно купить, дав взятку апостолу Петру, у которого ключи от рая? Глупость несусветная! — возмутилась Аня. — Какой толк в молитвах, если грех уже совершен и еще многократно будет повторяться и тут же оплачиваться?

— Ты рискуешь оказаться в зоне моей критики. Я слышала, что хоть всё свое богатство церкви отдай, но если в душе нет божьей благодати — веры, и нет покаяния, все равно не спасешься, — заметила Жанна.

— Враги, многократно нападавшие на нашу страну, тоже шли убивать людей с благословения священников, и тоже каждый раз «честно» каялись? — насмешливо спросила Инна.

— Мне кажется, верующие за последнее время сильно изменились и способны вопрос веры взять в свои руки. Современный человек созрел для того, чтобы понять, что православие — это личные отношения с Высшей силой, без посредников. И это важная черта нового времени, — заявила Аня.

— Это называется внецерковная религия. В лоне католической церкви такие мысли высказывал Лютер. Он был предвестником не конфессиональной религии.

— Открыто покусился!

— Сильный, харизматичный, пассионарный, он был честен по отношению к себе, Богу и людям. Лютер задавал общую матрицу взглядов на религию. Он изменил лицо Европы! А еще Лютер — самый продуктивный писатель всех времен и народов. Он написал девяносто томов религиозных и философских исследований. Аня, ты его сторонница и поклонница, ты протестантка? — удивилась Жанна.

— Я сама по себе. Это моя собственная идея. Я долго к ней шла.

— Эта мысль — главная веха твоего окончательного разрыва с церковью?

— С верой в сказки, — ответила Аня. — Мне только что пришло в голову: В западной Европе с детских лет молятся на распятое мертвое тело Христа. Они каждый день видят его страдания. Этот момент в их религии ключевой? Она несет им страх смерти? В ней культ смерти? Мне кажется, в Греции христианство легкое, жизнерадостное. Там церковь вытаскивает из людей положительные эмоции? А в ликах наших святых я не вижу радости. Почему?

Жанна промолчала.

— Некоторые старые и больные люди обращаются с молитвой к Богу, чтобы не чувствовать себя одинокими, — тихо заметила Лена. — И в церковь за этим же приходят. За теплом, сердечностью и пониманием, а еще за общением.

— Знаю. Это психотерапия. Истина в милосердии, оно — часть культуры человека, показатель, одна из позитивных характеристик общества. Но его я в церкви не нашла, — сказала Аня. — Милосердие по отношению к кому? Посадить в тюрьму преступника — это милосердие по отношению к людям, которых он терроризировал. И это справедливое возмездие. А какое милосердие к себе ждет в церкви бандит, вор?

— Религия всегда содействовала обеспечению связи времен и поколений, — сказала Лена, не желая выслушивать лекцию еще и на тему справедливости.

— Но целовать руки? Виданное ли дело! А что этот поп своими руками делал перед ритуалом? Может, онанизмом занимался, — с какой-то тайной гаденькой ухмылкой, понизив голос, предположила Инна. — Но тут же снисходительно добавила:

— Понимаю, виновата. Я должна исходить из презумпции невиновности.

Аню передернуло. Ноздри ее брезгливо дрогнули. И все хорошее и правильное, до этого сказанное Инной, сразу выветрилось из ее головы. Осталось одно недоумение и раздражение от пошлых слов сокурсницы. А Жанна гневно посмотрела в сторону Инны, потом отвернулась к стене и подумала: «Нет, все-таки ад и монстры в нас самих. Какая же Инка злонамеренная! Лена, наверное, не услышала подругу, иначе «подрезала» бы ее за пакостливость».

На какое-то время в комнате воцарилась такая плотная мучительно-болезненная тишина, будто кто-то огромный, но невидимый сжал ее в своих мощных злых ладонях.

— К иконе прикладываться? И больная старуха, и ребенок... Антисанитария, — придя в себя, продолжила Аня. — Я преклоняюсь перед талантом великих художников, восхищаюсь и буквально благоговею перед некоторыми их картинами религиозного содержания. Но когда передо мной примитивная икона-штамповка, выпускаемая сотнями тысяч, как-то не получается стать перед нею на колени. Не волнует такая икона меня ни как произведение искусства, ни как символ веры, ни как окно в другой мир, через который мы будто бы общаемся с Богом. А вознесение постов до уровня подвигов? Мол, это внутреннее самоочищение, во время которого человек духовно возрождается. Проблемы желудка связали с высокими материями? Лучше бы лекцию о здоровом образе жизни прочитали народу. Я ей больше доверяю.

Ладно, на это можно закрыть глаза. А исповеди? Человек отвечает за свои грехи, в зависимости от их величины, в первую очередь перед собой, своей семьей и перед обществом. Светский суд решает: виновен он или нет. Бог вершит — если вершит — свой суд без посредников. А по какому праву священник прощает виновного, отпуская грехи? Он обыкновенный человек и часто не менее грешный, чем его прихожане. Он тоже может быть слаб духом, завистлив, корыстен. Мало ли как переплетаются в его душе добро и зло, Бог и Дьявол. Эти категории в человеке не разделенные, не разведенные как полюса магнита, не поляризованные. Они есть в каждом из нас, только в разных долях. Иногда человек из обыкновенного слабака на глазах превращается в ничтожество, а потом и в предателя... Вообще-то дьявола не существует. Люди не выдерживают искушения злом, завистью, деньгами. И если в ком-то есть зло, то это его выбор. Даже любовь не меняет человека, потому что это тоже эгоистичное чувство. Она только предьявляет характер.

— Может, это верно только для мужчин? — осторожно предположила Жанна.

— Предавали ли женщины Христа? Не знаю. А Иуда и апостолы не раз это делали, — суровыми фразами закрепила свою «тронную» речь Аня. — Что, Жанна? Всё в твоей душе всмятку?

— Не испугала, озадачила. Если люди будут считать, что зло в человеке — его естественное состояние, то весь мир полетит в тартары.

— В отношении зла надо быть категоричными: обязательно с ним бороться, выметать себя, — твердо сказала Аня.

— Каждый день воевать? Испепелимся раньше времени, — усмехнулась Инна.

— Да, вот еще что. Правда тоже не абсолютна. Вверять священнику себя и свою душу, исповедоваться перед ним, по меньшей мере, глупо, — закончила тему Аня.

Инна поделилась:

— Перед первой операцией соседка потащила меня в церковь причаститься. Доставшаяся «ноша» была слишком велика для меня одной. Мне хотелось разделить ее все равно с кем. И я согласилась. Денег я вбухала со страху! А там нет кабинок для исповеди. Все стоят в одной очереди. Со стыда сгореть можно. Говорить прилюдно? Это же таинство! Мне сразу расхотелось исповедоваться. Да и священник был нетерпелив, страшен и гневлив. И вот шла я домой и думала: «Если все люди, как утверждает церковь, изначально грешные, кому же тогда в рай попадать, в эту

прекрасную вечность? И Христос тоже не всегда и не во всем был праведным. Для меня исповедоваться — это как пройти через врата очищения, что-то существенно поменять в себе, снять страх заблуждения... Нет, мне такой религиозный мир не нравится. Нас социалистический кодекс чести лучше, честней воспитывал».

— Может, тебя в больнице спасали не только прекрасные врачи, но и твой ангел-хранитель, который во время операции стоял в твоих ногах или зависал над тобой с расправленными крыльями? Если явление нами не изучено, это совсем не значит, что оно не существует. Лена, твое мнение, наверное, тоже не всегда совпадает с общепринятым в среде интеллигенции? — схватила Жанна за соломинку. Но, не увидев желаемой реакции, добавила:

— Перед психологами тоже исповедуются.

— Во-первых, один на один и Бога не вмешивают. Там наука, — возразила Инна.

— Подход и методы разные, но суть одна — успокоить, обнадежить человека и получить за это деньги, — усмехнулась Аня.

— Аннушка, не устаю тобой восхищаться! Если бы мы могли отмотать энное количество лет назад, то увидели бы, как Василий Блаженный ходил голый, бил палкой по церквям и целовал дома грешников, — рассмеялась Инна.

— Ой, мне поплохело! (Из словаря прошлых или нынешних детдомовцев?) — тихо воскликнула Аня.

Это нелепое слово несколько ослабило напряжение момента, и Инна более спокойно обратилась к Жанне:

— Василий Блаженный причислен к лику святых. Судя по всему, «гуманист ожесточенного времени» не иначе, как протестовал против зарвавшейся церкви. Как тебе такая версия?

— Не исключаю. Но нам не понять священные безумства великих мучеников. К святым с обычной меркой нельзя подходить. Они — создания царства Духа, — ответила Жанна.

— Странное дело, если великий ученый погибает во имя Родины, народа и во имя науки, он для церкви — никто. Если неверующий человек всю жизнь живет честно и бескорыстно помогает людям, он тоже ей незаметен. И в рай он не попадает, потому что вне церкви нет спасения. (Но ведь если крещеный, значит, уже в лоне церкви?) А когда священник или монах что-то там хорошее делает — так сразу святой. Я бы поспорила, кто для Матери-Родины и народа ценнее, кто более бессребреник. Я бы конструктора космических кораблей Королева в первую голову в число великих мучеников и праведников занесла. Во время войны, церковь для «укрепления» своих рядов сразу человек пятьдесят к лику святых причислила из числа пострадавших от власти. А может, в семнадцатом году, когда Тихон возглавлял Церковь?.. Склероз проклятый всё перепутывает в голове, — засмушалась Аня.

— Что это за религия, если нет гонений и горящих глаз отступников и заступников! — И тут не смолчала Инна. — От религии ждать нам больше нечего, всё уже было.

*

— Автор книги явно хочет прославиться, возвеличиться, а ведь гордыня для его сана служителя Богу недостойна и недопустима, — заявила Аня.

— Не вижу в этом ничего дурного. Ты читала книгу и на мелочах накапливала раздражение? Но оно не является ответом на мой вопрос. Заходишь издалека? Откройся Аня, что тебя так задело? Я пойму, — настойчиво потребовала Инна.

— Я же сразу сказала, что боль за детей священника взбеленила меня. Ты же знаешь, я по этой части с детства. Автор пишет, как привел его герой свою невесту к другому священнику в гости, и как бедняжка была страшно потрясена укладом той семьи. Я бы назвала такой домострой трагедией несвободной женщины под игом церкви и мужа. Согласиться на это добровольное рабство женщина могла только по великой любви, и то при полном взаимопонимании и уважении будущего мужа к ее личности.

— Или фанатично веря в Бога. Чего у его героини, скорее всего, не наблюдалось, — охотно предположила Инна.

— Очень мило с твоей стороны поддержать меня. Твое замечание не пустяшное.

— Анечка, ты ожидала, что я, шутя, превращу в достоинство то, что в твоих глазах есть недостаток? Приму твои слова искренней боли как вызов, как призыв к спору? Плохо же ты меня знаешь.

— Побаивалась. Ну так вот, читаю книгу дальше. Девушка все же пошла замуж, потому что любила. И вдруг главный персонаж — служитель культа! — уходит из семьи! Непростительный ляпсус для автора. В моем понимании герой книги как минимум должен быть хорошим семьянином. Носителями высших ценностей у нас на Руси всегда считались учителя и священники.

— У тебя устаревшие, отчасти социалистические понятия, — возразила Инна.

— И все-таки главный герой должен быть, прежде всего, понимающим и справедливым. Бог — это любовь, доброта, совесть и справедливость. Я так понимаю. А что наш священник проповедует от имени церкви, Бога и себя? Что побудило автора «растелешить», обнажить своего героя перед читателями? Что он нам этим хотел доказать? Если его персонаж отрицательный — антигерой, — то образ ему удался. Он тонко и умно его изобразил. Его священник только на первый взгляд положительный, а на самом деле, когда глубже копнешь, — подлый.

— И вообще, насколько я помню, какой-то этот его герой безобразный (ударение на «о»), — неуверенно применила Инна фразу из недавней статьи уважаемого ею журналиста.

— Но из твоих слов, Аня, я заключаю, что автор не ругает главного героя, не требует к нему сочувствия, а наоборот, хвалит? Как-то всё это не сходится, не стыкуется, — недоумевая, спросила Жанна. — Похоже, в этой книге есть что-то достойное моего внимания. Не тяни, рассказывай дальше.

— Продолжаю читать. Вот это сюжет, вот это поворот событий! Этот рукоположенный муж даже не попытается объясниться с женой, вникнуть в ее обиды и проблемы, которые сам же и создал. Не захотел загасить и простить вспышку гнева женщине, измученной ревностью, которую сам же и породил своим неправильным поведением. Не снизошел, не удостоил. Не принял никаких мер по спасению своей семьи и своей репутации как порядочного человека. Что это как не эгоизм и жестокость? Выходит, жена должна была его понимать и всё прощать, а он ее — нет? Какой урок преподавал ей муж-священник? А другим людям? Да он же начисто лишен нравственных основ! Где его православный стержень — христианский, незыблемый стоицизм: бог терпел и нам велел, — который он внушает мирянам? Его он не касается? Такого священника надо гнать из церкви поганой метлой!

— Какое мощное чувство правоты! Я ожидала от тебя чего-то в таком роде. Не тебе это решать. Я думаю, ты когда-нибудь пожалеешь о том, что говорила о священнике в подобном тоне, — вспыхнула Жанна. — Я считаю, что жестокость находится в прямой зависимости от интеллектуального и культурного уровня человека.

— Ого! Учудила. Это твое открытие века? Хуже дурака только дурак с инициативой. Характер напрямую связан лишь с генами родителей и воспитанием. Ты в трезвом уме? — оторопело спросила Инна. — Хотя, применительно к этому попу, когда от него уже не ждешь чего-нибудь мало-мальски стоящего...

Жанна, не найдя, чем ответить, со стоном отвернулась к стене и как капризный ребенок закрыла уши руками.

— Я не жестокая. Я справедливая. Это он... — Аня попыталась защитить себя от Жанны, но Инна не дала ей договорить.

— Ха! Поп равен Христу! «Придут и воскличут!» — саркастически возвестила она.

— Пустословие обесценивает высокое Слово Божие. Бог неизмерим, — осторожно напомнила Жанна. — Не упоминай Его имя всуе. Вспомни заповеди.

— О, благочестивая матрона! Нам ориентиры задавала партия. Куда нам от Маркса и Энгельса деться? Они у нас в печенках. Но я не отрекаюсь от библейской мудрости, перекликающейся с коммунистической и чту ее.

— Инна, это неудобная тема для легкомысленного диспута, — устало напомнила Лена, разбуженная громким выплеском эмоций подруги, и сделала характерный знак рукой, который можно было понять только однозначно: помолчи.

— Я считаю, что грех оставления ребенка не искупаем, даже если человек со временем осознал свою вину. Жизнь ребенка уже сломана. Ее не вернешь, заново не проживешь... По крайней мере, на земле этот грех не прощаемый. Если только там... где мы не властны, — нервно продолжила Аня. Ее дыхание сбилось, отчего создавалось впечатление, что она заикается. — Сам же проповедовал, что путь в рай лежит через боль и трудности, а в ад — через удовольствия. Священник не боится Божьего гнева за свою гордыню, за невыполнение заповедей, не боится, что с него спросится? — с искаженным болью лицом вопрошала Аня.

— Строго суд вершишь, — насмешливо заметила Жанна.

— Я не Христос, чтобы прощать. Если всем всё спускать, то эта зараза будет расти как снежный ком. Неусыпно опекая и воспитывая свою паству, священник говорил в церкви высокие проникновенные слова, исполненные религиозной силы, а сам опошлял их своим поведением. Чем он заслужил доверие и расположение Высших сил?.. Абсурд. И этому проповеднику люди должны верить и целовать руку? Для меня это не формальный ритуал, а жест уважения и преклонения. Я могла бы поцеловать руку или стать на колени перед доктором из благодарности, за спасение чьей-то жизни. Но он не позволит, скажет, что это его работа.

Для меня истинно серьезно во что-то поверить — это как шагнуть в другое измерение, подняться на другой уровень взаимоотношений с реальностью... и нереальностью. «А вот преступник из одного рассказа этой книги не поверил священнику. Наверное, своим звериным чутьем почувствовал его неискренность», — подумала Аня, но подругам этого не сказала.

— У тебя-то самой, как насчет гордыни? — сердито спросила Жанна.

— Не страдаю. Я понимаю, что у меня много недостатков, — отрезала Аня. — Читая книгу, я первое время не могла поверить и постичь... Что-то беспокоило, тревожило... Потом меня охватила неподвластная разуму буря чувств. Дети!.. Оставил своего ребенка! Моралист... черт возьми... туда его, сюда его... Нет, я понимаю: искренний человек может прийти к Богу. Но только не в церковь! Не к таким вот проповедникам. Так... на чем я остановилась?..

Аня не могла справиться с нахлынувшими эмоциями.

— К чему призывает нас его Бог? Это у него называется божьей благодатью? И этот священник еще смеет говорить о своем предназначении и способности говорить с Богом, быть проводником его заповедей! Он, не растапывая наших светских знаний и принципов, заставит нас поверить себе? Этот человек ставит себя на одну доску с Всевышним, который будто бы взял его под свое крыло? Он конец с началом сопрягает? Какое самомнение, какое тщеславие! Искушение опасно. Он видит миры, которые мы не видим? Он земное воплощение Христа, Его наместник? Уверовал, что знает то, чего мы не знаем? Мы обесмысливаем и обесцениваем свою жизнь, не слушая его проповедей? Мир без них разрушится? Инна, ты этого служителя церкви отнесешь к хранителям «правды Христовой»?.. Смешно даже подумать.

Аню захлестывало волнение, она путалась в мыслях и словах.

— По-моему ему «Евангелие от Воланда» ближе. В нем говорит Демон, и он конфликтует с Богом. Даже Папа Римский не может быть наместником и посланником Бога на Земле. Его избирают люди. И святыми, имеющими заслуги перед церковью и народом, тоже назначают обычные грешные люди, а не Бог.

— И долго ты шла к этому выводу? Не исчерпала еще внутренний мир булгаковских ассоциаций? Не трепли имя Христа, — презрительно приказала Инне Жанна.

— Аня, я не знакома с этой книгой, но не торопись с выводами, дочитай ее до конца. Глядишь, что и прояснится, — тихо попросила Лена.

— Проповедует одно, а делает другое. Может, этот священник тайный отступник? Он осквернил церковь своим поведением в семье, — поддержала Инна Аню.

— Окороти свой нечистый язык. Разошлась дальше некуда. Хочешь распять божественную вертикаль горизонталью бытия?! — гневно вскинулась Жанна.

«Какой кипеж подняла! Какая фанатичность! Разлохматилась, распустила свои кудряшки вдоль ушей, как пейсы, — удивилась Инна неожиданной ярости достаточно сдержанной Жанны. — При всей противоречивости и излишней эмоциональности своих высказываний, Аня по большому счету права».

— Грешно гневаться. Я не собираюсь нападать на церковь, если она есть связь духовного и материального, Неба и Земли. Я понимаю, что боль, максимально приближенная к страданиям Христа — мера веры. И русский человек это особенно глубоко чувствует и принимает. Хотя доброта и открытость русского народа иногда играет некоторым... на руку, — начала свое нервно-неуверенное объяснение Аня. — Ну ладно, если бы боль жены священника и его детей была на пути к радости, а то ведь в никуда, ни к чему хорошему не приводящая... Она в угоду слабости и непорядочности ее мужа. Его поведение противоречит представлениям о чести, совести и достоинстве даже светского человека. Получается, жене должны быть дороги интересы мужа, а ему ее — нет. За этим он брал ее замуж и требовал подчинения... не вере, а себе, своим прихотям? — порывисто вскочив, огорченно воскликнула Аня. — Невольно задумаешься: возможен ли компромисс материального с духовным? Есть ли для веры и знания общая основа? Может, Богу богово, а человеку — человеческое, наука и все такое... Как бы невмешательство. Вселенная устроена разумно. Именно поэтому она познаваема. А люди только перед Богом равны, но не друг перед другом.

Может, перестать спорить? Но церковь всегда пресекала... Ой, куда это я... И потом, священник оставил семью без всякой духовной компенсации, а это его прямая обязанность. Это с любой стороны идет вразрез и вопреки... Чем продиктован его жестокий поступок? Во мне, буду откровенна, заговорила злость. А как же тезис, что справедливость заложена в человеке? И тем более в священнике... Миф? Его поступок затмевает все остальное хорошее в нем!

Аня путалась в светских и клерикальных понятиях, но говорила искренне, с болью.

— А если он разлюбил? Это ты можешь ему простить? Исключаешь этот вариант? — спросила Инна. — На одном уважении и ответственности не всякий мужчина может построить семью.

Но Аня в запале не услышала ее простых житейских слов.

— За свои деяния священник ответит перед Богом, а не перед тобой, — запальчиво заявила Жанна.

— Прежде перед своей семьей и паствой, а потом уж... — сердито заметила Аня.

— Наверное, врожденное чувство справедливости у всех разное, потому что прапрапра... предки у каждого индивида не идентичны и не у всех достославны. Мало ли чем «засеивались» гены потомков автора и героя книги! Священнику тоже стоит пройти по лабиринтам своего внутреннего «я», поискать точки соприкосновения с предками, — Инна шуткой попыталась ослабить накал Аниного возмущения. — Оно, конечно... абсолютной истины никто не знает. А-а-а... да Бог с ним, с этим священником!

— Да видно не с ним, — усмехнулась Аня.

— Дерганая ты какая-то. Околесицу несешь. — Это Жанна выразила недовольство то ли обсуждаемой темой, то ли тем, куда это обсуждение завело говоривших. — Ты еще коммунизм вспомни.

— Нечего огульно глумиться над нашим прошлым. Коммунистический кодекс строителей коммунизма учил нас ценить человеческое достоинство, требовал воспитывать в себе добропорядочность, щадить и жалеть слабых, помогать беззащитным. Не у всех получалось. Были и сволочи... Но выставять своим героем такого, с позволения сказать... да еще священником, целителем душ... Да-а, церковная нравственность, похоже, в тупике, — теперь уже спокойно отразила нападение Аня.

— Я отдаю дань уважения достойным спорщикам. Вы превзошли все мои ожидания, но...
— Жанна опять хотела попытаться защитить свою точку зрения и для крепости духа осторожно мелко перекрестилась.

— Крестным знаменем хочешь загасить пламя разгорающегося спора? — насмешливо остановила ее Инна, чем дала возможность высказаться Ане.

— Я хочу, чтобы автор увидел свое произведение моими глазами. Вот ты мне скажи: какие животрепещущие вопросы современной жизни поднял автор в своей книге? Он призывает к чему-то высоконравственному? Нет, если его слова не совпадают с делами. Он наушает под маркой религии обирать скорбящих людей, восхваляет себя, считает себя безгрешным. Сам себе герой: кум королю сват визирю! Да что там говорить, он же простой священник, а по телеку рассказывали, будто один Папа Римский хотел отравить своего друга. Правда, у него не вышло... Может, это миф? Не хочется верить. Жанна, признав правомерность моих слов, может, изменишь свои взгляды?

— Совсем на воспитании заиклилась, — тихо пробурчала Жанна. — Иногда правда — есть путь в пропасть, в преисподнюю, потому что ложь часто торжествует. Как на духу расскажу никому ранее неизвестный факт моей биографии. Я всегда старалась нигде и ни в чем себя не запятнать, а тут в дикую историю попала. Попросил мой знакомый, приютить на неделю одного ученого из Америки. Я согласилась. Пришел вежливый, полноватый, начинающий лысеть мужчина. Целый день на компьютере работал, закрывшись в комнате. А утром за завтраком мы разговорились. Он сказал, что два факультета окончил: исторический и религиозный, что теперь живет в России, женился на русской. А я что-то к месту по-английски и на латыни брякнула. Эрудицию свою захотела выказать, мол, мы тоже не лыком шиты. Гость вдруг побелел как полотно, компьютер захлопнул и говорит растерянно: «Мне сказали, что вы просто бабушка...» Собрал вещички и больше я его не видела. Поняла я, с кем дело имею: он чуждую нам религию несет. А может, и чего похуже. Предаст свою вторую родину? Шпион?

— И наказание последовало незамедлительно? Сходила кое-куда? — спросила Инна.

— Не поднялась рука настучать. Я заметалась, но внутренний голос сказал мне: «Не надо. Вдруг его возьмут в разработку, а я окажусь не права? Стоит ли делать поспешные выводы?» Вы же знаете, есть горизонталь жизни: от рождения до смерти, а есть вертикаль: Бог, судьба, ангел-хранитель и человек. Смерть от нас не зависит, а жизнь человек строит сам, но под присмотром своего ангела-хранителя.

— Своим кошачьим умом дошла? У женщин есть интуитивный способ мышления, который недоступен мужчинам. И все же...

— И Коля не посоветовал. К тому же доносительство... это как при Сталине... когда все на всех... Ну не все, конечно... Долго я пребывала в состоянии растерянности. И всё думала: «А если этот профессор на самом деле ведет подрывную работу? Я окажусь виноватой? В страшном сне такое не привидится». «Это всего-навсего религия», — успокоила я себя. Потом высказала свои сомнения подружкам и забыла об этом случае.

— Понимаю, некоторые моменты жизни помнишь поминутно, а другие, несущественные, будто выпадают из памяти. Беспрецедентный случай! Вздрогнула, но не поддавалась. Предтечей поступка всегда должно быть сомнение. И ты самоустранилась, сочла за благо промолчать. Не овладела демагогией, не набила руку на... кляузах и сексотстве?.. Какие коллизии... И в этом твоя непреходящая ценность, — попыталась пошутить Инна. Но вышло грубо и как-то коряво.

— Смеешься?! К сожалению, через десять лет эта история имела гадкое продолжение. Моего знакомого будто бы вызывали куда-то, о чем-то расспрашивали. И он посчитал,

что в этой его неприятности я виновата, мол, «стукнула» куда надо, и распустил обо мне подлые слухи. Так мне подруга сообщила. Но я ни сном ни духом! Что за ерунда! Я слышала, что теперь вообще нет соответствующих органов, их разогнали еще в девяностые. А мне припаяли доносительство. И почему эта история всплыла только через десять лет? Если бы я «накапала», то, наверное, действие последовало бы незамедлительно. Небось, этот профессор сам где-то накосячил, и им заинтересовалась милиция.

— До неприличия банальная история. Она результат твоей мнительности, ты борешься с собственными демонами. Ты задавалась вопросом: почему и зачем твой знакомый распустил этот скандальный слух и облил тебя грязью? Анализировала? Обычно сплетни даются в нагрузку к успеху и славе, а ты слишком мелкая сошка, малозаметная мишень. Кому не давала покоя твоя ничем не примечательная жизнь? Ты же в этом плане неуязвима.

— К сожалению легенды и сплетни часто возникают на ровном месте. И молва оказывается сильнее правды, — грустно заметила Аня.

— Легенды рождаются, когда молчат очевидцы. Жанна, ты выяснила, откуда ноги растут? Тебе являлась вспышка откровения, озаренная горьким вдохновением? Выбралась из-под руин разрушенной репутации? Дала достойный отпор? Высмеяла или выругала тех, кто тебя порицал за несовершенное? Или погрязла во лжи?.. Трудно выдерживать давление большинства, сплоченного в желании вознестись над кем-то, кто, может, и не умней, но чем-то интересней? — спросила Инна.

— Сложно проследить пересечения и переплетения путей-дорог, приводящих к тому или иному неприятному событию. Я решила, что это мой знакомый — жалкий и ничтожный — подленько подгадил мне. Оговором захотел уничтожить меня из зависти к моей, как он считает, счастливой жизни. Человек беззащитен перед ложью уже тем, что невозможно оправдаться. Вы не представляете, с какой скоростью распространяются гадкие сплетни! У меня сложилось впечатление, что для этого в нашем, даже небольшом городке существует огромный штат «благожелателей». Почему все в первую очередь верят плохому? Могли бы подумать, порассуждать. Когда люди перестают держаться за реалии, истина от них ускользает. Я считала, что умные люди не относятся к их числу, что они не станут верить сплетням и тем более их передавать. Как я ошибалась! Но я же сама так не делаю! Верят те, кто сами могли бы так поступить? А если им скажут, что я убила человека, ограбила банк, они тоже поверят?! Боже мой! Как легко испортить человеку репутацию! Как он беззащитен перед подлостью! Происходит всеобщее помешательство? Люди, остановитесь! — «разбушевалась» Жанна. — Это похоже на откровенную целенаправленную травлю. Кто-то хочет раздавить, уничтожить меня. Всё для меня будто в один миг поменялось... Как заслониться от такой жизни? С тех пор я не люблю этот город. Иногда в щепки хочется его разнести или покинуть навсегда. Я угнетена...

— Тебя угнетёшь, ага! Успокойся, так и до инсульта недалеко. И напишут тогда на твоём надгробии: «Она была женщиной девятнадцатого века, а ее убили изверги двадцать первого», — усмехнулась Инна. — К сожалению, зачастую, люди желают воспринимать не правду, а то, что для них интересно. Им хочется верить, что они лучше кого-то, уже чем-то хорошим прозвучавшего, кто считался чуть ли не героем, идеалом. И вдруг оказывается!.. Ха!.. Это интригует и развлекает. Людям нравится верить в этакое... Их много... этим озабоченных, когда больше нечем себя занять. А некоторым важно убедиться в том, что кому-то хуже, чем им. Это их радует. Ура! Недоброжелатели ликут!.. У каждого свои слабости.

— Твое объяснение меня не удовлетворило, — вздернулась Жанна. — Хотя... в молодости нас не раз пытались разлучить, мужу записки в карманы совали с оговорами, будто я гуляю. Но он верил мне и говорил, что наше счастье сошло к нам с небес. Мы жили и живем душа в душу.

— Слухи и сплетни — оружие врагов. И как ты разрешила эту проблему?

— Никак. Когда хотят унижить и оскорбить молодую женщину, ее укладывают в постель с каким-либо мужчиной, подчас даже ей не знакомым. Какая разница с кем? Лишь бы опорочить. Но если от сплетен про любовников спасает возраст, то от последствий подобного оговора, от этого позорного клейма, мне не отмыться до самой смерти. Вот

и растет в душе за пустотою пустота... Меня нет во мне. Я в точку сжалась, в нуль сошлась...

— А ты тут нам проповедовала о стремлении людей к самоочищению, к духовным высям, чтобы уцелеть, выжить, призывала полюбить этот мир, — усмехнулась Аня.

— Я периферийным зрением замечаю, как за моей спиной шушукуются, смотрят с подозрением, от меня шарахаются. Как воронье кружат надо мной и каркают... Оправдаться, остаться незапятнанным в таком сообществе не получается. Хоть стреляйся. Клевета даже Пушкина убила. Его затравили так, что смерть уже не страшила.

У меня теперь синкрязия только при одной мысли об этом подонке. Понимал, чем можно максимально сильно обидеть человека. А как я могу доказать несостоятельность его обвинений? Бегать по городу, хватать бывших друзей за полы одежды?.. Да если бы я на самом деле участвовала в делах подобного рода, разве я позволяла бы начальнице меня притеснять? Я бы стукнула кулаком по столу. А за детей стерла бы в порошок их обидчиков! Но не было у меня возможности ни защититься, ни защитить. Оправдываться всегда трудней, чем нападать. Снежный ком лжи, слухов и спекуляций все продолжает расти, а с ним и моя обида на весь свет. Боль накапливается. Только церковь и спасает. Сейчас знакомый ославил меня на весь город, а в сталинские времена, такие как он, оговаривая людей, не просто ломали им жизни, губили.

— Недавно услышала обсуждение группой интеллигентной молодежи слова «сексот». Представляете, они решили, что оно происходит от «секс»! Меня радует, что они далеки от тех жутких времен, — сказала Инна.

— В детстве со мной произошел жуткий случай. Кто-то написал гадкую критическую заметку о моем классе в школьную стенгазету и подписался моей фамилией. Я взбеленилась, попыталась снять тяжелую раму с петель. Она оказалась слишком для меня тяжелой. Решила взломать деревянный корпус, но он сделан был на совесть. Тогда я стала искать во дворе что-нибудь тяжелое, чтобы разбить стекло и вытащить порочащий меня документ. Подскакиваю к газете с кирпичом в руках, размазывая на бегу злые слезы, замахиваюсь и... Кто-то крепко берет меня за плечи. Я в истерике пытаюсь растолковать старшекласснице про свою беду, тычу пальцем в заметку, кричу, что это подло и гадко, что не по стеклу мне надо бить, а по голове того, кто это сделал. Ору: «Сегодня она под чужой фамилией в школьную газету пишет, а завтра, вы же лучше меня знаете, что из нее вырастет!..» Девочка завела меня в учительскую и объяснила присутствующим там педагогам мою горькую ситуацию. Учительница математики спросила, чем я могу доказать, что не писала клевету? «Там почерк взрослый, уверенный, женский, а у меня он еще совсем детский! Уберите, пожалуйста, эту заметку», — попросила я жалобно. Долго после этой истории я с болью в сердце проходила мимо ненавистной мне газеты, — грустно поведала Аня. — Фейки бывают на уровне государств и в личной жизни отдельных граждан. Напрасно ты, Жанна, разболтала подругам историю с профессором. Надо всегда быть осторожной в словах. Не удивлюсь, если кто-то воспользовался твоим рассказом и организовал против тебя заговор. Есть любители.

— Не от большого сердца, — нервно передернула плечами Жанна. В ее взгляде читалась боль. — Мои соседки пожаловались в милицию на одного нехорошего человека. Тот, когда трезвый — тихий, незаметный, но как напьется, точно дикий зверь за мальчиками гоняется. Просили призвать мужчину к порядку. А кончилось всё тем, что руководство милиции это заявление передало виновному в страхах матерей за своих детей. И тот стал мстить женщинам. Они искали защиты, а получили еще большее насилие.

— Старое наследие. В СССР, я слышала, что жалобы на руководство, как правило, пересылались тем, про кого они писались. Для принятия мер по «искоренению» недостатков. Не думаю, что теперь что-то изменилось, — заметила Аня.

— Может, ты зря грешишь на своего знакомого? Вдруг кому-то и правда захотелось опорочить тебя, свести старые счеты? А тут такой удобный случай представился! Возможно, он сам непосредственно не виноват в оговоре, а кто-то другой, из твоих недругов использовал его, чтобы нагадить тебе, а самому остаться в стороне, не засветиться. Не исключаю такой вариант. Знала я сволочей, которые всегда рады были исказить правду в угоду своим подлым страстишкам, — полыхнула старыми

обидами Инна.

— Со мной в молодые годы произошел глупейший случай. Увидела я как один мой знакомый чуть ли не на полусогнутых ногах шел, нагруженный точно вол пакетами, а его жена шествовала на шаг впереди с гордо поднятой головой, небрежно помахивая дамской сумочкой. Я рассказала об этом подругам под тем «соусом», что тяжело мужику живется в примаках. Не знаю, как вывернули и в каком виде представили они мои слова, но мое сочувствие вернулось ко мне ворохом жутчайших оговоров от того, кого я пожалела. Он такую кампанию против меня развернул! Замордовал, с грязью смешал! Я, видите ли, задела его мужское самолюбие! До сих пор не идет из головы...

— Меня память стала подводить. Я на листочках подробно записываю то, о чем хочу поговорить с иногородними подругами по телефону, но постоянно их теряю, — неуверенно промямлила Жанна. — А если на самом деле...

— Меня в молодости пытались привлечь и внедрить... но я не согласилась. Мне было жутко стыдно, что кто-то даже просто подумал, что я могу позволить себе подобное. Сотрудница это поняла и спросила: «Вы считаете нашу работу для себя унижительной?» Я испугалась и сказала, что ненавижу сплетни и никогда их не передаю, что меня только дети интересуют. Мне задали несколько наводящих вопросов о сотрудниках, убедились, что я ни о ком ничего не знаю, и отпустили. Долго еще мне было гадко при одном только воспоминании об этом случае, — горько созналась Аня.

После несколько «примороженной» паузы Инна посоветовала Жанне:

— Я бы на твоём месте возобновила расследование и провела серьезное дознание, конечно, в рамках правового поля. Возможно, это перевело бы твоего знакомого из разряда «преступников» в число подозреваемых соучастников или в свидетели, и переломило бы твое представление о нем, как непорядочном человеке. Вспомни, кому и чем ты могла насолить? Начни лет этак за тридцать до нынешних событий.

Повернем эту проблему другой стороной. Я понимаю, ты не виновата в той истории. Из патриотических соображений ты могла бы «накапать» на профессора, но никак не на своего знакомого.

— Не делала я этого! — истерично взвизгнула Жанна. — Не своди меня с ума!

— Успокойся, грязь смоется, боль уйдет. Я знаю тебя и верю, бедная моя, оболганная праведница. Я просто анализирую варианты.

— Даже если его обманули, настроили против меня, подсунув ложную информацию, это не повод оговаривать меня. Мог бы поговорить со мной, все выяснить.

— А ты смогла бы подойти к сексоту?

— Ради Бога, хоть ты не обзывайся! — со слезами в голосе воскликнула Жанна.

На ее красивом лице обозначились резкие глубокие морщины, по которым побежали ручейки безудержных слез. Она с головой накрылась простыней. Из-под нее стало доноситься тихое прерывистое бульканье, похожее на кипение воды в чайнике.

Инна заерзала на своей импровизированной постели и растерянно забормотала:

— Прости, я не хотела тебя обидеть. Я же, как лучше...

— Каждая вещь таит в себе загадку, каждая судьба хранит в себе тайну, — многозначительно заметила Аня.

*

— Откуда в людях эта пакостливость? Недавно звонят мне из ЖСК, мол, соседи жалуются, что вы краны на батареях отопления у себя в квартире перекрываете, а у них

холодно. Я вздохнула и ответила, что и в прошлом году они тоже жаловались, и я уже объясняла, что у меня вообще нет никаких кранов, регулирующих тепло, потому что я мерзлячка. Пришли бы, сами посмотрели и успокоились. Так нет, обязательно надо лишнюю работу людям создавать. А на следующий день соседи мне кабель в общем коридоре оборвали, и я два дня сидела без телевизора и компьютера, пока не пришел мастер. Я много лет живу в этом доме, никому ничего плохого не делаю, а мне постоянно подбрасывают горькие пилюли. Почему? — задалась вопросом Аня. — А как-то пожилая соседка, бывший врач, удивила. Вообразила, что мой компьютер влияет на работу ее телевизора и усиливает ее головные боли. Я сначала пыталась ей объяснить, что она не права. Потом отнесла компьютер в школу и там по вечерам на нем работала. Мне все равно, где паяться на экран. Так не поверила соседка в мое благородство, посчитала, что я вру, а сама под шумок все равно его включаю. И вместо того, чтобы в гости ко мне зайти и убедиться в моей порядочности, что-то нарушила в подводе питания к моей квартире — на это ума ей хватило, — а когда я вызвала электрика, она его перехватила и попросила обратить внимание, есть ли у меня компьютер. И надо же было мне выйти к лифту именно в то время, когда электрик отчитывался перед ней о проделанной «работе»! Мне повезло: сын захотел поменяться с мамочкой квартирами, и она переехала в другой район.

— ...А может, и правда тогда, при Сталине, когда кругом были враги, не всё было так просто... Но ведь крайности, перегибы... О, Бог ты мой... — зашептала Аня. И замолчала, не уверенная в аргументации, которую приготовилась высказать.

— И теперь враги? — спросила Инна.

— Извне? Может быть. Мы — кость в горле многих государств. Вокруг нас конфликтное окружение стран. Давно зубы на нас точат, изнутри хотят разложить и победить без оружия.

— Конфуций писал: «Если долго сидеть на берегу реки, можно увидеть проплывающий труп врага», — усмехнулась Инна.

— На самом деле есть над чем задуматься, — обижено не согласилась Жанна.

— А ты у своего Бога спроси. Пусть подскажет что делать, знак подаст. Не решать же тебе такой трудный вопрос самой, не меряться же силой с самим Создателем? Мой любимый Сальвадор Дали сказал: «Небо в сердце человека, если он верует. А я не верую». Он глубоко погружался в стихию подсознательного, бросал вызов Богам и не верил, что тело Христа излучает эманацию Божественного света.

Напрасно Инна проехала по чувствам растревоженной Жанны.

— Не богохульствуй. Не верить в кровь Христа, пролитую во имя человека и мира на земле?! — возмущенно забурчала она из-под подушки.

— Мира? А не войн? — Инна раздраженно заиграла удивленно приподнятыми бровями.

— Разве в тяжелую годину Он не отворачивался от нас?

— Он наказывал, урок давал. Не оскорбляй благих намерений Небес недоверием! Не нам оценивать уровень милосердия Всевышнего. Бог думает о нас не нашим умом. Сомневаться сомневайся, но не наступай, владей собой. Не нагнетай!

— Наказывал защитников родины?! — не поняла Аня. — А теперь, что касается твоей беды...

— Не надо, — попросила Лена.

*

— ...Пить кровь Христа. Этот странный обряд в детстве навевал мне мысли о каннибализме. Я сопротивлялась, воевала с бабушкой, посмеивалась над одноклассником, сыном нашего непутевого священника. Считала этот факт позорной страницей его биографии. А Сенька вырос и пошел по стопам отца, несколько лет работал в Америке, сделал удачную карьеру в России. Наверное, каждому свое...

А мне теперь терять нечего, — сказала Инна тихо и печально. Но эту тоскливую интонацию услышала только Лена. Подруги не заметили и не почувствовали ее потому, что верили в непоколебимость духа энергичной и решительной Инны.

— Жанна, что еще привело тебя в скорбные стены церкви? Тебе было мало своей любви к людям? Или ты окончательно ее потеряла? Может, была такая беда, что небо показалось с овчинку? То, о чем ты рассказывала мне, было случайным совпадением, везением или объясняется крепким организмом твоего внука. И только.

Ну не поймалась же на красное словцо? Ты для этого слишком умна. С возрастом у тебя потребность в религии проявилась? Духом воспрянуть помогла? Или ты захотела познать секрет жизни и смерти? Пытаешься приблизиться к Божественной Тайне, не умаляя ее величия? Стремясь прочувствовать саму суть христианства, православия... чтобы оградить себя от власти демонов, остаток дней провести в благодати и со временем уснуть праведницей, а может, и вымолить себе вечную жизнь? Ведь религия, насколько я помню, утверждает, что жить ради жизни на земле — мало, а вот ради будущей вечной, потусторонней — это уже серьезная цель. (Инна цепляет Жанну или отвлекает от грустных воспоминаний?)

А для меня рай на земле, на природе, рядом с любимым человеком. Любящий и любимый человек может многое. Любовь очищает от корысти, от обид и огорчений. Для меня любовь — способ существования в пространстве бытия. Не зря вся мировая литература построена на любви. Вернее, на несостоявшейся любви и нелюбви. Я не верю в церковного Бога, но понимаю, что есть в природе что-то, чего мы пока постичь не можем. А вот в предопределение и в судьбу верю. Она подает нам знаки. Ее не надо ни испытывать, ни игнорировать. Если камень один раз пролетел мимо твоей головы, это не значит, что в тебя его больше не бросят.

— После тяжелой болезни часто возникает новый взгляд на жизнь. А может, все-таки стресс на тебя повлиял? — спросила Лена. — Как-то, будучи в командировке, на научной конференции, я услышала от своего хорошего знакомого, умнейшего физика из Липецка Николая Михайловича Пухова, историю его старичка-соседа. «Вез снаряды на передовую, а тут обстрел с воздуха. Бомба в его телегу попала. Лошадь — в мелкие ошметки, на месте телеги — яма, а возница живым выбрался. С тех пор он в Бога стал верить».

— Все-таки неудовлетворенность жизнью? Или она в череде многих... бед?

Несмотря на легкую иронию, звучащую в вопросе Инны, Жанна ответила серьезно:

— Я не уверена, что могу рассчитывать на твое понимание, но ладно, расскажу в двух словах.

Видно зачатки религиозности во мне уже с детства были в виде неглубокой веры. Может, оттуда потек ручеек моей веры... и мне только казалось, что я и в мыслях не держала... Я чувствовала, что одним рассудком жить мне мало, не хватало чего-то, дисгармония в душе была. Я, будто в плену находилась. Но что-то требовалось, чтобы оно проявилось.... Я и марксизм-ленинизм пыталась на себя примирять, но он был мне как корове седло. Не принимала его моя душа.

Я всегда была обнаженным, распростертым к людям человеком, вот и устала... После одной гадкой истории я остро почувствовала свою оставленность, одинокость. Боль каждый день подступала к горлу. Ночами не спалось. Я мысленно терзалась. У меня возникала масса вопросов. И я вдруг ощутила глубинный запрос души на веру. А в храме с помощью настоятеля все вопросы отпали. Священник избыл мою боль. Он тихо и келейно говорил мне простые и очень правильные вещи. Я слышала полные тайного трепетного смысла слова. Они проникали в меня, и безнадежная пустота сердца заполнялась. Я замечала, как вскрывались передо мной глубинные пласты богато одаренной души этого священника. Человек в жизни движим голодом и любовью. Но любовь неместима здесь, на земле. Она рвется куда-то ввысь... И золотые нити молитв уносили меня в небо... Я уцелела и спаслась. Священник изменил траекторию моих мыслей, поставил заслон унынию. Я задумалась о том, что созерцание красоты и вера в силу добра не область материального, а отблеск, отзвук нашего духовного мира, что платоновский мир идей реально существует. Как ясно мыслили древние философы! И получение радости от познания тоже оттуда. Я в земной рай никогда не верила,

но старалась хотя бы в семье его построить. И вдруг поняла, что если верить, что душа моя не умрет вместе со мной, то жить мне на земле станет радостней.

— Есть ли жизнь после смерти? Меня больше волнует, есть ли жизнь после свадьбы? — Инна шуткой попыталась разрушить вдохновенно-серьезный настрой Жанны. Не получилось.

— И я безгранично поверила: «Бог есть! Он всюду и во всем». Человек может понять даже то, что не может себе вообразить. И в восприятии таких вещей как любовь, вера есть что-то иррациональное... теперь уходящее из нашей повседневной жизни.

— Как ты могла полюбить Бога, которого никогда не видела? Для меня Бог — энергетическая субстанция. Своей жизнью мы ее или пополняем, или обедняем. И все! Как можно Его познать, если о Нем никому ничего не известно? О Христе и то одни мифы и домыслы. В Бога верит тот, кто в нем нуждается. Ты его создала в голове и почувствовала себя в состоянии невесомости? Ты в ощущении прекрасного полета души и тела!

— Напротив, ощутила твердую опору и поняла, что самое время мне идти к Нему. Я это теперь знаю каким-то достоверным внутренним чувством. Я не отмахнулась, не отстранилась от этого нового особого ощущения, а стала поддерживать в себе эту искру любви.

— И прибалдела от счастья? Небеса открылись, конфигурация души поменялась — и ты в ожидании чего-то огромного и великого!

— Да. Меня поразила легкость пространства церкви в день празднования сошествия на землю Святого Духа. Исполнялась прекрасная духовная музыка. Для меня воспринимать ее каждый раз — как брать очередную вершину. Эти звуки уносили меня в небо... Я чувствовала, что парю. Я еще не совсем наверху, но уже там... О это благостное церковное пение!.. И Господь коснулся моего сердца. Я встретила в душе с Богом. Это был самый счастливый день в моей жизни! Какая-то я была... вся не отсюда... а вышла из церкви облегченной, просветленной, возвышенной, доброй. И теперь я несу свой крест с радостью.

— Какое прекрасное воображение! Только одно из другого не вытекает. Какой раскардаш в голове! Как тебе в этом «пейзаже» разобраться? Даже в вере нельзя быть слишком серьезной. О добре ты знала и без церковного благословения. Или твое нынешнее понятие доброты как-то отличается от прежнего? Мы живем как нам душа и разум подсказывают, а тебе-то сам Бог... Ты так подвержена внутренней реновации? Диву даюсь. Благая весть!.. Что ты пытаешься мне втолковать? Ты еще и проповедничеством разразишь! Пойми, заповеди на все сто невыполнимы. Ты автоматически попадаешь в число неудачников. Ты выбрала не самый лучший вариант существования в этом мире. Надо по жизни быть более критичной или хотя бы более ироничной, что ли.

— Аккуратней, пожалуйста, с выражением эмоций. Да, христианская религия требует перемен в человеке. Он должен жить по душе: нравственно, совестливо. Не у всех это получается. Слишком велика в человеке гордыня, чтобы склонить голову. Гордыня — это дьявол в человеке, не желающий расставаться со своим темным внутренним миром. И моя миссия предостеречь от беды заблудшие души. В суете мирской мы часто не задумываемся, что и зачем делаем. Радоваться разучились. Мы часто судим не по оригиналам, а по копиям.

— Какая неистово-эмоциональная манера выражаться! Верить в свое миссионерское предназначение? И в избранность? Заручившись поддержкой Бога, можно многого достичь. На твоём лице спокойствие и великое вселенское терпение! А я без Бога живу, и это мое право. Знать не было на меня промысла Божьего. Не приближал Он меня к Себе. Вот и не стал сферой моих интересов. Даже у электрона есть свобода воли и выбора.

— Бог не к каждому приходит. Тебя интересует жизнь в ее сиюминутности. Ты схватываешь и фиксируешь этот процесс в ее отдельных мгновениях.

— А тебе открылась великая истина? Умудри меня, Всевышний, понять Тебя!

«Если внутреннее состояние души автономно от внешнего мира, и человек чувствует себя счастливым... Это я могу понять, но одержимость, слепое поклонение... Это страшно. Что с Жанной? Шизофрения? Кто нашел брешь в ее праведной душе, чем так мощно обаял? Чьим уговорам она уступила? Неужели всего-навсего священника? Может, и правда, какая-то беда коснулась ее семьи? Несчастья часто делают слабых внушаемых людей атеистами или наоборот — истово верующими. И тогда для них обращение к Богу — молитва — как эликсир жизни, — подумала Аня. — Соседка еще лет двадцать назад по секрету рассказывала мне, что «на Сретение было на удивление чистое, голубое небо, ни одного облачка. И это в феврале!.. И всё в тот день одно к одному лепилось так, что я не смогла пройти мимо церкви...» А мне до сих пор не доходят их высокие чувства неизвестно к кому».

— Когда я уяснила, что за все на свете отвечает Бог, я доверилась Ему. Его, а не себя я поставила на первое место. И страх ушел из моего сердца. Я научилась смирению, стала лучше и начала жить во славу Божию. Стараюсь не обижаться, не злиться, не проявлять личную неприязнь. А оно тянет за собой другое...

— Усиленно вживляешь в себя человеколюбие? — весело округлила глаза Инна.

— Я поняла, чтобы спастись и войти в Царствие Божие надо ежечасно думать о Боге, о душе, и любовь к ближнему своему ставить выше скотской, как говорил Толстой. Я твердо убеждена, что взгляд ввысь, к Богу, дает надежду, а молитвы сосредотачивают силы и отогревают душу.

— А работать когда? — наивно удивилась Аня. — Как воевать с проблемами и бедами, не разрушая себя? Как предотвращать нежелательное развитие событий? Они часто окрашивают нашу жизнь в скорбные тона. А уныние — грех. Я тоже хотела бы иметь Бога в душе, если церковь признает Его как Высшую непознанную силу... как я это понимаю... Но она нам всё больше про Христа толкует, а про Бога ничего не объясняет. Сама не знает, что Он собой представляет и как Человек заложен в структуру Вселенной? Но даже относительно малые ошибки в относительно неточных религиозных заявлениях приводят к серьезным смещениям в понимании их утверждений. Я хочу услышать четкие вразумительные ответы на поставленные мной вопросы, а не вилияния и подтасовки. Не знаете, так помалкивайте, пока не выясните. И нечего головы людям морочить. Священники сами Христа Богом называют. Но это не одно и то же. Христос для меня не авторитет. Он сказочный герой.

Может, Бог есть в моей душе, только я этого не знаю?.. Не зря говорят, что суть человеческой личности в сомнении. А ты, Жанна, загоняешь себя в слишком строгие рамки. Неужели Богу есть дело до каждого из нас? Как Он держит всех под контролем? Нуждается ли Он в наших жертвах и поклонении?

— Но религии уже внедрены и в сознание отдельных людей, и на уровне государств, и с этим приходится считаться, — напомнила Ане Инна, чтобы та остановилась.

— Интересно, как мусульмане «видят» своего Аллаха? — поинтересовалась Аня.

— Он непредставим. Он — особое, отдельное монопонятие. Изображение обычно привязано к какому-то определенному предмету или символу. И слово только инструмент, с помощью которого раскрывается Его учение, а не Его собственная суть. Его нельзя описать существующими понятиями. Мусульмане не признают нашей тройственности: Отец, Сын и Святой дух, — объяснила Инна. — У них пророк Магомет.

— В этом плане у нас с ними нет противоречий. Христианская религия тоже не изображает Бога. Только Христа.

— У моего коллеги умер взрослый сын. И внешняя, суетная жизнь для него погасла. Он стал погибать. Я открыла для него другой, духовный, религиозный мир. Потом он познакомился с книгой епископа Тихона «Несвятые святые» и начал мало-помалу оттаивать, смиряться со смертью сына, стал свободнее дышать, — рассказала Жанна.

— Читала. Прекрасно написанная книга, язык легкий. Но не впечатлила, не внушила. Я бы не пошла по этому пути. Автор считает, что человек по своей сути слишком слаб,

чтобы жить без поддержки религии. И уже только поэтому вопрос о церкви не может быть снят раз и навсегда.

Аня затрясла головой в знак согласия с Инной.

— В этом году я была по туристической путевке в Израиле. В Иерусалиме религия очаровывает. Там абсолютное ощущение реальности Христа. Этот город — сосредоточие всех мировых религий. В нем такое красочное многоголосие! — восхищенно произнесла Жанна.

— Ты попала на религиозное шоу зажжения божественного огня? Передала привет Нетаньяху? — весело спросила Инна. — Грандиозно! А я наблюдала и изучала это яркое празднество по телевизору. Я ожидала наглядное явление, представляла, воображала... даже дыхание затаила... Думала, вот-вот с неба божья искра упадет и возгорится пламя. Ведь должно было произойти схождение Благодатного огня. Ведь чудо воскресения — основа христианства. А его... просто вынесли зрителям из секретной комнаты священники. А что в ней до этого происходило, никто не знает. Не впечатлило меня это шоу, расстроило и даже оскорбило своим примитивным исполнением. Могли бы постараться придумать что-то близкое к легенде. Современная наука им в руки. А они организовали «явление» хуже, чем «елочка зажгись» на детском утреннике. Это было не священнодействие, а карнавал. Я смотрела в счастливые лица людей и не видела в них религиозного экстаза.

Церковники говорили, что священный огонь не обжигает, если очень верить. Но я заметила, что никто его долго не касался руками, все быстро передавали свечи и факелы друг другу. В детстве мы играли, подбрасывая горячие угольки из печки, и тоже не успевали обжечься. И ещё: существуют самовоспламеняющийся белый фосфор, низкотемпературная плазма и жидкости, которые горят, не обжигая рук. Почему бы ими не воспользоваться? А когда жидкости выгорят, свечи можно зажечь от обычного огня. Нужна ловкость рук, как в цирке.

Священнослужители все время подправляют ритуалы, делая их более красочными и эффектными. Теперь людей трудно чем-то удивить, сложно мозги запудрить, вот и устраивают праздничные феерии, запоминающиеся представления. А толку-то? Разве они прибавляют веры? Не знаю, что было две тысячи лет назад, когда люди были «темными», но сейчас... — Инна как-то по-детски обиженно вздохнула. — Смотрела я на экран телевизора, а затылок мне сверлили вопросы: «Если мысли материальны, потому что атомы мозга излучают электромагнитные и гравитационные волны, то где же кроется наша духовная суть? Есть ли Высший разум? Где неопровержимые свидетельства того, что Христос воскрес и вознесся?» И многие, многие другие... Да простит мне Бог такую неосведомленность.

— Я признательна тебе за разъяснение, — надменно усмехнулась Жанна. — Надо просто верить. Вера дает уверенность и покой. И для меня теперь это самое главное.

— Вера — соломинка, за которую хватаются люди, сомневающиеся в своем завтрашнем дне, — сказала Аня.

— Говорят, кто видел Иерусалим, тот никогда не будет совершенно несчастлив... Всем верующим хочется попасть в Царство Божие. И это несмотря на грехи? Мне, чтобы войти туда... нечего и думать. Жанна, ты почувствовала священный трепет, словно вот-вот уловишь еще не постигнутый, недостижимый высший смысл? Ты на самом деле ощутила вторжение божьей благодати в твою жизнь? Может, вообразила ее себе? Исторгаешь уверенность? Руки в гору подняла...

Я полагаю, что люди рождаются свободными, в том числе и от религии. Но не от Всевышнего? Нет, все-таки это какая-то непонятная авантюра. И она точно не про меня, — задумчиво пробормотала Инна. — Я навязла в зубах со своим нигилизмом?

— Твое отрицание и разлад в душе от незнания основ религии, — строго заявила Жанна.

— Но и твоя вера не от знания.

— Испытываешь меня? А с чем ты придешь на Страшный суд? Взвесь возможный урон.

Что толку объяснять. Тебе пока не понять беспочвенность своих сомнений, — ехидно кольнула Инну Жанна и поджала губы. (А говорила о благости.)

— Сестра Христова, я привыкла сверять свои действия с поступками реально существующих прекрасных людей. Зачем мне забираться в высокое неведомое? — Инна неопределенно пожала плечами. — Подожду пока докажут реальное существование души, найдут ее конкретное хранилище в теле человека и в пространстве, когда откроют законы ее развития. Я понимаю, что не попадаю в струю современных религиозных веяний, но ты же меня знаешь...

Жанна тихо и проникновенно заговорила:

— Так вот, вернусь к ранее сказанному. Религия не может быть разменной монетой в чьей-то игре настроений. Прежде, чем войти в храм, надо простить сначала себя, потом других.

— Не-по-нят-но излагаешь, — раздумчиво пробормотала Инна.

— Всех простить? И самых, самых... А между нами грибниками говорят, что если долго не попадаются грибы, то каждый листок начинает казаться грибом. — Аня попыталась разрядить насыщенную опасным содержанием паузу фразой, на бытовом уровне подтверждающей глубокую мысль великого мыслителя древности.

Наверное, женщины вспоминали, осмысливали и оценивали слова Конфуция и Ани по-разному, а может откровения Жанны помешали их внутренним размышлениям всплыть наружу, только голос снова подала одна Аня:

— Я как-то стала ругать соседку за то, что она всю свою семью в секту завлекла — Иегова, видите ли, ей милее Христа стал. Я сказала: «Твоя вера заведет тебя в западню. Руководители сект, ваши кумиры, всегда обманывают тех, кто им поверил. И потом, сегодня ты предаешь свою религию, а завтра Родину? Свято место пусто не бывает. Глядишь, вместо Христа навяжут тебе Магомета или еще кого-то, а вместо пионерии и комсомола какую-нибудь экстремистскую организацию, которая будет иметь целью уничтожить Россию. Тебе это нужно? Прониклась?»

«Между прочим, у пророка Магомета жена была христианка», — не без удовольствия заметила мне соседка и сослалась на какую-то брошюру.

«Которая по счету?» — безжалостно проехала я по чужим традициям.

«Дух христианской религии, изначально рожденной любить и восторженно призывать к всеобщему всепрощенью, заостренел, облачился в помпезные ризы, выхолостил сам себя. Прогнила наша церковь до основания, нет ей доверия. Там теперь одна шатия-братия» орудует», — сердито заявила соседка.

А я ей ответила: «Твоя новая религия еще не успела прогнить? Только она уже в основе своей порченная. В этом кроется ее опасность. Я думаю, если американцев-христиан ударить по одной щеке, они вторую не станут подставлять. А ты, легковверная, безропотно согласилась им довериться. Чем мне тебя обезвредить? Скажи, зачем тебе священник? Для общения? Без пастуха-пастыря не можешь молиться? Современный путь к Богу — через личный виртуальный контакт и знания».

А она мне опять: «И что характерно, к твоему сведению...»

Не дала Инна развернуть Ане во всю ширь свой рассказ, прервала ее беззаботно, весело и бестактно:

— Да ты классный критик! На кого бы мне тебя натравить, чтобы ты разделала его как Петр Первый шведов под Полтавой? Аня, надо мириться с несовершенством мира, а ты категорична. Это так по-русски.

«Есть ли хоть один-единственный компромисс, на который пошла бы Аня? И ради чего?»

Ради кого?» — задумалась Лена.

— Нельзя с сектантами мириться! Нам нужна своя религия, объединяющая весь народ, укрепляющая страну, чтобы не проникала в наши души чуждая, не заполняла чужими мыслями. Может, не религия, а национальная идея... вроде патриотизма или и то и другое вместе взятые. Правильно воспитывать детей надо уже с детсадовского возраста, чтобы вырастал в них крепкий надежный стержень порядочного человека. А у нас сейчас в людях столько безразличия! Иду как-то мимо детсада, вижу, что дети закопали себя в снег и спокойно беседуют. Возвращаюсь из магазина, а картина все та же. Строго приказала малышам встать. Объяснила, что сильно заболеть могут. Дети послушались, а воспитательница даже внимания на этот факт не обратила. Другой раз я услышала, как шестилетки общались между собой с матами. Я воспитательнице замечание сделала, мол, куда смотрите? А она мне скучным голосом ответила, что пусть родители своих детей воспитывают, а она за такие деньги вкалывать не собирается.

Я тревожусь за будущее моих подопечных, пытаюсь дать им как можно больше для своей реализации и защиты во взрослой жизни. Я одариваю их любовью, стараюсь повышать их самооценку, потому что всегда найдутся люди, которые будут ее им понижать. Приучаю перед тем как заснуть, честно анализировать свое поведение. Не бежать от себя, не прятаться за ложью, не оправдывать... Они наполнены не только болью и обидами. Все в них есть: и злость, и раздражение на эту чертову жизнь, на ее нелепость. Они должны понимать, что обязаны бороться с собой, отмывать себя внутри, чтобы прийти к себе настоящим. В них от беспутных родителей бездна пустоты и черноты! Иной только родился, выдохнул — и уже гаденыш. Вот и борись потом с ним... Трудное это дело — воспитывать в уже подпорченном ребенке порядочность, чувство ответственности, чтобы избежать в нем разнузданности. А у некоторых... столько чистоты. Один рассказал мне, что не мог промолчать, и сознался в том, что бил, чтобы ни на кого другого не подумали и зря не наказали. А другие врал, изворачивались. К сожалению, в таких ситуациях дети и... познаются. Всех их жалко, потому что они — наша вина, вина взрослых.

Воспитание и образование — этот «парус, сшитый с умом и с любовью, направит молодежь по правильному пути». В СССР, во времена предваряющие перестройку, у нас было прекрасное основное образование и неплохое дополнительное: музыка, искусство, спорт. И всё — бесплатно! Нас учили видеть и правильно воспринимать мир, любить родину. Помню, на первом уроке учительница сказала нам: «Дети, уважайте друг друга, учитесь дружить, помогать...» И это осталось во мне на всю жизнь. А теперь куда ведет нас свет в конце туннеля: вверх, вниз, назад в средневековье? Я опечалена и угнетена. Не во всех семьях и школах воспитывают детей как раньше, затрагивая положительные эмоциональные струны их душ. Учителя не влезают в ссоры детей, боятся конфликтовать с родителями. Нет единомыслия, единомыслия в целях и задачах. Дети в школах очень разные. Расслоение не только экономическое, но и интеллектуальное. Фронтально учить их нельзя.

Учителей отчетами завалили. Дети домашние задания по пять-семь часов делают. У них синдром дефицита движений и родительского внимания. Школьники наглеют, измотанные педагоги выгорают, срываются... Всем трудно. Как воспитывать человека умелого, мобильного и духовного без уважения к учителю?.. И денег на приборы в школах не хватает...

— Прекраснодушно веришь в технику? — спросила Инна.

— Технические средства нужны для интенсификации обучения, но добрый умный и интересный учитель важнее. Гаджеты не умеют соединять отдельные события и явления, а учитель может. И духовные ценности через него идут.

— Твоего здравомыслия чиновникам не достает, — шутливо заметила Инна.

— Чтобы формировать целостность представлений о мире, уже школьнику младших классов надо показать красоту математики, в которой всё можно обосновать, чем она и ценна, а подрастая, он должен ощутить радостный восторг от первых опытов по физике, химии и биологии. Это пробудит в нем любовь к науке, он станет изучать ее законы не формально, с интересом. Обучение и воспитание на положительных эмоциях дает прекрасные результаты. А некоторые элитные школы ориентированы на максимальное количество дипломов и грамот, которые помогают детям получать

их умные и продвинутые родители. А учителя там или блатные или слабые и приниженные.

— Исчерпала все возможности? Оседлала любимого конька? — упрекнула Аню Жанна.

— Я не руководство критикую, а искажения и отклонения в структуре его мышления, — огрызнулась Аня.

— Мне кажется, не богатую школу надо искать, а доброго учителя, обладающего педагогической зоркостью, знающего психологию детей, использующего индивидуальный подход. Это особенно важно, когда отправляешь ребенка в начальную школу. А то некоторые педагоги ребят тупо дрессируют, а не учат, — сказала Инна. — А ты, Аня, для себя всё уже определила? Считаешь, что сейчас в школах хуже учат? — спросила Инна. — Твое заявление не голосовно? Я другой пример могу привести. Довелось мне присутствовать на уроке русского языка у внучатого племянника. Так учитель преподносил детям язык как математику, доказывал каждое правило, а мы в свое время их просто зубрили. А при выполнении задания эти школьники лазали по интернету и использовали «кладезь умных мыслей» великих философов прошлого.

Вот ты знаешь, что такое «хрия»? Нет. А эти семиклассники на исследовании одного изречения, допустим, пословицы, отвечая на восемь-десять вопросов преподавателя по этой теме, могут написать целый строго логичный, теоретически и практически обоснованный трактат. Ты не представляешь, как это развивает мыслительную деятельность подростков! Они, на вид простую, однозначную фразу, умеют разложить на составляющие, «разобрать по косточкам» и сделать далеко идущие выводы. Нынешние дети сами подбирают материал в интернете, размышляют над ним, оценивают. Мне урок понравился. Есть чему поучиться старым педагогам. Побольше бы нам таких учителей.

— Теперь и родители требуют от учителей профессионализма, — заметила Аня.

— Нас к этому пытались приучить в МГУ, да и то не все педагоги, — сказала Лена. — Приятно, что педагогика и методика обучения не стоят на месте.

— Хорошие современные учителя подталкивают учеников к самостоятельному мышлению. Мы в школе слишком легко учились. Нам, в основном, давали знания в готовом виде, и мы их просто воспринимали и проглатывали, — подтвердила Аня.

— И только наша математичка требовала «относиться к приготовлению пищи проще, а к употреблению знаний серьезнее», — рассмеялась Инна.

— Самостоятельное мышление приводит подростка к пониманию свободы, — заметила Жанна.

— Напугала. Уважение к старшему поколению не противоречит свободе ученика. Надо воспитывать человека свободного, но способного к самоограничению, — успокоила ее Инна.

— Вот так бы педагоги подталкивали старшеклассников и студентов к тому, чтобы они серьезно задумывались о взрослой жизни, о своем месте в ней, о своей роли в семье, — пожелала Аня.

— Ты подняла очень серьезную проблему. Это вопрос воспитания, а не образования. Насколько я помню, в наши школьные годы с этим неплохо справлялись классные руководители на классных часах. И все равно мы приходили во взрослый мир не очень подготовленными, слишком наивными, потому что учителя боялись поднимать «тонкие» вопросы, которые надо преподносить девочкам и мальчикам, разведя их по разным классам, — ответила Ане Лена.

— Может еще новый предмет «психология семейных отношений» посоветуешь в школе ввести? — спросила Инна.

— Не в школах, а во всех средних и высших учебных заведениях, — сказала Аня.

— А вот религия должна идти из семьи. Школа не может быть местом и средством внедрения религиозного сознания. Да и не получится у священников.

— Это обнадеживает и успокаивает. Помню, пришла моя внучатая племянница с уроков домой и давай во всех красках «петь», как священник рассказывал им про Бога. Ее отец при этом саркастически усмехнулся. И этого было достаточно для того, чтобы малышка перестала серьезно воспринимать богословие, — решительно заявила Инна и неожиданно рассмеялась.

— Что ты сказала смешного? — вздрогнула Жанна так, будто на ее глазах обидели калеку или беззащитного ребенка.

— По телевизору недавно вещали, будто проматерь всех народов Земли родом из Африки — негритянка. Так может, и Христос был чернокожий? А что? Это было бы прикольно!

— Не обделена фантазией! — сердито удивилась Жанна. — Читай Ветхий Завет.

*

Аня, наконец, вспомнила с чего у нее с подругами начался сыр-бор.

— Я слабая и не претендую на эталонное поведение, но стараюсь изо всех сил. С детства моя голова не была забита религиозными догмами. Я реально воспринимала мир. В нем было и хорошее, и плохое. Но я хотела, чтобы во мне было больше позитивного. Вот и все. А этот герой из книжки, этот священнослужитель... К нему особые требования предъявляются, а он... Сам же утверждал, что цель существования человека на земле — совершенствование, стремление к идеалу, к Богу, если хотите.

— Которого ты напрочь отрицаешь, — покривила губы Жанна.

— Считается, что в Боге сосредоточено все самое лучшее. Но как человеку при сложной современной жизни искоренять в себе плохое, когда вокруг столько соблазнов?

— Совсем как малый ребенок плачешься. Тебе, чтобы обидеться или расстроиться много не надо. Не наговаривай на себя. Будь достойна самой себя и своего таланта. А у этого священника, наверное, в применении к себе, имеется персональное понимание совершенствования, допустим, материальное, карьерное. И это лишнее доказательство того, что не стоит безоговорочно верить во всё, что тебе вешают на уши, — назидательно сказала Инна.

«Все, что она произносит — независимо от интонации, — приобретает ироничный оттенок», — подумала Жанна.

Аня ушла от обсуждения личности священника и обеспокоилась глобальной философской проблемой:

— Понимаете, для меня в религии важнее моральный аспект, а не мистический, может, поэтому у меня не получается допустить существование Бога. Я придерживаюсь гипотезы, предполагающей, что космосу присущ разум. Биосфера для меня — некое пространство, включающее в себя коды жизни всего сущего.

Человеку главное — развиваться духовно, наполняясь высоким: что-то себе разрешать, что-то разумно не позволять. Я думаю, в основном страх перед тем, что будет после смерти, влечет людей в церковь. Страх — двигатель религиозных сюжетов. Его нарочно разжигают? Понятное дело, нет контакта с неизведанным потусторонним миром мертвых, нет наработанного материала, не знаешь, как адекватно реагировать. Я говорю глупости?

— Вовремя сообразила, что подобные рассуждения по отношению к религии непозволительны, — сказала Жанна тоном, которым заканчивают беседу, когда основной ее предмет уже обсужден.

— Они непозволительны по отношению к вере, но не к религии, — возразила Инна. — Мне сейчас припомнились слова из учебника истории о крещении Руси: «Владимир выбрал для своего народа православие». Понимаете, выбрал. О чем они вам говорят? Бросьте общий, но принципиальный взгляд на проблему с высоты птичьего полета. Мысленно охватите ее и сделайте вывод.

Инна не смогла обойтись без образных выражений и эмоциональной жестикуляции.

— Он мог бы избрать другую религию? — спросила Жанна.

— Это удобная сказка, и что нам еще повезло? — высказалась Аня.

— Она не природная, не коренная, но стала таковой, — сказала Лена.

— Жанна, почему твое лицо не засветилось как от осознания своей причастности к великой тайне? — усмехнулась Инна.

— Иногда я чувствую, что есть в нашей жизни что-то сверхобычное, что и я существую в некоем потоке и стараюсь из него не выпасть. Я не верю в загробный мир, но все равно пытаюсь делать все, чтобы от меня на земле осталось больше хорошего, — сказала Аня.

— Старость располагает к философствованию? Кто больше боится смерти: верующие или атеисты? — спросила Инна.

— Я думаю, что верующие, потому что они страшатся ада, — уверенно ответила Аня.

— Но верящие в Бога должны быть смиренными?

— Теоретически, в голове. А в душе...

— Сейчас церковь пытается претендовать на первенство в воспитании и закреплении нравственных основ в человеке. Священники даже узурпировали власть на Бога! Хорошо ли это? Мы и без религии неплохо их воспринимали из уст своих воспитателей. Нам прививали чистоту и доброту, не вмешивая в этот процесс высшие силы, — повторила как заученный урок Аня.

— Время было другое. Для нас знания были ключевым моментом, а для современной молодежи — сведения и деньги, — пояснила Инна.

— Все равно надо идти от веры к знаниям и христианское чудо заменять чудом научным. В этом прогресс. Я как-то увидела на какой-то религиозный праздник у церкви толпу женщин и подумала: «Сколько у нас сирых, убогих, несчастливых! И ведь ни войны, ни глобальных катастроф», — вздохнула Аня.

— Научное чудо? Ты не точна в понятиях. Чудо это...

— То, что нарушает законы природы. — Это Лена помогла Инне сформулировать правильное определение.

— Чудом называют не изученное, не исследованное явление, которому пока не найдено объяснение, — добавила Инна.

— Православие это тупик? — спросила Аня, смотря на Инну ясными, доверчивыми глазами.

— Любая религия — тупик.

*

Аня снова вернула подруг к первоначально заявленной теме.

— Стала я интересоваться мнением о книге у женщин, не обремененных детдомовским детством и религиозным воспитанием, так они тоже категорически выразили свое неприятие.

— Поведение героя книги лишней раз доказывает, что священники — обычные люди, исполняющие предписанную им саном работу, — сказала Инна.

— На месте этого священника... как там его звали... я бы сняла рясу и ушла в мир, — решительно заявила Аня.

— А церковь кто строил бы? — спросила Жанна.

— Достойный.

— Найди такого.

— Недавно услышала в автобусе диалог:

«Церкви, церкви кругом строят. А поликлинику когда?»

«О душе думай».

«Я еще пожить хочу», — вклинилась со своим рассказом Инна, но ход мыслей Ани не нарушила.

— У этого батюшки хватало терпения выслушивать исповеди чужих людей, но он не нашел в себе доброты разобраться в своей семье. Значит, он лгал людям или говорил им чужие заученные мысли. Да есть ли в нем истинная доброта? Может, просто выгода им руководит? Учить уму-разуму чужих людей не так уж и трудно, а вот донести нужные слова человеку, с которым каждый день бок о бок, когда накапливается масса обид, недомолвок и проблем — это уже не теория, а трудная практика, и без собственной силы воли, любви и желания — непосильная. Батюшка не сумел справиться или не захотел? Вот в чем вопрос. Если не сумел — это его беда, если не захотел — его великий грех, — сделала заключение Аня.

— Он, наверное, из тех, кто, придя домой снимает с головы корону и ставит ее в угол, — усмехнулась Лена. Она изо всех сил пыталась не потерять нить разговора — тема ее интересовала, — но слова подруг с трудом достигали ее усталого сознания.

— Аня, у меня создалось впечатление, что ты не отличаешь автора от его героя, — придирчиво заметила Жанна.

Но Аня не отреагировала на замечание и продолжила рассуждать:

— Священника возмутила ревность жены и он «встал и ушел». Это его слова. Ушел из семьи. А была ли в его поведении порядочность по отношению к женщинам, приходящим к нему на исповедь, и жалующимся на то, что не встречают они понимание и сочувствие у далеких от церкви мужей? Находила ли у него понимание жена? Вот он говорит, что ревность способна подменить любовь ненавистью. Так не давай повода. Цени достоинства и добродетели жены. Если любишь — уважай ее слабости, жалея, щади, сочувствуй, помогай. За всё в нашей жизни надо платить. Я так понимаю семейную жизнь.

Но нет, герою книги нравилась благосклонность и влюбленность в него прихожанок. Он гордился этим, иначе своей неприступностью сумел бы поставить заслон «служебным романам», не позволял бы им развиваться. И не было бы сплетен, любовных писем. Этим он доказал бы уважение к своей жене, семье. Его больше ценили бы верующие, тем более, что контингент прихожан в основном женский. Но он не принял никаких мер по спасению семьи. Не захотел понять обиды жены, простить ее гнев, естественный для оскорбленной женщины, измученной ревностью. Это у него означает честь быть избранным? И он еще после этого смеет говорить о своей способности быть проводником божьих идей! По мне так он абсолютно аморальный тип. Родители не заложили и не воспитали в нем нравственных устоев, и церковь не закрепила их. В нем побеждает гордыня и желание нравиться. А церковь ему нужна затем, чтобы восхвалять самого себя, холить самолюбие, чувствовать власть над людьми. И такой человек уверяет прихожан, что благодаря Божьему слову, приходящему через его посредство, они исцеляют свои души? Он слышит в своем сердце шепот Господа? Кто-то сказал: «По месту прописки истины нет». И слова священника где-то в стороне от правды.

— Ха! Помолимся и исцелимся, — по-клоунски, но зло изрекла Инна.

— Как ты прикажешь понимать твои слова? — взвилась Жанна.

— Поп этот — примитивный человек, не умеющий рассуждать и думать о других, если за это не платят.

Он обыкновенный эгоист. В центре его вселенной он сам. Задолбил религиозные каноны — вот и весь его ум. Он не бог весть какой, а туда же... хитрый только.

— Инна, зачем ты так?.. Не на базаре. Оставь свои комментарии... — Лена не стала договаривать.

— Его принцип: «полюби меня черненьким, беленьким меня всякий полюбит».

— Я обыкновенный читатель и могу свободно высказывать свое мнение. Это ты обязана держать себя в рамках. Ты можешь возразить мне, что священник искренен даже в своих заблуждениях. Если бы заблуждения! Это его суть и она чувствуется в каждой строке книги. Говорит, как власть имеющий. Он своим примером творит зло. Он не живет жизнью своих прихожан, а использует их, — поддерживая Инну, не могла остановиться Аня.

— Автор не отошел от классики? Какая анатомия чувств, какие мощные, но... призрачные нити судеб его героев! — насмешливо поддакнула ей Инна.

— Герой книги и больным детям не сочувствует? — надеясь окончательно добить спорщицу, злорадно спросила Жанна.

— Только самый последний подонок не жалеет детей. Для полноты картины добавлю, что священник это делает за деньги.

— Не суди да не судима будешь. Вдруг он жертва банальных жизненных обстоятельств, а ты его так... Может, они с женой не сошлись характерами. Без света не бывает тени. Сами-то мы не без греха. Осуждение — тоже грех. На всё есть суд Божий, — строго предупредила Жанна.

— Но если не осуждать, а только потакать, то к чему же приведет такое воспитание? Я о моральном аспекте, — возмутилась Аня.

— А я об осуждении-обсуждении. Не стоит говорить необдуманно, иногда лучше помолчать, — опять менторским тоном заявила Жанна.

— Какая гордая сдержанность речи, какая изящная, но убийственная меткость слова! У тебя развился талант оратора? Ждешь по этому поводу всеобщего народного ликования? Тогда скажи мне, кто более грешен: блудивший, ворующий или их осуждающий? Мой вопрос застал тебя врасплох? Ты его не обдумывала? Оставим его открытым?

— Не вижу причины для иронии. Осуждай, но не издевайся, — сердито напустилась на Инну Аня.

— Только что критиковала, а теперь пытаешься найти попу оправдание? Тоже мне, адвокат... дьявола. Или наоборот? Ты не чураешься и таких тем? — Инна попыталась сбить Аню с толку. Ей надоело дискутировать, она устала. И в Жанне она почувствовала молчаливый отпор, достойный сочувствия и поощрения.

Аня, отвернувшись от Инны, нервно взерошила на макушке и без того лохматый вихор, лихорадочно соображая как бы злее и четче ответить. Ее худенькие лопатки под ситцевой ночной рубашкой при этом остервенело задвигались. Немного успокоившись, она сказала:

— Никого я не защищаю и не оправдываю. У меня другой вопрос. На чем базируется вера, допустим, в исцеление? В книге священник молитвами и внушением пытался помочь тяжело больной девочке. Но это же ерунда.

— Я изучала этот вопрос. Ты же знаешь: чего не понимаешь, тем никогда глубоко не овладеешь, а я всегда хотела быть страшно умной. — Инна криво усмехнулась. — Все очень просто. Двадцать пять процентов больных вылечиваются не медикаментами, а верой в способность организма справиться с болезнью самостоятельно. Почему бы не присоседиться и не приплести сюда Бога, тем более, что некоторым людям легче поверить в Высшую силу, чем в собственные оздоровительные возможности? Тебе эта

«приправа» мешает?

— Церковь потворствует невежеству?

— На том и стоит.

— Зачем ты так о церкви? — болезненно поморщилась Жанна. — Друг детства своим ранним уходом из жизни первый раз открыл для меня двери в храм. Потом бабушка отмолила у Бога моего внука. У него была трещина в основании свода черепа. Он дважды находился в состоянии клинической смерти, но был храним... После крещения и венчания многое во мне прояснилось. Теперь я не дергаюсь, не злюсь, не обижаюсь по каждому пустяку, как раньше. Сначала думаю: это нужно мне, важно? По крайней мере, стараюсь... Ищу гармонию между Богом и человеком. И тебе рекомендую. Вот иногда я слышу от людей: «Вернуться бы в детство, я бы...» А я не хочу возвращаться. Я теперь удивительно счастлива. Я в своем мире.

— Пусть священник внушает, «лечит», но бескорыстно. Нечего присваивать себе то, что не дано свыше. Это сродни жульничеству. Религия для священника должна быть способом существования его души, а не материальным средством. Иначе нет ему веры. Секты имеют целью вытянуть из людей деньги, а церковь не должна!

— Эко тебя прорвало, Аня! Диву даюсь. А питаться поп святым духом должен? Тебя что-то не в ту степь повело. Всякий труд должен быть оплачен, — сказала Инна.

— Даже воровской? Интересно, священники получают зарплату или живут, так сказать, подножным кормом? Я об этом как-то не задумывалась, — созналась Аня.

— Я слышала, что они еще «отстегивают» в свою головную организацию и их ругают, если мало приносят. Но достоверна ли эта информация? Получается, не Богу служат, а своему руководству. Это их обычная работа. А церковные службы для прихожан — это хорошо веками срежиссированные спектакли. Но если человеку в церкви хорошо и спокойно, если он там избавляется от проблем и как бы остается наедине с собой...

Аня прервала Инну:

— Священник и сам не скрывает, что из-за денег работает с людьми. Он говорит: «Нужно служить, чтобы народ приносил свои лепты на затянувшееся строительство». Теперь я понимаю, почему по России в брошенных деревнях гибнет масса прекрасных бесхозных невостребованных церквей, в буквальном смысле памятников культуры! Если нет прихода, епархия не заинтересована в их ремонте. С кого деньги тянуть? Проще в городе, где много народа, новую построить.

— Священники не отнимают деньги. Люди сами дают, — заметила Жанна.

В этот момент в памяти Инны почему-то всплыл поразивший ее злобно-хищный взгляд прислужницы, обивавшей пороги церкви. «Та мгновенно «вычислила», где находится мой достаточно «упитанный» кошелек. Помнится, тогда холод застыл у меня между лопаток. И я сразу представила эту жуткую тетку на темной церковной аллее с дубинкой в руках, вопрошающую страшным голосом: «Водицы святой приехала испить? Вот тебе водица, вот тебе...»

— Дают, в надежде, что им это где-то, когда-то положительно зачтется. Собственно, религия и есть дурман, обман и так далее. Так ведь нас учили? Впрочем, как и ленинизм... если он кому-то на руку. Религию в семнадцатом заменили коммунистической идеологией. Вот и всё, — сказала Инна.

— Без идеологии нельзя, иначе воцарится хаос, и государство окончательно рассыплется, — твердо сказала Аня. — Людям нужны ориентиры, но они должны служить народу, а не всяким там...

— Если бы религия была не нужна людям, она давно сошла бы на нет, — выставила свой аргумент как козырь Жанна.

— Так ведь почти сошла, — усмехнулась Инна. — Собственно, она в параличе, начиная от Петра Первого. У кого-то из писателей я вычитала издевательскую фразу, что на Руси мужики молятся одной рукой, почесывая задницу другой.

— Ослабела религия, но не вера, — уточнила Аня. — Один ноль в пользу обращения к Богу без посредников.

— Они взаимосвязаны как два рукава одной рубашки, — заметила Жанна.

— Ну, так давай бросать близких нам людей в ненасытное жерло религиозной печи! — горячо возмутилась Инна.

— Но это лучше, чем если они пойдут в секты. Фанатиков и слабаков куда угодно можно втянуть: и в секту, и в банду. Валяйте, расщепляйте православный мир, — взвизгнула Жанна. — И государственную машину давайте разрушим. Там тоже много чего... в самой ее основе.

— Как, впрочем, и в основе религии. Еще до революции политиками обсуждался вопрос крепости «союза трона и алтаря». Два крыла одной птицы. Птицы-счастья. Ха! Неплохо сказала, — рассмеялась Инна, довольная собой. — Ты и в этом деле хочешь преуспеть? Брось. Лучше спустись на землю и задайся конкретным житейским вопросом: причиной развода священника были обстоятельства непреодолимой силы? У него жена бесплодная или психически ненормальная? Нет. Так какого же черта он сбежал? Влюбился? Какой-то корыстный интерес увел его из семьи? — вернула Инна разговор к истокам. — Лена, сколько студентов и солидных мужчин в тебя влюблялось и осторожно домогалось, но ты, как говорится, на корню пресекала попытки сблизиться. Требовала уважительного отношения к твоему незапятнанному достоинству от всех, пытавшихся проникнуть в святая святых твоей души и нарушить твой стабильный уклад жизни. Даже самые отчаянные не рисковали преступить твое правило. И тем более никому в голову не могло прийти, что с тобой можно крутить кратковременные романы. Теоретически от недостатка невостребованной любви ты не страдала и вниманием не была обделена. Хотя... теперь мало таких мужчин, на которых посмотришь и сразу скажешь: настоящий, надежный, понимающий, он верой и правдой будет служить семье.

Похоже, Инна решила втянуть в разговор свою дремлющую подругу.

— Не думаю, что развод священника является пиковой точкой этой книги. Не переходи на личности, ехидна, — вяло откликнулась та.

— Ты о редком зверьке? — изобразив недоуменное лицо, спросила Инна, и повернулась к Ане.

— Почему священнику симпатизируют женщины, слушая его праведные речи? Они бесхитростно верят, что и в семье он такой же искренний и прекрасный как на словах. А он, переступая порог своего дома, утрачивал свои внешне положительные качества, потому что сам всего лишь обыкновенный деспот, каких хватает среди мужей его прихожанок, живущих в семьях без любви, добра и понимания. А какая же это семья, если нет духовной связи, когда муж и жена не на одной волне, когда в мужчине нет понимания, что семья в жизни каждого человека — самое главное? Это примитивное сожительство. Семья — осознанная необходимость и с ней связанная осознанная несвобода. Я сомневаюсь, что дома священник ревностно соблюдает посты и традиционные ритуалы очищения от скверны. Легко влюбиться в человека, который говорит тебе красивые добрые успокоительные слова и при этом «честно» и ласково смотрит тебе в глаза, нежно гладит руки. Наверное, это священнику позволительно.

— Ну, если только по умолчанию. Я бы не разрешила ему такого контакта с собой, — брезгливо дернулась Аня.

— Не удивила. Такое поведение присуще многим. На работе роли играют, а дома выкладывают себя истинных, — продолжила Инна.

— Я везде и всегда одинаковая, — с обезоруживающей откровенностью заявила Аня. (Она кажется себе исполненной простоты и достоинства?)

«Аня абсолютно искренна в каждом движении своей души», — улыбнулась Лена.

— Воплощение безупречности! И ни одного оттенка серого? Все только черно-белое? Ну, ты у нас уникал. Кремьень. Со студенчества помню степень твоей порядочности, не позволявшей списывать у подруг готовые решения задач. Ты единственная на курсе

сознавалась преподавателям, в том, что не справилась с заданием. Слеплена своей добродетельностью и добродетельностью?! — обидно усмехнулась Инна и подумала:

«Одинаково честная? Несуразная. Молодость проходит, а глупость и бездарность остаются. Кто-то из великих провозгласил, что «за честностью можно скрыть немало лжи».

Но вслух она этого не сказала. Что ее остановило? Наивность Ани или ее патологическое стремление к правильности? Пощадила?

— Чуть-чуть похвалить себя не зазорно. Я и покаяться с таким же успехом могу, ведь покаяние — объективный взгляд на себя, — смущенно сказала Аня, почувствовав, как глупо прозвучало ее поспешное эмоциональное категоричное заявление.

*

Лене показалось, что накал страстей ослабел. Но она приняла желаемое за действительное. Костер спора никак не затухал.

— Некоторые особы, которые похитрей, почувствовав «слабость» своего духовного наставника к женскому полу, наверное, надеялись его «приватизировать», — пошутила Инна.

— Настоящая любовь, которая случается раз в жизни... если случается, и за которую надо благодарить судьбу, способна затмить все мелкие недостатки и вынести на первый план достоинства. А священник, видно, только себя любил.

— Снова обсуждаешь, — сделала Ане замечание Жанна.

— Так героя произведения, а не автора, — защищая Аню, сказала Инна.

— Самое обидное, что в этой книге даже не сквозит тревога священника по поводу развала семьи. И я это привязываю к отсутствию у него понятия совести. Священнослужители, с моей точки зрения, прежде всего, должны заботиться о моральном облике своей паствы, об укреплении семьи как ячейки общества. А в церкви они будут этим заниматься или вне ее — это не важно.

Священник утверждал, что с верой человек становится могущественней, сильней. А в чем проявилось его собственное могущество? Нашел в себе силы оставить семью? Так таких «силачей» у нас несметные полчища. Нет, я понимаю, существуют веские причины: допустим, угроза жизни или жена — плохая мать. Тогда я бы не стала возникать.

Знавала я в шестидесятых годах одного красавца-священника. Высокий, статный, богообразный. Его величественная фигура, словно исполненная какой-то невыразимой правды, символизировала божью справедливость. Говорил проникновенно, артистично, с безошибочной интонацией. От него исходила какая-то... божественная святость. К нему в церковь сбегались женщины со всей округи только для того, чтобы попристутствовать на его проповедях. Детей приводили, чтобы учились у него уму-разуму, достоинству, уважению к себе и другим. Церковь и двор не вмещали всех желающих, за оградой толпы стояли. Я и сама рада была пообщаться с умным батюшкой, чтобы познать неведомый мне мир верующего человека, только времени не было для этого. — Сожалела и сочувствуя себе, громко вздохнула Аня.

— А в наши-то церкви не докличешься молодежи. Немноголюдно в них. Так, кучка, горстка старушек, — перебила ее Инна.

— Может, и кучка. Только ведь именно женщины спасли нашу православную веру, удержали, отстояли, часами простаивая в войну в полуразрушенных холодных храмах, молясь за победу над врагом и во здравие своих близких, — неожиданно тихо и задумчиво сказала Лена. И ей вспомнилась каменная иконка-ладанка и любимый белый головной ситцевый платочек с голубой каемкой — все, что осталось ей на память от бабушки, самого любимого и родного человека. «Они всегда со мной, где бы я ни находилась, — подумала она с тихой грустью. — Когда срок подойдет, я передам

ладанку внуку». И напутствие бабушки тут же всплыло в ее голове: «Ты очень добрая. Трудно тебе будет жить. Но не бойся, ты же у нас умная».

«Бабушки и дедушки — это прежде всего безоговорочная любовь, без которой трудно вырастать не только девочкам, но и мальчикам», — подумала Лена.

«Такие слова с потолка не берутся, — удивилась Инна. — Мыслит глобальными категориями?»

— В том храме люди у врат каждый день толпились. Я сама видела, пробегая мимо по своим делам. Вот пример истинного служения народу! С каким достоинством нес себя тот представитель церкви! Будто за ним стояла великая идея спасения! Своим поведением он настраивал всех на возвышенный лад. Не уронил себя ни перед одной из самых прелестных прихожанок. Боготворить — пожалуйста, преклоняться — хоть сто порций. Но не более того. Да женщины и сами ни о каких вольностях по отношению к нему не помышляли. Ни одна не посмела приблизиться к нему на расстояние ближе допустимого — так нравственно велик и недостижим был для них священник, — восторженно сказала Аня.

— А этот, который из книжки, наверное, не заставил бы себя долго уговаривать. Он слишком буквально и конкретно понял постулат: «Господь создал людей свободными». И освободил себя от семьи, — проехала Инна в адрес спорного персонажа. — Вот если бы он от себя требовал высокого уровня нравственности, я бы...

Инна замолчала и вдруг спросила Аню:

— Почему мы не верим, что нас создал Бог? Все, что мы узнали о мире — крохи по сравнению с тем, что человечеству еще предстоит открыть. Компьютеры тоже не знают, что их придумали люди. Как тебе моя гениальная мысль?

Но Аня не вникла и продолжила возмущаться:

— Этот горе-герой пытается оправдаться неопытностью. Напустил на себя фасон наивности: мол, сам не ожидал от женщин, мол, для понимания многих вещей требуется жизненный опыт. Так говорить в его-то далеко не юные годы?! Читатели не тупые, нечего им лапшу на уши навешивать. Овечку из себя невинную строит, на жалость бьет. Двух детей заимел, а что надо вести себя достойно так и не уразумел.

— Глупенький, не знал, что девочки в мальчиков влюбляются. Скромник, — съязвила Инна. — Имидж у него такой? Вспомни фильм «Три мушкетера». Священник ручки сложит лодочкой, головку склонит, глазки потупит, как красна девица — ну прямо-таки стопроцентный праведник. А что творил... вытворял! Так и вижу его иконописное лицо.

— Я ужасаюсь равнодушию героя книги к семье и к ее основополагающим устоям. Мне кажется, его самого раздирают демоны противоречий. Он даже по светским нормам слишком тщеславен.

— Может, он многопланово талантлив и во всем пытается себя проявить? — с неожиданным восторженным умилением предположила Жанна.

— И преподнес нам книгу, с его точки зрения, служащую эталоном нравственности, в которой он хвалится тем, что увел в монахи нормальных здоровых людей способных творить на благо людей и своей страны? — насмешливо спросила Инна. — Требовал от жены во имя семьи и религии полностью отречься от мирской суеты, а сам не захотел лишиться себя даже мелких пакостливых радостей. Примитивный мужской эгоизм сидит в нем глубоко и прочно. Гордыня у него превалирует над знанием и верой. Он даже влюбленность студентки использует!

— Из твоих слов я поняла, что она по своей воле помогала ему. Не скатывайся на беспочвенное осуждение.

Но Аня остановила Жанну:

— И такой... персонаж внушает прихожанам, что через него им передается благодать божия? Все помыслы его сводятся к неодолимой потребности денег и славы. И сам автор так поглощен обожанием своего героя, что даже не заметил, что всё это «высветил»

и сделал достоянием читателей. Мне кажется, что изначально выбор героем священником профессии диктовался, чем-то вроде тщеславия или самовлюбленности.

— Кажется, кажется... Ты повторяешься. Ох уж эта ваша учительская привычка многократно «долбить» одно и то же, — усмехнулась Инна.

— Пифагор утверждал: «Заведите много хороших привычек, и ваша жизнь будет приятной», — защитила себя Аня.

— Учительских? — Высокие брови Инны удивленно подскочили кверху. — Это всё твои домыслы, психолог ты наш доморощенный.

— Не вижу ничего плохого в небольшом тщеславии, если оно на пользу делу, — сказала Жанна, чтобы притушить пожар Аниных эмоций.

— Ух, как ты, Анята, попа по стенке размазала! В каких красках, с какой яростью! Может, он семьей пожертвовал ради будущей церкви? К неженатому священнику придет больше прихожанок, а значит, будет больше денег. Что по сравнению с этим значат какая-то там жена и сын! Мелочь.

— Пожертвовал? Глупости! — разозлилась Аня, в запале не поняв Инниной иронии. — Эгоизм не может быть жертвенным. Герой книги — мелкий человечико, ради выгоды произносящий высокие красивые слова. Я и в светской жизни таких «героев» наблюдаю ежедневно. Если бы полюбил, то так тому и быть. От счастья не исцеляют. А вдруг и эту на крестную муку сумеет послать?.. Тогда уж извините меня за резкость... — задумчиво пробормотала Аня.

— Так и послал. В монашки. Это надо же было так запудрить девушке мозги! Жалко бедную. Знать, под силу ему церковный сан, раз сумел вовлечь. Не понимаю, как можно радоваться тому, что молодой человек прячется от жизни в монастыре? А он еще и гордится этим! По моему разумению, подобное деяние — подлость, — грустно сказала Инна.

— Куда только любовь нас, женщин, ни заводит! — вздохнула Аня. — Тяжкий грех — ранить любимых и любящих.

— Я слышала, что самые лучшие монахи и монашки те, которые в мире были срезаны любовью. Особенно, если их сердца продолжают понемногу кровоточить.

— Ну это вовсе эпитафия, — начала было возмущаться Жанна. Но Аня резко остановила ее:

— Скажи еще, что тяжкий крест священнику выпал. Он сам себе его осознанно выбрал. А не послать тебе своих внуков к этому «герою» на обучение? Я думаю, паутина им обеспечена. Паук наготове.

— Я не об этом хотела... — проямлила Жанна.

— А я об этом, — твердо сказала Аня тоном несколько более высоким, чем требовала ситуация. — Вот так моя знакомая попала в секту. Поклялась себе, что поверит в новоявленного Спасителя, если у дочери в семье все сложится, и пропала.

— Вижу, наступил автор на твою большую мозоль, — сказала Инна, прищурившись, внимательно изучая Аню.

— Ты не ошиблась. Демонстративно уйдя из семьи «герой» решил наказать жену за попытку защитить свое женское достоинство. Поделив детей, священник не думал о том, что они теряют жизненную опору. Младшего сына он лишил мамы. Общеизвестно, что до тринадцати лет мальчики больше нуждаются в матери, чем в отце. Но что самое подлое, оставил без женской заботы и ласки маленького больного ребенка, чем наверняка усугубил состояние его здоровья. И старший оказался без отцовской поддержки в пору его становления как мужчины. Из текста я поняла, что старший сын стал на защиту матери, поэтому младшего ребенка, еще не понимающего сложных семейных перипетий, священник забрал себе.

Это до чего же надо было довести любившую его женщину, мать своих детей, чтобы она

даже не попыталась вернуть себе мужа!

— Она, очевидно, не глупая женщина и поняла, что не будет нормальной семейной жизни с человеком, который будучи виноватым в разладе отношений, уходит из семьи, представляясь обиженным, оскорбленным, непонятым. За такого не имеет смысла бороться. Он не изменится в лучшую сторону, — уверенно ответила Инна Ане.

— Может, они стояли друг друга? — все еще владея собой, пробурчала Жанна.

Наступило молчание. Казалось, что каждое мгновение этой тишины делало этот вопрос еще более трудным для понимания.

— Ты не знаешь, что чувствует отвергнутая, униженная женщина, — наконец зло выдавила из себя Инна.

— Да, видно очень непростые отношения были между супругами... А ты тоже крепко священнику врезала, жестко разделалась, — удивилась Аня.

— Мужчины беспардонно предавали. И теперь, когда я закрыла для себя тему мужей, предпочитаю экстраполировать свой горький опыт на всех мужчин, — горько пошутила Инна. — Лишь когда порвала с последним, я, наконец-то, обрела желанный покой.

«Инна и вдруг покой? Несовместимые понятия, — удивилась Жанна. — Видно, мужа крепко ее доставали».

*

— Скупым, но вызывающим сострадание языком священник рассказывал, как много он сделал для сына во время его лечения и операции, как много перенес волнений и страданий.

— И тем самым будто искупал, снимал с себя грех разрушения семьи, — опередила мнение Ани Инна. — Уж что-что, а говорить проникновенно он умеет. Профессия обязывает. Я цепенею от «светлого всепоглощающего чувства чистого умиления»! Священник говорил, что брак — Божья благодать, способная освятить и возвысить человеческие привязанности. Так почему же он — со своим-то самомнением! — не сумел свой брак ни освятить, ни возвысить. Я бы такого за шкуру и за порог.

— Дома или церкви? — уточнила Аня.

— И того и другого.

— Согласна.

— Вы слишком предвзяты, — хмуро отреагировала на слова подруг Жанна.

— Я, может быть, для тебя недостаточно умна и гротескно категорична, но все равно не отступлюсь от своего мнения. Семья и ее счастье строятся на любви, браке и компромиссах. И на взаимопрощении, в конце концов.

Аня не дождалась ответного хода Жанны.

— Кто-то сказал, что праведная жизнь бессознательна. А я как задумаюсь... — вздохнула Аня.

— Видно попадья тоже задумалась, — заметила Инна.

— Значит, не крепко она утвердилась в религии, раз безропотно отпустила мужа и концы обрубил, — сказала Жанна.

— Нет, вы только послушайте ее! Поп ушел из семьи, а она попадью винит! Тебе религия мозги иссушила? А если бы он такое сотворил с твоей дочкой или внучкой, кого бы ты защищала? — поднялась на дыбы Аня.

— Отсутствие такого мужа в жизни бывшей попадью обернется для нее отрадной

передышкой и последующим осознанием свободы от деспотизма, — сказала Инна. — Имею опыт.

— Нужна ли ей эта свобода? — засомневалась Жанна.

— Она свое слово уже сказала. А поп, ты думаешь, не пожалел о своем промахе? — спросила Аня.

— Пожалел? Такие типы, даже заботясь о ребенке, сначала думают о себе и жалеют себя.

— Я не могу уйти от ощущения, что тут ты густо перебираешь, перегибашь палку, — забухтела Жанна, отворачиваясь к стенке. — Священник сухо и строго растил себе смену.

— Старшая дочка нашей однокурсницы Люси-маленькой в Москве перенесла две операции на сердце. Люся два года не выходила из больницы, работала нянечкой, а ее муж в это время дома растил младшеньких. И в заслугу они себе этот труд не ставили, долгом родительским его считали. А этот... возносит себя, — упрямо стоит на своем Аня.

— Пока моя подруга Тоня боролась за жизнь и здоровье сына, ее муж требовал от нее максимального внимания к себе, но и этого ему было мало. Он еще и любовницу завел.

— Степень подлости, как и степень благородства у всех разная. — Это Лена не выдержала.

«До боли знакомое... изящество и завершенность формы мысли. Голос флейты слышен при любом звучании оркестра», — удовлетворенно отметила внутри себя Инна.

После паузы разговор продолжила Инна:

— Мне кажется, этот герой-священник символизирует истинно русский характер, который не спрячешь и под сутану.

— В какой его части? — настороженно попросила уточнить Жанна.

— Необыкновенно смелый размах, как правило, не соотносится с личными и бюджетными возможностями, — рассмеялась Инна.

— Промახнулась. Церковь, как я поняла, он все же построил! — в сердцах сказала Жанна. Видно она восприняла слова Инны как покушение и на свое религиозное чувство.

— Хвала ему за это. Но Инна, говоря о личных возможностях, имела в виду душевные качества, которые должны в семье проявляться. Непролитые слезы ребенка важнее построения символа веры, — объяснила Аня. — Помнишь, у Достоевского?

— У тебя разум тонет в эмоциях. Ненавижу нетерпимость в любых проявлениях, чем бы ее ни оправдывали, — сказала, будто отчитала Аню Жанна.

— Ненавидишь? Это и есть проявление нетерпимости, — подловила Инна Жанну.

— Да, я заиклена на несчастных детях. Я же сама детдомовская и работаю с детдомовцами. Жалость к ним у меня в крови, — не приняла Жанниной критики в свой адрес Аня.

— И все-таки тот священник — деловой человек. Он направляет свою энергию на конкретное дело, — снова вступилась за героя книги Жанна.

— На вознесение себя направляет. Ты его еще в святые определи, — упрямо затвердила свое несогласие Аня. — Во имя чего этот священник успокаивает, внушает, «излечивает»? Для денег. Ритины герои бесплатно помогают заблудшим душам, ради исправления их исковерканных судеб. Помощь должна быть незаметная деликатная ненарочитая. А делать добро людям и держать в уме, сколько денег получишь от них на храм — для меня, звучит более чем странно, неприятно и аморально. Это напомнило

мне историю с дочерью моих знакомых.

— Рассказывай, — повелела ей Инна.

— Их дочка мужественно, даже я бы сказала, стойчески выхаживала обездвиженную после инсульта жену человека, которого любила. И ее состояние улучшилось настолько, что они стали «ходить» на прогулки. И сейчас проплывает перед моим мысленным взором эта картина: маленькая, хрупкая девушка тащит на себе женщину на голову выше себя. Руки у той больной бессильно болтаются, ее ноги это юное создание по очереди переставляет, удерживая страдальицу на своих плечах и спине. «Почему муж не купит жене коляску? — думала я глядя на мучения подвижницы. — Они не из бедных, у них машина. Врач настаивал на том, чтобы больная больше двигалась? Так с коляской больше возможностей для обеспечения перемещения. Металлическая рама надежнее хрупкой спины самоотверженной няни. Чужой спины не жалко?»

И вдруг узнаю, что хитрый муж больной женщины намеренно внушил наивной влюбленной в него девушке ложную надежду на замужество в случае, если... Я была смущена: как можно ухаживать и одновременно надеяться, что подопечная умрет? Я бы так не смогла. Когда девушка случайно выяснила, что объект ее обожания на ней никогда не женится из соображений национальных различий, то поняла, что ее просто в наглую использовали, и с гневом оставила ту семью. Не знаю, нанимал ли мужчина платную медсестру-сиделку или нет, но самочувствие больной без заботливого ухода стало быстро ухудшаться.

Всегда находятся любители использовать искреннюю доброту. Как-то одна женщина через СМИ попросила денег на операцию ребенку. Я обычно сразу откликаюсь на беды детей и посылаю, сколько могу, а тут задумалась: не обман ли? Почему для операции на сердце надо ехать в Германию? У нас в Москве такие делали еще сорок лет назад. Скольким детям жизнь продлили! Дочка Люсенки после нее до сих пор живет и здоровует. Я за адресную помощь. Не доверяю я индустрии благотворительности. Где халява, там масса нарушений: отмывание денег, воровство.

*

Аня сказала строгим учительским тоном:

— Вернемся к предмету нашего разговора. Священник, конечно, не бросит свою паству после постройки церкви, но будет ли он столь же внимателен к тем, от кого не ждет мощных воздаяний? Очень сомневаюсь.

— Понимаешь, мне кажется, в мужском характере вообще мало позитивного для семьи, — повела разговор в свое русло Инна. — Мужу же надо мыслить глобально, стратегически, а своих близких он может ввергать в пучину любых бед. Мол, выкручивайтесь, как хотите сами, а мне надо подвиги совершать, весь мир спасать. Вникать в мелочи мне некогда, у меня широта охвата событий!

— И много ты видела вокруг себя глобально мыслящих мужчин? — ядовито поинтересовалась Жанна. Но Инна больше не выказала желания продолжать самой же предложенную тему. Зато Аня подхватила ее с удовольствием:

— Точь в точь, как Одиссей и Пенелопа. Меня с детства злило то, что он уплыл путешествовать, оставив на жену не только маленького сына, но и заботу обо всех своих владениях. Сам «резвился» на стороне, но первое, что спросил у жены, вернувшись домой по истечении многих лет странствий: была ли она ему верна? Идиотизм. И поверь мне — повсеместный.

— Очень любезно с твоей стороны поддержать меня интересной отсылкой к классике. Убил-таки отца собственный сын. Правда, обознавшись. Но что-то в этом все-таки есть... намек какой-то. Есть над чем некоторым мужьям задуматься. И Эмминому Федьке тоже. Приоткроем шлюзы памяти их недавнего прошлого, и хлынет река... мерзости. Задним числом, чтобы не беситься, объясним причины этих событий спаянностью со случайностями — как выясняется — более тесной, чем когда-то мог предположить каждый из нас, здесь присутствующих, — насмешливо сказала Инна.

«Общение с ней — хождение по тонкому льду», — сама себе сказала Аня.

— Однобокие у тебя, Инна, шутки. Одиссей герой Троянской войны. Это он придумал деревянного коня. А пока Пенелопа отбивалась от ухажеров, он отвергал искушения, — недовольно буркнула Жанна.

— Ага, «отвергал» целых десять лет, — зло рассмеялась Инна. — А жена в это время застревала в своем горе. Тяга к искушениям внутри нас. Никто нам их не навязывает. Мы сами виноваты, если чему-то поддались.

— Я слышала от Гали, что Эмма уже забыла о всех женщинах мужа, а вот его неуважения к ней простить не может; того, что лгал в глаза, обзывая ее глупой, издевался, губил в ней личность путем мощного негативного давления во время ссор, заканчивающихся безысходностью и унижением ее достоинства.

— И никогда не простит этого самовлюбленного энергетического вампира, зарвавшегося эгоиста, не способного сознавать степень своей ответственности за ближнего, — заверила Инна. — И себе свое терпение тоже.

— Одиссей слышал пение сирен и потому поддавался под их влияние. Может, и у Федора в голове что-то звучало? — неожиданно спросила Аня.

— Голос своей плоти Федька слышал, — рассмеялась Инна. — Как же! Он постоянно жил в огне неутоленных желаний. Они захватывали его, управляли им, составляли его жизнь! Не понимал он, что любовь — это страсть, которая как манок некоторое время притягивает людей, а остальное в ней: нежность, уважение, понимание, забота, терпение и так далее. Как-то он похвалился мне: «Я никогда в жизни не был во власти у женщины!» «Потому-то и не нашел то, чего искал. А сам ни разу не дал повода в себе разочароваться?» — зло уколола я глупого хвастунишку.

Федька всегда был занят только собой и, как ребенок, мечтал, чтобы все его любили. Только ведь и любовь в человеке погибает от излишеств... Он хотел любви, но его желания никогда не были направлены на того, от кого он ждал этой любви. Только на себя. А Эмма сходила с ума от боли, из-за проигранной жизни. Ей так казалось. И ее тоскливые бесполезные укоры к нему были, как бесконечный, безответный крик в Вечность... Вот и захлебнулась обидами и слезами, как неодолимыми горько-солеными морскими волнами. Человеку надо, чтобы его ценили, чтобы он чувствовал, что нужен. А когда пренебрегают... И если не брать в расчет массу бытовых мелочей, честные отношения в семье — это самое прекрасное, что может быть между мужем и женой. К сожалению, часто бывает, что грубые лживые мужчины подавляют, унижают и эксплуатируют женщин, намного превосходящих их в уме и в других человеческих качествах. Эх, если бы мы выходили замуж за мужчин, которых стоим!

— Федор мстил Эмме, за то, что она когда-то в загсе сказала ему «да», — грустно пошутила Жанна. — Он хоть на время забывал о своих демонах в голове?

— Чувственное — более примитивное, чем духовное, его проще достичь. И сирен не надо. К тому же оно плохо регулируется мужским умом. Эмма многократно пыталась пробиться к Федькиному сознанию. Бесполезно. Оно всегда было наглухо закрыто. Это о таких мужчинах, наверное, написано: «Как много тех, с кем можно лечь в постель, как мало тех, с кем хочется проснуться». Любовь — наша самая мощная и весомая эмоция, в ней весь спектр чувств. Она как свет, который можно разложить на составляющие. И если человек ущербный, в какой-то части своих чувств, то настоящей любви он никогда не почувствует. Жажда быть в «некоторой» ее области другим, особенным, предстать во всем своем великолепии настигает многих, но она не всегда положительная... и обоснованная. А Федька — чудовище, которое нельзя отнести ни к какой морально-нравственной категории. О чем я тебе, Жанна, с прискорбием и сообщаю, — заявила Инна.

— И у Одиссея далеко не одно духовное, — согласилась Аня. — Я как-то провела негласный опрос еще неженатых молодых людей, так большинство ответили, что хотят, чтобы жена любила и баловала их как мама. И что хорошего от них можно ждать их будущим семьям?

— Рожать надо от мужчин с хорошей генетикой, — в пространство бросила фразу Инна, чем остановила обсуждение пороков мужа Эммы.

«Какой ироничный пассаж! — про себя усмехнулась довольная Жанна. — Вот тебе и ужасная моралистка!»

— Наши мужчины часто заиклены на одной идее, на одной запредельной безоглядной страсти: любви ли, водке, политике ли... на стремлении немедленно, не считаясь ни с чем, получить желаемое. Стихийная бесшабашность у многих мужчин в подсознании, в крови, а сознательно мыслить не хотят. Лень. Ну, если только тщеславие подхлестнет. Разворотят, раскурочат свою и чужую жизнь, а там хоть трава не расти. Этот их абсурд — особая вселенная. В мозгах некоторых мужчин реальность всю жизнь переплетается с вымыслом, с фантазиями. А в результате... пшик. Есть ощущение, что могли бы тонны нести, а не получается и тридцати килограммов поднять. Переоценивают свои возможности. Потому и неудовлетворенность. Вот такая их неприкаянная душа, не сливающаяся с реальным миром. А ведь в подсознании человека — опыт всех поколений! Наверное, нашим мужчинам легче жить, когда граница между реальностью и вымыслом размыта. Отсюда и разухабистое Кольцовское «раззудись плечо, размахнись рука» и беспощадное русское «эх»! А эта интонация тащит за собой всё остальное: мистицизм, бунтарство, вино, беспутство, — сделала далеко идущий вывод Инна. — Только русский мужик может поспорить на ящик водки, что бросит пить. Не работает у нас на Руси формальная логика.

«Инна — сама глубоко русская расхристанная натура, воплощение истинно русского характера, дитя пространства и воли. В ней самой есть всё самое прекрасное и самое трудное и мучительное. А чтобы не погибнуть от депрессии, она не фиксируется на том, что не получается. Иногда, чтобы сохраниться, она тоже выталкивает себя из реальности. И в такие периоды бывает лишена тонкой дипломатии, бестактна, но всегда предельно искренна и честна... И тогда ее принцип: если нужно, значит можно. Мне так кажется», — пронеслось в голове Лены.

— О каких категориях вселенского масштаба в таком случае можно тут говорить? Лена, ты не согласна со мной? Свою версию предложи, внеси ясность, — обратилась Инна к подруге.

— Яркая, неожиданная находка. Долго ее нащупывала и исследовала? Между прочим, спасая товарищей по оружию, амбразуры закрывали своими телами только русские солдаты, и в этих подвигах обретали бессмертье. Настоящее геройство не имеет разумного объяснения, оно выходит за пределы рационального, — жестко ответила Лена. — Спаси, защити, помочи — вот что главное в русском человеке. Исстари говаривали: «Душу положит за други своя», «Умрет за Русь-матушку», потому что в сердце каждого русского — непреклонная воля и немногословный скрытый героизм. Как сбросили монгольское иго, так никому ни разу не удавалось поработить нашу страну. Вот чем я горжусь.

— Слава храбрецам, которые умеют так любить! — серьезно сказала Инна.

— И к этому они через церковь пришли. Она напитала их патриотизмом, — заявила Жанна.

— Ахинею несешь. Церковь, как всегда, все лучшее в человеке присваивает себе, — возмутилась Инна. — У тебя память отшибло? Образовывать сибирскую деревню ты с мужем по наущению Бога отправлялась?

— И на трудовом фронте они жизни свои за родину отдавали. Вспомни Павку Корчагина. Мы ему подражали в детстве, бесплатно вкалывая на колхозных полях. И по своему желанию наизусть учили слова Николая Островского «...чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...» Это тоже качество нашего человека. Нас великий Пушкин призывал гордиться славой своих предков. Он не боялся высоких слов. У него они звучали не пафосно, — сказала Аня.

— Русский человек — это смесь эмоций, понятий и мнений со стороны. Он совершает поступки, руководствуясь добротой, и за идею легко отдает свою жизнь. Ему ставят задачу, и он идет воевать или едет на стройку века. За него подумали и решили.

На нас нападают, мы защищаемся. А сами не проявляем инициативу ни в работе,

ни в быту. Пока не прижмет, не шевелим мозгами. То ли не умеем, то ли нас отучили? Наши мужчины верные дружбе, мужественные и душевные на стороне. Только с ежедневными семейными подвигами далеко не все справляются. Тут они могут быть и трусливыми, и лживыми, и ленивыми. Любить и ценить семью не умеют, — не отступила Инна.

И Аня поддержала ее, изложив свое мнение:

— Священник из книги, как и многие мужчины, считал, что жена по своему статусу обязана быть во всем с ним заодно, а ему нечего перед ней стараться.

— Фу ты какая, — осуждающе покачала головой Жанна.

— Да, наши мужчины замалчивают свои ошибки и не замечают своих недостатков. Если я не права, поправь меня. Докажи! — разгоряченно и задиристо потребовала Аня. — Только и на Западе далеко не все мужчины идеальные. Моя подруга замуж за француза вышла, так он похуже многих наших плохих. Пьет, бьет, капризничает, не хочет работать. Лежит на диване и ждет, когда ему предложат высокооплачиваемую должность, достойную его образования. Его русская жена как гонимая носится по Парижу, выискивая дополнительные подработки, чтобы обеспечить им приличное существование, а он ради семьи не хочет поступиться своим мнением даже в мелочах. Самое главное, на что я хотела бы обратить ваше внимание, это то, что обещал он очень много, но не исполнил даже минимума.

— Аня, прекрати свои мемуары. Тошнит! (Неужели Париж был и ее идеей-фикс?) — нервно дернулась Жанна, но внесла свой вклад в обсуждение проблемы:

— У нас даже богатые не все и не всегда счастливы. Мечутся, чего-то ищут, комплексуют. Не при нас, нищих, будь сказано.

— Какой пытливый... и прямо-таки отроческий взгляд на жизнь. Чокнуться можно... Непрогнозируемое мужское мышление! Сдвиг в психике. Поэтому русской женщине остается только пахать за него? В этом состоит ее умение любить? А что взамен? Мужчина — виновник несчастий своей семьи, а женщина должна еще и жалеть его? Мол, он ведет себя неправильно, но он, бедненький... Такое мог придумать для женщины только русский мужик с его парадоксальной, с позволения сказать, мужской логикой! — зло возмутилась Инна. — Нечем крыть? Вот и священник — на службе он человек повышенной, позитивной эмоциональности, а дома выходит из роли благодетеля. Терпи его, прощай, ублажай, а он взамен тебе — сюрприз-подлость.

— Мужская логика! Недавно в одном фильме женщина заранее отшила мужика, чтобы не приставал: мол, не пью, не курю и не даю. И что ей на это ответил положительный герой? «А вести себя как сука обязательно?» В русском народном словаре сука — это та, которая дает. Так за что же он обозвал сослуживицу? За ее порядочность? — удивилась Аня.

Лена вмешалась:

— Опять крайности и необоснованные обобщения. Вспомните, как в молодости обожали, как восхищались своими мужчинами! Мозги заржавели, души усохли? Мои дорогие, вы забыли, как умны и энергичны современные молодые люди. О них поговорите.

— Денежки лопатой гребут, а в производство не вкладывают, за границу везут, — из вредности заупрямилась Инна. — Ты думаешь, их жены по-настоящему счастливы? Сегодня одна моделька, завтра другая...

— Упиваешься своеобразием своего внутреннего благородства? И как его многоцветье и многомерная сущность укладывается в строгий узор твоего... узконаправленного логического ума? Это хорошо, это плохо, — избегая встречи с извергающим молнии взглядом Инны, чтобы не рассмеяться, ехидно заметила Жанна.

— А кто нам этих мужчин «поставляет», кто воспитывает? — усмехнулась Лена.

— Главное, в паре с кем воспитывают, — не согласилась Аня.

Кружевная карусель теней деревьев от света проезжавшей мимо машины вместе

с очертанием перекрестья рамы, арабской тайнописью скользнули по стенам комнаты и исчезли, успев, однако, отвлечь подруг от их неоптимистичного разговора.

*

Аня продолжила торопливо и нервно высказываться на тему не полюбившегося персонажа книги.

— А еще священник возмущался тем, что экзистенциалисты утверждают, будто «жизнь наполненная страданиями не привлекательна». А разве это не так? Он желает себе и согражданам мучиться? Надо стараться делать свою жизнь лучше, а не нырять с головой в религию, ища помощи и защиты у Бога. Бойцов надо растить, а не низкопоклонников, — возмущенно закипела она.

— Ты героя книги критикуешь как вполне реального, живого человека, — попыталась успокоить ее Жанна.

— Еще он утверждал, что «сам человек не способен творить добро и зло» (Это не антитеза добра и зла в литературе, а неумолимость судьбы!), а только под влиянием Бога или черта. Получается, человек сам за себя не отвечает. И в чем тогда он должен виниться и каяться? За что его судить государству и Богу? Ерунда какая-то, — быстро перестроилась на другую мысль Аня. — Я верю, что все люди рождаются добрыми, только внутренний стержень, собственное «я», с которым человек по жизни сверяет свои поступки, у всех разный. У кого-то он слабенький, хиленький, а кому-то от родителей достался мощный, сильный, не позволяющий сойти с пути добра и справедливости. Я не могу забыть слезы девочки из неблагополучной семьи. Ей так хотелось вырасти хорошей!

Но если церковь все грехи прощает... Сплошные нестыковки. Да и как я могу верить в неотвратимость божьего наказания, если постоянно вижу обратное?.. Особенно теперь, когда честность — синоним глупости. Бандиты и воры процветают, честные нищенствуют, болеют, погибают под колесами безбашенных сынков олигархов... В общем, либо проповеди священника хромают, либо я чего-то в них недопонимаю.

— Аня, ты, как и раньше, по доброте душевной в себе ищешь причины своих бед, — подметила Лена.

*

Аня вздохнула и обратилась к Жанне:

— Я вот, о чем хочу тебя спросить. Если есть предвидения и они сбываются, значит, наша жизнь кем-то всё-таки запрограммирована? Это явление пока мало изучено и не укладывается в наших мозгах, но оно есть.

— У каждого человека есть генетическая код-программа, которую он проживает. Смерть тоже запрограммирована. Человек может раньше умереть, допустим, из-за несчастного случая, но никак не позже срока, обусловленного его физиологией. А вот запрограммирован ли этот случай...

— Инна, опять никому не даешь высказаться! — досадливо дернулась Аня. — Меня интересует процесс угадывания, мистическое проникновение некоторых людей в эту программу. Чего только стоят предсказания болгарской целительницы Ванги!

— Зачем далеко ходить за примерами? Наша Лена тоже предчувствует беды своих близких. Ей не раз открывалось и ее собственное будущее. Конечно, такая способность выходит за рамки обыденного. Просто некоторым людям в некоторой области чувств дается чуть больше, чем другим. Подобные задатки, эти интересные особенности организма, у них проявляется уже с детства. Они как некий странный талант. У таких людей почему-то возникают неожиданные неконтролируемые выплески-озарения. Они бывают звуковые и видовые, творческие и духовные. У Тютчева, например, случались прорывы в иные духовные миры. Пушкин сюжет «Дубровского» увидел во сне. Людям, не обладающим этими свойствами, трудно соотнести свое сознание с сознанием провидца и поверить ему. А наши фундаментальные научные знания еще не дошли до понимания этих явлений.

Жанна остановила Инну:

— Церковь против предсказаний. Она и от Ванги требовала покаяния.

— Затем, чтобы главная тайна человечества оставалась тайной? — спросила Аня, явно настроенная на длительный монолог. Но Инна прервала ее:

— Жанна, в чем Ванга должна была каяться? Всевышний преподнес ей талант. Нельзя отказываться от дара. Он должен служить на пользу людям.

— А если это шарлатанство? — возразила Жанна.

— Вот пусть Бог и карает. Ты же сама на этом настаивала. Прорицательница Ванга никому не вредила. Можно подумать, в церкви мало всякого такого же «добра». Чего только стоят мироточащие иконы и сам собой вспыхивающий пасхальный огонь. Уж сколько лет разоблачают этих талантливых попов-химиков, а они опять откуда-то всплывают.

— Давайте вернемся к книге. Автор пишет, как однажды матушка помогла одной сестре-монашке в каком-то деле без благословения настоятельницы. И ей пришлось в наказание «класть перед сестрами поклоны». За что? Безнравственно наказывать человека искренне, бескорыстно, от души помогающего обездоленному. А как же любовь к ближнему, сопереживание? Как можно отказаться от того, что делает человека человеком?! И ведь кланялась не за ради Бога, а по прихоти вредной, деспотичной начальницы! Василий Мудрый — я читала о нем — разве к этому призывал? Настоятельнице важнее свой авторитет не потерять? Для нее люди — средство доказать силу своей власти? У меня одно время такой же начальник был. Я много делала сверх моих обязанностей, инициативу проявляла, для детей старалась, а он ругал меня и запрещал. Обойти его, избежать общения не удавалось. У меня руки опускались, я его ненавидела за это и горько думала: «Это мне наказание за любовь к детям, за трудолюбие и честность»?

— Полная зависимость от начальника при полной независимости характера? Чувствую, ты так и не успела с ним расквитаться. Надо было всем скопом обрушиться на него, устроить проработку, судилище и выбросить из своих рядов. Честная, неподкупная, а не возлагала больших надежд на этот способ борьбы? — насмешливо спросила Инна.

— В монастырях по уставу положено безоговорочное подчинение. Им нельзя без указания сверху проявлять доброту, — сказала Жанна.

— Дикость какая-то! Это же полное бесправие! Хуже чем в армии. Там солдат при необходимости может и должен помочь товарищу. В монастыре, как в тюрьме? Автор восхищается настоятельницей и ее послушницами! К чему он привел этот пример? Делаю логический вывод: «Если, по словам священника, «весь мир — Церковь», то он призывает всех нас к беспрекословному подчинению. Вся страна — монастырь, все люди — бессловесные твари». С ума сойти можно. Очень спорные вещи преподносит. А мой Бог и моя церковь в моей душе и в моей голове.

Его герой мечтает о Единой Церкви. Идеалист. Это он называет зрением глубокой веры? Сам-то священник верит в то, что говорит? Наши педагоги тоже учили нас базовым основам научного коммунизма, не веря в него. А еще этот поп говорит, что «вне Церкви живущему, не постижимо... ни Писание, ни дело». Без Церкви мы все недотепы? Любой воцерковленный дурак умнее невхожего в церковь гения? Что-то я совсем запуталась.

Все же непонятна мне христианская, бездумная, непоколебимая, хотя, конечно, добрая, нечуждая нашему народу вера. Вроде, как только на необразованных и на несчастных рассчитана. Нет, вера нормальная, а вот церковь... Лишать счастья чувствовать себя человеком, уважать себя?.. Не-по-ни-маю! — растерянно пробормотала Аня.

— Мне тоже кое-что непонятно. Почему священник доволен, что девушка его сына ушла в монастырь? Он хочет, чтобы церковь воспитала ему послушную овечку-невестку? — спросила Инна, вспомнив последнюю главу книги. — Или он рекомендует каждой девушке, познавшей безответную любовь, отправляться в монастырь?

— Я бы не спешила так утверждать. Если я правильно поняла Аню, Вера влюбилась

в священника, и это определило ее путь. Не суди Церковь, не изучив основательно проблему. Ты же веришь в Высшую, пока неопознанную силу? Или этот вопрос у тебя, как и у Ани, находится на стадии осторожного предположения? — церемонно поинтересовалась Жанна у Инны. — Осмелюсь предположить, что...

— Это другое, — резко возразила Аня, вынужденная признать частичную справедливость замечания оппонента. — Моя вера призывает к познанию, а не к молчаливому подчинению начальникам от религии. В моем мировосприятии научные подходы занимают намного большее место, чем религиозные. Просто иногда кажется, что последний шанс в жизни человека зависит не от него, а еще от чего-то: от чуда или от взгляда свыше...

— Все мы дремучие: Жанна в одном темная, мы в другом, — рассмеялась Инна и скосила глаза на Лену.

— Священник — герой книги — может быть, далеко не во всем положительный, но не будем распространять свою к нему нелюбовь на всех служителей веры, — попросила Жанна. — А Богу можно служить и в церкви, и в лаборатории.

— Нет, я понимаю, все мы православные, и, возможно, неверием опрометчиво себя в чем-то обедняем, но я не могу верить в ненаучное, недоказанное, тем более, что и мое собственное понимание не тождественно «благой вести», — сказала Аня. — По мне так неверие в себя, в свои силы более опасно.

— Если доктор все знает о болезни пациента, это не значит, что он должен говорить ему, что тот через месяц умрет. Есть Бог или нет — это не научный момент, а факт веры. Может, есть нравственные пределы, границы, куда наука не должна заглядывать? Я знаю одно: человеку назначено царствовать на Земле, и жизнь каждого из нас связана с нашей планетой очень тонкими, но прочными нитями судьбы, — заявила Жанна.

— Я вся на эмоциях. Как мне детям про это объяснять? Они же спрашивают.

— Ты умная, сумеешь кратко и неэмоционально донести им свое мнение, сильно не углубляясь в теорию, — сказала Инна. — Не к оправданию или презрению призывай, а к пониманию простых житейских истин и заповедей.

Женщины замолчали. Видно устали от диспута и от непонимания. Им не хватало аргументов для того, чтобы стать на ту или другую сторону по отношению к герою книги.

«Засыпают! — возликовала в душе Лена, и блаженно улыбаясь, начала погружаться в теплую дрему.

*

Лена слышит, как Аня с Жанной громко шепчутся.

— ...Меня пугают массовые мусульманские моления. Как стадо послушных овец или как при военном коммунизме...

— Где твоя веротерпимость?

— К моим знакомым часто приходят в гости родственники со стороны зятя, но ведут себя в их доме как хозяева, заставляя всех выслушивать их молитвы перед обедом. Они помешаны на американском христианстве.

— Религия тут не причем. Я предполагаю в них элементарную невоспитанность.

— Мне так не кажется. Они намеренно нагло себя ведут, как миссионеры навязывают свою религию. У них нет ни малейшего сомнения в своей правоте. Это уже попахивает фанатизмом. Я «крайних» боюсь. Вера, если она в избытке, может ожесточить людей, сделать их нестигаемыми, неумолимыми. Загнать бы джина религиозного экстремизма назад в бутылку. Я недавно краем уха услышала по телеку, будто мусульмане возобновляют обряд обрезания у женщин. Правда, сейчас иногда с экрана такое несут... У мужчин это нормальная гигиеническая процедура, а что можно отрезать у женщины?

— Малые и большие половые губы.

— Варвары!! Не могу поверить в это издевательство. Зачем губить природную красоту?
— изумилась Аня.

— Наверное, чтобы уменьшить женскую сексуальность.

— Мужчины там все импотенты и дикие ревнивцы?

Поэтому заставляют своих жен кутаться с ног до головы? Мужики слабаки, а женщины обязаны страдать? Вот всегда так. И это в двадцать первом веке! Инны на них не хватает. Она бы порядок навела, — пошутила Аня. — Слава Богу, наши мужчины без подобных заскоков. Может, всё это неправда, выдумки непорядочных людей?

— Похоже на то.

— И не стыдно вам? — прошептала Лена.

— Так ведь по телевизору... — как пойманная на глупости школьница, засмушалась Аня.

— А мозги для чего?

— Моя подруга замужем за иранцем, они вместе в Ленинградском университете учились. У них прекрасная семья, построенная на любви и уважении. Так вот она утверждает, что женщины там чувствуют себя более защищенными, чем у нас в России. Они мало участвуют в общественной жизни страны, но в семье их роль определяющая, потому что устои института семьи очень крепкие, — сообщила Инна.

— Думаю, во многом эти устои, как и у нас, зависят от личных качеств каждого мужчины, — не поверила Аня. — Повезло твоей подруге.

— А что ты, Жанна, сообщишь нам о религиозной сущности русского народа? — задала вопрос Инна.

— Причем здесь русский — не русский. Бог — един, Он вне места, вне времени и пространства. Он не отвечает за отклонения в психике своей паствы, — нервно отмахнулась та.

— И это всё, что ты можешь сказать? Почему Он не хочет навести порядок на планете?

— Это дело людей. Бог дал им свободу.

— Вот собрать бы все религии за одним столом... —

вздыхнула Аня.

— Это твоя личная утопия? Бесхитростная ты, перфекционистка. Может, и хорошо, что все они разные? Воссоединение всех в едином церковном порыве... тоже может быть очень опасным. Кто-то должен быть «за», кто-то — «против».

— Все мы находимся в сложном напряженном диалоге... Ты тоже пыталась коснуться неба и искала справедливости в крайностях, — упрекнула Аня Инну.

— Ты права. Хотелось бы разделить в человеке плохое и хорошее, и плохое уничтожить. Но это невозможно. Единство противоположностей. Противоречия — двигатель... Философы правы.

— Я слышала, что религиозность — врожденное чувство, — сказала Жанна. — Меня неосознанно влечет к богословию как в прекрасную неизведанную даль. Может, это стремление — результат существования во мне давней нестертой памяти предков?

— Величайшая глупость. В подсознании кроется только страх смерти. А верят люди в Бога, потому что грешны в той или иной степени, вот и боятся ада, возмездия, и на всякий случай к попам ходят, заранее прощение вымаливают. Разве можно таких людей назвать умными? — не выдержала Инна. — Если даже существует врожденное религиозное чувство, то зачем его возрождать и укреплять, если оно не побеждает врожденного эгоизма?

— Человек смертен, а человечество бессмертно. И это должно служить ему утешением. Но когда он перед вечностью... Сколько людей, столько разных пониманий, — вздохнула Аня.

— Бояться жить активно, чтобы не нагрешить и не попасть в ад? Не влюбляться, не ошибаться, не достигать вершин?.. Жить как овощ и ждать своего ухода в рай? Это, вы меня извините... — презрительно фыркнула Инна. — Человек имеет право осмеливаться на многое.

— Но и вытворять не пойми что... — начала было возражать Жанна.

— Зачем не пойми что, если есть умная голова и право выбора? — резко прервала ее Инна.

Аня заговорила тихо и проникновенно:

— Меня священник Илларион, в миру Алфеев, очень заинтересовал. Прямо скажу: нравится он мне. Я испытываю к нему доверие и могу сказать о нем словами Марины Цветаевой: «Но всё в себя вмещает человек, который любит мир и верит в Бога». Я внимательно слушаю по телевизору его выступления. Блестящие. Умный, я бы сказала талантливый, интеллигентный. Воспитывался в тепличных условиях, но рано проявил зрелость и мудрость. Счел служение церкви выше служения музе, хотя духовная музыка как молитва постоянно звучит в его голове и душе.

— Поп из нашей церкви утверждал, что духовную музыку нельзя написать, не будучи воцерковленным. А Лена с детства ее в себе слышала, хотя была некрещенной, — влезла со своим замечанием Инна.

— Я думаю, священник Илларион далеко пойдет, — с глубоким уважением сказала Аня.

— Если милиция не остановит, — брякнула Инна.

— Не к месту, — сухо заметила Лена, и лицо ее на мгновение исказила гримаса раздражения. — Наверное, для масштаба такой личности выражать себя только через музыку недостаточно. Она, очевидно, устраивает его как хобби.

— То был указующий перст Божий, — сказала Жанна.

— Не могу не заметить: служение религии, как и служение государству, иногда оказывается делом весьма неблагодарным, — сказала Инна. (На кого она намекает: на Сталина, Столыпина или вообще?..)

— Вот я и думаю: неужели он верит? — Это Аня усомнилась.

— Неужели не верит? — съехидничала Инна.

— Может, им еще что-то руководит? Допустим, соображения удачной карьеры. Он почувствовал призвание к ней, осознал свои способности, — предположила Аня.

— Одно другому не противоречит. Я запомнила его фразу о том, что Бог выстраивал его жизнь так, что других вариантов не было; и что Бог не отступает от своих намерений, добивается их осуществления, — вспомнила Жанна.

— А может, это мама его с детства уверенно направляла? — не согласилась Аня.

— В таком случае Бог ее рукой вел сына в нужном направлении, — заявила Жанна.

— Вот такие священники пусть бы служили, — сказала Аня.

— Твоего согласия на это не требуется, — сердито пробурчала Жанна.

— Но он за религиозное воспитание в школах, — недовольно заметила Инна. — Что, Анечка, поперхнулась? Я замерла в ожидании зловещей тишины.

— Я ушла с намеченного мне судьбой пути, и все равно хоть через сорок лет,

но вернулась на предназначенную мне стезю и причалила к нужному берегу. К тому же на новом, более серьезном витке, — сказала Лена.

Выводы она предлагала женщинам делать самим.

*

— ...У протестантов нет исповеди и отпущения грехов. У них не торгуют... порядочностью. Может, они к жизни строже относятся, потому что не надеются на списание грехов в церкви? — спросила Аня.

— Куда нам до их каменной неподкупной суровости!

— Разные слова, разные традиции, а обозначают одно и то же, — отреагировала на Иннины слова Жанна.

— А женское пение в их соборах запрещено, — вспомнила Аня. — Это дискриминация или традиция?

— ...Тайны исповеди на самом деле никогда не существовало. Священники при Союзе доносили властям. Стукачами были, — сказала Инна.

— Ты не ошибаешься на их счет? У тебя в глазах такая неколебимая уверенность, — осторожно спросила Жанна.

— Факты упрямая вещь.

— Я считаю, что ябедничество — это когда ложный донос, — выразила свое мнение Жанна.

— Не слышу уверенности в твоих словах. Сообщение чужой секретной, хотя и личной информации — все равно предательство, пусть даже мелкого масштаба. Если человек плохо делал, я ему об этом в лицо говорила, но никогда не доносила начальству. Мне хотелось, чтобы человек исправился, — сказала Аня.

— Вооружившись безрассудством, мчалась ко всем на помощь? — удивилась Инна.

— Но многие считали, что доносила, потому что я слишком правильная. Я страшно обижалась на коллег. Не знали они, что у нас, у детдомовских, за доносительство жестоко карали сами дети. И это было ужасно... Сексотством, как правило, занимались лицемеры и подпевалы, которых я презирала. Помнится, фискальство на Руси ввел Годунов. Только не помогло оно ему, даже, кажется, наоборот — помешало.

— Ах-ах, вселенская скорбь. Правду-матку резала в глаза, пыталась перевоспитать или призвать к ответу посредством доброты? Можно подумать, что те, кого ты хотела спасти, сами не понимали своих дел! Ну, если только дети, — с выражением надменного торжества на лице и в голосе сказала Инна.

— Я очень ценю людей, которые мне открыто, но не грубо говорили о моих недостатках и ошибках с целью помочь, вытащить из беды, а не утопить. Жаль, что слишком мало их встретилось на моем пути. Только в университете. Девчонки не отходили от меня ни на шаг, учили, объясняли мои «заскоки». Я им так благодарна! — радостно вздохнула Аня.

— ...Зачем тянуть в будущее то, что не раз скомпрометировало себя в прошлом?.. Надеешься, что мечта одного человека может заразить многих?

— Ты это о всемогущей всеблагодать вере? Библию читала? — Жанна легко соскользнула на любимую тему, ее голос возвысился на полтона. (Виртуозно повернула!) — Меня поражает духовная красота Евангелия. Именно в Библии я открыла для себя четвертое измерение — духовность. А ты, Инночка, в нем ничего не понимаешь.

— Жанна, отвлекись на меня, выслушай, вникни в рассуждения дилетанта и найди в них ошибку, — попросила Аня.

— Они о чем?

— Тело подчиняется физическим, химическим и биологическим законам природы. В животном мире нет свободы воли, там все на инстинктах. Я понимаю, нематериальный мир существует. Эстетика, мораль и все такое... Он — достояние человека. Но эти категории не объективные, а субъективные. Мне кажется, нравственность опирается на свободу воли, а не на религию, которая утверждает, что мозг — это только инструмент, которым мыслит наша душа. Я сравниваю внешнюю жизнь со своим внутренним «я» и делаю выводы. И получается, что мое внутреннее «я» и есть душа? Или это ничего не значит?

За поведение всех органов чувств отвечает мозг. Он функционирует и без души. А душа без мозга, без тела не может существовать. За что душа отвечает, если она не видит и не слышит? Я приписываю душе качества материи? Что первично? Душа пополняется нашим опытом или она остается в первозданном состоянии, а мозг развивается? Я была совсем крохой, но уже чувствовала красоту природы. Это мне было дано с рождения.

— Мозгами, которые мы получаем от предков, надо еще научиться пользоваться, — не вытерпела Инна.

— Ты права, оказывается, «думать о своем думании — рефлексии — дано далеко не каждому, а заниматься размышлениями о чужом думании могут многие, но, опять-таки, далеко не все». Я недавно на эту тему целую лекцию прослушала. Поразительно! Получается, Зоя напрасно обижалась на мужа за то, что он не умел думать. Звучит странно, не правда ли? Мне кажется, это качество можно в человеке развить, если заниматься этим с детства.

— Говорят, что дети не обладают рефлексией, — заметила Инна. — Но, наверное, не все. Умные оценивают себя. Лена лет с пяти этим сознательно занималась.

— А что есть ум? Раньше считали, что математики умные, а балерины — нет. Стали исследовать. А у них в головах такое творится! В танце задействованы острый ум, память и душа, прекрасный интеллект, внимательность и мощная эмоциональность, умение управлять телом. Гармония во всем! Постигание фактов не делает человека умным, личностью. Для этого необходимо наличие совокупности многих факторов. Айкью изучает только один из видов ума, основанный на памяти. Есть люди, которые могут многое запомнить, но информация не увеличивает их интеллект, потому что они ее не понимают, не воспринимают и не способны ею оперировать. Мозг должен мыслить, а не быть хранителем бессмысленного, ненужного багажа. Мы слышим ушами, смотрим глазами, а видим мозгом. У одних людей он приспособлен для решения линейных задач, у других — для более сложных. У меня есть знакомый математик. В быту он дурак-дураком, мать его за ручку в магазин водит, а в науке он гений. И у меня огромные претензии и к своему мозгу. В нем горы лишней информации! Как он в ней разбирается?

— Смотря что называть лишней информацией. Мы не различаем поляризованный свет, не ощущаем электромагнитные волны, как некоторые животные. Мы не знаем, что они видят, глядя вместе с нами на один и тот же объект. Может, перед ними совсем иная картина вселенной! Даже у разных народов неодинаковые взгляды на жизненные процессы. Отсюда сложность коммуникации, — сказала Жанна.

— И войны из-за этого? Они от неспособности или от нежелания стать на позицию другого и договориться, — рассмеялась Инна. Ей было скучно. Ничего нового от Ани она не услышала.

— Качество и количество нашей памяти связано с мощной сетью нейронов, а значит, с белками. Ученые предположили, что память есть голограмма и создали ее искусственные носители. Следующие датчики были основаны уже не на оптической передаче информации, а на спиновой. Естественно, что они получились более мощными. Но искусственный мозг это устройство, которое работает по программе, которую ему задает человек. И что есть его возможности по сравнению со способностями нашего мозга! Мозг слишком сложно устроен, и постичь его, значит, понять, что есть человек. Нам надо продолжать доискиваться или остается склонить головы перед мощью Природы?

— Тебя надо дисквалифицировать за пораженческие настроения, — шутило

отреагировала на Анин пессимизм Инна.

— А что есть творчество? Предложена гипотеза о том, что в мозгу существуют специальные биоволны, но пока нет фиксирующего их чувствительного прибора, поэтому доказать их наличие не представляется возможным. Мы уже всего человека можем собрать из «деталей», кроме мозга. Но чип в него уже вживляем. И кого в результате получаем? Сколько интересных вопросов! Раньше всем в Природе командовала эволюция. Но с появлением на Земле человека, прогресс все больше и больше ее оттесняет и заменяет. Эволюция в Природе длилась миллионы лет, а человек укорачивает это время до десятилетий.

— Ученые уже создали клетки и органы, которые способны функционировать отдельно, но им еще важно добиться, чтобы они жили согласованно со всем организмом человека. Люди научились «подсаживать» гены, чтобы исключать серьезные болезни. Науку и прогресс не остановить, но не приведет ли это к непредсказуемым результатам? — спросила Жанна.

— Успокойся, мы уже испорчены генетически модифицированными продуктами. И компьютеры влияют на наши мозги. Мы считать и запоминать разучились. Приспособимся, — заверила Инна.

— Если у меня есть сознание, то я обладаю свободой воли, — вернулась к уже озвученному тезису Аня. — А что есть сознание? Понимание своего места в Мире? А как у животных насчет сознания? Допустим, у птицы? Оно у них в зачаточном состоянии? Для меня духовность — это стремление к совершенству, желание побеждать порочные страсти. Только причем здесь Бог? Я хочу с ними бороться, а кто-то нет. Свобода — сознательный выбор на основе высших ценностей, заложенных и воспитанных в человеке. Заложенных Богом и воспитанных родителями и средой? Бог всем разные души дарит? А разве не родители? Одному гадкую, другому прелестную. А может, всем одинаковые? Ребенок, выращенный волками, становится животным. А куда девается его божественная душа?.. Она покидает несчастного, хотя он еще живой? Или, если мозг не развивается, то душа тоже? Так что же такое душа? Может, и правда существует не только энергетическое, но и биологическое поле Земли? Ты должна понимать меня, как никто другой, — озадачила Аня Жанну массой вопросов.

— Мы что-то чувствуем внутри себя, но не можем постичь. Видно это всё, что отпущено нам знать и понимать, — не очень уверенно сказала Жанна.

— У меня хаос в голове. По религии душа — это божье вместилище, храм святого духа. И если в ней нет Бога, то она пустая. Я по телевизору лекцию батюшки прослушала. Мне кажется, что душа не вместилище, а сама суть человека. Религия утверждает, что душа принадлежит Всевышнему, что духовная жизнь невозможна без Бога. Значит, у нас, у неверующих, нет морали? Чушь! Но жизнь по воле Бога — это религиозная жизнь в духовном единомыслии с церковью. А мы живем светской жизнью во имя человека и человечества. Но, насколько я знаю, заповеди наши совпадают. Не убий и прочие... Тогда в чем разница? Только в том, что у светского человека любовь к людям, а у воцерковленного — еще и к невидимому Богу, у которого он ищет защиту? И все? Ему приходится раздваивать свою жизнь между церковью и светской жизнью. Отсюда все дальнейшие последствия. Я считаю, что положительно настроенная душа есть у всех людей независимо от вероисповедания. Но, живя в гадком окружении, слабый характером человек не слушает свое внутреннее «я» и становится плохим.

Я читала, что «дух — есть печать. Она есть принадлежность к Богу». Кто и когда налагает ее на человека? Бог? Всем ли? А если не всем, то почему? Церковь утверждает, что плотский человек живет как животное, и в рай он не попадет, а у одухотворенного — духовное начало находится в гармонии с телом и душой, и вечная жизнь ему обеспечена. Будто бы все правильно даже по светским понятиям. Но я не ставлю знака равенства между духовным и религиозным. Одно не вытекает из другого. Я знаю много прекрасных людей, которых не касалась религия. Родители серьезно занимались их воспитанием, не привлекая в этот процесс церковь. Детям прививали хорошие качества и оберегали от плохих. А церковь воспитывает запугиванием. Видно ей так проще. Священники, сами не зная истины, запугивают людей своим словоблудием. Для меня духовность — это некая сумма положительных проявлений духа в человеке, самое лучшее, высшее в нем. Духовный человек следует своей душе. И общество пришло к тому, что имеет, не благодаря религии, а вопреки. Церковь всегда сдерживала любое развитие. Она

боялось прогресса и того, что научные знания разгромят ее постулаты и выбьют почву из-под ног.

— Аня, пока ученые не выяснят, как работает мозг, пока четко не сформулируют для себя, что такое сознание, спорить на эту тему нам с вами, неспециалистам, не имеет смысла, — сказала Лена.

— Это не наш портфель, — поддакнула ей Инна.

После некоторой паузы Аня продолжила:

— По идее религиозный, духовный человек должен быть наполнен любовью к миру, к человеку. Но те, кто посылал летчиков бросать на Японию атомные бомбы, были воспитаны церковью. И Гитлер тоже. Их духовным учителям не чужда была жажда наживы и ложь?.. Не от Бога же они? А у немцев на пряжках ремней писалось «С нами Бог». Они верили, что Бог поддерживает насилие и жестокость?

Я прочла в обсуждаемой нами книге, что у нерелигиозного человека отсутствует понятия греха. Неправда! Глупость несусветная! Что такое хорошо и что такое плохо нам вкладывали в головы с раннего детства. Я также не понимаю в ней фразу: «Дух Божий там, где свобода». Жанна, я уверена, что и ты мне ее не разъяснишь. И еще: голубь — грязная птица. Зачем ее сделали символом чистоты в вере, а потом, наверное, уже по привычке, и символом мира? По незнанию? Но это мелкий вопрос. А вот что есть дух — глобальный. Знает ли ответы сам автор?

Подобных вопросов много. Например, ученые мечтают создать искусственного человека. Но прежде надо понять кто мы, что из себя представляем? Может, такая попытка — вызов Богу? Тогда сразу возникнет масса этических проблем. Не уйдет ли из «нового» человека божественный смысл, его человеческая суть, не станет ли он неуправляемым животным? И синтезирование новых геномов опасно. Есть предположение, что даже когда доктор оперирует или лечит человека, он залезает в душу больного.

— Когда припечет, священники тоже ложатся под нож хирурга. Жить-то хочется. А ты предлагаешь ждать одобрения церкви на каждый научный эксперимент? Тогда наука никогда не сдвинется с мертвой точки, — с усмешкой заметила Инна.

— Я понимаю духовность не в мистическом смысле, это то, что человек накопил в себе за миллионы или даже за миллиарды лет своего развития. А нам теперь хочется научиться переносить на дискету духовность одного человека и передавать ее другому.

Что есть природа человека? Он царь природы или ее часть? Как в нем зарождаются чувства? Они — химические реакции или что-то иное? Генный набор у людей мало отличается, так почему мы такие разные? Значит, одни проявления нашего организма связаны с генами, а другие с воспитанием? — продолжила Аня бомбардировать подруг вопросами.

— Человека отличает язык, осознание себя, рефлексия, способность познавать природу и делать выбор, — предложила Ане стандартный набор качеств Инна.

— Аня, ты хотела бы жить вечно? — спросила Жанна, чтобы уйти от Аниных «выступлений».

— Дряхлой никчемной старухой? Это скучно и безнравственно. Я мечтаю находиться на этом свете до тех пор, пока способна жить активно. Даже животные это интуитивно «понимают». В одной научной лаборатории создали крысам рай, так восемнадцать процентов питомцев все равно пытались вырваться на свободу. А вот пожить немного дольше отведенного мне генетикой срока я была бы не против. Я читала об интересном эксперименте над грызунами. Мышке в голову вживили кусочек мозга крысы, и она прожила с ним в три раза дольше, потому что срок жизни крыс много длиннее. Я не доживу до революционного скачка в этом направлении науки, но этот опыт обнадеживает. Возможно, ближайшим поколениям людей повезет больше.

«Лена одним только своим присутствием влияет на качество нашего спора», — подумала Инна, а вслух сказала:

— Я считаю семью, школу и положительное окружение лестницей духовного восхождения личности. Даже из ребенка с ограниченными возможностями и способностями можно воспитать духовно полноценного человека.

— А для меня теперь учитель — Бог. Христос — наш первый воспитатель.

— А до Христа люди дураками жили? Неизвестно сколько до Него возникало и погибало великих цивилизаций. Все они стремились к невозможному: остановить время или остаться в веках величественными памятниками, рвущиеся в небо. Но время неумолимо и безжалостно... — насмешливо заметила Инна.

— Может, и потопов было несколько? И Ноев ковчег был многоэтажным? — неожиданным образом отреагировала Аня.

— Археологи находят следы высокоразвитых культур за много тысячелетий до нашей эры. Люди до морально-нравственных законов доходили своим убогим умишком и без Христа. Не убий, не навреди... Только не все выполняли. Религию придумали умные, но хитрые люди себе на пользу. И сейчас я наблюдаю монополизацию церковью нравственных ценностей и стремление властвовать над душами людей. В школу стремятся проникнуть... на фоне расширяющегося мракобесия. Такова их первоочередная задача? Только свободно и сознательно принятая, не навязанная вера крепка. Может, и вопросы образования у нас теперь будет решать церковный Совет? Длину юбок в школах измерять станут, брюки отменят, платочки на головки девочкам повяжут, чтобы они чувствовали себя не только школьницами, но и рабынями Божьими? И тогда дети вместо библиотек побегут в храмы? Может, еще введут всеобщую подушную десятину? Ой, я уже слышу гневные проповеди сильных мира сего! — рассмеялась Инна.

— И тогда уж нам будет не до смеха, — заметила Аня. — Не скрою, испытываю опасения. В России уже тридцать восемь тысяч храмов. Скоро их будет больше, чем школ? И все они денежки из народа тянут. Я не хочу возвращаться в то далекое прошлое... Я стремлюсь сохранить в себе и в моих подопечных детях все лучшее, что было в моей молодости.

— Я слышала по телевизору, как священник утверждал, что христианская религия обеспечивает внутреннюю свободу человека и делает его сильным. А другой призывал выстраивать взаимоотношения государства и церкви по принципу симфонии, созвучия, чтобы не было смещения в сторону государства, — осторожно заметила Жанна.

— Мягко стелют. Проповедуют сращивание церкви и государства? — уточнила Инна.

— Нет, диалога и сотрудничества.

— Строить демократию с церковным лицом? Мне кажется, дружа с церковью, мы больше проигрываем, чем выигрываем, — высказала свое мнение Инна.

— Если бы они дедовщину в армии искоренили, — пожелала Аня. — Но у них у самих... ты же знаешь. Или помогли бы коррупции победить.

— А у меня к их религиозным отшельникам-аскетам много вопросов. Молясь в одиночестве, они тоже не нуждаются в посредниках, в церкви? И не сгорят в аду? У каждого свой путь?.. Но Христос тоже был посредником между людьми и Богом. Отшельников возвышенное привлекает, они философствуют? А по мне так от трудностей быта сбегают. Заботиться только о себе и своих мечтах-желаниях куда проще, чем о своих ближних. Это женщины обязаны успевать думать и о высоком, и о низменном. А почему девочек при крещении в алтарь не вносят? С самого рождения дискриминация! Ее священники придумали? В раю все будут равны? Но смерть — просто переход в другую сущность. Что поменяется за ее воротами, за гранью, где человек ждет награду за праведную жизнь? Или душа бесполоая?

Отшельники едят мало? Не удивительно. У меня в студенческие годы к концу сессии тоже аппетит пропадал, когда целыми днями над книжками корпела. Им бы дровишек три-четыре часа в день поколоть, он бы враз вернулся. Что касается их борьбы с плотским, фрейдистским... Видно не нравилось или не получалось.

— Инна, остановись, не опошляй, — тихо, но резко потребовала Лена.

— И я не намерена отступаться, Слово Божье даровано и ниспослано людям через апостолов, пророков и их учеников, — уперто пробубнила Жанна.

— Ой, не неси пургу. И Тора, и Библия, и Коран? Стушевалась? Зачем Бог создал столько религий? Чтобы был раздрай, войны, чтобы люди гибли? Уличила? Не убедила? У меня слишком низкий уровень доверия к церкви. И религиозную литературу я не особо жалую. Это умные книги, неизмерима степень их влияния на людей, но писаны они с определенным умыслом. Они больше о смерти, чем о жизни, потому что люди мечтают о рае, как о вечном блаженстве. Интересно, что скажет религия, когда смерть будет побеждена? — фыркнула Инна.

— Христианство не про мучения, а про способность любить, — возразила Жанна.

— Что для тебя есть любовь к Христу?

— На всё смотреть Его глазами.

— Тебя распинают, убивают, а ты глядишь на убийц и желаешь им добра? Благодарить? И такое ты говоришь на рубеже тысячелетий? Где твоя советская твердыня? У тебя раздвоение, расщепление личности? Давно твои мозги стали крениться в сторону умопомешательства? Не стоит нам лезть в религиозные дебри. Это опасно, — насмешливо сказала Инна. — Я не знаю других преимуществ одного человека перед другим, кроме доброты. Что-то подобное сказал Бетховен. Истинной, душевной, а не придуманной доброты человека к человеку! Я обеими руками голосую за этот тезис.

— Эмоциональный уровень нашей беседы превышает допустимый, — заметила Лена.

— Знаний у нас маловато, чтобы спорить, — примирительным тоном согласилась Жанна.

— Я утверждаю только одно: «Всё было всегда».

— А теория взрыва и расширение вселенной? Не о чем нам спорить. Мы с тобой придерживаемся разных мировоззрений, — с сожалением сказала Аня.

*

— Павел Второй призывал покаяться и признать свою неверность Евангелию. А ты, Жанна, мне в упрек ставишь меньший грех — незнание. Между прочим, в Библии многое устарело. Святошам подправлять ее приходится, — усмехнулась Инна.

— Едва ли, — покривив в усмешке рот, усомнилась Жанна. — Основополагающие положения не стареют. Ну, если только в мелочах. Ты недостаточно вовлечена в процесс понимания. В Евангелие все смыслы до конца раскрыть невозможно. Жизни не хватит. И каждый человек вносит в них свои подтексты и мысли о времени, в котором живет. А тебе ближе духовность Ритиных книг?

— Можно и так сказать. Евангелие, как и всякая религиозная книга — апокриф. Стремление к чуду от необразованности и страха, а «хочу знать» — естественное чувство нормального человека. Нет предела в познании, в постижении и поиске. Знание абсолютно. Применяется оно в данный момент или нет, оно все равно необходимо. Но мы об этом последнее десятилетие забыли. Высшее образование, видите ли, нам теперь, не нужно! А в наше время родители мечтали, чтобы их дети заканчивали вузы, потому что они получали не только специальность, но и более высокий уровень культуры. Они поднимались еще на одну ступень...

— Мы падали и поднимались. Были шипы и розы. Падать было больно. Зато какие ощущения! И все это по воле божьей, — пробормотала Жанна.

— Ты о теоретической физике, о математике или о богословии? — неожиданно шутливо прервала Аня Жанну.

Инна неожиданно рассердилась:

— А я об уровне обучения. Допустим, купили мы за границей самую современную технологию. А кто ее поймет, изучит и будет эксплуатировать?

— Так нам и продадут самое современное! Старье подсунут, уже негодное для себя нам спихнут, — усмехнулась Жанна.

— Выкрутилась. А как самим новое создавать, не изучив старой основы? — спросила Инна.

— Все равно не стоит всем давать высшее образование. Новая экономика не заинтересована в унифицированных специалистах. Их в ближайшее время заменят роботы. Теперь науке и производству необходимы только мыслящие уникально, гибко, не стандартно. Таланты надо искать, а найдя, жестко заставляя детей учиться тому, к чему у них есть склонность: подталкивать, развивать. Надо готовить профессионалов, — ответила Жанна.

— А не с любовью, с подходом и доверием? И это говорит бывший педагог! Я считаю, что всем нормально соображающим и истинно желающим надо давать образование! Только качественное. Приведу исчерпывающий пример. Тушили летчики пожар. Низко опустились над лесом, чтобы точнее вылить свои сорок тонн воды, а мотор самолета в горячем дыму и пару захлебнулся от недостатка кислорода. Летчики не смогли высоко взмыть и врезались в сопку. Люди погибли. Пожарнику тоже надо знать физику, химию и азы медицины. Одними инструкциями даже в обыденной жизни, а тем более в критических ситуациях не обойтись, — твердо заявила Инна. — Мы образованнее наших стариков, а наши внуки — менее, чем мы. Парадокс. Обидно. Хорошее образование означает еще и более высокий уровень культуры в стране, и, естественно, более высокий уровень притязаний. Сталевара и повара надо тоже не только учить варить требуемый продукт, но и понимать, ценить и любить жизнь во всей ее красоте и разнообразии. Наша страна нам дала такую основу, что мы до сих пор от нее имеем дивиденды.

— Чтобы не тянуло к бутылке и не хотелось почесать кулаки? Перья распушила! Так это вопрос воспитания, — заметила Жанна.

— Я иногда ради любопытства захожу в местный педвуз на физмат и сравниваю, что там было, с тем, что есть сейчас. Сначала у них из обучения мастерские убрали, теперь приборы не покупают. Чему может научить своих учеников учитель, который сам не держал в руках ни дрель, ни паяльник, никогда не измерял напряжения в сети и не испытал радости от удачно проведенного эксперимента? А когда я обратилась с этим вопросом к депутату, он ответил: «Это не технический вуз». «Но прививает любовь к технике учитель!! Следующим ученикам, которых будет обучать этот, с позволения сказать, специалист до ухода на пенсию, трудно будет найти утерянную нами ниточку», — возразила я. Но не была услышана, — раздраженно сообщила Инна.

И Аня пожаловалась:

— Я как-то пришла в школу, где работает мой бывший ученик. Она котируется в нашем городе в числе лучших. А у них кабинет труда в сто раз хуже того, что был в моем послевоенном детстве в деревенской школе! И учителю было передо мной стыдно. Он смущался, мялся, говорил, что он бы со всей душой, но деньги...

Теперь на уроках труда школьники не получают практических навыков, только лекции пишут о пользе труда и как надо работать. А мы в детстве в каждой четверти какую-то новую вещь своими руками делали и гордились своим умением. И родителям некогда приучать детей к труду, и «Домов пионеров» теперь нет, чтобы увлекать детей чем-то интересным. Что должно быть стимулом в привлечении ребенка к работе? Любопытство, любовь, мечта? А у взрослых? Деньги, тщеславие?..

Нынешние ученики даже на физкультуре изучают теорию, вместо того, чтобы разминаться, приобщаться к спорту. И это при том, что детский сколиоз бьет все рекорды. Что из них вырастет? Как-то вывели старшекласников на спортивную площадку — я мимо этой школы в магазин хожу — жуткое зрелище: вялые, сутулые, безразличные, на лицах скука. Я писала об этом в разные инстанции, только кто меня станет слушать? Если бы это кому-то было выгодно, тогда, может, и сдвинулось бы что-то в положительную сторону.

Мои лучшие ученики, которых я обучала в обычной школе, уехали на Запад, не воспитав себе смену. А у них должно быть чувство социальной ответственности. Не привелось?

Растворилось в завышенных потребностях? Обидно! Я уже стара для молодежи, смотрю на них снизу вверх, проецирую их взгляды на себя и не понимаю. И они не хотят меня воспринимать, брать в расчет мой опыт, начинают права качать. Им, видите ли, одной учебы мало, они еще и развлекаться хотят. А для меня в их годы была бы физика и математика... — вздохнула Аня. — Но они отчасти правы. Жизнь-то поменялась.

— Я довольна результатами своей работы. Многие мои ученики пошли в учителя и в другие вузы, — похвалила себя Жанна.

— Только все ли работают по специальности?

— Не моя в том вина.

— Надеюсь, религией ты занялась всерьез уже будучи на пенсии? — тоном следователя спросила Инна.

— Надейся. — Жанна отфутболила в пространство неопределенности вопрос Инны.

— А вот Екклесиаст утверждал, что знания приумножают печали, — сказала Аня.

— Он, наверное, подразумевал знание своих грехов, — рассмеялась Инна.

«То держатся определенной линии разговора, то скачут с темы на тему, с предмета на предмет. Не прослеживается логическая цепочка в их беседе. Я будто выхватываю фразы из споров различных групп людей, — недоумевает Лена. — Может, я уже сплю?»

— ...Без Бога не совершается ни одного события на Земле!

«Это Жанна провозгласила», — не открывая глаз, определила Лена.

— И эпидемии по воле Божьей? Сколько страданий принесла людям религия! Вся ее история — история принуждения и принижения человеческой личности, — возмутилась Инна. — Ох уж эти мне вечные религиозные войны! К ним надо всегда быть готовыми. Интересно, в каком соотношении находятся польза и вред от религии? Хотя бы навскидку. Понимаю, в разные эпохи оно разное. Но мне кажется, что польза сомнительна, а вред очевиден.

— Историю человечества не повернешь вспять. Религия в крови людей. Что традиционно, то и вечно, — процитировала Жанна.

— Традиция — не охранение пепла, а передача огня. Страх в человеке неизбытен. Вот и приходится с религией как-то мириться: то бороться, то заигрывать, — не позволила себя сбить с мысли Инна. — Всё, как и в светской жизни.

— Сейчас требуется играть в поддавки. И это жизненно важно, — сказала Аня тоном, отсекающим всевозможные последующие рассуждения.

Женщины умолкли, задумались над «мировыми проблемами». Даже Жанна не осмелилась выступить на защиту своих не очень стойких верований, похоже находящихся в зачаточном состоянии.

Но пауза была недолгой.

— Автор книги в одной из проповедей устами священника утверждал, что Христос — самый гармоничный и безгрешный человек. Так ли это? Я понимаю, все ключи от великих тайн лежат в прошлом и хранятся в Библии. Я читала ее предания, догматы веры. И по сей час испытываю «мрачно-могучее сияние боли» исходившее от описания того жестокого таинственного, мистического мира. Люди с сильными положительными характерами в библейских историях почему-то часто оказывались в убытке. Справедливо ли это? Всё как в жизни?

Я не раз обнаруживала, что Христос далеко не идеален: и гневлив, и жесток бывал. В нем много отрицательных черт, с которыми надо бороться даже простому смертному. Он так был задуман? Всякая религия — душа народа. Поэтому для меня Христос —

герой, миф, в котором человечество запечатлело само себя. Мы до сих пор живем в мире мифов и сказок. Общество тоже живет иллюзиями, как и отдельные люди. По-моему, Христос был умным энергичным человеком, оставшимся в веках благодаря своим деловым качествам. А что перевозносим Его... так ведь русскому человеку свойственно говорить и думать о возвышенном, потому что он чувства ставит выше разума. Только вот почему он... не летает? — усмехнулась Инна. — Если только в мечтах...

— Вера, религия и Библия — не подлежат экспериментам... Библия — книга бытия, книга неисчерпаемого знания и вдохновения! Каждый раз, беря ее в руки, читаешь другую книгу. Ее смыслы, как и тайну зарождения творчества, в полноте своей человеку никогда не познать. Она всем полезная! — нервно вскрикнула Жанна.

«Какая резкая, негибкая, неистовая и высокомерная!» — удивилась Инна.

— Так никто и не отрицает, — спокойно заметила Лена.

*

— ...Чем помогал этот батюшка из книги матерям безнадежно больных детей? Тем, что говорил «Христос не боялся смерти и нам велел принимать ее с благодарностью?» То, что Христос смертью победивший смерть стал бессмертным, это естественно, он же был сыном Божьим, и ему бессмертие было гарантировано. Только причем тут обыкновенные грешные люди? Конечно, все мы живем перед лицом вечности... и знаем о смерти без иллюзорного антуража. Это понятие бывает сакральное и бытовое... Разве слова священника уменьшат боль родителей? Ведь поспособствовать выздоровлению больных не в его силах. Он и сам это признавал, — продолжила изъясняться в своих сомнениях Аня.

— Врачи заботятся о теле, священники — о душе. Они отпускают грехи и обещают безгрешным верующим бессмертие. Это и есть лекарство, — объяснила Жанна. — Священники дают прихожанам то, что они от них ждут.

— А мы так об этом не знали? — насмешливо фыркнула Инна. — До чего же всё прозрачно... и прозаично! А нас учили, что истинное бессмертие состоит в том, чтобы во имя счастья людей отдать всё самое дорогое... допустим, свою жизнь и навечно остаться в памяти потомков. Имеют ли священники право распоряжаться бессмертием?.. Я очень даже сомневаюсь, особенно, когда вспоминаю батюшку из моего детства, доброго, но пьющего слабого человека. Разве матерям, которые теряют детей, легче от посул бессмертия? Я этого не понимаю, — чистосердечно созналась Инна.

— А ты разве не понесла бы деньги в церковь ради спасения души своего ребенка хотя бы на том свете? — возмутилась Жанна.

— Когда я была маленькой, взрослые говорили, что все погибшие дети попадают в рай и становятся ангелами, потому что они безгрешны. Тогда за что платить? Бред какой-то. Мне в голову не приходило давать деньги или подарки попу, чтобы он за меня помолился, я бы скорее хорошему врачу что-нибудь в благодарность подарила, — сказала Аня.

— Религия, искусство и литература помогали в высоких понятиях осознать свой жизненный подвиг и не бояться смерти. Допустим в войну.

— Прекрати, — одернула Жанну Инна. Но та не послушала ее.

— А ты не касайся больных детей и их матерей. Неверующим не понять, насколько важна им поддержка Бога, как они цепляются за чудо, за то, последнее... что может спасти их на Земле и на Небе.

— Помолчите обе, — мягко попросила Лена.

— Верующие люди счастливее неверующих? — очень тихо спросила Аня.

— Ну, если только научатся ограждать себя от напастей крестом, — ехидно заметила Инна — Это то самое и есть, чего бы ты хотела? Тебе достаточно этим довольствоваться или ты мечтаешь о Царствии Небесном? — Инна отнесла свой последний вопрос к Жанне.

— Инна, не глумись, — тихо, но жестко потребовала Лена.

«Аня интересней и глубже, чем ее видит Инна. Она изучает, рассуждает и это в ней самое важное. Ее беспристрастность, стремление понять, чтобы голословно не осуждать... Но ее горячность...» — подумала Лена, уплывая в сон.

А Инна, глядя на подругу подумала с грустью: «И я в больнице после очередных химий вот также все время пребывала в состоянии бредового болезненного полусна».

*

— ...А что автор хотел показать и доказать читателям в рассказе о насильнике? То, что Бог не помог священнику перевоспитать преступника? Поп расписался в своем бессилии? Нечего было ему пытаться использовать свои — якобы — «способности и связь с Богом» на «исцеление» бандита. Не умно. Этот проигрыш не вознес его имидж до небес, — с неубывающим раздражением сказала Инна.

— Злая ты.

«Может Жанна и тверда в вере, но не очень умна, если не умеет отражать нападки? Нет, скорее всего, она не очень сведуща», — подумала Лена.

— Вот так приложила! Не злая я, рассерженная. Чуть что, так сразу Инна. Всех собак на меня повесить готова. А ты так добрая и пушистая. Злой тот, кто использует, кто лжет. Я же правду говорю, а она часто бывает несладкая. — Инна как-то по-детски возмутилась, и от этого выглядела необыкновенно искренней. И Лена не выдержала:

— Спокойно всё взвесь. Ты же прекрасно понимаешь, что сложные вопросы часто требуют неоднозначных ответов. Приведи в единение и гармонию все свои мысли и чувства. У тебя это хорошо получается. — Она поощрительно улыбнулась.

— А о чем говорят рассказы «Прилепин» и «Рубин»? (Фамилии перекликаются с героями из классики?) Автор внушает нам, что без исповеди и причастия нельзя уходить из жизни. В рай не попадем. Священник использует горе, несчастья человеческие, страх людской перед болезнями, смертью и вообще перед тем, что за чертой, для того, чтобы пополнить казну церкви, чем она, собственно, и занималась на протяжении всего своего существования. Человек, охваченный скорбным трагизмом своей участи, ради спасения души готов жертвовать... А как же миллионы солдат, героически погибших без причастия? Матери в сердцах своих их отпевали и оплакивали? — спросила Аня.

— Священники придумали заочные обряды, — напомнила Инна.

— Имеешь ли ты право втискивать кого-то в рамки своих понятий? — попыталась осадить Аню Жанна. — Ты втягиваешь нас в сомнительную дискуссию. Это мне не по душе. Я чувствую себя насильно вовлеченной в аферу. Не боишься быть превратно понятой? Ты запросто вываляла героя книги в грязи, не считаясь с его саном. У него на лбу написано: я лжец, я плохой? Воображаешь, что тебе открылась низменная сторона жизни священников, и ты обрела над ними власть? Ты взвинчена.

Сказала и осеклась, подумав: «Ну, как она еще больше заведется, и я с ней не справлюсь?»

— На кой мне власть! Я читала эту книгу, и у меня возникала масса вопросов. Например, разве можно скакать из одной религии в другую? «Нельзя дважды родиться, — весело сказал один мой старый друг. — Поменять веру — это как перепрограммировать себя, задать себе новый жизненный код. А как же судьба, предназначенье Божье? Их нет?»

Почему нельзя венчаться без отметки в паспорте? До революции семнадцатого года можно было, а теперь что изменилось? Этот обряд перед Богом без штампа загса стал не действительным? Значит, священники признают светское выше религиозного?

— Видно церковное предписание обязывает священников признавать гражданскую регистрацию, — ответила на последний вопрос Ани Жанна.

— И о чем этот факт говорит? Люди всё придумывают так, как им выгодно и удобно. Нет,

я, конечно, сначала читала книгу с сочувственным интересом и пыталась понять, куда клонит автор, что он зашифровал в своих сладких нравоучительных словах, но...

— Что, без бутылки не разобралась? — рассмеялась Инна.

— И еще. Получается, что предначертанность как бы... размывает нравственность. Кому на роду написано быть бандитом... Но не должна же... И многое другое. Например, автор торжественно, непреклонно и вдохновенно утверждает, что «мир создан ради Церкви!» Я хотела бы понять эту его заумную претенциозную фразу.

— И ошеломить себя и нас неожиданным прозрением! Что было бы сродни революции. А там как Бог управит... — не смогла сдержать иронии Инна.

— А если и так. Понять сокрушенным сердцем, трезво осмыслить себя не только в личном, в историческом, но и Божественном пространстве, — это как залечить зияющие раны души. Это так возвышено-трогательно и в то же время щемяще-волнительно... Нет, все-таки какой-то подвох кроется в этой его фразе про церковь, — пробормотала Аня. — Автору главное напустить побольше туману, тайны?

— Умудренному жизнью человеку ответ приходит сам собой: Бог создал церковь ради того, чтобы все Ему служили, и чтобы Он смог всех облагодетельствовать и взять в свой рай, — сказала Жанна.

— Служили ему? Себе противоречишь. Бог создал людей свободными! А хитрые люди церковь придумали для закабаления. Твоя версия мне ясна. Хотелось бы понять вариант, исходящий от героя книги. А по сути дела — от автора. Он написал: «Весь мир есть Бог» и еще что-то в таком же духе... Где-то что-то в этом духе я уже слышала... Объяснил бы просто, честно и откровенно, а то... понимай его, как хочешь, — пожала плечами Аня.

— Перенес бы разговор с небес на землю, — усмехнулась Инна.

— Не боишься «оскорбить» иную точку зрения? — недовольно засопела Жанна из-под подушки.

— У нас плюрализм. Погрыземся? — пересиливая изнурительную зевоту, весело предложила Инна.

— Растолковал бы эти свои слова, может быть я и поверила им. А просто так постулировать и преподносить религиозные истины как аксиомы мне не надо. Светские лозунги надоели. Инна, как ты поняла слова матери священника о его жене: «Бедная, бедная Наталия»? — спросила Аня.

— Однозначно. Мать, предрекая их развод, искренне жалеет невестку и тем самым возлагает вину за развал семьи на своего сына. Честная добрая женщина. Не всякому дано заглянуть внутрь души другого человека. Она сумела, — ответила Инна.

— А какой смысл автор в эту фразу вложил? К чему он ее в книге привел?

— Не знаю. В тексте он ушел от разъяснений. Скользкий тип. Может для того, чтобы подчеркнуть праведность и справедливость в характере своей матери? Тогда это ему удалось.

— Но себя-то он этим «опустил». И даже не понял? — удивилась Аня.

— На том и сойдемся.

*

— Инна, тебя не покорило, что автор чертыхается? — спросила Аня. — Меня это шокировало. Я после детдома некоторое время жила в семье дальних родственников. Помню, привезли меня в гости к дедушке в деревню. Стояли мы в его дворе, и он о чем-то спросил меня, а я, по привычке, совершенно беззлобно и беззаботно, как бы походя, ответила: «А черт их знает!» Ты бы видела растерянное, озадаченное, даже обиженное лицо старика! Придя в себя, он только и сказал: «Черное слово в доме?» Я на всю жизнь запомнила эту поразившую меня реакцию: «Ребенок при нем упомянул черта!» Я поняла, что этим выразила старику неуважение, оскорбила его.

Еще я вспомнила, с какой гордостью бабушка рассказывала, что при ней даже самые отъявленные пьяницы не решались грязно выразиться, не то что матом. Она уважала себя!

Дедушка не был религиозным, я не видела, чтобы он крестился на икону, висевшую в красном углу их хаты, но я также никогда не слышала, чтобы он повысил голос или сказал грубое слово. Такова была культура простого русского крестьянина средней полосы России, рожденного в конце девятнадцатого века. Инна, а ты знаешь, русская рюмка под водку вмещала только двадцать граммов. Культурно наши старики употребляли алкоголь и со вкусом. Соберутся, бывало, у деда соседи обсудить что-то важное, сядут вокруг стола, выпьют по стопочке, закусят грибочком или огурчиком с салцем, нашпигованным чесночком, и ведут строгую уважительную беседу. Меня подмывало больше узнать и понять. Я мышонком при них сидела и слушала, потому что исполняла негласное правило: не вступать во взрослые разговоры.

Жанна, ты задумывалась о назначении иконы в доме? При ней неловко ссориться, говорить непристойности. Она будто усмиряет. Лена, а вы в детдоме Бога и черта в равной степени поминали?

— Черта чаще, при малейшей неприятности, а Бога тревожили в крайнем случае, когда нуждались в защите или клялись в чем-то. Детям свойственно облегчать свою жизнь, призывая на помощь высшие силы, а детдомовским тем более, — сказала Лена. — У меня дома две иконы. Одна большая, тяжелая в серебряном окладе, а другая маленькая, расшитая цветным бисером. Ее изготовила и подарила мне сокурсница Оля Селина из Воронежа. Иконка теплая, добрая. Уж сколько лет она на моем домашнем рабочем столе стоит и не надоедает, напротив, ласково притягивает. В ней часть души Оли. А подарок священника меня почему-то не греет. Вот ведь странность какая! Может, дарил без радости или с каким-то прицелом? Сознаюсь, мне иногда хочется повернуть ее ликом к стене. Неловко такое говорить, но, наверное, придется ее отнести в ближайшую церковь. Не пришлась она ко двору, холодная.

— ...В нашей деревне ребят, пытавшихся жить по праву сильного, не уважали, не одобряли. И в вузе я не встретила очень невоспитанных людей. Если только единицы, — сказала Инна. — А теперь идешь по улице, и такое иногда слышишь...

— Ну что ты, сейчас намного меньше, чем в девяностые. Ты заметила, что нищие и пьяные куда-то пропали, как сгинули? И молодежи в парках на скамейках с бутылками пива больше не видно. Почему? — спросила Инна. — Может, антиалкогольная компания, проводимая в СМИ, помогла? Еще бы с курильщиками разобраться. От сигарет один вред здоровью людей. И окурки повсюду валяются, раздражают.

— Я постоянно делаю замечания молодым людям на улице, воспитываю их, чтобы не выражались, не курили. Они удивляются, но слушают и даже не огрызаются. Может, потому что я пожилая? — поделилась опытом Аня. — Я думаю, в стране жизнь устаканится и с культурой поведения все наладится. Речь очень важна людям, ведь через язык мы познаем жизнь вокруг нас, осознаем, кто мы есть в этом мире.

— Стоп, Аня, ты увлеклась. Герой книги не вслух, в уме поминал черта. А это разные вещи, — сказала Инна.

— Я и в уме матюги не могу произнести.

— Ну, ты у нас... видишь в людях только хорошее, не покупаешься на ложь, не злословишь, не осуждаешь, — насмешливо проехала Инна.

Аня смущенно потупилась.

*

— ...Знаешь, сколько раз я выручала людей из беды! И чем они меня благодарили? Обманывали. А чем платили Эмме за ее доброту свекровь и муж? Эх... И что самое обидное, плохие люди из моего окружения живут намного дольше, чем хорошие.

— И все же порядочных людей больше, раз наш мир еще не развалился, — заметила Лена.

— Только это и успокаивает, — хмыкнула Инна. — Автор через своего героя правильно говорит, что человечество ничему не учится, что страсть к власти и золотому тельцу побеждает в людях добро, ведет к войнам. Только себя он не видит среди них.

— А сколько войн еще предстоит пережить народам нашей родной планеты? — продолжила Аня, переходя с интонации экскурсовода на проповедническую, не теряя надежды просветить «блуждающую в потемках» Жанну. — Бог должен быть добрым. Почему он не останавливает зачинщиков войн и не убавляет страдания людей? Жанна, вот ты говоришь, что боль делает нас совершенней. А разве не любовь? Боль только заставляет задумываться. Возьми, например, моих детдомовцев... Им трудно поверить в Бога-защитника.

— Бог — причина всему, Бог есть любовь, — утверждает церковь. Так почему же Он позволяет уничтожать всё живое, им созданное? Как Он может отыгрываться на безгрешных детях?! А разве гибель миллионов людей во Второй мировой, безмерные страдания ни в чем неповинных народов не есть доказательство того, что Бога нет? Может, снимем с Него ответственность за то, что творим и сами начнем отвечать за свои неприглядные дела, за решения руководителей стран, затевающих войны? Мы многое перекладываем на Господа, потому что верим, что мы Его творение? — задала свои неудобные вопросы Инна. — Жанна, я ставлю тебя в неловкое положение? Люди делают глупости? А почему Бог допускает подобное? И такой жестокий мир заслуживает спасения?

— Да. Во имя жизни и любви на Земле, — ответила за Жанну Лена.

— Я против любой религии, потому и не принадлежу ни к одной конфессии. Но мне в этом плане Будда больше нравится. Мне кажется, он не агрессивный, — смущенно поведала Аня.

— Ты за «религию человечности»? Но Будда не Бог, он учитель. Его можно уважать, ценить, но чтобы поклоняться... — высказала свое неуверенное мнение Жанна.

— Искать в ком-то великом защиту, не поклоняясь... Человеку это не свойственно. Ему обязательно надо обожествлять, — с усмешкой заметила Инна.

— Я где-то читала, что Папа Римский, как же его звали... дай Бог памяти...

— Анечка, спишем на злосчастный склероз, — улыбнулась Инна.

— Этот Папа принес извинения за крестовые походы.

— Опомнились святые мужи! И что с того? Сгубили пару миллиончиков народу — извинились, еще пару десятков миллионов угробили — опять извинились. Чего проще! Нет, чтобы не воевать, — отреагировала на информацию Инна. — Видно для высокопоставленных начальников и святош разница между добром и злом если и есть, то слишком небольшая. Видно для них смерть одного близкого человека — трагедия, а миллионы чужих — статистика. И Всевышнему, наверное, изменяет чувство меры. Какой же он добрый, если позволяет злу побеждать добро? — сердито добавила она.

— Опять пошла в разнос? Войны — дело сатанинское. — Это Жанна настороженно отметила и с большим усилием заставила себя остановиться.

*

После недолгой передышки Аня вновь завладела вниманием подруг:

— Хватит решать глобальные вопросы бытия. Сейчас я не о том речь веду. Священник в книге отрицает влияние культуры и литературы на человечество. Говорит, что человек мало изменился за последние столетия.

— Он прав. Я где-то слышала очень интересную и точную фразу на эту тему. В ней утверждалось, что если бы люди быстро росли нравственно, то русские после Пушкина не аплодировали бы Сталину, а немцы после Гете — Гитлеру, — сказала Инна.

— Но, читая и познавая накопленное веками, каждое поколение воспитывается. Литература строит, формирует человеческие сердца. Мы хотели быть лучше, добрее, умнее и становились такими. Нас так воспитывали. Священник считает, что возврат к религиозному сознанию изменит человека к лучшему? Что-то я этого не заметила... за последнее тысячелетие. Социальные факторы оказывают на него большее влияние, чем религиозные. Было семь смертных грехов — если я правильно помню, — а теперь их что-то порядка тринадцати. Одна наркомания чего стоит!

— Они всегда существовали в природе человеческой, но теперь получили широкое распространение. И всё по причине безразличия. Именно с молчаливого согласия равнодушных людей на земле совершаются и множатся преступления, — оспорила последнее Анино замечание Жанна.

— Всегда было подчинение слабых сильным. И на уровне государств это происходило, и, что самое обидное, в семьях. И религия подчиняла, — подтвердила более ранние Иннины слова Аня.

— Но в рамках богобоязненных людей держала, — отметилась репликой Жанна.

— Страхом, унижением и бездумным повиновением.

— Поспешу прибегнуть к авторитету известных философов. Народ — это духовная общность...

Инна остановила Жанну:

— Ты нам еще славянофилов припомни. Те хотя бы придерживались идеи независимости народа от власти. Пойми, не духовность несла церковь, а отказ от способности мыслить самостоятельно. Подчинение самодержавию и религии было идеологией не только российской империи.

— Нас в городском детдоме учили без страха жить в реальном мире, — вспомнила Лена.
— И до сих пор мы не растеряли своей сути, заложенной в нас посредством добра и справедливости.

— Ладно, у нас с начала двадцатого века был тотальный атеизм, но и на Западе церковь не сумела укрепить разрушающийся институт семьи, — отметила Аня. — Нашему поколению не по силам было перешибить законы развития общества и законы работы государственной машины, но что-то позитивное в свою жизнь и мы вносили, оно суммировалось и положительно влияло на общество, делало всех доброжелательнее, честнее и, в конечном итоге, счастливее.

— В твоих словах, товарищ педагог, есть какое-то рациональное зерно, — задумчиво пробормотала Инна, углубляясь в свои мысли.

*

— ...Не пойми меня превратно, я не придираюсь, но мне тон книги не понравился, какой-то он бесчувственно-холодный, неискренний, сухо-поучительный. Автор даже не стремится к себе расположить, будто все обязаны любить его самого и его творение, — сказала Аня.

— Тон скорее вкрадчивый. Только на последней странице в нем пробудилась восторженная религиозная приподнятость, — уточнила Инна.

— Я вот подумала: мошенники тоже не силой деньги отнимают, а хитростью и подлостью. Те на глупости, на слабостях людских паразитируют, а священники на горе. Это еще хуже.

— Попы теперь превращают церкви в коммерческие предприятия с приличной прибылью. Губа не дура. Кучеряво жить хотят.

У меня вдруг мелькнула дурацкая... шальная мысль. Если священник сумел накопить пожертвования на постройку церкви, то куда он будет девать деньги несчастных людей после завершения строительства? Он же не бросит свое хлебное место и свое самое главное дело — служение церкви? Не оставит же он ее на попечении чужого человека? И от «помощи» страждущих не откажется. Тем более что...

— Не считай денег в чужом кармане, — резко одернула Инну Жанна. — Храм не может быть собственностью одного человека, даже если он его построил. Это строительство было не искуплением, а послушанием священнику. Ты все время забываешь, что главный вопрос в жизни человека не материальный, а духовный: что будет с его душой потом?

— А разве не то, как человеку научиться праведно жить на земле?.. Может, время духовного взлета еще не пришло даже для служителей религиозного культа? — насмешливо спросила Инна. — Почему священники на импортных машинах гоняют, не ведая стыда? Отдали бы денежки сирым, убогим и ходили бы пешком. Ведь двадцать процентов их прихожан живет за порогом бедности. А что будет на том свете, не нам решать.

— Недавно я долго обалдело смотрела на экран телевизора и не верила ни ушам, ни глазам своим. Диктор... ошпарил меня словами. Дать на ремонт храма одиннадцать миллиардов рублей... — прошептала Аня, опав плечами. — Это и есть... камертон современной жизни? Вот ведь чем всё обернулось...

— Ты не поняла, откуда деньги? Разовый платеж в сто рублей с носа — это немного, — с усмешкой заметила Инна. — Сочти, технарь. На всё взрослое народонаселение подели эту сумму. Теперь поняла, как собираются деньги на лечение больных за границей? Ты лучше выясни, на сколько рубликов ежемесячно нас ЖКХ «надирает». Не интересовалась?

Жанна, ты слышала, церковь требует отдать ей чуть ли не половину всех пахотных земель страны! Факт, не заслуживающий внимания? Развенчала? Она должна ради России стараться, а не брюхо свое не счесть в банках набивать. Корысть у нее на первом месте. Уверилась, что эпоха безвременья для нее закончилась. За себя церковь всегда боролась, за свое богатство, а не за благосостояние народа, — В голосе Инны слышалась горечь тревоги и обиды. — То олигархи, теперь эти...

— Кукиш ей! — жестко выразила свое неодобрение Аня.

— Большую розовую дулю, — фыркнула Инна. — Она еще требует освободить когда-то принадлежавшие ей здания, и выигрывает дела в судах! Господи! Защити нас от церкви!

Лена немало удивила подруг, спокойно обронив:

— На ушах стоим? Приятная, непринужденная беседа.

И всем своим видом показала, что не собирается полемизировать на эту тему.

«Кого она поддерживает и почему? Ну не церковников же? Разве предмет нашего разговора ей не интересен и тема не злободневна? Так устала, что любым способом пытается прекратить наш спор? Не получается у меня понять и нащупать слабое место в ее броне», — раздосадовано подумала Аня.

Женщины надолго замолчали.

Но Аня, нарушила тишину, упрямо и гордо заявив:

— Всякая нормальная женщина, для которой семья и дети — святое, возненавидит этого священника. Для нас он — отрицательный герой. Я не могу ему симпатизировать, поэтому бросила читать книгу и не стала с детьми писать на нее рецензии. Представляю себе мнение моих подопечных старшеклассников, ознакомившихся с этим трактатом! Ведь путь в детдом многих из них начинался с того, что «папа бросил маму, а мама одна не справилась...»

— Отрицательное мнение — тоже полезный результат, особенно если блуждаешь в непредсказуемости, — заметила Инна.

Аня не поняла последней фразы Инны, но наивно предположила:

— Предвидя такую яростную реакцию читателей, автор, наверное, не решился бы выйти с ней в свет?

— Можно подумать, что его волнует мнение читателей, — отреагировала Инна.

*

— ...Я вот о чем подумала. Наши церкви какие-то по-домашнему уютные, а величие соборов на Западе давит на человека, превращает его в маленького, ничтожного. А другой стороны — красота!

— Наши тебе не красивые?! Ты если не была в главных храмах страны, так хотя бы по телевизору их рассмотри, — рассердилась на Аню Инна.

— А почему в их церквях прихожане сидя внимают священнику, а у нас во время службы стоят? В этом проявляется нелюбовь и неуважение к людям, особенно к старикам.

— Перед образами у нас положено стоять или преклонять колени как перед Богом — строго объяснила Жанна.

— На данном этапе развития нашей страны христианство в России служит делу мира. И это сейчас самое важное. — Лена опять попыталась приостановить вновь разворачивающуюся беседу.

— Ты слышала, что эта книга получила столичную премию? — спросила Инна.

— Рада за него, — ответила Лена.

— А я думала, премии дают за создание образа достойного современного человека, за возвышение его души, — сердито сказала Аня.

— Конфессиональную премию. Там, наверное, другие приоритеты, — заметила Инна. — Видно, заручился поддержкой со стороны церкви и чиновников от литературы и искусства. Значит, хорошо служил. Церковь построил. Хвала ему. Светская власть при Союзе возводила представительные административные здания, а теперь религиозная власть — церкви.

— Не извращай, не передергивай. Народ строил! — вскипела Жанна.

— В струю попал, в моду. Книга претендует на бесконечную народную память? Попробовал бы он выпустить ее в шестидесятые! — рассмеялась Инна.

— После войны религию не поощряли, критиковали, но храмы не уничтожали. Я сама из любопытства в студенческие годы посещала церкви как музеи. Как-то раз даже заутреню с интересом наблюдала, — вспомнила Лена. — Но не впечатлила. Научные семинары мне были интереснее.

— Чудное теперь время! Еще вчера чиновники призывали на линию огня для борьбы с мракобесием, а сегодня они же все со свечками в храме стоят. Церковь дает премии за проповедование, внедрение и распространение разводов и безотцовщины. Тогда о чем мы тут рассуждаем? Подтверждается и утверждается факт растления человека, как положительный, — возмутилась Аня. И добавила грустно:

— Я, конечно не навязываю свое мнение...

— Ну как же, автор осваивает новые «художественные» пространства, — сделала еще один едкий намек Инна. — Мы наблюдаем духовное и религиозное возрождение и возвышение пастыря и его паствы!.. Только не всё дозволенное полезно, и не всё полезное дозволено. На лжи и поддакивании никогда ничего доброго не произрастает.

— Вера — один из инструментов борьбы с разобщенностью, она связующее звено и может сыграть не последнюю роль в укреплении страны, когда надо помочь переломить ситуацию, — заметила Лена. — Я, правда, с церковью во многом не согласна,

когда она только оболочка... Мне вера понятней, но опять же...

— Внешние намерения может быть и правильные, но... — прервала Лена Инна и умышленно, будто дразня ее, не закончила свою мысль.

Потом продолжила:

— Церковь и до семнадцатого года подрывала государственные устои России, стремилась дистанцироваться от царской власти, иметь собственное правление без надзора, чтобы побольше нахапать себе богатства. Какая же власть без денег! Правильно, что Петр Первый упразднил патриаршество. Их религиозная воля уже тогда пробуксовывала. Иначе попы не слезли бы с его шеи, не дали развернуть реформы и пробудить Россию. Церковь никогда не была вне политики. Из истории мы знаем примеры, когда она брала в свои руки и светскую власть, только ни к чему хорошему это не приводило. По моим наблюдениям церковь во многом безнравственна. Она, наверное, в корне, в принципе не может быть иной?

— Зачем ты так... Вряд ли в комиссии досконально изучали книгу. — Это Жанна попыталась непонятно за кого заступиться. А может, она просто уходила от Аниной категоричности, больно ее жалившую. Ей хотелось собраться с мыслями и срочно изобрести аргументы, способные отразить натиск подруг. Но, ничего разумного не придумав, она сказала неуверенно:

— Премии дают, в основном, мужчины, а для них личность писателя важна и его профессия. По их понятиям этот священник, видно, и есть герой нашего времени, в том смысле, что...

— Ну, если только с твоего высочайшего соизволения. Ты ни о чем не умолчала? Не будешь потом кручиниться? — съязвила Инна, и тем самым отбила у Жанны желание продолжать разъяснение.

«Нашли время для непримиримых споров», — устало смежила глаза Лена. Но ей еще раз пришлось вмешаться в разговор подруг.

— Религия одна из скреп во взаимоотношениях людей и государств, — как бы нехотя заметила она.

— И яблоко раздора, — тут же «выстрелила крупнокалиберным снарядом» Инна.

— В нашем сложном мире, в агрессивном окружении других верований нельзя пренебрегать своей верой только потому, что кому-то не нравится кто-то из ее служителей. И если рассуждать масштабно, то этот вопрос не так прост и безобиден, как кажется на первый взгляд. Не будем его касаться среди ночи, оставим открытым, — попросила Лена. — Ну, а книга?.. Каждый писатель волен высказывать свою точку зрения, а читатель — соглашаться с ним или нет, — через силу сказала Лена, прикрыла отяжелевшие веки и, может быть, отключилась.

— Ну, ты у нас человек-совесть. Тебе можно доверять, — пробурчала Инна и на какое-то время угомонилась.

32

— ...Произведение писателя, как правило — квинтэссенция его личности. Я всё о той же книге. Бывают, конечно, исключения, — попыталась «освежить» тему Аня.

— Я могу чем-либо восхититься, но меня трудно удивить или раздосадовать, — сказала Инна, тем самым подтвердив ранее высказанную Леной мысль. — Давайте прекратим муссировать...

Инна повесила длительную задумчивую паузу.

И вдруг выдала вопрос вопросов:

— Лена, а каковы рецензии на твои книги? Допустим, на только что изданный роман? Он

без предисловия.

— Вот и я оказалась в центре внимания.

— Не вижу другого способа втянуть тебя в полемику. Разве что разозлить.

— На новую книгу? — переспросила Лена.

— На очередную жемчужину из ожерелья твоего творческого наследия.

— Как всегда шутишь. Всякие. Есть формальные отписки, составленные из общих фраз, мол, пишет о любви, о смерти, о боли, о том, что слова отечество, честь и верность на самом деле вызывают прекрасные сильные чувства, понятные каждому достойному члену общества. Другие утверждают, что живой ум — броня писателя и его путеводная звезда. Хвалят. А я критику жду. Хотя бы в личном плане. Третьи утверждают, что автор необычайно гармоничен, пытаются сравнить с великими писателями, чего я очень не люблю. И т. п.

— Ну, если бы с Лермонтовым! — поддела Лену Инна.

— Чего захотела!

— Шучу. Знаю, для тебя никто с ним рядом пока не стоит ни по обличительной силе и темпераменту, ни по яркости и выразительности средств, ни по мощи слова и глубине мыслей. Я тоже до сих пор каждой клеточкой тела чувствую его пробивающие сердце стихотворения, тону в потоке его бичующих строк. Вот кто призван быть поэтом! Он доставал слова из своего израненного сердца. Некрасов сочувствовал, а он еще и звал к борьбе: А как он чувствовал язык! Буквально дышал им! У него восхитительное восприятие и изложение звуков речи. Он лучший из лучших.

— Потому, что он близок тебе, созвучен твоей душе.

— Ленка, я помню твои выступления в классе: голос звенел, слезы стояли в глазах...

— Моя душа колебалась в такт с каждым его словом. Его родина — моя родина. Его чувства — мои чувства, — ностальгически произнесла Лена.

— Он задал вектор русской поэзии.

— И прозе. Сам Толстой вышел из Бородино.

— Меня потрясает его провидческое: «Настанет год, России черный год...»

— Я не разделяю твоего мнения. Русская поэзия, прежде всего, отталкивается от Пушкина. Он неисчерпаем, — сказала Жанна.

— Я не умаляю заслуг гения. «Тому судья лишь Бог и совесть», — успокоила ее Лена.

— Если Пушкин — Бог в литературе, тогда кто остальные? Им тоже хочется славы, хочется хорошо жить. Может, в каждом поэте сидит Пушкин и им приходится решать: преодолевать его в себе или договариваться? А Малевич, например, предлагал выбросить всё из музеев, опустошить их, снять кожу с классики. Помните его лозунг «Идите и остановите прогресс!» Считал, что таким способом потащит культуру вверх, — насмешливо напомнила Инна. — Это был безумно болезненный путь к гармонизации. На голом месте, без базы, формировавшейся веками? Иногда надо защищать искусство от собственных гениев. И не только искусство, но и страну от не очень умных политиков. Я читала, что Малевич видел красоту крестьянского труда, но сама я этого в его картинах не заметила. По мне так он знал только ее внешнюю сторону, как горожанин, мечтающий поспать на сене.

— Не люблю Малевича, хоть он и считается иконой мирового авангарда, родоначальником супрематизма. Может, и внес он что-то новое и великое в теорию искусства, но для меня он примитивный, плакатный художник. Видела его вытянутые фигуры, как бы тянущиеся вверх, в небо. Я понимаю, это символы, — сердито забурчала Аня. (Так вот что скрывается в ней под маской неуверенности!) — Рисунки у него плоские, как у пятилетнего ребенка. Где глубина, тонкость, масштаб? Туфта. В чем его

новаторство? Мои пятиклассники лучше рисуют. Подпевалы нашли, в чем и вознесли. Надо поставить его картины рядом с творениями Рафаэля, Серова или любого другого нашего знаменитого художника и сравнить.

— Посмотрим, рассортируем, разделим мнения на кучки и сделаем вывод, — рассмеялась Инна. — Еще один гений попал к нам в немилость! Аня, но где же сочные ругательные эпитеты в адрес нелюбимого художника? Исчерпала все, понося писателей?

— Не поняв глубины, делать выводы?.. Малевич и его последователи, изучая окружающий мир, строили не только конструкции фантастических зданий, но и различные теоретические модели реального общества. Вкусы у всех разные. Малевич доступен узкому кругу почитателей. Может, им наскучил Рафаэль? — предположила Жанна.

— Истинная красота не может надоесть! — горячо возразила Аня.

— Мы мало что понимаем в различных направлениях искусства. Каждый из нас любит в живописи какой-то один период в ее развитии и наслаждается, в основном, этими шедеврами. Я предпочитаю эпоху Возрождения, — сказала Жанна.

— А кому-то маты на заборах нравится изображать, — хохотнула Инна.

«К чему ей эта маска клоуна? Все-то ей хихоньки да хаханьки», — поежилась Жанна.

— Кто-то соединяет разные смысловые полюса, кто-то их разъединяет. Ты с непростительным высокомерием относишься к таланту Малевича. Громогласный, но ранимый Маяковский тоже утверждал: «Единицы — ничто!», а сам был индивидуальностью, огромной глыбой, магическим титаном! Я читала, что Маяковский встал вровень с Блоком, что культ Блока отступил, когда люди услышали «Облако в штанах», — напомнила Жанна. — Время было такое противоречивое. Творческие люди искали, придумывали, находили. Иногда они слишком много брали свободы в своем творчестве. А идея, высказанная не вовремя, часто звучит не как открытие или предвидение, а как ложь и ересь.

— И Гоголь говорил, что общество состоит из единиц. Какие мы, такая и будет страна, — сказала Аня.

— Цепляет Малевич, раз не можете не говорить о нем! Но давайте помолчим? Хватит на сегодня споров, — отреагировала Лена на выпады подруг. Сейчас ей меньше всего хотелось жестко дискутировать. Настроение и здоровье не то.

— Лена, — прошептала Инна на ухо подруге, — мне кажется, твои произведения понравились бы великому...

— С ума сошла!

*

После долгой паузы Лена неожиданно сама вернулась к временно приостановленной теме и тихо, только для одной Инны, стала отвечать на ее вопрос:

— Вопреки бытующему среди неспециалистов мнению, я считаю, что критики и рецензенты нужны для того, чтобы развить и ограничить талант писателя. Жаль, что нет сейчас критиков-эстетов. На мои книги было много рецензий, в которых авторы хотели показать собственную эрудицию, но случались и прекрасные, искренние, прочувствованные строки, и странные...

Помню, одна рецензия очень задела. Ее автор дал замечательную, подробную, глубоко научную характеристику моему произведению, но вставил в свой текст одну очень двусмысленную язвительную фразу, из которой, наряду со всем положительным, можно было предположить, что писатель в своей наивности близок к ребенку. При его уме не понять сути детского писателя? Это же достоинство, если писатель на время сумел «стать» ребенком, да еще детдомовским! Автор рецензии надеялся, что я не замечу или не пойму его завистливой издевки? Не люблю людей, считающих себя умнее всех. Предпочитаю рецензии от незнакомых специалистов, когда на текст не накладывается личное приятие или неприятие, когда человек мне не конкурент. Посылаешь такому

писателю в другой регион свое произведение, а он тебе в ответ — независимое мнение.

Особенно поразила и привела меня в восторг одна женщина-профессор. С первого прочтения так понять и прочувствовать суть произведения, суметь охватить его единым взглядом! Такое тонкое, яркое и концентрированное исследование я получила впервые. В нем проявился не только профессионализм, но и талант человечности. С радостным изумлением я читала ее очень точные, четкие, логичные, изящные строки, вдыхала аромат ее удивительных фраз. Какая глубина при внешней легкости и простоте слога! Я тогда еще подумала: вот это настоящий профессор! Какое знание предмета, чутье, умение совсем просто и удивительно интересно выражать свои мысли. И в мои годы не грех у нее поучиться. Такого бы педагога мне в юности! Я бы с ней основательно поработала. Судьба поздно подарила мне эту встречу. Но главное, что подарила! Женщина оказалась очень молодой для доктора наук. Милая, обаятельная и очень скромная, из простой советской семьи. И что самое интересное, по первому образованию — физик. Наша закваска!

У меня есть знакомый профессор. Обыкновенный, ничем особенно не выдающийся. И вот как-то прихожу я в одно учреждение, а там по стенам развешаны портреты исторических личностей и знаменитых людей современности. Так вот его портрет в позе великого академика оказался по размеру вдвое больше любого, из висевших с ним в одном ряду. Удивилась, конечно. Уважение как шагреновая кожа уменьшилось. Вот к нему за рецензией я бы точно не обратилась. Очень понятный мне типаж.

— Чехов свои произведения комедиями называл. А твои книги, по ее мнению, под какой жанр подпадают?

— Рецензент не ставила перед собой цели определять категорию, в ее планы входила оценка. И правильно. Какая разница? Вольтер говорил, что все жанры хороши, кроме скучного.

— А как ты насчет редакторов и корректоров?

— Они как хлеб необходимы. Их тщательностью и трудолюбием текст может засиять! Они должны впиваться в каждое слово, в каждую запятую и тире. Автору сложно купировать, срезать куски текста, если даже они его чем-то не устраивают, допустим, слишком затягивают, удлиняют сюжет. Помню, отдала я свой труд на откуп редактору и попросила, чтобы он делал с моим текстом всё, что ему заблагорассудится, потому что у меня в запасе еще много работок.

— Ты купалась в материале?

— Тонула. Но редактор был очень корректен, слишком бережно относился к каждому слову, будто щадил меня. «Это не есть хорошо». Но не могла я ему диктовать, требовать, меня сковывал его профессионализм. Так мне его характеризовали. Пришлось после него еще одного найти.

— Вычитывая чужие тексты, редактор должен быть жестким и принципиальным, — согласилась Инна. — Только сложно в себе совмещать тонкость восприятия и твердость. Но я понимаю: автору еще труднее отрывать от сердца «родные» ему строки.

— В этом деле нельзя форсировать события. Текст после редакторов снова имеет смысл просматривать. Они могут не так понять твои мысли или ты категорически не согласишься с некоторыми моментами их правки. А как-то у меня маленький смешной случай произошел. Я долго наблюдала за поведением ворон и обратила внимание на то, что они «разговаривают» по-разному: резко каркают, отпугивая врагов, и нежно «кракают» с птенцами в гнезде. Я гордилась своим открытием. Но редактор исправил это слово, посчитав его ошибкой, а я не отследила.

— Пустила на самотек? Это на тебя не похоже.

— Была не здорова, а сроки поджимали. Да и моя занятость — ты же знаешь... И обложки двух последних книг для подростков мне не нравятся. Я отослала в издательство кассету с массой вариантов, указала предпочтительные, но они выбрали на свой вкус из своих запасов, а меня не уведомили. Понимали, что не смогу приехать и проконтролировать. Чего уж теперь...

*

Аня, судорожно ища повод продолжить разговор с Леной, начала торопливо делиться:

— Лариса как-то писала мне: «В детстве были писатели, которые влияли на формирование меня как человека и будущего писателя. Это Некрасов, Короленко и Лермонтов. Без них я жалела бы только себя. А масштаб Пушкина я оценила много позже, чем Чехова».

«Я себя через запятую рядом с великими не числю. Но пусть что угодно говорят обо мне завистники — я доверяю мнению Василия Белова о моих книгах, его честному, мудрому слову. Наше с ним ни к чему не обязывающее эпистолярное знакомство мне очень дорого. Мы состояли в долгой переписке. Жаль, что к тому времени он был уже болен. Да и я никак не отходила от тяжелой затяжной болезни и всяких там химий и облучений, поэтому не могла к нему приехать в гости, о чем до сих пор сожалею», — писала мне Лариса.

— Не поучиться, за благословением ездят к современным классикам, — настырно встряла в рассказ Ани Инна. И подумала ревниво: «Она и к Лариске заезжала-захаживала?»

— «Василий Иванович писал мне письма, присылал открытки, в которых поддерживал мои начинания, вселял веру в мои возможности, указывал на недостатки и недочеты, предрекал моим книгам большой успех, награды и долгую жизнь. Он же рекомендовал меня в Союз писателей, так сказать, рукоположил на писательство. И вот милостью отзывчивой судьбы — я писатель! Сделал ли для меня кто больше? — продолжила пересказ Ларисиных писем Аня. — Были у меня доброжелательные встречи с воронежскими писателями Надеждой Серединой и Владимиром Андреевичем Добряковым, телефонные разговоры с прекрасным детским писателем из Екатеринбурга Владиславом Петровичем Крапивинным. Они писали рецензии на мои первые книги. Но только золотой ключик Василия Белова поистине открыл мне дверцу в писательство. Из его рук я получила благословение. Моя первая книга для взрослых — приношение его таланту».

— Так вот откуда «растут ноги» ее уверенности в себе, — завистливо протянула Инна.

— «Со временем сын запустит все мои произведения в интернет. Пусть читают все кому не лень. Я буду только рада, если круг читателей расширится», — говорила мне Лариса.

Каждый писатель хочет быть услышанным. И знаки внимания ему приятны: значит, жил и что-то делал не только для себя, — закрыла тему Аня.

— Работая где-то на предприятии, любой человек тоже не только для себя что-то производит, — резонно заметила Жанна.

— И тоже хочет, чтобы его ударную работу заметили, — согласилась Аня.

Лена прошептала на ухо Инне:

— Знаешь, о моих книгах для подростков специалисты говорили как о научных трудах. А я чуть кокетливо отшутилась, мол, получается, я кандидатскую написала за месяц, и докторскую за полгода? Но один известный профессор-математик, его зовут Олег Петрович Околелов, ответил мне очень даже серьезно: «Ваш талант родился в детдоме, а не тогда, когда вы взяли в руки перо. Эти книги созданы всей вашей жизнью, а полгода вы записывали готовое, уже сформированное в вашей голове». Представляешь, мои мысли вслух выразил!

*

— Инна, что-то меня сейчас неустанно хвалят в прессе и по телевидению часто показывают, будто заранее намекают на то, что хотят прокатить на очередной премии. Только они с некоторых пор потеряли для меня свою привлекательность. Не стану я подавать на конкурс, — сказала Лена.

— Брякнула просто так, для красного словца? Эта тема для тебя слишком болезненная? Я не далека от истины? Не часто попадаешь в русло, которое выносит на поверхность...

Представь себе, что это твой последний... или единственный шанс. Своей болтовней я вернула тебя к тому, о чем ты предпочитаешь не задумываться? Послушай, а как это — «прокатить»? Объясни, — попросила Инна.

— Прием есть такой. Хотят, допустим, при переизбрании завалить какого-нибудь неугодного преподавателя, кандидата наук. Он, конечно, опирается, доказывает, что не хуже других, а может быть и лучше многих. Правильно? Так вот, чтобы не было шума и споров, на своем факультете его начинают упорно хвалить и возвеличивать, но при утверждении на Совете института забрасывают черными шарами. А решению Совета назад ходу нет. Поезд ушел. Поздно «кучковаться» и сплачиваться, дружить против кого-то. После такого сюрприза не скоро прочухаешься.

— Хитро.

— А ты как хотела, умные.

— Может, у тебя возрастная мнительность, а на самом деле как писателя тебя искренне уважают и ценят? Запомни, мнительность — это грех.

— Хотелось бы верить. Я младенец, без году неделя в писательской колыбели, а у нас там есть зубры и аксакалы в литературе. Но и им не всем удается «пробиться» к наградам, получить признание.

— Все равно не опускай руки, верь, и пока не наступила жалкая немощ старости, пиши «до свинцовой боли воспаленных глаз», не боясь, что устроят нечестную обструкцию. Не снижай свои стандарты. Выдержишь. У меня глаз наметанный. Я таланты за версту вижу. Пиши такие книги, какие хотела бы читать сама. Попутного ветра тебе в паруса. «Стремись на Луну. И если даже не попадешь туда, все равно останешься между звезд».

— Сковывает необходимость бороться за каждую копейку, собирая деньги на издание. Но счастье в пути, а не на вершине. Так учила нас в школе математичка? Прекрасным человеком и талантливейшим педагогом была. Царствие ей небесное. Она верила в меня, а я — ей. С раннего детства моя основная жизнь проходила внутри меня, поэтому я считала себя не тупее домашних, как можно было бы предположить. Но полной уверенности в своих способностях не было, я нуждалась в ее поддержке.

Знаешь, я последнее время часто вижу один и тот же странный сон. В нем я пытаюсь выбраться из лабиринта знакомых улиц, но у меня ничего не выходит. Я мучаюсь, задыхаюсь... и просыпаюсь.

— Не можешь выбраться из золотой клетки своего таланта?

— Смеешься? А раньше я во сне летала.

— Прекрасная была реинкарнация!

— Я не шучу. Этот сон повторяется и повторяется, точно я заиклилась на чем-то. А вдруг это означает, что в своих книгах я топчусь на месте и не могу найти выход? Но я чувствую, что не исписалась. Возможно, мне пора поменять тему, направление, жанр?

— Догадываюсь, в каком состоянии ты пребываешь по ночам. Стенокардия тебя изводит, — поставила верный диагноз Инна. — Я тоже ею страдаю, и давно оставила надежду излечиться.

— ...И все же, почему ты пишешь? Тебе в книгах комфортнее, чем в жизни, вот и собираешь в них «и жизнь, и слезы, и любовь»? Это попытка разобраться в себе и укрыться в литературе как в некоем убежище? — спросила Инна.

— Я в себе разобралась еще в детдоме. Мне было шесть лет, когда я осознала, что у меня нет родителей, и в своей жизни я должна буду надеяться только на себя. И это многое определило во мне.

— Ого!

— Человек не всегда знает, почему он что-то делает, почему поступает так, а не иначе. Это часто связано с внутренним ощущением потребности. «Я должна это сделать, иначе буду чувствовать дискомфорт». В последнее время писательство и есть моя настоящая жизнь. Работа теперь — только финансовая необходимость. Что может быть дороже возможности распоряжаться своим временем, собственной жизнью и тратить ее на любимое дело! Ты понимаешь, до какой степени это для меня важно? Я не представляю себе что-то другое, от чего могла бы получать столько радости. Знаешь, если бы не мои книги, еще не известно, выжила бы я после операции? Они и теперь помогают мне преодолевать трудности, держаться на плаву и ничего не бояться, кроме смерти.

«О Лене можно сказать, что она слишком смелая, чтобы жить долго и богато. Парадокс», — подумала Инна.

— Такие писатели как ты не дадут утонуть огромному материку под названием «советская... российская литература».

— Считаешь, что я вписала в нее свою скромную строку? Отдаю должное твоему оптимизму на мой счет.

— Писательство для меня — особый таинственный универсум, священнодействие полное загадок и будоражащей мистики. Это же чудо, уметь свой внутренний голос, свое эго превращать в прекрасные произведения! Для меня это заоблачные высоты совершенства. Это как существование в пятом измерении! — восхищенно воскликнула Инна.

— Таковыми для меня являются композиторы и музыканты. Небожители! — улыбнулась Лена и благодарно обняла подругу. — Меня потрясает музыка, рожденная любовью. Бывают ли в жизни более счастливые моменты?!

Сама я в изучении наследия народного творчества с помощью балалайки дальше «Светит месяц» и «Во поле березка стояла» не продвинулась. Я замечаю, когда фальшивят другие, но себя не слышу. Видно музыкальный слух у меня отсутствует напрочь, — добавила она самокритично. — А внутренняя культура моих стариков выражалась в песнях. Редкий вечер обходился без них. Я еще застала то их грустно-прекрасное время.

— Мама так и не узнала о том, кем ты стала?

— Нет. Я хотела сначала получить документальное подтверждение. Не успела я привезти и показать ей билет члена Союза писателей. Она на два месяца раньше ушла. Я много чего не успела в своей жизни...

33

Инна оглянулась на спящих подруг и тихо спросила у Лены:

— Спишь? Ты все время куда-то мыслями улетаешь и пропадаешь с моего горизонта. Наблюдаю наличие отсутствия в присутствии... Ты мне все о Рите и ее творчестве толковала, а я о твоих книгах хотела больше услышать.

Лена открыла глаза, но ее мысли получили неожиданное для Инны направление. Она заговорила тихо и печально.

— Я уже отдала книгу в типографию, когда заглянув в компьютер в поисках забытой фамилии, обнаружила в одном рассказе отсутствие ключевой фразы. Меня это удивило и испугало. Припомнила еще один интересный момент. И тоже не нашла его в тексте. Верхом неожиданности для меня стала пропажа целого рассказа. Мне чуть дурно не сделалось. Сижу, ничего не соображаю, точно меня кувалдой мозги вышибли.

— Раньше ты говорила: пыльным мешком из-за угла, — еще не вникнув в драматическую суть происшедшего с подругой, засмеялась Инна.

— И такая усталость на меня навалилась, что упала я на диван и часа три лежала

неподвижно. Ни одна мысль не посетила меня за это время. Когда пришла в себя, поняла, что с моим стареньким, еще из первых выпусков компьютером что-то случилось, и он стирал всё, что я писала за последний год. Он глотал информацию, и она пропадала в ненасытной утробе его гигабайтов памяти. Весь мой редакторский труд пошел насмарку. Он погиб безвозвратно. Произведение безнадежно испорчено!

— Гоголь сам сжигал свои рукописи, а у тебя компьютер съедает текст. Помогал расправиться?..

Инна никак «не врубалась» в трагедию подруги.

— Ты не знаешь, что такое тщательная проработка материала. Целый год я занималась тем, что старательно вылизывала, подправляла, причесывала текст. Безжалостно и бестрепетно — ой, вру! — отсекала большие куски и вымарывала отдельные фразы, вычищая лишнее. Страницами вычеркивала затянутые места, чтобы они не размывали текст, чтобы суть произведения не расплывалась. Сокращать свой текст — это как резать по живому без наркоза, как от сердца отрывать что-то родное. Это же не удалять отдельные профессиональные или сленговые словечки или убирать неудачные, устаревшие выражения. Я стилистически филигранно оттачивала каждую фразу. Тут не только «шуропить» мозгами, но и с собой бороться приходилось. А потом еще надо было стыковать «урезанные» куски. Но обширность материала позволяла и требовала. И я, с большим трудом, но пересиливала себя.

— У тебя не затянутость, не длинноты, а замедленный платоновский темп, — позитивно, но шутливо оценила Инна пространные рассуждения в книге подруги.

— Я работала то с грустью, то почти с детским восторгом и удовольствием. Правда, я очень быстро уставала, и тогда уже «не видела» и не чувствовала текста, поэтому дело продвигалось медленно. Но я укрепляла себя привычными с детства словами: «Выдержу! Добьюсь».

— Ты перелопатила ворохи страниц! Понимаю, каждая строчка образовывалась путем проб, ошибок и находок. Знаменитый Ге говорил, что художник не должен жалеть своих трудов, иначе он ничего хорошего не сделает. А кто-то из великих критиков сказал: «Неважно, что ты вставляешь в текст, важно, что ты выбрасываешь из него», — сказала Инна.

Возможно, она только что это сама придумала, чтобы расслабить напряжение подруги.

— Говорить легко, да противостоять себе трудно. Первое время у меня рука не поднималась свой текст резать и переделывать. Но потом поняла: иначе нельзя, я излишне подробна, — усмехнулась Лена. —...А в результате какого-то сбоя в программе компьютера, вместо отшлифованного текста типография получила на руки абсолютно сырой вариант книги. Понимаешь, он как недоношенный ребенок. Осознав это, я испытала жутчайший стресс.

В те долгие месяцы после «открытия» мне было так плохо, что казалось, будто снова вернулась проклятая болезнь. Мучала жуткая депрессия. Контролировать эмоции не всегда получалось, особенно, если я дома одна. Временами белугой редела, заходясь от рыданий.

— Так тоскливо воеет на луну, потерявшая детенышей волчица. Я один раз слышала. Мороз до самых потрохов пробрал. Я тогда долго в себя не могла прийти. Какая-то непереносимая боль была в душе и вселенский страх...

Мать честная! Полный «абзац»! Невольно поверишь, что твоя жизнь — сплошной отрицательный сенсационный таблоид.

Инне наконец-то дошел смысл Лениной жалобы.

— И опять со мной случилось так, как не бывает ни с каким нормальным человеком.

— Может, ты напрасно расстраиваешься, и твои тексты были не так уж плохи и без шлифовки? Это ты своим чутким нутром...

— Что ты говоришь! Книга — не сценарий к спектаклю. Издал — и всё, ничего

не вычеркнешь и не вставишь. Нет права на ошибку. Представь себе: веду я линию рассказа, достигаю его кульминации, закрепляю ее... И вдруг именно этот кусок пропадает. И тогда отсутствует накал темы, чувствуется ее незавершенность, рассказ кажется бледным, вялым, неубедительным.

— Например.

— Вот писала я, допустим, о пьянице, об его издевательствах над детьми, женой и заключила очерк неприглядной статистической информацией. А теперь ее нет в книге, и события в неблагополучной семье остались частным, редким случаем... А ведь задумывался как проблемный, в масштабах страны.

— Теперь я знаю кухню создания твоих книг для взрослых. Сварганила скелет или, допустим, сруб дома, а потом занялась евроремонтом, стала начинять его разными разностями, чтобы читатель не только видел перед глазами описываемую тобой картину, но и слышал ее, чувствовал все нюансы, включая запахи. Ты стремишься создать текст, обращенный не только к нашему пониманию, но и к обонятельным, вкусовым и тактильным рецепторам. А в книгах для детей, помнится, ты без корректив обходилась. Свои «первобытные», первородные, не редактированные мысли с листа сразу в издательство отправляла.

Инна не иронизировала. Ей хотелось убавить накал Лениных эмоций. Ее беспокоила бледность лица подруги. Она обратила внимание на нервную дрожь пальцев, сжимавших уголок простыни. И в потухших глазах подруги мелькала какая-то болезненная обреченная беспомощность. Всей душой сочувствуя Лене, она подумала с нежностью: «Все хорошее, что можно сказать о человеке — все это о тебе, о моей лучшей подруге».

— А вот тебе пример другого рода. Веду я жесткий диалог и тут чувствую, что требуется моим героям маленькая разрядка в виде веселого случая из жизни. Я его включаю. У меня в прошлое лето часто случалось лирическое настроение, возникало яркое мощное вдохновение и веселое или насмешливое так и выскакивало из меня. Эти вставки, как светлые лучики в пасмурную погоду, как улыбки детей среди грустно настроенных взрослых. И представляешь, все они тоже исчезли! А в результате произошла потеря ироничного подхода персонажей к своим проблемам, нарушилась цельность впечатления, возникла сухость текста. Одни стоны и жалобы.

Читателям это нужно? Мне эти крупницы вкраплений особенно жаль, так как юмора и веселого в книге итак было не слишком много. Трагическая нота преобладала. И вдруг эта странная поломка в компьютере... И восполнить не могу! Ты же знаешь мою нынешнюю память. Она как испорченная электронная схема всё в мозгу мгновенно обнуляет, стоит мне перенести событие на бумагу.

А за этот год радостное вдохновение на темы книг ни разу не посетило меня, не осветило мое сознание. Юмор возникает, если душа радуется, поет и восхищается, или когда жизнь хотя бы дает свободу выражения себя. А я, ты же знаешь... всегда в тисках. Было конечно, но совсем другое, связанное с семьей, с внуком, потому что этот маленький человечек многое определяет в моей нынешней жизни.

— Судьба наказывает нас, исполняя не все наши желания, — философски заметила Инна.

— Редактируя, я впервые обнаружила, что слова в предложениях я почему-то часто в другом порядке расставляю, нежели принято. Может, потому что мое детство прошло на границе России с Украиной? Пришлось методично исправлять нарушения, — пожаловалась Лена.

— Напрасно. Такой способ письма характерен для тебя. Я обратила на него внимание, когда знакомясь с твоими книгами для детей.

— Надо же! — удивилась Лена выводу подруги. Они надолго затихли, потому что умели интересно и наполнено молчать, прекрасно понимая друг друга.

*

— Лена, как тебе удается передавать свои чувства, всю их наполненность, так чтобы

до самой печенки пробирало? — задумчиво произнесла Инна. — Даже я, циник, некоторые особенно грустные моменты вношу в скрижали моего сердца, если они вводят меня в почти гипнотический экстаз. Это результат генной эстафеты или Всевышний тебя одну в вашем генеалогическом древе одарил этим качеством?

А эта твоя новая книга больше о следствиях, чем о причинах? В каждой судьбе придется персонально разбираться? Не все плохие герои плохие, не все хорошие — хорошие. Да?

Инна отвлекла подругу.

— На мой взгляд, у меня крепкая эмоциональная память, вот я и насыщаю рассказы мелкими интересными деталями, разносторонне характеризующими героев. А есть еще память сердца... — ответила на первый вопрос подруги Лена.

— Примитивные люди будут снисходительно искать в твоей книге скабрёзные подробности, а умные — удачные эстетические мысли, неординарные суждения.

— Новая книга о женской душе. А если бы она была только о мужчинах, ты бы к ней проявила больший интерес? — пошутила Лена. Но глаза ее оставались грустными.

— Что-то у меня воображение разгулялось. А ну, их, этих сраных мужиков! Не к ночи они будь помянуты.

Но и грубостью увести подругу от ее саднящей проблемы Инне не удалось. «Не сработала хитрость старого факира». Лена уже «раскрутилась», раскочалась и не могла не говорить о своей боли, о своей неудаче.

— Даже теперь, перед запуском книги в интернет, я не могу восполнить утерянные правки, потому что не в состоянии восстановить написанное ранее. Черновики я уничтожила, чтобы не захламлять рабочий стол. Там скапливались залежи папок с еще необработанной информацией.

Я старалась ежедневно, если позволяло здоровье, по два-три часа работать за компьютером. Я выкраивала не только часы, подчас минуты из своего плотного графика жизни, чтобы внести ту или иную интересную деталь. Часто среди ночи мне в голову приходили идеи, и я не могла заснуть, пока не сяду за компьютер и не запишу. Если бы у меня были силы, я готова была работать над книгой десять, четырнадцать часов в сутки!..

И все прахом! Я будто симпатическими чернилами редактировала. Понимаешь степень моего стресса, когда я обнаружила потерю кропотливой эмоциональной работы целого года?! Представляешь, сколько было внесено и тут же утеряно блоков вставок, фраз, уточнений, даже отдельных слов, делающих повествование более ярким и насыщенным! Я добавляла, убирала, подчищала.

— «Слова катая по ухабам строк...».

— К тому же в тексте из-за потери некоторых фраз оказывались бессвязные или не очень понятные фрагменты, нарушался смысл и точность выражений. А когда компьютером из текста изымались строки, отмеченные вдохновенной завершенностью...

— Лена закрыла лицо руками. — В них же концентрация мыслей и чувств! Помню, писала я что-то очень важное о дороге к храму... — мне не так много нравится из того, что я пишу, — но подобных строк мне до слез жалко. Они как откровения... Я силюсь, но не могу их воспроизвести в своей памяти. Они как всплески волн, как лучики с небес — вспыхнули в сознании и пропали. Я бы их запомнила, если бы, мучаясь, долго и нудно придумывала, но они возникали произвольно. Подобные золотники не каждый день являются автору. Именно такие фразы и рассуждения украшают или подводят итог каждого отдельного сюжета.

Как минимум страниц триста вставок и поправок пропало. Это тебе не сплошной текст. Целый рассказ проще восстановить или заново написать. Хотя, написанное повторно, обычно получается менее эмоциональным. Первые выплески чувств у меня всегда бывают ярче. Теперь открываю изданную книгу, просматриваю текст и вижу: здесь неплохо, а тут он какой-то пустой, словно выхолощенный, отдельные места плоско звучат. В них не чувствуется настроение персонажей. Они какие-то пунктирные,

мерцающие. И мне жутко стыдно. Я же как-никак писатель. Уж сколько месяцев прошло, а я всё не могу окончательно оправиться от стресса и приступить к полноценному редактированию следующей книги. За всё это время вдохновение только один раз накатило, когда я писала рецензию на понравившуюся мне книгу.

— Не проливаешься мыслями, как радостным теплым летним ливнем, все больше нудной осенней моросью? Понимаю, у тебя внутри свой камертон. Кому что, а тебе только бы себя покритиковать.

— Лучше я сама, чем другие.

— Перебори себя. Абстрагируйся от предыдущей книги. Смею надеяться, что ты преувеличиваешь ее слабость. Я знаю твою чрезмерную требовательность и строгость во всем. Помню твои отчеты в НИИ по договорам. Душу вынешь из всех, пока не добьешься идеальной точности и соответствия нормативам.

— То в науке. Надо было изъять рукопись из типографии, выждать, пока я восстановлюсь после стресса, а заодно дать книге отлежаться и начать заново убирать шероховатости, огрехи и недочеты. Но я испугалась, что если вдруг что-то случится со мной, то не успею издать. А теперь перечитываю, вижу все недостатки и злюсь на себя.

— И какой вывод? Подытожь.

— Чувствую, что отредактировать заново и переиздать мне уже не придется.

— Со всей ответственностью заявляю, что тебя не оторви, так будешь дорабатывать свое произведение до самого ссудного дня. Правильно, что за следующую книгу взялась. Я несказанно рада. Подожди, а как же твой официальный редактор? Он же обязан был сделать свою работу. Разве не так? Почему не убрал огрехи? Он хотя бы указал тебе на них.

— Редактор три месяца работал над моей рукописью. Помню день, когда он вернул ее вместе с рецензией. Тогда он сказал буквально следующее: «Тороплюсь в больницу, где от рака умирает моя единственная дочь, студентка первого курса вашего вуза». Просил, чтобы его предисловие к книге было единственным. Пообещал позвонить и договориться о встрече, чтобы побеседовать, обсудить книгу. А через три дня его не стало. Рак. Судьба обоим отмерила короткий век. А через неделю я отнесла рукопись в издательство.

Теперь, читая свою книгу, я понимаю, что редактор был не в состоянии чувствовать текст, ему удавалось только схватить его суть. Возможно, он даже не осознавал происходящего с ним. Всё это я уже «проходила» в больнице. Я не могла вспомнить даже абзаца из прочитанной страницы или в моей голове крутилось неведь что. Но мне повезло выжить... Но полностью я до сих пор не восстановилась. Так что винить или хвалить можно только судьбу.

Когда я малость очухалась от стресса, то об этом злосчастном случае с компьютером рассказала знакомым писателям, чтобы они были внимательней к своему рабочему инструменту и не напортачили себе как я, — сказала Лена, вглядываясь в черный экран окна так, будто за ним стояло ее неотвязное невезение.

— В назидание потомкам, — грустно усмехнулась Инна.

Лена горестно махнула рукой и отвернулась.

— После стресса я очень плохо себя чувствовала и думала, что больше никогда не смогу сесть за компьютер. Меня тошнило от одного только взгляда на него.

— Ох уж эта наша повышенная чувствительность!

— И потом... ты же знаешь, хотя «усердие всё преодолагает», но «одного яйца дважды не высидишь». Козьма Прутков сказал. Я подумала и не стала возвращаться к уже написанному.

— Прутков. Какая прелесть! Его абсурдистские изречения и пародии часто бывали породистыми.

— Лена, какая была поломка в компьютере? Почему он глючил? И никто за это не получил нахлобучки? — полушутя спросила Инна подругу после некоторой паузы.

— Мои знания компьютера, увы, на уровне пользователя. Конечно, хотелось бы не быть прикованной к сыну, и не приставать к нему по малейшему пустяку, только мне некогда углубляться в изучение тонкостей его работы. Но даже сын не смог объяснить, отчего компьютер «колбасило». В его обширной практике подобного не случалось. И почему компьютер не сохранял новую и даже частично стирал старую информацию до сих пор не понятно. Когда я продемонстрировала сыну странный дефект, он сменил клавиатуру, и фокусы прекратились. Может, в процессе работы появлялась какая-то несовместимость с основным блоком?

— И всего-то? Детективная история!

— Как ты доказала дефективность своего компьютера?

— Очень просто. Трижды в присутствии сына впечатывала одну и ту же фразу, а через некоторое время она бесследно исчезала.

— А почему раньше не обнаружила потери в тексте?

— Во-первых, я не возвращалась к уже отредактированным страницам. Во-вторых, даже если и замечала, то не верила своей памяти. Ты же знаешь, какая она у меня после болезни. Я успокаивала себя тем, что устала и не чувствую текста. Такое со мной нередко случалось по вечерам. Да и сын шутливо утверждал, что это мои фантазии, и даже поддразнивал лишь только я заводила речь о потерях текста. И я отступала. И поделом мне. Надо было настаивать на проверках. А теперь сын сам в шоке.

Ты же знаешь мою невезучесть, Я повисаю на крючке даже чужой беды. Со мной происходят вещи, которые ни в коем случае невозможны с другими. Только ко мне в полупустом автобусе подсаживается какой-нибудь гад. И отделившись от него, я испытываю чувство схожее с тем, когда долго болея, вдруг выздоравливаю. Именно меня обвешивают на рынке и поражаются, если я напористо возражаю. Аура моя такая? Беззащитность что ли от меня исходит, та, которая глубоко сидит во мне, которую я прячу.

— Ставишь на седьмую лошадь — на твое счастливое число, — а она приходит седьмой?
— усмехнулась Инна. — В этом мы с тобой разительно схожи.

— И, тем не менее, что поразительно... я часто чувствую, что кто-то свыше держит мою судьбу в своих руках и спасает в самые опасные моменты жизни.

— Приклепала к себе клеймо неудачницы? И ты миришься с подобным статусом? Может, еще скажешь, что существуют некие нити, отрицательные связи, в которых ты запутываешься? А почему именно ты? Так запрограммирована? Ты произвольно так себя ведешь, и свои действия интерпретируешь соответственно настрою. Начни к себе лучше относиться. У тебя же полноценное объемное существование личности. Ты из-за болезни хандришь. В тебе говорит мнительность. Разве ты не притягиваешь к себе то, к чему стремишься?

— Если бы то. Я его догоняю.

— Скажешь, обреченность рифмуется со всей твоей жизнью, но тебе не хочется сохраняться на обочине? Не только с тобой случаются всякие провалы. Мой знакомый юрист жаловался, что у него за несколько секунд «слиняла» вся база данных о клиентах, собранная им в течение пяти лет, потому что он забыл переписать ее на отдельную дискету. И жалобы от бухгалтеров я получала, чуть ли не каждый месяц. Да что далеко ходить! Моя знакомая работает в типографии, так у нее компьютер постоянно «глодает» пробелы, а то и вообще какую-то муру выдает, добавляя работы и без того загруженным корректорам. — Инна не стала приводить в пример себя, но попыталась успокоить подругу, указав ей на тривиальность подобного явления в повседневной практике пользователей. Только неудачный подход она выбрала.

— У юриста причина другая: его личная неаккуратность. Меня в этом нельзя упрекнуть.

Я не забывала постоянно записывать свой новый текст, а он все равно стирался. Неприятности неотступно преследуют меня. И за что меня проведение наказывает? Может, в каких-то моих действиях видит злой умысел? — усмехнулась Лена. — Кто бы открыл мне эту мистическую тайну? И хотя я не охотница до подобного рода сентенций, но в данном случае, наверное, прислушалась бы. Мой дед рассказывал, что в армии везучесть ценилась больше смелости. К везучим солдатам льнули.

— А к тебе почему люди стремятся, если ты огнеопасная?

— Видно, только для себя. И, тем не менее, посмотри на мое окружение: можно подумать я коллекционирую неудачниц.

— Ты всем слишком много отдаешь хорошего, а невезением ни с кем не делишься, для себя приберегаешь, — усмехнулась Инна.

— Таковы мои персональные отношения с людьми.

— А вот завистников привлекаешь. Успех человека — это месть тем, кто его не любит.

— Было бы чему завидовать.

— Хотя бы писательству.

— Да ну тебя...

— Ленка, не скули, как только начнешь сомневаться в ценности того, чем занимаешься, сразу все покатится к черту. Недолюбленные и неудовлетворенные жизнью люди опасны!

— Как много мы в жизни пропускаем... — задумчиво отреагировала Лена на шутку подруги. — Мы часто не знаем, какая чередa событий приводит нас к тому или иному поступку. Как, почему и зачем это случается?..

— С моей знакомой «интересный» нехарактерный случай произошел. Приняли в ее организацию сотрудника, с которым она в молодости на заводе работала и знала его, как не очень порядочного и патологически жадного человека. Ну и предупредила свою коллегу об особенностях характера новичка, с тем, чтобы та имела их в виду при общении с ним, и, по крайней мере, денег ему не занимала. Но коллега проболталась мужику, всё ему выложила. И он отомстил моей знакомой. Тайком переделал ее клавиатуру так, что в ней образовалась перемычка, запускающая программу обратного хода, стирающую вновь написанное. Компьютер стал съедать всю информацию, но не сразу, а спустя некоторое время, поэтому моя знакомая долго не могла отследить причину ее полного исчезновения. Дело чуть до увольнения не дошло. Вот такие «чудеса» в жизни случаются, — рассказала Инна.

Но Лена не слушала подругу. На нее «нашла» редкая минута откровения.

— Не удастся мне от проклятий отбиваться. Будто во искупление чужих грехов кем-то назначаются мне неудачи, как неустранимые препятствия. И я безропотно поджимаю хвост, точно загнанная в ловушку волчица, и оказываюсь крайней.

— Неудачи всю жизнь идут по твоему следу как голодные волки? Не обольщайся. Думаю, достается тебе не больше, чем другим, — заметила Инна, намекая на себя. — Ты не была бы той, какая есть сейчас, если бы не прошла свой трудный путь.

— Злой рок у меня слишком многое отнял. Ладно, соболезнования и утешения принимаю с благодарностью и благоговением, — вроде бы в шутку, а на самом деле со скрытым раздражением ответила Лена, потому что смертельно устала.

«Чувство исключительности мешает ей спокойно воспринимать удары судьбы?» — продолжила размышлять Инна, но уже в уме.

Не получалось у нее ни ехидничать вслух в адрес Лены, ни выплескивать желчь. Грустно становилось при одной мысли, что она могла бы огорчить подругу.

— Ты — и заунывные причитания, ты — и плач Ярославны? Несовместимые понятия! Успокойся, сметут твою книгу с прилавков. Пойдут в магазин или в библиотеку за Гарри Поттером или Сорокиным, а унесут с собой еще и твои книги. Знаешь, ласточки не умеют взлетать с земли, только с ветки или с обрыва. И кормятся они только в полете. И ты до последнего будешь летать.

— Я бы поспорила с тобой, но не стану, — грустно улыбнулась Лена мощной поддержке подруги.

— И не надо. А мистическое невезение все-таки на самом деле существует. Создатели фильма «Сталкер» в полной мере ощутили на себе его влияние: то летом вдруг снег пошел, то землетрясение унесло подготовленную съемочную площадку, потом у режиссера Тарковского случился инфаркт. Врач говорил, что рубцы на его сердце, как следы от пулеметной очереди. Слово какой рок противодействовал их работе. Может, странно-поразительная музыка к фильму как-то влияла на всех и вся? Она там не просто музыка, а состояние, настроение... Ты же знаешь, есть некая производная от музыки и видеоряда, гипнотизирующая людей. Или все же небеса устраивали им испытания?.. А творческим людям так важно чувствовать себя свободными и защищенными!

— Ну как же, чем непонятнее мистическое явление, тем оно убедительней. Ему безоговорочно веришь.

Инна не обиделась на иронию, она отлично разбиралась в нюансах и оттенках Ленинского настроения. И все же сказала:

— А Жанна утверждает, что высшие силы наблюдают за нами, и когда мы отваживаемся на поступки, они помогают нам. Даже в мелочах. Раз она простояла полдня в очереди за какими-то очень нужными вещами, — это было еще до перестройки, — но перед самым ее носом за десять минут до конца работы продавцы захлопнули окошко киоска и принялись заносить в магазин непроданные остатки. Кто из нас не попадал в такие ситуации! И тут перед ее глазами всплыла газетная статья, в которой объяснялось, что продавцы обязаны обслужить всех людей, оказавшихся в магазине на момент закрытия. Почему она в то утро заглянула в газету, которую читал муж? Она, «закрученная» домашними заботами и двумя маленькими детьми уже не помнила, когда читала текущую прессу. Так вот, заскочила она в магазин и потребовала обеспечить себя товаром. Что это было: случайное совпадение или чья-то подсказка?

— Только меня эти высшие силы что-то не замечают или стороной обходят.

— Может, и подсказывают, да ты не реагируешь. Кто верит, тот и получает помощь. Так Жанна считает, — заметила Инна.

— Но была и реальная причина сбоев программы компьютера, — вернулась к больной теме Лена. — В связи с ремонтом подстанции, в нашем районе в течение года чуть ли не дважды в неделю неожиданно отключался свет, но я слишком поздно узнала, что многих «бед» в компьютере можно было избежать, будь у меня источник бесперебойного питания. Да что уж теперь горевать... Надеюсь, ты понимаешь, почему я не привезла свою книгу на наш «слет», и вообще промолчала о ее существовании?

— Да уж как не понять, — вздохнула Инна, искренне сочувствуя подруге. — Послушай, ты мне о своем «несчастном» двухтомнике для взрослых рассказала?

Лена кивнула.

— Верю, что с очередной книгой подобного рода беды тебя не будут преследовать.

— Твои слова да Богу в уши. Только ведь другие препятствия и напасти найдутся. Писать книги — одно дело, а пробивать издание и распространять — совсем другое, неблагодарное.

— Не умеешь ты себя рекламировать.

— Я по характеру — одиночка. Пишу, беседую с читателями, чувствую, как между нами возникает сильная эмоциональная связь. И это всё на что я способна. В этом осознание моей необходимости, в этом мое предназначение. Знаешь, в чем мое счастье? Я никогда

не писала в стол. Правда, иногда не было денег на издание, но это другой вопрос, частный.

— Зря не привезла книгу. Ты в курсе ее недочетов, а мы о них не догадываемся. Напрасно тебя грызет червь сомнения.

— Мне хочется, чтобы уже сегодняшней читатель узнал меня настоящую, услышал, проникся, почувствовал. А если в книге непонятно что...

Желая увести мысли Лены от угнетающей ее темы, Инна спросила:

— Ты знаешь что такое «визит-эффект»? И, не дожидаясь ответа, объяснила: «Это когда мастер только входит в помещение, где стоит испорченный прибор, а он почему-то начинает нормально работать». Как-то мигнул у нас в доме свет и мой компьютер отключился. Я многократно пыталась его оживить — по нулям. На следующий день племянник только нажал кнопку «пуск» и экран засветился. Просто наваждение какое-то! Я пошутила, мол, компьютеру не хватало энергии твоих пальцев, а племянник в тон мне ответил, что я замордовала свой комп, и он захотел отдохнуть от моей заумности.

Но Лена все равно не вышла из ступора. Она попыталась сменить позу. Инна заметила, как по ногам подруги пробежали болезненные судороги. Они показались ей похожими на протестующий крик измученного организма. Инне снова захотелось попробовать отвлечь Лену от режущих душу переживаний, и она сказала:

— Не в последнюю очередь меня интересует проблема редактирования всех твоих книг для взрослых. Эти «крокодилы» не уродовали, не раскурочивали твои предыдущие произведения своими поправками? Может, кто-то их кромсал, изувечивал как молодую липку? Ты только об одном редакторе мне рассказывала. Запомни, нельзя поддаваться давлению и всё переделывать по их меркам.

— У меня были прекрасные редакторы. Если и делали замечания, то толково и по делу. Одного я попросила, чтобы он максимально сократил, ужал мой текст до размеров необходимого, особенно там, где мои действующие лица слишком категоричны в своих высказываниях по поводу современных взаимоотношений в семьях, и там, где они как бы немного выходили за грань общепринятого.

— А попутно он не изъял из текста поэзию жизни? — поторопилась со своим вопросом Инна.

— Я боялась, что некоторые моменты споров моих героев могут выглядеть несколько пошлово. Так он заявил: «Все правильно! Ни строчки не вычеркивайте. Вы умеете странно и неожиданно уплотнять сексуально-эротические моменты. Я убрал кое-что из того, что касалось характеристик вождей. Вы должны меня понять: излишняя критика, как и чрезмерная похвала... не метод. У меня есть надежное жизненное правило: «Хвалу и критику дели на десять». Книга — это тоже трибуна. И ваше мнение, как подпись на документе нашей эпохи, как ее кардиограмма. Но вы можете со мной не согласиться», — пояснил он с подчеркнуто-строгой сухостью журналиста с многолетним стажем. А я ему ответила, что у меня тоже есть поговорка из этой же серии по отношению к себе: «Похвалу дели, а критику умножай на десять». Потому что правду мне говорят только те, которые меня по-настоящему любят.

Потом редактор добавил удивленно и чуть смущенно: «Мне семьдесят четыре года, но я из вашей книги неожиданно узнал для себя много нового». Я растерялась. Что такого нового мог узнать от меня человек, который старше и опытнее? Для меня все, написанное мною, элементарно и прозрачно. Сразу я не решилась задать ему свой вопрос, но нам больше не удалось побеседовать. Он, окончив работу над моей книгой, сменил место жительства, к внучке отбыл, никому не оставив адреса.

— Молодых читателей ты тем более найдешь, чем удивить.

— Если внимательно будут читать мои книги, — подтвердила Лена. — А второй редактор хорошенько «почистил» затянутые места, размашистые разглагольствования

и покритиковал структуру некоторых рассказов. Он технично владеет словом и формой. Я благодарна своим редакторам.

— Не обманываешься на их счет? Может, ты просто до сих пор не освоилась со своим положением писателя и, боясь затеряться среди многих, слишком доверяешь им? — В воздухе повисла недосказанность. — Они для тебя, как взыскательный камертон?

— Как чувствительный, — уточнила Лена.

— Медали им за это.

— Прекрати! — свистящим шепотом потребовала Лена и с выражением крайнего разочарования на лице отвернулась от подруги.

— Я прониклась отвращением к себе. Я прощена? — пробурчала та покаянно. Насмешливая ухмылка сползла с ее губ. Но она тут же голосом изобразила обидчивое недоумение. (Инна всегда остается Инной.)

Немного погодя она грустно пробормотала:

— Эту ночь я ощутила растянутой на две недели.

— А мне она показалась вечностью. И дольше века длилась ночь, — перефразировала Лена Айтматова. — А жизнь промелькнула...

— Много в человеке связано с силой духа и с его настроем. Если я зимой промочу ноги, будучи в приподнятом или просто в хорошем настроении, то никогда не заболēju. Но стоит мне «посетить» лужу расстроенной — болячка минимум на неделю мне обеспечена. Факт!

Моя соседка страдала экземой. Чем только она ни лечилась — ничто не помогало. Лет двадцать мучилась. А как-то дала себе установку: «Плеть мне на похождения мужа! Сколько мне жить осталась с моими-то болезнями? Не хочу я эти последние годы потратить на слезы». Ее муж, как хвост собачий по чужим сеновалам мотался. Так вот, через несколько месяцев у нее и следа не осталось от болячек. Она горевала только о том, что раньше не пришла к такому решению. Может быть, до сих пор была здорова. А то ведь и онкология, и язва, и многое другое, что укорачивает жизнь.

— Ты, как всегда права, — согласилась Лена.

— Лена, как же вышло, что ты все таки снова села писать? — не сдержала любопытства Инна.

— Я подумала: «Когда я в связи с онкологией надолго выпала из жизни, причина была уважительная. Зачем же теперь я теряю драгоценное время на бесполезные переживания? Сколько его у меня осталось? До болезни я не знала себя такой... слабой. Один умный человек сказал, что мы не должны надолго застревать там, где мы временщики. И я решила пересилить себя, избавиться от новой напасти, иначе потом буду казнить, но не прощу себе безделья».

— Вообразила, что мир не обойдется без тебя, занялась самобичеванием и за волосы вытащила себя из депрессии? И как только хватило внутренних ресурсов победить эту противную хворь?.. Любог человек соткан из пороков, заблуждений, слабостей и сильных сторон. А вот что в нем пересилит, если столько бед его подстерегает?..

— Это у тебя всегда энергии через край и ты все время в процессе, — устало сказала Лена, — а я не сразу, потихоньку стала настраиваться, а потом в один день решила. Видно, и у судьбы был тот же замысел. Примерно через полгода я уже чувствовала, что без своего хобби не смогу жить и свободно дышать. Без творчества это не жизнь, прозябание. И меня стала изводить уже другого рода депрессия, требующая незамедлительно браться за новый текст. И тут же начала возникать положительная обратная связь: работа способствовала укреплению памяти. Депрессия у меня в основном от неудовлетворенности собой: мало сделала, на быт потратилась и прочее. Разбег есть, хватило бы сил достойно добраться до финиша.

— Побывав в шаге от смерти, ты поняла, что не стоит растрчивать себя на мелочи. Писательство не может быть хобби, между делом им нельзя заниматься. Конечно, соблазн был велик, но... не получалось. Ему надо отдавать всю жизнь без остатка. Если полностью погружаешься в этот процесс, надолго прерываться невозможно. Правда же? Каждый наполненный день приближает к истине или к счастью?

Ничего, Ленек, полгода — не срок. Годы прошли, пока ты смогла после больницы восстановить способность к творчеству.

В ответ Лена только грустно улыбнулась.

— Не хандри, не гневи Бога. У тебя всё хорошо в семье, есть интересная работа, есть прекрасная отдушина — писательство. И всего этого ты добилась сама. Чего еще можно желать? Только здоровья. А природа, музыка... Да просто сама жизнь... Ленка, ты счастливейший человек!

Инна порывисто обняла подругу. А спустя минуту, Лена прошептала:

— Ты все про меня, да про меня... Но я чувствую, что ты хочешь поделиться со мной чем-то особенным, очень важным.

— С некоторых пор я пишу картины-настроения.

— Какое счастье! Я всегда знала, что твоя богатая душа ищет способа выразить себя. Я никогда не сомневалась в том, что ты талантливая! Почему раньше молчала?

— Как и ты, я хотела признания специалистов. Для тебя. Мне же важен только сам процесс и эмоциональная разрядка. Теперь картины — мои аккумуляторы, моя любовь и жизненная сила.

— Боже мой! С ума схожу от нетерпения их увидеть! Буду жить ожиданием нашей скорейшей встречи в твоём логове!

— На моей выставке. Послезавтра. — Лицо Инны лучилось открытой радостью.

Лена так крепко прижала к себе подругу, что той показалось, будто она почувствовала хруст своих плечевых суставов. А может и Лениных.

— Какое горячее, дружеское объятие! — как всегда шутливо-иронично отреагировала на Ленины эмоции Инна. Но в ее глазах блеснули счастливые, благодарные слезы.

Последовала короткая пауза. Лена, очнувшись от приятного потрясения, широко улыбнулась и произнесла тихо, но восторженно:

— Мы обе нашли себя. Жизнь прекрасна! И это не обсуждается!

— Жизнь больше удивительна, чем прекрасна, — уточнила Инна, припомнив студенческую поговорку.

Это была ее уверенная точка зрения. Лена не стала с ней спорить. В комнате воцарилась тишина, до предела насыщенная счастьем.

Лена с наслаждением закрыла глаза, пытаясь в красках представить себе сюжеты картин подруги. «Ветер на косе»? «Птицы, застигнутые бурей»? «Закат в предчувствии...»? — перебирала она предполагаемые варианты. — А может, вовсе что-то неожиданное, светлое, о чем мечталось еще в детстве?..»

2003 г.

Продолжение следует.

Контакты

Уважаемый читатель! Буду Вам благодарна, если Вы поделитесь мыслями о моих книгах на сайте, где скачали эту книгу. Если проблемы, поднятые в моих книгах, созвучны с Вашими переживаниями и взглядами на жизнь, или Вы хотите поделиться эмоциями или историями лично — вот мои контакты:

Вконтакте:

Сотовый:

Skype:

email:

Сайт:

Пишите, звоните. Буду рада общению!

Отзыв: Творчество

После нескольких лет творческого труда детский писатель Лариса Шевченко в начале 2014 года выпустила в свет заслуживающее серьезного внимания читателей произведение для взрослых — двухтомник «Вкус жизни». За ними последовали «Реквием», «Ее величество» и «Любовь моя»

Книга «Любовь моя» о писательском труде, о роли вдохновения, о трудностях, возникающих на пути писателя. Она о радости творчества. У Л. Я. Шевченко проблемы писателей преподнесены с приличной долей иронии. К месту в книге и интересные мимолетные наблюдения, и краткие хрупкие фразы, и длинные, подчас интригующие размышления. Она — писатель, который в состоянии почувствовать и выразить полутона, тончайшие малоосознаваемые моменты ощущений своих героев. Вот поэтому обманчивая простота сюжетов ее рассказов оборачивается бездонной глубиной чувств. О жизни она пишет то с болью, то светло, с оптимизмом, но главное искренно, ярко и эмоционально. Не замечено за нею «перекоса в сторону умильности и благодушия», «не ранит она свою совесть ни ложью, ни пустыми выдумками, не сглаживает острые углы». Она — камертон реальности. Может, что-то слишком жесткое и не договаривает, умалчивает, но это уж ее принцип: писать без «чернухи».

Поддерживая в произведении атмосферу воспоминаний, Лариса Яковлевна перемежает ее размышлениями о природе, о чувствах своих героев, вводит рассуждения, подчеркивающие их эрудицию в отдельных областях науки и искусства. И это придает мобильность и пластичность, достаточно статичному, по определению, сюжету. Ведь действие в книге происходит в одной квартире и в течение одной ночи. Свой вклад в своеобразие средств выражения вносит и неожиданный метод преподнесения материала. Произведение полностью построено на диалогах персонажей. Писатель считает, что применение нетрадиционных приемов имеет своей целью приближение к истине, стремление найти наиболее проникающее в душу читателя живое выражение сути, при котором описание судеб простых людей разрастается во что-то более масштабное, глубинное.

Почему Л. Шевченко пишет о простых людях, ведь престижнее посвятить себя великим? Потому что она любит людей, болеет за них всей душой. Она согласна со знаменитым режиссером Абдрашитовым, который как-то сказал: «И вдруг выяснилось в шестидесятые годы, что частная жизнь человека не менее интересна, чем общественная».

О чем книги Л. Шевченко? Они о преданности, о долге, о разных взглядах на счастье, об уважении и достоинстве. В каждом событии, в каждом факте из жизни своих персонажей автор находит внутреннюю драматургию. В ее книгах раздумья о смысле и диалектике отнюдь не идеальных отношений между людьми, искания и брожение духа у представителей старшего поколения, призывающих молодежь не созерцать отстраненно, не отворачиваться от происходящего в обществе и в семьях, а смело идти вперед.

Автора волнуют вопросы предельно возможного компромисса человека с самим собой и с окружающими. Как научиться жить, не поступаясь своей сутью, не теряя себя? Как выстоять? Как распорядиться своей свободой? Что есть патриотизм? Она обращается к глубинам человеческих чувств. Всё в спорах героев Л. Шевченко подлинно, темпераментно, поражает своей неумолимой наглядностью и обжигающей достоверностью, потому что автору близки строки ее любимого поэта Лермонтова: «Есть чувство правды в сердце человека». Разноречивые, порой диаметрально противоположные суждения высказывают ее персонажи и о недавнем прошлом своей страны, и о настоящем. Обсуждают они и художественные произведения современных авторов. Одни мнения безоговорочно принимаются ими, другие — также безоговорочно отвергаются. Но в одном герои единодушны — свою жизнь они прожили не зря: работали честно, детей вырастили прекрасных.

Кажущаяся бесхитростная манера бесед женщин обманчива. Даже излишняя наивность диалогов бывших детдомовцев в узком, камерном кругу перебивается неожиданным выходом в философские проблемы. За каждой их фразой масса скрытых смыслов и бездонное пространство для импровизации и осмысления читателями собственных проблем. Рассуждения персонажей, казалось бы, касаются судеб отдельных людей,

но странным образом затрагивают всё поколение.

Все произведения Ларисы Яковлевны — путешествие к себе, к своим берегам, к своей душе. Купаясь в обилии материала, автор безупречно-искренне плетет судьбы своих героев, но не тонет в подробностях, не уходит от главной темы — заботы о духовном развитии молодого поколения, о формировании его моральных и культурных ценностей. Поэтому произведения не теряют целостности. Персонажи Л. Шевченко эрудированны, эмоциональны, интересны. И с объектами своей критики они не особенно церемонятся, но во всех их откровениях присутствует мощный заряд иронии. Говорят они на хорошем литературном языке. Очевидно, сказывается образование, многолетняя педагогическая работа в вузах, школах и любовь к чтению, которую они пронесли через всю свою жизнь.

Лариса Яковлевна пишет свои произведения сердцем, отсюда грустно-лирическая интонация и неповторимое обаяние ее прозы. И все это потому, что у автора хорошая земная основа. И книга «Любовь моя», безусловно, непростая и, конечно же, неоднозначная. Задача писателя состоит в том, чтобы просто выразить значительное, погрузить читающего в сопереживание, помочь заглянуть в себя, заставить задуматься над причинами неудач в своей жизни. И пытливый читатель найдет для себя в ее произведениях и то, и другое, и третье.

Лариса Яковлевна Шевченко продолжает традиции писателей конца двадцатого столетия. И это прежде всего выражается в сохранении основ прекрасного русского языка и в стремлении к жизненной правде.

Читатели, утопая в потоке фантастики и детективов, изголодались по произведениям, типа «Вкус жизни», «Ее величество», «Любовь моя», «Реквием», они заждались их. Темы семьи и воспитания детей, религии и веры, доброты и порядочности будут актуальны столько, сколько люди будут жить на Земле, а их яркие эмоциональные воплощения (хотя бы частично, выборочно) будут сохраняться в их памяти до тех пор, пока человек будет оставаться Человеком.

Директор МУ «ЦБС» г. Липецка В. В. Якимович

Отзыв: Предназначение

Сокурсницы встретились через сорок лет после окончания вуза. Все перемешалось в их воспоминаниях: прошлое — настоящее, детство — юность — не всегда счастливая молодость, перестройка в зрелые годы. Перестройка в книге является фоном, чтобы обозначить время, в котором происходят события, описанные в произведении «Любовь моя». Лариса Яковлевна Шевченко не ставит целью точно и подробно воспроизвести дух социалистической эпохи, вывернуть наизнанку нутро перестроечного времени — конец двадцатого века, чтобы добраться до сути их противоречивости и неустойчивости. Этим уже занимались многие писатели. Фон связывает судьбы героинь, а также скрепляет и выравнивает извилистую сюжетную линию произведения. Героини Ларисы Шевченко не чувствуют себя способными размахивать политическими лозунгами, а видят свое предназначение в том, чтобы сохранять от эрозии или даже от уничтожения лучшее, что было в их прошлом: культуру и нравственность, и такие качества характеров в людях как чувство ответственности, трудолюбие, доброжелательность.

Лариса Яковлевна посредством воспоминаний поднимает в своей книге вечные вопросы, которые каждое поколение стремится разрешить в условиях своей эпохи еще и потому, что важность их многократно возрастает и резко обостряется в период ломки или смены общественно-экономических формаций. Произведение «Любовь моя» прежде всего о писательском творчестве, оно про обсуждение этой темы на бытовом уровне людьми, по профессии далекими от литературы, но искренне ее любящими.

От своего произведения Л. Я. Шевченко требует подлинности, некоторой раскованности и концентрации эмоций; она считает, что не следует отворачиваться от реальности и приукрашивать ее. Как сказал известный художник Верещагин: «Либо правду писать, либо совсем не писать». Но при всем при том автор не забывает, что искусство иллюзорно, условно, что художник должен уметь воспарять над реальностью, привнося в нее элементы иррационального. Этот симбиоз достигается внесением несуществующих персонажей, образностью, эстетической насыщенностью языка, основательностью, наполненностью, глубиной и четкостью высказываний автора по основополагающим вопросам бытия.

Повествование в книге ведется с напряженной психологической прямолинейностью, но человечно, трогательно, с сочувствием к своим не очень удачливым героям. А достоверность, неприкрытая наглядность жизненных фактов, точность наблюдений усиливают стремление автора подходить к ним критически, с иронией, потому что в жизни рядом с трагедией всегда соседствует комедия.

Лариса Яковлевна в своей книге касается только малой толики неохватных проблем взаимоотношений в творческом коллективе. Серьезная мотивация, изощренная тщательность, с которой она препарировала характеры своих героев, оттенки их эмоциональных состояний, а также подробная детализация событий не заслоняют главного в произведении, не мешают объективности и возможности рассматривать их не как частные случаи. Искренность и отсутствие фальши — вот что важно в изображении действующих лиц этой книги. Чувствуется, что автор пишет свои книги, подчиняясь необходимости своего предназначения. В них ее собственная душевная ясность и чистота. Творчество Л. Я. Шевченко, можно сказать, «естественно, как естественна только сама живая природа», и несет ощутимый нравственный заряд.

Произведение Ларисы Яковлевны эмоционально и лирично. Каждую фразу в нем хочется осмыслить и запомнить. Иногда кажется, что какое-то событие из жизни очередного героя застрекает на одной долгой грустной ноте. Но позже осознаешь, что именно оно привлекает и затягивает, заставляет переживать и сочувствовать.

В пользу автора также говорит глубоко коренящаяся в ее мышлении убежденность и вера в победу добра, порядочности и справедливости. Перефразируя слова из известного фильма можно сказать, что ее лозунг: «Зачем нужна дорога, если она не ведет к надежде?» Предвижу возражения: «Некоторые моменты в книге волнуют, но мало радуют». А много ли радости читатели получают, погружаясь в произведения Некрасова, Лермонтова, Достоевского? Главное — любить людей и не терять оптимизма. А этих качеств у персонажей Л. Шевченко предостаточно.

Существуют разные произведения: есть те, что для отдыха, а есть такие, которые

необходимы для постижения и развития собственного духовного пространства. Последние, конечно в зависимости от их уровня, по мнению специалистов, и являются ядром, солью художественной литературы. А о значимости книг Л. Шевченко, об их влиянии на души людей судить читателям.

Заслуженный работник культуры

Российской Федерации Г. С. Гурьева

Обложка

Литературно-художественное издание

Лариса Яковлевна ШЕВЧЕНКО

Воспоминания

ЛЮБОВЬ МОЯ

Книга шестая

Подруги встретились через сорок лет после окончания вуза. Их разговор сам собой коснулся писательского творчества.

В авторской редакции.

Дизайн обложки — И. Л. Чемякина

Картина на обложке — В. И. Леликов

Портрет автора на обложке (2010 г.) фотомастера высшего класса РСФСР А. И. Климова.

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в ООО «Липецкий полиграфический центр»,

г. Липецк, ул. Фурманова, 59 в, Тел. (4742) 28-71-13

Подписано в печать 2019 г.

Тираж 1000 экз.

ББК 84 (2Рос - Рус) 6

Ш 37

ISBN 978-5-9904723-0-3

© Л.Я. Шевченко, 2019

Об авторе

Родилась Лариса Яковлевна Шевченко 14 марта 1945 года. Она взяла всё лучшее от своих воспитателей, школьных учителей, а затем ученых и педагогов МГУ, ВГУ и НИФХИ. Взяла, чтобы на протяжении десятилетий отдавать знания, житейский инравственно-духовный опыт будущим учителям – студентам ЛГПУ. В 2004г. Л.Я. Шевченко была награждена медалью-знаком за заслуги перед Липецким государственным педагогическим университетом и Почетной грамотой Липецкого областного Совета депутатов. Грустное детство, голодное, но веселое студенчество, трудная, но счастливая молодость, – такой емкой триадой определила Лариса Яковлевна сущность формирования своей личности, глубинные ее родники.

В 1999 году увидела свет ее первая книга для школьников «В барбарисовых джунглях», а затем одна за другой пришли к читателям ее «Уроки на скамейках», «Проталины», «Пробуждение», «Лестница надежд» и двухтомник «Надежда».

В 2014 году Лариса Яковлевна представила на суд читателей заслуживающее серьезного внимания произведение для взрослых – двухтомник «Вкус жизни». За ним последовали «Реквием», «Любовь моя», «Ее величество», «Дневник замужней женщины», «Тина».

В произведениях Л. Шевченко мы ощущаем прежде всего любовь к людям. Ее книги утверждают добро как одну из главных ценностей жизни – и детской, и взрослой. Лариса Яковлевна – член Союза писателей России, чье взыскующее слово востребовано не только юными читателями. Она лауреат первой премии областного конкурса «Достижения в области культуры и искусства» (2006г.); литературных премий имени И.А. Бунина (2011г.) и премии имени Е.И. Замятина (2013г.); лауреат премии «Золотое перо Московии» (Москва, 2015г.), лауреат премии имени Алексея Липецкого (2019г.). Награждена медалью Ивана Бунина за мастерство и преданность творческим традициям классической литературы (Москва, 2015г.).

Л.Я. Шевченко – действительный член Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург, 2015г.).

Борис Шальнев,

член Союза писателей России,

заслуженный работник культуры Р.Ф.,

лауреат литературных премий имени И.А. Бунина